
ZORA

113

Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga
Деминутивы в славянских языках: форма и роль
Diminutives in Slavic Languages: Form and Role

ZORA

113

Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga
Деминутивы в славянских языках: форма и роль
Diminutives in Slavic Languages: Form and Role

Mednarodna knjižna zbirka ZORA

Uredniki zbirke

Jožica Čeh Steger, Univerza v Mariboru, SLO

Marko Jesenšek, Univerza v Mariboru, SLO

Bernard Rajh, Univerza v Mariboru, SLO

Marc L. Greenberg, University of Kansas, USA

Alenka Jensterle Doležal, Univerzita Karlova v Praze, CZ

István Lukács, Eötvös Loránd Tudományegyetem, Budapest, H

Emil Tokarz, Akademia Techniczno-Humanistyczna, Bielsko-Biała, PL

ZORA

113

**Manjšalnice v slovanskih
jezikih: oblika in vloga**

~

**Деминутивы в славянских
языках: форма и роль**

~

**Diminutives in Slavic
Languages: Form and Role**

Uredila/Editor

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK

Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha

2015

ZORA

113

Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga
Деминутивы в славянских языках: форма и роль
Diminutives in Slavic Languages: Form and Role

Izdala in založila

Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in
književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru

Za založbo

Marko Jesenšek

Recenzenti

Red. prof. dr. Kristina Waszakowa

Dr. Peter Weiss

Dr. Milka Enčeva

Slika na naslovnici

Dušan Fišer, *Vmesni prostor II* (izrez),
akril na platno, 2011 (foto Ivo Vek)

Grafična priprava

Katarina Visočnik

Naklada

200 izvodov

Tisk

Cicero, Begunje

CIP – Kataložni zapis o publikaciji
Univerzitetna knjižnica Maribor

811.16'367.622.22

STRAMLJIČ Breznik, Irena

Manjšalnice v slovanskih jezikih : oblika in vloga
= Deminutivy v slavjanskih jazykah : forma i rol' =
Diminutives in Slavic Languages : Form and Role / uredila,
editor Irena Stramljič Breznik. – V Mariboru : Mednarodna
založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti,
Filozofska fakulteta, 2015. – (Knjižna zbirka Zora ; 113)

ISBN 978-961-6930-34-5

1. Vzp. stv. nasl.

COBISS.SI-ID 85490945

Vsebina / Оглавление / Contents

- 11 Spremlna beseda
18 К 80-летию профессора Игоря Степановича Улуханова

7.
**MNOGOOBRAZNOST, POLIFUNKCIJSKOST
IN PROTISTAVNI VIDIK MANJŠALNIC
V SLOVANSKIH JEZIKIH**

ЦВЕТАНКА АВРАМОВА

- 23 Категорията деминутивност и nomina diminutiva в съвременния български книжовен език (в контекста на славянското словообразуване)

ЛИДИЈА АРИЗАНКОВСКА

- 37 Деминутивите во македонскиот јазик и нивната функција

ЮЛИЈА БАЛТОВА

- 50 Към въпроса за „деминутивните“ съществителни и тяхното отразяване в лексикографията

IVANA BOZDĚCHOVÁ

- 61 K potenciálu tvoření deminutiv v současné češtině (na materiálu běžné mluvy mládeže)

БОЖО Б. ЋОРИЋ

- 74 О даљој деминуцији у српском језику

-
- РАЙНА ДРАГИЧЕВИЧ**
88 Недеминутивные значения деминутивов
- ОЛЬГА П. ЕРМАКОВА**
102 Наречные деминутивы как антиинтенсификаторы в русском языке
- ЗИНАИДА А. ХАРИТОНЧИК**
111 Количественные характеристики в системе словообразовательных значений современного русского языка
- NICOL JANOŠKOVÁ**
122 Slovesné deminutíva v slovenčine
- ЄВГЕНІЯ А. КАРПІЛОВСЬКА**
137 Словотворення на тлі інших способів позначення демінутивності в українській мові
- ЛАРИСА КИСЛЮК**
148 Прагматичний потенціал демінутивів у публіцистичних та художніх текстах
- KRYSTYNA KLESZCZOWA**
159 Neutralizacja deminutywności w polskich derywatach
- НІНА Ф. КЛИМЕНКО**
170 Демінутивність в ад'єктивах української, російської та новогрецької мов
- ELENA KORIAKOWCEWA**
184 Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских nomina abstracta с интернациональными аффиксами
- АЛЯКСАНДР ЛУКАШАНЕЦ**
197 Асабовыя імёны-дэмінітывы ў сучаснай беларускай мове: сістэма і функцыянаванне

-
- ЕЛЕНА ЛУКАШАНЕЦ**
210 Диминутивы в русских социолектах
- СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ, ТАТЬЯНА ЧЕЛБАЕВА**
221 Особенности отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах
- ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ**
233 Параметр «меньше нормы» в парадигме обеспечения речевых действий на материале русского языка
- SONJA NENEZIĆ**
248 Deminutivni pridjevi u *Rečniku srpskohrvatskoga književnog jezika I–VI*
- АЛЕКСЕЙ НИКИТЕВИЧ**
257 Что такое *голоменица* (парадоксы словообразовательного синтеза)?
- ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ, НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА**
268 Русские деминутивы в историческом аспекте
- KRISTIAN NOVAK, BARBARA ŠTEVIN GOLUB**
277 Imeničke umanjence u kajkavskome književnom jeziku
- INGEBORG OHNHEISER**
291 Описание модификационных словообразовательных средств в грамматиках славянских языков (18/19 вв.)
- MAGDALENA PASTUCHOWA**
306 Polskie deminutywa o genezie werbalnej
- АНЈА РОНОЊОЎА**
319 Adjektiwiske diminutiwy w hornjoserbšćinje
- ЛАРИСА РАЦИБУРСКАЯ**
331 Диминутивы в текстах современных российских масс-медиа

ВАСИЛКА РАДЕВА

- 338 Умалителните имена в отношението им към категорията *деминутивност*

SERGUEI SAKHNO

- 353 Славянские уменьшительные суффиксы в диахронии: спорные случаи и словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK

- 363 Glagolske manjšalnice v slovenskem jeziku

AMELA ŠENOVIĆ

- 375 Pragmatički aspekti deminucije u svakodnevnoj komunikaciji (sa osvrtom na tvorbeno obilježja deminutivnih imenica)

BRANKO TOŠOVIĆ

- 386 Кибердеминуция

KATARÍNA VILČEKOVÁ

- 398 Ako sa prekladajú nemecké zdobneniny v slovenskom jazyku?

ВАЛЕНТИНА Н. ВИНОГРАДОВА, Зоя Ю. ПЕТРОВА

- 412 Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях

П.

MNOGOOBRAZNOST, POLIFUNKCIJSKOST IN VIDIKI PREVODNE EKVIVALENCE MANJŠALNIC V SLOVENSKEM JEZIKU

JOŽICA ČEH STEGER

- 429 Manjšalnice kot prvina Cankarjevega jezikovnega stila

MARKO JESENŠEK

- 439 Manjšalnice v *Marijikinem ogručku*

MIHAELA KOLETNIK

450 Samostalniške manjšalnice v prekmurskih narečnih slovarjih

JOŽE LIPNIK

465 Pasti kravice (kravce pasti)

TJAŠA MARKEŽIČ

468 Manjšalnice feminativov v *SSKJ* in korpusu *Gigafida*

TOMAŽ ONIČ, URŠA MARINŠEK

479 Manjšalnice v slovenskih prevodih angleških dram

TEODOR PETRIČ

492 Zur Nähesprachlichkeit von Texten mit substantivischen Diminutiven

KATJA PLEMENITAŠ

507 The Affective Aspect of the Formation of Diminutives in Slovene and English

SIMONA PULKO, MELITA ZEMLJAK JONTES

517 O *Nežiki*, *Gumici*, *pesmici* – ljubkovalno, slabšalno ali kako drugače?

MARKO SNOJ

533 Slovenske ljubkovalnice s pripono *-i*

NADA ŠABEC, BOJAN KAŠUBA

540 Translating English Diminutive Personal Names into Slovene in Fictional Texts

NADA ŠABEC, DEJAN OSTROŠKO

552 Translating Slovene Nominal Diminutives into English in Svetlana Makarovič's Fairytales

POLONCA ŠEK MERTÜK

565 Pojav in (ne)zaznamovanost besed s podatkom *manjšalno* v Slovenskem pravopisu (2003, 2014)

SIMONA ŠTAVBAR

- 575 Diminuierte Substantive in Fachwörterbüchern mit Slowenisch und Deutsch

NATALIJA ULČNIK

- 587 Od *prodajalnice* do *prodajalne* – razvoj ženskospolskih samostalniških izpeljank s pomenom prostora

ALENKA VALH LOPERT

- 598 Manjšalnice v terminološkem gnezdu *Slovarja slovenskega knjižnega jezika*² (SSKJ²)

BRANISLAVA VIČAR

- 612 Pomeni in konteksti rabe manjšalnice *Slovenčki*: ustvarjanje imaginarne neskupnosti

MELITA ZEMLJAK JONTES, DRAGICA HARAMIJA

- 624 Samostalniške manjšalnice v izbranih slovenskih mladinskih literarnih delih

ZINKA ZORKO, MELITA ZEMLJAK JONTES

- 639 Samostalniške manjšalnice v delu Vilka Novaka *Slovar stare knjižne prekmurščine*

Spremna beseda

Pred nami je 16. kolektivna znanstvena monografija Komisije za slovansko besedotvorje, delujoče pod okriljem Mednarodnega slavističnega komiteja (MSK). Kot kaže naslov *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga*, je monografija posvečena ožji besedotvorni kategoriji, tj. manjšalnicam. Manjšalnost je v vseh jezikih opazna besedotvornopomenska kategorija, ki jo v slovanskih jezikih lahko izražamo predvsem morfološko, v neslovanskih jezikih pa večinoma skladijsko. Opazovanje formalnih in funkcijskih aspektov manjšalnic, tipičnih tako za imenske kot glagolsko besedno vrsto, je zaradi njihove morfemske vgrajene konotacije, ki se giblje na osi od čustveno pozitivnega do čustveno negativnega, odprlo veliko raziskovalnih perspektiv, saj je o temi družno razpravljalo 58 avtorjev iz 16 držav: Avstrije, Belorusije, Bolgarije, Bosne, Češke, Črne gore, Francije, Hrvaške, Nemčije, Poljske, Rusije, Slovaške, Slovenije, Srbije in Ukrajine.

Monografija prinaša dva razdelka, znotraj katerih so prispevki razvrščeni po latinični abecedi priimka prvega ali edinega avtorja. Prvi razdelek *I. Mnogo-obraznost, polifunkcijskost in protistavni vidik manjšalnic v slovanskih jezikih* združuje 32 avtorskih ali soavtorskih prispevkov članov Komisije za slovansko besedotvorje pri MSK, ki razpravljajo o manjšalnicah v vzhodno- (beloruščina, ruščina in ukrajiniščina), zahodno- (češčina, gornja lužiška srbščina, poljščina, slovaščina) in južnoslovanskih jezikih (bolgarščina, bosanščina, črnogorščina, hrvaščina, makedonščina, slovenščina in srbščina). V ta sklop je uvrščen še prispevek avtorice s Slovaške, saj se prav tako osredinja na širše slovanski vidik.

Prispevki prvega razdelka se družijo v več opaznejših mikrotematskih usmeritvah.

(1) Manjšalnost kot semantična in besedotvorna kategorija imenskih in nemenskih besednih vrst. Izhodiščni vidik postavlja kvantifikacijo kot pomembno kategorijo v besedotvorju slehernega jezika, saj je šele opis celotnega koncepta kvantifikacije temeljni pogoj za uspešno interpretacijo manjšalnosti (Z. Haritončik), s kognitivne perspektive je tako treba določiti, kaj je prototipna in kaj periferna manjšalnica (M. Pastuchowa), enako je razmejevana manjšalnost v odnosu do sorodnih konceptualnih kategorij v ukrajinskem

---

jeziku (E. Karpilovska). Zato je preohlapna skladenjskopodstavna opredelitev, npr. samostalniških manjšalnic, *majhen x*, saj se zaradi pridruženih semov in konteksta pogosto niha med pravimi manjšalnicami in ljubkovalnicami (C. Avramova), ki jih določa več dejavnikov, kot so subjektivni odnos govorca, socialni status, starost oz. je pri interpretaciji treba upoštevati receptivni in produktivni vidik govorne dejavnosti (I. Miloslavskij). Zato se predlaga razlikovanje absolutnih manjšalnic in t. i. ekspresivov, ki ga ponekod sugerira tudi morfemska specifika in leksikografski kvalifikatorji (J. Baltova), odražajoči dejansko variabilnost manjšalnic v otroškem govoru, v govoru odraslih z otroki ter njihovo raznoliko vlogo v literaturi in narečjih (V. Radeva). Da je narečje lahko pomemben vir za interpretacijo in razumevanje manjšalnic v knjižnem jeziku, lepo ilustrira njuna medsebojna primerjava besednih družin (A. Nikitevič). Razkorak med formo in vsebino, tj. nemanjšalnim pomenom navideznih manjšalnic, ilustrirata dva zanimiva prispevka v poljščini (K. Kleszczowa) in srbsščini (R. Dragičević), ki pojasnujeta, kako lahko prihaja do nevtralizacije prvotnih manjšalnic na časovni in semantični razvojni osi. Nekateri prispevki podrobneje obravnavajo obrazilne značilnosti, stopenjskost in posledično obrazilno omejenost ter vloge manjšalnic le določene besedne vrste, npr. občnoimenskih samostalnikov v srbsščini (B. Ćorić), hrvaški kajkavščini (K. Novak in B. Štebih Golub), makedonščini (L. Arizankovska) in v beloruskih lastnih imenih (A. Lukašanec). Pridevnikom se posveča pozornost v črnogorskem jeziku (S. Nenezić) in gornji lužiški srbsščini (A. Pohončowa), prislovom v ruščini (O. Ermakova) in glagolom v slovaščini (N. Janočkova) ter slovenščini (I. Stramljič Breznik).

(2) Funkcijsko-pragmatičnega vidika manjšalnic se loteva več avtorjev. Manjšalnice kot opazen jezikovni pojav v komunikaciji so bile preverjene in ocenjene tudi na temelju različnih strukturiranih ali priložnostnih korpusov: (a) zasebne in vsakdanje sporazumevalne prakse (I. Bozděchová, A. Šehović); (b) v argoju, kjer se manjšalnice strukturno in funkcijsko opazno razlikujejo od manjšalnic knjižnega jezika (E. Lukašanec); (c) publicističnih in umetnostnih besedil (L. Kisljuk), še posebej je bila izpostavljena posebna in dodatna vloga manjšalnic v literarnih besedilih, kadar so prvine avtorjevega individualnega stila (V. Vinogradova in Z. Petrova); (č) v množičnih medijih (L. Raciburskaja); (d) spletna komunikacija rojeva t. i. kibermanjšalnice z možnostjo vsestranskega besedotvornega in funkcijskega opisa (B. Tošović); (e) zanimiv prispevek (S. Mengel in T. Čelebajeva) pa raziskuje jezikovne interferences na primeru manjšalnic v ruskem jeziku diaspore, živeče v neslovanskih državah, primerjalno v jeziku prve generacije in pri bilingvistih.

(3) Protistavno dimenzijo prinašajo trije prispevki, v katerih so primerjani modificirani pridevniki grškega, ukrajinskega in ruskega jezika (N. Klimen-

---

ko), manjšalnice, tvorjene iz abstraktnih samostalnikov, v ruskem in poljskem jeziku (E. Koriakowcewa) ter primerjane manjšalnice v slovaškem in nemškem jeziku na temelju gradiva vzporednih korpusov obeh jezikov (K. Vilčekova).

(4) Posebni sklop predstavljajo diahrono orientirani prispevki, ki prikazujejo modifikacijsko tvorbo in njena besedotvorna sredstva, kot jih prinašajo slovnice slovanskih jezikov 18. in 19. stoletja (I. Ohnheiser), kategorijo manjšalnosti v ruščini z zgodovinskega vidika (G. Nikolajev in N. Nikolajeva) ter razvojne paralele slovansko-romanskih manjšalnih obrazil (S. Sakhno).

Drugi razdelek *II. Mnogoobraznost, polifunkcijskost in vidiki prevodne ekvivalence manjšalnic v slovenskem jeziku* se je oblikoval kot posledica ustaljene prakse, da lahko urednik Komisijine kolektivne monografije povabi k sodelovanju lingviste z inštitucije, na kateri monografija izide. Tako so bili povabljeni jezikoslovci, literarni zgodovinarji in didaktiki z jezikoslovnih oddelkov Filozofske fakulteta Univerze v Mariboru ter predstojnik Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša v Ljubljani kot vodja slovenskega nacionalnega leksikološkega in leksikografskega središča. Povabilu so se odzvali v velikem številu, in sicer kar 21 avtorjev.

Tematske usmeritve prispevkov tega razdelka soodmevajo in so ponekod vzporedne k posameznim sklopom prvega razdelka, le da je širšeslovanski pogled na vlogo manjšalnic orientiran na ožjeslovenistični vidik.

Sinhrono jezikovno stanje je zajeto v sklopu (1) Manjšalnice v slovenskih slovarjih in rabi, saj se avtorji ukvarjajo z leksikografskim prikazom samostalniških manjšalnic v posodobljeni izdaji slovarja slovenskega knjižnega jezika iz leta 2014, in to glede na zastopanost v terminološkem gnezdu s področja naravoslovnih ved (A. Valh Lopert). Predstavljene so besednovrstno različne manjšalnice v aktualnem slovenskem pravopisnem slovarju glede na kvalifikatorske oznake (P. Šek Mertük). Posebno mesto je posvečeno tudi manjšalnicam t. i. feminativnih tvorjenk v slovarju in korpusih, ki so pogosto jezikovni izraz omalovaževanja in stereotipizacije žensk v sodobni slovenski družbi (T. Markežič). Nasprotno pa pozitivno konotacijo prinašajo tvorjenke s priponskim obrazilom *-i*, ki v slovenščini tvori ljubkovalnice iz osebnih rojstnih in živalskih lastnih imen (M. Snoj).

(2) Dihrono-dialektološki pogled na manjšalnice je zastopan z analizo prvotno nemanjšalnih samostalniških arhaizmov s pomenom 'prodajni prostor', ki se pa danes lahko ponovno remotivirajo v manjšalnice s pomenom 'prikupen, majhen prodajni prostor' (N. Ulčnik). Uslovarjeno dialektološko bogastvo panonske narečne baze so glede na obrazilno in podstavno raznolikost pri kategoriji manjšalnic obravnavale tri avtorice (Z. Zorko in M.

Zemljak Jontes, M. Koletnik), sklop pa zaokrožuje primerjalni pogled na obliko in vlogo manjšalnic v prekmurskem in porabskem publicističnem jeziku (M. Jesenšek).

(3) Literarno- in družbenofunkcijski vidik družijo analize samostalniških manjšalnic v izbranih literarnih besedilih Ivana Cankarja, ki predstavljajo opazno prvino pisateljevega afektivno-emocionalnega stila (J. Čeh Steger), in v izbranih izvirnih slovenskih leposlovnih mladinskih delih v odnosu do glavnega literarnega lika (M. Zemljak Jontes in D. Haramija). Z metodo kritične analize diskurza je predstavljena semantična in funkcijska analiza manjšalnice *Slovenčki* in njeni družbeno-politični konteksti (B. Vičar).

(4) Didaktični pogled na manjšalnice prinašata dva prispevka. Prvi na kratko osvetljuje didaktikov pogled na rabo manjšalnic (J. Lipnik), drugi pa obravnava manjšalnic v šolski praksi, upošteva njihovo umeščenost v učne načrte in obravnavo v učbeniških gradivih (S. Pulko in M. Zemljak Jontes).

Vsebinsko bogat je (5) Protistavni prevodno orientiran vidik slovenskih manjšalnic, saj se v okviru sistemsko-funkcijske jezikoslovne teorije usmerja na primerjalni pregled izražanja afektivnega pomena z manjšalnicami v slovenskem in angleškem jeziku (K. Plemenitaš). S specifičnimi problemi prevajanja slovenskih manjšalnic v angleščino se avtorja (N. Šabec in D. Ostroško) soočata v izbranih pravljicah priznane slovenske književnice Svetlane Makarovič. Pri primerjavi prevodnih ustreznih manjšalnih osebnih imen iz literarnih del C. Dickens, R. Dahla in J. K. Rowling pa je ugotovljena precejšnja nedosledna prevajalska strategija slovenskih prevajalcev, saj nekatera manjšalna osebna imena prevajajo kot polcitatna, druga pa poslovenijo (N. Šabec in B. Kašuba). Tvorbeno različnost angleških in slovenskih manjšalnic tematizira tudi prispevek, ki se ukvarja z njihovo rabo in funkcijo v izbranih angleških dramskih besedilih ter to primerja s prevodnimi rešitvami v obstoječih slovenskih prevodih, ki kažejo pogoste prevodne premike z dodajanjem, izpuščanjem in s pomenskimi ali slogovnimi spremembami (T. Onič in U. Marinšek). Slovensko-nemškemu primerjalnemu vidiku sta namenjena dva prispevka. Prvi v izbranih slovenskih in nemških besedilih preverja predpostavko, da so manjšalnice tipičnejše za govorne položaje, značilne za večjo osebno bližino, in se zato lahko pojavljajo kot indikator določenih besedilnih vrst (T. Petrič). Drugi se ukvarja s samostalniškimi manjšalnicami v slovensko-nemških terminoloških slovarjih in ugotavlja večjo pestrost slovenskih izpeljavnih obrazil, katerih manjše število nemščina nadomešča z zloženkami. Opazna razlika med jezikoma je tudi na področju spola manjšalnic: nemške manjšalnice so srednjega spola, slovenske pa lahko ohranjajo spol podstavnega samostalnika (S. Štavbar).

Monografija *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga* predstavlja rezultate večplastne obravnavane manjšalnosti in manjšalnic kot semantične in besedotvorne kategorije ne samo z jezikoslovnega, ampak tudi literarno-vednega, stilističnega, prevodoslovnega, protistavnega in didaktičnega vidika ter tako s sodobnimi metodološkimi pristopi na ozko zamejeni besedotvorni kategoriji modifikacijskih izpeljank vsestransko osvetljuje tvorbeno bogastvo slovanskih jezikov.

Maribor, 25. december 2015

Irena Stramljič Breznik

Проф. Игорь Степанович Улуханов (prof. Igor Stepanovič Ulukanov)

К 80-летию профессора Игоря Степановича Улуханова

31 мая 2015 года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося российского ученого-лингвиста, доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук Игоря Степановича Улуханова.

Имя профессора И. С. Улуханова широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами. Он автор более 300 научных работ, в том числе восьми монографий, в области русского словообразования, лексикологии, лексикографии, грамматики и истории языка, которые во многом определили современное развитие этих областей русистики.

Несмотря на столь широкий диапазон научных интересов и большой вклад в развитие этих направлений современной науки о русском языке, на протяжении всего многолетнего творческого пути ученого главным приоритетом его научной деятельности является, безусловно, русское словообразование. Именно этой области русского языкознания посвящены его основные труды, оказавшие значительное влияние на развитие русского и славянского словообразования второй половины XX – начала XXI века. Его перу принадлежат такие фундаментальные монографии (многие из них неоднократно переиздавались), как «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания» (1977, 2001, 2004, 2007, 2011), «Единицы словообразовательной системы в русском языке и их лексическая реализация» (1996, 2008), «Славянизмы в русском языке: глаголы с неполногласными приставками» (2004, 2010), «Zur Theorie der russischen Wortbildung» (2004), «Мотивация в словообразовательной системе русского языка» (2005, 2010), «Словообразование. Морфонология. Лексикология» (2012). И. С. Улуханов вместе с В. В. Лопатиным является автором раздела «Словообразование» академической «Русской грамматики» (1980, второе издание – 2005), которая до настоящего времени является наиболее авторитетным справочником по русскому словообразованию и которая оказала большое влияние на синхронное описание словообразовательных систем современных славянских языков. За эту

грамматику в 1982 году, в числе других авторов, И. С. Улуханов удостоен Государственной премии СССР.

Профессор Игорь Степанович Улуханов стоял у истоков Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, которая была создана в 1995 году по его инициативе. Именно благодаря своему заслуженному авторитету выдающегося ученого он стал тем научным стержнем, вокруг которого объединились слависты-дериватологи всех славянских и ряда неславянских стран. Игорь Степанович руководил деятельностью комиссии на протяжении более чем десяти лет, сформировал дружный коллектив коллег-единомышленников, определил основные направления научной деятельности комиссии, что вывело ее в ряд наиболее активных и результативных комиссий при МКС, создал дружескую атмосферу доброжелательности, научной требовательности, исследовательской компетентности и взаимоуважения. Профессор И. С. Улуханов и сегодня остается бесспорным лидером Комиссии по славянскому словообразованию при МКС.

Коллеги и друзья из Комиссии посвящают свою 16-ю коллективную монографию Деминутивы в славянских языках: форма и роль юбиляру, сердечно поздравляют Игоря Степановича с 80-летием и искренне желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейшей плодотворной научной деятельности.

***Александр Лукашанец,**
председатель Комиссии по славянскому словообразованию при МКС*

***Ирена Страмлич Брезник,**
редактор монографии*

1.
*Mnogoobraznost,
polifunkcijskost
in protistavni
vidik manjšalnic
v slovanskih jezikih*

ЦВЕТАНКА АВРАМОВА

СУ „Св. Климент Охридски“, България, София,
avramova.cv@gmail.com

Категорията деминутивност и *nomina diminutiva* в съвременния български книжовен език (в контекста на славянското словообразуване)

Статията изследва някои страни от семантиката на деминутивите в съвременния български книжовен език в контекста на разбирането за деминутивността и *nomina diminutiva* в славянското словообразуване.

The article researches some aspects of diminutives' semantics in the modern Bulgarian literary language in the context of understanding diminutiveness and *nomina diminutiva* in Slavonic word formation.

Ключови думи: деминутивност, деминутиви, семантични маркери, квантитативна умалителност, квалитативна умалителност, експресивност

Key words: diminutiveness, diminutives, semantic markers, quantitative diminutiveness, qualitative diminutiveness, expressivity

0.1 Семантичната категория деминутивност (умалителност)¹ и нейните прояви в словообразуването на съвременния български език не са изследвани в пълнота. Освен студията на М. Димитрова „Умалителните имена в книжовния български език“ (Димитрова 1959) и монографията на Б. Кръстев „Умалителността в българския език“ (Кръстев 1976), отделни аспекти на умалителността се разглеждат в съответните части на граматиките на българския език (Андрейчин 1978; Маслов 1981; Граматика

---

¹ В настоящото изследване термините *деминутивност* и *умалителност*, също *деминутиви*, *умалителни съществителни* и *nomina diminutiva* се употребяват като синоними.

1983²; Стоянов 1984; СБЕ 1998)³ и на някои монографични трудове по българско словообразуване (Радева 1991; 2007), както и в отделни статии. В съпоставителен план умалителните съществителни са изследвани по-пълно в монографията на Н. Длугош „Słowotwórstwo polskich i bułgarskich deminutiwów rzeczownikowych“ (Długosz 2009) и в отделни статии (напр. Bakardžieva 2007).

0.2 В българския език признакът ‘деминутивност’ се приписва на различни части на речта. Най-често обаче деминутивността се свързва със съществителните имена. Вероятно не е случайно, че само при тях признакът ‘деминутивност’ е залегнал в основата на отделна словообразователна категория – *nomina diminutiva*. Затова би трябвало при изследването на деминутивността да се започне именно от съществителните.

Тук се разглеждат накратко само някои страни от семантиката на деминутивите. Въпросите, свързани с формалната структура, отношението между значението и функциите на деминутивите в текста, остават предмет на по-нататъшни изследвания.

0.3 В славянската дериватология *nomina diminutiva* се дефинират по сходен начин. Но при по-внимателно вглеждане се вижда, че има някои различия в детайлите, които обуславят определени нюанси в разбирането на деминутивите и на деминутивността в отделните национални лингвистики.

0.4 Всички автори еднозначно отнасят *nomina diminutiva* към модификационните структури. Посочва се, че деминутивите назовават обекти (в широк смисъл), характеризирани с признака ‘деминутивност’. Този признак обаче се разбира по различен начин и се отнася към различен тип обекти от авторите. В зависимост от това се очертават някои специфики в разбирането на умалителността в българския и другите славянски езици. *Всъщност в славянското езикознание и в частност словообразуване почти не се предлага дефиниция на понятието деминутивност. За това какво се разбира под деминутивност съдим косвено от определенията на nomina diminutiva и на техните градивни елементи – деминутивните суфикси.*

---

² Автор на раздела за образуване на съществителните имена в граматиката е Ст. Стоянов.

³ Тук не се включват граматиките и други изследвания, засягащи проблемите на умалителността от периода до средата на ХХ в. (Изключение прави само граматиката на Л. Андрейчин, чието първо издание е от 1944 г. В това изследване се използва второто издание от 1978 г.) Подробен преглед на литературата от този период прави Б. Кръстев (Кръстев 1976: 5–11; вж. също Димитрова 1959).

1.0 В почти всички съвременни изследвания на българския и на другите славянски езици се обръща внимание на това, че деминутивите могат да изразяват три типа значения: квантитативно (количествено), квалитативно (качествено, оценъчно) и смесено квантитативно-квалитативно (вж. напр. Zima 1958; TŠĎ 1962; Нецименко 1980; Trnková 1991; Furdík 2004: 90 и др.). В българското езикознание обикновено се говори за физическа (обективна) и емоционална (субективна) умалителност, като се изтъква, че най-често деминутивите изразяват „в най-различна степен и двете значения заедно“ (Кръстев 1976: 13; вж. също Димитрова 1959: 268).

1.1 Под влияние на руското и съветското езикознание повечето български автори свързват умалителността с изразяването на оценка, предимно положителна, по-рядко отрицателна. Така например В. Радева разглежда деминутивите (наред с аугментативите) към съществителните за субективна оценка (Радева 1991: 155–156; Радева 2007: 146–147), но посочва, че чрез деминутивите може да се изразява и „размер или степен с признак ‘умалителност’ без допълнителна конотация“ (Радева 2007: 146–147). Л. Андрейчин говори за „умалително-гальовни наставки“ за образуване на съществителни имена (Андрейчин 1978: 100–102); Ю. С. Маслов – за умалително-ласкателни съществителни (Маслов 1981: 87–88); Ст. Стоянов – за умалително-гальовни съществителни (Стоянов 1984: 186) и др. (вж. също Димитрова 1959; Граматика 1983: 67; Стоянов 1984: 187; Васева 1994).

1.2 Както бе посочено, в руското и съветското езикознание умалителността се разглежда „как средство воплощения понятийной категории оценки“, в която се отделят „субкатегории квантитативной, квалитативной, квантитативно-квалитативной оценки“ (Нецименко 1980: 13–14). Посочва се, че в семантиката на лексемите значенията количествена и качествена оценка тясно се преплитат; генетически значението за експресивна оценка е вторично, обусловено от субективното възприятие на обективно измеримите свойства на предметите (Нецименко 1980: 14; по същия начин: Кръстев 1976: 12).

В академичната граматика на руския език (Граматика 1980) деминутивите са включени в раздела „съществителни със субективно-оценъчни значения“. „К субъективно-оценочным относятся следующие значения, выражаемые суффиксальным способом: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное“ (Граматика 1980: 208). От приведения цитат става ясно, че за авторите на граматиката умалителността може да се проявява както отделно, като самостоятелно значение, така и съвместно със значенията ‘гальовност’ и ‘пейоративност’. За съжаление по-нататък се изследва

само формалната страна – суфиксите за образуване на съществителни за субективна оценка, без да се привеждат примери за изразяване на формулираните в началото отделни субективно-оценъчни значения. За целта на настоящото изследване обаче е важно това, че *в руската граматика и в руската лингвистика по принцип умалителността се разглежда в рамките на оценъчността.*

1.3 В полското езикознание деминутивите се включват или в рамките на експресивните названия, или обратното – онези експресивни названия, които по форма са деминутиви, се причисляват към деминутивните названия. Редица полски изследователи разделят деминутивите на същински – такива, които изразяват предимно или само физическа умалителност, и формални деминутиви или квазидеминутиви, изразяващи предимно или само експресивна, емоционална умалителност (Nagórko 2003: 195–196; Długosz 2009: 9–11 и цит. там литература). В други изследвания (напр. Gramatyka 1998) се прави опит за отделяне на деминутивността от експресивността, като се обособяват две самостоятелни словообразователни категории при съществителните имена – *nomina diminutiva* и *nomina expressiva*, без обаче да се определят точни граници между тях. Така към *nazwy deminutywne* се причисляват тези съществителни, които означават малки размери на предмета (най-често съпроводени с положителна емоция), напр. *domek, lampka* (Gramatyka 1998: 391). Същевременно обаче галените названия (хипокористиките) биват еднозначно отнесени към *nazwy ekspresywne*. Посочва се, че на експресивните названия е присъщо и изразяването на отрицателна оценка. Всъщност с термина *nazwy ekspresywne* в граматиката се означават всички названия с *предимно* експресивна *функция*, която може да бъде от различен характер, да изразява различни оценки и емоции (вж. по-подробно Gramatyka 1998: 427).

1.3.1 В своята монография върху полските и българските деминутиви Н. Длугош разделя деминутивите на две групи: същински и формални. Към същинските деминутиви тя причислява дериватите, производни от предметни названия, „чиято главна черта е сигнализирането на умалителност“ (очевидно се има предвид т. нар. физическа умалителност, свързана с размер, големина – заб. моя, Ц. А.), напр. пол. *dom* → *domek*; бълг. *прозорец* → *прозорче*.

Към формалните деминутиви авторката отнася следните групи:

- умалителни, в които между произвеждащата и производната дума остава запазена някаква обща семантична прилика, напр. прилика във формата, функцията, материала и т. н., напр. пол. *młyn* → *młynek*, *guma* → *gumka*; бълг. *мелница* → *мелничка*, *камбана* → *камбанка*, *гума* → *гумичка*;

- умалителни, които внасят значение на единичност или частичност, т. е. които назовават или единичен предмет или понятие, или тяхна част, напр. пол. *słota* → *słotka*, *ogień* → *ognik*; бълг. *слама* → *сламка*, *огън* → *огънче*, *пух* → *пухче*, *баница* → *баничка*;
- емфатични умалителни, които се отнасят към: а) константни по отношение на размера си понятия, напр. пол. *dzień* → *dzionek*, *słońce* → *słonko*; бълг. *слънце* → *слънчице*; б) абстрактни съществителни, напр. пол. *snota* → *spotka*, *idea* → *idejka*; бълг. *амбиция* → *амбицийка*, *дарба* → *дарбица*; в) названия на малки същества, напр. пол. *gęś* → *gęsie*, *prosię* → *prosiątko*, *krawiec* → *krawczyk*; бълг. *прасе* → *прасенце*, *моряк* → *моряче*, *чирак* → *чираче* и др. (Długosz 2009: 13; Длугош 2011: 210).

1.3.1.1 От цитираните примери не става ясно дали формалните деминутиви в разбирането на Длугош изобщо не изразяват умалителност, или наред с другото си значение (другите си значения) изразяват и умалителност. Справката с българските тълковни речници (РБЕ и БТР 1994) показва, че повечето посочени от авторката формални деминутиви от първите две групи в БЕ⁴ (*мелничка*, *камбанка*, *гумичка*; *баничка*) изразяват като първо значение признака ‘умалителност’, срв. *мелничка* 1. ‘умал. от мелница; малка мелница’; *камбанка*¹ ‘умал. от камбана; малка камбана’; *гумичка* 1. ‘умал. от гума’; *баничка* 1. ‘умал. от баница’. Очевидно тези и други подобни съществителни могат да се характеризират като формални деминутиви само във второто си значение (*мелничка* 2 ‘метален уред за мелене...’; *камбанка*¹ 2 ‘малък звънец; звънче’; *гумичка* 2 ‘изрязан от гума пръстен...’; *баничка* 2 ‘вид тестено изделие...’). В своето първо значение те, съгласно определението на Н. Длугош, трябва да се характеризират като същински деминутиви.

Разликите в значенията на подобни многозначни лексеми е причина някои български езиковеди да смятат, че единици като *мелничка* 1, *камбанка*¹ 1, *гумичка* 1, *баничка* 1 и др. под. са умалителни *форми* на произвеждащите думи (в случая: *мелница*, *камбана*, *гума*, *баница*), а *мелничка* 2, *камбанка*¹ 2, *гумичка* 2, *баничка* 2 са умалителни думи „със собствена семантика“ (Зидарова 2004). Въпросът за това дали деминутивите (по-точно т. нар. същински деминутиви) са форми на неумалителните думи или са отделни думи, вече е намерил своя отговор в словообразователните изследвания. Тук по-скоро става въпрос за това как следва да се характеризират от синхронна словообразователна гледна точка многозначните лексеми, чието преносно значение (преносни значения) не изразяват умалителност. Трябва да се има предвид, че често пъти лекси-

⁴ Примерите от полския език няма да бъдат коментирани.

кографската практика е твърде противоречива – едни и същи единици в речниците се представят ту като полисемантични лексеми, ту като отделни омонимни лексеми. Независимо от това как биват отразявани в речниците, единици като *мелничка* ‘метален уред за мелене...’; *камбанка* ‘малък звънец; звънче’ от синхронна гледна точка не изразяват умалителност и не трябва да се характеризират като деминутиви.

1.3.1.2 Могат да бъдат направени и други бележки към класификацията на Н. Длугош. Така например според РБЕ съществителното *огънче*, причислено от авторката към формалните деминутиви, всъщност има само умалително значение, следователно то би трябвало да се отнесе към същинските деминутиви. А от речниковите дефиниции на *пухче* (‘топче от пухкава материя’ – РБЕ) и *сламка* (‘отделен стрък от слама или трева’ – БТР 1994) става ясно, че тези съществителни не изразяват нито умалителност, нито експресивност, затова тяхното определяне като деминутиви, макар и формални, е съмнително.

1.3.1.3 Най-голямо внимание обаче заслужава последната точка (в) на цитираната класификация. Названията на малки същества, които авторката разглежда като формални емфатични деминутиви, в славянското словообразуване – с изключение на българското – се причисляват по принцип към отделна словообразователна категория, наречена *названия на малки (млади) същества*, чеш. *názvy/jména mlád'at* (TŠČ 1962; 1967), слш. *názvy mlád'at* (Furdík 2004: 91), пол. *nazwy istot młodych* (Gramatyka 1998: 429–430). В българската дериватология такава словообразователна категория изобщо не се дефинира; съществителни от посочения тип (*прасенце, моряче, чираче*, също: *варненче, българче* и др.) се определят като деминутиви.

2.0 Има ли основания да се говори за наличие на две словообразователни категории – *названия на малки същества* и *деминутивни названия*?

2.1 В „Příruční mluvnice češtiny“ (PMČ 1995: 123) названията на малки същества се разглеждат от М. Докулил в рамките на моцията (*přechylování*). Още в TŠČ 1962 авторът посочва тясната връзка между двете ономазиологични категории (по-нататък ОК) – *моция* и *млади същества* (TŠČ 1962: 47). Към последната се отнасят „названия на млади индивиди, обикновено животни, рядко хора, означени чрез изходното съществително“ (MČ 1986: 308).

S kategorií přechylování (těsně) souvisí i onomaziologická kategorie mlád'at a vůbec nedospělých, resp. nevyvinutých, neplnohodnotných, dospělým nerovnocenných tvorů,

záležející v tom, že pojem živé bytosti dostane doplňující znak nedospělosti, nezralosti, popř. slabosti, nedostatečnosti.

Напр. význam slova hádě, pojem „hádě“ se rovná pojmu „had“ + doplňující znak nevyvynutosti, ve smyslu pojmu „mládě“, je tedy konjunkcí těchto dvou pojmů, podobně slůně = slon + doplňující znak mládě, ptáče = pták + doplňující znak mládě. (TŠČ 1962: 47–48).

Посочва се, че преобладаващата част от съществителните от категорията *názvy mláďat* назовават малките на животните; малки на човека в ЧЕ назовават ограничен брой лексеми, някои от които редки и остарели, напр. *cikáně, židě* (МČ 1986: 308), *Arabče, Češe, Slováče, doktůrče, lajtnanče, vojáče* и др., като се уточнява, че някои от тях не изразяват значението „дете“, а само умалително или гальовно значение, или пейоративно значение на незрялост, непълноценност (TŠČ 1967: 558).

2.2 Според руската академична граматика „существительные со значением незрелости“ „называют лицо или животное, характеризующееся детскостью, незрелостью“⁵.

Здесь выделяются следующие подтипы. 1) Существительные, мотивированные названиями животных и называющие детенышей: зверёнок, совёнок, ... оленёнок, ... волчонок...; сюда же примыкают дьяволёнок, чертёнок... 2) Существительные, мотивированные названиями лиц и имеющие значение „ребенок – представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом“: турчонок, цыганёнок, ... казачонок, попёнок, ... внучонок (Русская грамматика 1980: 204).

2.3 В полската академична граматика названията на малки същества също се обособяват в отделна словообразователна категория (СК). Внимание заслужава констатацията, че дериватите от тази категория с формант **-ę** се срещат най-често във формата си за мн. ч., напр. *Cyganięta, kocięta, lwięta*, докато единичност се изразява с помощта на „сингулативно-деминутивния“ формант **-ko**, напр. *Cyganiątko, kociątko, lwiątko*, в резултат на което възникват деривационни двойки: *Cyganię : Cyganiątko, tygrysię : tygrysiątko*. „Drugі człоn oprócz informacji о młodości sygnalizuje małość i ekspresywność“ (Gramatyka 1998: 430). Какво точно се разбира под ‘młodość’ и ‘małość’, обаче не се пояснява; за разликата между двете значения може да съдим единствено от приведените примери.

2.4 От всичко, казано дотук, може да се обобщи, че в цитираните изследвания категорията *названия на малки същества* включва съществителни, назоваващи одушевени същества (животни и хора), които се ха-

⁵ Става дума за съществителните със суфикс **-(ч)онок**.

рактеризират с признака ‘полова незрялост’. Названия като чеш. *doktůrče*, *lajtnanče*, *vojáce* и др., изразяващи единствено оценка, отношение, обаче не се вписват в цитираните дефиниции на разглежданата категория. Тези деривати много се доближават до съществителните, производни от роднински названия, като чеш. *matinka*, *tatínek*, *dceruška*, *synáček* и др., които в чешката дериватология се определят като деминутиви, въпреки че те също не изразяват физическа, квантитативна умалителност.

3.0 Има ли основания съществителни като чеш. *doktůrče*, бълг. *докторче* и др. под. да бъдат интерпретирани по различен начин в отделните славянски лингвистики? Вече бе посочено, че във всички словообразователни славистични изследвания, независимо от теоретичните им основи, *nomina diminutiva* се определят като модификационни образувания. Според ономасиологичната теория при модификационните ономасиологични категории (чието деривационно въплъщение са СК) към съдържанието на дадено понятие се придава определен допълнителен знак, с който понятието се модифицира (обогатява) (TŠČ 1962: 46). В полската академична граматика, основаваща се на теорията за предикатно-аргументните структури, модификационните деривати се дефинират по сходен начин: „Модификационните деривати прибавят ново значение (нов предикат) към значението на изходната лексема“ (Gramatyka 1998: 377).

3.1 Както видяхме, при ОК названия на малки същества този предикат (в терминологията на М. Докулил: „знак“⁶) се определя като *полова незрялост* (*znak nedospělosti, nezralosti, popř. slabosti, nedostatečnosti*) (TŠČ 1962: 47). При деминутивната ОК допълнителният „знак“ се определя от М. Докулил като ‘деминутивност’ (пак там, 46).

Tento deminutivní znak je svou povahou složitý: může být jen kvantitativní, záležející v pojetí předmětu jako malého, menšího (relativně), než je obvyklá velikost předmětu toho druhu (srov. stůl → stolek /.../ – nebo jen kvalitativní; v tom případě je vždy emocionální, a to buď meliorativní... (matka → matička, chléb → chlebiček), nebo pejorativní... (děd → dědek, spisovatel → spisovátýlek), – anebo kvantitativní i kvalitativní zároveň (děvče → děvčátko, ruka → ručička, ručinka). /.../ Důležité je, že deminutivně pojatý pojem zůstává vždy uvnitř výchozího pojmu, má pouze zvláštní znak navíc: domek není svou podstatou nic jiného než dům, ovšem nikoli dům veliký, nýbrž malý a většinou také milý, útulný apod. /.../, obecně „dům“ + hodnotící znak (TŠČ 1962: 46–47).

⁶ Авторът използва термина *знак* (*znak*), за да го разграничи от термина *признак* (*příznak*), използван в структурната лингвистика, и от термина *ономасиологичен признак*, който използва в своето изследване (TŠČ 1962: 46 – бел. № 20).

Както се вижда, за разлика от представеното по-горе разбиране на руските и на някои полски изследователи, в разбирането на М. Докулил деминутивността включва в себе си емоционалността и експресивността, но само в рамките на деминутивните по форма съществителни (тези, които съдържат деминутивен суфикс). (Трябва да се има предвид, че експресивни са не само деминутивите, но и аугментативите, както и деривати от други СК.)

3.2 Признакът ‘полова незрялост’, който е в основата на категорията *названия на малки същества*, е тясно свързан с признака ‘възраст’ – полово незрял е индивидът до определена възраст⁷. Следователно признакът ‘малък’ може да се отнася не само до физически параметри като големина, размер, обем, количество, интензивност, но и до възраст. В този смисъл според нас названията на малки същества също би трябвало да се характеризират като деминутиви.

3.3 Въз основа на всичко, казано дотук, смятаме, че към деминутивите трябва да бъдат отнесени само онези деривати, чието словообразователното значение (СЗ) може да се представи с парафразата ‘Х, който е малък’ с някои уточнения по отношение на това *какво се разбира под „Х“ и какво – под „малък“*.

3.3.1 В зависимост от това за каква субстанция става дума, предикатът *малък* може да означава: ‘малък по размер’ (напр. бълг. *столче, ръчичка*); ‘малък по интензивност и/или количество’ (*дъждец, ветрец, снежец*); ‘малък по количество’ (*солчица, хлебец*); ‘малък по значение, важност’ (*теорийка, проблемче; професорче, пенсионерче*); ‘малък на възраст’ (*зайче, козле, козичка; чираче, овчарче*). Много често предикатът *малък* на системно равнище изразява повече от едно значение; кое от тях ще изпъкне на преден план, зависи от контекста⁸. В устната реч за това допринася и интонацията (Кръстев 1976: 55; Маслов 1982: 95).

3.3.2 Така например съществителното *професорче* изразява конотация на пренебрежение, ирония независимо от контекста, докато *приятелче* може да изразява или да не изразява конотация, срв. *приятелче*, отнесено към дете (наред с физическа умалителност, характеризира се с признака ‘± галовност’), и *приятелче*, отнесено към зрял човек (не изразява физическа умалителност, съдържа признаците ‘ирония’ или ‘галовност’). Съществителни като *докторче, агрономче, даскалче* също могат да изразяват или да не изразяват конотация. Когато с тези лексеми се назовава

⁷ За тясната връзка между значенията ‘малък’ и ‘млад’ вж. РБЕ.

⁸ За ролята на контекста при определяне на конкретното значение на деминутивите в БЕ вж. Димитрова 1959; Кръстев 1976: 55; Енчева 1988; Васева 1994.

зрял, възрастен човек, тогава те изразяват конотация на ирония, презрителност и под. Когато се назовава млад човек, могат да бъдат неутрални или да съдържат конотация на гальовност, умилителност.

3.3.3 Не всички деминутиви в БЕ, производни от роднински названия, изразяват само квалитативно значение (умилителност, гальовност и др.) – напр. лексемите *братче, сестриче, сестричка* наред с квалитативното, може да изразяват и умалително значение във физически смисъл.

3.3.4 При съществителни от типа *статийка, вестниче, разказче, пиеска, списанийце* и под. също може да са налице двете значения – деминутивно във физически смисъл (по-малък обем) и квалитативно (по-малък по значимост, важност, т. е. да изразяват качествена оценка на съдържанието), като едното от тях преобладава.

3.3.5 Теоретично названията на храни, напитки, растения като *бобец, хлебец, типерец, солчица, водица, биричка, ракийка, винце* би трябвало да изразяват както квантитативна, така и квалитативна умалителност. Това обаче не важи за всички деминутиви (по-подробно вж. Димитрова 1959; Пантелеева 1976: 122; Павлова 1986; Васева 1994: 34).

3.3.6 Тук не е възможно да бъдат разгледани всички значения на деминутивите. Не може обаче да подминем една група съществителни, назоваващи лица, от типа *българче, арменче, циганче, варненче, европейче*. Описанието на такива деривати в лексикографската практика съществено се разминава с теоретичните изследвания, в които те се определят като *nomina diminutiva*. В тълковните речници на БЕ лексикалното значение на съществителни от този тип (с малки изключения) се представя не със структурната дефиниция (*умал. от* = умалително от), задължително използвана при тълкуването на деминутиви като *столче, ръчичка, даскалче, агрономче* и др. (вж. напр. РБЕ), а с друг тип дефиниции, най-често с дефиницията ‘дете, което е родено или живее в...’ (вж. по-подробно Аврамова 2012); ‘дете от определена народност’ и само при няколко съществителни се използва дефиницията ‘дете на...’. Този факт едва ли е случаен. Той налага едно ново задълбочено изследване, което да установи дали съществителни от типа *българче, варненче* са наистина деминутиви, както традиционно се смята, или са деривати от друг ономасиологичен структурен тип, от друга СК (по този въпрос вж. Аврамова 2012).

4.0 Разнообразните значения, които могат да изразяват деминутивите, създават необходимост от преосмисляне и допълване на парафразата на тяхното СЗ с определени семантични маркери:

за *X*: '± предметност', '± одушевеност', '± персоналност';

за *малък*: quant. (*quantitatem* = количество; количествена, физическа умалителност), qual. (*qualitas* = качество; квалитативна, оценъчна умалителност (= прагматично значение).

4.0.1 Така например СЗ на съществителни като *столче, лампичка, краче, краченце* и под. ще се представи като 'X ('+ предметност', '- одушевеност'), който е малък (quant.//quant.-qual.⁹).

4.0.2 СЗ на съществителни като *статийка, разказче, солчица, хлебец, дъждец* и под. ще се представи като 'X ('+ предметност', '- одушевеност'), който е малък (quant.//qual.//quant.-qual.).

4.0.3 СЗ на съществителни като *теорийка, идейка* и под. може да се представи с парафразата 'X ('- предметност', '- одушевеност'), който е малък (qual.).

4.0.4 СЗ на съществителни като *професорче, пенсионерче* може да се представи с парафразата 'X ('+ предметност', '+ одушевеност', '+ персоналност'), който е малък (qual.).

4.0.5 СЗ на съществителни като *братче, сестриче, човече, женичка, войниче, чираче, овчарче* и под. може да се представи с парафразата 'X ('+ предметност', '+ одушевеност', '+ персоналност'), който е малък (quant.//qual.//quant.-qual.).

4.0.6 СЗ на съществителни като *зайче, зайченце, коте, котенце, козичка, кокошчица* може да се представи с парафразата 'X ('+ предметност', '+ одушевеност', '- персоналност'), който е малък (quant.//qual.//quant.-qual.), и др.

4.1 Посочените значения на деминутивите са обусловени до голяма степен обективно (произтичат от характера на назованата субстанция). Изключение представят някои съществителни, назоваващи храни и напитки. Част от дериватите (напр. *солчица, хлебец, водичка*) могат да изразяват както квантитативна, така и квалитативна умалителност, а други (*биричка, ракийка, винце*) – само квалитативна.

4.2 При съществителни като *слънчице, звездичка, луничка, стотинчица, левче; биричка, кафенце; майчица, татенце, деденце* и под. СЗ не може

⁹ На този етап не може да се отговори със сигурност дали е възможно в един и същ контекст да се изразяват количествено и качествено значение едновременно, или винаги се актуализира едното от тях. Ако се докаже, че не може да има съвместяване на значения, тогава от парафразата на СЗ навсякъде ще отпадне маркерът quant.-qual.

да се представи с парафраза, характеризираща X като ‘малък (qual.)’ или ‘малък (quant.)’, а само като ‘qual.’, тъй като изразява единствено прагматично, оценъчно значение (‘мил’, ‘любим’ и под.). Съществителни, в чиято парафраза не може да се използва маркерът ‘малък’, не могат да се характеризират като деминутиви¹⁰. Дериватите, изразяващи *само* прагматично значение, от своя страна, отнасяме към *nomina expressiva*.

4.3 В определен контекст някои деминутиви от типа, представен в т. 4.0.1, могат да изразяват и само оценъчно значение, срв. напр.: *Я, какво хубаво краче имаш!* (за крак на жена). Тук квалитативното значение е винаги контекстуално и е изразено и по лексикален път (в случая с определението *хубаво*). Вж. също така посочените от Ив. Васева примери: *Това се казва параходче!* (за голям параход), *Бива си я тая машинка!* (за кула-кран) (Васева 1994: 37). Контекстуалната обусловеност на оценъчното значение отличава разглежданите съществителни *краче*, *параходче*, *машинка* от експресивите, чието квалитативно значение е независимо от контекста. Отсъствието на системен характер на оценъчното значение на деминутивите в този случай ни дава основания да говорим за тяхна *употреба* с определена прагматична цел.

5.0 В заключение трябва да подчертаем, че това са предварителни разсъждения, които би трябвало да бъдат проверени чрез анализ на по-обширен материал в бъдещи изследвания.

СЪКРАЩЕНИЯ

БЕ – български език; ОК – ономасиологична категория; СЗ – словообразователно значение; СК – словообразователна категория

ЛИТЕРАТУРА

Цветанка АВРАМОВА, 2012: За названията от типа *варненче*, *европейче* в съвременния български език. *Магията на думите. Езиковедски изследвания в чест на проф. д. ф. н. Лилия Крумова-Цветкова*. Съст. и науч. ред. Диана Благоева, Сия Колковска. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“. 235–241.

¹⁰ По-различно становище заема словашката изследователка Яна Трънкова (Trnková 1991: 93), прието и от други автори (вж. бел. № 72, направена от М. Олощяк във: Furdík 2004: 90, 168).

Любомир АНДРЕЙЧИН, 1978: *Основна българска граматика*. София: Наука и изкуство.

Иванка ВАСЕВА, 1994: Значение и стилистична употреба на умалителните съществителни в съвременния български език. *Съпоставително езикознание* XIX/2, 30–40.

ГРАМАТИКА, 1983: *Грамматика на съвременния български книжовен език. Том 2. Морфология*. София: Издателство на Българската академия на науките.

Милка ДИМИТРОВА, 1959: Умалителните имена в книжовния български език. *Известия на Института за български език* VI, 263–319.

Наталия ДЛУГОШ, 2011: Умалителни съществителни, образувани от една и съща основа с помощта на различни форманти: полско-български сравнителен анализ. *Българският език и литература в славянски и неславянски контекст*. Red. M. Farkas Bartni. Szeged: JATEPress. 209–214.

Николина ЕНЧЕВА, 1988: Към морфологичната характеристика на българските умалителни съществителни. *Език и литература* 6, 12–17.

Ваня ЗИДАРОВА, 2004: Деминутиви и лексикална номинация. *Българистични студии*. София. 114–122. <http://georgesg.info/belb/personal/zidarova/deminutiva_lex.htm>.

Боримир КРЪСТЕВ, 1976: *Умалителността в българския език*. София: Народна просвета.

Ю. С. МАСЛОВ, 1981: *Грамматика болгарского языка*. Москва: Высшая школа.

Г. П. НЕЩИМЕНКО, 1980: *Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка*. Praha: Academia.

Сабина ПАВЛОВА, 1986: За лексикографското представяне на една група умалителни съществителни имена. *Български език* 5, 442–443.

Христина ПАНТЕЛЕЕВА, 1976: Към семантиката на един тип умалителни съществителни в българския език. *Български език* 2, 120–123.

СБЕ, 1998: Т. БОЯДЖИЕВ, Ив. КУЦАРОВ, Й. ПЕНЧЕВ, *Съвременен български език. Фонетика, лексикология, словообразуване, морфология, синтаксис*. София: Издателска къща „П. Берон“.

Стоян СТОЯНОВ, 1984: *Грамматика на българския книжовен език*. София: Наука и изкуство.

Василка РАДЕВА, 1991: *Словообразуването в българския книжовен език*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.

Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите. Структура и значение на производните думи*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.

Ginka BAKARDŽIEVA, 2007: O pastech a pastičkách deminutiv. *Bohemistika* 3, 207–219.

Natalia DŁUGOSZ, 2009: *Słowotwórstwo polskich i bułgarskich deminutiwów rzeczowników*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Alicja NAGÓRKO, 2003: Tendencje w sferze pragmatyczno-stylistycznej. *Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja*. Red. Ingeborg Ohnheiser. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 189–197.

Juraj FURDÍK, 2004: *Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia)*. Red. Martin Ološtiak. Prešov: Náuka.

GRAMATYKA, 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Red. Renata Grzegorzczkova, Roman Laskowski, Henryk Wróbl. Wydanie drugie, zmienione. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

MČ, 1986: *Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Red. Jan Petr. Praha: Academia.

PMČ, 1995: *Příruční mluvnice češtiny*. Red. Petr Karlík, Marek Nekula, Zdenka Rusínová. Brno: Nakladatelství Lidové noviny.

Jana TRNKOVÁ, 1991: O substantívnej deminutívnej derivácii v slovenčine. *Slovenská reč 2*.

TSC, 1962: Miloš DOKULIL, *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.

TSC, 1967: *Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen*. Red. Bohuslav Havránek. Praha: Academia, 1967.

ИЗТОЧНИЦИ

БТР 1994: *Български тълковен речник*. IV изд. София, 1994.

РБЕ: *Речник на българския език*. София, т. 1, 1977 – т. 14, 2012.

SUMMARY

The Diminutiveness Category and Nomina Diminutiva in the Modern Bulgarian Literary Language (in the Context of the Slavonic Word Formation)

The article researches some aspects of diminutives' semantics in the modern Bulgarian literary language in the context of understanding diminutiveness and nomina diminutiva in Slavonic word formation. We explain the opinion where the category nomina diminutiva should include the names of small creatures that in Slavonic languages comprise individual word formation category. Meanwhile we state the reasons behind the need of reconsidering some nouns that are traditionally referred to diminutives. On the grounds of the semantic and contextual analysis we suggest complementing the paraphrase of diminutives' word formation significance ('X that is small') with the assistance of particular semantic markers.

ЛИДИЈА АРИЗАНКОВСКА

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет
„Блаже Конески“ – Скопје, Република Македонија, Скопје,
larizankovska@yahoo.com

Деминутивите во македонскиот јазик и нивната функција

Целта на овој прилог е да го претстави зборообразувачкиот потенцијал на македонскиот јазик во однос на образувањето деминутиви, како и нивната мотивираност, како од семантички така и од прагматички аспект, разгледувајќи ги притоа деминутивите во однос на нивната употреба по одделни стилови и со дадена функција.

The goal of this article is to show the word-formation potential of the Macedonian language in terms of diminutives formations, and also their motivations, as from semantically and also from pragmatically aspect, while reviewing the diminutives in relative with their function in separate styles and their functions.

Клучни зборови: деминутиви, модификациони деривати, суфиксација, семантички и прагматички аспект, форма и функција

Key words: diminutive, modification derivatives, suffixation, semantically and pragmatically aspect, form and function.

1 Поаѓајќи од тоа какви промени се извршени и според тоа какви постапки или средства се користат при образувањето на еден збор од друг, во македонската наука за јазикот (в. Конески К. 1995:11) се издвојуваат четири начини на зборообразување: лексичко-семантички, лексичко-синтаксички, морфолошко-синтаксички и морфолошки (афиксен) начин.

Како еден од најпродуктивните начини за создавање нови зборови во македонскиот јазик е морфолошкиот начин на зборообразување. Кај овој начин се изделуваат: префиксното, суфиксното, префиксно-суфиксното зборообразување, образувањето на сложени зборови и образувањето на скратеници.

1.1 Деминутивите во македонскиот јазик како дел од дериватите со субјективна оценка се добиваат најчесто по пат на суфиксација, па затоа

во случајов ќе се задржиме на тој начин на зборообразување. Потребно е да се истакне дека при процесот на создавање нови зборови (дери-вати, односно мотивирани зборови) од дадена мотивирачка лексема се случуваат граматичко-семантички промени (премин на дериватот во друга зборовна група, различна од онаа на мотивирачкиот збор, потоа дериватот означува семантички нов десигнат или го означува истиот десигнат од појдовниот збор, изразување, односно неизразување на од-носот определувач-определуван помеѓу основата и формантот) на мо-тивираниот во однос на мотивирачкиот збор. Тие промени се всушност основа за класификација на дериватите на: транспозициони, мутациони и модификациони.

1.2 Лексемите кои се предмет на нашето истражување се модификацио-ни деривати поради следниве граматичко-семантички промени:

- Дериватот останува во истата зборовна група како и мотивирачкиот збор: *маса* (именка) > *масичка* (именка);
- Дериватот не означува нов десигнат, различен од оној на мотиви-рачкиот збор, туку дава информација за некоја особина на истиот десигнат именуван со појдовната единица: *камен* > *камче* ‘мал камен’;
- Формантот има семантичко-качествена функција и е определувач во структурата на дериватот: *женичка* – основата го именува десиг-натот (*жена*), а формантот *-ичка* е определувач, определува каков е десигнатот, во случајов станува збор за ‘мала, ситна’, може и: ‘мила, добра жена’.

1.3 Модификациони категории во македонскиот стандарден јазик се:

- називите на женски лица и животни;
- деминутивно-хипокористичните називи и
- аугментативно-пејоративните називи.

1.4 Во однос на деминутивно-хипокористичните образувања во маке-донскиот јазик ќе ги споменеме суфиксите: *-ец* (*ветрец*, *снежец*), *-ок* (*листок*, *прсток*), *-чок* (*ветерчок*), *-ка* (*рипка*, *лопатка*), *-ица* (*води-ца*, *теткица*), *-ца* (*солца*), *-ичка* (*сликичка*, *водичка*), *-е* (*прсте*, *носе*), *-че* (*вовче*, *изворче*), *-це* (*крилце*, *мевце*), *-енце* (*детенце*, *писменце*), *-ле* (*мажле*, *козле*), *-уле* (*детуле*, *кафуле*). Со нив се изразува мала димензија на предметот именуван со основата или носат експресивно, чувствено значење, односно се изразува позитивен однос на говорителот кон име-нуваниот предмет, в. подолу. (Конески К. 1995: 67–70)

Изделувањето на чисто деминутивни, односно чисто хипокористични форманти е практично невозможно; може само да се констатира дека едни од нив предимно се реализираат во деминутивно значење, други во хипокористично, но строга специјализација нема. Кое од овие две значења се реализира или дали тие едновременно се реализираат нејчесто се открива од контекстот. (Конески К. 1995: 68)

1.4.1 Деминутивно-хипокористични деривати образувани со суфиксите:

- **-ец**. Со овој суфикс се образуваат деминутивно-хипокористични називи од именки од машки род: *народец* (< *народ*), *листец* (< *лист*), *ветрец* (< *ветер*), *снежец* (< *снег*).
- **-ок, -чок**. Во македонскиот јазик постојат мал број деривати образувани со овој суфикс, најчесто се појавуваат паралелни деминутивни образувања со друг суфикс: *листок* – *листец* (< *лист*), *браток* – *братец* (< *брат*), *огинок* – *оганче* (< *оган*), *прсток* – *прсте* (< *прст*).
- **-ка**. Дериватите со овој суфикс се образуваат од именки од женски род: *рипка* (< *риба*), *кошулка* (< *кошула*), *лопатка* (< *лопата*).
- **-ица, -ца**. Со суфиксот -ица се образуваат деминутивно-хипокористични деривати, исто така, од именки од женски род: *теткица* (< *тетка*), *мамица* (< *мама*), *женица* (< *жена*). Исто така: *солца* (< *сол*), *пиперца* (< *пипер*), *маца* (< *мачка*), *меца* (< *мечка*) со хипокористично значење.
- **-ичка**. Овој суфикс е добиен со здружување на суфиксите -ица и -ка. Дериватите изведени со овој суфикс се мотивирани од именки од женски род: *ламбичка* (< *ламба*), *водичка* (< *вода*), *мрежичка* (< *мрежа*), *кожичка* (< *кожа*), *земјичка* (< *земја*), *сликичка* (< *слика*), *ќеркичка* (< *ќерка*), *пчеличка* (< *пчела*) и др. Како и од именки на -ица: *воденичка* (< *воденица*), *ластовичка* (< *ластовица*), *уличка* (< *улица*) и др.
- **-е**. Со суфиксот -е се образуваат деминутивно-хипокористични деривати мотивирани од именки од машки род и поретко од женски род: *маже* (< *маж*), *носе* (< *нос*), *ветре* (< *ветер*), *меше* (< *мев*); од женски род: *торбе* (< *торба*), *моме* (< *мома*), *раче* (< *рака*); *уше* (< *уво*), во последниот пример од именка од среден род.
- **-че**. Со овој суфикс се образуваат деривати од именки од сите три рода, и тоа: од именки од машки род: *штркче* (< *штрк*), *еленче* (< *елен*), *бувче* (< *був*), *вовче* (< *воз*), *лавче* (< *лав*), *трнче* (< *трн*), *крукче* (< *круг*); од женски род: *кошулче* (< *кошула*), *рипче* (< *риба*), *свинче* (< *свиња*), *книвче* (< *книга*), *ковче* (< *коска*); од среден род: *тенџерче* (< *тенџере*), *пенџерче* (< *пенџере*).

– **-це, -енце.** Најчесто се изведуваат деривати од среден род: *житце* (< *жито*), *златце* (< *злато*), *огледалце* (< *огледало*), *селце* (< *село*), *пивце* (< *пиво*), *винце* (< *вино*), *дрвце* (< *дрво*), *зрнце* (< *зрно*), *окце* (< *око*), *увце* (< *уво*).

Сложениот суфикс -енце е добиен со преразложување од образувањата од типот: *браш(н)енце, јагненце, влакненце, местенце, платненце, писменце, стебленце, детенце, грозјенце, лозјенце*. Поради својата експресивност, се проширува и врз основи од именки од машки и од женски род, па се јавуваат образувања од типот: *прсте – прстенце* (< *прст*), *стапче – стапченце* (< *стап*), *орле – орленце* (< *орел*), *магаренце* (< *магаре*), *цвеќенце* (< *цвеќе*), *сиренце* (< *сирење*), *шишенце* (< *шише*), *моме – моменце* (< *мома*), *торбе – торбенце* (< *торба*).

– **-ле, -уле.** Со суфиксот -ле се образувани ограничен број деривати: *кожле* (< *кожа*), *козле* (< *коза*), *мажле* (< *маж*), *скуталe* (< *скута*). Почести се образувањата со суфиксот -уле: *брадуле* (< *брада*), *вреќуле* (< *вреќа*). Овој суфикс се појавува и со други деминутивно-хипокористични суфикси: *бавчуле, брадулче, змијулче, дупчуле, патчуле, кафуленце* и др.

1.4.2 За разлика од деминутивите со еден зборообразувачки деминутивен формант, зборовите образувани со повеќе деминутивни зборообразувачки форманти се секогаш стилски маркирани. Пример за тоа се двата деминутива: *девојче* (< *девојк(a) + -че*) и *девојченценцуле* (< *девојк(a) + -ч(e) + -енц(e) + -уле*). Имено, иако лексемата девојче означува женско лице од раѓањето до половата зрелост и ги носи признаците на еден деминутив, неговата употреба е неутрална во јазикот, со што оваа лексема не се разгледува како стилски маркирана, туку се здобила со неутрален статус. За разлика од неа, лексемата *девојченценцуле* е со ретка употреба и се јавува со експресивна употреба. Оттаму, *девојченценцуле*, ја носи интензивната квалифицирачка субјективна оценка на говорителот и се разликува од девојче.

Кон формантите *-че, -иче, -енце, -уле, -ле* и *-е* можат да се надоврзат и други формати: *песниченце, девојченценце, Македонченце, чоколатченце, срцуленце, срцуленценце*, сите главно со експресивна употреба.

Поаѓајќи од поделбата на два вида признаци при опишувањето на деминутивите, квантифицирачки и квалифицирачки, дериватот *девојче* може да се опише со квантифицирачкиот признак ‘мало’ и квалифицирачкиот признак ‘мило’, со што впрочем и се потврдува фактот дека остра линија меѓу деминутивните и хипокористичните образувања нема.

1.4.3 За македонскиот јазик е својствено и образувањето лични имиња во деминутивни форми. Ваквите форми се особено чести во македонските дијалекти, а се среќаваат и во членувана форма, иако е вон јазичниот стандард. Пример: *Николчо/Николче, Стојанчо/Стојанче, Јованчо/Јованче, Маричка, Коце, Димче, Маре(то), Биле(то), Снежје(то), Сапе(то), Зоре(то), Кате(то), Петре(то), Веце(то), Пере(то),* и др.

2 Деминутивни образувања во македонскиот јазик разгледувани по одделни зборовни групи

Претставените деривати во делот 1.4.1 главно се однесуваат на именските образувања, кои вооедно се и најбројни во македонскиот јазик. Во делот што следи ќе бидат претставени дериватите по останатите зборовни групи:

2.1 Глаголи. Кај оваа зборовна група деминутивноста најчесто се остварува со префиксите *по-* и *под-* и означуваат извршување на дејството на примарно префиксираниот глагол ‘во мала мера, донекаде’, или со значење ‘уште малку, во некое (по)кратко време’. На пример: *погали* (< *гали*), *попрска* (< *прска*), *пороси* (< *роси*), *погрее* (< *грее*); *подвари* (< *вари*), *поддувне* (< *дувне*), *подотвори* (< *отвори*), *поткасне* (< *касне*).

2.1.1 Други глаголски образувања кои се јавуваат со деминутивно значење: *цапка* (*цапа*), *шлапка* (*шлапа*), *трчка* (*трча*), *препка* (*препнува*), *шепка* (*шепнува*), *светка* (*светнува*), *тропка* (*тропа*), *свирка* (*свири*). Станува збор за суфиксни глаголски образувања, и тоа со суфиксот *-ка*.

2.2 Придавки. Кај оваа зборовна група како најчести суфикси со деминутивна и хипокористична, односно експресивна нијанса во значењето се јазуваат суфиксите: *-ав*, *-ок*, *-ест*, кои доста често идат со различни проширувања.

– **-ав.** Придавките образувани со овој суфикс го изразуваат во намален степен својството именувано со основната придавка: *болен* – *болнав*, *дребен* – *дребнав*; обично се јавува со различни проширувања: – *кав*: *киселкав*, *сивкав*, *синкав*; –*икав*: *сувикав*, *старикав*, *слабикав*, *црникав*, *модрикав*; –*никав*: *лутникав*, *сладникав*, *жолтеникав*; –*улав*: *гродулав*, *жолтулав*, *црнулав*; –*узлав*: *белузлав*, *црвенузлав*; –*ушлав*: *мекушлав*. Со хипокористична нијанса во значењето се среќаваат и образувањата од типот: *малечкав*, *малецкав*, *малендав*, *маленсав*.

– **-ок.** Овој суфикс исто така се јазува со деминутивно-хипокористично значење, при што хипокористичната нијанса е поизразена. Пример: *голем* – *големок*, *големка*, *големко*, каде што суфиксот за машки род

-ок се среќава поретко во употреба, а во примерите: *зеленка, зеленко; киселка, киселко; лутка, лутко; соленка, соленко* дури и изостапува. Дел од овие образувања (*зеленко, лутко и сл.*) се среќаваат и со пејоративно значење. Наспрема образувањата со **-ок**, почести се образувањата со проширениот суфикс **-ичок**: *кусичок, глувичок*, како и со варијантите на **-ечок**: *малечок* и на **-очок**: *височок*, па дури и со варијантата **-еџок**: *малеџок*.

– **-ест**. Овој суфикс, кој главно се среќава со деминутивно значењето, доаѓа со различни проширувања, но само во мал број примери: *кривулест, долгнавест* и др.

2.3 Прилози. И кај оваа зборовна група се среќаваат одделни образувања со деминутивно значење, но нивниот број е мал. Такви се образувањата, пред сè од придавки, со суфиксите:

- **-ко**: *евтинко, ранко, убавко, височко, далечко;*
- **-ичко**: *кротичко, лекичко, раничко;*
- **-џка**: *колкуџка, толкуџка, малкуџка, онолкуџка, полеџка;*
- **-нса**: *колкунса, онолкунса, малкунса, толкунса, тронса.*

2.4 Броеви. Кај зборовната група броеви чести се образувањата од типот: *двојче, тројче, стотче, илјадарче, петстотче, единиче, петче, единичка, десетче* и др.

Нивната употреба главно се вразува за дијалектната лексика, како и воопшто за разговорниот стил.

3 Примери за употреба на деминутивно-хипокористичите образувања во македонскиот јазик (примерите се од различни функционални стилови):

(1) *бебе – бебенце*

Сајлас Филипс е нарекуван медицинско чудо. Малото *бебенце* се родило предвреме, кога неговата мајка била во 26. недела од бременоста, а на овој свет дошло во непробиена амнионска обвивка. (<http://www.femina.mk>)

(2) *дете – (мн. дечиња)*

Во издание на „Македонска литература“ од Скопје на македонски јазик е објавен романот „*Божествени дечиња*“ на хрватската писателка Татјана Громача. (<http://alon.mk/wordpress/archives/451898>)

(3) *црнец – црнче (мн. црнчиња)*

Од бандитски преминав на филантропски мечтаења: размислував, по завршените медицински студии, да појдам во Африка и да ги лечам малите *црнциња*. (Сузана Тамаро, *Оди каде срцето те води*, 1997: 34)

(4) *автомобил – автомобилче*

– Синко, поздрави се со чичкото! И тој е возач како татко ти. Само што ние се возевме со камион, а еве, тој го вози ова *автомобилче*. (Михаил Шолохов, *Судбината на човекот*, 2010: 8)

(5) *рака – раченце*

Гледајќи ме право со своите сјајни светлосини очи, помалку смешкајќи се, детето смело ми го пружи зацврвеното студено *раченце*. (Михаил Шолохов, *Судбината на човекот*, 2010: 8)

(6) *шлага – шлапка, мразулец – мразулка*

Само ако се свртиш, ете ти го како *шлапка* во некоја длетка или, пак, откорнал некоја *мразулка* и ја лиже како бонбона. (Михаил Шолохов, *Судбината на човекот*, 2010: 9)

(7) *скока – потскокна*

Потскокнав на седиштето, ја одврзав рачната кочница и го свртев Сенди Бој. (Сара Кеј, *Тато Том исчезна*, 2010: 54)

(8) *црн – црникав*

Беше поголема и сива. Имаше *црникав* клун. Леташе на Тетовско Кале во ливадите. Ги имаше во мал број. Кога шетавме, застанавме покрај дрво. (http://www.springalive.net/mk-mk/spring_blog/cuckoo/16777)

(9) *Марија – Марето, мало – малечко*

Не ми го лажи Ѓорѓи *Марето* цанам,
Марето ми е Ѓорѓи *малечко*,
На седум – осумнаест години.
(<http://pesna.org/song.php?id=103> – македонска народна песна)

(10) *лист – ливче (мн. ливчиња)*

Неколку минути подоцна, талкајќи по булеварот, ја забележав Маргерита на прозорецот од ресторанот како, потпрена на оградата, кине *ливчиња* од камелиите во својот букет. (Александар Дима – Синот, *Дамата со камелии*, 2011: 40)

(11) *душа – душичка*

Мајчината *душичка* е лековита билка која нема ниту една штетна, токсична состојка, па може да се пие без временско ограничување и во неограничени количини. (<http://falanga.com.au/majchina-dushichka-lekuva-od-nastinki-dopnevmonii>).

(12) *око – окце*

Дизајнирано најверојатно за полицијата да гледа во вашиот дом, обратното *окце* се поставува на она кое го имате на вашата врата и го менува ефектот:

сега можат и вас да ве гледаат однадвор. (<http://365.com.mk/5125/shpiunsko-obratno-okce>).

(13) *Игор – Игорче*

Бев воспитуван секогаш да им персирам на повозрасните од мене, а и денес го правам тоа. Но, мене ми се случува и друг феномен. Луѓе помлади од мене дваесет и повеќе години, ме ословуваат со „*Игорче*“... (<http://www.utrinski.mk/?ItemID=F6EB565EBD9E47408423925CDE12DB8C>)

3.1 *Јазикот на младите.* Многу често кај младата популација¹ се среќаваат изрази со употреба на деминутивно-хипокористични образувања од типот:

- (13) Еј брат, види ја каква *рибетинка* е малава!
- (14) Маче, ти си мое најсакано *срценце*.
- (15) Абе оној се прави дека е некое *мекче*.
- (16) И што сега? *Фраерче* си?
- (17) Ќе ти пратам едно *кисче*.
- (18) Како некое *бонбонче* си!
- (19) Синоќа најдов едно убаво *парче*.
- (20) Еј, *сексич* си, да ти кажам право.
- (21) Еве ти едно *лајкче* од мене на Фејсбук.
- (22) Си правиме *муабетчиња* на чет.
- (23) Дај да направиме едно *фотче* и да ставиме на Инстаграм.
- (24) Девојкана е *шекерче*.
- (25) Човекон си *трипува*.

3.2 Дали формалната поделба на суфикси за деминутивно-хипокористични и аугметативно-пејоративни образувања е издржана? Поаѓајќи од семантички аспект (како и прагматички, односно прагматичката обусловеност, културниот контекст и сл.) можеме да дојдеме до заклучокот дека нема остра линија меѓу деминутивно-хипокористичните и аугментативно-пејоративните образувања, односно доаѓа до нивно значенско прекривање, обусловено пред сè од нивната употреба и поширокиот културен контекст во кој тие се среќаваат, односно се прагматички мотивирани. (в. Аризанковска 2012: 38)

---

¹ Примерите се резултат на спроведена анкета меѓу младите од страна на студенти.

Примерите од типот: *дебеличок, полничок; директорче, професорче и сл.*, присутни во современиот македонски јазик и својствени главно за колоквијалната лексика, го докажуваат тоа. Се работи за суфикси со кои се изведуваат деминутивни називи, но во случајов тие се јавуваат со пејоративно значење. Кај примерите: *дебеличок, полничок* се избегнува навредливиот став на говорителот, односно ‘се постигнува ублажување во соопштувањето на ставот на говорителот во однос на некоја негативната карактеристика’; додека кај примерите: *директорче, професорче* се изразува ‘потсмешливост, односно презир’.

4 Во однос на актуелната употреба на деминутивно-хипокористичните образувања, притоа надоврзувајќи се и на примерите од делот 3 и 3.1 ќе наведеме уште некои од употребите на овој тип образувања (повеќе в. Аризанковска 2012: 39–40):

4.1 *Употреба во ИГ.*

(26) Живеев во *мала собичка*.

(27) Има *мало усте, мало ноже, мало прсте...*

Употребата во ИГ не е ретка, но во посочените примери станува збор за тафтологија, со цел нагласување на субјективната оценка во однос на предметот.

4.2 *Употреба во детскиот говор.* Кога станува збор за детскиот говор, може да се констатира дека во него преовладуваат деминутивно-хипокористични именувања (*ноџе, раче, прсте, нокте, носе, усте, главче; бананче, морковче, јаболче, кашичка; капче и сл.*), што е резултат, секако, на перцепцијата на светот околу детето во раната возраст.

4.3 *Употреба кај различни генерации говорители.* Постои генерациска разлика во однос на употребата на лексиката со субјективна оценка. Разликата се јавува како резултат на различната перцепција на светот проследена од различниот развој на дадена генерација. Пример за тоа, меѓу другото, се деминутивно-хипокористичните образувања на личните имиња кај децата (*Кире, Стефче, Јованче...*, в. 1.4.3). Актуелната состојба укажува на тоа дека сè повеќе се избегнуваат ваквите форми во однос на официјалната употреба на личните имиња, освен во дадени дијалекти, каде што се среќаваат како дел од колоквијалната лексика.

4.4 *Употреба во дијалектите.* Состојбата по дијалектите во македонскиот јазик укажува на големо присуство на лексика со субјективна оценка, но во однос на актуелната состојба можеме да забележиме дека

во југоисточните говори преовладуваат деминутивно-хипокористичните образувања, додека аугментативно-пејоративните ги има сè помалку (в. Дрвошанов 2012). Дека деминутивно-хипокористичните образувања се чести и во западномакедонските дијалекти за илустрација ќе наведеме примери од прилепскиот дијалект (в. *Прилог 1*).

4.5 Употреба во уметничкиот стил. Тенденциите за образување деминутивно-хипокористични називи се особено присутни во уметничкиот стил, каде што е изразена емоционално-експресивната маркираност на изразот (в. погоре, 3 и в. Аризанковска 2012: 38–39).

- (28) Тие го наклонуваат така леко челото
Да го допрат до усните на саканиот
Што им се чинат тогаш како *крилца* од пеперуга
Застаната на *тревка* – за миг пред да одлети -
А тревката се наклонува.
(Блаже Коенски, *Вљубени девојки*, <http://okno.mk/node/15803>)

- (29) Милувам *прашинка* да си,
тих повеј да ми те донесе...

Прашинка љубов, *прашинка* ништотна,
прашинка невидна,
но сепак љубов, сепак љубов.
(Гане Тодоровски, *Љубов*, <http://www.mkd.mk/poezija/ljubov-gane-todorovski>)

Поретко ваквата лексика се среќава во другите функционални стилови, малку во новинарскиот, публицистичкиот, а речиси воопшто не во административниот и научниот стил. Ваквата лексика е особено присутна во народната поезија (в. Пановска Ружа, 1973).

4.6 Употреба во колоквијалната лексика (в. погоре: 3.1; 4.1; 4.2; 4.3; 4.4).

4.7 Употреба на лексикализирани форми. Ваквите форми претставуваат деминутивни образувања од типот: *ужинка*, *ланче*, *маичка*, *продавничка*, *лепче* и др. кои се сè почести во македонскиот јазик. Во примерот: *кромид-кромитче* се добива нов назив за ‘млад, пролетен кромид’. Истото се случува и кај одделни називи за храна: *сусамче*, *сусамка*, *бомбица* и др.

5 Заклучок. Деминутивите, односно деминутивно-хипокористичните образувања во македонскиот јазик претставуваат модификациони деривати кои се добиваат по пат на суфиксација. Гледано по зборовни групи најчести се именските деминутивни образувања, но се среќаваат и кај глаголите, придавките, прилозите и броевите. Експресивната нијанса е таа која е главно мотивирачка, додека самите деминутивни форми со

признакот ‘мало’ се поретки, но како што погоре беше споменато тесна е линијата меѓу деминутивното и хипокористичното значење на дериватот. Во однос на нивната употреба, деминутивно-хипокористичните деривати во македонскиот јазик се среќаваат, одосно се својствени за разговорниот стил, особено кога се нагласува особината ‘мало’, како и ‘мило’, а понекогаш и двете особини одеднаш, така што доаѓа до тафтологија (*бебе – бебенце; дете-детенце*), при што станува збор за хипокористична употреба, односно изразен субјективен став на говорителот кон предметот, односно нагласена стилска т.е. експресивна нијанса, која како таква многу често е присутна и во публицистичкиот стил, покрај уметничкиот, во кој ваквите образувања се, секако, почести, а речиси воопшто не се среќаваат во административниот и во научниот стил. Фактори кои играат улога во однос на употребата на деминутивно-хипокористичните образувања се: субјективниот став на говорителот, социјалниот статус, тематиката на исказот, старосната граница, говорното подрачје (дијалектната основа) и секако, најмногу од сè, говорната ситуација. Нивната употреба е значајно поприсутна во говорниот отколку во пишаниот јазик. Важно е да се нагласи дека во сиот тој процес на образување нови деривати, во случајов со нагласена деминутивна, односно хипокористична компонента, како појдовен се јавува веќе постоечкиот зборообразувачки формантен потенцијал на македонскиот јазик. Во однос на функцијата, пак, како што погоре беше наведено, не постои остра линија меѓу деминутивната и хипокористичната употреба, па дури и во однос на пејоративната употреба на дел од деминутивните образувања.

Прилог 1:

Преглед на дел од деминутивно-хипокористичните образувања во прилепскиот дијалект²

бавчуле < бавча

барденце < барде

бебуле < бебе

бебушко < бебе

бокле < бокал

боривче < борија

бубалче < буба

ваганче < ваган

вентијаже < вентијага

вермелче < вермеле

ветвичко < ветво

визбе < визба

витринче > витрина

влечина < влечки

² Материјалот е собран од страна на Е. Нешкоска, студентка од 2. година, роден говорител на прилепскиот дијалект.

големка < голема
детулчуле < дете
дипле < дипло
дифтиче < дифтик
изварче < изварка
ирамче < ирам
јагрлце < јагрло
кавгаџиче < кавгаџија
каначе < канак
кантиче < канта
караванче < караван
кафица < кафе
квечеринка < квечерина
киселинка < киселина
кобличе < коблица
количе < кола
комшивче < комшија
кокарче < кокар
кревкичко < кревко
креонче < креон
кујниче < кујна
купатилце < купатило
кутлаче < кутлачка
лајче < лајца (< лажница)
ластојче < ластојца (< ластовица)
ланче < ланец
лединче < ледина
леѓенче < леѓен
мазниче < мазник
менѓувче < менѓуша
миривче < мирис
мобилка < мобилен
најлонче < најлон
наливче < налив
опинче/опинчиња <
опинок/опинци
пампурче/кумбенце <
пампур/кумбе
пантовче < пантовка
пирле < пирла
патеричка < патерица

пиже < пижо
подлетарче < подлетар
прпувче < прпув
патличе < патлика
патлиџанче < патлиџан
перденце < перде
питуличе < питулица
плуже < плуг
покроце < кротко
полецка < полека
пуловерче < пуловер
пондилче < пондила
послужалниче > послужалник
(< послужавник)
прслуче < прслук
рибетинка < риба
ругузиче < ругузина
сакмиче < сакма
салонче/тремче < салон/трем
салце < сало
саатче < саат
скутинче < скутина
стотче < стотка
тавче < тава
тањирче/пањче < тањир/пањца
тепсиче < тепсија
ќеварче < ќевар
ќесенце < ќесе
ќептарче < ќептар
коцле < коцел
кушец < кушо
убавка < убава
фанелче < фанела
филџанче < филџан
царевче < царевка
долапче < долап
џамаданче < џамадан
џамче < џам
шаторче < шатор
шерпе/вангле/вангличе <
шерпа/вангла

ЛИТЕРАТУРА

Дрвошанов ВАСИЛ, 2012: Деминутивно-хипокористични образувања од хуманитарната анатомија во македонските говори, *Јазична работилница Лексиката со субјективна оценка во македонскиот јазик*. Скопје: ИМЈ „Крсте Мисирков“.

Конески КИРИЛ, 1995: *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*. Скопје: Бона.

Лидија АРИЗАНКОВСКА, 2012: Зборообразувањето и неговите ресурси во македонскиот јазик (со осврт на дериватите со субјективна оценка како дел од основниот лексички фонд на македонскиот јазик). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима (Зборник радова са четрнаесте меѓународне конференции Комисије за творбу речи при Меѓународном комитету слависта)*. Ур. Рајна Драгићевић. Београд: Филолошки факултет. 33–42.

Ружа ПАНОВСКА, 1973: Стилистичката улога на деминутивно-хипокористичната лексика во македонската народна поезија, *Македонски јазик*, XXIV. Скопје: ИМЈ „Крсте Мисирков“. 63–75.

SUMMARY

Diminutives in the Macedonian Language and their Function

The diminutives, otherwise diminutive-hypocoristic formations in the Macedonian language represents modification derivatives which are received from suffixation.

Seen from verbal groups, most common are the noun diminutives performances, but are also found in the verbs, adjectives, adverbs and numbers. Expressive shade is the one that is motivational, while diminutives forms themselves with the attribute 'little' are rare, but as was mentioned before in the text the line between diminutive and hypocoristic meaning of the derivate is thin. In aspect of their use, diminutive-hypocoristic derivatives in the Macedonian language meet, actually they are typical for the conversational style, especially when there is a highlighted feature 'little', and also 'nicely', and sometimes the both feature together, so in comes to tautology (*bebe-bebence* 'baby-little baby'; *dete-detence* 'kid-little kid'), therefor it comes to hypocoristically use, otherwise expressed subjective attitude on the speaker towards the subject, actually highlighted stylistic expressive shade, who is very often present also in the editorial style, also in the literature, which are also often, but almost never meet in the administrative and scientific style. Factors who play a role in the use of diminutive-hypocoristic formation are: the speaker subjective attitude, social status, subject of speaking, ageing border, speaking area (dialect), and of course, most of all, the speaking situation. Their use is meaningfully more present in the speaking language, than the written language. It is important to say that in the whole process on formations new derivatives, in this case with highlighted diminutive, hypocoristic component, who as outgoing appears as existing word-formation potential in the Macedonian language. As it is said up in the text, there is no sharp line between diminutive and hypocoristic use, and also in the relative pejorative use on part of the diminutive formations.

Юлия Балтова

*Институт за български език при БАН, България, София,
julia.baltowa@abv.bg*

Към въпроса за „деминутивните“¹ съществителни и тяхното отразяване в лексикографията

Разграничаването на две самостоятелни словообразователни категории деминутиви и експресиви имат значение за начините, които се прилагат за отразяването им в лексикографската практика на модерните славянски книжовни езици.

Differentiation of two separate word formation categories – *diminutiva* and *expressiva* – shows that it is ways for their reflection in the lexicographical practice of the modern Slavic literary languages.

Ключови думи: деминутиви, модификационни деривати, форманти, словообразователна парафраза, лексикографски квалификатор

Key words: diminutives, modification derivatives, formants, word formation paraphrase, lexicographic qualifier

1 Когато се прави преглед на лингвистичните изследвания върху „деминутивите“ в славянските езици за периода от средата на 19. век до днес, се вижда, че голяма част от проблемите, свързани с тази категория единици (от различни части на речта), представляват трайна и последователно прокарана линия, свързана с крайните цели на изследователите. Теоретичните изводи от лингвистичните изследвания оказват и до днес трайно влияние и върху лексикографската практика. През целия този период интересът на изследователите се фокусира върху словообразователните, лексико-семантичните и комуникативните специфики на „деминутивите“: обръща се внимание на словообразователните форманти (суфикси) и се прави тяхната класификация; правят се опити за разграничаване на производните единици, изразяващи обективни количествени значения от

---

¹ Кавичките в заглавието означават, че в статията се предлага по-различно схващане за съдържанието на този термин.

тези, които имат единствено експресивни значения (вж. Gramatyka 1998); характеризират се в лексико-семантичен план произвеждащите основи с оглед на възможностите за съчетаемост с „деминутивните“ суфикси; описва се функцията на „деминутивите“ в процесите на комуникация и т.н. (вж. например в българското езикознание първото самостоятелно изследване на „деминутивите“, направено от Наумова 1905а: 217–230). Освен това, десетилетия наред в славистичната лингвистична литература „задочно“ се спори за езиковия статус на единиците от тази категория – дали това са форми или са самостоятелни лексикални единици. По този въпрос се оформят три различни мнения, две от които взаимно се изключват, а с третото се прави опит да се постигне компромисно решаване на спора: а) „деминутивите“ са форми; б) те са самостоятелни лексикални единици и в) това са единици, които заемат междинно положение между формите и самостоятелните думи (по-подробно този въпрос е проследен например в изследванията на: Димитрова 1959, Кръстев 1976, Długosz 2009 и др.).

1.1 Актуализирането на интереса към „деминутивите“ днес, насочен най-вече към някои нерешени теоретични въпроси, или към постоянно разширяващия се обхват (сфери на разпространение) на категорията и нейното обогатяване, до голяма степен се влияе и от съществуващата лексикографска практика, от начина, по който „деминутивите“ се представят преди всичко в едноезичните тълковни речници². Може да се каже, че по отношение на положителните страни и особено на слабостите, които се проявяват при представянето на тези единици, в славянската лексикография не се откриват почти никакви различия. От една страна, в речниците на всички славянски езици „деминутивите“ се третират като самостоятелни лексикални единици, поради което те са включвани като заглавни думи (заглавки) в словниците не само на едноезичните, но и на двуезични и многоезични речници. Този факт трябва да бъде разглеждан като значителен теоретичен лексикографски напредък в сравнение с практиката от по-ранни периоди. От друга страна, лексикографията все още няма изработени точни и ясни критерии кои „деминутиви“ да се включват като заглавки и как в речниковите статии да бъде отразявана тяхната речева функция. Затова и слабостите на речниците са свързани преди всичко с подбора на лексикалните единици, с непоследователностите при тълкуването на техните значения (без строго определени критерии се прилагат и различните типове дефиниции – структурни или разгърнати) или при отразяването на употребите им в речевата практика

---

² Имат се предвид еднотомни, тритомни и многотомни тълковни речници.

и т. н. За българската лексикографска практика например, още през 70-те години на миналия век Боримир Кръстев отбелязва:

В българската лексикографска практика няма ясен и последователен критерий за умалителните. Затова в различните видове речници ту ги има като отделни равноправни думи (като заглавки – бел. моя, Ю. Б.), ту ги няма, т. е. остават скрити, като форми на други думи. Дори в един и същ речник никога няма строга последователност в това отношение (Кръстев 1976: 17).

Авторът има предвид тритомния *Речник на съвременния български книжовен език* (1955–1959).

Подобна слабост, макар в по-малка степен, се наблюдава и в отпечатаните досега 15 тома на *Речник на българския език* (1977–2015), изработван в Института за български език при БАН. По същия начин „деминутивите“ се представят и отразяват в речниците и на другите славянски езици: например, в десеттомния *Słownik języka polskiego* (1958–1969), в тритомния „*Słownik języka polskiego*“ (1982–1983), в седемнадесеттомния *Словарь современного русского языка* (1948–1965), в четиритомния *Словарь русского языка* (1957–1961) и др.

Непоследователното представяне на „деминутивите“ (разбирани традиционно) в речниците създава впечатление, че дори и днес чрез лексикографските трудове продължава „задочният“ спор за статуса на тази категория единици – дали са форми или са самостоятелни думи. Създаваното впечатление обаче, не съответства на съвременното лингвистично схващане, че „деминутивите“ са производни думи с лексикален статус. Затова това схващане трябва убедително да бъде представяно и защитавано в речниковите корпуси чрез последователно спазване на приетите критерии, въз основа на които единиците от тази широко разпространена в славянските езици категория се включват и отразяват в лексикографските трудове. А това налага да се потърси решение на някои нерешени докрай теоретични въпроси, вследствие на което може да се намали до минимум и все още доминиращата роля на традицията в лексикографската практика.

Проследяването на използваните дефиниции за тълкуване значението на „деминутивите“ извежда на преден план в словообразуването и терминологичния въпрос за съдържанието на термина *деминутиви* (*deminutiva*). От това, как ще се отговори на този въпрос, зависи дали производните думи, определяни традиционно в славянското словообразуване като „деминутиви“, трябва да останат обединени в една словообразователна категория или се налага те да бъдат разделени в зависимост от значението, което словообразователните форманти изразяват на езиково равнище – количество или емоция.

2 Моето внимание в настоящата статия е насочено към значението на термина *деминутиви*, към функцията и значението на словообразователните форманти в словообразователно-семантичната структура на производните думи от тази категория и към някои от функциите и значението, които „деминутивните“ съществителни реализират, участвайки в процесите на комуникация. За целите на изследването са анализирани преди всичко български езикови единици, като в отделни случаи се привличат и примери от други славянски езици.

2.1 Терминът *деминутиви* се използва в словообразователната лингвистична литература³ като категориално обобщаващо название на еднословни производни лексикални единици, за които се приема, че експлицират в значението си семантичните признаци ‘умалителност’ или ‘експресивност’, формално представяни на езиково равнище от суфиксни словообразователни форманти. Смятам, че точното дефиниране на този термин в съвременното словообразуване зависи както от резултатите след анализ на производните единици, така също и от отнасянето им към някои от основните функции на словообразуването.

3 Словообразователната теория определя „деминутивните“ съществителни като част от модификационния тип деривати. Основанието за това се намира във функцията, която изпълнява словообразователният формант (СоФ) – да „модифицира“ лексикалното значение на произвеждащата основа, без да го променя по същество (вж. Dokulil 1962: 46–47). В обособената ономазиологична категория *nomina deminutiva*, както посочва и самият М. Докулил, са включени производни единици (деривати), с които се назовава както обективно съществуваща умалителност (срв. бълг. *столче, масичка, прозорче, лъжичка, дворче, къщичка, градинка, градче, селце, брашънце, ракийка*; пол. *lasek, domek, okienko, deszczyk, stolik*; рус. *городок, дождик, стаканчик* и под.) и единици, в чиято формална структура СоФ изразява само емоция (срв. бълг. *слънчище, душичка, моренце*; пол. *konik, słonko*; рус. *солнышко, сынок* и под.). В лингвистичната литература се приема също, че в редица случаи производните думи със значение за обективно съществуваща умалителност, притежават и значение, с което се изразява емоция и което се реализира само в речева употреба. От това следва да си зададем въпроса: дали това значение също се изразява от СоФ в структурата на производната дума

---

³ В отделни славянски езици се използват и термини като *умалителни имена* (в българския), *съществителни за субективна оценка* (в българския и руския), *zdrobnienia* (в полския), *imená zdrobněná* (в чешкия) и т. н.

или се проявява като резултат от функционирането ѝ в речта като самостоятелна езикова единица със собствено лексикално значение.

3.1 Определянето на функциите на словообразуването в съвременната словообразователна теория и постигнатите резултати от приложението на модела за предикатно-аргументните структури при разкриване семантиката и категориалната принадлежност на производните думи, позволяват днес да бъдат разграничавани две отделни модификационни категории: *същински деминутиви (deminutiva)* и *експресиви (expressiva)*. Дериватите от тези категории се съотнасят с две различни функции на словообразуването: номинативната и експресивната, според класификацията на Е. А. Земская (Земская 1992: 8); семантичната и прагматичната, по определението на Алиция Нагурко (Nagórko 2001: 199–212). Независимо коя от двете класификации един изследовател може да избере за своето изследване, съотнасянето на дериватите към две различни функции на словообразуването, намирам за критерий, който потвърждава нуждата от тяхното обособяване в самостоятелни модификационни категории. Не е възможно един и същ формант да изпълнява едновременно две различни функции като предава информация за две различни по съдържание значения. Определянето на две значения за една и съща езикова форма е съотносимо с друг лингвистичен проблем – с проблема за омонимията или за полисемията на словообразователните форманти, което не е задача на настоящото изследване.

3.2 *Същинските деминутиви (deminutiva)* са суфиксни производни думи от модификационен тип. Словообразователният суфикс е изразител на обективно съществуваща деминутивност (умалителност), характерна за определени обекти от действителността (предмети, лица, животни, явления), които имат количествени измерения (големина, обем, размер, възраст, сила). Това определя и номинационната (номинативната), референциална функция на дериватите от тази категория, осъществявана на езиково равнище чрез значението на словообразователните суфиксни форманти. Умалителността е един от признаците компоненти на универсалната семантична категория количество, изразявана (макар и в различна степен) на всички езикови равнища, респективно и в словообразуването. Приемането на умалителността като обективно съществуваща реалност произтича от съвременното теоретично разбиране за категорията количество, изследвана в лингвистиката в семантичен план и с оглед на нейните реализации в отделните езикови равнища: морфологично, лексикално, синтактично, словообразователно и фразеологично.

3.2.1 В изследването си върху семантичната категория количество⁴, която в същността си включва и категорията степен, и акцентирайки върху обективно съществуващите, реални количествени отношения в действителността, Л. Крумова-Цветкова посочва също, че „обективността и универсалността на тази категория са причината да съществува твърде голяма еднотипност на средствата за нейното изразяване в различните езици“ (Крумова-Цветкова 2007: 9). Не малка роля за този извод имат и словообразователните езикови средства, които се използват в славянските езици днес, макар някои от тях да са претърпели съществени фонетични промени в своя исторически развой (вж. например Бошкович 1984: 130–297). Приемането на умалителността като обективно съществуващ признак показва, че същинските деминутиви като езикови номинации не може едновременно да се разглеждат и като производни единици за субективна оценка, както това се случва в някои трудове или при отделни изследователи на категорията (вж. например *Грамматика современного русского литературного языка* 1970: 129–136; Радева 2007: 146 и др.). Същинските деминутиви са номинационни образувания, които назовават реално съществуващи обекти от действителността: например *столче* е название на реално съществуващ малък по размер предмет – *стол*. Такива са и названията *прозорче*, *лъжичка*, *масичка*, *огледалце* и много други, обединявани в едно с оглед на изразявания от тях общ количествен признак (малък размер), който експлицира словообразователният формант.

3.3 В своята ономаσιологична теория Милош Докулил посочва три семантични признака, наричайки ги „знаци“ (вж. Dokulil 1962: 46 – под линия), които словообразователният формант изразява в структурата на деминутивните производни имена: за квантитативност (*stůl* → *stolek*); за квалитативност (*chléb* → *clebíček*), и за квантитативност + квалитативност (*ruka* → *ručička*, *ručinka*). Този „знак“ според автора се добавя към произвеждащата основа и я модифицира. При прилагане на семантичния модел за предикатно-аргументните структури в анализа на деминутивните съществителни, схващането на М. Докулил за добавения „знак“ (= признак) към произвеждащата основа, която остава тъждествена на себе си по съдържание, от една страна се потвърждава, а от друга се

⁴ В един по-ранен етап авторката участва в съпоставителното изследване на същата категория като част от поредицата *Българско-полска съпоставителна граматика*, т. 3. Семантичните категории количество и степен, 1994. София, 39–183). В същия том, в съпоставителен план от Алина Петрова и Мария Чоролеева се изследва и категорията степен, за която авторките посочват, че „означава обобщено количествено определяне на признак на обекти въз основа на сравняването им“ (пак там, с. 192).

доуточнява и доразвива – определя се предикатната функция на този семантичен компонент, който формално е изразен на езиково равнище чрез словообразователния формант. От тази гледна точка деминутивите се отнасят към така наречените предикатни категории, по-точно към категориите, реализиращи добавени предикати (вж. Maldjieva 2009: 56). От гледна точка на семантичния синтаксис добавените предикати се „прилепват“ към (свързват се с) аргументите въз основа на принципите за атрибуция. Така се обяснява защо пълнозначният компонент в структурата на деривата не променя своето съдържание, а само се доизяснява с външен признак, относно неговия обем или размер (*малък*), количество (*малко*), степен или сила (*слаб*), възраст (*малък, млад*). Семантичната структура на същинските деминутивни съществителни може да бъде представяна в словообразуването с парафрази от типа: ‘*Това е X* (стол), *който X* (стол) *е малък*’, ‘*Това е X* (мед), *който X* (мед) *е малко* (= малко количество)’, ‘*Това е X* (кон), *който X* (кон) *е малък* (= малкото на животното)’, ‘*Това е X* (чирак), *който X* (чирак) *е млад*’ и т. н. От приведените парафрази се вижда, че от словообразователна гледна точка названията на млади същества (хора и малките от животинския свят) също се отнасят към категорията на същинските деминутиви. Обособяването им в самостоятелна категория е възможно само въз основа на лексико-семантични критерии на лексикално равнище.

Така, използваната в лексикографията (според концепциите на отделните видове речници) структурна дефиниция – ‘*Умалително от*’ може да бъде прилагана единствено при представяне на същинските деминутивни съществителни. Тъй като речниковата дефиниция представя лексикалното значение на производната дума, може да се добавя и аналитично изразяване на умалителността чрез съчетания като ‘малък стол’, ‘малко огледало’, ‘млад чирак’, срв. *столче... Умал. от стол; малък стол* и т. н. Този начин е от особено значение за двуезичните и многоезичните речници като при тях може да бъде предпочитан.

4 Производните думи, които в семантичната си структура имат добавен предикат, чието съдържание изразява определен тип емоция, за която на езиково равнище информира словообразователният формант, от словообразователна гледна точка не може да се определят като деминутиви. Това се вижда от словообразователните парафрази, в които напълно отсъства като структурен компонент количественият признак. Така например, значението на производната единица *слънчице* може да бъде представено с парафразата ‘*Това е X* (слънце), *към който X* (слънце) *X¹* (човек) *изпитва Y* (определено чувство)’. С такава парафраза може да

се определи семантичната структура на всички деривати, чиято произвеждаща основа е название на обект от действителността, който не може да бъде количествено характеризирани. Въпросът за експресивите като отделна словообразователна категория се нуждае от допълнителен задълбочен и всестранен анализ, основаващ се на доказателства, че има чувства, които са универсални и съществуват независимо от личната воля на отделния индивид. Основание да се приеме такава теза може да се намери в някои разсъждения, изразени например от Анна Вйежбицка. На въпрос „може ли да има универсални емоции“ Вйежбицка отговаря:

Szczególnie pytanie o „uniwersalność emocji“ jest często mylone z pytaniem o uniwersalność pojęć emocji. Wiemy już, że nie ma żadnych uniwersalnych pojęć emocji (Wierzbicka 1999: 161).

Според Вйежбицка това обаче не означава, че не може да се вникне в света на човешките емоции и

że nie ma żadnych (uniwersalnie rozpoznawalnych) ludzkich emocji. Uniwersalność emocji i sposobów wyrażania emocji jest kwestią otwartą, wymagającą dalszych badań (Wierzbicka 1999: 162).

Експресивните субстантивни деривати като *слънчице, душичка, сынок, słonko* и под. трябва да се разграничават от експресивната употреба на същинските деминутиви в речевия акт, който е индивидуален и личен. В тази употреба деминутивите участват като лексикални единици за изразяване чувствата на говорещия в дадената ситуация. Количественото значение на СоФ тук е неутрализирано за сметка на емоцията, която се изразява от цялата производна единица вече в статус на лексема. Сравни например изречения като: *Всяка сутрин закусвам масълце и медац* (= обичам да закусвам масло и мед) и *В сладкиша задължително се слага масълце и медац* (= малко количество масло и мед). Затова в лексикографските трудове деминутивните образувания в тази своя функция трябва според мене да се включват в речниковите статии само като „употреби“ с дефиниция „За изразяване на...“, без това да бъде част от обобщената граматична или стилистична информация след заглавната дума. Следователно маркери като „Умалително гальовно“ не бива да се допускат в лексикографската практика, защото те предават невярна информация. Квалификаторът ‘гальовно’ може да предхожда дефиницията за речевата употреба. Това трябва да важи и за квалификатори като ‘иронично’, ‘презрително’ и под.

Експресивната употреба на лексикалните единици с форма на същински деминутиви представлява интерес за лексиколожките и стилистичните

изследвания. Тя обаче трябва аргументирано и с доказателства да бъде разграничавана от деривационните процеси, с които се занимава словообразуването. Това разграничаване има важно значение за лексикографията, за която е добре известно, че представя лексиката и граматиката на всеки език в азбучен ред.

В тази статия са изложени някои разсъждения по отделни теоретични и практически въпроси, свързани със субстантивните деминутивни и експесивни производни лексикални единици. Част от тези въпроси са дискуссионни, поради което се налагат по-нататъшни изследвания, за да се достигне до обективни и убедителни отговори и решения както на словообразователно, така и на лексикално равнище. От това ще спечели и теоретичната лингвистика, и преди всичко съвременната модерна лексикография.

СЪКРАЩЕНИЯ

СоФ – словообразователен формант; срв. – сравни; вж. – виж; бълг. – български; рус. – руски; пол. – полски

ЛИТЕРАТУРА

Боримир КРЪСТЕВ, 1976: *Умалителността в българския език*. София: Издателство „Народна просвета“.

Българско-полска съпоставителна граматика, т. 3, 1994. *Семантичните категории количество и степен*. Ред. Виолета Косеска-Тошева, Йордан Пенчев. София: Академично издателство „Марин Дринов“.

Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.

Велика НАУМОВА, 1905а: Умалителните и увеличителните суфикси в новобългарския език. В: *Известия на семинара по славянски филологии*, кн. 1. София. 217–230.

Велика НАУМОВА, 1905б: Употреба на умалителните и увеличителните имена в българския език. *Известия на семинара по славянски филологии*, кн. 1. София. 231–250.

Грамматика современного русского языка, 1970. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Издателство „Наука“.

Елена А. ЗЕМСКАЯ, 1992: *Словообразование как деятельность*. Москва: Издателство „Наука“.

Лиляна КРУМОВА-ЦВЕТКОВА, 2007: *Семантичната категория количество и нейното изразяване в българския език*. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“.

Милка ДИМИТРОВА, 1959: Умалителните имена в книжовния български език. *Известия на института за български език*, кн. VI. София. 263–319.

Радослав БОШКОВИЧ, 1984: *Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование*. Москва: „Высшая школа“.

Alicja NAGÓRKO, 2001: *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

Anna WIERZBIĆKA, 1999: *Język – umysł – kultura*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia, 1998. Red. Renata Grzegorzewska, Roman Laskowski, Henryk Wróbel. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině*, t. 1. Praha.

Natalia DŁUGOSZ, 2009: *Słowotwórstwo polskich i bułgarskich deminutiwów rzeczownikowych*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Viera MALDJEVA, 2009: *Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska*, t. 9. *Słowotwórstwo*. Red. Violetta Koseska-Toszeva, Jordan Penčev. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy SOW.

ИЗТОЧНИЦИ

Речник на българския език, т. 1–15, 1977–2015. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“.

Речник на съвременния български книжовен език, т. 1–3, 1955–1959. София: Издание на Българската академия на науките.

Словарь современного русского языка, т. 1–17, 1948–1965. Москва–Ленинград.

Словарь русского языка, т. 1–4, 1981–1984. Red. А. П. Евгеньева. Москва: Издательство „Русский язык“.

Słownik języka polskiego, т. 1–10, 1958–1968. Red. Witold Doroszewski. Warszawa.

Słownik języka polskiego, т. 1–3, 1982–1983. Red. Mieczysław Szymczak. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

SUMMARY

Considering the Issue of “Diminutives” and their Reflection in Lexicography

The article contains short word formation and lexical-semantic analysis of modification substantive derivatives that are traditionally defined in linguistics as *diminutives*. On the grounds of word formation paraphrases applied in the analysis that unveil derivatives' deep semantic structure, we suggest distinguishing two individual categories: *absolute diminutives (deminutiva)* and *expressives*. We could conclude that when using the absolute diminutives for expressing subjective evaluation in the communication process, they participate as ready lexical units whose meaning totally lacks the categorical feature *diminutiveness*. The observation of both categories' derivatives formation and behaviour shows that their word formation distinguishing and lexical differences in semantics of predicates represented by the suffixal formants as well as their speech use matter when it comes to the manners being applied for reflecting these categories in lexicographic (mainly single-language) practice – as headline words, definition and qualification.

IVANA BOZDĚCHOVÁ

Univerzita Karlova, Česká republika, Praha, bozdiaff@ff.cuni.cz

K potenciálu tvoření deminutiv v současné češtině (na materiálu běžné mluvy mládeže)

Příspěvek se věnuje zastoupení a fungování slootovorných deminutiv (převážně nominálních) v příznakovém lexiku korespondence mladých lidí přelomu 20. a 21. století. Analyzovaný materiál je excerpován ze slovníku *Slova v soukromých dopisech. Lexikografická sonda* (Hladká, Z. – Martinčová, O., Brno 2012), který obsahuje 800 hesel a je založen na sto ručně psaných soukromých dopisech pisatelů do 30 let. Deminutiva jsou analyzována z hlediska slootovorné utvářenosti a pragmatické, stylové, příp. lexikálně-sémantické funkce v textu. Vzhledem k tomu, že jde o soukromou komunikaci a o příznakové lexikální prostředky, bývají deminutiva formálně rozmanitá a osobitá, zřetelně u nich vyvstává vyjadřování především citového, hodnotícího a volního postoje pisatelů (viz pragmatická deminutiva *albíčko, brigádička, čajík, dopísek, jídelko*). V návaznosti na četná zpracování českých deminutiv v dosavadní odborné lingvistické literatuře se příspěvek pokouší přispět mapováním dílčího jazykového úzu pomocí korpusových zdrojů (korpus ručně psané korespondence: <http://ucnk.ff.cuni.cz>) k této stále aktuální slootovorné tematice.

The paper deals with occurrence and functions of diminutives (mainly nominal) in the vocabulary of young people from the turn of the 20th and 21st centuries. The analysed material is excerpted from the dictionary *Slova v soukromých dopisech. Lexikografická sonda* (Hladká, Z. – Martinčová, O., Brno 2012), obtaining 800 entries and based on hundred of hand-written private letters by people up to the age of 30 years. Diminutives are analysed as for their word-formation structure and pragmatic, stylistic and lexical functions in the text. With respect to the fact that this is private correspondence and marked lexical items, diminutives show variability and obvious expression of emotional and evaluative attitudes of writers (there is a number of pragmatic diminutives such as *albíčko, brigádička, čajík, dopísek, jídelko*). Following linguistic works on Czech diminutives, the paper aims at covering a particular language sphere by means of language corpora (KSK-dopisy; <http://ucnk.ff.cuni.cz>).

Klíčová slova: deminutivum, korespondence, lexém, slootovorba, pragmatika

Key words: diminutive, correspondence, lexeme, word-formation, pragmatic

Motto: Čeština má mnoho zdobnělin, a bývají cizincům nápadné – ať už svou hojností, ať – některé – svou povahou. A opravdu: slova jako *kafičko, mlíčko, polívčička, pivičko, bifteček, párečky, rohlíčky, koláčky, knedlíčky, nudličky, pošušňaničko, gulášek, paprička, kolínko* (to jedlé!), *jitrničky, pohodlíčko, do nebička – do peklíčka, pámbíček, božínku* vymezují český život od toho drahého břicha až po samého pánaboha velmi pozoruhodným růženečkem zdobnělin a zdobnělineček. Jak značné možnosti zde čeština má, ukazuje dobře slovo jako *velebníček*, k němuž v jazykové praxi není vůbec nijakého základu *velebník*: nu, zdobnit velebnost, toť opravdu již výkon.

(Pavel Eisner: *Chrám i tvrz: kniha o češtině*. 2. vyd. Praha: NLN, 1992: 78)

1 Úvod

Nejen (v mottu zmíněným) velkým množstvím slovtvorných deminutiv vyznačuje se česká slovní zásoba, ale bohaté, rozmanité a stále živé a aktuální jsou také jejich funkce a hodnoty v současné komunikaci. Česká lingvistika věnuje deminutivům značnou pozornost (pro ilustraci viz výběr bibliografie v závěru). Pro tento příspěvek jsme zvolili specifický typ komunikace: příznakovou slovní zásobu korespondence mladých lidí přelomu 20. a 21. století. Analyzovaný materiál pochází z korpusu soukromé korespondence¹ obsahujícího 2000 ručně psaných dopisů, 1000 e-mailů od 3000 pisatelů a 2000 SMS (souborně byl publikován v práci Zdeňky Hladké a kol.: *Čeština v současné soukromé korespondenci. Dopisy, e-mail, SMS*. 2005); využit byl dále slovník Zdeňky Hladké a Olgy Martincové: *Slova v soukromých dopisech. Lexikografická sonda* (Brno 2012, 138 s.), který obsahuje 800 hesel a zakládá se na sto ručně psaných soukromých dopisech pisatelů do 30 let. Deminutiva analyzujeme z hlediska slovtvorné utvářenosti a jejich pragmatické, lexikálně-sémantické a stylové funkce v textu.²

2 VYMEZENÍ A SLOVTVORNÉ TYPY DEMINUTIV

Deminutiva neboli zdobnělé názvy představují jednu z nejdůležitějších modifikačních slovtvorných kategorií – význam základových slov je v nich modifikován kvantitativně, často zároveň i emocionálně (zpravidla kladně). Připomeňme úvodem Dokulilovo vymezení (Dokulil 1962: 46): »Onomaziologická kategorie deminutivnosti je založena na tom, že k danému pojmu

¹ Tento korpus ručně psané korespondence je součástí Českého národního korpusu: KSK-dopisy; <http://ucnk.ff.cuni.cz>.

² O deminutivech v těchto soukromých dopisech viz též Hladká 2014.

připojujeme doplňující znak deminutivnosti. Tento deminutivní znak je svou povahou složitý: může být jen kvantitativní, záležející v pojetí předmětu jako malého, menšího (relativně), než je obvyklá velikost předmětů toho druhu (*stůl – stolek*) – v tom případě zůstává v oblasti nociónálního jazyka – nebo jen kvalitativní, v tom případě je vždy emocionální, a to buď meliorativní, apreciativní (*matka – matička, chléb – chlebiček*) nebo pejorativní, depreciativní (*děd – dědek, spisovatel – spisovatyšek*) – anebo kvantitativní i kvalitativní zároveň (*děvče – děvčátko, ruka – ručička, ručinka*).« Obdobně vymezuje deminutiva Neščimenková (Neščimenková 1980: 13–14) – deminutivnost chápe jako subkategorii kvalitativně-quantitativního hodnocení.

Za základní význam deminutiv se obecně považuje nenoremní dimenze ve srovnání s normou zmenšená (Rusínová: 1997). Vedle základního modifikačního významového rysu menšího rozměru (deminuce) nebo spolu s ním deminutiva mívají pragmatický rys hodnocení – především a nejčastěji příznak citového zabarvení.³ V současné komunikaci hodnotící rys u deminutivních forem často převládá nad rysem malosti.

Menší rozměr však představuje jen jeden aspekt deminutivnosti – lze o ní mluvit pouze se zřetelem k formě, tedy ve smyslu slootovorném. Slootovorná deminutiva se tvoří derivací – deminutivní sufixy v nich plní funkci klasifikační (vztahují pojmenovaný pojem k pojmové kategorii substantiv – deminutivně pojatý pojem zůstává uvnitř výchozího pojmu, má pouze zvláštní znak navíc) a funkci kvantitativně-kvalitativního hodnocení (Neščimenková 1980: 15: funkce sémantického modifikátora konkretizujícího význam odvozovacího základu). Deminutiva se v praxi tvoří především od názvů konkrétních věcí, zvířat, osob, méně od názvů abstrakt; většinou se netvoří od názvů s lexikálním významem, který odporuje deminuci nebo nemotivuje k emocionalizaci.

Tvoření deminutiv v češtině je stabilně velmi produktivní, včetně slov nových a přejatých. Je charakterizováno vysokým stupněm gramatikalizace, která se projevuje v unifikaci slootovorných prostředků (ve smyslu dominance sufixů s příznakem *-K-*: *-ek, -ík, -ka, -ko*) a hromadností tvoření (Doležel 1967: 495). Deminutiva se zakládají na základových slovech téhož gramatického rodu – v češtině se nejčastěji tvoří od maskulin (většinou s výjimkou apelativ typu *předseda, soudce*), nejméně od neuter. Po formální stránce jsou vedle unifikace sufixů pro češtinu typické hláskové alternace, především (fakultativní) dloužení vokálu základu (*hrad – hrádek, komora – komůrka, břicho – bříško*)

³ Podobně viz např. Encyklopedický slovník češtiny 2002: 283: Názvy zdrobnělé vznikají modifikací významu substantiv příznakem menšího rozměru (deminucí), z něhož se odvozují pragmatické významy kladného nebo záporného hodnocení.

nebo (determinované) alternace koncové souhlásky základu (*arch* – *aršík*, *kniha* – *knížka*, *pero* – *peříčko*).

Deminutiva se rozlišují a) podle formy na primární a sekundární, b) podle funkce na deminutiva prvního a druhého stupně; mezi formální a funkční stránkou deminutiv bývá shoda, rozcházejí se nejčastěji u neuter (sekundární deminutiva ve funkci deminutiv 1. stupně: *políčko*, *městečko*). Mezi základní deminutivní sufixy primární (jednoduché) a sekundární (složené, rozšířené) patří⁴:

M:	<i>-ek, -ík, -ec</i>	<i>-eček, -iček, -ánek, -ének, -ínek</i>
F:	<i>-(eli)ka, -ice</i>	<i>-ečka, -ička, -(elě)nka, -inka, -unka, -uška/-ouška</i> <i>-čička, -čenka/-činka, -enečka/-inečka, -ulenka/-ulinka</i>
N:	<i>-ko, -átka, -ce</i>	<i>-(e)čko, -íčko, -(elě)nko, -inko, -átečko</i>

V dnešní češtině prakticky už jen pět z primárních deminutivních sufixů má pouze znak deminutivnosti: *-ek* (*chloupek*), *-ík* (*psík*), *-ka* (*rostlinka*) a *-ko/-átka* (*zrnko*; *koťátko*). Pomocí složených sufixů se obvykle deminutivní význam zesiluje (*keříček*, *rybička*, *slovičko*).

Deminutiva (s modifikačním kvalitativním významem) se hojně používají zejména v běžné řeči, v uměleckých textech (v poezii, lidových písních, dětských říkankách) nebo v komunikaci s dětmi a v soukromí, rodině (kde mívají mazlivý až lichotný ráz). Fungují také jako jeden z prostředků intenzifikace, a to především v mluvených projevech, v projevech s převažující funkcí ovlivňovací a přesvědčovací nebo ve spojení s vyjádřením emocí. Zpravidla se nepoužívají v textech s převážně informačními cíli. Deminutivní forma se někdy také využívá k pojmenovacím účelům (např. v terminologii), příp. se dokonce lexikalizuje.⁵

3 DEMINUTIVA V TEXTECH SOUKROMÉ KORESPONDENCE

Námi analyzovaná deminutiva pocházejí ze soukromé korespondence mladých lidí (z čistě osobních dopisů z let 1997–2003 a ze soukromých emailů a SMS zpráv), která představuje specifický a jazykovými prostředky pestrý typ

⁴ O jednotlivých deminutivních sufixech a jejich distribuci viz blíže např. Šlosar 2003: 125–128.

⁵ O lexikalizaci viz např. Čechová – Krčmová – Minářová: 2007; Neščímenková: 1980; blíže také Štícha 1978. Jak autor mj. konstatuje, deminutivní formy s platností modifikační a deminutivní formy s platností pojmenovací jednotky lze ze synchronního hlediska považovat za dvě komunikativní funkce jazykové formy, která měla z diachronního hlediska funkci jedinou.

komunikace. Především se (vedle značně osobitých a diferencovaných podob hláskoslovných, tvaroslovných i pravopisných) vyznačuje příznakovou slovní zásobou⁶, tedy např. nespisovnými prostředky typickými pro tzv. běžnou mluvu. Osobitost, nápaditost, ba i originalita se projevuje v některých případech i při tvoření a užívání deminutiv. Naprostá většina z nich (což platí obecně ve slovní zásobě) jsou substantiva; v excerpovaném materiálu se vyskytuje i několik adjektiv (-oučkový: *roztomiloučkový, růžovoučkový, sladoučkový, smradlavoučkový, žlutoučkový, zmateňoučkový*; -ounkový: *hezounkový, kraťounkový; kratilinkový, malinečičkový, malilinkatý, nemocinkatý*) a citoslovcí (expresivní pozdravy *ahojky, čauky, nazdárek, nazdárky, sbohemky*). V dalším výkladu se tedy budeme věnovat pouze substantivním deminutivům, a to apelativním; hojně a rozmanitě deminutivní podoby vlastních jmen (převažují osobní) ponecháváme vzhledem k povaze a funkci proprií stranou. Zahrnuli jsme deminutiva formou a/nebo funkcí příznaková (neuzuální, pro soukromou komunikaci specifická); excerpovali jsme je z výše citovaného slovníku a korpusové databáze soukromých dopisů. Ze 153 excerpovaných deminutiv jich 41 není dosud zaznamenáno, nejsou lexikograficky zaznamenána ve výkladových slovnících, příp. v databázi neologismů Neomat.

Slovnědruhové zastoupení deminutiv, repertoár slovtvorných sufixů a jejich distribuce i formální procesy tvoření včetně hláskových alternací se u deminutiv ze soukromé korespondence v podstatě shoduje s tvořením ve (spisovné, neutrální) slovní zásobě. Poměr deminutivních názvů pro účely našeho rozboru analyzovaných v celkovém počtu 153 je podle gramatického rodu 68 M : 52 F : 33 N. Z tohoto počtu je 87 deminutiv utvořeno primárními sufixy (46 M : 29 F: 12 N) a 66 deminutiv sekundárními sufixy (22 M : 23 F: 21 N). Tato jednoduchá statistika zhruba potvrzuje (výše naznačené) tendence při tvoření českých deminutiv obecně, dokazuje modelovost jejich tvoření i unifikaci slovtvorných prostředků.

Mezi příznakovými názvy se vyskytly okazionalismy s analogickou deminutivní strukturou utvořené pro příslušnou sémantiku nápodobou deminutiv a bez (doloženého, existujícího) výchozího substantiva: *adresníček* (malý adresář, *adresník) nebo expresivní názvy *žrádelníček, chudánek, luartásek, dlouhodobáček*. Jejich deminutivnost tedy vyplývá z analogie a kontextu užití:

Budem možná i v pastáku, v pomocné škole a v hafo jinejch ústavech. Taky v kojeňáku. Asi si mě dokážete těžko představit, jak pracuju se starouškama, ale jsou správní. A

⁶ Příznakovost se zakládá na příslušnosti slov k některému z útvarů národního jazyka, k typu komunikace a k jednotlivým stylům a stylovým vrstvám, na vyjádření citového, hodnotícího a volního postoje mluvčího, využívány jsou i výrazy zastaralé a zastarávající, dobové a příznakové frekvenčně.

*děsně mě to baví. Za půl hodky valím za svým **dlouhodobáčkem** (dlouhodobý případ – dítě postižené, romské dítě, problémové dítě). Já mám 20-ti letého kluka, slepého, postiženého. Je hrozně hodnej, ale je to s ním těžký. Nemá oči a bydlí u babičky.*

Od deminutiv v běžné slovní zásobě se příznaková deminutiva v soukromých dopisech liší některými lexikálně-sémantickými, pragmatickými a stylovými aspekty; proto se na ně zaměříme. Pro objasnění a ilustraci jejich zvláštností prezentujeme deminutiva v minimálním kontextu, podle potřeby uvádíme či zohledňujeme i základní sociolingvisticky relevantní údaje o pisatelích a adresátech.

3.1 Onomaziologické aspekty a sémantika deminutiv

Deminutivy se v soukromé korespondenci pojmenovává poměrně široký významový okruh denotátů, viz příklady v přehledu (v tematických skupinách řazeny abecedně a podle gramatického rodu):

ČLOVĚK: *blbeček, boreček, bratříček, čecháček, človiček, dlouhodobáček, haluzáček, chudáček, chudánek, klouček, lidičkově, luartásek, mazlíček, staroušek, stařík, strýčíněk, synek, šmouliček, šňupáček, tatíneček, zmeteček; divenka, dušička, kamarádečka, mamka, mrška, nymfička, podnájemníčka, potvůrka, stařenka, zrudka; děcka, děťátko, dítě, miminko, zlatíčko*

TĚLO (část): *čumáček, ksichtíček, mozeček; nožičky, zadnička; břicho, čelíčko, ouško, srdíčko, zádička*

ŽIVÁ BYTOST: *brouček, králíček, hnojníček, chrobáček, kozlíček, lemureček, mazlíček, oslík, páteříček, pejsánek, pejsek, potemníček; kočička, ponravička, žirafička; housátko, zvířátko*

PŘEDMĚT (výtvar – umělecký, verbální aj., výrobek, nástroj, požívatin, plody): *adresníček, čajík, časopisek, dáreček, dopiseček, dopisek, džemík, fiátek, filmeček, imejlíček, inzerátek, mobilék, motoráček, obrázeček, padáček, plyšáček, polštářek, žrádelníček; botka, broskvička, brožurka, cigaretka, čepička, čokoládička, čokoládka, flašička, fotečka, chujovinky, jahůdka, kudlička, kytárka, lodička, petržilka (petržel), postýlka, povídečička, složečka; albičko, autíčko, bravičko, jablíčko, jídelko, pivko, psaníčko*

ABSTRAKTUM (stav, úkon, děj): *hlásek, klídek, křížiček (znamení kříže na čele), státeček, řádeček; drobnůstka, hodinka, hodka, chemijka, chvílička, náladička, pohoděnka, pohodička, pusinečka, pusinka (= polibek), specialitka; lehárko, písmenko, počasíčko, pohlazeníčko, pozdraveníčko, přáníčko, štěstíčko, zdravíčko; narozeninky*

UDÁLOST (společenská, přírodní jev): *koncertík, ohník, snížek, turnájek; brigádička, oslavička; bahýnko, sluníčko*

MÍSTO: *hampejíček, krámeček, krámek, pokojíček, zámeček; mýtinka, šatnička, vesnička, vinárnička; nebičko, okýnko, seničko, údolíčko*

Poměrně běžné, ba hojně je v soukromé korespondenci nepřímé pojmenování – symbolika a metaforičnost se využívá i u deminutiv. Oblíbená je např. záměna názvů osob s názvy jiných bytostí nebo synekdochické užití názvů částí těla. Kladný emocionální vztah k (blízké) osobě se vyjadřuje zejména deminutivními podobami pro oslovování domácích mazlíčků – odtud jejich až mazlivý přídech.

V následujícím příkladu je metafora víceméně ustálená:

*Pochybování zmizí až si přiznáš, že víš. A ty víš. Pochybování je mysl – mysl je mozek. Mozek je tělo a tělo je pomíjivé. Duch je vědění. Nestylizuj se do toho, čím nechceš být. Ve čtvrtek jsi měl v očích vyplašeného **králíčka** – částečně za to můžu – omlouvám se ti. Váš názor na vztah dvou žen nesdílím. Poznala jsem že na tom doplňování se jing a jang energií opravdu něco je. Příroda to zařídila – tak jak to zařídila, protože asi věděla co dělá. (dívka hochovi 15–30 let, kamarádi)*

Ustálený je také hanlivý a posměšný deminutivní název příslušníků českého národa:

*K superfilmu Dědictví. To, že se říká, že ho **čecháčci** nepochopili je možná pravda, ale já mezi ně nepatřím. Jenom je škoda, že nemáme video – už bych ho měl nahrané. Některý fráze z toho filmu jsou prostě nesmrtelný a když je slyším, tak umírám smíchy (hoch dívky 15–30 let, kamarádi)*

Přenesený, ironický význam základového slova se může v deminutivu zachovat a deminucí zesílit:

*Ráno bylo tak moc krásně a teď to vypadá na bouřku a to chceme jít odpoledne na Půlčínské skály a přespat tam – tak teda nevím. Jsem úplně moc unavená, mám hlad a chce se mi spát. Co ty a ten tvůj **boreček**? Já teda nic moc, teda spíš nic. V dolním táboře je sice @ (Tomáš), ale co s ním? Už nic. Jednou večer jsme tak s ním popíjeli fernetu – prostě párty. (2 dívky 15–30 let, kamarádky)*

Oblíbeným prostředkem vyjádření exprese je jazykový humor – u názvu *žrádelníček* je pozadím konkurence (synonymie) zhrubělého obecněčeského pojmenování *žrát, žrádlo* a neutrálního *jíst, jídlo*. Vědomá záměna participantů obou dějů (zvíře – člověk) je v dopisu dále využita a rozvedena jako stylizační princip:

*Vedoucí vymysleli úplnou senzaci: **Žrádelníček** Tak například: Zitra k večeři bude koupel čachtické paní a jugoslávské šišky (rajská a dalmatské čufty) Dnes byl k obědu placatý odpeřenec (řízek s brambory). Vše je zakončeno slavnostním Nechte si chrochtat (čvachtat).*

Deminutiva s kvantifikující funkcí jsou (formálně) převážně deminutivy prvního stupně; u feminin a neuter se tvoří i pomocí sekundárních sufixů a bývají expresivní (*broskvička, chvílička, kočička, kudlička, nymfička, ponravička; autíčko, čeličko, jablíčko, psaníčko, sluničko, údolíčko, zvířátko*). Sekundární sufixy slouží k vyjádření druhého stupně deminuce především u názvů předmětů a osob, vesměs také (byť v různé míře) expresivních – jsou to hlavně maskulina: *blbeček, bratříček, dáreček, dopiseček, filmeček, krámeček, lemuřeček, mazlíček, obrázeček, státeček, šmouliček, tatíček; imejliček pokojíček, kozlíček, křížiček, ksichtíček, strýčinec*; méně často feminina: *pusinečka, pusinka, čokoládička, lodička, nožička, povídečička, vesnička, žirafička*. U ostatních, zejména abstraktních názvů se vedle zdrobňovací funkce (tj. vyjádření např. malého významu něčeho) projevují různé (aktualizované) funkce pragmatické (široká škála hodnocení, emocí, především kladných) a stylizační (textové – např. gradace a ironizace); tyto funkce vystupují často jako dominantní (deminuce ustupuje do pozadí). Viz např. v dopisu babičky vnučce – zejména deminutivum od abstraktního názvu působí lichotivým až mazlivým dojmem:

*a chci aby to vychládlo a já to mohla zabalit a večer dát **tatínkovi**. Petruško dávej na sebe pozor a nikomu nevěř ať Tě nikdo neukrade. Nepřepínej se ať Tě nebolí hlava a chod' brzo spávat. Zatím končím, líbám Tě na čeličko, taky Ti dělám **křížiček** na čeličko Zatím Ahoj **babička**.*

3.2 Pragmatika deminutiv

Soukromá korespondence představuje neformální, často intimní typ komunikace oscilující mezi psaností a mluveností a vyznačující se zákonitostmi epistolárního žánru. Z toho pramení nebo s tím souvisí značná potřeba pisatelů vyjadřovat v dopisech vlastní citové, hodnotící a volní postoje. V rovině slovní zásoby se to projevuje užíváním příznakových pojmenování (zejména s rysem expresivity, emocionality nebo evaluace); poměrně velký podíl mezi nimi mají pragmatická deminutiva.

V dopisech bývají tradičně hojně užívána pragmatická deminutiva zejména při oslovení – jejich repertoár, motivace, výběr mohou být značně individuální a naznačují stupeň důvěrnosti mezi pisatelem a adresátem (příp. jinou osobou). Jak konstatuje Hladká 2014, bohatost deminutiv v úvodu dopisu souvisí s tím, že právě v úvodu se výrazně prolíná snaha pisatele navázat a udržet pozitivní vztah s komunikačním partnerem, projevit city, zaujmout. Kumulací takových deminutiv a jejich formální nápadností se stupeň důvěrnosti ještě zvyšuje:

*jediná škodovka v Anglii a my jí vběhneme do cesty – to se může stát jen mně). Víš, že tě miluji a proto tě miluji a ještě jednou a znova a ještě dvakrát navrch. Miluji tě Simonko moje, **pusinko, čumáčku, šňupáčku, kočičko**. Bav se fajn Tvůj Pepíček (budoucí podnikatel, který Tě pořád miluje) (muž SŠ, 15–30 let, ženě SŠ 15–30 let)*

Deminutivní oslovení může předznamenat záměrnou volbu deminutiv v textu dopisu i v jeho závěru jako kompoziční princip reflektující emoce, rozpoložení nebo postoj pisatele k obsahu. Účinek je zde zesílen gramatickou podobou deminutiva – tvar *lidičkově* je silně příznakový a řídký, deminutivum navozuje až mazlivý přídech.

*Praha, Nový rok Ahoj **lidičkové**, Moc se omlouváme, že si budete muset škrtat ve svých **adresníčcích**, ale my jsme tomu naopak velice rádi, že nám bylo dopřáno zvětšit svůj životní prostor o pár m2. Koloděje jsou **vesnička**, kde bydlel obr Koloděj (tak je to tu trochu podupané), opravovala se tu kdysi kola od vozů no a dnes je tu pneuservis Pe-py@. Taky tu máme kostel, faru, hřbitov a vládní **zámeček**. Anežce bude za chvíli rok a určitě Vás ráda uvidí, pak si Vás oblíže a bude se Vám smát přesně tak jak to dělá celé dny nám. Tak přijedte @ Ahoj Leni, Luky by ti chtěl strašně moc napsat dopis, ale teď máme nějak hodně běhání po úřadech a nestíhá. Tak raději píšu pár řádek já, aby tě naše novoroční přání lásky, **šťěstíčka** a **zdravička** zastihlo alespoň před Velikonocemi. Měj se kytičkově, Majka (žena, VŠ, 15–30 let ženě SŠ 15–30 let)*

Pouhá deminuce bývá v soukromých dopisech často východiskem pro významovou intenzifikaci. Jejím častým typem (a to i v běžném dorozumívání) je spojení *ani* + deminutivum v záporné větě ke zdůraznění platnosti obsahu záporného predikátu na obsah deminutiva v celém rozsahu:

*Tak a už Ti slibuju, že o Jirkoj nenapišu ani **řádeček** (to platí jen pro tenhle dopis), jinak se o něm budu snažit nemluvit. Ale jak se znám, tak to poruším, protože jsem v poslední době strašně ukecaná. (dvě dívky SŠ, 15–30 let, kamarádky)*

K modifikaci deminutivního významu dochází pod vlivem bezprostředního kontextu a vůle pisatele, jeho postojů, citového zaujetí ke sdělovanému obsahu. Tak se např. v okazionální tvorbě vlastních deminutiv v následujícím dopisu odráží vztah pisatelky (studentky) k jednotlivým učebním předmětům:

*umím ryby (sladkovodno), ptáky, už se pracuje na motýlech (to je k praktické zkoušce na pajdulu) ještě zbývají brouci, savci, vyhynulý zviřata, obratlovci ..., kytičky, tráva, stromečky, nerosty a horniny ... Dál dělám na přeskáčku **chemijku, biolku**, fyziku, jak kdy mám na co chuť.*

Podobně se v následujících čtyřech dopisech aktuálně modifikuje význam expresivního deminutiva *osůbka* na škále: konstatování/uznání – sympatie – obdiv – zalíbení/zamilovanost (všechny dopisy jsou adresovány ženě, v prvním případě je pisatelem žena, v ostatních muž; poslední dopis je stylizován poeticky):

*Ty už máš taky asi dětiček plné zuby, ale třeba ne, věřím, že jsi v pohodě. Ty jsi přece silná, vyrovnaná **osůbka**. Držím ti pěsti.*

*Chodíme se bavit s kamarádama, protože nám nic jiného nezbyvá. No schází mě tu nějaká milá **osůbka** jako jsi Ty – doufám že tě po prázdninách někdy uvidím, protože tenhle školní rok nám to moc nevyšlo. Teď dostávám náladu někam vyrazit, dostávám dobrou náladu, poslouchám tu fajn muzika a odpočívám ve svém vlastním pokoji ve kterém jsem jen já a počítač.*

*Jen spěch, stres, spěch, stres a zase spěch! A co teprve dopisy. A tak se stalo, co se stát nemělo. Já za ty dva měsíce úplně zapomněl, že tam někde dole v nespoutané metropoli Jižní Moravy žije **osůbka**, kterou skrytě obdivuji (P. S. To byl kompliment) a strávil jsem s ní úplně báječnou a vzrušující táborovou noc (wow). A tak by bylo velmi nemilé, kdyby na počátku listopadu do Ostravy přijela a na mne silně zanevřela*

*zaznělo, že Vás mám dosti rád). Neb jest tomu tak, a to nedlouho od prvopočátku našeho setkání a již při povídce o provázcích visících daleko od sebe (nám – odpusťte ten plurál – stále tolik podobných) shledal jsem ve Vás **osůbku** neobyčejnou, s níž bylo mi vždy příjemno a milo vidat se, rozprávět (a dokonce i nerozumět si). Ale však já pošetilý, jak mohl jsem nabýt dojmu, že z celého mého ustrojení byla jste to pochopila, že tedy slov netřeba,*

Na principu jazykové hry se zoologickými názvy s deminutivní formou (nebo jim podobnými) je nápaditě stylizován dopis dívky kamarádce. Lexikalizovaný a specializovaný význam deminutiv (některá mají terminologickou platnost) je konfrontován s expresivním oslovením osoby a vyvolává různé asociace – vesměs kladné, emocionální či humorné.

*Hej, už jsi někdy uvažovala na tím divným oslovením »Broučku«? No, tak si tedy třeba představ: Óda pro milovanou bytost (ze by pro Jirku?) Ty můj malý **broučku** roztomilý **kloučku** ty můj sladký **tesaříčku** černoskvrný **kovaříčku** rozesmátý **hrobaříku** **kozličku** **dazule** (co to bylo minule?) **světluško** menší **potemníčku** moučný **zlatohlávk** Goliáš (jak mě tvoje matka snáší?) **mandelinko** bramborová (sejdeme se zítra znova?) **chrobáčku**, **hnojníčku** (půjdeš ven chvíličku?) **ponravičko** moje cos vylezla z hnoje **páteříčku** sněhový (nikdo se nic nedoví!) **pestrokrovečnicku** (zítra na seníku!) květopase jablonořový (jak to seno pěkně voní?) **vrbounku** posvátný (ať je náš den památný!) Ahoj **luarťásku!** Právě máme matiku. Je to neskutečná zábava! Celá má duše se chvěje rozkoší z intenzivní práce.*

A konečně podobně jako v běžné řeči se i v soukromé korespondenci užívá deminutiv také k vyjádření libosti a pocitu uspokojení, a to z požitků hmotných i abstraktních:

*Ptáš se na zprávy z Přerova a okolí? Naši byli překvapeni, ale rádi. A jedna slečna byla překvapena a ... jak říká T. Cruise v »Topgun« na poprvé nic moc!! Takže si nyní užívám svobody. Mimochodem, nebyla by **cigaretka**??? Víc Ti napíšu, spíš řeknu až se uvidíme. Celkem to bylo zajímavé (myslím s tou slečnou). Však pokecáme (co ? ...) a třeba se i pobavíš ... Jinak zatím nepracuji, protože zatím nic nesháním a užívám si svobodného života (muž ženě, 15–30 let, rodina)*

*V Chorvatsku bylo opravdu nad očekávání dobře, až jsem byla sama překvapena. Taková **pohodička** a **lehárko**. Do práce se mi opravdu nechce a ještě ten stres, než se to všechno zaběhne a taky angličtina – no hrůza.* (žena ženě VŠ 15–30 let, kamarádky)
*Ted' mě prosím na chvíli omluv, jdu se proběhnout, venku je nádherný **počasíčko**, ale až se vrátím, budu ještě kousek pokračovat.* (žena SŠ ženě VŠ 15–30 let, kamarádky)

4 ZÁVĚR

V návaznosti na dosavadní četná zpracování českých deminutiv v odborné lingvistické literatuře jsme se v tomto příspěvku pokusili zmapovat dílčí jazykový úzus – specifickou oblast soukromé komunikace mladých lidí. S využitím materiálu z korpusových zdrojů jsme ilustrovali živost, produktivnost, variantnost a funkčnost českých deminutiv. Zaměřili jsme se na příznakové lexikální prostředky a podle očekávání jsme zaznamenali deminutiva formálně a funkčně rozmanitá a osobitá; ve většině případů u nich zřetelně vyvstává do popředí vyjadřování citového, hodnotícího a volního postoje pisatelů. Vzhledem ke snaze pisatelů zaujmout adresáty nejen obsahem, ale i formou vyjádření se vyskytla i deminutiva od základových slov s (primárním) významem deminuci nepředpokládajícím.

Naše analýza tvoření příznakových deminutivních názvů potvrdila systémovost českého souboru deminutiv a jeho neuzavřenost. Především pragmatická deminutiva lze tvořit téměř od každého substantiva. Tato možnost se rozšiřuje, jak jsme se pokusili ilustrovat u soukromé korespondence, i vzhledem k rozvolňování a uvolňování společenských, etických a jazykových norem moderní komunikace. Srovnání potenciálu tvoření obdobného lexika v současných slovanských i neslovanských jazycích by ukázalo, zda jde o jevy a tendence obecné či paralelní.

LITERATURA

Václav CVRČEK et al., 2010: *Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Karolinum. 93–110.

Marie, ČECHOVÁ, Marie KRČMOVÁ, Eva MINÁŘOVÁ, 2007: *Současná stylistika*, Praha: Nakladatelství Lidové noviny.

Miloš DOKULIL et al., 1986: *Mluvnice češtiny 1. Fonetika, fonologie, morfonologie, morfemika, tvoření slov*. Praha: Academia. 300–304.

Miloš DOKULIL, 1962: *Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.

Luboš DOLEŽEL, 1967: Jména zdrobnělá (kvantitativní rozbor). *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Red. Miloš Dokulil, František Daneš, Jaroslav Kuchař et al. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. 494–530, 556.

Encyklopedický slovník češtiny, 2002: Praha: Nakladatelství Lidové noviny.

Zdeňka HLADKÁ, 2010: Lexikální bohatství korespondenčních textů. *Užívání a prožívání jazyka. K 90. narozeninám Františka Daneše*. Red. Světlá Čmejrková, Jana Hoffmannová, Eva Havlová. Praha: Karolinum. 167–170.

Zdeňka HLADKÁ, 2014: K užívání deminutiv v soukromé korespondenci. *Přednášky a besedy ze XLVII. ročníku LŠSS*. Red. Eva Rusínová. Brno: Masarykova univerzita, 56–64.

Marek NEKULA, 2004: Deminutiva a zdvořilost. *Čeština – univerzália a specifika 5: sborník konference v Brně 13.–15. 11. 2003*. Red. Zdeňka Hladká, Petr Karlík. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 110–119.

Igor NĚMEC, 1972: Slovtvorný význam a expresivita. *Slovo a slovesnost* 33/2, 116–121.

Galina P. NEŠČIMENKOVÁ, 1980: *Očerk deminutivnoj derivacionnoj sistemy v istorii češskogo literaturnogo jazyka: konec XIII – seredina XX vv.* 1. vyd. Praha: Academia.

Zdenka RUSÍNOVÁ, 1996: Deminutivní modifikace z hlediska pragmlingvistického: intenzifikace. *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity*. Brno: MU, A 44, 91–95.

Dušan ŠLOSAR, 2003: Deminutiva (jména zdrobnělá). *Příruční mluvnice češtiny*. Dotisk 2., opr. vyd. Red. Petr Karlík, Marek Nekula, Zdenka Rusínová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 125–128.

František ŠTÍCHA, 1978: Substantiva deminutivní formy s lexikalizovaným významem. *Naše řeč* 61/3, 113–127.

Zdeňka HLADKÁ et al., 2005: *Čeština v současné soukromé korespondenci. Dopisy, e-mail, SMS*. Brno: Masarykova univerzita.

Zdeňka HLADKÁ, Olga MARTINCOVÁ, 2012: *Slova v soukromých dopisech. Lexikografická sonda*. Brno: Masarykova univerzita.

KSK-dopisy. <<http://ucnk.ff.cuni.cz>>.

SUMMARY

Potential of Diminutive Formation in Contemporary Czech (on Material of Everyday Speech of Youth)

Following the rich Czech linguistic literature written to date on diminutives, this paper dealt with the usage of nominal diminutives in the vocabulary of private correspondence shared by young people from the turn of the 20th and 21st centuries. Using corpora, it illustrated their productivity, variability and functions. The emphasis was on the marked lexical items. As expected, diminutives unique and different in forms and functions have occurred in the correspondence. The majority of the diminutives showed expression of emotionality and evaluation or moral attitudes of the letter

writers. With respect to the fact that the authors often try to attract readers' attention not only by their message, but also by the form of their language expression, they use also some diminutives, which are derived from nouns excluding the notion of diminutiveness. Our analysis has proved the systematic nature of diminutive formation in Czech and the openness of their system. Especially pragmatic diminutives can be formed basically from any Czech noun. The scope of their formation is connected, as we assume, with broadening and freeing social, etc and language norms of modern communication. Comparative study of similar vocabulary in contemporary Slavic and other languages could show if such processes and tendencies are parallel.

БОЖО Б. ЋОРИЋ

Филолошки факултет Универзитета у Београду,
Србија, Београд, coricbozo@gmail.com

О даљој деминуцији у српском језику

Рад се тиче тзв. *даље деминуције* којом су настали именички деривати типа *собичица* [← *собица* (← *соба*)], *собичак* [← *собица* (← *соба*)] и сл. Српски језик располаже са неколико типова *даље деминуције* различитог степена продуктивности. Граматичка и лексикографска литература садрже примере који показују да српски језик поседује само један степен даље деминуције (*борићак* ← *борић*). Међутим, у разговорном језику и на интернет форумима посведочени су и деривати настали даљом деминуцијом другог степена (*рибићич-ица* ← *рибић-ица* ← *рибица*). Број суфикса који учествују у даљој деминуцији је мањи од броја суфикса којима се граде основни деминутиви (који су база *даље деминуције*).

The paper is dealing with so-called *further diminution*, by which the noun derivatives of *sobičica* [← *sobica* (← *soba*)], *sobičak* [← *sobica* (← *soba*)] type and similar were produced. The Serbian disposes of several types of *further diminution*, which have different degrees of productivity. The grammatical and lexicographical literature contains the examples showing that Serbian has only one degree of further diminution (*boričak* ← *borić*). Nevertheless, in spoken language and in Internet forums, the derivatives produced by further diminution of second degree (*ribičič-ica* ← *ribič-ica* ← *ribica*) are confirmed. The number of suffixes that participate in further diminution is smaller than the number of suffixes that produce the basic diminutives (which are the basis of *further diminution*).

Кључне речи: даља деминуција, деминутив, суфикс, дериват, српски језик

Key words: further diminution, diminutive, suffix, derivate, Serbian language

1 Предмет овог рада је тзв. »даља деминуција« у српском језику. Циљ рада је да се, полазећи првенствено од формалних критеријума, утврде и систематизују творбени типови, прикаже њихова продуктивност, одреде мотивационе везе унутар одређених група деривата, прикажу конкурентски односи унутар разматраног феномена, издвоје форманти који у овој творби учествују и сл. Семантичку страну испитиваног феномена остављамо по страни, а у складу с тим појмове *деминутив* и *деминуција* користимо у најширем могућем значењу (у тај појмовни круг укључује-

мо и тзв. хипокористике и пејоративе).¹ Посебних радова који би били окренути искључиво даљој деминуцији до сада није било. То, међутим, не значи да се, као што ће се видети, о овој појави није писало у грама-тикама и радовима који су, на овај или онај начин, у овој или оној мери, били посвећени деминутивима и деминуцији.

1.1 Појава која је у фокусу нашег интересовања први пут је, колико знамо, запажена у једној компаративно-историјској студији на немачком језику, публикованој пре више од 100 године (Belić 1901). Белић ту, на грађи из разних словенских језика, пише пре свега о *развоју* појединачних деминутивних суфикса, али уз неке од тих суфикса, у посебним тачкама, пише и о даљој деминуцији (нем. *weitere Deminution*). Он посебно не дефинише овај појам, а шта је под њим схватао сазнајемо у делу где се говори о настанку сложених деминутивних суфикса. Такви, дакле, сложени суфикси јављају се онда када се током историјског развоја изгуби тзв. *посредујућа реч* (*vermittelnde Wort*). Из такве перспективе гледано гласовни склоп *ička* може се формално двојако третирати: као самосталан сложени суфикс *-ička* (исп. чешко *službička* ← *služba*), али и као *завршетак* изведене речи који се може разложити на *-ička* где први део (*-ič*) припада основи, а други је деминутивни суфикс (*-ka*). Овај други случај можемо илустровати творбеним ланцем типа *bába* → *babice* → *babička*: творбени пар *bába* → *babice* представља пример основне творбе деминутива, док је пар *babice* → *babička* пример тзв. *даље деминуције* у чешком језику, помоћу суфикса *-ka*. Средишњи део ланца *babice* би био *посредујућа реч*. Уколико би она из језика нестала онда бисмо имали творбени пар *bába* → *babička*, са сложеним суфиксом *-ička*. Белић је био свестан чињенице да одсуство *посредујуће речи* у речницима не значи и њено одсуство из језика (она, из неких разлога, просто није унета у речник), па допушта могућност да се неки деривати без потврђене посредујуће деминутивне форме ипак наведу као примери *даље деминуције* (Belić 1901: 140). Отуда у његовој студији и примери даље деминуције без потврђене »посредујуће речи«. Белићев корпус био је базиран на речницима 19. века.² Он у својој студији наводи потврде

¹ У једној популарној хумористичкој ТВ емисији (24 часа са Зораном Кесићем), осврћући се на прилике у једној политичкој странци, употребио је околишним ланцем *странчицица* (← странчица ← странка). По својој творбено-семантичкој структури (странчица = мала странка, странчицица = веома мала странка) ово су деминутиви, али су то, контекстуално, *пејоративи*.

² Даль Владимир Иванович, Толковый словарь живого великорусского языка, ¹1833–1864, ²1880–1882; Иван Иванович Носович, Словарь бѣлорусскаго нарѣчя, Санктпетербургъ, 1870; Евгений Иеронимович Желеховский, Малоруско-німецький словарь / Ruthenisch-Deutsches Wörterbuch, Львів, 1886; Aleksander Zdanowicz

из следећих језика: руског, пољског, чешког, словачког, словеначког, белоруског (weißrussisch), српског, горњо- и доњолужичкосрпског (oserb., oberserb., nserb), староцрквенословенског и црквенословенског. Ми ћемо овде из Белићеве студије издвојити, селективно, примере из различитих словенских језика, водећи при том рачуна да наведемо све структуре које се тичу српског језика. Примере ћемо наводити према суфиксима »посредујућих речи,« као што је и сам Белић радио, али ћемо, за разлику од њега, мотивацију означавати стрелицом, правећи тако творбене парове, односно творбене ланце:

-кѣ:³ пољ. *kamycek* ← *kamyk*, *strumyczek* ← *strumyk*, срп. *јачмичак/јечмичак*, *пламичак*, *прамичак*, *грумичак*, *кремичак*⁴; -акѣ: пољ. *wieprzaczek*⁵ ← *wieprzak* (← *wieprz*), чеш. *synáček* ← *synak*=*synek*; -икѣ: чеш. *prstíček* ← *prstik*, словач. *vnučíček* ← *vnučík*; -ѣкѣ, -ѣкѣ: рус. *глочечекѣ*, *вѣтерочек*, пољ. *kołeczek*; -ка: чеш. *brázdečka* ← *brázdka* (← *brázda*); -ко: рус. колѣночко, чеш. *jablěčko*; -ика: чеш. *jehlička*, срп. *вишњицица*, *слободичица*; -ѣсѣ: словеначки *dróževčĕk* ← *dróževĕs*, срп. *дућанчић*,⁶ *сточић* ← *столац*,⁷ *товарчић* ← *товарац*,⁸ *убрушчић* ← *убрусцац*,⁹ *хљепчић* ← *хљебац*¹⁰; -ѣсе: чеш. *seněčko*¹¹, срп. *кориташице* ← **коритце*, *путашице* ← **путце*.¹²

и др., *Słownik języka polskiego...*, Wilno 1861; František Štěpán Kott, *Česko-německý slovník zvláště gramaticko-fraseologický*, 1878–1893; Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar* (1894–1895); Вук тефановић Карацић, *Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима*, Београд³1898.

³ Белић вели да се овај суфикс среће код именица мушког рода на -ЋИ, те да у новим словенским језицима има само ретких остатака оваквих образовања, често без деминутивног значења. За староцрквенословенски даје серију потврда: »јеѣмѣ-кѣ, камѣ-кѣ, кремѣ-кѣ, пламѣ-кѣ, рѣмѣ-кѣ« (Belić 1901: 154).

⁴ Све су ове речи са завршетком -ен у ном. јединице.

⁵ Овог примера нема у пољ. речнику САНУ, мотиватори постоје.

⁶ Вук има у свом речнику *дућанац* као деминутив од *дућан*. Других потврда, по свој прилици, нема.

⁷ Вук има одредницу *столац*, али не као деминутив, има и *сточић*, али не као деминутив, већ у значењу *столица*. Белић о томе није водио рачуна, па је погрешно повезао ове две речи. Дакле, овде нема даље деминуције.

⁸ Вук има ову одредницу као дем. од *товар* (која тамо има три значења), а има и *товарчић* као деминутив од *товар* у значењу *магарац*. Белић није о овоме водио рачуна па је навео да основинска реч (*товарац*) значи *Bürde*.

⁹ У Вука постоји ова реч, али није дефинисана као дем. од *убрус*, већ као њој врло сродна реч, док је реч *убрушчић* дефинисана као дем. од *убрус*.

¹⁰ Ова је реч у Вука означена као дем. од *хљѣб*, али је код њега и *хљѣпчић* дем. од *хљѣб*.

¹¹ Претпостављамо да је ово од *sence* (← *seno*).

¹² Код Вука је *корице* (од **коритце*, гласовним путем), а *пуце* које постоји код Вука, није у вези са именицом *пут*. По свој прилици овде није у питању даља деминуција, већ деминутиви на -ишице.

Овде издвојена и на овај начин презентирана Белићева грађа садржи претежно трочлане творбене ланце, али се у његовој студији налазе и примери четворочланих ланаца, што илуструјемо примером из чешког језика: *vítř → větrík → větríček → větríčiček*. Наведени ланац, као што видимо, садржи три деминутивне структуре. У неким словенским филологијама у оваквој узастопној деминуцији виде се деминутиви првог, другог и трећег степена.¹³ Што се даље деминуције тиче, њој, у конкретном случају, припадају само последња два члана наведеног ланца (*větríček → větríčiček*). Што се примера из српског тиче – њих је мало. Можемо их разврстати у 4 типа: а) *вишњицица ← вишњица (← вишња), слободичица ← слободица (← слобода)*; б) *јачмичак/јечмичак, пламичак, прамичак, грумичак, кремичак*; в) *дућанчић, сточић ← столац, товарчић ← товарца, убришчић ← убрусац, хљепчић ← хљебац*; г) *кориташице ← *коритце, путашице ← *путце*.¹⁴ По нашем мишљењу, статус наведених примера, кад је реч о даљој деминуцији, није једнак. Неспоран је само први тип (са суфиксом *-ица*). У осталим типовима пре се ради о основној деминуцији (помоћу суфикса *-ичак, -чић* и *-ишце*).

1.2 Појам »даља деминуција« следећи пут налазимо у расправи Белићевог ученика и сарадника Радосава Бошковића у студији *Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници*. У поглављу *Развитак деминутивних наставака с елементом k и c* терминологирана синтагма »даља деминуција« јавља се на више места. Њу Бошковић ставља међу наводнике, будући да ју је преузео од свог учитеља Белића. И из Бошковићеве студије навешћемо, технички на исти начин, неколико примера »даље деминуције« у јужнословенским језицима:

-ице: (буг. *зрњчице ← зрњце ← зрњно*); *-ица* (буг. *баччица ← бачка ← баба, мамчица ← мамка ← мама*; сх.: *маслиничица ← маслиница ← маслина, меричица ← мерица ← мера, слободичица ← слободица ← слобода, ружичица ← ружица ← ружа, игличица ← иглица ← игла, вишњицица ← вишњица ← вишња, главичица ← главица ← глава, шумичица ← шумица ← шума*); *-ка* (буг. *баричка ← барица*

¹³ У монографији о деминуцији у горњолужичком језику говори се о деминутивима првог, другог и трећег степена, што се може представити, скупно у виду четворочланог творбеног ланца: *hólc → hólčik → hólčičk → hólčičičk* (Milewska-Stawiany 2012: 60).

¹⁴ Видети напомену 12.

← *бара, враничка* ← *враница* ← *врана*);¹⁵ слов. *јатиџа* ← *јатица* ← *јата*¹⁶), *-ence* (< *еп-џсе*) (буг. *оченце* ← *оче* ← *око*, *ножленце* ← *ножле* ← *нож*, *кошченце* ← *кошче* ← *кош*), *-џсе* (слов. *џитџесе* ← *џитџе* ← *џито*, *семенџесе* ← *семенџе* ← *семенџе*).

Као што видимо, Бошковићеве примери могу се представити само тро-чланим творбеним ланцем, из чега се намеће закључак да јужнословенски језици (што се тиче грађе којом је Бошковић располагао) поседују само *једностепену даљу деминуцију*. Што се српског језика тиче, Бошковић наводи потврде само за тип са суфиксом *-ица*:

маслиничица ← *маслиница* ← *маслина*, *меричица* ← *мерица* ← *мера*, *слободичица* ← *слободица* ← *слобода*, *ружичица* ← *ружица* ← *ружа*, *игличица* ← *иглица* ← *игла*, *вишњичица* ← *вишњица* ← *вишња*, *главичица* ← *главица* ← *глава*, *шумичица* ← *шумица* ← *шума*.

1.3 Термин »даља деминуција« није, колико је нама познато, више коришћен у србистици. То, наравно, не значи да о самој појави (која се у овом раду именује синтагмом *даља деминуција*) није писано на другим местима и код других аутора. Највише података о њој може се наћи у граматикој литератури. Овде ћемо дати кратак преглед *даље деминуције* у граматикама које садрже опширније делове из творбе речи.

1.3.1 У једној од првих већих граматика из 19. века говори се, између осталог, и о речима, односно именицама које су »двапут умањене наставком *ица*,« што се потврђује примерима: »*џабриџа* ← *џабриџа*, *главиџа* ← *главица*, *тјериџа* ← *тјериџа*, *ружиџа* ← *ружича*, *слободиџа* ← *слободича*« (Maretić 1899: 313).¹⁷ Мало даље, у дискусији о суфиксу »*-иџ(а)к*« аутор наводи примере речи »имањена значења: *грумиџак*, *јаџмиџак* (*или* *јеџмиџак*), *катиџак*, *коњиџак*, *крајиџак*, *кремиџак*, *платиџак*, *прамиџак*, *угљиџак*.« Све

¹⁵ Као и Белић, и он говори о *завршетку -ичка* (а не о суфиксу) и истиче двојаку вредност његову: у једним случајевима је он *деминутивни суфикс*, а у другом он представља употребу наставка *-ка* као наставка за 'даљу деминуцију' код деминутива на *ица*. То значи »да је завршетак *ичка* у случајевима прве групе изгубио по формалном моменту везу са именицама на *ица* (тј. са именицама направљеним наставком *ица*) и на тај начин, дао наставак *ичка* као наставак за деминуцију именица на *а* уопште, док су у случајевима друге групе његови саставни елементи остали семантички одвојени, тј. *ица* као наставак за просту деминуцију основних речи, а *ка* а као наставак за 'даљу деминуцију' од деминутива њиме саграђених« (Бошковић 1936: 84).

¹⁶ У словеначком, за разлику од српског, постоје дублети типа: *кравиџа/кравиџа* ← *кравиџа* ← *кравиџа*, али и даља деминуција само са *-ица* (*гориџа* ← *гориџа* ← *гора*), и само са *-ка* (*брадиџа* ← *брадиџа* ← *брада*).

¹⁷ Маретићев корпус сачињен је од примера из речника Вука Стевановића Карацића, што значи да су и ови примери одатле.

су оне, по њему, осим *коњичак* и *крајичак*, изведене од именица на *-ен* као што су *грумен*, *камен*, *кремен*, *пламен*, *угљен*, а оне су имале некад деминутиве на *»-ук*, нпр. *камук*, *пламук*, па су послје други пут умањене наставком, од којег је данашње *(а)к*, и тако је настало нпр. *катиџџк*, *платиџџк*, а отуд данашње *катиџак*, *платиџак*« (исто, 315). У наредној реченици експлицитно се каже да су наведене именице *дванут умањене*. Истиријски гледано, таква могућност је постојала, али из савремене перспективе гледано, реч је о суфиксу *-ич(а)к*, јер речи типа *камик* више нема. Дакле, и код Маретића се даља деминуција може свести на један тип, као код Белића и Бошковића.

1.3.2 У великој граматичкој на немачком језику спомиње се *Doppeldeminiierung* (дупла деминуција), односно *nochmalige Deminiierung* (вишеструка деминуција) (Leskien 1914: 266), што се документује примерима типа *камичак* (објашњење је исто као код Белића и Маретића). Занимљиво је да он нема примере даље деминуције са суфиксом *-ица* (типа *вишњичица*).

1.3.3 У граматичкој Михаила Стевановића, у опсежном поглављу о творби речи, аутор вели на једном месту да се наставак *-ак* додаје »каткад сврх другог деминутивног наставка у циљу *појачавања деминутивности*. Њим се тако граде деминутиви од деминутива,« за шта се наводе следеће потврде:¹⁸ *градџак* ← *градџ*, *брестџак* ← *брестџ*, *храстџак* ← *храстџ*, *црвџак* ← *црвџ*, *ножџак* ← *ножџ*, *крајџак* ← *крајџ*, *цветџак* ← *цветџ*, *рошџак* ← *рошџ*, *прстџак* ← *прстџ* (Стевановић 1981: 474). Ово је први пут да се у граматикама наводе потврде за даљу деминуцију од деминутива на *-ић*. Интересантно је да Стевановић уопште не спомиње примере даље деминуције које налазимо код ранијих граматичара.

1.3.4 У опсежној монографији о творби речи у хрватском језику Стјепана Бабића говори се, поред осталог, и о *умањеницама умањеница*, које поседују *појачано умањеничко значење*. (Интерпретација феномена је слична оној код Стевановића). Бабићеве примере можемо разврстати у три типа, с обзиром на суфиксе обају деминутива:

а) *-ак*: *-ић*: *борићак*, *брестићак*, *дјелићак*, *грошићак*, *храстићак*, *комадићак*, *котлићак*, *кровићак*, *лончићак* ...; б) *-ак*: *-ица*: *цривићак*, *мрвићак*, *пјесмићак*, *собићак* (Бабић 1986: 84–85); в) *-ица*: *-ица*: *барићца*, *бобићца*, *бравићца*, *бритвићца*, *цривићца*, *главићца*, *иглићца*, *искрићца*, *истинићца*, *јамићца*, *капићца*, *каплјићца*, *китићца*, *кравићца*, *рупићца*, *сављићца*, *сестрићца*, *слободићца*, *смоквићца*, *собићца*, *сукњићца*, *торбићца*, *вишњићца*, *здјелићца*, *зерићца*, *жилићца* ... (исто, 146).

¹⁸ Ознака смера мотивације је наша.

1.3.5 У најновијој монографији о творби речи у српском језику Ивана Клајна феномен о коме говоримо уопште није споменут. Додуше, аутор на једном месту, из перспективе формалне структуре форманта, говори о двоструким деминутивним суфиксима *-ићак* и *-ичак*,¹⁹ за које наводи примере *вражићак*, *комадићак*, *борићак*, *в(ј)етрићак*, односно *камичак*, *пламичак* и *крајичак* (Клајн 2003: 30). Ове примере сретали смо и раније, код других граматичара, где се, на овај или онај начин, говорило о феномену даље деминуције.

2 Има и појединачних чланака у којима се, у оквиру расправе о деминуцији уопште, наводе примери даље деминуције.

2.1 У раду који се бави деминуцијом у српском и енглеском језику, говори се, поред осталог, и о *вишеструкој деминутивизацији* у српском, за шта се наводе и одређени примери (ми смо их распоредили у три типа, у виду творбених ланаца):

а) *-ак*: *-ић*: *комадићак* ← *комадић* ← *комад*, *борићак* ← *борић* ← *бор*; б) *-ак*: *-ица*: *собичак* ← *собица* ← *соба*, *мрвичак* ← *мрвица* ← *мрва*; в) *-ица*: *-ица*: *сукњицица* ← *сукњица* ← *сукња*, *вишњицица* ← *вишњица* ← *вишња*, *главичица* ← *главица* ← *глава* (Ђурић 2004: 151–152).

Као што се види, потврде се поклапају са онима код Бабића (али у мањем броју). Ауторка истиче да се *вишеструка деминутивизација* може сматрати плеонастичном са морфолошке тачке гледишта, те да је стварно објашњење овог феномена у домену семантике.

2.2 У једној новијој монографији, која деминуцији приступа из лексиколошке перспективе, говори се о томе да се одређени суфикс додаје на основу изведене деминутивне именице (Јовановић 2010: 48). И овде смо, на основу датих примера, издвојили четири творбена типа:

а) *-ак*: *-ић*: *вражићак* ← *вражић*, *делићак* ← *делић*, *коњићак* ← *коњић*, *ножићак* ← *ножић*, *прстићак* ← *прстић*, *цветићак* ← *цветић*, *црвићак* ← *црвић*; б) *-ак*: *-ица*: *бачвичак* ← *бачвица*, *јамичак* ← *јамица*, *мрвичак* ← *мрвица*, *песмичак* ← *песмица*, *собичак* ← *собица*; в) *-ица*: *-ка*: *бакица* ← *бака*, *декица* ← *дека*, *секица* ← *сека*; г) *-ица*: *-а*: *тетица* ← *тета*, *кокица* ← *кока*.

¹⁹ Сасвим је нејасан појам »двоструки деминутивни суфикс«, поготово кад се узму у обзир мотивационе везе: у првој серији примера основинска рећ је деминутив на *-ић*, а у другој *камен*, *пламен* и *крај*. Јасно је, дакле, да је у другој серији, из синхроне перспективе, реч о самосталном сложеном суфиксу *-ичак*, док је у првом случају реч о простом суфиксу *-ак*.

Новина, у поређењу са претходницима, огледа се у укључивању примера даље деминуције типа *-ица*: *-ка* и *-ица*: *-а*.

З Ради што детаљнијег и систематичнијег описа даље деминуције у српском језику, формирали смо истраживачки корпус на бази потврда из лексикографске литературе (РМС, РСАНУ, РСЈ, ОРСЈ и Електронског корпуса математичког факултета у Београду), граматичке литературе и са интернета. Експланаторни материјал ће се анализирати полазећи од суфикса који учествује у даљој деминуцији и од основинске речи (првостепеност деминутива). Суфикс деривата насталог даљом деминуцијом и суфикс основинске речи биће симболи творбеног типа.

3.1 Даља деривација помоћу суфикса *-ица*

3.1.1 Основинска реч је деминутив на *-ица* (тип *-ица*: *-ица*). Познато је да се у српском језику деминутиви од именица женског рода са наставком *-а* у номинативу јединине граде по правилу суфиксом *-ица*. На тај начин настају нове именице исте врсте које, потенцијално, бивају основинске речи и за даљу деминуцију помоћу истог форманта. Ове нове именице, кад се нађу у речнику, лексикографи у већини случајева унифицирано дефинишу: то су деминутиви од деминутива на *-ица*. У ређим случајевима се одступа од овог принципа: неки пут дефиниција садржи двојну мотивацију (*справичица* је дем. од *справа* и *справица*, *усничица* дем. од *усна* и *усница*), а каткад одредницу чине оба деминутива: *истиница* и *истиничица* је дем. од *истина* (РМС). Примере који следе представљамо у виду творбених ланаца:

(баба →) баб-ица → *бабич-ица*, (баглама →) баглам-ица → *багламич-ица*, (боба →) боб-ица → *бобич-ица*, (брава →) брав-ица → *бравич-ица*, (буква →) букв-ица → *буквич-ица*, (вишња →) вишњ-ица → *вишњич-ица*, (вода →) вод-ица → *водич-ица*, (врба →) врб-ица → *врбич-ица*, (глава →) глав-ица → *главич-ица*, (гомила →) гомил-ица → *гомилич-ица*, (група →) груп-ица → *групич-ица*, (гора →) горица → *горичица*; (гуја →) гуј-ица → *гујич-ица*, (жаба →) жаб-ица → *жабич-ица*, (жена →) жен-ица → *женич-ица*, (звезда →) звезд-ица → *звездич-ица*, (здела →), здел-ица → *зделич-ица*, (зера →), зер-ица → *зерич-ица*, (зова →) зов-ица → *зович-ица*, (игла →) игл-ица → *иглич-ица*, (искра →) искр-ица → *искрич-ица*, (истина →) истин-ица → *истинич-ица*, (јама →) јам-ица → *јамич-ица*, (јела →) јел-ица → *јелич-ица*, (капа →) кап-ица → *капич-ица*, (кита →) кит-ица → *китич-ица*, (књига →) књижица → *књижичица*, (клупа →) клуп-ица → *клучич-ица*, (кожа →) кож-ица → *кожич-ица*, (крава →) крав-ица → *кравич-ица*, (кривуља →) кривуљ-ица → *кривуљич-ица*, (крпа →) крп-ица → *крпич-ица*, (кудеља →) кудељ-ица → *кудељич-ица*, (кука →) кук-ица → *кукич-ица*, (кума →) кум-ица → *кумич-ица*, (ливада →) ливад-

ица → *ливадич-ица*, (магла →) *магл-ица* → *маглич-ица*, (махуна →) *махун-ица* → *махунич-ица*, (мера →) *мер-ица* → *мерич-ица*, (метла →) *метл-ица* → *метлич-ица*, (мрва →) *мрв-ица* → *мрвич-ица*, (мрежа →) *мреж-ица* → *мрежич-ица*, (нога →) *нож-ица* → *ножич-ица*, (песма →) *песм-ица* → *песмич-ица*, (радња →) *радњ-ица* → *радњич-ица*, (риба →) *риб-ица* → *рибич-ица*, (ружа →) *руж-ица* → *ружич-ица*, (рупа →) *руп-ица* → *рупич-ица*, (сабља →) *сабљ-ица* → *сабљич-ица*, (слобода →) *слобод-ица* → *слободич-ица*, (смоква →) *смокв-ица* → *смоквич-ица*, (соба →) *соб-ица* → *собич-ица*,²⁰ (справа →) *справ-ица* → *справич-ица*, (сукња →) *сукњ-ица* → *сукњич-ица*, (тиква →) *тикв-ица* → *тиквич-ица*, (усна →) *усн-ица* → *уснич-ица*, (торба →) *торб-ица* → *торбич-ица*, (трешња →) *трешњ-ица* → *трешњич-ица*, (цура →) *цур-ица* →²¹ *цурич-ица*, и сл.

3.1.2 Основинска реч је деминутив на *-ка* (тип *-ица*: *-ка*₁). Постоји само једна потврда: (трава →) *травка* → *травчица*. Дериват *травчица* РМС и РСЈ дефинишу као дем. и хип. од *травка* и *трава*. Овакво тумачење указује на то да *травчица* може имати двојну мотивацију: *трав-чица* ← *трава* и *травч-ица* ← *травка*.

3.1.3 Основинска реч је хипокористик на *-ка* (тип *-ица*: *-ка*₂). Потврђена су неколика примера: (баба →) *бака* → *бак-ица*,²² (сестра →) *се-ка* → *сек-ица*,²³ (сиса →) *си-ка* → *сик-ица*.²⁴

3.1.4 Основинска реч је хипокористик на *-ка*₃/*-ко* (тип *-ица*: *-ка*₃/*-ко*). Регистрована су само два примера: (деда →) *де-ка/де-ко* → *дек-ица*,²⁵ (чича →) *чи-ка/чи-ко* → *чик-ица*.²⁶

3.1.5 Основинска реч је хипокористик на *-а* (тип *ица*: *-а*). Непродуктиван тип: (тетка →) *тет-а* → *тет-ица*, (кокош →) *кок-а* → *кок-ица*.

3.2 Даља деминуција помоћу суфикса *-ак*

3.2.1 Основинска реч је деминутив на *-ица* (тип *-ак*: *-ица*). Овај тип је необичан по томе што се од именица женског рода граде деминутиви мушког граматичког рода:

²⁰ РСЈ: *собичица* дем. од *соба* и *собица*.

²¹ РМС: *зеричак* дем. од *зера* и *зерица*.

²² РМС: *бакица* дем. од *бака*; РСЈ: *бакица* дем. и хип. од *бака*.

²³ РМС/РСЈ: *секица* дем. од *сека*.

²⁴ РМС/РСЈ: *сикица* дем. и хип. од *сика* (*сиса*). *Сика*, по РМС и РСЈ, потиче из де-чијег говора).

²⁵ РСЈ: *декица* дем. и хип. од *дед(а)*, *дека*, *деко*.

²⁶ РМС/РСЈ: *чикица* дем. и хип. од *чика* и *чико*.

(зера →) зер-ица → *зерич-ак*, (игла →) игл-ица → *иглич-ак*, (капа →) кап-ица → *капич-ак*, (кора →) кор-ица → *корич-ак*, (мрва →) мрв-ица → *мрвичак*,²⁷ (соба →) соб-ица → *собич-ак*,²⁸ (цура →) цури-ица → *цурич-ак*.²⁹

3.2.2 Основинска реч је деминутив на -ић (тип -ак: -ић). Овај тип даље деминуције је продуктиван:

(бор →) бор-ић → *борић-ак*,³⁰ (ветар →) ветр-ић → *ветрић-ак*,³¹ (во/л/ →) вол-ић → *волић-ак*,³² (враг →) враж-ић → *вражић-ак*,³³ (град →) град-ић → *градић-ак*,³⁴ (грош →) грош-ић → *грошић-ак*,³⁵ (део →) дел-ић → *делић-ак*,³⁶ (комад →) комад-ић → *комадић-ак*,³⁷ (котао →) котл-ић → *котлић-ак*,³⁸ (кут →) кут-ић → *кутић-ак*,³⁹ (момак →) момч-ић → *момчић-ак*,⁴⁰ (мост →) мост-ић → *мостић-ак*,⁴¹ (пладањ →) пладњ-ић → *пладњић-ак*,⁴² (рог →) рож-ић → *рожић-ак*,⁴³ (посао →) посл-ић → *послић-ак*,⁴⁴ (сто/л/ →) стол-ић → *столић-ак*,⁴⁵ (храст →) храст-ић → *храстић-ак*, и сл.⁴⁶

Примере овог типа даље деминуције, као што је напред већ речено, први пут налазимо у граматици Михаила Стевановића (1964). Лексикографски чланци нису унифицирани. Могу се издвојити три типа дефиниције: а) основинска реч је дем. на -ић (*вражићак* ← вражић); б) основинска реч је заједничка и за основни дем. и за даљу деминуцију (*столић* и *столићак* ← сто/л/); в) скупно се наводе обе основинске речи (*храстићак* ← храст и *храстић*).

²⁷ РМС/РСЈ: у дем. значењу: *мрва*; уп. *мрвица*.

²⁸ РСЈ: *собица* и *собичак* дем. од *соба*.

²⁹ РМС/РСЈ: *цуричак* хип. од *цурица*.

³⁰ РМС: *борић* и *борићак* дем. од *бор*; РСЈ: *борићак* дем. од *бор*; *борић*.

³¹ РМС/РСЈ: *ветрићак* дем. и хип. од *ветрић*.

³² РМС: *волићак* дем. од *волић*.

³³ РМС/РСЈ: *вражићак* дем. и хип. од *вражић*.

³⁴ Више стотина потврда на интернету.

³⁵ РМС: *грошићак* дем. и хип. од *грошић*.

³⁶ РСЈ: *делићак* дем. од *делић*.

³⁷ РМС: *комадићак* дем. од *комадић*; РСЈ *комадићак* дем. и хип. од *комад* и *комадић*.

³⁸ РМС: *котлићак* дем. од *котлић*; РСЈ: *котлићак* дем. и хип. од *котао* и *котлић*.

³⁹ РСЈ: *кутићак* дем. и хип. од *кут* и *кутић*.

⁴⁰ РСЈ: *момчићак* дем. и хип. од *момчић*.

⁴¹ РМС: *мостићак* дем. од *мостић*.

⁴² РМС: *пладњић* и *пладњићак* дем. од *пладањ*.

⁴³ РМС: *рожићак* дем. и хип. од *рожић*.

⁴⁴ Интернет садржи на десетине потврда речи *послићак*.

⁴⁵ РМС: *столић* и *столићак* дем. од *сто(л)*.

⁴⁶ РМС: *храстићак* дем. и хип. од *храст* и *храстић*.

3.3 Даља деминуција помоћу сификса *-ић* има само једну потврду, а основинска реч је деминутив на *-уљак* (тип *-ић*: *-уљак*): (брег/бријег → бреж-уљак → *брежуљч-ић*).⁴⁷

3.4 Даља деминуција помоћу суфикса *-енце*. Он долази на основе деривата насталог помоћу суфикса *-е* (тип *-енце*: *-е*). Примери су малобројни: (гуска → гушч-е → *гушч-енце*),⁴⁸ (девојка → девојч-е → *девојч-енце*),⁴⁹ (мачка → мач-е → *мач-енце*),⁵⁰ (момак → момч-е → *момч-енце*).⁵¹

3.5 Даља деминуција помоћу суфикса *-уљак*. Овај суфикс такође долази на основе са суфиксом *-е* (тип: *-уљак*: *-е*). Примери нису бројни: (девојка → девојч-е → *девојч-уљак*),⁵² (момак → момч-е → *момч-уљак*).⁵³

3.6 Даља деминуција помоћу суфикса *-урак*. И овај суфикс долази на основе са суфиксом *-е* (тип *-урак*: *-е*). Наш корпус садржи само две потврде: (девојка → девојч-е → *девојч-урак*, (момак → момч-е → *момч-урак*).

4 Судаћи по граматичкој и лексикографској литератури даља деминуција у српском језику, као што се види, има само један степен. Међутим, спорадични примери са интернет форума показују да се, макар у виду околионализамa и индивидуализамa, јавља и даља деминуција другог степена. За ову прилику наводимо само две потврде: *мрвичич-ица*⁵⁴ (← мрвичица ← мрвица ← мрва) и *рибичич-ица*⁵⁵ (← рибичица ← рибица ← риба). Као што примери показују, даљу деминуцију овог типа карактерише формант *-ица*: он долази у сва три деривата – основном деминутиву, те првом и другом степену даље деминуције.

⁴⁷ РМС/РСЈ: *брежуљчић дем. од брежуљак*.

⁴⁸ РМС: *гушче дем. од гуска, младунче гуске*; РСЈ: *гушче младунче гуске, гушченце дем. и хип. од гушче*.

⁴⁹ РМС/РСЈ: *девојче дем. и хип. од девојка, девојченце хип. од девојче*; РСЈ: *девојченце дем. и хип. од девојче*.

⁵⁰ РМС: *маче младунче мачке, маченце дем. од маче*; РСЈ: *маче младунче мачке, маченце дем. и хип. од маче*.

⁵¹ РМС/РСЈ: *момче млад момак; момченце дем. и хип. од момче*.

⁵² РМС/РСЈ: *девојчуљак дем. и хип. од девојче*.

⁵³ РМС: *момчуљак дем. и пеј. од момак, момчић*; РСЈ: *момчуљак дем. и хип. од момче*.

⁵⁴ Исп. www.ringeraja.rs 'Forum' [Beba]: *Danas nam je dan za jaje, tj žumance, ali danas ga nisam oprala kao što inače radim pre stavljanja u kašicu i čak je i mrvičičica belanceta upala...*

⁵⁵ <https://sr.scribd.com/doc/131095003/Pricaj-Mi-o-Njoj-Baretic-Renato>: *...ja sam za njih sitna riba, ribica, ribičičica, plankton...*

5 ЗАКЉУЧАК

У србистици се о даљој деминуцији писало почетком 20. века и то са позиција упоредне граматике словенских језика (Belić 1901; Бошковић 1936). Касније ће се, у граматицама и појединачним научним прилозима, негде више, негде мање, наводити и анализирати, у оквиру расправа о деминуцији уопште, и примери овде посматраног феномена, са различитим типовима описа: *двапут умањене именице, двострука деминуција, вишеструка деминуција, додавање наставка на други деминутивни наставак, умањенице умањеница, додавање суфикса на основу изведене деминутивне именице* и сл. Потврда даље деминуције има и у лексикографској литератури (на коју су се граматичари у својим описима и ослањали). Таквих примера има и у речницима Вука Стефановића Караџића, што јасно показује да их је било и у дијалектима српског језика (будући да је Вуков речник пре свега речник српског народног језика). Вукови примери касније су се понављали у млађим речницима и граматицама. РМС показује да се број примера даље деминуције увећавао током времена, а творци су, између осталих, били и књижевници.

Анализирана грађа показује да је даља деминуција у српском језику ограниченог обима и чини мали део речничког фонда. У творбеном процесу учествују исти суфикси којима се граде основни деминутиви, али не сви. Анализа је показала да не подлежу даљој деминуцији сви типови основних деминутива.⁵⁶ Уколико би се за параметар систематизације узели суфикси основног деминутива и они каји су творбено средство даље деминуције, онда би се могло издвојити 11 творбених типова, различите продуктивности: *-ица: -ица, -ица: -ка₁, -ица: -ка₂, -ица: -ка₃/-ко, -ица: -а, -ак: -ица, -ак: -и, -ић: -уљак, -енце: -е, -уљак: -е, -урак: -е*. Суфикс *-ица* учествује у чак 5 типова даље деминуције, *-ак* и *-уљак* у два, те *-енце* и *-урак* у по једном. Даљој деминуцији подлежу основни деминутивни типови на *-ица, -а, -ка₁, -ка₂, -ка₃/-ко, -ић* и *-е*. С обзиром на степен продуктивности, на првом месту је тип *-ица: -ица*, на другом *ак: -ић*, а на трећем *-ак: -ица*. Остали типови су непродуктивни.

Примера даље деминуције другог степена у граматичкој и лексикографској литератури нема. Такви се примери, у виду оцационализама и индивидуализама, могу пронаћи само на интернет форумима, односно у разговорном функционалном стилу (исп. *рибичичица* и сл.).

⁵⁶ Инвентар суфикса основне деминуције и њихових сложених форми показује завидну бројност: *-а, -ић* (-чић), *-/а/к* (*ељ/а/к, -уљ/а/к, -ар/а/к, -ер/а/к, -ур/а/к, -ић/а/к, -ч/а/к, -еч/а/к, -ич/а/к*), *-/а/ц*, (-ч/а/ц), *-ица* (-чица), *-ка, -ко, -ца, -це* (-анце, -енце, -ашце, -еице), *-е, (-че), -иц*.

Потврђене су и конкурентске (синонимске) структуре типа *зеричица – зеричак, мрвичица – мрвичак, собичица – собичак, момч-енце – момч-уљак – момч-урак* и сл.

Неки примери првостепене даље деминуције интерпретирају се тако као да имају двојну (вишеструку) мотивацију, што илуструјемо структурама типа: *декица* ← дед(а), дека и деко, *зеричак* ← зерица и зера, *комадићак* ← комад и комадић, *котлићак* ← котао и котлић, *кутићак* ← кут и кутић, *справичица* ← справа и справица, *храстићак* ← храст и храстић, и сл.

ЛИТЕРАТУРА

Stjepan BABIĆ, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: JAZU – Globus.

Aleksandar BELIĆ, 1901: Zur Entwicklungsgeschichte der slawischen Deminutiv- und Amplificativsuffixe, 1. Substantiva. *Archiv für slavische Philologie* XXIII, 134–206.

Ђуро ДАНИЧИЋ, 1860: Српска деминуција и аугментација. Гласник *Друштва српске словесности* XII (Београд), 474–499.

Радосав БОШКОВИЋ, 1936: Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. *Јужнословенски филолог* XV, 1–155.

Radmila ĐURIĆ, 2004: Deminutivni sufiksi u srpskom i njihovi prevodni ekvivalenti u engleskom. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику* XLVII/1–2, 147–164.

Владан ЈОВАНОВИЋ 2010: *Деминутивне и аугментативне именице у српском језику*, Београд: ИСЈ САНУ.

August LESKIEN, 1914: *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Tomislav MARETIĆ, 1899: *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb: Štampa i naklada knjižare L. Hartmana.

Małgorzata MILEWSKA-STAWIANY, 2012: *Górnolużyckie deminutywa w systemie językowym i w tekście*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Михаило СТЕВАНОВИЋ, ⁴1981, *Савремени српскохрватски језик (Грамматички системи и књижевнojeзичка норма) I*. Београд: Научна књига.

Божо ЋОРИЋ, 2008: *Творба именица у српском језику*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност.

РЕЧНИЦИ И КОРПУСИ

Мирослав НИКОЛИЋ, 2000: *Обратни речник српскога језика*. Београд: Палчић. (ОРСЈ)

Речник српскохрватскога књижевног језика, I – VI, 1967–1976. Нови Сад: Матица српска. (РМС)

Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1–19, 1959–2015. Београд: САНУ. (РСАНУ)

Речник српскога језика, 2007. Нови Сад Матица српска. (РСЈ)

Korpus savremenog srpskog jezika. <www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html>.

SUMMARY

On Further Deminution in Serbian

The further diminution in Serbian is of a limited extent: the words produced by it make a small part of lexical fund. The same suffixes that produce the basic diminutives participate in the word-formational process, but not all of them. If for the parameter of systematization were taken the suffixes of the basic diminutive and those that are the formational means of further diminution, one could single out eleven word-formational types, characterized with different productivity: *-ica*: *-ica* (*brav-ica* → *bravič-ica*), *-ica*: *-ka₁* (*trav-ka* → *travč-ica*), *-ica*: *-ka₂* (*ba-ka* → *bak-ica*), *-ica*: *-ka₃/-ko* (*či-ka/čiko* → *čik-ica*), *-ica*: *-a* (*tet-a* → *tet-ica*), *-ak*: *-ica* (*sob-ica* → *sobič-ak*), *-ak*: *-ić* (*vetr-ić* → *vetrić-ak*), *-ić*: *-uljak* (*brež-uljak* → *brežuljč-ić*), *-ence*: *-e* (*devoјč-e* → *devoјč-ence*), *-uljak*: *-e* (*devoјče* → *devoјč-uljak*), *-urak*: *-e* (*momče* → *momč-urak*). With regard to the degree of productivity, type *-ica*: *-ica* is on the first place, type *-ak*: *-ić* is on the second place, and type *-ak*: *-ica* is on the third place. Other types actually are nonproductive.

РАЙНА ДРАГИЧЕВИЧ

Филолошки факултет Универзитета у Београду, Србија,
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Недеминутивные значения деминутивов

В работе рассматриваются полисемантические структуры деминутивов имен существительных в сербском языке. Описывается связь между способом образования и семантическим потенциалом деминутива. Данный потенциал представлен как континуум, начиная с (1) семантического компонента, продолжая (2) выделением отдельных значений и формированием полисемантической структуры деминутива до (3) лексикализации, с которой отменяется деминутивное значение и остается только недеминутивное.

This paper analyzes polysemantic structures of noun diminutives in Serbian language. A connection between the types of formation and a semantic potential of diminutives is described. That potential is described as a continuum, ranging from a (1) semantic component which is bound to diminutive meaning, through (2) separation of specific meanings and formation of polysemantic structure to (3) lexicalization, which nullifies the diminutive meaning.

Ключевые слова: деминутив, имя существительное, полисемия, сербский язык.

Key words: diminutive, noun, polysemy, Serbian language.

1 ПОЛИСЕМИЯ ДЕМИНУТИВОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В семантике и дериватологии существует вдохновляющая тенденция оспаривать возможность полисемии субъективно-оценочных слов (деминутивов и аугментативов).¹ В большинстве языков, бесспорно, существуют такие слова, как *ручица*, имеющие как деминутивное, так и предметное значение. Итак, *ручица* означает деминутив существительного *рука*, т. е. *маленькую руку (ручку)*, но также и *часть предмета (сельскохозяйственных, ручных инструментов, посуды, оружия, мебели и т. п.), служащую для его удержания руками, ручка, рукоятка*: ручка плуга,

---

¹ Мы более подробно исследовали данный вопрос в работе Драгићевич 2008а, а в настоящей работе будут представлены некоторые ее результаты.

рукоятка ножа, ручка открывания, ручка кресла. В современной славистике есть несколько трактований отношения между этими значениями.²

1.1 Первое трактование

Р. Мароевич считает, что *ручица-деминутив* и *ручица-предмет* в прошлом принадлежали к одной полисемантической структуре, после распада которой они стали двумя отдельными лексемами, находящимися в отношениях омонимии. Процесс возникновения омонимов в результате распада бывшей полисемантической структуры Р. Мароевич (2005: 685–686) называет *семантической деривацией* и относит его к способам словообразования.

Тем не менее, ни в одном из толковых словарей какого-либо из славянских языков данные отношения не представлены как омонимические. Возможно, только существование единиц *ручица*¹ и *ручица*² ставит сложный вопрос критериев омонимичности. Каким образом можно доказать, что *ручица*¹ и *ручица*² омонимы? Слова *ручица*¹ и *ручица*² имеют одинаковое ударение, их значения связаны, поэтому легко объяснить развитие значения *ручица* – часть предмета из значения *ручица* – маленькая рука. Даже если слово *ручица* со значением часть предмета было образовано не в результате полисемии от слова *ручица* с деминутивным значением, а деривацией от слова *рука*, все равно нет оснований называть отношения между двумя *ручицами* омонимическими.

1.2 Второе трактование

Н. А. Янко-Триницкая (1972) по-другому понимает отношения между значениями слов. Она считает, что *ручица* (часть предмета) не была образована от *ручицы-деминутива*, а оба значения развились от лексемы *рука* независимо друг от друга, т. е. она считает данные слова дериватами слова *рука*. У них одинаковое мотивирующее слово, одна производящая база и два разных суффикса. Автор не называет данные слова омонимами, но отмечает, что у этих двух производных слов *омоструктурные образцы*.

---

² Мы подчеркиваем, что речь идет именно о славистике, поскольку вопрос полисемии деминутивов, кажется, не является спорным, например, в англистике (ср. Бурић 2004).

Н. А. Янко-Триницкая утверждает, что ручка – часть предмета (серб. ручица) не похожа на маленькую руку, за нее хватают рукой. Мы можем с этим согласиться, поскольку ручка коробки передач (*ручица мењача*), ручка плуга (*ручица плуга*) и все остальные ручки и рукоятки предназначены для того, чтобы хватать за них рукой с какой-то определенной целью (обычно, чтобы пустить в ход механизм), но это все еще не означает, что они похожи на маленькую руку. Сходство есть, но оно основано не на внешних признаках, а на функции. Кроме того, Янко-Триницкая совсем упускает из виду метонимию. Даже если мы согласимся с ее предположением, что между *ручицей-деминутивом* и *ручицей-предметом* нет функционального сходства (а оно есть), отношения между двумя значениями можно объяснить логической связью, т. е. метонимией (часть тела → то, за что хватают этой частью тела). Н. А. Янко-Триницкая в своей работе допускает только метафору в качестве источника полисемии, несмотря на то, что метонимия кажется более базисной и частотной в языке, чем метафора. Следовательно, мы не можем согласиться с аргументом, что ручица – часть предмета не похожа на маленькую руку.

К тому же, по словам автора ручица – часть предмета не всегда маленькая. Если значение ручица – *часть предмета* развилось из значения ручица – *маленькая рука*, тогда кроме функциональной связи (о которой уже шла речь), между ними существует сходство по размеру, которое Н. А. Триницкая оспаривает и приводит следующие примеры из русского языка: *спинка стула, носик чайника*. Носик чайника больше, чем нос человека, следовательно, слово носик в этом значении не было образовано от деминутива. Наш материал, состоящий из результатов опроса и электронного корпуса, показывает, что в сербском языке словом *ручица* обозначают только маленькие предметы (ср. Драгићевич 2008а).

1.3 Третье трактование

По нашему мнению, эти значения находятся именно в таких отношениях, как их описывают лексикографы по всему миру, т. е. они принадлежат к одной полисемантической структуре. *Ручица* со значением части предмета была образована от *ручицы* – деминутива существительного *рука*. Все остальные значения слова *ручица* тоже развились из первичного деминутивного значения.

Значение *часть предмета* возникло в результате метафоры, поскольку все предметы, называемые *ручицами* – маленькие ручки, рукоятки, кото-

рые по размеру и функции похожи на маленькую (детскую) руку.³ Связь между значениями можно объяснить метонимией (логическая связь: *рука – то, за что хватаются рукой*). Большинство из метафор по функции имеют метонимическое происхождение, поэтому мы не исключаем метафорическо-метонимическую связь между *ручицей-деминутивом* и *ручицей-частью предмета*.⁴

Возникает вопрос, откуда появилось столько дилемм, т. е. почему оспаривают способность полисемии деминутивов. Если деминутивы не могут быть полисемичными, и каждое из их значений считается отдельным словообразовательным актом, мы на шаг от утверждения, что производные слова, независимо от их типа, не могут быть полисемичными. Проблема, кажется, в том, что деминутивы – продукт не мутации, а модификации. Авторы исходят из того, что в результате деминуции содержание мотивирующего слова определяется и уточняется, но не меняется существенно. Семантическое содержание деминутива связано с мотивирующим словом и его значением, и его самостоятельное семантическое развитие не допускается. Мы считаем данный подход неправильным.

У деминутивов, естественно, присутствует сильная связь с мотивирующим словом, но у них есть способность развивать полисемию. Статус их возможных вариантов значения мы рассматриваем как континуум начиная с несильной окраски (семантического дополнения основному, деминутивному значению) в виде гипокористичности, эвфемизации и т. п., продолжая особыми значениями, имеющими самостоятельный статус в полисемантической структуре деминутивных лексем, вплоть до лексикализации – значение становится полностью самостоятельным и образуется новая лексема. Мы сосредоточим свое внимание на втором варианте.

³ Рука – это та часть тела, за которую мы обычно держим человека, с помощью которой мы пускаем что-то в ход или совершаем какое-то действие. У предметов тоже есть часть, предназначенная для того чтобы схватить предмет, пустить в ход, управлять. Еще более очевидный пример – ножки, ноги у человека являются опорой, так и у некоторых предметов есть двухконечные опоры. Это функциональная связь, которая близка со связью на основании сходства по размеру. Обычно, ручка (серб. ручица) – маленькая часть предмета по сравнению с его размером. Подобным образом можно рассматривать и слова ножица (ножка), главица (головка) и т. д.

⁴ Данные отношения в современных работах называются *метафтонимией* (ср. Драгићевић 2010: 174).

2 ОКРАСКА ДЕМИНУТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Многое было написано о способности деминутивов добавлять к своему основному значению эмоциональный компонент – гипокористичность, эвфемизацию или пейоративность (Јовановић 2010). Д. Велькович Станкович (2011: 65) подчеркивает, что «в процессе определения значения деминутивов больше всего проблем создают комплексные и разнообразные контекстуализации, поэтому отдельные значения, а так же сопровождающие их пометы (квалификаторы), с помощью которых они отмечаются в словарях, часто присутствуют не *de facto*, а только *in potentia*.»⁵ В самом большом толковом словаре сербского языка (Речник САНУ), помета *дем.* (уменьш.) часто употребляется вместе с другими пометами, например: *дем и хип.* (уменьш. и ласк.), *дем. и ир.* (уменьш. и ирон.), *дем. и пеј.*, (уменьш. и уничиж.) *дем., ир. и пеј.*, (уменьш. ирон. и уничиж.) *дем. и презр.* (уменьш. и пренебр.), *дем. и еуф.* (уменьш. и эвф.), что свидетельствует о том, что сербские лексикографы замечают сочетание уменьшительного и ласкательного, уничижительного, иронического, пренебрежительного, насмешливого, эвфемистического оттенков значения (см. Вельковић Станковић 2011: 62). Например: *капетанчић* (уменьш. и ирон. капетан), *новинарчић* (уменьш. и насмешл. новинар), *учительчић* (уменьш. и уничиж. учитель), *обавештење* (уменьш.-ласк. обавештење). В некоторых случаях, в особенности если речь идет о несчетных существительных, можно выделить несколько разных видов уменьшения: дезинтенсификация (*злочинчић*, *зебњица*, *зловольица* или детериорация (*новинарчић*, *учительчић*) (см. Вельковић Станковић 2011: 60), вследствие чего уменьшительное значение теряется и на его месте развивается другое, оценочное или эмоционально-экспрессивное значение, которое приводится в словарях как единственное (нпр. *карактерчић* – ирон. *карактер*; *борбица* – насмешл. незначительная борьба).

3 ДЕМИНУТИВЫ, ИМЕЮЩИЕ ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ

У большинства деминутивов имен существительных есть только одно, уменьшительное, значение, которое, как мы уже говорили, в зависимости от контекста может быть дополнено оценочным или эмоционально-экспрессивным компонентами. Тем не менее, некоторые деминутивы способны развить отдельные значения, не связанные с субъективной оценкой. Наиболее продуктивным уменьшительным суффиксом в ше-

⁵ Об этом см. Јовановић 2005.

ститомном Словаре сербского языка Матицы сербской (Речник српског језика Матице српске), словаре среднего объема, содержащем около 150000 слов, является суффикс *-ица*, за которым следуют суффиксы *-ић*, *-це* и *-че*, в то время как суффикс является *-ак* малопродуктивным, а *-ац* совсем непродуктивным деминутивным суффиксом в современном сербском языке.

По словарным данным, у 23,38% деминутивов на *-ица* есть более одного значения, полисемичными являются и 22,22% деминутивов на *-ак*, 13,51% деминутивов на *-це*, 13,04% деминутивов на *-ић* и 7,48% деминутивов на *-че*.⁶ Настоящие данные не точные, но они показывают некоторые тенденции и отношения. Особенно интересно то, что наиболее продуктивные деминутивы женского рода на *-ица* более склонны к полисемии, чем наиболее продуктивные деминутивы мужского рода на *-ић*. Скорее всего, это можно объяснить выраженной полифункциональностью суффикса *-ица*. Чем полифункциональнее суффикс, тем больше возможности у деривата развить полисемию в рамках каждого из типов словообразования, в которых он задействован, – он, просто, семантически богаче.

<i>-ица</i>	<i>-ак</i>	<i>-це</i>	<i>-ић</i>	<i>-че</i>
23,38%	22,22%	13,51%	13,04%	7,48%

Доля полисемичных деминутивов имен существительных в сербском языке (по данным Словаря сербского языка МС)

3.1 Метафорические значения

Несомненно, наиболее продуктивный механизм возникновения вторичных значений деминутивов в сербском языке.

Наиболее частотный вид метафорической ассоциативной связи – связь по внешним признакам. Самая большая часть значений, возникших таким образом, основана на сходстве растений (цветков или плодов) с маленькими предметами и явлениями. Данные связи основаны на том, что именуемые цветы или плоды на самом деле маленькие и часто внешне напоминают различные предметы, или на том, что человек изготавливал предметы имитируя окружающие его растения, а потом давал названия растениям по предметам.

⁶ В работе Б. Маркова (1960: 237) подтверждается, что деминутивы на *-че* редко теряют уменьшительное значение.

Фитонимы: жабица, боквица, буквица, грожђица, звездица, иглица, махуница, метлица, овчица, пантљичица, ротквица, ружица, сабљичица, свећица, сузица, тестерица, тетивица, тиквица, трубица, царичица, јежак, ледак, репак, синак, језичац, репац, звонце, јежић, каранфилић, новчић, роичић, царевић, чепић.

Иногда мы называем некоторых животных названиями растений, предметов, даже животных, Тем не менее, эта модель значительно менее продуктивная, чем наименование фитонимов.

Зоонимы: бабурица (насекомое), козица (краб), овчица (3. рыба. 4. насекомое), смоквица (рыба), совица (мн. ч. бабочка), иверак (рыба), стричак (насекомое), звонце (п्राживотиња), једарце (бабочка), прасенце (2. грызун), коњић (2. рыба. 3. саранча), краљић (птица).

Множество других маленьких предметов и явлений получили название на основании сходства с другими маленькими по размеру реалиями. Например,

Метафора на основании внешнего признака: брадоњица (зерновка кукурузы на стебле), жабица (разновидность ракет для салюта, которые хлопают прыгая, напоминая лягушку), иглица (иглолка хвойного дерева), јагодица (2.а. подушечка пальца; б. скула лица), јамица (б. ямочка на лице или подбородке), кошуљица (4. мед. детское место, плацента; 5. оболочка зерна, зародыша и т.п.), лествица (3. прибор или сосуда для измерения с упорядоченным рядом горизонтальных отметок, шкала), метлица (3. колос кукурузы), ресица (2. анат. язычок, или язычок нёбный, небольшой конический отросток заднего края мягкого нёба), ручица (2.б. ручка кресла), стазица (2. пробор), чашица (3. анат. 4. бот), иверак (2.б. потомок), рукавац (3. бот. черешок, нижняя часть листка, соединяющая листовую пластинку со стеблем), оканце (2. маленькая цветочная почка, глазок), бубњић (2. анат. барабанная перепонка), венчић (2. бот. коронка цветка), коренчић (2. часть зародыша).

Метафора по форме является подтипом метафоры на основании внешнего признака. Следующие примеры показывают, каким образом на основании сходства по форме между маленькими предметами развивается ассоциативная связь, в результате чего происходит перенос названия одного предмета на другой:

Метафора по форме: змијица (бумажная ленточка на вечеринках и праздниках), кукица (3. крючок для вязания. 4. (в основном мн. ч. бот. и зоол. орган или часть органа в форме крючка), лопатица (2. лопатка, прикрепленная к мельничному колесу), погачица (2. вид выпечки, лепешка), трубица (3. зоол. хоботок у бабочки), црвуљак (2. анат. червеобразный отросток, аппендикс), окце (2. пчелиная ячейка, ячейка сота. 3. почка, глазок. 4.а. отверстие в сети. 4.б. петля-глазок вязания), кончић (2.а. бот. тычиночная нить. 2.в. часть ткани в теле человека; мы-

печное или нервное волокно), *пужий* (3. женская укладка в форме улитки), *рошчи* (2. булочка), *шешири* (2. вид пирожка), *штатий* (2. мн. анат. палочка глаза).

Среди существительных есть и *формообразователи*, существительные, первичное значение которых – общее значение предметов определенной формы. Они способны развить большое количество разных значений на основании компонента формы.

Формообразователи: *бобица* [1. мелкий, кругловатый плод, ягодка, зернышко. 2. капелька (пота)], *звездица* (1.б. звездочка, элемент различий разных званий и чинов в армии; г. графический знак; 2. хрусталь замороженной воды; снежинка), *стрелица* (3.а. стрелочка, тонкая, узкая палочка с заостренным наконечником, в функции указателя на разных приборах; б. стрелка, символ в виде короткой черты, от конца которой под острым углом отходят две коротенькие черточки), *ушица* (обычно в мн. ч. 1. металлическая часть инструмента с отверстием для крепления рукоятки. 2. игольное ушко, отверстие, используемое для закрепления нити в игле. 3. петля, дырка вообще).

В некоторых случаях развитию ассоциативной связи между двумя маленькими по размеру предметами кроме их формы, способствует и их положение.

Метафора по форме и положению: *главица* (холм, бугорок, вершина холма или горы), *гривица* (2. фиг. ожерелье, накидка), *једарце* (2. бот. парус, верхний лепесток цветка), *крилице* (2. подвижная часть на задней части самолета, отвечающая за обеспечение боковой устойчивостью), *стубий* (2. бот. средняя часть пестика в цветке).

Уже известно, что ассоциативная связь может быть основана не только на внешних признаках, но и на функции предмета, в том числе и в случае деминутивов.

Метафора по функции: *кошульица* (4. мед. детское место, плацента; 5. оболочка зерна, зародыша и т.п.), *кућица* (3. коробка, в которой находится часть двигателя. 4. посадочная яма), *марамиица* (2. анат. плевра, оболочка, покрывающая легкие или оболочка кишечника), *постельица* (2. физиол. плацента, орган, который образуется в матке во время беременности), *свећица* (2. эл. свеча зажигания — устройство для воспламенения топливовоздушной смеси в цилиндре двигателя), *коњи* (2.б. обычно в мн. ч. ножки основания под матрас).

Мы также зафиксировали пример, в котором ассоциативная связь была основана на сходстве структур двух материй.

Метафора по структуре: *водица* (3. слабое, разбавленное молоко или вино).

Это очень интересный пример, показывающий необыкновенный тип деминуции существительного *вода*. *Водица* однозначно не означает разбавленную воду, слабую воду и под. Слабое молоко или вино называются «*водицей*» (водичкой) из-за их сходства с водой и уничижительного отношения к таким разбавленным веществам. Уничижительное отношение и недооценивание переносятся в наименовании на воду, а с воды на вино или другую разбавленную жидкость слабого вкуса.

Хоть регулярность характерна не для метафорического переноса наименований, а только для метонимического, есть одна метафорическая модель, присущая деминутивам, которую можно назвать регулярной. Речь идет о названиях детенышей животных, которые метафорически переносятся на людей, обладающими качествами, подобными тем качествам, которые человек на основании коллективной экспрессии уже приписывает животным. Таким образом, мы сначала приписали овце такие человеческие качества, как наивность, простодушие, тупость, а потом уже людей с этими характеристиками мы стали называть названиями животных, обладающих перечисленными качествами. Как правило, такие метафорические наименования сопровождаются деминутивным, эвфемистическим или уничижительным значением. Кроме названий животных, эта модель так же распространяется на деминутивные названия некоторых фантастических существ, растений и т. д.

Метафора на основании коллективной экспрессии: *овчица* (7. фиг. овечка, слишком мягкий и боязливый человек), *рибица* (2. фиг. человек с плохой репутацией), *ружица* (4. милая женщина, красавица), *ђаволак* (шалун, непоседа, проказник), *мравак* (фиг. слабое, немощное создание), *пиленце* (2. фиг. а слабенький ребенок. б. боязливый человек. в. разг. красивая девчонка), *голупче* (2. фиг. ребенок, дорогой человек), *ђаволче* (шалун, проказник, непоседа), *кукавче* (2. жадно, бедно дете), *вражић* (б. беспокойный человек, непоседа), *петлић* (2. фиг. надменный, высокомерный мальчик или парень, задира), *црвић* (2. фиг. а. маленький, слабый ребенок).

В некоторых случаях, ассоциативная метафорическая связь возникает между конкретными предметами и явлениями и абстрактными.

Метафора конкретное – абстрактное: *квачица* (загвоздка, затруднение, помеха), *кукица* (2. фиг. препятствие, помеха, загвоздка), *лествица* (4. муз. совокупность звуков, расположенных в определенном порядке в поступенном восходящем или нисходящем движении, гамма, звукоряд), *мравак* (2. мн. мурашки по коже (ощущение)), *коленце* (б. фиг. переход с одной ноты на другую), *црвић* (неприятная мысль или чувство, которые беспокоят человека).

Часто метафорически возникают и вторичные значения некоторых деминутивов, расширяющие или сужающие их первичные значения. К разряду вторично расширяющих значение деминутивов мы относим те деминутивы, из определений которых понятно, что они относятся к большому количеству предметов или явлений. Их определения содержат следующие элементы: *название разных видов + родительный падеж, то, что ... , часть чего-то..., небольшое количество чего-то..., то, что похоже на ...* и т.д.

Расширение значения: *водица* (4. название разных водоподобных растворов и препаратов), *главица* [головка, круглая часть некоторых растений (лука, капусты) и разных предметов (булавки, шипа, гвоздя)], *иглица* (то, что колет, как иголка), *крлица* (2. что-то маленькое, мелкое, напоминающее по форме тряпку), *лествица* (2. фиг. ряд ступенек чего-то (нпр. карьерная лестница), *лопатица* (2. расширенная плоская часть предметов, плоский предмет вообще), *књижица* (2. книжечка, название разных документов в форме маленьких листов бумаги, сшитых вместе), *мрвица* (2. фиг. маленький остаток, частица чего-то), *прњица* (что-то маленькое, незначительное), *ружица* (5. фиг. что-то хорошее, красивое, приятное в жизни), *ручица* (2.а. часть предмета (сельскохозяйственного, ручного, инструмента, посуды, оружия), за который его хватают рукой, рукоятка, *сламка* (2. незначительная частица чего-то, крошка), *шачица* (2. небольшое количество чего-то, несколько), *иверак* (2.а. маленькая, мелкая частичка чего-нибудь), *главић* (круглая часть чего-то (спички, булавки и др.), *звончић* (2. бот. а. названия разных видов растений с цветком в форме колокольчика), *јастучић* (2. то, что похоже на подушечку).

У некоторых деминутивов имен существительных довольно широкие первичные значения неопределенной семантики, поэтому их вторичные значения тоже могут развиваться в разных направлениях.⁷

Подопределение: *везица* (2. повязка. 3. шнур для ботинок. 4. грам. черточка, соединяющая два слова), *кожица* (2.а. танкое покрытие, слой чего-то; б. внешнее тонкое покрытие листков и других органов растений), *плочица* (пластинка, кровная ~, восковая ~, моторная ~), *таблица* (табличка), *кончић* (2.б. тонкая струя чего-то подвижного. 3.а. ниточка, связывающая вещи друг с другом, служащая связью. б. небольшое количество чего-то, частичка).

У деминутивов почти систематично есть способность сузить значение или, вторично, обозначать какой-то предмет или явление.

Сужение значения: *бундица* (короткая шуба, шубка), *жицица* (корткий кусок проволоки), *игрица* (компьютерная игра), *мрежица* (сетка из тонких ниток), *чорбица* (бульон, редкий суп), *гаћице* (короткие трусы), *ковчежић* (почтовый ящик), *кромпирић* (молодой картофель), *лептирић* (общее название для разных видов

⁷ О подопределении см. Драгићевић 2008б.

мелких бабочек), *ножић* (б. складной нож, карманный нож, перочинный нож, бритва).

Определенная часть деминутивов развивает противопоставленное вторичное значение, и тогда в рамках одной полисемантической структуры развиваются антонимические значения. Данное явление называется энантиосемией и основывается на том, что антонимы очень близки по семантической структуре.

Энантиосемия: *бубица* (3. фиг. а. ласк. гуляка, хулиган. б. спокойное, покорное, тихое создание), *госпођица* (1. барышня, незамужняя девушка, горожанка. 2. нар. песн. замужняя женщина), *дечкић* (1. уменьш. дечко (парень). 2. довольно взрослый парень).

3.2 Метонимические значения

Вопреки тому, что метонимия не очень продуктивный механизм развития деминутивных значений, можно выделить следующие примеры, возникшие в результате действия данного механизма полисемии.

Метонимия: *буквица* (желудь бука), (*водица* – церковный обряд, молитва на освящение воды), *каплица* (2. фиг. спиртной напиток. 3. мн. капли, жидкое лекарство, принимаемое по счёту капель), *ружица* (3. здоровье, румянец), *прутак* (след от удара на лице), *дрвце* (3. спичка), *ребарце* (2. обычно в мн. ч. ребрышки), *стакалце* (2. флакончик, бутылочка), *цревце* (2. мн. блюдо из бараньих кишек), *обрашчић* (2. выступ под щеку на прикладе ружья), *папучић* (подкаблучник), *петлић* (французская золотая монета, наполеон со знаком петуха), *пужић* (домик морской улитки).

4 ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ

Следующая теоретическая проблема, связанная с анализом вторичных значений деминутивов, состоит в том, что многие из авторов не различают лексикализацию и полисемию. Вторичные значения деминутивов легко относятся к лексикализированным. Тем не менее, о лексикализации может идти речь только в том случае, если существительное потеряло свое деминутивное значение и начало означать какое-то явление или предмет, без возможности означать деминутив мотивирующего слова. Носители сербского языка, например, четко чувствуют разницу между существительным *кошуљица*, означающим как маленькую рубашку, так

и медицинский термин, и существительным *страница*, которое не может означать маленькую сторону, а только страницу книжки. Данное явление в основном фиксируется в словарях, но даже если лексикографы машинально относят существительное к разряду деминутивов, носители языка без проблем поймут, что это ошибка лексикографа. Лексикализацию следует понимать, как последнюю стадию в формировании самостоятельных недеминутивных значений деминутивов. Хотя лексикализация не является основной темой нашей работы, мы приведем несколько примеров.

Лексикализация: вођица, гљивице, глиница, госпођица, девојчица, јаслице, страница, језичак, прашак, сталак, чунак, чланак, бубац, дворац, зубац, каменац, креветац, образац, рукавац, хлебац, корице, непце, ножице, речца, ушица, говече, жшвинче, клупче, вртић, зупчић, новчић, сестрић, кћерка.

Для большинства из приведенных лексем характерно то, что их первичное значение в Словаре МС не определено как деминутивное. Некоторые из них (например, *корице* или *образац*) имеют полисемантическую структуру, но ни одно из значений не является деминутивным. Как показывает проанализированный нами материал, к лексикализации особенно склоны бывшие деминутивы на *-ац*.⁸

Следует взять во внимание и примечания П. Радича (1997: 23) по поводу одной тенденций, связанной с семантическим распределением между формами существительных с морфонологическими чередованиями и без них (*књигица: књижица, рукица: ручица, ногица: ножица, јабукица: јабучица*). Формы с морфонологическими чередованиями, как отмечает П. Радич, старше и более склоны к лексикализации, в то время как деминутивное значение выражается формами без чередований. Данные явления все чаще проявляются систематически. Формы без морфонологических чередований П. Радич объясняет «оправданным стремлением к младшей деминутивности» и продолжает: «Обновленная деминутивность возникает, чаще всего, как сопротивление лексикализации, при чем один из морфонологических механизмов, в данном случае чередование *к/ч*, т. е. его активация или ее отсутствие, представляет собой элемент дистрикции, который делает лексический фонд языка.»⁹

⁸ О склонности существительных на *-ац* к лексикализации и их уменьшенной способности введения деминутивного значения см. Грицкат 2003: 27.

⁹ Более подробно – см. Драгићевић 2008а.

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У большинства деминутивов имен существительных в сербском языке есть только одно (деминутивное) значение. Некоторые из них, кроме деминутивных значений, развивают также и недеминутивные. Возможности развития недеминутивных значений следует понимать, как континуум: начиная с тех недеминутивных значений, которые возникают как дополнительный компонент деминутивного значения (гипокористичность, уничижительность и т. д.) и которые остаются с ними неразрывно связанными, продолжая более самостоятельными значениями в рамках полисемантической структуры деминутивов имен существительных, до лексикализованных значений, представляющих собой отдельные недеминутивные лексемы.

У каждого пятого деминутива, в среднем, в сербском языке развита полисемия.

В сербском языке наиболее склоны к полисемии деминутивы имен существительных на *-ица*, а меньше всего к ним склоны деминутивы на *-че*. Деминутивы на *-ац* наиболее склоны к лексикализации. У деминутивов на *-ић* часто есть синонимы среди деминутивов на *-ак*, в то время как для деминутивов на *-ић* более характерно сохранение чисто деминутивного значения, чем у деминутивов на *-ак* (ср. Грицкат 2003: 27), развивающих в рамках деминутивного значения гипокористическое и склонных к полисемии.

Наиболее частотный механизм развития полисемии – метафора, в особенности метафора на основании внешних признаков.

Вторично, деминутивы чаще всего означают растения, но также и предметы, части предмета, части растений, людей, части тела, животных, материю, абстрактные явления.

ЛИТЕРАТУРА

Драгана, ВЕЉКОВИЋ СТАНКОВИЋ, 2011: *Речи субјективне оцене у настави српског језика и књижевности*. Београд: Филолошки факултет.

Ирена, ГРИЦКАТ, 2003: О суфиксу *-ак* и у вези с њим. *Српски језик* VIII/1–2, 23–28.

Рајна, ДРАГИЋЕВИЋ, 2008а: Творбени и семантички статус једног значења именица типа *ручица*. *Српски језик* XIII/1–2, 203–215.

Рајна, ДРАГИЋЕВИЋ, 2008б: О значењској подспецификованости на примеру лексеме *основа*. *Јужнословенски филолог* LXIV, 123–134.

Рајна, ДРАГИЋЕВИЋ, 2010: *Лексикологија српског језика*. Друго издање. Београд: Завод за уџбенике.

Radmila, ĐURIĆ, 2004: *Deminutivni sufiksi u srpskom i njihovi prevodni ekvivalenti u engleskom*, ЗБМСФЛ XLVII/1–2, 147–164.

Н. А., ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, 1972: Членимость слов типа *ножка, ручка*. В: *Развитие современного русского языка, словообразование: членимость слова*. Москва: Академия наук СССР, Институт русского языка. 175–186.

Владан, ЈОВАНОВИЋ, 2005: Неки аспекти прагматичке употребе деминутивних именица. *Наш језик* XXXVI/1–4, 100–103.

Владан, ЈОВАНОВИЋ 2010: *Деминутивне и аугментативне именице у српском језику*. Београд: Институт за српски језик.

Борис, МАРКОВ, 1960: Именице с наставцима *-че* и *-чић*. *Наш језик* X/7–10, 228–246.

Радмило, МАРОЈЕВИЋ, 2005: Творба речи у савременом српском језику Ивана Клајна (1). *Српски језик* 10/1–2, 685–780.

Првослав, РАДИЋ, 1997: О деривационом аспекту речничког богађења. *Језик данас* 1, 22–24.

СЛОВАРИ

Мирослав, НИКОЛИЋ, 2000: *Обратни речник српског језика*, XXX. Београд: Матица српска, Институт за српски језик САНУ, Палчић.

Речник српскохрватског књижевног језика, I–VI, 1967–1976. Нови Сад: Матица српска.

SUMMARY

Nondiminutive Meanings of Noun Diminutive Forms in Serbian Language

This paper analyzes polysemantic structures of noun diminutives in Serbian language. Meanings that are not diminutive will be analyzed and classified. An investigation will be conducted whether there is a connection between the types of formation and variety of meaning of diminutives, as well as methods of formation and the number of nondiminutive meanings. It will give the answer to the question whether diminutives formed by same suffix semantically behave in the same way, ie. whether their meanings were formed by the same models. The aim of this study was to investigate the relationship between the formation and meaning of noun diminutives in Serbian language and try to establish some principles.

Ольга П. Ермакова

*Калужский государственный университет, им. К. Э. Циолковского,
Россия, г. Калуга, olga_ermakova.kaluga@mail.ru*

Наречные деминутивы как антиинтенсификаторы в русском языке

В статье рассматриваются находящиеся в оппозиции количественные определители прилагательных: особенности их грамматической и лексической сочетаемости, а также различие функций в иронических контекстах.

The present paper deals with the quantitative determinants of adjectives being in opposition to one another: the features of their grammatical and lexical compatibility, and also the difference of their functions in ironical contexts.

Ключевые слова: интенсификация, уменьшительность, предельность, ирония, модальность.

Key words: intensification, diminutivity, limitness, irony, modality

Среди наречных деминутивов существует небольшая группа слов, выполняющих функцию «уменьшителей» проявления признака или действия. Это слова *чутьочку, капельку, крошечку, немножко, немножечко* и др. Поскольку в русском языке весьма разнообразны средства выражения интенсификации признака, среди которых немалое место занимают наречные интенсификаторы, представляется небезынтересным сопоставить наречные «увеличители» и «уменьшители» (в дальнейшем будем использовать и эти обозначения). Это сопоставление и будет содержанием статьи. Данное сопоставление проводится не на основе аффиксальных различий: по этому признаку рассматриваемые группы несоотносительны – деминутивы-уменьшители образованы суффиксально, а все наречные (как и адъективные) интенсификаторы образуются только семантически – на основе перехода качества в количество. Ср. *страшная сказка – страшная беда, страшно бедствуют*. Нас будут интересовать различия увеличителей и уменьшителей в грамматической и лексической сочетаемости и участия их в иронических контекстах.

Выскажу предварительно некоторые общие замечания об уменьшителях и увеличителях.

Легко заметить, что при довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов в русском языке антиинтенсификаторы представлены несколькими словами: *немного, немножко, чуть-чуть, чуточку, капельку, крошечку*. Среди местоименных наречных слов нет уменьшителей степени проявления признака, но есть увеличители – *так, как, настолько, насколько*. *Молчалин прежде был так глуп* (А. Грибоедов. *Горе от ума*); *Он (переулок) так мал, по нем так редко ходят, он далек от центра и трамвая* (В. Инбер. *Переулок моего имени*). В сочетаниях с любым прилагательным *так* синонимично слову *очень* (или *ужасно, страшно* и т.п.). Аналогично, выражая значение степени, может употребляться и *как*. *Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели!* (Чехов. *Вишневый сад*).

Отметим также, что состав уменьшителей не пополняется, в то время как увеличители степени признака представляют собой продуктивную группу, прежде всего в жаргонно-разговорной речи. Ср.: *супер, суперски, классно* и т.д.

Как отмечает Е. М. Вольф, интенсификация является оценочной категорией (Вольф 1985: 138–140). Естественно, и уменьшение степени признака – тоже. Как и оценка, количественная семантика бывает общей и частной. Среди интенсификаторов нейтральными, заключающими в себе общую оценку, можно считать слова *очень* и *совершенно*, выражающими чисто количественное значение «без примеси» другой семантики. Близки к ним *ужасно, страшно*, но они имеют некоторую эмоциональную окраску. Большая же часть интенсификаторов совмещает идею количества с другими семами: *неуловимо тонкий, необозримо широкий, потрясающе увлекательный, щемяще печальный* и т.д. Это подробно рассмотрено Е. Кржижковой (Кржижкова 1974: 128 и след.).

Как показали наблюдения, многие интенсификаторы, значения которых осложнено другими семами, в сочетании с определяемыми имплицитно содержат причинно-следственные отношения. (Ермакова 2005: 278–279) Ср.: *Он был возмутительно независим и богат* – «так богат и независим, что это возмущало»; *Девушка за стойкой выглядела удручающе прекрасной* (Т. Устинова. Третий четверг ноября). Естественно, что для уменьшителей степени признака такие отношения не характерны по самой их природе: следствие порождается высокой, превышающей норму степени признака.

Слова, составляющие оппозицию интенсификаторам, выражают только общую оценку и антонимичны прежде всего словам *очень* и *совершенно*. В связи с этим, как нам представляется, корректным будет сопоставление этих антонимичных количественных определителей.

В грамматической сочетаемости, на первый взгляд, у интенсификаторов и антиинтенсификаторов нет различий. И те, и другие могут сочетаться с прилагательными – *очень странный* (*ужасно, страшно, невероятно* и т.д.) – *немного странный* (*немножко, чуточку, капельку*), с глаголами – *очень удивиться* (*ужасно, страшно* и т.д.) – *немножко удивиться* (*капельку, чуточку* и т.д.), с наречиями *очень странно* (глядел) – *немного странно* (глядел). Но дальше наблюдаются некоторые различия. Ср.: *Он чуточку серьезнее брата, но не очень серьезнее; Он немножко поэт, но не очень поэт.*

Деминутивы – уменьшители могут сочетаться с прилагательными типа *слабоватый, синеватый*, суффиксы которых уже указывают на слабую степень проявления признака: *чуточку сладковат, крепковат, но не очень слабоват.*

Сочетаемость с существительными требует специальных комментариев.

В отличие от интенсификаторов «уменьшители» сочетаются с компаративом (независимо от того, соотносится компаратив с прилагательным, наречием или безлично-предикативными словами): *Он чуточку (капельку, крошечку, немножечко) умнее брата, стал заниматься чуточку серьезнее, сегодня капельку теплее; Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше* (М. Булгаков. Театральный роман); *Швейцары обычно знают все и чуточку больше* (Е. Козырева. Дамская охота).

Разумеется, в зависимости от объекта сравнения меняется само обладание признаком: *он чуточку талантливее своего брата* (оба талантливы, различие в степени) и *он чуточку талантливее этой бездарности Петрова* (он не полная бездарность, но и талантливым не является). Это относительное значение сравнительной степени хорошо известно. Оно, как свидетельствуют примеры, оказывает влияние на ироническое употребление сочетаний с уменьшителями степени признака.

Есть случаи, когда в исходной форме семантика прилагательного логически допускает только интенсификацию признака и сочетание с деинтенсификаторами может быть только ироническим: *чуточку известен, капельку прославлен, немножечко знаменит и под.* Ср.: *В солидном учреждении имеется свой, почти настоящий, почти профессиональный и даже чуточку известный сочинитель* (В. Аксенов. Зеленые берега). Но уже лишено иронии – *он чуточку более знаменит, чем его брат, немножко более известен, чем сын* и т.п. Сопоставительная семантика компаратива и относительность степени признака снимает в этих случаях ироничность (в настоящее время не все лингвисты относят к компа-

ративу конструкцию с *более*, но я разделяю точку зрения, традиционную в отечественном языкознании).

Сочетаемость с формами компаратива интенсификаторам не свойственна. Ср.: *Она очень красива, но не она очень красивее сестры; Совершенно удивительная ситуация, но не эта совершенно удивительнее той.* Исключение составляют слова *значительно, намного, несравненно* и некоторые другие, «привязанные» к сравнительной степени и не сочетающиеся с исходной формой прилагательного. Ср.: *намного умнее, но не намного умный. Они знали, что без нее не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут* (Т. Устинова. Персональный ангел).

Сочетаемость и несочетаемость количественных определений с существительными может иметь различное объяснение. Интенсификаторы – это наречия на –о, которые, как известно, ни в качественном, ни в количественном значении не сочетаются с существительными. Отмечены только единичные случаи присубстантивного употребления интенсификатора *совершенно*. *Спереди совершенно немец* (Н. Гоголь. Сорочинская ярмарка). Что касается уменьшителей, то их представители наречий на –о – *немного, немножко, немножечко* нередко сочетаются с названиями профессий, рода занятий и оценок: *Он немного художник, она немножко портниха. Был он изящен и немного поэт* (С. Есенин. Черный человек); *Деточка, все мы немножко лошади* (В. Маяковский. Хорошее отношение к лошадям); – *Баба морду мылом моет. – У бабы не морда, у бабы лицо. – Пошла, посмотрела: – У бабы все-таки немножечко морда* (К. Чуковский. От двух до пяти).

Еще чаще в аналогичных контекстах употребляются демиинутивы *чутьочку, капельку, крошечку*. *Но ведь почти все поэты хоть капельку да поэты* (Ф. Достоевский. Дневник писателя); *Они устраивали демонстрацию у моих дверей, и я был капельку Манолисом Глезусом* (С. Довлатов. Творчество, личность, судьба); *Каждый ариец оказывается хоть чутьочку да славянин* (С. Резник. Выбранные места); *В каждом умном человеке должно быть, по-моему, чутьочку дурака* (И. Грекова. Без улыбок).

Таким образом, в отличие от интенсификаторов антиинтенсификаторы охотно сочетаются с разными группами существительных. И только демиинутивы-уменьшители образуют сочетания с существительными в родительном падеже типа: *чутьочку жалости, капельку доброты. Он хотел капельку внимания (доброты, сочувствия); В одежде нужно чутьочку небрежности; Ему не хватает крошечку ненормальности (лукавства, хитрости, сомнения).* Это естественно, поскольку слова *немного*

и под., выражая значение неопределенного количества, ведут себя как числительные, которые в форме именительного или винительного падежа управляют родительным падежом существительного (толковые словари в таких случаях и определяют слова типа *немножко*- «в знач. числительного»).

Но если различия в грамматической сочетаемости увеличителей и уменьшителей степени признака выражены довольно определенно, то их различия в лексической сочетаемости представляют довольно пеструю картину. Теоретически оба вида количественных определителей возможны у одних и тех же прилагательных. Так, при *очень страшный фильм* может быть и *немножко страшный фильм*. Но при *очень интересный фильм* употребление *немножко* (*чутьочку*, *капельку*) интересный представляется не совсем нормальным. И уж совсем неестественным было бы сочетание *немножко потрясающий фильм* при вполне естественном *совершенно потрясающий*. Уравнивание количественных определителей при некоторых прилагательных возможно (но не в последнем случае) в позиции предикативов и введении субъекта восприятия: *Это мне очень интересно – немножко интересно*.

Можно предполагать, что слова, уже называющие высокую степень признака, не должны принимать интенсификаторов. Однако нередко встречаются сочетания *сказочно прекрасный*, *чудовищно безобразный*, *невероятно отталкивающий*, *потрясающе гнусный* и т.п. Что касается уменьшителей, то употребительность сочетаний *немножко прекрасный*, *чутьочку отвратительный* и т.п. без установки на языковую игру весьма сомнительна. Однако и здесь в форме компаратива употребление возможно: *она была чутьочку прекраснее сестры*, *он стал еще немножко безобразнее (отвратительнее, чутьочку более отталкивающим)*, что опять-таки (без установки на игру), как правило, не наблюдается при интенсификаторах.

Другая группа прилагательных называет признаки, которые в сущности не могут градуироваться: *честный*, *порядочный*, *совестливый*. Человек или порядочный или непорядочный, честный или нечестный, но степени порядочности, как и честности не бывает. Однако сплошь и рядом встречаются сочетания *очень порядочный*, *удивительно честный*, *ужасно совестливый* и т.п. Язык допускает избыточность. Ср., например *выражение искренне любить*, хотя совершенно ясно, что неискренне любить нельзя. Но сочетания таких прилагательных с антиинтенсификаторами могут восприниматься только иронически: *он немножко добросовестный*, *чутьочку порядочный*, *капельку честный*. Ср.: *Замечу лишь, что это был человек даже совестливый, то есть иногда* (Ф. Достоевский. Бесы).

В то же время бесспорным такое утверждение является по отношению к реальной модальности приведенных высказываний. Уже предположительность снимает ироничность Ср.: *Был бы он хоть чуточку порядочным, все было бы иначе.*

Ранее мы отмечали, что замена так называемой положительной формы прилагательного компаративом также ведет к утрате ироничности сообщаемого.

Форма компаратива и ирреальная модальность высказывания как будто не лежат на одной плоскости, но в равной мере противятся иронии. Очевидно, дело в том, что и то, и другое преобразование фактически отрицает признак как присущий субъекту, а насмешливое утверждение его присущности и составляет суть иронии в таких высказываниях.

Таким образом, то, что в исследуемом материале, на первый взгляд, представляется только сочетаемостью смыслов, оказывается в зависимости от формы прилагательного, его синтаксической функции или модальности высказывания.

Кратко остановлюсь на роли самих количественных определителей в иронических контекстах.

Известно, что ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, не любит умеренности, но как показывают наблюдения, нередко использует в качестве средства и преуменьшение степени. Какую роль играют сами количественные определители в иронических контекстах? Рассмотрим некоторые примеры.

Как правило, ирония строится на антонимичности признаков – названных и мыслимых. Но при антиинтенсификаторах может быть иначе. В сочетании со словами, содержащими признак со знаком минус *чуточку наглый* (жестокий, завистливый и т. д.) ироничность предполагает не противоположный названному признак, а противоположность степени: не «чуточку», а «очень». *Сталин был чуточку жестоким.* Это, как очевидно, не насмешка под видом похвалы, а под видом сильного умаления отрицательных качеств, присущих субъекту в большой степени.

Интенсификаторы при ироническом употреблении отрицательных характеристик на иронию не «работают» Их присутствие не обязательно. Ср: *Как ты думаешь, он догадается? – Где ему! – Он же (страшно) глупый!* Речь идет о человеке умном, которого говорящий таким и считает Ирония, как и в случае мнимой положительной характеристики подразумевает антоним (но положительный). Ср. ситуацию, в которой женщина

пытается убедить себя в том, что ее бывший возлюбленный – плохой, а новый хороший.

Господи, она и забыла, какой он противный

– Ты бы держалась за меня, Лек Навернешься, костей не соберешь

– Ужасный человек, ужасный.

Артем никогда ничего не забывал. И все просьбы Леки записывал на бумажку

Он очень хороший человек, ее Артем (Т. Устинова. Третий четверг ноября).

В сочетаниях с признаковыми словами, не содержащими явной оценки – *высокий – низкий* (о звуке), *близкий – далекий* (о местоположении), *широкий – узкий* и т.д. – оба количественных определителя в ироническом употреблении лишь подчеркивают несоответствие между буквальным и подразумеваемым значением. Подразумевается антоним названного слова: *Погода вполне прохладная – 35 градусов в тени*. Разумеется, ироничность всегда определяется ситуацией и позицией говорящего (там, где бывает жара в 50 градусов, это высказывание может иметь буквальный смысл. Аналогично это и при деинтенсификаторах: *Платье тебе немножко широко* (когда явно узко). Но в высказываниях типа – *чуточку узко* (когда очень узко, с трудом налезло) – ирония создается именно уменьшением степени узости – деинтенсификатором. Антонимия самих признаков здесь не участвует, как и в сочетаниях типа *чуточку завистлив*.

Ирония, как уже отмечалось, (Ермакова 2005) может выражаться путем отрицания интенсификаторов (употребление с частицей *не*) Ср.:

Действительно, Варвара Петровна не совсем походила на красавицу: это была женщина высокая, желтая, костлявая, с чрезмерно длинным лицом, напоминавшим что-то лошадиное (Ф. Достоевский. Бесы); *...когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосие, но (как бы помягче выразиться) не вполне Верди* (Нов. газ. 11–13.10.04).

– Экий ты младенец! Сказала Пегготи (речь идет о ее пожилем брате. – О. Е.)

– Не очень-то я похож по виду на младенца.

– Не особенно, – согласилась Пегготи (Ч. Диккенс, Жизнь Девида Копперфильда, рассказанная им самим пер. А. Кривцовой и Е. Ланна).

При ироническом употреблении различие между интенсификатором и интенсификатором с *не* может нейтрализоваться. Ср.: *Как вы можете догадаться, сломанная нога сильно украсила мою курортную жизнь*. И - ... *не сильно украсила мою жизнь*. Оба высказывания одинаково ироничны.

Таким образом, наблюдения показывают, что в иронических контекстах интенсификаторы и антиинтенсификаторы «служат» иронии по-разному. И в некоторых случаях главную роль могут играть уменьшители степени проявления признака.

Деминутивы, о которых идет речь, могут быть названы антиинтенсификаторами не только по антонимичности их семантики, но и функционально: в некоторых контекстах они снижают чрезмерность интенсификации:

Это начинает меня немножко сильно напрягать; Это немножко чересчур сладко; Думаю, ты капельку слишком им восторгаешься. В ней было всего немного слишком: слишком высокий рост, слишком веселые глаза и слишком белые зубы (Т. Устинова. Персональный ангел).

Но и некоторые интенсификаторы усиливают уменьшение степени: *он совсем немного похож на отца; а ведь совсем капельку и мы виноваты.*

Разнообразное сочетание увеличителей и уменьшителей встречается в просторечии и в пародировании неграмотной речи.

Петька был немножко исключительно нахальный; Следует заметить, что этот рассказ не такой уж чересчур смешной (М. Зощенко. Рассказ про даму с цветами); *И сразу, знаете, обнаружилась очень необычайная скука* (М. Зощенко. Чудный отдых).

Иронические высказывания с увеличителями и уменьшителями степени признака различаются интонационно. Предложениям с *чутьочку* и *под.* обычно не свойственна восклицательная интонация, которая очень характерна для иронии с выраженным или невыраженным интенсификатором.

– Замечательно, – сказал Платон Легран таким тоном, каким обычно говорят: «Какой ужас!». (Т. Устинова. Третий четверг ноября).

При некоторых отмеченных различиях у интенсификаторов и антиинтенсификаторов есть одна общая черта – они предельны: сами они не порождают других значений (Ермакова 2005: 274–276). Это, очевидно, особенность всех количественных слов (в языке количество, очевидно, не переходит в качество), в том числе количественных метафор – *пропасть, бездна, море, водопад, шквал, град, ручей* и т. д. (*книг, дел, упреков, слез, огней* и т. п.). Этим количественные метафоры отличаются от других метафор, которые, как известно, могут быть базой для образования метонимии.

Один пример. *Наш дом курятник. Вчера наш курятник бурно обсуждал происшествие.*

Итак, сопоставление наречных интенсификаторов и антиинтенсификаторов – деминутивов обнаруживает ряд различий в «поведении» этих количественных определителей.

- (1) Различие в их грамматической и лексической сочетаемости.
- (2) Различную роль в иронических контекстах при реальной и ирриальной модальности.

ЛИТЕРАТУРА

Н. Д. АРУТЮНОВА, 1976: *Предложение и его смысл*. Москва.

Е. М. ВОЛЬФ, 1985: *Функциональная семантика оценки*. Москва.

Н. Д. ДИЗЕНКО, 1986: *Существительные с количественным значением в современном русском языке. Автореф. канд. дисс.* Москва.

О. П. ЕРМАКОВА, 2005а: *Ирония и ее роль в жизни языка*. Калуга.

О. П. ЕРМАКОВА, 2005б: *Переход качества в количество (о природе интенсификаторов). Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка*. Москва.

Е. КРЖИЖКОВА, 1974: *Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ). Синтаксис и норма*. Москва.

SUMMARY

Adverbial Diminutives as Anti-Intensifiers in the Russian Language

Although there is a great variety of means to express the quality's intensity (including adverbs), only a few adverbs such as *чутьочку*, *крошечку*, *капельку* can be used to show the decreasing extent of quality.

Intensification as well as anti-intensification is an estimating category. Diminutives provide just general estimate. Therefore they contrast with only two intensifiers which are *очень* and *совершенно*.

The comparison of various types of quantity determiners represents the difference in their both grammatical and lexical collocative features and their different functions in ironic contexts of real or unreal modality.

ЗИНАИДА А. ХАРИТОНЧИК

*Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, г. Минск, zkharitonchik@mail.ru*

Количественные характеристики в системе словообразовательных значений современного русского языка

Квантификация как одна из важнейших форм человеческой деятельности находит выражение и в словообразовательной системе русского языка с помощью деривационных типов, которые эксплицитно или имплицитно указывают на различные степени количества, формирующие специфичные для разных частей речи количественные шкалы с характерной для них асимметрией положительной и отрицательной частей. Определение значимости той или иной подсистемы деривационных типов со значениями количества предполагает установление их продуктивности и места выражаемых значений на количественной шкале.

Quantification as a most significant human activity finds expression in the Russian word formation system by means of a number of derivational types which indicate, either explicitly or implicitly, various degrees of quantity which form in their complexity quantificational scales specific for different parts of speech and asymmetric in their positive and negative parts. The systemic value of a set of derivational types as expressions of quantity is dependent on their productivity and the place of meanings expressed on the quantificational scale.

Ключевые слова: количество, словообразование, норма, интенсивность, асимметрия

Key words: quantity, word formation, norm, intensity, asymmetry

Определение количественных параметров окружающего нас мира, включающее целый ряд сложнейших процедур количественного членения, измерения и исчисления, установления степени интенсивности, если объектами количественного анализа становятся свойства, и т.п., является важнейшей и необходимой стороной нашей жизнедеятельности. Одновременно мы, следуя, как отмечал Ш. Балли, привычке, присущей человеческому мышлению, «воспринимать что-либо не абсолютно, а лишь соотносительно с одним или несколькими аналогичными предметами

или явлениями» (Балли 1955: 203), стремимся расположить измеряемые объекты и их свойства на количественной шкале и с помощью языковых средств выразить количественную дифференциацию и различия в степени наличия, проявления и т. д. Насколько значима количественная составляющая в передаваемом нами содержании, указывает то, что в языках для выражения точного (определенного), приблизительного или неопределенного количества, формирующих семантический фундамент макрополя количества (Соколовская 2002: 8–9) (ср. однако, иную интерпретацию его структуры и плана содержания (Полянский 1984: 39; Категория количества 1990 и др.)), существуют специальные грамматические и лексические подсистемы – числительные, квантитативы и мезуративы различного типа, включающие и наименования квантификаторов недискретных сущностей, различного рода конструкции с количественными значениями и т. д. (см., например, Чеснокова 1992; Швачко 1981, Гэн, Харитончик, 2013; Михалькова 2015 и многие другие описания категории количества в разных языках мира).

В реестр языковых средств, направленных на репрезентацию количественной дифференциации обозначаемых языковыми единицами сущностей, неотъемлемой частью входит и словообразование, открывая широкие возможности передачи в явном (преимущественно посредством словообразовательных аффиксов) и неявном виде (как определенных семантических модификаций, сопровождающих словообразовательные значения) всего многообразия количественных различий. В словообразовании русского языка количественная характеристика, осуществляемая с помощью производных слов, охватывает все ведущие лексико-грамматические классы, демонстрируя одновременно, насколько разветвленной может быть эта дифференциация в том или ином классе, с одной стороны, и специфику количественных модификаций под влиянием частеречных свойств, с другой. Предлагаемая работа представляет собой попытку раскрыть хотя бы в первом приближении эти два аспекта системы русского словообразования, взяв за основу ее наиболее полное описание в Русской грамматике – 80 (Русская грамматика 1980). Мы полагаем, что такое исследование есть первый шаг, необходимый для определения значимости стоящей в центре нашего обсуждения категории деминутивности в общей системе словообразовательных категорий.

Следует отметить, что построение количественной шкалы, на которой нашли бы место все выражаемые в словообразовании количественные значения, весьма затруднено. Истоки этих трудностей кроются в неоднородности значений, наследуемой дериватами, производящими базами которых являются члены всех трех субкатегорий: точного, приблизи-

тельного и неопределенного количества, входящих в состав категории количества, а также в диффузности количественных значений, передаваемых с помощью аффиксов. Найти конкретные точки на количественной шкале, на которых могли бы разместиться, скажем, существительные, мотивированные числительными, типа *двойня, треть, десятка*, сложные слова типа *однотрубка, трехлетка, пятиокись, сорокатысячник, двоевластие* и др.) или суффиксальные существительные со значением единичности (*виноградина, картофелина, соломинка, песчинка*) и сложные существительные со связанными интернациональными компонентами (*монокультура, монорельс, моноволокно*), или дериваты с первым компонентом *пол-* (*полведра, полчаса, полмира, полугодие*) и многие другие, не удастся. Необходимо, по-видимому, разработка отдельной шкалы точного количества и шкалы приблизительного и неопределенного количества. Прототипическим вариантом последней является, на наш взгляд, шкала, в центральной точке которой располагаются мотивирующие слова, обозначающие, как правило, наличие признака или его соответствие норме, а на противоположных полюсах – единицы, указывающие на наличие этого признака в уменьшенной степени вплоть до полного его отсутствия и наличие этого признака в высокой степени. Именно она формирует семантический остов количественной дифференциации в той или иной части речи.

В системе имен существительных в русском языке основными словообразовательными классами, репрезентирующими два полюса данной шкалы, являются, вероятно, деминутивы и аугментативы. Существительные с уменьшительно-ласкательными значениями как прототипические представители деминутивов, что не исключает, однако, включения в этот класс прилагательных, наречий и даже глаголов (см. интересное их описание в работе Ирены Страмлич-Брезник (Stramljić Breznik 2015), убедительно демонстрируют, как уменьшительные значения (например, *грибок, городок, табунок, флигелек, садик, арбузик, ковшик, зайчик, сарайчик, стаканчик, стульчик, воробышек, стулик, столик, шкафик, шкафчик, словарик, ящичек, картинка, батарейка, березка, конурка, мордочка, язвочка* и др.) становятся основанием, или отправной точкой субъективной оценки – добавочных экспрессивно-эмоциональных оттенков значения ласкательности, сочувствия, умиления или, наоборот, уничижительности, пренебрежения, что имеет место, однако, не всегда. Иначе говоря, уменьшительные значения, как указывается в РГ-80, не всегда сопровождаются оценочными смыслами (*рыбка, статуэтка, вагонетка, картинка, батарейка, шумок* (Русская грамматика 1980: 267), а субъективно-оценочные значения не всегда предполагают уменьшительность (*подруженька, мамочка, сынуля* и др.) (см. также (Крамкова 2014) и

др.). Значение уменьшительности передают и слова с заимствованными компонентами *микро-* и *мини-* (*микромир, микровзрыв, микроорганизмы; миниюбка, минибасня* и др.)

Деминутивам противостоят аугментативы – суффиксальные имена существительные с увеличительными значениями типа *холодина, конфетина, щучина, волчище, жарница, ножища*, класс которых дополняют образования с интернациональными компонентами *макро-, макси-, мега-* (*макромир, макрособытия; макси-юбка, макси-пальто, максипольза; мегазвезда*).

Важно, однако, подчеркнуть, что на фоне базовой количественной шкалы в системе имени существительного выражение с помощью словообразовательных аффиксов получает еще целый ряд количественных значений. Это прежде всего указания на отсутствие признака или его наличие в недостаточной степени, имеющие место в семантике производных существительных *безлуние, безвкусие, безветрие, безрыбье, безденежье* и др. Близкими к ним будут, по-видимому, образования типа *недоумок, недолисок, пасынок, надымок, подлисок, подсвинок, подтелок, подлецик, эллипсоид* со значением «не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающий в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере». К этой же подсистеме количественных значений также принадлежат и образования с неопределенными числительными типа *немногословие, малописание* и др.

Противоположную часть шкалы, на которой располагаются обозначения большой степени количества или интенсивности признака, занимают наряду с упомянутыми выше аугментативами имена существительные, называющие лицо или животное, характеризующееся интенсивным телесным признаком (*ушан, лобан, губан*), лицо, склонное к тому, что названо мотивирующим словом (*критикан, интриган*) и, конечно же, производные с *много-* (*многоборец, многословие*) и *поли-* (*поливитамины, полипризнаковость* и др.). Затем, по-видимому, следуют префиксальные производные *сверхприбыль, сверхскорость, суперфильтр, суперигрок, суперцемент, ультрамикроскоп, раскрасавец, расподлец*, указывающие на обладание признаком в высшей степени.

Таким образом, в словообразовании имен существительных находит выражение большая по сравнению с исходной шкалой дифференциация количественных показателей. Важно подчеркнуть при этом, что количественные показатели проходят по линии приблизительного и неопределенного количества и располагаются не только в точках шкалы

со значениями «много – мало». Значима для говорящих оценка соответствия норме, точнее, степени приближения к норме, предопределяющая релевантность указаний на недостаточную, неполную, не соответствующую норме степень признака или же высокую, чрезмерную степень, на которые в свою очередь естественным образом наслаиваются разного рода субъективные оценки, причем и высокая степень может быть основанием для отрицательных оценок (ср. *критикан, раскрасавец*).

Еще более детализирована количественная шкала признака в системе имен прилагательных. В ней наряду с выражениями точного, приближительного и неопределенного количества в сложных словах типа *односторонний, пятистенный, многоаспектный, малоимущий, немногословный* и др., имеющих в качестве своих компонентов обозначения точного, приближительного и неопределенного количества, существует целый ряд префиксальных и суффиксальных производных, в семантике которых содержится компонент количества. Особенно широк круг модификационных количественных значений у отадективных производных прилагательных. Значения, передаваемые в системе прилагательных степенями сравнения, дополняются указаниями на отсутствие признака (*алогичный, асинхронный; иррегулярный, неискренний, нечестный, ненаучный, нелетный, необитаемый* и т.п.), на слабую степень проявления признака (*красноватый, беловатый, дороговатый, солоноватый, лысоватый, бледненький, плохонький, высоконький*), на меньшую степень качества, чем то, что названо мотивирующим словом (*субмиллиметровый, субмикроскопический*), на некоторую, умеренную степень проявления признака (*небезвредный, небезуспешный, небезопасный*). На противоположной стороне шкалы располагаются отадективные слова со значениями наличия признака в значительной степени. Это производные с префиксом *пере-*, передающие усилительное значение (*перевозбужденный*). За производными со значением «превышающий пределы того, что названо мотивирующим словом» (*гиперактивный, гиперзвуковой, гиперкомплексный, гиперчувствительный, гиперпластический*) располагаются отадективные прилагательные с целой гаммой значений, указывающих на высокую степень качества. Значение усиленной степени качества (*толстющий, длиннющий, большущий; полнехонький, близехонький, светлехонький*), к которому примыкает значение усилительно-ласкательной экспрессивности (*тонюсенький*), соседствует со значениями умеренно высокой степени качества (*слабенец, далеконец, строгонец*), за которым располагаются значения высшей степени качества (*архиосторожный, архинелепый, архиглупый; преотличный, превеселый, премилый, развеселый, расчудесный, распрекрасный*), а ним, по-видимому, следуют значения чрезмерной степени качества (*толстенный, широченный, тяжеленный*), крайне высокой сте-

пени проявления признака (*сверхдальний, сверхпрочный, сверхглубокий, суперэластичный, суперсовременный*) и крайней, чрезмерной степени проявления признака (*ультравысокий, ультрамодный*).

Присутствующий и в семантике отглагольных прилагательных количественный компонент принимает форму характеристики динамического признака как часто, многократно повторяющегося, постоянного, специально предназначенного для выполнения некоторого действия или, реже, действия со слабой степенью проявления признака. Ср. *улыбчивый, молчаливый, родильный, сушильный, спальный, танцевальный, ломкий, верткий, плавкий, игристый, лживый, ревнивый, крикливый, сиповатый* и др.

Не лишены количественных модификаций и словообразовательные значения в системе отсубстантивных имен прилагательных, представляющие, по нашему мнению, наибольший интерес. Количественные показатели в этой группе дериватов с их ведущими значениями наличия, обладания и подобия направлены на указание степени наличия или подобия и варьируются от значения небольшой степени (*глинистый, прыщеватый, глянцевитый, кудреватый*), наличия признака в норме (*глянцевый*) до его наличия в большой степени (*кудрявый, пятнистый, мясистый, голосистый, волосатый, грудастый, глазастый, носастый, носатый, прыщавый*), в избытке (*закустаренный, загазованный, дождливый, завистливый, сонливый*) и др. Любопытно, что и в современном английском языке в системе отсубстантивных производных прилагательных эти количественные модификации имеют место, достигая еще большего уровня детализации – от указания наличия в единственном числе через указания небольшого неопределенного количества, некоторого количества к указанию наличия в большом количестве. См. подробнее (Харитончик 1986).

Очевидно, что и в отсубстантивных производных прилагательных наличие большого, сверх нормы качества часто сопровождается оценкой, как положительной, так и отрицательной.

Наряду с количественными значениями, системно закрепленными в семантике отсубстантивных прилагательных, совсем нередки их контекстуальные количественные модификации, наиболее явные в атрибутивных словосочетаниях. Так, *книжный* в словосочетании *книжный переплет* означает ‘переплет для одной книги’, а в словосочетании *книжный шкаф* – ‘шкаф для хранения многих книг’. Возможность профилирования количественной семы единичности или, напротив, множественности, или количественной нейтральности лежит в основе количественной

амбивалентности отсубстантивных прилагательных, в частности, относительных прилагательных, в которых количественная дифференциация обозначаемого мотивирующим словом денотата предопределяется его референциальной отнесенностью к конкретному объекту или множеству референтов. Так, например, в следующих контекстах, приводимых в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), явно прослеживается единственность референтов:

Материнский (здесь и далее выделено мною – *З.Х.*) *деспотизм вывел другой раз из терпения отрока: он убежал от нее в какой-то город, пристал к священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоям* [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск первый: X–XIV столетия (1862–1875)]; *Кстати, представитель части на суде майор Брилевский вообще отказывался признать **материнский** иск, утверждая, что она просит «слишком много»* [Александр Богомолов. Армия несет потери на дачах (2003) // «Известия», 2003.01.16]; *Это была ближайшая по расположению соседка и злейший **материнский** враг* [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]; *Поэтому в записке Тамара Ивановна еще раз оставила для дочери наказ, чтобы ни под каким вызовом от бабушки она не выходила, пока не услышит **ее, материнский**, голос* [Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 2003.11.15];

*На мать ты свою похож стал, на голубушку, — продолжала она, снова обратившись к Лаврецькому, — только нос у тебя **отцовский** был, отцовским и остался* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)];

*В основании воронки —ходы в **лисье** логовище* [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №4 (1925–1926)]; *Кончалось пиршество одним и тем же: с одной стороны из корытца торчали ежьи попки, с другой — **лисий** хвост, она добирала вместе со всеми желанные остатки* [Марина Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // «Звезда», 2002];

*В этот момент он наступил на что-то мягкое и тут же услышал дикий **кошачий** крик* [Аркадий Арканов. Скорая помощь. Юмор (1985–1995)]; *Длинный **кошачий** труп с оскаленными зубами и одним приоткрытым глазом стал отныне нередким действующим лицом чиграшовских кошмаров и причиной стойкой котобоязни* [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002].

Единичность референта, не подсказываемая формой относительного прилагательного, зачастую легко устанавливается через определяемое им имя существительное, употребляемое в единственном числе, что особенно явно в словосочетаниях с поссесивным значением (например, *отцовский ремень, отцовский конь, материнский дом, материнский сосок, материнская грудь, волчья голова, волчья шкура, волчья лапа* и многие другие).

Аналогичным образом форма множественного числа или же собирательный тип имени существительного эксплицируют множественность стоящих за относительным прилагательным референтов, как это имеет место в следующих словосочетаниях: *волчьи ямы, волчьи пасти, волчьи шкуры, волчья стая, волчья семейка, кошачий хор, кошачий дуэт* и др. Еще более однозначно на множественность референтов указывает контекст. Ср.:

Кошачий приют в Меенгерме был настоящим раем, раскинувшимся на территории небольшого парка [Илья Бояшов. Путь Мури (2007)]; До сих пор *кошачий* мех привозился из западных штатов, где многие фермеры занимаются разведением *кошек* для этой цели [Иностранные известия (1912.02.04) // «Мариупольская жизнь», 1912]; Про одну барыню говорили, что у нее *кошачий* завод; любовник мучил *кошек*, наступая им на хвосты [А. П. Чехов. Записная книжка IV (1890–1900)]; Ведь *материнская* и *отцовская* любовь — совершенно разные [Сергей Довлатов. Встретились и поговорили (1988)]; Неужто вы находите, что и взаимная любовь, и *отцовская* забота о семье, и *материнские* попечения о детях безнравственны? [Н. С. Лесков. Некуда (1864)].

Некоторые контексты позволяют двойную интерпретацию, демонстрируя синкретизм единичности и множественности референта, что характерно, например, для словосочетаний типа *материнский инстинкт, материнский деспотизм, материнская ласка, материнская нежность, материнский труд, отцовская ласка, волчий вой, волчьи следы*, и др. Для прочтения количественного значения в семантике прилагательного в таком случае требуется более широкий контекст. Ср. множественность в производном *материнский*, раскрываемую в следующем контексте местоимением во множественном числе:

В первую очередь хотелось бы использовать эти деньги для преодоления тревожной тенденции депопуляции населения и стимулировать рождаемость, оплачивать *материнский* труд по шкале высококвалифицированного труда или сохранять *им* зарплату во время ухода за ребенком [Проблемы охраны материнства и детства (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16],

и единственность в производном *волчий*, также подсказываемую дальнейшим контекстом:

Следы зверя на скотобойне были видны, это были *волчьи* следы, но так как *волка* никто не видел, то было решено считать, что это следы медвежьи [Александр Яшин. Маленькие рассказы (1954–1962)].

Порою установить количественные характеристики референта не представляется возможным в силу того, что их экспликация для говорящих, по-видимому, является нерелевантной или же отсылка к классу

референтов открывает путь сравнению и соответственно качественным значениям.

В системе производных глаголов количественная шкала под влиянием лексико-грамматического значения динамического признака как определяющей частеречной характеристики глагола особенно развита у отглагольных глаголов и принимает вид модификаций однократного (*прыгнуть, слупить*), неоднократного (*привозить, приносить*) или многократного (*повскакивать, перепробовать*) совершения действия, названного мотивирующим словом. Глаголы данной группы могут в своей семантике обозначать действие, распространяемое на многие объекты (*объехать, облетать*), происходящее многократно с нежелательно большой длительностью и интенсивностью (*пережарить, перекормить, перемерзнуть*), с незначительной интенсивностью (*пообсохнуть, поотстать, подбодрить, подкипятить, привстать, приоткрыть*), интенсивное (*взволноваться, иссохнуть, набезобразничать, взвыть*), доведенное до необходимой нормы (*доплатить, досолить, исписать*), увеличивающее размеры (*надстроить, насыпать*), полностью совершенное (*искрасить, усыпать*), превосходящее какое-то действие (*переиграть, переспорить, преуменьшить*), осуществляемое в определенном количестве (*накупить, настрелять*), интенсивное, окончательное, полностью осуществленное (*прогладить, продумать, открахмалить, отделать, растолстеть, разодеть*) и т. д. На отрицательном полюсе находятся глаголы, обозначающие действия с недостаточной степенью (*недоспать, недосыпать, недолить* и т. д.).

Как результат большей степени детализации положительного количества по сравнению с отрицательным, наблюдаемой даже у прилагательных, в системе которых модификации малой или недостаточной степени признака наиболее развиты по сравнению с другими частями речи, возникает асимметрия подсистем количественных значений, свидетельствующая о салиентности больших величин по сравнению с малыми (ср. противоположное наблюдение о квантитативах недискретных сущностей, в которых наибольшая градация характерна для квантитативов малого размера (Михалькова 2015)).

Развитость количественной шкалы в сфере словообразовательных значений в системе русского языка открывает путь к пополнению так называемых градуальных рядов, в которых семантическая градация, выражаемая простыми, производными словами, например, параметрическими прилагательными, расширяется за счет производных слов с их количественными значениями, а ее полюсность делает возможным возникновение внутри классов производных слов словообразовательных парадигм, т. е.

производных от одних и тех же мотивирующих слов, но с разными, зачастую противоположными словообразовательными значениями. Таковы, например, триады, формируемые деминутивами и аугментативами и их мотивирующими словами, типа *дом – домик – домина, домища, хвост – хвостик – хвостище, рыба – рыбка – рыбина, нога – ножка – ножщица* и др., ряды прилагательных типа *глупый – неглупый, умный – неумный* и др. Антонимичность мотивирующих слов в таких парадигмах влечет за собой сложные построения, семантические отношения членов которых требуют тщательного анализа, выходящего за рамки данной работы.

Таким образом, словообразовательная система русского языка располагает богатством словообразовательных возможностей выражения количественных значений, реализация которых, осуществляемая в пределах разных частей речи, приводит к выражению самых тонких нюансов количественности, с одной стороны, и возникновению лексических объединений с их переплетением отношений семантической близости, противопоставления и разных степеней градации.

ЛИТЕРАТУРА

Шарль БАЛЛИ, 1955: *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Пер. с франц. М.: Издательство иностранной литературы.

Цзянь ГЭН, Зинаида ХАРИТОНЧИК, 2013: *Неопределенно-количественные числительные в русском и китайском языках*. Saarbrücken: Lambert Publishing.

Категория количества в современных европейских языках, 1990: сб. ст. / АН УССР, Каф. иностр. яз.; редкол.: Отв. ред. В. В. Акуленко [и др.]. Киев: Наук. думка.

Ольга Валентиновна КРАМКОВА, 2001: *Функционирование деминутивов в современном русском языке: На материале современной художественной прозы*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород.

Надежда Васильевна МИХАЛЬКОВА, 2015: *Лексические средства выражения квантификации недискретных сущностей (на материале имен существительных английского, китайского и русского языков)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Минск: МГЛУ.

Национальный корпус русского языка. <[http://www. Ruscorpora.ru](http://www.Ruscorpora.ru)>.

А. Н. ПОЛЯНСКИЙ, 1984: План содержания категории количества в русском языке. *Филол. науки* 1, 38–40.

Русская грамматика, 1980: в 2 т. / АН СССР, Ин-т рус. языка; редкол.: Н. Ю. Шведова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Словообразование. Морфология.

Ольга Олеговна СОКОЛОВСКАЯ, 2002: *Средства выражения квантификативной приблизительности в современном английском языке*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Минск: МГЛУ.

Зинаида А ХАРИТОНЧИК, 1986: *Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка*. Минск: Вышэйшая школа.

Лилия Дмитриевна. ЧЕСНОКОВА, 1992: *Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке*. Таганрог: Изд-во ТГПИ.

Светлана Алексеевна ШВАЧКО, 1981: *Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках*. Киев: Выщ. школа.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2015: *Glagolske manjšalnice v slovenščini. Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 363–374.

SUMMARY

Quantificational Semantic Components in the Russian Language System of Word Formation Meanings

The diversity of modifications which express different degrees of indefinite quantity acts as the foundation for the wealth of meanings representing quantity in the semantics of Russian derived words. The types of quantificational modifications covered by quantificational scales are influenced by the lexico-grammatical properties of the underlying bases and, often accompanied by positive or negative evaluation, vary for the systems of Russian derivatives within different parts of speech, being most detailed in the domain of adjectives. Denominal adjectives in the semantics of which the norm, and polar (low – high) degrees of quality are the key points of the quantificational scale also demonstrate the presence of the opposite meanings of singularity and plurality, sometimes diffuse and contextually not easily defined. The description of the whole system of quantificational meanings is viewed as a necessary condition to define the systemic values of various subcategories of quantity expressed by derivational types (diminutive derived words being one of the major constituent subgroups).

NICOL JANOČKOVÁ

*Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied,
Slovenská republika, Bratislava, nicolj@juls.savba.sk*

Slovesné deminutíva v slovenčine¹

Deminutívnosť a intenzifikácia. Čo je a čo nie je slovesné deminutívum? Slovo-
tvorné motivanty slovesných deminutív – deverbatíva (*behať* → *bež-kať*; *spať* →
sp-inkať). Slovo-
tvorný formant deminutív (*hajať* → *haj-kať*, *haj-inkať*, *haj-enkať*,
haj-uškať; *robiť* → *rob-kať* → *do-robkať*; *papať* → *na-papať sa*, *papať* → *pap-
kať* → *na-papkať sa*). Modifikačný typ onomaziologickej kategórie a deminutív-
nosť. Deminutívnosť a lexika orientovaná na dieťa. Deminutívnosť a expresivita
(vyjadrenie ironie). Rozdielny lexikografický prístup pri spracovaní slovesných
deminutív v porovnaní so substantívnymi deminutívami, ktoré sa vo výkladovom
slovníku zväčša hniezdujú.

Diminutives and intensification. What is a verbal diminutive and what it is not?
Word-formative motivative words of verbal diminutives – deverbative verbs (*behať*
→ *bež-kať*; *spať* → *sp-inkať*). Word-formative formant (*hajať* → *haj-kať*, *haj-in-
kať*, *haj-enkať*, *haj-uškať*; *robiť* → *rob-kať* → *do-robkať*; *papať* → *na-papať sa*,
papať → *pap-kať* → *na-papkať sa*). The modification type of onomasiological
category and diminutive words. Diminutives and expressivity (expression of irony).
Diminutives and lexis orientated to children. Different lexicographical approach
to the fixation of verbal diminutives in comparison with noun diminutives. Noun
diminutives are ordered under the headword in monolingual dictionary.

Kľúčové slová: slovesné deminutíva, intenzifikácia, expresivita, výkladový slovník,
ne/hniezdovanie deminutív

Key words: verbal diminutives, intensification, expressivity, the monolingual dic-
tionary, ordering or not ordering of diminutives under the headword

0 Deminutívnosť má v slovenčine svoje výrazové stvárnenie v substantívach (*labka*, *chvostík*, *lietadielko*), adjektívach (*bielučký*, *bielučičký*, *bielunký*, *bielulinký*; *múdručký*), adverbiách (*tichučko*; *bledunko*, *bleduško*; *celučičkom*, *domäkunka/do mäkunka*) aj slovesách (*bavkať sa*, *ležinkať*, *hajuškať*, *cupitkať*), čiastočne vo vymedzovacích zámenách typu *všetučko*, *každúčký* a číslovko-

---

¹ Príspevok bol vypracovaný v rámci grantového projektu VEGA č. 2/0015/14 Slovník súčasného slovenského jazyka – 5. etapa (Koncipovanie a redigovanie slovníkových hesiel a s tým spojený lexikologicko-lexikografický výskum).

vých substantívach typu *miliónik*, *nulka*, ba dokonca aj v citoslovciach typu *ahojček*.

1 Slovesných deminutív je v porovnaní napríklad so substantívnymi deminutívami pomerne menej². Čo je podstatou slovesného deminutíva? Z kategoriálneho hľadiska sloves (procesuálnosť) ako slovného druhu, ktorý pomenúva dynamický príznak substancie, sa tu deminutívnosť nevzťahuje na kvantitatívnu stránku pomenovania (nepomenúva sa »dej menší alebo kratší, ako pripúšťa štandard«), ale skôr na kvalitatívnu stránku (niektorí autori tu hovoria o kvázideminutívnosti, porov. Nagórko 2003), a to na vyjadrenie určitej intenzity slovesného deja vo vzťahu k autorovi výpovede a vyjadrenie autorovho kladného citového postoja (expresívnosť; *deti sa hrajkajú na piesku; chlapček sa hrajká s vláčikom*), resp. prostredníctvom deminutívnej podoby vyjadrenie záporného, ironického hodnotenia (*Je koniec roka 2009, takže kompetentné inštitúcie v zmysle zákona sa budú minimálne šesť rokov »hrajkať«*, *ako spracovať protipovodňové opatrenia do máj*. *Obecné noviny* 1. 12. 2009; *So zaváraninovými pohármi som sa bavkal asi dve hodiny. Usporadúval ich podľa veľkosti a farieb*. SME blog 2005³). M. Pisárčiková (1981a) konštatuje, že nie je výstižné hovoriť o zdrobňovaní deja. J. Bartáková (1995) si kladie otázku, či tu nemožno uvažovať o istej forme stupňovania⁴ a navrhuje pojem intenzifikačné slovesá. No ani pomenovanie intenzifikačné slovesá podľa nás nie je presné. Pretože intenzifikáciu slovesného deja vyjadrujú predovšetkým iné slovesá, zväčša prefixálne alebo prefixálno-reflexívne vyjadrujúce modalitný spôsob slovesného deja, napr. veľkú mieru deja (*Dosť som sa narozprával ja, teraz mi povedz niečo ty; Vyspevovali do rána.*), malú mieru deja (*trochu si poskočiť*), zasiahnutie objektu dejom (*Komáre ho doštipali.*; porov. Sekaninová 1980).

J. Hansmanová (2010: 401) považuje deminutívnosť (a augmentatívnosť) za jednu z kategórií intenzifikácie:

Intenzifikácia sa vzťahuje na kvantitu príznaku (kvality); intenzifikácia sa interpretuje ako silnejší verzus slabší prejav kvality.

² Na druhej strane v porovnaní napríklad s češtinou má slovenčina viacej slovesných deminutív (Nábělková 2010: 397–398).

³ Príklady čerpáme zo Slovenského národného korpusu z verzie prim-6.1-public-all prostredníctvom Sketch Engine (6.0-juls-all + Dictum + Iura + Bruna + Wanda 1.0.20).

⁴ J. Štolc (1958: 74) v súvislosti so zdrobnenými substantívami hovorí o »kvantitatívnom stupňovaní významu«; a ďalej: »Pri zdrobňovaní alebo zveličovaní nejde o porovnávanie, ale o vyjadrenie absolútneho stupňa vlastnosti« (Štolc 1958: 78).

Prikláňame sa k tvrdeniu J. Hansmanovej, že intenzifikácia je spätá s prežívaním, nevzťahuje sa na príznak entity, ale na prežívateľa, nemení sa intenzita príznaku (teda deja ako dynamického príznaku substance), ale intenzita prežívania vo vzťahu k príznaku (Hansmanová 2010: 427), napr. *Dobre si sa vyspala?* – *Dobre si sa vyspinkala?* (v druhej vete nie je vyjadrenie »menej spánku«, ale žičlivý vzťah k prežívateľovi slovesného deja). Zo sémantického hľadiska ide najmä o slovesá vyjadrujúce pohyb, rozličné duševné a telesné činnosti alebo stavy (*gul'kať, bežkať, hrajkať sa, hnevkať sa, ležinkať*).

1.1 Z onomaziologického hľadiska sa slovesné deminutíva zaraďujú do MODIFIKAČNÉHO TYPU ONOMAZIOLOGICKEJ KATEGÓRIE, ktorý popri onomaziologickej kategórii deminutívnosti zahŕňa slovesný vid a spôsob slovesného deja, kauzativnosť a reflexivizáciu (Furdík 2004: 105). Slovník koreňových morfémov slovenčiny (1. vyd. 2005, 3., upravené a doplnené vyd. 2012) ako modifikačné vyčleňuje tautologické varianty – nesémantická modifikácia (*kuť/kovať*), frekventatíva (*chodievať*), deminutíva (*cupkať, cupitať*), intenzíva (*narobiť sa, pospať si*), inchoatíva (*rozplakať sa*) a negatíva (*nezabúdať*).

Modifikácia sa realizuje v rámci totožného slovného druhu a má sémantickú funkciu. Pri slovesách sa modifikuje intenzita, expresívnosť, modálnosť, temporálnosť a lokálnosť (Sokolová 2007: 5). My dopĺňame, že pri slovesných deminutívach sa modifikuje intenzita prežívania vo vzťahu k príznaku, a to tak, že buď deminutívne sloveso nadobúda expresívny príznak vo vzťahu k svojmu slovesnému motivantovi (*búchať päšťou do stola* → expr. *buchkať paličkou*), alebo sa zosilňuje/zoslabuje expresívny príznak vo vzťahu k slovesnému motivantovi (expr. *čarbať: nenaučil sa pekne písať, stále čarbe* – expr. zried. *čarbikať: čarbikať si po papieroch*; hrub. *grcať: bolo mu zle, aj grcal* – zjemn. *grckať: dieťaťko, ktoré často grcká, krmte radšej častejšie, ale v menších porciách*).

V slovenčine sa otázke slovesných deminutív venovala len malá pozornosť. M. Pisárčiková (1981b) vníma deminutíva v rámci modalitno-intenzitných slovesných dejov s rozličnými stupňami intenzity deja, teda v rámci spôsobu slovesného deja, čiže deminutívne slovesá radí dovnútra onomaziologickej kategórie. J. Horecký (1959, 1971) zdobené slovesá iba vymenúva ako osobitný slovotvorný typ v rámci sufixálnych subjektových slovies (napr. *robkať, jedkať, sadkať, škrabkať, dupkať, stupkať, hajkať*). J. Bartáková (1995) ich porovnávala s českými prípadmi, pričom vyčlenila:

- DEMINUTÍVA MENIACE INTENZITU SLOVESNÉHO DEJA (pravé deminutíva)
  - dochádza k zmene kvantity deja a pripája sa aj kladný, prajný vzťah hovoriaceho k priebehu deja (*krivkať, buchkať, chrapkať, hryzkať, driemkať, drapkať, badurkať*);

- DEMINUTÍVA STUPŇUJÚCE INTENZITU EXPRESÍVNEHO PRÍZNAKU (nepravé intenzifikačné deminutíva) – sú skôr kvalifikujúce, používajú sa v kontakte s deťmi (*papkať, plačkať, buvičkať*), ako eufemizmy (*grckať*), na vyjadrenie prehnanej úcty k vysokopostavenej osobe (*robkať, sadkať si*) alebo ironicky (*rozumkovať*).

1.2 Tak ako pri ostatných slovných druhoch aj pri slovesných deminutívach je charakteristickým morfémovým ukazovateľom sufix *-k-* a jeho varianty (*-in:k-a:t', -en:k-a:t', -uš:k-a:t', -ič:k-a:t'*). Pri tvorbe slovesných deminutív môže dôjsť k hláskovým alternáciám, ale na tomto mieste sa im nebudeme venovať. Sufix *-k-* je polyfunkčný:

- (a) je DEMINUTÍVNOU DERIVAČNOU MORFÉMOU pri deverbatívach – nemotivovaných: *bav-i:t' sa* → *bav-k-a:t' sa*, *bež-a:t'* → *bež-k-a:t'*, *bol-ie:t'* → *bol-k-a:t'*, *búvať* → *buv-ič:k-a:t'/buv-in:k-a:t'/buv-i:k-a:t'*; *cic-a:t'* → *cic-k-a:t'*, *cmúľ-a:t'* → *cmúľ-k-a:t'*, *čerp-a:t'* → *črp-k-a:t'*, *čuč-a:t'* → *čuč-k-a:t'*, *driap-a:t'* → *drap-k-a:t'/driap-k-a:t'*, *driem-a:t'* → *driem-k-a:t'*, *grc-a:t'* → *grc-k-a:t'*, *hač-a:t'* → *hač-k-a:t'/hač-in:k-a:t'*, *hmat-a:t'* → *hmat-k-a:t'*, *hnev-a:t' sa* → *hnev-k-a:t' sa*, *hrab-a:t'* → *hrab-k-a:t'*, *hr-a:t' sa* → *hr-aj:k-a:t' sa*, *hrýz-t'* → *hryz-k-a:t'*, *chyt-a:t'* → *chyt-k-a:t'*, *kop-a:t'¹* → *kop-k-a:t'¹* (okopávať zem), *kop-a:t'²* → *kop-k-a:t'²* (nohami), *krív-a:t'* → *kriv-k-a:t'*, *kýv-a:t'* → *kyv-k-a:t'*, *lap-a:t'* → *lap-k-a:t'*, *lež-a:t'* → *lež-k-a:t'/lež-in:k-a:t'*, *lež-a:t'* → *lích-a:t'*, *lih-a:t' si/lah-n-ú:t'*, *lah-n-ú:t' si* → *laž-k-a:t'*, *laž-k-a:t' si*, *líz-a:t'* → *liz-k-a:t'*, *mac-a:t'* → *mac-k-a:t'*, *mot-a:t' sa* → *mot-k-a:t' sa*, *pap-a:t'* → *pap-k-a:t'*; deverbatívach motivovaných zo substantív: *gul'a* → *gúl-a:t'* → *gul-k-a:t'⁵*; deverbatívach motivovaných z citoslovieč⁶: *baf* → *baf-a:t'* → *baf-k-a:t'*, *buch-buch* → *búch-a:t'* → *buch-k-a:t'*, *cap/cáp* → *cáp-a:t'* → *cap-k-a:t'*, *cup-cup* → *cup-it-a:t'* → *cup-it-k-a:t'*, *člap* → *čliap-a:t'* → *čliap-k-a:t'*, *čt/čš* → *čuš-a:t'* → *čuš-k-a:t'*, *d'ob-d'ob* → *d'ob-a:t'* → *d'ob-k-a:t'*, *d'ub-d'ub* → *d'ub-a:t'* → *d'ub-k-a:t'*, *fř/fřk* → *fřk-a:t'* → *frc-k-a:t'*, *haja* → *haj-a:t'* → *haj-k-a:t'/haj-in:k-a:t'/haj-en:k-a:t'/haj-uš:k-a:t'*, *ham-ham* → *ham-a:t'* → *ham-k-a:t'*, *hop-hop* → *hop-a:t'* → *hop-k-a:t' si*, *chlip* → *chlip-a:t'* →

⁵ Pri slovesách *gul'kať* a *gul'kať sa* predpokladáme viacnásobný motivačný vzťah, a to buď odvodenosť zo slovesa (*gul'a* → *gúl-a:t'* → *gul-k-a:t'*; *gul'a* → *gúl-a:t' sa* → *gul-k-a:t' sa*) alebo odvodenosť od deminutívneho substantíva, vtedy sloveso hodnotíme ako derivát z deminutíva (*gul'a* → *gul-k-a* → *gul-k-a:t'*; *gul'a* → *gul-k-a* → *gul-k-a:t' sa*).

⁶ Pri tejto skupine slovies (so sufixom *-k-*) však možno predpokladať aj priamy vznik od interjekcií, napr. *ham-ham* → *ham-k-a:t'* »robiť ham-ham« (= jesť); ide o paralelnú deriváciu slovies *hamat'*, *hamkať* od interjekcií. Vtedy by sme jednotku typu *hamkať* hodnotili ako deinterjektívnu a nedeminutívnu (transflexná funkcia sufixu *-k-*). Za túto poznámku ďakujeme prof. dr hab. Krystyne Kleszczowej.

chlip-k-a:t', chmat → *chmát-a:t' → chmat-k-a:t', chňap/chňaps* → *chňap-a:t' → chňap-k-a:t', chrap/chráp* → *chráp-a:t' → chrap-k-a:t', chrum-chrum* → *chrúm-a:t' → chrum-k-a:t', chrup-chrup* → *chrúp-a:t' → chrup-k-a:t', klop-klop* → *klop-a:t' → klop-k-a:t', zob* → *zob-a:t' → zob-k-a:t')* alebo pri deminutívach utvorených slovotvornou analógiou, napr. *bad-k-a:t'* – nie je synchronne slovotvorne motivované, ale obsahuje derivačnú morfému *-k-* (demotivovaný afix bez derivatotvornej funkcie, porov. Ivanová 2006: 112);

- (b) popri fonologickom variante *-č-* (*cip-č-a:t', ciep-č-a:t', ciap-č-a:t')* je DERIVAČNOU MORFÉMOU pri tvorení deinterjektívnych sloviess (*cup-cup* → *cup-k-a:t'; cupi* → *cupi-k-a:t'; cvrk/čvrk* → *čvrč-k-a:t', cvrnk* → *cvrn-k-a:t', čap/čl'ap/čliap* → *čap-k-a:t', čl'ap* → *čl'ap-k-a:t', ham-ham* → *ham-k-a:t'*⁷, *hop-hop* → *hop-k-a:t', hup-hup* → *hup-k-a:t', kuc-kuc* → *kuc-k-a:t', lup* → *lup-k-a:t', šmot* → *šmot-k-a:t' sa; řap, řap-řap* → *řap-k-a:t', řap* → *řap-uš:k-a:t';* pri tejto skupine sloviess sa varianty sufixu *-k-* vyskytujú v obmedzenej miere); alebo pri tvorení iných typov sloviess *badúr-i:t' → badur-k-a:t', baf* → *baf-a:t' → baf-k-a:t'* (ale aj ako deinterjektívne *baf* → *baf-k-a:t'*).

1.3 Tvorenie deminutív je zviazané s komunikačnou situáciou, t. j. vzhľadom k akému komunikačnému partnerovi sa použije deminutívum a aký komunikačný zámer sa tým sleduje. Pri produkcii deminutív sa uplatňuje ONOMAZIOLOGICKÝ POSTUP (O → F), priradenie formálnej štruktúry k významu zdrobnenia. Pri dekódovaní deminutív vychádzame zo SEMAZIOLOGICKÉHO POSTUPU (F → O), analyzujeme jednak formálnu stránku (prítomnosť morfémy *-k-*, príp. jej variantov *-in:k-*, *-en:k-*, *-uš:k-*, *-ič:k-*) a slovotvorný motivant derivátu a zisťujeme, či ide o vyjadrenie kvantitatívnej alebo kvalitatívnej, resp. kvantitatívno-kvalitatívnej (expresívnej) stránky prežívateľa vo vzťahu k slovesnému deju. Napr. jednotka *cic-k-a:t'* bola odvodená od prvého významu slovesa *cic-a:t'* »ústami, pyskom vyťahovať mlieko z materských žliaz« (Slovník súčasného slovenského jazyka. a – g, 2006: 423; ďalej SSSJ), pričom komponent *-k-* vyjadruje sému »po troche«, »v menšom množstve«: »po troche vyťahovať jazykom tekutinu, cicat', ťahať; syn. cuckať, mogať« (SSSJ. a – g, 2006: 424). K hláskovým alternáciám pri derivácii tohto deminutíva nedošlo. V slovese *cic-a:t'* je komponent *-k-* súčasťou koreňovej morfémy, takže nejde o deminutívum. Pri slovese *řap-k-a:t'* máme samostatnú derivačnú morfému *-k-*, ale motivantom je interjekcia *řap, řap-řap* (*řap, řap-řap* → *řap-k-a:t'*).

K slovesným deminutívam sa vo všeobecnosti radia iba slovesá odvodené morfému *-k-* od sloviess (*driemat' → driemkat'*). Napr. M. Pisárčiková (1981a) za deminutíva nepovažuje deinterjektíva (*achkat', cupkat', hopkat'*) a depron-

⁷ Porov. poznámku pod čiarou č. 6.

miná (*mojkat'*), ale konštatuje, že niektoré tieto slovesá k základnému významu priberajú aj zdrobnenosť. Pri deinterjektívnych slovesách (*ťap, ťap-ťap* → *ťapkat'*) má slovotvorný formant *-kat'* transflexnú funkciu, pomáha previesť mimojazykovú skutočnosť (zvuk) na pomenovanie procesu. Na rozdiel od deminutív typu *driemkat'* deinterjektívne a depronominálne slovesá spadajú do reprodukčného typu onomaziologickej kategórie, presahujú teda hranice jedného slovného druhu (*cvrk* → *cvrlikat'*, *môj* → *mojkat'*)⁸.

Depronominálne jednotky typu *môj* → *mojkat'* (»prejavovať lásku, náklonnosť nežným, láskavým správaním, hladkaním, objímaním a pod.«), *môj* → *mojkat' sa* (»navzájom si prejavovať lásku, náklonnosť rôznymi nežnosťami, hladkaním, objímaním a pod.«) sú expresívnymi jednotkami, nie však deminutívnymi, nemajú svoj bezpríznačový nedeminutívny korelát (na rozdiel od *túl-i:t'* → *túl-k-a:t'* »nežne pritíkať, vinúť«).

1.4 Pri celkovom derivačnom pohľade na slovesá obsahujúce derivačnú morfému *-k-* sa ukazujú tieto slovotvorné typy:

<i>driem-a:t'</i> → <i>driem-k-a:t'</i>	deverbatívne deminutívum z nemotivovaného slovesa
<i>búv-a:t'</i> → <i>buv-ik-a:t'</i>	deverbatívne deminutívum z detského slovesa (t. j. expresívne motivovaného)
<i>buch</i> → <i>búch-a:t'</i> → <i>buch-k-a:t'</i>	deverbatívne deminutívum z deinterjektívneho slovesa
<i>ťap-ťap</i> → ( ) → <i>ťap-k-a:t'</i>	deinterjektívne ?nedeminutívum
( ) → ( ) → <i>bad-k-a:t'</i>	?deminutívum na základe analogickej derivácie

Relatívne bezproblémové sú typy *driemkat'*, *buvikat'*, *buchkat'*, teda jednotky utvorené z rozličných typov slovies (deverbatíva), ktoré spája prítomnosť nedeminutívneho korelátu (bez ohľadu na jeho sémantickú príznačnosť – detské *búvať*; typ *buchkat'* však možno vnímať aj ako deinterjektívum). Diskutabilné sú preto typy *ťapkat'* a *badkat'*, ktoré nemajú svoj porovnávaci nedeminutívny slovesný korelát, ku ktorému by sa intenzifikácia vyjadřila. Typ *ťapkat'* spája s typom *buchkat'* deinterjektívny pôvod (pri *buchkat'* je jednou z možností sprostredkovanosť cez sloveso *búchať* alebo priama motivácia interjekciou *buch*), s typom *buvikat'* zase expresívny príznak, ktorý deminutíva buď nadobúdajú, alebo jeho prítomnosťou sa zjemňuje alebo zosilňuje vzťah prežívateľa k slovesnému deju. Typ *badkat'* je rovnako expresívny a deminutívnosť je

⁸ K. Vužňáková (2006) zaraďuje, na rozdiel od M. Dokulila (1982) alebo J. Furdíka (2004), reprodukčný typ onomaziologickej kategórie (deinterjektíva typu *jajkat'* »hovoriť jaj«) do mutácie. Pri transpozícii rozlišuje aj prechod substancie na dej (*kralovať*) a prechod vlastnosti na dej (*zelenat' sa*).

signalizovaná skôr sémanticky »ísť pomalým, neistým, namáhavým krokom, krivkať« (*badkať drobnými krôčikmi; opatrne badkať k bráne*).

1.5 Pri deminutívach s prefixom (nemusí ísť o prefixálny postup vzniku týchto jednotiek, ale o to, že tieto jednotky obsahujú prefix) sa môže uplatniť viacnásobná motivácia, a to:

(a) buď prefixáciou zo základového deminutíva – DEVERBATÍVNE DEDEMINUTÍVUM (derivát, deminutívum z deminutíva):

čerp-a:t' → črp-k-a:t' »po trochu naberať, načierať tekutinu a prelievať ju« → *na-črp-k-a:t'* »po trochu naberať, slabým prúdom naliať malé množstvo tekutiny«;

mot-a:t' sa → mot-k-a:t' sa »pomalý, neisto chodiť« → *do-mot-k-a:t' sa* »pomalým, neistým krokom prísť«;

klep-a:t' → klep-k-a:t' »(pri písaní) udierať na klávesy; takto písať text« → *na-klep-k-a:t'* »napísať text na písacom stroji alebo počítači (údermi prstov na klávesy)«;

(a) alebo sufixáciou z prefixálneho nedeminutíva – DEVERBATÍVNE DEMINUTÍVUM (derivát z nedeminutíva):

čerp-a:t' → na-čerp-a:t' »odobrať ručne alebo čerpacím zariadením (obyč. tekutú látku) z väčšieho zdroja« → *na-čerp-k-a:t'* »po trochu načerpať malé množstvo tekutiny«;

mot-a:t' sa → do-mot-a:t' sa »pomalým, neistým krokom prísť« → *do-mot-k-a:t' sa* »pomalým, neistým krokom prísť«;

klep-a:t' → na-klep-a:t' »napísať text na písacom stroji alebo počítači (údermi prstov na klávesy)« → *na-klep-k-a:t'* »napísať text na písacom stroji alebo počítači (údermi prstov na klávesy)«. Zo synchronného hľadiska sa príznak deminutívnosti v motivačnej dvojici *naklepať → naklepkat'* oslabil a slovesá vystupujú ako synonymá v hovorovom význame »napísať text na stroji alebo počítači«.

2 Slovesá odvodené priamo z interjekcií (*ham-ham → hamkať*) primárne patria k detským slovám. V našom materiáli slovesných deminutív z prvých troch zväzkov SSSJ (a – g, 2006; h – l, 2011; m – n, pracovná elektronická verzia 2015) sa vyskytlo 40 slovík s funkčným kvalifikátorom det. (detské), z toho 5 bolo deinterjektívne utvorených (*bacať, hamat', hapať*; čo predstavuje 12,5 %) a 22 bolo deverbatívnych deminutív (*hryzkať*, vrátane derivátu z deminutíva – *napapkať sa*, t. j. 55 %). DETSKÉ SLOVÁ v slovenskom kontexte sú jednotkami, ktoré používajú dospelí v komunikácii s dieťaťom (porov. reč orientovaná na dieťa; Slančová 1999), aj jednotkami, ktoré používajú deti samy (Ondráčková 2010). Z. Ondráčková (2010: 14) k detským slovám radí deminutíva, hypokoristiká, eufemizmy (*bacnúť, papat', bakany*), interjekčné a onomatopoické pomenovania, metaforické a metonymické pomenovania (*gombička – nos, pusinky – prsia*). Vnímanie deinterjekčných slovík ako istého druhu slovesných deminutív pravdepodobne súvisí s tým, že citoslovčia

na začiatku rečovej ontogenézy detí sú polyfunkčné a často sa používajú vo funkcii prísudku (*ideme ham-ham* = ideme jesť). Z. Ondráčková tu hovorí o asymetrii medzi kategoriálnym významom slovného druhu – procesualnosti a formou, akou je tento význam vyjadrený.

Posledné výskumy rečovej ontogenézy detí ukazujú, že substantívne deminutíva v slovenčine sú prvými slovotvorne motivovanými slovami v detskej reči a v porovnaní s kompozitami, ktorých je viac, sa používajú frekventovanejšie (Vužňáková 2012). Podobne ako pri okazionalizmoch možno pri nich hovoriť na začiatku rečovej ontogenézy o nominačnej funkcii (snaha pomenovať »niečo malé/menšie ako motivant«), neskôr prevláda pragmatická funkcia používania.

Niektoré deminutíva majú z lexikálneho hľadiska štatút druhostupňového detského slova, zo slovotvorného hľadiska sú však stále prvostupňovými deminutívami, napr. *hajat'* → *hajkat'/hajuškat'/hajinkat'/hajenkat'*. Pri variantných deminutívach prvotným motivátom je jednotka s čistým k-ovým formantom (*hajkat'*), ostatné varianty vznikli rozšírením derivačnej morfémy *-k-* o infixy (*haj-uš:k-a:t'*, *haj-in:k-a:t'*, *haj-en:k-a:t'*). Z. Ondráčková (2010) tieto varianty hodnotí ako druhostupňové. Nazdávame sa, že tu nejde o druhostupňový derivát, pretože infixy len rozširujú derivačnú morfému, nie sú samostatnou derivačnou morfému, ktorá by tvorila novú jednotku (teda nemáme napr. *haj-a:t' → *haj-uš-a:t' → haj-uš-k-a:t'*, ale *haj-a:t' → haj-uš:k-a:t'*).

3 Modifikačný typ onomaziologickej kategórie, do ktorého sa radia deminutíva, je podľa C. Avramovej (2006: 33) najviac zviazaný s pragmaticko-štylistickou funkciou, keďže vo svojej podstate slúži na vyjadrenie subjektívneho vzťahu používateľov jazyka k pomenovanému denotátu. Pragmaticko-štylistická funkcia zahŕňa aj EXPRESÍVNU FUNKCIU, ktorá sa navrstvuje na deminutívnosť (v zmysle »čo je malé, je milé«). Ako je známe, pri slovesných deminutívach ide skôr o vyjadrenie kvalitatívneho hodnotenia. Kvalitatívne hodnotenie je spojené s expresívnym vyjadrením. Pre stanovenie expresivity slova je dôležitá synonymia (Zima 1961), teda prítomnosť bezpríznačného synonyma ako porovnávacieho základu pre expresívny výraz (*kričať* – expr. *revať na dieťa*). Je dôležitá synonymia aj pre deminutívnosť, teda vzhľadom na ktorú lexému je istá lexéma deminutívna (a možno aj expresívna)? Z tohto hľadiska je dôležitá prítomnosť motivanta, s ktorým sa porovnáva a zisťuje, či vyjadruje slabšiu/silnejšiu intenzitnosť ako motivant (*grcať* – *grckať*, *čučať* – *čučkať*, *dobať* – *dobkať*). V prípade detských slov môžeme povedať, že slovesné deminutíva vyjadrujú vlastnú deminutívnosť a z hľadiska expresivity sú štandardne použitými jednotkami v reči orientovanej na dieťa (Slančová 1999; Slančová – Zajacová 2007).

Slovesné deminutíva (deverbatívne) patria medzi inherentné expresíva, pričom slovo tvorným postupom (sufixáciou) expresívnosť buď získavajú, alebo ju týmto slovo tvorným postupom istým spôsobom modifikujú.

Pri porovnaní motivačných dvojíc typu slovesný motivant – deminutívny slovesný motivát sa ukazujú tieto skutočnosti:

- (a) motivačná dvojica sa odlišuje na osi sémantická bezpríznačnosť – expresívna príznačnosť (*baviť sa* – hypok. *bavkať sa*; *hrať sa* – det. al. expr. *hrajkať sa*; *driemať* – expr. *driemkať*; *bežať* – expr. *bežkať*; *krívať* – trochu expr. *krivkať*; *chytať* – expr. *chytkať*; *lapať* – expr. *lapkať*; *hmatať* – expr. *hmatkať*; *kývať* – expr. *kyvkať*; *ležať* – expr. *ležkať*, *ležinkať*; *lízať* – expr. *lizkať*; *hnevať sa* – zjemn. *hnevkať sa*; *bolieť* – expr. *bolkať*);
- (b) motivačná dvojica s rovnakým expresívnym príznakom – tvoria slovo tvorné synonymá (det. *búvať* – det. *buvičkať*, *buvikať*, *buvinkať*; det. *hajať* – det. *hajkať*, *hajuškať*, *hajinkať*; det. al. expr. *hačať* – det. al. expr. *hačkať*, *hačinkať*; det. al. expr. *hamať* – det. al. expr. *hamkať*; expr. *koprcáť sa* – expr. zried. *koprcakať sa*; expr. *motáť sa* – expr. *motkať sa*);
- (c) motivačná dvojica s obidvoma príznakovými členmi, pričom člen s k-ovým formantom vyjadruje silnejší stupeň príznačnosti (pejor. *cmúľať sa* – pejor. *cmulkať sa*; expr. *čarbať* – expr. zried. *čarbikať*) alebo slabší stupeň (expr. *čučať* – zjemn. *čučkať*; expr. *čušať* – zjemn. *čuškať*; hrub. *grcať* – zjemn. *grckať*; expr. *chrápať* – zjemn. *chrapkať*);
- (d) sufix *-k-* má inú funkciu ako deminutívnu (slovo tvorné varianty *bafať*, *bafkať*).

Slovesá s k-ovým formantom sú zväčša motivované prvými (základnými významami motivanta), ale môžu špecifikovať svoju významovú štruktúru, pričom ďalšie významy už nie sú deminutívne, napr.

buchkať 2. region. (dreveným náradím) lámať, zmäkčovať ľan al. konope: *Z dvorov sa ozývalo tupé buchkanie. [A. Habovštiak]; Lan viažu do snopkov, dajú urosiť do močidla a potom buchkať. [Sme 1998]*

3.1 Ak hovoríme o expresivite deminutív, nemôžeme obísť prípady s negatívnou hodnotiacou sémou realizovanou ako IRÓNIA. Výpoveď formulovaná ironicky kladie na percipienta vyššie nároky súvisiace s dekodovaním komunikačného zámeru (porov. aj mechanizmus tvorenia jazykového dôvtipu Sarnowski 1991: 49). M. Nábělková (2010: 406), ktorá sa zaoberala augmentatívami, konštatuje:

Sémanticko-pragmatický efekt modifikačnej derivácie deminutív a augmentatív kolíše pri jednotlivých slovách (resp. pri ich konkrétnych použitíach) v priestore kvantitatívnej a kvalitatívnej modifikácie. Kvantitatívna zložka modifikácie vedie (s využitím

príslušných formantov) k protikladu deminutívnosť – augmentatívnosť, pri kvalitatívnej možno zvažovať rozličné významové zafarbenie derivátov na osi melioratívnosť – pejoratívnosť.

K. Buzássyová (2008: 117) spochybňuje názor, že v prípade substantívnych zdobnenín ironicky možno použiť akúkoľvek lexikálnu jednotku, pretože v ironickom zmysle sa používajú len slová s kladným, pozitívnym významom, a niektoré deriváty majú tendenciu tvoriť zdobneniny, ktoré sa používajú v ironickom význame, a iné nie.

V prípade deminutívnych sloviess je ironický príznak lexikograficky zachytený pri dvoch synonymných slovesách – lexikalizovaná irónia v podobe samostatného, lexikograficky číslovaného významu, lexie (*bavkať sa, hrajskať sa*) »neprimerane pomaly, zdĺhavo niečo robiť«. Ostatné prípady sa ukazujú ako textové aktualizácie irónie, napr.

Po spresňujúcej otázke, či si myslí, že zdrojom napätia v jeho tíme je kritika novinárov, sivovlasý mág sa nechal počuť, že médiá si môžu húst, čo chcú, profesionálov to nemôže rozhádzať. Doslova povedal: »Médiá sú ako myši, len hryzkajú, to neublíži.« (Denník Šport 24. 6. 2010)

Martin pochopil, že kto chce s vlkmi žiť, musí s nimi vyť. Vybojoval si svoje miesto na žobranie, vytipoval si obchody, v ktorých kradol (vždy ich menil, aby nebol podozrivý), a po večeroch mohol v pokoji s kamarátmi-kolegami niečo zjesť a cuckať čučo. (Cesta – mesačník abstinentov, bezdomovcov a sympatizantov. Prešov: Gréckokatolícka charita 2007, č. 11)

Imriško je dobrý človek, akurát... záhradkár! Kvôli nemu už nechodíme ani na balkón! Má tam skalničky. Ide do roboty – koptá si. Príde z roboty, koptá si. Vstane v sobotu – polieva! A v nedeľu – pleje! Na balkóne je skalka! Pane, veď ja sa na holé nebo už ani nemôžem pozrieť! Musím filozofovať v kuchyni! (V. Klimáček: Slovenský raj, 2001)

4 Vo VÝKLADOVÝCH SLOVNÍKOCH SLOVENČINY sa vo všeobecnosti zdobnené substantíva vykladajú pomocou priradenia k základovému slovu – hniezdovanie – a táto technika sa zdôvodňuje pravidelnosťou niektorých slovotvorných typov. Výnimku tvoria tie deminutíva, ktoré popri deminutívnom význame nadobudli aj iný význam (porov. Balážová 2009: 142–151; Balážová 2010: 209–223), napr. *chlebiček* (zamestnanie: *učiteľský chlebiček*), *hviezdička* (grafické znamienko: *kláves s hviezdičkou*), *jablčko* (anat. okrúhla [sezamská] kosť v šľache stehnového svalu). Zdobnený význam je explicitne uvedený, často v kombinácii s expresívnosťou⁹.

⁹ E. Balážová (2010: 210) hovorí pri substantívnych zdobneninách o »dvojakej derivácii deminutivizácie«: *popri vecnom význame zmenšeného, zdobneného sa spravidla zdobneniny stávajú nositeľmi rôznej miery expresivity a hodnotiaceho citového (kladného alebo negatívneho) postoja.*

Slovesné deminutíva sa, na rozdiel od substantívnych deminutív, vždy fixujú ako samostatné heslá (rovnako ako aj adjektívne a adverbálne deminutíva), príp. ako slovotvorný variant k nedeminutívnemu slovesu (motivantovi), ak sa deminutívnosť oslabilá – formálne deminutívum (*badúriť, badurkať; bafať, bafkať; cupitať, cupitkať*), alebo ako viaceré deminutívne varianty (*buvičkať, buvikáť, buvinkať; hačkať si, hačinkať si*) zväčša s hodnotiacim kvalifikátorom expr., ale bez explicitného poukazu na to, že ide o deminutívum. Spôsob samostatného spracovania slovesných deminutív naznačuje, že nejde o pravidelný slovotvorný typ (netvorí sa systematicky od väčšiny slovíes). Tento postup súvisí do istej miery aj s lexikografickou tradíciou a s nevyhranenou povahou tejto onomaziologickej kategórie.

krívať -va -vajú -vaj! -val -vajúc -vajúci -vanie nedok. **1.** ► klásť nohy pri chôdzi nerovnomerne, dostupovať najčastejšie na jednu nohu tak, že sa celá postava vychýli na jednu stranu, skriví (v dôsledku telesného poškodenia, zranenia a pod.); syn. napádať: *k. na pravú, ľavú nohu; nepatrne, mierne k.; starý kôň už aj kríva; Viditeľnejšie kríva a chodí o palici.* [Š. Žáry]; *Palec sa zahojil, no zaťko podnes trochu kríva.* [J. Kroner] **2.** expr. (za čím; 0) ► zaostávať, nedosahovať požadovanú úroveň; syn. pokrívkať: *k. za dobou; kvalita kríva za kvantitou; zásobovanie obchodu trochu kríva* ■ fraz. *krívať na obe nohy* (o výsledku duševnej práce) byť úplne nevyhovujúci, nespĺňať isté požiadavky

krivkať -ká -kajú -kaj! -kal -kajúc -kajúci -kanie nedok. trochu expr. ► klásť nohy pri chôdzi nerovnomerne, mierne dostupovať najčastejšie na jednu nohu tak, že sa celá postava vychýli na jednu stranu, skriví (v dôsledku telesného poškodenia, zranenia a pod.), krívať: *k. s barlamami, o paličke; pomaly krivkať dolu kopcom; Naboso stúpil na kamienok a začal krivkať.* [A. Hykisch]; *Kôň pokojne krivkať a ťahal sane v snehovej fujavici až do mesta.* [J. F. Kunik]

Čím sa odlišujú slovesné deminutíva od svojich motivantov? Ide hlavne o:

(a) ŠTYLISTICKÚ PRÍZNAKOVOSŤ – expr., hypok., zjemn., det., často iron. a pod.; ak je motivant expresívny, deminutívum túto expresívnosť napríklad zjemňuje:

chrápať **2.** expr. ► oddávať sa spánku, oddychu, spať; syn. drichmať: *spokojne si chrápať;*

chrapkať **2.** zjemn. ► oddávať sa spánku, driemať, spať: *pokojne si ch.*;

(b) VÝKLAD obsahujúci sémy ako napr. »trochu«, »jemne«, »zľahka«, »mierne«, »pomaly«, »slabo«, »s menšou intenzitou«, »ticho«, »malými krokmi«;

(c) KONKRETIZÁCIU OBJEKTU, na ktorý sa dej vzťahuje (sémantizácia typu o deťoch; obyč. v styku s deťmi), napr.

boľkať expr. ► (obyč. v styku s deťmi) bolieť: *čo ťa boľká?*

buchkať 1. expr. ► slabo udierať; syn. klepkať, klopkáť: *b. paličkou*

cickať expr. (čo) ► po troche vyťahovať jazykom tekutinu, cicať, ťahať; syn. cuckať, mogať: *bábätko cická mliečko*

grekať zjemn. ► (o dieťaťi) vracáť, dávať

5 ZÁVER

Slovesné deminutíva sú modifikačnými derivátmi, ktoré pomenúvajú rovnaký dej ako ich slovesný motivant, ale so zreteľom na intenzitu prežívania tohto deja autorom výpovede, nie na intenzitu samotného deja. Intenzita prežívania sa prejavuje ako nadobudnutie expresívneho príznaku alebo zosilnenie/zoslabenie existujúceho expresívneho príznaku vo vzťahu k slovesnému motivantovi, ktorý vystupuje ako porovnávací korelát.

Najtypickejšími predstaviteľmi sú deverbatívne deminutíva odvodené od sloviac s rozličnou derivačnou históriou (od nemotivovaných sloviac *robiť* → *robkať* alebo od deinterjektívnych sloviac *buch* → *búchať* → *buchkať*). Problematické sú typy odvodené priamo od citosloviac k-ovým formantom (*ťap-ťap* → *ťapkať*) a deriváty na základe analogickej slovotvorby (*badkať*), pri ktorých k-ový formant nie je deminutívnou derivačnou morféomou a ktoré nemajú svoj porovnávací korelát, ale týmto k-ovým formantom a expresívnosťou sa zblížujujú s deminutívnosťou. Medzi deminutívami je veľa detských slov, ktoré vznikajú práve z interjekcií a vyznačujú sa variantnosťou (*haja* → *hajať* → *hajkať/hajinkať/hajenkať/hajuškať*).

Lexikograficky sú slovesné deminutíva spracované samostatne (*krívať* – *krivkať*) na rozdiel od pravých substantívnych deminutív, ktoré sa hniezdujú k základovému slovu. Výnimkou sú tie substantívne zdobneniny, pri ktorých sa lexikalizoval aj iný význam ako len deminutívny, napr. *jablko* – *jablčko* 1. zdrob. expr. menšie jablko, 2. anat. okrúhla (sezamská) kosť v šľache stehnového svalu.

LITERATÚRA

Цветанка АВРАМОВА, 2006: О прагматико-стилистической функции производного слова. *Функциональные аспекты словаутварэння. Доклады IX Міжнароднай навукавай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаутварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9–14 кастрычніка 2006 г.* Рэд. А. А. Лукашанец. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Мінск: ВТАА Права і эканоміка. 22–37.

Eubica BALÁŽOVÁ, 2009: O deminutívnej lexike v Slovníku súčasného slovenského jazyka. *Bulharská a slovenská lexikografia v zjednotenej Európe. Zborník z medzinárodnej konferencie venovanej pamiatke prof. Vesy Kiuvlievovej-Mišajkovovej, DrSc.* Red. M. Košková, M. Čoroleeva. Bratislava – Veliko Trnovo: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Institut za blgarski jezyk prof. Lubomir Andrejčin pri BAN. 142–151.

Eubica BALÁŽOVÁ, 2010: Osobné (depersonálne) deminutíva: špecifická polysémia a jej lexikografické spracovanie. *Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej.* Red. M. Šimková. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV – Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. 209–223.

Jarmila BARTÁKOVÁ, 1995: Modifikované slovesá s morférou -k- v slovenčine a češtine. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná. A. 43.* Red. I. Pospíšil. Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. 105–111.

Klára BUZÁSSYOVÁ, Alexandra JAROŠOVÁ (eds.), 2006: *Slovník súčasného slovenského jazyka. a–g*. [1. zv.]. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. 1134.

Klára BUZÁSSYOVÁ, 2008: Sémantické a štylistické aspekty obmedzeného hniezdovania vo výkladovom slovníku. *Lexikografie v kontextu informační společnosti. Sborník příspěvků z pracovního setkání. Praha 4.–6. 6. 2007.* Red. A. Rangelova, J. Světlá, A. Jarošová. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i. 113–122.

Miloš DOKULIL, 1982: K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice. *Slovo a slovesnost* 43/4, 257–271.

Juraj FURDÍK, 2004: *Slovenská slovo tvorba*. Red. M. Ološtiak. Prešov: Náuka. 200.

Júlia HANSMANOVÁ, 2010: Intenzifikácia. *Morfologické aspekty súčasnej slovenčiny*. Ed. J. Dolník. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. 401–448.

Ján HORECKÝ, 1959: *Slovo tvorná sústava slovenčiny*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV. 218.

Ján HORECKÝ, 1971: *Slovenská lexikológia. 1. Tvorenie slov*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 253.

Martina IVANOVÁ, 2006: Afixy – frekvenčná, obsahovo-formálna a funkčná charakteristika. *Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania). Venované pamiatke Jána Horeckého*. Red. M. Sokolová, M. Ivanová, M. Ološtiak. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. 111–144.

Alexandra JAROŠOVÁ, Klára BUZÁSSYOVÁ (eds.), 2011: *Slovník súčasného slovenského jazyka. h–l*. [2. zv.]. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. 1088.

Mira NÁBĚLKOVÁ, 2010: *Domiská, knižiská, psiská* a iné modifikačné substantívne deriváty v slovensko-českom pohľade. *Slovo – Tvorba – Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej*. Red. M. Šimková. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV – Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV. 396–425.

Alicja NAGÓRKO, 2003: Tendencje w sferze pragmatyczno-stylistycznej. *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich 1. Słowotwórstwo i Nominacja*. Red. I. Ohnheiser. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej i Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. 189–197.

Zuzana ONDRÁČKOVÁ, 2010: *Komparatívny výskum detskej lexiky*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. 249. Dokument je umiestnený na www stránke Univerzity knižnice PU <<http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Ondrackova1/index.html>> od 19.04.2010.

Mária PISÁRČIKOVÁ, 1981a: Sémantická analýza slovies s príznakmi deminutívnosti. *Jazykovedné štúdie. 16. Materiály z vedeckej konferencie o sémantike* (Smolenice, 14.–17. januára 1980). Red. J. Ružička. Bratislava: Veda. 221–223.

Mária PISÁRČIKOVÁ, 1981b: Slovesá s príznakom zdobenosti a ich synonymické vzťahy. *Kultúra slova* 15/2, 33–38.

Michał SARNOWSKI, 1991: Deminutivum jako znak ironii. *Język a kultura 3 – Wartości w języku i tekście*, 41–50. Dostupné na: <<http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-03/JK3-sarnowski.pdf>>.

Ella SEKANINOVÁ, 1980: *Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV. 200.

Daniela SLANČOVÁ, 1999: *Reč autority a lásky. Reč učiteľky materskej školy orientovaná na dieťa – opis registra*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. 278.

Daniela SLANČOVÁ, Stanislava ZAJACOVÁ, 2007: Komunikačný register ako prostriedok verbálnej socializácie dieťaťa. *Jazyk a komunikácia v súvislostiach II. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 6.–7. 9. 2007 na Katedre slovenského jazyka Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave*. Red. O. Orgoňová. Bratislava: Univerzita Komenského. 153–163.

Slovenský národný korpus – 6.0-juls-all + Dictum + Iura + Bruna + Wanda 1.0.20. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2013.

Slovenský národný korpus – prim-6.0-juls-all. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2013. Dostupný z <<http://korpus.juls.savba.sk>>.

Slovník súčasného slovenského jazyka. m–n. [3. zv.]. (pracovná elektronická verzia 2015).

Miloslava SOKOLOVÁ, 2007: Vzťah slovnodruhových a onomaziologických kategoriálnych významov. *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung. Slawische Forschungen und Texte 6*. Ed. H. Burkhardt, A. Nagórko. Hildesheim, Zürich, New York. 178–195.

Miloslava SOKOLOVÁ, Martin OLOŠTIAK, Martina IVANOVÁ, František ŠIMON, Beáta CZÉREOVÁ, Katarína VUŽŇÁKOVÁ, Vladimír BENKO, Gustáv MOŠKO, 2005: *Slovník koreňových morfém slovenčiny*. 1. vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. 584.

Miloslava SOKOLOVÁ, Martin OLOŠTIAK, Martina IVANOVÁ, František ŠIMON, Beáta CZÉREOVÁ, Katarína VUŽŇÁKOVÁ, Vladimír BENKO, Gustáv MOŠKO, 2012: *Slovník koreňových morfém slovenčiny*. 3., upravené a doplnené vyd. Hl. red. M. Sokolová, M. Ološtiak, M. Ivanová. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. 690.

Jozef ŠTOLC, 1958: K morfológii deminutív v slovenčine. *Jazykovedné štúdie. 3. Spisovný jazyk*. Red. J. Ružička. Bratislava: Vydavateľstvo SAV. 19–81.

Katarína VUŽŇÁKOVÁ, 2006: *Problémy lexikografického zachytenia slovo tvorného systému slovenčiny*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. 163. Dokument je umiestnený

na www stránke Univerzitetnej knižnice PU <<http://www.pulib.sk/elpub2/PF/Vuznakova1/index.htm>> od 7. 4. 2006.

Katarína VUŽŇÁKOVÁ, 2012: *Kompozitá v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Pedagogická fakulta. 189.

Jaroslav ZIMA, 1961: *Expresivita slova v súčasnej češtině. Studie lexikologická a stylistická*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. 139.

SUMMARY

Verbal Diminutives in Slovak¹⁰

Verbal diminutives are modification derivatives, which denominate the same process as their verbal word-formative motivative word, but express the intensity of the author's experience, not of the process itself. The intensity of experience is demonstrated by adding expressivity or by the strengthening/weakening of existing expressivity in relation to the basic motivative word comparative to correlative word.

The most typical representative units are verbal diminutives derived from verbs (non-motivated verbs *robiť* → *robkať* [to work → to work expressed in a gentle way] or deinterjective verbs *buch* → *búchať* → *buchkať* [to slam → to slam expressed in a gentle way]). The verbs derived directly from interjections (*ťap-ťap* → *ťapkať* [to clap]) or by analogical derivation (*badkať* [to move with difficulties expressed in a gentle way]) are the problematic ones. These types do not have their correlative word – motivative verb. Their suffix *-k-* is not a pure diminutive derivative morpheme, but these verbs are close to diminutives because of this suffix and their expressivity. Many diminutives belong to the lexis orientated to children. The children's words often come from interjections and have a lot of variants (*haja* → *hajať* → *hajkať/hajinkať/hajenkať/hajuškať* [to sleep expressed in a childlike way]).

In monolingual dictionaries, the verbal diminutives are compiled separately from their basic verb (*krívať* – *krivkať* [to limp – to limp expressed in a gentle way]), while noun diminutives are ordered under the headword (except of noun diminutives with more meanings, e. g. *jablko* – *jablčko*; *apple* – 1. little apple, 2. anat. *knee-cap*).

---

¹⁰ Ďakujem PhDr. Dane Guričanovej a Mgr. Elene Guričanovej za pomoc s anglickým prekladom.

ЄВГЕНІЯ А. КАРПІЛОВСЬКА

*Інститут української мови НАН України, Україна, Київ,
karpilovska@gmail.com*

Словотворення на тлі інших способів позначення демінутивності в українській мові

Демінутивність в тексті розглянуто в розмаїтті способів української номінації і у взаємодії з іншими поняттєвими категоріями. Значення зменшення пов'язує демінутиви з категоріями недорослості, родинної й суспільної ієрархії ('батьки – діти': *коваль* і *коваленко*, *ковалівна* – син і дочка коваля, *ткач* і *ткаченко* – підмайстер, помічник ткача, молодий ткач). Зменшення може зазнавати не лише істота, предмет, а й дія, ознака: *їсти* – *їстоньки*, *зелений* – *зеленький*. Значущість явищ для мовної свідомості українців доводить формування опозицій 'демінутив – норма – аугментатив'. Для цього українська мова залучає засоби словотворення, лексики, синтаксису. Наприклад, для позначення дощу різної сили в протиставленні дощу як такому наявні опозиції лексичні *мряка* – *дощ* – *сльота*, словотвірні *дощик*, *дощикок* – *дощ* – *дощище*, *дощака* і синтаксичні *скупий дощ* – *дощ* – *тучний дощ*.

Diminutiveness in the text discussed in a variety of modes of Ukrainian nomination and in the correlation with other conceptual categories. Meaning of diminution links the category of diminutiveness with the categories of unmaturity, family and social hierarchy ('parent-child': *коваль* and *коваленко*, *ковалівна* – a son and daughter of a smith, *ткач* and *ткаченко* – apprentice, assistant of weaver, young weaver). Decrease can not only creature, object, but also the action, attribute *їсти* 'to eat' – *їстоньки*, *зелений* 'green' – *зеленький*. The significance of the phenomena for the language consciousness of Ukrainians proves the formation of oppositions 'diminutive – standard – augmentative'. The Ukrainian is attracting word formative modes as well as lexical and syntactic ones. For example, to describe the rain of varying strength as opposed to rain proper lexical *мряка* – *дощ* – *сльота*, word-formative *дощик*, *дощикок* – *дощ* – *дощище*, *дощака* and syntactic oppositions *скупий дощ* – *дощ* – *тучний дощ* are presented.

Ключові слова: словотворення, поняттєва категорія, демінутивність, недорослість, несправжність

Keywords: word-formation, conceptual categories, diminutiveness, unmaturity, unreality

1 Термін «зменшувальні імена» дає простір для роздумів про мовний об'єкт, який він позначає, не лише в площині словотворення. Проте і в межах похідної лексики зменшувальні імена є підстави трактувати по-різному як щодо їхньої форми, так і щодо їхнього змісту й уживання. Утім, парадокс словотвірних зменшувальних імен полягає в тому, що, позначаючи зменшення денотата, вони зазнають збільшення і своєї форми, і своєї семантики. Водночас до зменшувальних утворень, або демінутивів не зараховують різні типи дериватів, унаслідок творення яких відбувається скорочення форми і змісту базових одиниць, наприклад, різні типи аббревіатур: ініціальні (*СОТ, ВНЗ*), складноскорочені слова (*держмайно, завгосп*), акроніми (*АГАТ, РУТА*), безафіксні (*синь, дослід*), телескопічні (*рація, інтернетрі*) похідні або зменшені варіанти онімів на зразок українського жіночого імені *Леся* від *Лариса* та *Олександра*.

1.1 В українській лінгвістичній традиції зменшувальні імена, або демінутиви, прийнято розглядати як відіменникові модифікаційні утворення. Таке усталене їх визначення подала, наприклад, Н. Ф. Клименко в спеціальнойній статті енциклопедії «Українська мова» (далі – ЕУМ):

ЗМЕНШУВАЛЬНІ УТВОРЕННЯ, демінутиви – похідні іменники, що виражають значення зменшеності, яке здебільшого супроводжує ще і значення суб'єктивної оцінки: позитивної (пестливість – *коник*) або рідше негативної (зневажливість – *ідейка, гімназистик, дільце*); протилежне – *збільшувальні утворення* (ЕУМ 2007: 214).

Ширшим тлумаченням «Похідні із суфіксами зменшеності, пестливості», але з прикладами також лише іменників (*букварик, морозець, ялиночка*) пояснюють цю категорію слів Л. О. Вакарюк і С. Є. Панцьо – авторки словника «Український словотвір у термінах» (Вакарюк/Панцьо 2007: 52).

1.2 Демінутиви в такому загальноприйнятому трактуванні в українській мові описані досить докладно. Різні їхні типи розглянуто в томі «Словотвір сучасної української літературної мови» (Словотвір 1979) академічної граматики «Сучасна українська літературна мова». Їм приділено увагу в працях, що розглядають окремі частини мови: іменник (І. Г. Матвіяс, Л. О. Родніна, Ф. О. Нікітіна, К. Г. Городенська, О. К. Безпояско, М. В. Кравченко, Н. М. Захлюпана, З. О. Валюх), дієслово (В. М. Русанівський, Т. М. Возний), прикметник (В. В. Ірещук), займенник (В. М. Ожоган), числівник (Т. Б. Лукінова), прислівник (Г. М. Ярун), окремі способи творення і типи демінутивів (І. І. Ковалик, Н. Ф. Клименко, К. Г. Городенська, Є. А. Карпіловська, М. Ю. Федурко, С. О. Соколова, А. М. Нелюба, Ж. В. Колоїз). Не оминули українські дослідники своєю увагою й явище деетимологізації демінутивів в українській та інших

слов'янських мовах (Л. А. Булаховський), розвиток семантики й функціонального потенціалу демінутивів в історичній перспективі (П. І. Білоусенко). Натомість менше уваги в україністиці досі було звернуто на зв'язок категорії демінутивності з іншими поняттєвими категоріями, на ресурси її реалізації, а також на взаємодію словотворення з іншими способами позначення демінутивності.

2 Українські словники й тексти переконують у тому, що значення зменшення здатні набувати не лише іменники, а й слова всіх повнозначних частин мови, як імена субстанцій з характеризувальною (іменники) та дейктичною функцією (займенники), так і імена ознак (прикметники, дієприкметники, порядкові числівники, означальні займенники), дій (дієслова), ознак ознак (прислівники). Демінутиви утворюють і вигуки: *агу* і *агусі, агусінки*. Словотвірні демінутиви в полі вербалізації цього поняття в українській мові становлять сукупність назв, найрозгалуженішу за формальними ресурсами й аспектами осмислення зменшення певного об'єкта, дії або ознаки. Словотвірні демінутиви, виражаючи значення зменшення як кількісну модифікацію об'єкта, ніби окреслюють ті його аспекти, які можна номінувати й за допомогою інших ресурсів мови. Спільною для таких модифікаційних імен є виражена в їхній твірній основі вказівка на об'єкт зменшення. У градуальній опозиції «менше за норму ← норма → більше за норму» такий об'єкт виконує роль еталону зіставлення з ним полярних членів опозиції. Такі зменшувальні утворення слід відрізняти від антонімічних пар на зразок *одружений – неодружений*, а також від тріад з мезонімами на зразок *білий – сірий – чорний*. оскільки вони не мають еталона для зіставлення членів опозиції.

2.1 В українській мові градуальні опозиції здатні формувати не лише деривати того ж імені-еталона, а й різнокореневі похідні, непохідні слова, словоформи, словосполучення-номінації і судження, пов'язані з тим самим об'єктом. Наприклад, низький ступінь інтенсивності червоного кольору українці можуть позначити не тільки дериватами *червонастий/червонястий, червонуватий, червоनावий/червонявий, світло-червоний, блідо-червоний*, а й прикметниками *рудий, рижий, мідний* 'червоно-жовтий', *рожевий* 'світло-червоний'. Крім того, для градування вияву ознаки українські прикметники мають спеціальні морфологічні засоби категорії ступенів порівняння, зокрема аналітичну форму з кваліфікаторами для вищого ступеня *більш, менш (червоний)* і *найбільш, найменш (червоний)* – для найвищого ступеня. Різні відтінки червоного й інших кольорів можна означити й за допомогою синтаксичних засобів, словосполученнями на зразок *колір крові* 'червоний' і *колір вогню* 'яскра-

во-червоний, червоногарячий’, *колір стиглої вишні* ‘червоний з рожевим відблиском’ тощо.

2.2 На окрему увагу заслуговують і словосполучки різного типу, які виражають судження про об’єкти або дії чи ознаки, що не відповідають певному еталону, є меншими від нього, а отже, в свідомості українців формують градуальні опозиції назв за їхньою меншою/більшою невідповідністю нормі. Наприклад, про дитину чи молоду людину, що ще не нажила досвіду, українці скажуть, що вона *пішки під стіл ходить/мандрує*, що в неї *молоко на губах не обсохло*, що вона *молоком пахне, на припічку кашу їсть*. Ці та інші приклади доводять, що в українській мові в полі вербалізації поняттєвої категорії зменшеності (демінітивності) активно взаємодіють номінація, предикація та оцінка і в такій взаємодії стабільно зі словотворчими ресурсами «співпрацюють» ресурси лексичні, як питомі, так і запозичені, та граматичні (морфологічні й синтаксичні). Отже, залежно від засобів вираження зменшення маємо підстави виділяти в полі реалізації цієї категорії в українській мові словотвірні, лексичні й граматичні (морфологічні та синтаксичні) демінутиви.

3 У модифікаційних словотвірних демінутивах значення зменшення міститься в ономасіологічному базисі-форманті. Найпродуктивнішим способом творення таких демінутивів є суфіксація. За даними «Словника афіксальних морфем української мови» (САМУМ 1998), до створення іменників-демінітивів залучено 31 суфікс: **-ець** (*зубець, ручаєць*), **-ик** (*дощик, хлопчик*), **-к(а)** (*дівчинка, ніжка*), **-ок** (*місток, ставок*), **-а/-я** (*курча, звіря*), **-ук** (*зайчук, ярчук*), **-ц(е)** (*сідельце, тільце*) та ін. Амплітуда їх продуктивності також істотна. Наприклад, якщо із суфіксами **-к(а)**, **-ок** та **-ик** у САМУМ зареєстровано, відповідно, 2032, 834 та 590 іменників, то із суфіксом **-унь** всього 3 (*братунь* від *брат*, *дідунь* від *дід*, *татунь* від *тато*).

Суфіксальні деривати дають змогу окреслити межі розвитку семантики зменшення в українських демінутивах. Їх визначає опозиція модифікаційних і від’ємно-модифікаційних утворень, або дедемінутивів (Карпіловська 1999). Перші мають у тлумачних словниках стандартну відсильну формулу тлумачення «Зменш. (зменшене) до...» (*борозенка* – Зменш. до **борозна**)¹; другі – стандартну відсильну формулу «Те саме, що ...» (*річка* – Те саме, що **ріка**). Між цими полярними групами дериватів із формально тотожними суфіксами демінутивності пролягла строката

¹ Далі всі тлумачення за винятком окремо зумовлених подаємо за академічним «Словником української мови» в 11-ти томах (СУМ).

смуга похідних, у яких до значення зменшення додалися уточнювальні або оцінні компоненти. Чимало демінутивів засвідчують метонімічні переноси, завдяки яким розширено коло об'єктів, позначених такими іменами: *басок* – 1. Зменш. до *бас* 1 і 2. Струна в музичних інструментах, що дає низький звук; *вушко* – 1. Зменш.-пестл. до *вухо* 1, 3, 4; 2. Отвір у голці, крізь який просилоють нитку; // Отвір у пристрої, механізмі, в який що-небудь вставляється; 3. Варенички з яловичиною, що варяться в юшці, бульйоні тощо. Позитивна оцінка може нейтралізувати значення зменшення. На це в тлумачних словниках вказує формула відсилання «Пестл. (Пестливе) до...»: *женишенько* – Пестл. до *жених*; *зелененький* – Пестл. до *зелений*; *першенький* – Пестл. до *перший*. Від багатьох таких слів утворюються вторинні демінутиви з посиленою позитивною оцінкою: *водиця* – Пестл. до *вода* 1 і *водиченька* – Пестл. до *водиця*, *водичка* або *зеленесенький* – Пестл. до *зелененький*. Демінутивна суфіксальна модель стала в українській мові дуже продуктивною в найменуванні рослин, тварин, предметів, причому, твірними одиницями стають не лише апелятиви, а й оніми (антропоніми), а самі такі назви закріплюються в мові у формі як однини, так і множини: *орлики* – Багаторічна декоративна трав'яна рослина родини жовтцевих із поодинокими квітками різних кольорів; *грицики* (від імені *Гриць* (скорочений варіант від *Григорій*) – Трав'янистий бур'ян родини хрестоцвітих, що цвіте білим цвітом; *коник* – 5. Комаха з довгими ногами, що стрибає й крилами утворює сюржітліві звуки; 6. Пряник або іграшка, що мають форму коня; *михайлик*, заст. – Невеличкий дерев'яний ківш для горілки.

Інколи на пестливу оцінку дії у словниках вказують ремарки *дит.* (дитяче): дієслова *їстки*, *їстоньки*, *їсточки* або *пестл.* (пестливе): дієслова *спатки*, *спаточки*, *спатоньки*, *спатуні*, *спатусі*. Чимало таких утворень і серед прислівників *тепер* і *теперки*, *тепереньки*, *теперенька*, *теперечки*, *теперечка*; числівників: *перший* і *першенький*; *двоє* і *двоєчко*; вигуків: *агу* і *агусі*, *агусеньки*, *агусіньки*; *спасибі* і *спасибоньки*. Подекуди демінутив за формою виражає збільшене значення, утім, з послабленою його оцінкою: *величенький* – Який трохи перевищує звичайний розмір; досить великий.

Зі зміною соціальних і виробничих відносин в українському суспільстві зник ґрунт для функціонування дериватів з патронімічними суфіксами на позначення сина або дочки особи, названої твірною одиницею, як апелятивів: *коваль* і *коваленко*, *ковальчук*, *ковалівна* 'син, дочка коваля'. Натомість, такі номінації стосовно осіб чоловічої статі з розряду апелятивів перейшли до розряду власних назв і закріпилися як прізвища українців, а також розвинули значення 'помічник, учень, підмайстер'.

Для цілого ряду найменувань професій або посад стара українська мова випрацювала окремі словотворчі засоби для вираження значень ‘син, нащадок’ і ‘учень, помічник, підмайстер’: *титар* – *титаренко* ‘син титаря’ і *підтитарій, підтитарний* ‘помічник титаря’; *суддя* – *судденко* ‘син судді’ і *підсудок* ‘помічник судді’.

3.1 Значення зменшення в українських словотвірних демінутивах може виражати не лише формант, а й твірна основа, а отже, воно може становити ономасіологічну ознаку номінації. Причому, такі основи часто сполучаються з демінутивними суфіксами й посилюють значення зменшення: *малюк* і *маля* від прикметника *малий* в градуальній опозиції найменувань осіб за віком *малюк, дитина, неповнолітній, підліток* – *дорослий, повнолітній* – *літній* – *старий* – *похилого віку*. Вказівка на вік особи, менший від повноліття (в Україні – це 18 років), може бути експліцитною, прямою (*малюк*) та імпліцитною, непрямую, вираженою через дію або ознаку, властиві дитині певного віку. Показовий вибір мотивів словотвірної номінації та їхній зв'язок із судженнями, закріпленими у фразеологізмах, пор. *пригрудча, сисун/сосун, сосунок, сосунець, молокосос/молокососка* і *молоко на губах не обсохло, молоком пахне*. Прикметно, що самий гіперонім *дитя/дитина* як ім'я неповнолітньої особи «Етимологічний словник української мови» пов'язує з праслов'янським дієсловом *dojiti* (пор. з сучасним українським *доїти*) і з гіпотетичною формою від нього **dētent-* зі значенням ‘годоване груддю’ (ЕСУМ 1985 II: 79).

4 Іншу порівняно із суфіксальними демінутивами картину вербалізації поняття зменшення демонструють префіксальні та конфіксальні деривати. До значення зменшення в них додаються граматичні значення, зумовлені генетичним зв'язком префіксів з прийменниками. Такі групи демінутивів значно поступаються суфіксальним за своєю продуктивністю й активністю. Як правило, це непродуктивні розряди похідних, зокрема конфіксальні іменники на позначення прибудівель до чогось (*присінки, присіння до сіни, прикухенок до кухня, придомок до дім, пристінок до стіна, примурок до мур*) або префіксальні прикметники зі значенням недостатнього ступеня вияву ознаки (*приглухий* від *глухий* чи *літеплий* від *теплий*). У дефініціях таких дериватів наявні кваліфікатори розміру об'єкта, ступеня вияву ознаки чи виконання дії, менших за норму: *невисокий, невеликий, слабкий, трохи, стиха, злегка, ледве*, що в дієсловах можуть поєднуватися з ознаками часу або характеру виконання дії: *присінки* – 2. Прибудова перед входом до якого-небудь приміщення; *невеликі сіни*; *пристінок* – Невисока стінка, яка відгороджує частину приміщення; *павітер* – Слабкий вітер, вітерець; *пазелень* – Домішка

зеленого кольору, зелений відтінок, зелені просвіти у забарвленні або пофарбуванні чого-небудь; *приглухий* – Трохи глухий; *літеплий* – Трохи теплий; *погравати* – Грати стиха або час від часу; *поспікувати* – Стиха співати; *підштовхувати* – Злегка штовхати та ін.

У дериватах на зразок *присмак*, *призвук* значення зменшення об'єкта, названого твірною основою, поєднується зі значенням додатковості, супровідності: *присмак* – 1. Додатковий смак у чому-небудь; 2. Відтінок, забарвлення; // Ледве помітний прояв чого-небудь; *призвук* – Додатковий звук, короткий і невиразний, який супроводжує основний звук. Таке ж значення спостерігаємо і в старому слові *прискринок* – Невеличкий ящик для дрібних речей у верхній частині бокової стінки скрині, скриньки. Словники початку ХХ ст., зокрема «Словарь української мови» за редакцією Б. Грінченка, дають змогу доповнити цей розряд дериватів, пор. *прибідок* 'прибавка к беде, добавочная беда' (СГ 1909 III: 406). Синонімічність цієї групи демінутивів з дериватами на зразок *вибалок*, *виярок*, *видолинок*, утвореними від іменників за конфіксальною моделлю **ви-** ... **-ок**, засвідчує ще один аспект осмислення зменшення об'єкта – виділення з нього такого ж за ознаками, але меншого за розміром, *балка* – Яр із пологими схилами і *вибалок* – Невелика балка.

Деякі іменники з префіксом **під-** на позначення особи збереглися в сучасній військовій термінології: *підполковник*, *підпрапорщик*. В інших сферах суспільного життя такі префіксальні деривати замінили складні слова або словосполучення з уточненим значенням підпорядкування однієї особи іншій у певній ієрархії, вказівкою на зменшення обсягу функцій підпорядкованої особи: *режисер* – помічник *режисера*, *помреж*; *прем'єр* – *віце-прем'єр*, *директор* – *заступник директора*; *адмірал* – *віце-адмірал*, *контр-адмірал*. Однак модель творення відсубстантивних іменників зі значенням підпорядкування одного об'єкта іншому за допомогою префікса **під-** виявляє дедалі вищу активність у систематизації абстрактних понять: *підланцюжок*, *підпростір* та інші.

4.1 В українській мові є словотворчі ресурси як для узагальненої вказівки на неповну відповідність одного об'єкта іншому (префікс **недо-**: *розум* і *недорозум* – Відсутність, брак розуму, розсудливості; дурість), малий обсяг, розмір, вміст, кількість чогось (основи **мало-**: *малокалорійний*, **низько-**: *низькооплачуваний*, **мікро-**: *мікроекономіка*, **міні-**: *мінівістава*), так і для означення конкретної міри зменшення денотата, ступеня відповідності йому означуваного об'єкта: половини (основи **полу-**, **пів-**, **напів-**: *день* – *південь*, *полудень*; *дикий* – *напівдикий*; *закрити* – *напівзакрити*); чверті (основа **чверть-**: *фінал* – *чвертьфінал*). У цій групі назв часто

словотвірні засоби точного виміру зменшення об'єкта взаємодіють з лексичними та синтаксичними засобами непрямой номінації з міркувань політкоректності, пор. *напівкровок/напівкровка, напівгрек-напівукраїнець, мулат, метис, креол, афроукраїнець і дитина з мішаної родини*. Такі обтічні назви зменшення певної ознаки зближуються з назвами категорії несправжності, іменування особи, яка виконує функції іншої не за генетичними, а за соціальними ознаками: *син, дочка і пасинок, падчерка; батько і весільний (посадний), хрещений, названий (наречений, прибраний) батько; мати (біологічна) – сурогатна мати; брат, сестра і побратим, посестра, зведені брат і сестра (зведенята); єдин(одн)оматерні, єдиноутробні, єдин(одн)окровні брат і сестра (однокровник, однокровець, заст. кривний, кривняк)*.

5 Корпус української мови (Корпус) та ілюстрації у словниках ХХ-початку ХХІ ст. дають змогу виявити ознаки (статичні й динамічні), що в свідомості мовців закріпилися за певними об'єктами й лягли в основу їхніх зменшених назв або залишилися не реалізованими в номінації. Наприклад, *дощик/дощикок* українці означають за розміром і формою крапель (*дрібний (дрібненький, дрібен)*), *краплистий (крапчастий)*, *мачкатий* (краплі якого схожі на голівки маку), за частотою їхнього падіння (*нечастий, тихий, спокійний, легкий*) чи кількістю (*нерясний, рідкий*). *Дощик* може *викрапати, накрапати, сіятися, мжити/імжити, капотіти, поливати, шамрити*. Проте пестливо українці можуть означити й сильний дощ з громом (*Пішов дощик громовенький, а на той сад зелененький*). Образні назви й виявляють спектр кількісних, якісних, часових характеристик малого дощу: *сліпий дощ, свинячий або курячий дощ, з сонцем дощ* – краплистий, короткочасний, у сонячний день, крізь сонце; *скупий дощ* – нерясний; *дощ як крізь сито (як з-під сита), ситом дощ* – про дрібний теплий дощ (пор. з рос. *грибной дождь*). Таке означення закріпило й прислів'я *Коробом сонце – ситом дощ*.

Ознаки за усталеною дією *дощика-гіпероніма* реалізувалися в таких юкстапозитах-гіпонімах, як *дощик-накрапайчик, дощик-сіянець, дощик-поливайчик*. Від деяких з дієслів, що позначають різновиди цих опадів, утворюються окремі назви дрібного дощу, пов'язаного також з туманом, мрякою, пор.: *мжити/імжити, мжичити, мигичити і мжичка, мгичка, мигичка, мжа/імжа, мгун, мжиця* або *капання, капіж, окап* (від *капати*), *капотіж* (від дієслова посиленої дії *капотіти*). Проте хоча дощ може *нудьгувати* й *шамрити*, ці ознаки несильного дощу не дали окремих номінацій і через те, що від таких дієслів утворено загальні назви виконавця дії (*шамрай, шамрило, нудьгар, нудяр*), і через

індивідуалізований, упрозорений лише в контексті характер цих акціональних ознак.

6 Окреслені вище словотворчі ресурси вербалізації значення зменшення в сучасній українській мовній практиці мають різну активність. Так, у словнику А. М. Нелюби «Словотворчість незалежної України (1991–2011)» знаходимо переважно експресивно-оцінні зменшувальні іменники й прикметники з префіксом **недо-** (*недовідомий, недозакон*), суфіксом **-я/-ят(а)** (*бомження, олігархенята*), питомою основою **напів-** (*напіввождь, напівноменклатурний*) та запозиченими **міні-** (*мініДавос, мініолігарх*) й **мікро-** (*мікроесейчик, мікроміф*), хоча трапляються і власне зменшувальні, нейтральні номінації на взір *мінідрукарня, мікрорецензія* (Нелюба 2012). З матеріалів комп'ютерного фонду інновацій, який наш колектив формує з 2006 р. (КФІ), додамо *недовитворити, недоінвестування, недолітература; піддиректорія, підкаталог, підфракція, підцентр; міні-альбом, міні-газета, міні-готель* і навіть *міні-дні; низькобюджетний, низькоранговий, низькотехнологічний*. Проте і в словниках, і в текстах Корпусу української мови не знаходимо жодного нового зменшувального прикметника з префіксами **при-**, **під-** або іменника, утвореного за конфіксальними моделями **ви-...-ок** чи **при-...-ок**.

Водночас інновації-зменшувальні утворення підтверджують загальну тенденцію в сучасній українській мові до посилення оцінки означуваного об'єкта в певних стилях і сферах її уживання. Це сприяє зростанню активності й продуктивності групи суфіксальних і префіксальних демінутивів. Утім, сучасна українськомовна комунікація, особливо фахова, потребує й засобів уточнення понять, позначення їхніх окремих аспектів, а це сприяє зростанню активності ресурсів творення складних слів і кількаслівних номінацій, активізації категорії ступенів порівняння, що охоплює не тільки якісні, а й відносні прикметники. Такі деривати й словоформи формують із суфіксальними демінутивами гіперо-гіпонімічні об'єднання. Словотвірні демінутиви з прямим і переносним вираженням зменшення в основі та/або форманті, лексичні й синтаксичні демінутиви заповнюють нижчу ланку в градуальній опозиції відносно її нейтральної ланки з назвою певних денотатів у нормі. Завдяки цьому мовці дістають різні ресурси для вираження значення зменшення (демінутивності) з його різними відтінками і конотаціями, поєднуючи у своїй мовній діяльності засоби номінації із засобами предикації та оцінки.

ЛІТЕРАТУРА

Людмила ВАКАРЮК, Стефанія ПАНЦЬО, 2007: *Український словотвір у термінах*. Тернопіль: Джура.

ЕСУМ, 1985: *Етимологічний словник української мови*. Ред. Олександр Мельничук. Київ: Наукова думка, т. 2.

Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, 2012: Активні ресурси сучасного українського словотворення. *Творба речі и њени ресурси у словенским језицима*. Ред. Рајна Драгићевић. Београд: Филолошки факултет, Универзитет у Београду. 97–107.

Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, 1999: *Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація*. Ред. Ніна Клименко. Київ: Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

Ніна, КЛИМЕНКО, 2007: Зменшувальні утворення, демінутиви. *Українська мова: Енциклопедія*. Ред. Віталій Русанівський, Олександр Тараненко. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, вид. 3.

Корпус української мови: <www.mova.info>.

КФІ: *Комп'ютерний фонд інновацій Інституту української мови НАН України*.

Анатолій НЕЛЮБА, 2012: *Словотворчість незалежної України (1991–2011)*. Харків: Харківське історико-філологічне товариство.

САМУМ, 1998: Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, Віктор КАРПІЛОВСЬКИЙ, Ніна КЛИМЕНКО, Тетяна НЕДОЗИМ, *Словник афіксальних морфем української мови*. Ред. Ніна Клименко. Київ: Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

СГ, 1909: *Словарь української мови*. Ред. Борис Грінченко. Київ, т. III.

Словотвір сучасної української літературної мови, 1979. Ред. Михайло Жовтобрюх. Київ: Наукова думка.

СУМ, 1970–1980: *Словник української мови*. Київ: Наукова думка, т. I–XI.

SUMMARY

Word-formation among other Modes of Nomination the Diminutiveness in the Ukrainian Language

Diminutiveness in the Ukrainian in the text discussed in a variety of modes of nomination and in the correlation with other conceptual categories. Meaning of diminution, inequality with the standard links the category of deminutiveness with the categories of immaturity, family and social hierarchy ('parent-child': *коваль* and *коваленко*, *ковальчук*, *ковалівна* – a son and daughter of a smith, *ткач* and *ткаченко*, *ткачук* – apprentice, assistant of weaver, young weaver). Decrease can not only creature, object, but also the action, attribute *віяти* 'to winnow' – *повівати*, *їсти* 'to eat' – *їстоньки*, *спати* 'to dream' – *спатусі*, *зелений* 'green' – *зеленький*, *зеленуватий*, *зеленавий*.

The significance of the phenomena for the language consciousness of Ukrainians proves the formation of oppositions 'diminutive – standard – augmentative'. For this purpose, the Ukrainian language is attracting word formative modes as well as lexical and syntactic ones. For example, to describe the rain of varying strength as opposed to rain proper lexical *мжа/імжа, мряка – дощ – сльота*, word-formative *дощик, дощикок, дощик-накрапайчик, дощик-сіянець, дощик-поливачик – дощ – дощище, дощача* and syntactic oppositions *скупий дощ, дрібний дощ, курячий/свинячий дощ – дощ – тучний дощ, проливний/заливний дощ, обліжний (облоговий) дощ, дощ ситом, з сонцем дощ* and *дощ як з луба (рукава, відра, бочки), з-під ринви* are presented. Some derivational means of diminutiveness are related with category of unreality: *вітер* 'wind' and *навітер* 'gentle breeze', but *син* 'son' and *насинок* 'stepson'.

ЛАРИСА КИСЛЮК

*Інститут української мови НАН України, Київ, Україна,
lkislyuk@meta.ua*

Прагматичний потенціал демінутивів у публіцистичних та художніх текстах

Демінутивність не лише реалізує семантику зменшеного розміру об'єкта, ослабленого вияву ознаки чи дії, а є одним зі способів оцінно-емоційного маркування лексики. Прагматичний потенціал українських демінутивів зумовлений здатністю демінутивних суфіксів передавати оцінно-емоційні значення й експресію. Позитивний чи негативний його заряд залежить від наявності семи розміру, семантики основи, стильової належності тексту і виявляється через контекстні маркери.

Diminutivity implements not only the semantic object of small size, but also a weak expression of signs or actions, and is one of the ways evaluative and emotional lexical marking. Pragmatic potential of diminutives in the Ukrainian is defined by the ability of the diminutive suffixes to reflect evaluative-emotional meaning and expression. Its positive or negative charge depends on the availability of sema-size, semantics of the base, stylistic identity of a text and is revealed through contextual markers.

Ключові слова: категорія демінутивності, прагматичний потенціал, словотвірний демінутив, демінутивний суфікс

Key words: category diminutivity, pragmatic potential, word-building diminutive, diminutive suffix

1 Категорія демінутивності у різних мовах виражена за допомогою засобів різних рівнів мовної структури (словотвірного, лексичного, синтаксичного), реалізовує семантику зменшеного розміру об'єкта, ослабленого вияву ознаки чи дії та може супроводжуватися певними оцінно-емоційними та експресивними семами (Максимчук 1972; Расулова 1981; Хидекель, Кошель 1983; Руда 2009; Руда 2012). О. С. Кубрякова вважала експресивно-оцінно-емоційні категорії, зокрема оцінно-квантитативні, такими, що сприяють «розміщенню» об'єкта в одній із точок шкали «погано» – «добре», або «багато» – «мало», або «до норми» – «норма» – «вище норми», найчастіше мають у різних мовах словотвірне вираження

і служать творенню демінутивів, аугментативів тощо (Кубрякова 1988: 164). Залежно від типу мови виразники значення малості можуть бути синтетично й аналітично утворені, одні з них можуть бути ядерними, інші – периферійними. Українська мова як синтетична флективного типу активно використовує словотворення, передусім суфіксальне (Клименко 2007: 214). Дослідники нараховують до чотирьох десятків продуктивних демінутивних суфіксів, більшість із яких передають і суб'єктивну оцінку, позитивну чи негативну. Цією особливістю зумовлений прагматичний потенціал демінутивів. Суб'єктивність оцінки об'єкта є наслідком того, що малість асоціюється як із чимось беззахисним, милим, ласкавим, так і неякісним, недосконалим, маловартісним. Л. О. Родніна розділяла іменники з суфіксами недорослості й іменники з суфіксами суб'єктивної оцінки, підкреслюючи таким чином, що одні групи є виразниками передусім демінутивності, а інші містять і значення оцінки, негативної чи позитивної (Родніна 1979: 101). В українській мові іменник, прикметник, прислівник, дієслово, займенник, числівник і вигук є потенційно спроможними до суфіксального вираження значення демінутивності (*вихованчик, улесливенький, далечко, купоньки, жоднісінський, трійко, пробочку!*). Їх можна розглядати як особливий клас оцінно-емоційної лексики, де перетинаються категорії зменшуваності та оцінності, емоційності, експресивності.

За позитивними й негативними значеннями класифікує демінутиви В. А. Кузьменкова (Кузьменкова 2007: 39–40). Перші створюють атмосферу доброзичливості, підкресленої ввічливості, вибачення, передають позитивне ставлення до об'єкта, зокрема у спілкуванні з дітьми. Демінутиви другої групи передають негативну оцінку професійних чи інших якостей особистості, об'єкта, явища чи події; засудження чиеїсь позиції чи дій.

Базуючись на комбінації значень твірних та демінутивних суфіксів і враховуючи різні аспекти контексту, М. Шіллер класифікує функції демінутивів: власне зменшувальне значення, експресивна та емоційно-оцінна функція, стилістична функція, прагматична функція (Schiller 2007: 29).

Прагматичні функції демінутивів слугують для успішного спілкування. Забарвлення позначуваного демінутивом залежить передусім від мети комуніканта, його особистого ставлення й виявляється в контексті, де адресант оформляє свій задум, а адресат його сприймає та розшифровує.

2 За матеріал дослідження обрано демінутиви-новотвори, зафіксовані в публіцистичних та художніх текстах, які разом з діагностичними контекстами увійшли до Комп'ютерного фонду інновацій відділу структурно-

математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України (далі – КФІ), індексу нових слів до монографії «Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі» (2008) Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловської, Л. П. Кислюк; ідеографічного словника нової лексики «Активні ресурси сучасної української номінації» (2013) колективу авторів (Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, В. І. Критська, Т. К. Пузирєва, Ю. В. Романюк) (далі – АРСУН), словників «Словотворчість незалежної України» (2012) А. Нелюби (далі – СНУ), «Лексико-словотвірні інновації (2014)» (2015) А. Нелюби, Є. Редька (далі – ЛСІ), «Нові й актуалізовані слова та значення» авторів В. О. Балог, Н. Є. Лозової, Л. О. Тименко, О. М. Тищенко (2010) (далі – НАСЗ), а також виявлені у сучасних українськомовних електронних ресурсах та художніх творах сучасних українських письменників. Проаналізовано понад триста демінутивних одиниць-новотворів, переважно іменників, яких не подавали словники до 1991 року.

3 Прагматичний потенціал демінутивів-новотворів схематично можна зобразити у вигляді градуальної від'ємно-додатної шкали, центр якої відповідає нульовому прагматичному потенціалу (об'єктивна зменшеність: *мікрокнига, мікрофільм*), вправо по додатній шкалі відображено позитивні емоційно-оцінні конотації з пестливим відтінком (*книження*), а вліво по від'ємній шкалі – негативну оцінку, закладену в іронічно-зневажливих конотаціях (*фільмик, фільмець*). Далі розглянемо детальніше новотвори, що займають кожну з ланок такої шкали.

3.1 Новотвори з нульовим прагматичним потенціалом виражають: 1) слабкий вияв ознаки, дії чи стану в сфері абстрактних понять; 2) вказівку на малість за віком 3) об'єктивну зменшеність конкретних, відчутних для сприйняття об'єктів за параметрами висоти, довжини, товщини, глибини, обсягу, об'єму.

Вияв прагматичного потенціалу демінутивів-новотворів у текстах корелює із формою вираження демінутивності. Аналітичні демінутиви з першої підгрупи на синтаксичному рівні функціонують у вигляді прикметниково-іменникових словосполучень (*мала держава, маленька країна*), які передають значення малості за нейтрального ставлення: *мале підприємництво, малий бізнес, малий екран, малий кінематограф, малий прикордонний рух* (КФІ).

На словотвірному рівні – це складні слова, які позначають ослаблений вияв ознаки чи стану порівняно з нормою, об'єктивну зменшеність: *малобюджетний, малозахисений, малокультурність, меншовартісний, мікродержава, мікрозаповідник, мікрокоментар, мікросоціологічний,*

міні-авто, мінівистава, міні-готель, мінідержава, міні-маркет, пор.: («країни-карлики» або мікродержави; Такі міні-держави, чия площа вимірюється буквально акрами, утворилися в свій час з різних причин) (КФІ).

Це можуть бути терміни: *малоінвазивний, малотравматичний, малошумливий, мікрогалактика, мікроідентифікація, мікрокабель, мікрочіп: ... людство на порозі відкриттів, які дадуть змогу імплантувати в мозок мікрочіпи, що взаємодіятимуть з людськими нейронами (КФІ).*

Складні слова з основами *мікро-*, *міні-* (деякі дослідники вважають *мікро-*, *міні-* префіксоїдами) з нульовим прагматичним потенціалом мають суфіксальні синоніми з емоційним компонентом у значенні: *конкурси краси «Міні-міс Закарпаття» та «Міні-міс України» (КФІ) і «витрачається стільки бюджетних коштів на визначення ТАКИХ «місок» (сайт «Маєш право знати», 25.09.2013).*

Складні слова можуть виражати оцінність у тому разі, якщо позначуване – абстрактне поняття, яке не має семи розміру, й автор використовує демінутив для вияву свого ставлення (як правило, негативного) до позначуваного: *мікропартії, мініпрезидент, наноцар: Мухи – це начебто неважливі мікропартії, створені, щоб перехопити у суперників трохи прихильників (КФІ).*

Суфіксальні демінутиви-новотвори другої підгрупи вказують на малість за віком. Це іменники з суфіксами *-ен(я), -н(я), -ї(а), -ч(а)*, назви дітей: *бомжєня, комунча, чорнобиля* (дитина з Чорнобиля); зокрема за національністю: *алжирєня, скіфєня, ефіопєня*, нащадків кого-небудь *короле-ня, хасидя* (дитина хасида), малят тварин: *в'юня, рибєня*. Незалежно від стильової належності тексту, вони часто поєднують значення зменшеності й пестливості, оскільки оцінні конотації закладено у відповідних демінутивних суфіксах: *моржєня* (дитина-морж: *Моржі, моржєнята і суперморжі – ці звання роздавали у дитсадку (СНУ), хіпєня* (дитина хіпі: *І хіпі, і безрідні хіпєнята* (І. Муратов, СНУ).

Демінутиви третьої підгрупи в різностильових текстах вказують на об'єктивну зменшеність конкретних, відчутних для сприйняття об'єктів за параметрами висоти, довжини, товщини, глибини, обсягу, об'єму (*бусик, готелик, крочик, кульочок мікробюстик, пижик* (зменшувальне до «Пежо»), *фоліантик, шопик*): *...почали їхати вантажівки і вантажні «бусики» з причепами і без них; «Фоліантик» середнього формату... (СНУ); ...під єдиним сільським шопиком* (В. Зубач, СНУ).

3.2 Групи суфіксальних демінутивів-новотворів різних частин мови з прагматичним потенціалом з позитивним і негативним зарядом оформлені тими самими суфіксами, зокрема, іменниковими: **-ен(я), -ик, -чик, -ок, -ець, -к(а), -очк(а), -оньк(а)**. Шкала його потужності і напрям залежать від комунікативної мети автора, від стильово-жанрової належності тексту та семантики основи. В українській мові є групи іменників на позначення неживих чи абстрактних об'єктів та явищ матеріального і духовного світу, які взагалі не можуть мати зменшеного розміру чи ослабленого вияву. Емоційна оцінка, на думку Л. О. Родніної, виступає як основне семантичне навантаження дериватів цієї групи, не пов'язуючись із семантикою розміру (Родніна 1979: 101). Здатність до вираження оцінно-емоційного значення та/або експресії узуально закріплена у семантичній структурі багатьох прикметникових, прислівникових, дієслівних демінутивів через суфікси **-ісіньк(ий), -еньк(о), -есеньк(о), -оньк(и)**.

3.2.1 Демінутиви з пестливо-зменшеною семантикою традиційно функціонують у фольклорних, поетичних текстах, творах дитячої та класичної літератури з метою створення загальної емоційно-експресивної тональності. В українському фольклорі навіть до ворогів звертаються: *воріженьки*, підпорядковуючись загальній стильовій спрямованості тексту: *Гей як крикне козаченько до гаю, до гаю! «Наїжджайте, **воріженьки**, сам вас накликаю!»* (козацька пісня «Добрий вечір тобі, зелена діброво»).

У демінутивах-новотворах різних частин мови наявність зменшено-пестливих значень також зумовлена жанрово-стилістичною належністю текстів (поезія та дитяча література) й авторським ставленням. Пестливі назви охоплюють іменники на позначення:

1) неживих об'єктів у художніх текстах (*дзьобеня, книженя, крапель, криниченя, лапеня, косеня; поїздець; автунька* (пестливе до автомашини – персонажа мультфільму), *школонька*): *В травні пада не дощ – а золото. На городи, сади, поля. **Дзьобенятами** сходів солодко Ловить золото те земля* (Д. Іванов, СНУ); *...і бігає від гурту до гурту мале **криниченя** з журавликом на плечі* (І. Андрусак, СНУ) *Розшарпаний **поїздець**, по-простецьки бомбель, торохкотів поміж ланами й перелісками* (П. Федотюк, СНУ); *Вона не тільки найкрасивіша, а й найрозумніша **автунька*** (СНУ); та публіцистичних (*мобілочка, мобільчик, клончик, цифровичок*): *Рука потягнулася до **цифровичка** – сфотографувати* (СНУ);

2) абстрактних понять у різностильових текстах (*есемесочка, інтернетик, кліпець, кліпчик, нагадайлик, нюансик, підсумочки, прикольчик, стуканчик, шляхик*): *...звикай не поспішати, **шляхику** горбатий* (В. Затуливітер, СНУ); *II-річний Андрій охоче демонструє свої «**прикольчики**»* (КФІ); *Такі*

незначні аварії водії називають **стуканчиками** (СНУ); Діти-ведучі ще роблять **«Підсумочки»** – такі собі дорослі новини по-дитячому (КФІ); Ця **есемесочка** надійшла нам від Лариси (СНУ);

3) назв осіб у текстах дитячої літератури (*вихованчик* (Н. Рябцева, ЛСІ), *казкознавчик*, *книголюбчик*, *природолюбчик* («Барвінок», СНУ)); у текстах ЗМІ (на дитячу тематику) (*першачок*, *чувачок*): у канцелярських відділах вивішують спеціальний перелік **«Портфелик першачка»** (КФІ); у поетичних текстах, близьких до фольклорних *годувальничка*, *прикарпаточка*, *самовбивченько* (пестливе до самовбивця): *о соколю мій козаченьку світе самовбивченьку і вбивцю ой не чую чутоньку небесную ой не бачу оченько небеснее* (С. Сапеляк, СНУ); *Тільки очі прикарпаточка русява малиноюю хустиною накрила* (М. Шалата, СНУ);

4) малят тварин чи інших живих істот (*персик* (кошеня-перс), *вовкулачик* (маленький вовкулака), *радіопузик*, *телепузик* (герої дитячих передач)): **Вовкулачику**, я тебе бачу, і тому не зачеши мене (Л. Перлулайн, СНУ).

Дієслова та віддієслівні іменники зі значенням опрідметненої дії та результату дії реалізують пестливо-зменшену семантику у текстах художньої, зокрема дитячої літератури (*дибцяти*, *дрібцяти* (В. Шевчук, О. Забужко, НАСЗ); *дякуваноньки*, *забавляноньки*, *купаноньки*, *привітаноньки*, *приголубоньки*): **«Привітаноньки»** – перша книжка Іляни Корнеєвої, написана для батьків і дітей. Започатковує нові малі поетичні форми: **«приголубоньки»**, **«дякуваноньки»**, **«купаноньки»**, **«забавляноньки»** (СНУ); прикметники та займенники – у поезії (*жоднісінький*): *Пришиті до снігів, холодні ноги, Не чують твій жоднісінький наказ.* (Дм. Безкровний, 10.02.2013, сайт poetryclub); у текстах ЗМІ – з прагматичною метою послаблення категоричності, різкості висловлюваного: *за п'ятирічку спілководіянь жодної (!) – повторюю, жоднісінької книги за прибутток спілки не видано* (КФІ); прислівники – у художній літературі (*далечко*, *жалкенько*, *лівесенько*): *...дияволи пропащі янголята записують кабалістичні знаки лівесенько де серце у поета...* (Д. Кремень, СНУ); *Чого ви повертаєтесь і так жалкенько по-рабськи усміхаєтесь...?* (М. Хвильовий, КФІ). Останній є лексикографічною інновацією, оскільки функціонував у художніх текстах іще з початку ХХ ст., але не був зафіксований у реєстрах українських словників.

3.2.2 Реалізацію іронічно-зневажливих відтінків значень демінутивів спостерігаємо ще з «Енеїди» І. Котляревського (**«Анхіз з горілочки умер»**, **«Тягли тут пінненьку троянці»**), у жартівливих та гумористичних творах (**«Два п'янички-гультяї»**, **«Візьмем паспортишки»**) («Вибрані

усмішки» П. Глазового). У сучасних ЗМІ, за підрахунками дослідників, кількість демінутивів з негативною оцінкою удвічі перевищує кількість позитивних (Федоренко 2006: 9). Цей факт можна розглядати як жанрово-стильову особливість публіцистичних текстів.

Демінутиви-новотвори з суфіксами суб'єктивної оцінки, які мають негативне оцінне забарвлення, належать винятково до іменників, які становлять дві семантичні групи: назви осіб та назви абстрактних явищ і понять. Тенденція до творення демінутивів з негативною оцінкою є не зовсім типовою для української мови. У публіцистичних текстах вона є виявом авторського ставлення до певних історичних осіб чи сучасних постатей, явищ суспільно-політичного життя.

1) У першій групі назв осіб негативну оцінку забезпечує оказіональність новотворів унаслідок незвичного поєднання основ і демінутивних суфіксів: *вожденя, вождя* (той, хто не доріс до вождя), *олігархеня, олігаршеня*. У багатьох випадках знижені конотації накладає семантика твірної основи: *бандюченя* (малий бандюк), *вампірята* (діти вампіра), *есесеня* (дитина-есесівець). Визначальними для створення негативного прагматичного ореолу демінутивів є комунікативні наміри автора, які реалізуються і виявляються в контексті.

Окрему підгрупу становлять утворення на позначення послідовників або прибічників певних політиків. Такі новотвори мотивовані власними назвами, переважно прізвищами, і не мають семи зменшеності (на відміну від *кобзарята*, де наявна сема дитячості, недорослості – *прийняття дітей у кобзарята* плюс позитивна семантика основи Кобзар), мають зневажливий відтінок: *морозята* (послідовники соціаліста О. Мороза, пор. із нейтральним *морозівці*), *гепатята* (підопічні мера Харкова Г. Кернеса на прізвисько Гепа), *тулуб'ята* (прибічники экс-губернатора Черкащини С. Тулуба). Негативну оцінку дорослих осіб зумовлено критичним авторським ставленням до їхніх поглядів і вчинків.

Інша підгрупа демінутивних назв осіб у публіцистичних текстах є виявом критичного ставлення як до періоду комуністичної влади в Україні, так і до сучасних політиків і представників великого капіталу в державному управлінні (*вождик, гебістик, комуністик, комісарчик, комсомольчик, мажорик, мажорчик*). Негативна характеристика позначуваних демінутивами осіб складається з семантичного компонента твірної основи, в яку автор вкладає особисте негативне ставлення, підкреслене демінутивним суфіксом, який додає іронічно-зневажливі конотації, відсутністю семи розміру в значенні та контекстом: «*Вождь народів*» називав людей «*гвинтиками*», а новітні *вождики* вважають нас узагалі за ніщо (КФІ);

постмодерний більшовик-комісарчик (СНУ); *хлопчики-комсомольчики, щоправда, трохи пузаті й лисуваті* (СНУ). Сема недорослості відсутня, функціонує лише сема зневажливості: *поселив на наших землях своїх комуністиків, що жили за рахунок селян* (СНУ). У художніх текстах такі утворення (*аборигенчик* (Є. Дудар), *маргінальчик*) трапляються зрідка: *діточки-маргінальчики* (Буквоїд, СНУ).

На вираження негативної оцінки осіб у текстах ЗМІ працюють суфікси *-чук, -к(о)*: *лідерчук, майданчук, мовознайко*, які виражають недостатню кількість позитивної якості, наявної в особи-мотиватора (пор. нейтральні *лідер, майданівець, мовознавець*), пор.: *виникали «кишенькові» партії навколо вчорашніх лідерів і лідерчуків* (СНУ); *Цей, з дозволу сказати, мовознайко-конфліктолог початку ХХІ століття ще й глумиться* (СНУ).

2) Друга група назв абстрактних явищ та понять з іронічно-зневажливими конотаціями теж функціонує майже винятково в текстах ЗМІ. Демінутиви є засобом висловлення критично-оцінного ставлення до реалій сучасного суспільно політичного життя: *епошка, парламентик, республічка, сайтик, терактик, фірмочка, цінушка, цвинтарик: Треба переречекати добу засліплення, тьмаво-надуту й безплідну епошку чокнутих постлюдей і недоідей* (СНУ); *Влада всяко заохочує створення таких собі спеціалізованих парламентиків* (КФІ); *Слова «життя», «життєвий» доліплюють до політичних брендів. Навіть до тих, від яких конкретно так тхне цвинтариком* (КФІ).

Окрему підгрупу становлять демінутиви-новотвори, які позначають критичне ставлення до явищ культурно-літературних: *архетипчик, бойовичок, детективчик, екземплярчик, контркультурка, мелодрамочка, романець, романчик субкультурка, фільмець: Прийнято вважати, що масова література (звичні нам детективчики, любовні романчики, бойовички та слізливі мелодрамочки) є популярною саме тому, що культивує те, чого простолюд не має в реальному житті* (СНУ); *А чоловіки знай підживлюють цю тиху субкультурку духмяною піною, так спокійніше* (СНУ); *значно простіше брати готовий фільмець і розтикати його по кінотеатрах* (КФІ).

4 Аналіз семантики і форми демінутивів виявив різні способи позначення демінутивами оцінно-емоційних конотацій.

1) Різні конотації реалізуються в різних за формою вираження демінутивності одиницях (конотативна словотвірна антонімія): *міні-авто і автунька, міні-готель і готелик, мікродержава, мінідержава і державонька, міні-міс і міска, міні-модель і моделька, міні-республіка і республічка;*

україня, українчик і українчук. Пор.: *Громадські активісти Нововолинська вирішили створити у парку культури і відпочинку солдатську міні-республіку на один день* (сайт ВолиньPost, 2.04.2015); *Справді смішно дивитися, як та чи інша республічка в своєму глухому закутку стає навшипиньки, ганьбить Європу і оголошує її відхід зі світової історії* (Хосе Ортега-і-Гасет Бунт мас, сайт УкрЛіб);⁸

2) Однакові конотації реалізуються в різних за формою одиницях (конотативна словотвірна синонімія): *віршеня і віршик, вождея, вождя і вождик, гетьманеня і гетьманчук, комсомольчик і недокомсомолец, мажорик і мажорчик, мініолігарх, недоолігарх і олігарх(ш)еня, наноцар і царьок, романець і романчик, фільмець і фільмик*. Пор.: *...доки останнє втілення імперії разом зі своїм «наноцарем» не буде спроваджене на смітник історії...* (ЛСІ); *Де ще можна себе почувати справжнім царьком?* (Українська правда, 12.05.2010).

3) Різні (позитивні та негативні) конотації представлені в одній одиниці (конотативна енантіосемія): *державонька, українчик*. Пор.: *Але через те що була та державонька бідною...* (Українська правда, 5.08.2011); *...в нашій бандючній державоньці нічого не робиться просто...* (О. Забужко, АРСУН).

5 Прагматичний потенціал демінутивів може мати позитивне й негативне забарвлення за умови використання тих самих демінутивних суфіксів. Знак прагматичного заряду може бути стійким і нестійким. До стійких характеристик позитивного прагматичного заряду належать: наявність семи розміру; до нестійких характеристик прагматичного заряду належать: відсутність семи розміру, семантика основи. Основним чинником нестійкості (зміни) прагматичного заряду є мета автора, виражена через контекстні маркери: епітети, графічні виділення тощо. Позитивні контекстні маркери або відсутність будь-яких емоційно заряджених маркерів забезпечує позитивний прагматичний заряд, а наявність негативних маркерів створює негативний прагматичний заряд. Фактор стильової належності тексту є стійким, якщо за функціональним стилем закріплено відсутність прагматичного потенціалу (науковий, офіційно-діловий); але якщо функціональний стиль допускає наявність прагматичного заряду, можна говорити про систему переваг у використанні пестливо-зменшувальних (фольклор, дитяча література, поезія) або іронічно-зневажливих демінутивів (гумор і сатира) у межах різних жанрів художнього стилю або у переважанні негативного прагматичного заряду в окремих лексико-семантичних групах (назви осіб, абстрактні явища і стани) публіцистичного, розмовного стилів.

ЛІТЕРАТУРА

- Ніна КЛИМЕНКО 2007: Зменшувальні утворення. *Енциклопедія української мови*. Київ: Видавництво «Українська енциклопедія» імені М. П. Бажана. 214.
- Е. С. КУБРЯКОВА, 1988: Роль словообразования в формировании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. Ред. Б. А. Серебрянников. Москва: Наука. 141–173.
- М. В. КРАВЧЕНКО, 1976: Слововір іменників жіночого роду з демінутивним значенням. *Українське мовознавство*. Київ: ВПЦ Київський університет, 24. 47–54.
- В. А. КУЗЬМЕНКОВА, 2007: Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания. *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва: МАКС Пресс, 34. 38–44.
- Наталия МАКСИМЧУК, 1972: *Количественные градации уменьшения-увеличения в системе имени (на материале современного английского языка)*. Киев.
- Махфуза РАСУЛОВА, 1981: *Способы выражения категории уменьшительности в узбекском и английском языках*. Ташкент.
- Лідія РОДНІНА, 1979: Суфіксальний слововір іменників. *Слововір сучасної української літературної мови*. Київ: Наукова думка. 57–118.
- Наталя РУДА, 2009: *Мовна репрезентація категорії демінутивності: універсальне та ідіоетнічне*. Київ: Київський університет.
- Наталя РУДА, 2012: Категорія демінутивності – гносеологічно-мовна універсалія. *Studia linguistica* 6/1, 207–212. (Київ: ВПЦ Київський університет).
- Ольга ФЕДОРЕНКО, 2006: *Емоційно-оцінний потенціал демінутивів у публіцистиці (на матеріалі української періодики (1995–2004 років))*. Київ: Київський університет.
- С. С. ХИДЕКЕЛЬ, Г. Г. КОШЕЛЬ, 1983: Природа и характер языковых оценок. *Лексические и грамматические компоненты в природе языкового знака*. – Воронеж. 11–16.
- Maria SCHILLER, 2007: *Pragmatik der Diminutiva, Kosenamen un Kosewörter in der modernen russischen Umgangssprache*. München: Herbert Utz Verlag.

СЛОВНИКИ

- Активні ресурси сучасної української номінації: Ідеографічний словник нової лексики*, 2013. Упор. Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк Н. Ф. Клименко, В. І. Критська, Т. К. Пуздирева, Ю. В. Романюк, відп. ред. Є. А. Карпіловська. Київ: ТОВ «КММ».
- Н. Ф. КЛИМЕНКО, Є. А. КАРПІЛОВСЬКА, Л. П. КИСЛЮК, 2008: *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. Індекс нових слів*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.
- Комп'ютерний фонд інновацій відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України*. Київ.

Анатолій НЕЛЮБА, Євген РЕДЬКО, 2015: *Лексико-словотвірні інновації (2014). Словник*. Загальна редакція А. Нелюби. Харків: Харківське історико-філологічне товариство.

Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010), 2010. Кер. проекту і відп. ред. О. М. Тищенко, авт. колектив: В. О. Балог, Н. Є. Лозова, Л. О. Тищенко, О. М. Тищенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.

Анатолій НЕЛЮБА, 2012: *Словотворчість незалежної України 1991–2011: Словник*. Харків: Харківське історико-філологічне товариство.

Ніна КЛИМЕНКО, Євгенія КАРПЛОВСЬКА, Віктор КАРПЛОВСЬКИЙ, Тетяна НЕДОЗИМ, 1998: *Словник афіксальних морфем української мови*. Київ: ВАТ Укр-НДІПСК.

SUMMARY

Pragmatic Potential of the Diminutives in Media and Art Texts

Pragmatic potential of the diminutives can be neutral (objective deminutivity) and expressed via positive or negative connotations. New formatted words with neutral pragmatic potential denote: i) weak expression of feature, action or state in the domain of abstract concepts; ii) objective deminutivity of concrete objects in a view of their height, length, thickness, depth, scale, volume. They are weather analytic units (adjective and noun phrases) and synthetic units (complex words) or suffixed nouns (names of children). Pragmatic potential with positive and negative charge is formed by the same suffixes, mainly noun suffixes. The scale of its power and direction depend on communicative purpose of the author, style and genre of the text and the base semantics. Diminutive and hypocoristic meanings of the diminutives of new formatted words are realized in poetry and childhood reading. The suffixed diminutives of new word with negative mark are untypical for Ukrainian. They are applicable in media texts, which is considered to be the particularity of style and genre in journalism. These nouns constitute two semantic groups: names of persons and abstract concepts depending on author's attitude to certain historical persons or contemporaries, to phenomena in political and social life. The analysis of semantics and form of the diminutives revealed various ways of their application to mark evaluative and emotional connotations: connotative word formative homonymy, connotative word formative homonymy and connotative enantiosemya.

KRYSTYNA KLESZCZOWA

Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice, Polska

Neutralizacja deminutywności w polskich derywatach

W artykule autorka bada słowotwórcze możliwości deminutywów, pokazuje sygnały wygasania deminutywności we współczesnym języku, pokazuje też, jak oceniać wyrazy formalnie deminutywne odnotowane w przeszłości. W drugiej części tekstu rozpatrywane będą przyczyny wygasania deminutywności.

In the paper the author researches the word-formative capabilities of diminutives, shows the signals of the dying out of diminutiveness in modern language and shows how to evaluate formally diminutive words noted in the past. In the second part of the text the causes of the dying out of diminutives are considered.

Słowa klucze: diachronia, deminutywność, gniazda słowotwórcze, neutralizacja kategorii, zmiany znaczeń, dynamika współczesnego języka

Key words: diachronic linguistics, diminutiveness, word formative nests, neutralization of word-formative category, semantic change, dynamics of modern language

Gdy podejmujemy jakiś problem z zakresu słowotwórstwa, zazwyczaj skupiamy uwagę na nowo tworzących się jednostkach, a dodać warto, że analizy ograniczamy do kategorii słowotwórczej, a nawet – do typu słowotwórczego. Tymczasem system słowotwórczy ulega nieustannym przemianom, zmiany te polegają nie tylko na bogaceniu języka innowacjami, ale też na kurczeniu się typów i kategorii słowotwórczych, co więcej – zmieniają się relacje między funkcjonującymi już klasami derywatów. Siły burzące „ład” słowotwórczy płyną z rzeczywistości ekstralingwistycznej, to oczywiste, wszak słowotwórstwo to jedna z technik zasilania słownictwa, jednostek silnie związanych z życiem nosicieli języka. Ale nie jest to jedyny powód przemian w systemie słowotwórczym, bowiem już w nim samym zakodowane są siły stymulujące przemiany. Naciski powodujące przekształcanie się systemu słowotwórczego płyną również z innych poziomów języka. Wiadomo, że trudno postawić ostrą granicę między słowotwórstwem a fleksją (por. stopniowanie, nazwy czynności), że kategorie słowotwórcze mają ścisły związek ze składnią (por. transpozycje), że postać fonetyczna może wpłynąć na kształt formantów, por. *-stwo*,

-ctwo, -two ← *-bstvo. Ale najważniejszym czynnikiem powodującym przekształcanie się systemu słowotwórczego jest poziom leksykalny – słowoformy to klasa funkcjonująca wspólnie z jednostkami powstałymi innymi technikami nominacji, razem z pożyczkami, także z leksemami niemotywowanymi.

Już od wielu lat zajmuję się słowotwórstwem historycznym. Interesują mnie procesy, jakie przebiegają w obrębie poziomu słowotwórczego. Postawienie granicy między formacjami deminutywnymi a neutralnymi pod względem wielkości jest stosunkowo łatwe we współczesnym języku. Gorzej, gdy sięgamy do materiału historycznego, w ocenie którego nie tylko że brakuje nam kompetencji językowej, ale z dużym prawdopodobieństwem nakładać będziemy własną intuicję językową, stąd tytuł artykułu moich młodszych koleżanek – *Niebezpieczna kompetencja* (Janowska, Pastuchowa 1995). Ostrożnie należy podchodzić do definicji w słownikach historycznych i z góry założyć, że skala deminutywnych formantów była mniejsza, bo o ile kontekst dopuszczał, intuicja leksykografa podpowiadała określnik „mały” w definicji słownikowej.

Warto zatem spojrzeć na procesy językowe dziejące się w obrębie formacji deminutywnych, dziejące się także dzisiaj, ale procesy te łatwiej dostrzec i opisać z większej perspektywy czasowej, w oglądzie historycznym.

1 Deminutywność to kategoria słowotwórcza, której istotą jest modyfikacja cechy obiektu bądź intensywności pojęcia wpisanego w rzeczownik. I podobnie jak fleksyjna kategoria stopnia, deminutywność mieści się na skali: wyraz wskazujący na obiekt neutralny pod względem wielkości – wyraz mniejszy w stosunku do poprzedniego. Chodzi zatem o akt porównania, a nie o samo wskazanie małego rozmiaru. Można wymienić wiele obiektów małych, których nazwy deminutywami nie są i nigdy nie były, np. *igła, mucha, jagoda, groch, robak*. Dopiero *igielka, muszka, jagódka, groszek, robaczek* są zdrobnieniami, bo funkcjonują obok swoich neutralnych baz. W takim ujęciu tytułowa „neutralizacja deminutywności” prowadzi do szeroko rozumianej NORMY, bardzo często do klasy wyrazów niemotywowanych. Warto zatem zapytać: Jakie procesy decydują o przesuwaniu słowoformy z klasy wyrazów nacechowanych małością do klasy neutralnej pod tym względem? Odślanianie tych procesów da historykom języka narzędzia umożliwiające ocenę wartości formantów – sygnalizowały deminutywność czy może były puste pod tym względem? I w tym sensie krzyżują się oba oglądy zjawisk językowych – synchroniczny i diachroniczny. Wiadomo, że język to twór dynamiczny, że absolutna stagnacja żywego języka jest niemożliwa. To, co dzieje się dzisiaj w języku, nie zawsze jest dostrzegane, to z jednej strony, a czasami postrzegamy innowację, ale trudno ocenić jej wartość, bo może to być nieistotna „nowinka”, czasami jednodniowa.

2 Kłopoty w ocenie wartości deminutywnej słowoformy wynikają przede wszystkim z wielofunkcyjności formantów, które tę wartość kreują. Oczywiście nie wszystkie funkcje *-ka*, *-ek* czy *-ko* są istotne dla naszych rozważań. Bo np. *-ka* tworzy nazwy żeńskie od męskich, ale już samo przekroczenie wartości rodzaju gramatycznego jest wystarczającym sygnałem, że to nie zdrobnienie. Deminutywa zgodne są z rodzajem podstawy słowotwórczej. Jeśli zatem mamy w *Słowniku staropolskim* (SStp) derywat *kijanka*, to, wbrew sądom autora hasła, nie jest to deminutywum od *kijan* ‘narzędzie do uderzania’. Odnotowane były też *kijania/kijań*, wprowadzicie w znaczeniu ‘klin do rozszczepiania drzewa’, ale przecież teksty staropolskie nie rejestrują wszystkich znaczeń. I jeżeli *kijanka* w ogóle była deminutywum, to od *kijań*, a nie od *kijan*.

Nie krzyżują się też z deminutywami uniwerbizacje, por. *surówka* od *surowe warzywa*, *glinianka* od *chata gliniana*, *gotówka* od *gotowe pieniądze*, *lojalka* od *deklaracja lojalności*. Formalną podstawą tych formacji są człony adiektywne, a wiadomo, że deminutywa tworzą się na bazie rzeczowników.

2.1 Większe kłopoty sprawiają formacje zwane tautologicznymi, w których *-k-* jest puste semantycznie. Tu warto przywołać artykuł Bogusława Krei *O tzw. derywacji wstecznej odrzeczownikowej we współczesnym języku polskim* (Kreja 1970). Pokazuje autor, że podstawowy dla deminutywów formant *-k-* niejednokrotnie już w chwili aktu nominacji był pusty semantycznie. Mamy zatem w polszczyźnie leksemy zapożyczone z końcowym *~ka*, *-ek*, np. *belka* (z nm. *Balke*), *spelunka* (z łac. *spelunca*), *firanka* (z śrgnm. *vür-hane*), *ganek* (z nm. *Gang*)¹. Miał też czasami morfem *~ka* charakter adaptacyjny, por. *kamizelka* z fr. *camisole*, *kozетка* z fr. *causette*, *mycka* z nm. *Mütze*.

2.2 Zwodnicze są nieraz te funkcje formantu *-k-*, które dają się interpretować w kategoriach wielkości, tworzące odrębne, regularne typy słowotwórcze, układające się w klasy semantyczne, choć nie są to kategorie słowotwórcze, a semantyczne. Mówić tu można o POZORNEJ DEMINUTYWNOŚCI. I zdarza się nieraz, że lingwiści dopatrują się deminutywności, podczas gdy chodzi o:

- przedmioty podobne w kształcie lub funkcji do podstawy słowotwórczej, por. *młynek* (*do kawy*), *rączka* (*walizki*), *torebka* (*damska*), *siatka* (*na zakupy*), *chusteczka* (*do nosa*);
- nazwy syngulatywne, np. *słomka*, *trawka*;
- nazwy owoców, np. *gruszka*, *śliwka* (Grzegorzczkova, Puzynina 1979: 116–117).

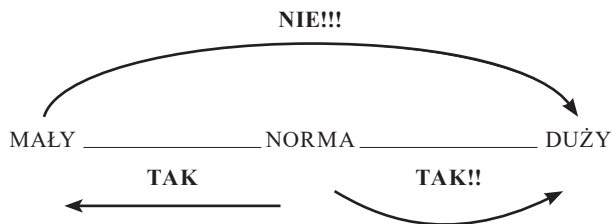
¹ Tu i w punktach 2, 3 i 4 przytaczam przykłady za B. Kreją.

2.3 Warto też wziąć pod uwagę procesy deklinacyjne, jakie przebiegały w językach po rozpadzie pięciu deklinacji prasłowiańskich, dyktowanych pierwotnie przyrostkami tematycznymi. Morfem **-k-** był wygodnym środkiem kształtowania nowego porządku deklinacyjnego, opartego na rodzaju gramatycznym, choćby ze względu na zdolność „obsługiwania” trzech rodzajów gramatycznych: męskiego: **-ek**, żeńskiego: **-ka**, nijakiego: **-ko**. O krzyżowaniu się faktów słowotwórczych i fleksyjnych u progu polszczyzny świadczą liczne warianty tematów, twardego oraz miękkiego, przejawiało się to również w klasie deminutywów, por. *jajce* : *jajko*; *kolce* : *kółko*, *drzewce* : *drzewko*; *żelazce* : *żelazko* (Kleszczowa 1996a).

2.4 Jednak największym kłopotem w interpretacji deminutywów jest związananie ich z funkcją ekspresywną, zwykle chodzi o hipokorystyka, ale nie zawsze. Dodanie **-ek** do rzeczowników będących nazwami jakichś ważnych funkcji daje w efekcie odcień lekseważenia, a nawet pogardy, por. *dyrektorek*, *profesorek*, *rektorek*. Z tego powodu ograniczam materiał badawczy. Przede wszystkim na boku stawiam imiona osobowe. Bo co prawda tworzenie zdrobnień w pewnym stopniu jest naznaczone dziecięcością, zatem małością, trudno by do dziecka mówić *Barbaro*, *Heleno*, ale zdrobnienia odnoszące się do osób starszych mają wartość li tylko hipokorystyczną (*Basiu*, *Helenko*). Generalnie w języku wyróżnione są nacechowaniem ekspresywnym istoty żywe, też zwierzęta, zatem aby oczyścić pole, w niniejszym tekście DEMINUTYWNOŚĆ OGRANICZAM DO NAZW OBIEKTÓW NIEOSOBOWYCH I NIEŻYWOTNYCH. I jeszcze jedno ograniczenie. Są takie obiekty, których rozmiar jest stały, por. *słońce*, *miesiąc* (‘księżyc’), *ocean* – jeśli pojawią się przy nich sufiksy zdrabniające – *słoneczko*, *miesiączek*, *oceanik*, dają zawsze wartość hipokorystyczną.

3 W tej części artykułu skupimy uwagę na słowotwórczych właściwościach pary: deminutywum ↔ wyraz neutralny. Mówić będziemy o ich zdolnościach słowotwórczych, zatem o FUNKCJI W GNIAZDACH SŁOWOTWÓRCZYCH. Z moich obserwacji wynika, że zdolności derywacyjne deminutywów są bardzo ograniczone. Mogą być one podstawą tylko deminutywów drugiego i teoretycznie trzeciego stopnia. Z polskich przykładów deminutywów drugiego stopnia wymienić można: *włosek* → *włoseczek*, *kotek* → *koteczek*, *obrazek* → *obrazeczek*, *nóżka* → *nóżeczka*, *okienko* → *okieneczko*, *mydelko* → *mydeleczek*. Jak chodzi o trzeci stopień deminutywności, łatwiej znaleźć przykłady w języku czeskim, por. *tabułka* (← *tabule*) → *tabulička* → *tabulčička*, *hůlčinka*, *chvilčinka* (Doležel 1967: 513). Jeżeli zatem na bazie formacji o zakończeniu *~ka*, *~ek*, *~ko* pojawi się jakiś inny derywat niż deminutywum drugiego lub trzeciego stopnia, jest to sygnał, że bazowy rzeczownik nie był już formacją deminutywną – albo nigdy nią nie był, albo deminutywność wygasła.

3.1 W pierwszym rzędzie na uwagę zasługują augmentatywa z ucięciem *-k-*. Pisałam wcześniej, że deminutywność to wartość rzucona na skalę NORMA _____ MAŁOŚĆ. Skalę tę można rozszerzyć, bo po drugiej stronie stoi wartość WIELKI. Rzecz w tym, że jak deminutywa powstają na bazie rzeczowników neutralnych pod względem wielkości, tak samo u podstaw augmentatywów stoją neutralne człony. Jeśli zatem pojawi się augmentatywum od formacji z *-k-*, to wyraz podstawowy na pewno nie był deminutywum, co najwyżej – deminutywum genetycznym, już po wygaśnięciu tej funkcji. Ucięcia dające efekt augmentativum dotyczą derywatów, w których formant ma tylko funkcję strukturalną. Powyższe ilustruje wykres:

Z wykresu wynika, że jeśli tworzy się augmentativum od rzeczownika z morfem *-k-*, to rzeczownik ten nie miał już wartości deminutywnej. Oto przykłady: *szpilka* → *szpila*, *dzbanek* → *dzban*, *miska* → *misa*, *bransoletka* → *bransoleta*, *worek* → *wór* (Kaproń-Charzyńska 2005: 108–114).

3.2 Powyższe wydaje się dość oczywiste. Skoro akt przydawania cechy wynika z procedury porównywania, deminutywność i augmentatywność sytuujemy na skali, zatem obie kategorie słowotwórcze trzeba odnieść do stanu neutralnego pod względem wielkości (Kleszczowa 2009). Ale nie tylko augmentatywów nie powinno się wywodzić z deminutywów. Okazuje się bowiem, że i innych kategorii słowotwórczych nie budujemy na bazie formacji deminutywowych. Jeśli zatem mamy ciąg: *wózek*, *wózkarz*, *wózkarnia*, *wózkownia*, *wózkowy*, to baza *wózek* nie była deminutywum od *wóz*, a wcześniej zneutralizowanym deminutywem, dopiero wtedy uzyskała zdolność bycia podstawą dla innych formacji. Podobnie rzecz ma się w ciągach:

smyczek, *smyczki*, *smyczkowy*

sznurek sznurkowy

beczka beczkowany beczkowato beczkowy beczkówóz

paczka paczkarka paczkarnia paczkować

kółko kółkować kółkowiec kółkowy

ciastko ciastkarnia ciastkarstwo ciastkarz

Nie znaczy to, że genetyczne podstawy leksemów *smyczek*, *sznurek* itd. w swoim czasie nie tworzyły własnych gniazd. Problem w tym, że podane wyżej ciągi budowane były *obok* tych, które powstawały na leksemach neutralnych pod kątem deminutywności, zazwyczaj wcześniej. A obok nich mogły być szeregi:

ciasto – *ciastowaty*

koło – *kołodziej* – *kołowrót*

sznur – *sznurować* – *sznurowadło*

Tak więc z punktu widzenia historii zasadne byłoby budowanie dwóch gniazd słowotwórczych. Derywaty od zneutralizowanych deminutywów winny stanowić osobne gniazda, oderwane od deminutywów.

3.3 Powyższe spostrzeżenia są istotne w ocenie formacji naznaczonych formantem deminutywnym w polszczyźnie historycznej. Stanowiło to spory problem w pracach nad słowotwórstwem doby staropolskiej (Kleszczowa 1996, Pastuchowa 1994). Jak wspominałam wcześniej, zwodnicze były definicje słownikowe, rzadko też odnaleźć można było wskazówki w tekstach. Ale, jak pokazałam wcześniej, o procesie neutralizowania się derywatu deminutywnego możemy wnioskować na podstawie derywatów, których podstawą jest formacja z deminutywnym formantem, *-k-* bądź z *-c-*. Bo jeżeli była w paśmie derywatów innych niż deminutywa drugiego stopnia, znaczy to, że mamy do czynienia ze zneutralizowanym deminutywum. I tak brak w staropolszczyźnie derywatów od *kijec*, nie było takich również w *Słowniku polszczyzny XVI wieku* (tylko *kijek*, *kijaszek*). Nie były podstawą innych derywatów słowoformy *drzewiec* i *drzewko*, można zatem przyjąć, że to staropolskie deminutywa. Nie miały też derywatów formacje: *wieżyca*, *kaletka* ‘woreczek na pieniądze’ od *kaleta* (od tego był: *kaletnik*), *chyż/chyżka* ‘domek’, ‘latrina’ od *chyż*, *chyża*; *kleszczki* ‘małe szczypcy, obcęgi’ od *kleszcze* (były *kleszczny*, *kleszczowy*, ale to od *kleszcze*). Brak w staropolszczyźnie derywatów od *kwiatek*, ale już w SXVI mamy odnotowane: *kwiateczny*, *kwiatkowy*, *kwiatecznica* ‘co kwiaty robi’, *kwiatkorodny*; daje to podstawy do przypuszczeń, że leksem *kwiatek* był już wtedy neutralny pod względem wielkości. Derywat *stolica* ‘sprzęt do siedzenia’ (od *stół*) nie miał w derywatów w staropolszczyźnie, ale mamy w *Słowniku języka polskiego* B. S. Lindego: *stołeczny*, *stoliczny*, zatem wyraz *stolica* był neutralny pod względem wielkości. Ale już w staropolszczyźnie leksemy *jajko* i *jajce* były derywatami zneutralizowanymi, bo w SStp odnotowane zostały: *jajecznicza*, *jajecznik*, *jajeczny*.

4 W dotychczasowych rozważaniach staraliśmy się wykazać specyfikę deminutywów w systemie słowotwórczym, co może, z jednej strony, pomóc w oce-

nie wartości słowoformy w przeszłości, ale też – ujawnić procesy przebiegające we współczesnym języku. Można przytoczyć wiele gniazd słowotwórczych od leksemów definiowanych w słownikach jako deminutywa, ale mających nieraz całkiem spore gniazda słowotwórcze, co jest dobitnym dowodem na to, że małość jest ich cechą semantyczną, ale już nie słowotwórczą, por.

łyżeczka (med.) – *łyżeczkować*, *wyłyżeczkować*

pasek – *paskarz*, *paskarka*, *paskarstwo*, *paskarski*, *paskować*

plomyk – *podplomyk*, *plomykowaty*, *plomykowy*

dzwonek – *dzwoneczkowy*, *dzwonecznik bot.*, *dzwonkowy*

tabliczka – *tabliczkowaty pot.* „mający kształt tabliczki – płyty”; ○ *Tabliczkowaty wygląd kryształu*; *tabliczkowy* „odnoszący się do tabliczki lub wykonywany w postaci tabliczki – płyty” ○ *Czekolada tabliczkowa*.

kółko – *kółkowy*, *kółkowaty*,

krzeselko – *krzeselkowy* ○ *wyciąg krzeselkowy*

blaszka – *blaszkowaty*

Na drodze do neutralizacji są nawet deminutywa drugiego stopnia, por.:

młoteczkowy przym. od *młoteczek*: ○ *Przerywacz młoteczkowy obwodu elektrycznego*;
○ *Mechanizm młoteczkowy fortepianu*.

sznureczkowy przym. od *sznureczek*: ○ *Sznureczkowe maskotki*;
○ *Haft sznureczkowy*.

cząsteczkowy przym. od *cząsteczka*: Δ *fiz. Fizyka cząsteczkowa*;

książeczkowy „złożony jak książeczka, przypominający kształtem książeczkę”:
○ *Notes książeczkowy*².

Otwarte jednak pozostaje pytanie: Jakie zjawiska prowadzą do neutralizacji deminutywności? O tym będzie mowa w następnym fragmencie artykułu.

4.1 Na pierwszym miejscu należy postawić wygasanie pierwotnych formantów deminutywnych. Tu wspomnieć trzeba o *-ec*. W tekstach staropolskich odnotowano aż 40 formacji na *-ec*, którym można przypisać wartość deminutywną, por. *kijec* ‘buława z krótką rękojeścią’ od *kij* ‘kij (nieraz okuty), laska, pałka, maczuga’, *koźlec zool.* ‘koziół’ od (*koziół*), *kozieł*; *kruszec* ‘bryła soli kamiennej’ od *krusz*; *sadziec* ‘drewniana skrzynia z otworami, zanurzona w wodzie, służąca do przechowywania żywych ryb’ od *sadz*; *skopiec* ‘naczynie, też miara określonej objętości’ od *skop*; *stolec* ‘krzesło władcy, tron’, ‘krzesło sędziego lub członka sądu, także sam sąd, instancja sądowa’ od *stół* ‘tron królewski’, ‘trybunał sądowy’ (Kleszczowa 1996: 41–49). Formant *-ec*

---

² Przykłady przytaczam za *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz.

i dziś tworzy derywaty odrzeczownikowe, ale, jak piszą autorki *Słownikowa współczesnego języka polskiego*, „cechą charakterystyczną tej grupy derywatów składającej się z ok. 50 derywatów, głównie mutacyjnych, ale także i współrzędnych, jest wielkie rozproszenie semantyczno-syntaktyczne.” (Grzegorzczkowska, Puzynina 1979: 63); wśród tych rozproszonych klas nie znajdziemy klasy deminutywów.

Innym formantem, który uległ zanikowi, jest *-ica*, np. *głowica* ‘główka’ od *głowa*; *łodzica* ‘mała łódź, łódka’ od *łódzia, łódź*; *stolica* ‘sprzęt do siedzenia’ od *stół*; *wieżyca* ‘mała wieża, wieżyczka’ od *wieża* (Kleszczowa 1996: 51).

Po podanych wyżej formacjach z pierwotnie deminutywnymi formantami pozostały nam takie leksemy, jak: *palec, stolec, stolica, głowica, Grodziec, Kamieniec* (nazwy miejscowości), *kobierzec*, nie są to już jednak zdrobnienia, a niektóre z podanych w ogóle zatraciły motywację.

4.2 Istotnym czynnikiem prowadzącym do neutralizacji deminutywności są zjawiska semantyczne, dotyczące jeden z członów pary. W grę wchodzi tu zazwyczaj procesy specjalizacji członu deminutywnego. Oto kilka przykładów.

W polszczyźnie funkcjonują dwa leksemy historycznie związane relacją deminutywną, ale dziś już nie. Otóż z języka włoskiego został zapożyczony wyraz *kareta* – z *carretta*, od *carre* ‘wóz’, a to z łac. *carrus*. I obok *kareta* pojawia się zdrobnienie *karetką*. Bo *kareta* to był ‘powóz z pudłem oszklonym, zwykle na cztery osoby’, zaś *karetką* to ‘mała kareta na dwie a. jedną osobę’, autorzy *Słownika warszawskiego* podają wyrażenie *karetką doktorską* (= którą zwykle jeżdżą lekarze na wizyty). Dziś *kareta* to historyzm, *karetką* zaś znaczy ‘ambulans’ i przeciętny Polak nie wiąże jej z leksemem *kareta*.

Już w najstarszej polszczyźnie notowana jest para *olej – olejek*. Chodzi tu o pożyczkę z łac. *oleum* (leksem ogólnoeuropejski, w polszczyźnie bezpośrednio ze st.-g.-nm. *olei* – SEBań), obok tego bardzo wcześnie pojawia się zdrobnienie *olejek*. Ale też bardzo wcześnie dochodzi do neutralizacji deminutywności, bo wyraz *olejek* wszedł w pole leksyki leczniczo-kosmetycznej. I powstały dwa odrębne gniazda słowotwórcze:

olej – *olejarz, olejarnia, olejować się, olejnica, olejnicowy, olejniczany, olejniczka, olejniczy, olejnik, olejny, olejować, olejowanie, olejowaty, olejownie, olejowny, olejownik* (SXVI, SL);

olejek – *olejkarz, olejkować, olejkowanie, olejkowany, olejkowny, olejkowy, olejkorstwo, olejkownik* ‘handlarz’.

4.3 Opisujące wyżej zjawiska specjalizacji znaczeń można by związać kategorią nacechowania i nienacechowania członów pary. Wiadomo, że człon

nacechowany, w naszym wypadku nacechowany małością, frekwencyjnie jest słabiej obciążony, co więcej, człon nienacechowany jest w stanie funkcjonować w miejscu nacechowanego, por. fonemy [t] i [d]: *kod* [kot], liczbę pojedynczą i mnogą (np. *Bez w tym roku jest wyjątkowo piękny*). Podobnie jest w parze: *ołówek – ołówcezek*. Możemy powiedzieć: *podaj mi ten mały ołówek/ ołówcezek*, ale już nie: **Ten wielki ołówcezek nie mieści Ci się w piórniku*, chyba że w grę wchodzi nacechowanie ekspresywne. FREKWENCYJNIE człón nacechowany jest słabszy, niż nienacechowany. Jednak z chwilą, gdy derywat deminutywny zwiększa frekwencję, oczywiście decyduje o tym rzeczywistość pozajęzykowa, relacje „odwracają się”. Człón deminutywny przejmuje funkcję elementu nienacechowanego, pierwotny nienacechowany – nacechowanego, ale już wielkością.

W staropolszczyźnie (*dzwonek*) *zwonek* ma wprawdzie więcej poświadczeń niż (*dzwon*) *zwon*, ale wynika to z faktu, że pl. tantum *dzwonki* znaczyło ‘instrument muzyczny’ (podobnie *dzwoneczki*) (SStp). W SXVI wieku *dzwon* ma jeszcze przewagę ilościową nad *dzwonek* (121 poświadczeń do 107), ale dodać warto, że już wtedy tworzyły się derywaty i od *dzwon* (*dzwonica, dzwonowy*), i od *dzwonek* (*dzwonkowy*), był to zatem okres przejściowy, już wtedy derywat *dzwonek* odrywał się od swojej bazy słowotwórczej. Dziś leksem *dzwonek* frekwencyjnie jest o wiele silniejszy niż nacechowany wielkością *dzwon*.

Innym przykładem może być zapożyczony z łaciny wyraz *komora* (← *camara/ camera*). W polszczyźnie XVI wieku *komora* ma aż 322 poświadczenia, a *komórka* tylko 81 (SXVI). Dziś proporcje są odwrócone, zwłaszcza że *komórką* nazywamy też telefon bezprzewodowy.

5 ZAKOŃCZENIE

Jestem świadoma, że pokazane tu procesy są uproszczone choćby z tego względu, że dla ich jasnego przebiegu ograniczyłam materiał badawczy, mam tu na myśli przede wszystkim krzyżowanie się funkcji deminutywnej z hipokorystyczną. Dodatkowym uproszczeniem jest rozdzielanie sygnałów i przyczyn neutralizacji pierwotnych deminutywów, bo te procesy działają łącznie. Mam jednak nadzieję, że poruszane w referacie problemy, zwłaszcza zaś proponowane sposoby przełamania kłopotów w ocenie wartości derywatu okażą się przydatne w analizach słowotwórczych innych języków, nie tylko polskiego. Doświadczenie derywatologa uczy mnie, że język nie oferuje nam swoich właściwości wprost, że do jego istoty trzeba docierać krętymi drogami.

LITERATURA

Luboš DOLEŽEL, 1967: Jména zdrobnělá (kvantitativní rozbor). *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Red. Miloš Dokulil, František Daneš, Jaroslav Kuchař et al. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. 494–531.

Renata GRZEGORCZYKOWA, Jagwiga PUZYNNINA, 1979: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego*. Warszawa.

Aleksandra JANOWSKA, Magdalena PASTUCHOWA, 1995: Niebezpieczna kompetencja. *Poradnik Językowy* 8, 11–20.

Iwona KAPROŃ-CHARZYŃSKA, 2005: *Derywacja ujemna we współczesnym języku polskim. Rzeczowniki i przymiotniki*. Toruń.

Krystyna KLESZCZOWA (red.), 1996: *Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych*. Katowice.

Krystyna KLESZCZOWA, 1996a: Staropolskie pogranicza fleksji i derywacji. *Studia historycznojęzykowe* 2, 23–30.

Krystyna KLESZCZOWA, 2009: Relacja symetrii w polskim słowotwórstwie. *W kręgu języka. Materiały konferencji „Słowotwórstwo – słownictwa – polszczyzna kresowa”, poświęconej pamięci Profesor Zofii Kurzowej*. Kraków 16–17 maja 2008. Red. M. Skarżyski, M. Szpiczakowska. Kraków. 285–292.

Bogusława KREJA, 1970: O tzw. derywacji wstecznej odrzeczownikowej we współczesnym języku polskim. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 9, 61–94.

Magdalena PASTUCHOWA, 1994: O pewnej funkcji sufiksu *-ek* w staropolszczyźnie. *Studia historycznojęzykowe. Prace Językoznawcze* 22, 78–84.

SŁOWNIKI WRAZ ZE SKRÓTAMI

A. BAŃKOWSKI, 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*. T. 1–2, A–P. Warszawa. (SBań).

S. DUBISZ, 2004: *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa.

S. B. LINDE, 1854–1860: *Słownik języka polskiego*. T. 1–6, Lwów (1. Wydanie Warszawa 1807–1814).

Słownik języka polskiego, 1900. Red. A. A. Kryński, J. Karłowicz, W. Niedźwiedzki. T. 1. Warszawa (tzw. *Słownik warszawski*).

Słownik polszczyzny XVI wieku, 1966–2012. Red. M. R. Mayenowa. T. 1–36. Wrocław-Warszawa-Kraków (SXVI).

Słownik staropolski, 1953–2002. Red. S. Urbańczyk, od roku 2002 roku Waclaw Twardzik. T. 1–11. Wrocław-Warszawa-Kraków (SStp).

SUMMARY

Neutralization of Diminutiveness in Polish Derivatives

Diminutiveness is a word-formative category evaluated by comparing the name of the item in a size neutral form (norm) with the name of the smaller item (diminutive). The derivative capabilities of diminutives are restricted to the diminutives of the 2nd and 3rd degree, compare Polish *włosek* (← *włos*) → *włoseczek*, *kotek* (← *kot*) → *koteczek*; Czech: *tabulka* (← *tabule*) → *tabulička* → *tabulčička*. Therefore, when a derivative different than a 2nd or 3rd degree diminutive appears, it is a signal that we are dealing with a derivative whose diminutiveness has faded out and neutralized, compare *wózek* (← *wóz*) → *wózkarz*, *wózkarnia*, *wózkownia*, *wózkowy*.

Among the causes of the neutralization of diminutiveness we can point out the following: 1) fading out of originally diminutive affixes, compare Polish *-ec*, *-ica*; 2) the semantic specialization of the diminutive element, compare *karetka* ('ambulans') ← *kareta*; 3) the increase in frequency of the diminutive element in relation to the neutral form (*dzwonek* ← *dzwon*).

НІНА Ф. КЛИМЕНКО

*Інститут української мови НАН України,
Україна, Київ, nina_klymenko@ukr.net*

Демінутивність в ад'єктивах української, російської та новогрецької мов

У статті йдеться про реалізацію категорії демінутивності в ознакових словах, про її зв'язки з іншими категоріями ад'єктивів, зокрема з центральною для неї лексико-граматичною категорією безвідносної міри якості. У трьох зіставлених мовах показано впорядкування семантичних варіантів цієї категорії різними словотворчими засобами, підкреслено більшу роль префіксації в оформленні недостатньої та надмірної міри якості в новогрецькій порівняно з українською та російською, а також функційне навантаження осново – та словоскладання.

The article deals with realization of the category of deminutivity in qualitative words, its relations with other categories of adjectives, in particular with central for it lexical and grammatical category of irrelative measure of quality. The arrangement of semantic variants of this category by means of different word-building devices is shown in the three contrasted languages. The paper stresses the leading role of prefixation in conveying of deficient and exceeding measures of quality in Modern Greek in comparison with Ukrainian and Russian, as well as functional loading of compounding and juxtaposition.

Ключові слова: демінутивність, аугментативність, лексико-граматична категорія безвідносної міри якості, лексико-словотвірна категорія, суфіксація, префіксація, композиція, юкстапозиція

Key words: deminutivity, augmentativity, lexical and grammatical category of irrelative measure of quality, lexical and word-building category, suffixation, prefixation, compounding, juxtaposition

1 Демінутивність належить до поняттєвих категорій мов, що виявляють тісний зв'язок з іншими її категоріями і мають свої засоби вираження на всіх рівнях мовної системи. Вона існує в багатьох мовах світу й упорядкована в них навколо виділених ще з часів античності понять «всьому лічба, міра і межа». Маючи модифікаційний характер, демінутивність своїми семантичними компонентами співвідноситься з такими загальними категоріями, як якість, кількість, градуальність та іншими, що в

мові реалізуються граматичними (морфологічними та синтаксичними), словотворчими, лексико-словотворчими, лексичними та фразеологічними засобами.

У кожній мові виявляється свій «репертуар» цих засобів, як і набір способів мовного впорядкування смислових компонентів-семантичних варіантів категорії демінутивності. У різних мовах ця категорія має словотворчі засоби вираження реального або усвідомлюваного зменшення розміру предметних імен, кількісної міри виявлення динамічних ознак (у межах дієслів) та статичних ознак (у прикметників, прислівників): укр. *пес – песик*, рос. *пёс – пёсик*, грец. *ο σκύλος – το σκυλάκι*; *жовтий – жовтуватий*, *желтый – желтоватый*, *κίτρινος – κίτρινωπός*. До компонента реального зменшення додається компонент усвідомленого через почуття значення малого вияву міри, його оцінки, пор.: *малий – малюсінький*, *чёрный – чернёхонький*, *λίγο – λιγούλάκι* *мало – малувато*, *мало – маловато*. У словах з емотивно-експресивною семантикою на зразок іменників: укр. *матуся, матусенька, татусь*, рос. *мамочка, мамулька, папочка*, грец. *η μαννούλα, η μαννούλιτσα, η μαννίτσα*, то *μαννάκι* значення малого розміру не марковане. Їх тому і визначають здавна у грецькій граматичній теорії терміном *υλοκοριστικά* (пестливі) на відміну від явища *σικρυντικά* (виявлюване зменшення-демінутивність).

2 Категорія демінутивності з різною продуктивністю реалізується в українській та російській мовах в іменниках: укр. *трава – травиця – травичка – травиченька*, рос. *трава – травка – травушка*, прикметниках: укр. *повненький – повнісінький*, рос. *полный – полнехонький*, прислівниках: укр. *ніскілечки, анітрошечки*, рос. *нисколечко*, вигуках: укр. *агуськи – агусіньки*, рос. *агуси – агусеньки*, займенниках: *такий – отакенький – такісінький – отакісінький*.

2.1 Важливо окреслити поле її функціонування в мовах, її семантичні варіанти, а також зв'язки з іншими мовними категоріями, впорядкування її форми і змісту всередині самої категорії та через взаємодію з іншими поняттєвими категоріями.

У кожній із названих частин мови демінутивність насамперед налаштована на загальне частиномовне значення предметності, ознаковості, загальної іменникової співвідносності, а також ознаки ознак. Прикметники, наприклад, визначають кількісні межі та міру поширення якості. Зупинимося детальніше на розгляді ад'єктивної демінутивності в трьох мовах: українській, російській та новогрецькій. За матеріал дослідження правила лексикографічні джерела – словники різного типу (тлумачні,

перекладні, інверсійні, словотвірні, частотні) та тексти художнього, наукового і публіцистичного стилів (див. літературу у кінці статті).

Відомо, що на морфологічні характеристики та на синтаксичну поведінку прикметників, їхній словотвірний потенціал впливає належність їх до якісних або відносних. Семантична відмінність цих слів виявляється в здатності якісних прикметників мати лексико-граматичну категорію міри якості, тобто утворювати морфологічні форми ступенів порівняння за допомогою суфіксів та префіксів, а також похідні слова, що вказують на більшу або меншу міру вияву якості.

У лексико-граматичної категорії прикметникової міри якості виділяють такі грамеми, як співвідносна міра якості порівняно з мірою такої ж якості в інших предметах: *розумний – розумніший – найрозумніший*. У цьому ряді реалізовано грамеми вищого і найвищого ступенів порівняння. Безвідносна міра якості вказує лише міру якості предмета без зіставлення її з такою ж якістю в інших предметах. У *високий – високуватий, височезний, височенний* реалізовано значення демінутивні та аугментативні. Для позначення різних ступенів безвідносної міри якості Д. Х. Баранник запропонував терміни недостатній-помірний-надмірний (Баранник 1969: 123–132; Грищенко 1979; Грещук 1995; Кучеренко 1961). Вони мають синтетичні та аналітичні засоби вираження: *дуже/трохи приземлений*.

2.2 Окремий вимір становить суб'єктивна оцінка якості (позитивна чи негативна), що часто співіснує зі значеннями збільшеної або зменшеної ознаки і має суфіксальні та префіксальні засоби вираження. У цій ділянці словотворення відчутна належність прикметників до якісних або відносних. Останні не мають форм ступенювання, у східнослов'янських мовах від них не утворюються прислівники на *-о* та *-е* та абстрактні іменники.

3 Демінутивність є складником безвідносної міри якості та суб'єктивної оцінки в ознакових словах, тому важливо зрозуміти її співіснування з іншими семантичними варіантами міри якості, наприклад, її контрастивними (антонімічними) відношеннями з категорією збільшуваності. Необхідне окреслення продуктивності різних способів її творення, а також лексичного наповнення та можливості розширення її складу за рахунок новотворів у різних функціональних стилях, а також їхній прагматичний потенціал у текстах. Це важливо для вивчення мов у зіставному плані.

3.1 У сучасній українській мові відад'єктивні прикметники зі зменшуваним, пестливим та зменшувано-пестливим значенням не тільки пов'язані

між собою, а й продуктивно взаємодіють з семантичною категорією збільшуваності, а також з категорією градуальності, осердя якої утворює поняття міри. Відносно неї вимірюються ознаки, одні з яких малі або недостатні порівняно з мірою, інші – великі, що часом її значно перевищують: *завеликий*. У відносних композитних прикметниках, утворених від іменників, дієслів, інших прикметників, займенників, прислівників, категорія демінутивності своїми семантичними варіантами перетинається також із словотвірними та лексико-словотвірними категоріями, наприклад, кількості (приблизної, малої та великої).

Різні семантичні варіанти категорії демінутивності в ад'єктивах вивчаємо в плані вираження міри ознаки, підкреслення її малого–недостатнього–великого або повного–неповного–надмірного ступеня вияву щодо семантики твірного слова. Важливо виявити налаштованість цих ознак на вираження суб'єктивного ставлення до них, що так само, як і попередні, можуть інтенсифікуватися в напрямку зменшення, тобто наростання зменшеності. Аспект їхньої взаємодії з категорією збільшуваності допомагає глибше усвідомити роль кожного словотвірного способу, особливо осново- та словоскладання, у вираженні демінутивності й аугментативності.

3.2 У сучасній українській, російській та новогрецькій мовах демінутивність в ад'єктивах найпродуктивніше передає суфіксальний спосіб словотворення (морфемі укр. *-ав-/-яв-*, *-аст-/-яст-*, *-уват-/-юват-*: *золотавий, худорлявий, довгастиий, сріблястиий, важкуватиий, синюватиий*; рос. *-оват-*, *-ав-/-ошав-* *высоковатиий, длинноватиий, слащавиий, моложавиий, художавиий*; грец. *-ωπός*: *γκριζωπός*).

3.3 Префіксальний спосіб мало властивий категорії зменшуваності. В українській для її вираження використовується малопродуктивний з цим значенням префікс *при-* *приглуватиий, призеленкуватиий*, в поодиноких випадках *під-* *підстаркуватиий, підсліпуватиий* та префікс *за-*, що рідко співвідносить ознаку малого ступеня вияву з іще меншими: *залегкиий, занизькиий*. У російській мові так само, як і в українській, відсутні спеціальні префікси, які б виражали значення зменшеності. У поодиноких словах його передає префікс *под-* *подслеповатиий, подслепой*. Їх доповнює префікс *недо-*, що підкреслює неповноту реалізації ознаки: *недобудованиий, недостроенниий*. У новогрецькій мові значення неповно виявлюваної ознаки реалізується полісемічним префіксом *υπο-* *υπόξινος* *кислуватиий, υπόθερος* *теплуватиий, який корелює з антонімічним йому за значенням υπερ-*: *υπερλευκος* *дуже білий, υπερθερος* *дуже гарячий*.

В українській найпродуктивнішим у вираженні значення неповного ступеня вияву ознаки є суфікс *-уват-*. Йому властива найбільша питома вага (=активність) у лексиконі мови, а це означає, що він має розгалужену сполучуваність з різноматичними твірними словами (параметричними прикметниками, кольоропозначеннями, зовнішніми ознаками істот та предметів тощо: *високий – високуватий, солодкий – солодкуватий, малий – малуватий*. Семантичний варіант категорії демінутивності «неповнота виявлення ознаки» не є однопорядковим з експресивною оцінкою цієї ознаки. Трапляються лише поодинокі похідні прикметники на зразок *смаглюватенький*.

3.4 Для встановлення схожості та відмінностей у способах реалізації категорії демінутивності прикметниками показові кольоропозначення. Суфікси укр. *-уват-* і рос. *-оват-* регулярно «приглушують» основні кольори спектру, а також ті кольори, які утворено за подібністю кольору до вказаних твірними іменниками предметів: укр. *білуватий, голубуватий, жовтуватий, лілуватий*, рос.: *беловатый, голубоватый, желтоватый, лиловатый*.

Прикметники – кольоропозначення у зіставлюваних мовах відрізняються формотворенням ступенів порівняння. В українській мові ці форми утворюються суфіксальним: *червоний – червоніший – найчервоніший*, а також аналітичним способом *червоний – більш червоний – найбільш червоний*. Російська мова тяжіє переважно до аналітичного способу творення ступенів порівняння прикметників-кольоропозначень: *красный – краснее, более красный – наиболее красный* (Улуханов 1977). У новогрецькій від прикметників-кольоропозначень форми ступенів порівняння суфіксальним способом не утворюються (Κλαίρης/Μπαμπινιώτης 2005: Τριανταφυλλίδης 1978). Натомість у ній зростає роль префіксального способу та основоскладення у вираженні яскравості кольору, його інтенсивності: *κατακόκκινο* зовсім червоний, *ολοκόκκινο* весь червоний, *βαθκόκκινο* насичено червоний.

У зіставлюваних мовах майже відсутні зменшено-пестливі похідні прикметники, утворювані від іменників, відносно яких визначається колір, на зразок укр. *вишневенький, рожевенький*.

Неповний ступінь вияву ознаки виражають також українські суфікси *-ав-/-яв-/-орляв-*, *-аст-/-яст*, рос. *-ав-*, *-яст-*, приєднані до ад'єктивних основ. За матеріалами дослідження і в українській, і в російській мовах таких лексем мало: укр. *жавий, русявий, смаглявий, сухорлявий, трухлявий, чорнявий, сухощавий; білястий, довгастий, зеленастий, золотастий, сивастий, сріблястий*; рос. *серебристый, золотистый*. До

основ прикметників зі значенням повного ступеня вияву ознаки рідко може приєднуватися суфікс *-еньк-*, додаючи їм експресивно-емотивного забарвлення: *білявенький, жвавенький, зозулястенький*.

У російській мові неповноту ознаки виражають продуктивний суфікс *-оват-/-еват*: *зеленоватий, мелковатий* і суфікс *-ав-/-ощав-*: *пухлявий, слащавий*. У новогрецькій мові значення неповновиявленої ознаки виражає багатозначний суфікс *-ωπός*, що найчастіше поєднується з прикметниками-кольоропозначеннями: *γαλαζωπός* голубуватий, *ερυθρωπός* червонуватий, *μελανωπός* темнуватий. У їхніх тлумаченнях трапляються формули «майже (трохи) такий, як основний колір» або вказано їхні синоніми: *κιτρινωπός* – *υποκίτρινος*, *γκριζωπός* – *γκριζούλης*. Отож, вказане значення передають продуктивніші порівняно з *-ωπός* морфем, що надають слову емоційно-оцінного значення *-ούτσικος* та *-ούλης*, або з префіксом *υπό-*. Поєднання ознак неповноти вияву ознаки з пестливим значенням у слові новогрецької мови також не спостерігається. Отже, суфіксосполуки *-ωπός+ούτσικος*, *-ωπός+ούλης* неможливі.

3.5 Префіксація в ад'єктивах виражає безвідносну міру якості і є засобом творення як демінутивних, так і аугментативних прикметників. Одні з них засвідчують підсилення недостатньої або більшої за міру якості. Інші визначають її не зовсім повний вимір.

Своєрідна роль українського префікса *за-*, що в словах виражає підсилювані ознаки. Підсилення може бути двоспрямованим – у бік збільшення або набагато рідше – ще більшого зменшення. Це залежить від лексичного значення твірних слів. З одного боку *заважкий, завеликий, заглибокий* (отже, з великою мірою вияву якості), з другого: *завузький, замалий, закороткий* (підкреслено наростання ознаки, оцінюваної з позицій низького вияву).

Префікс *недо-* здебільшого вказує на неповноту ознаки за дією і трапляється переважно у складі віддієслівних лексем: укр. *недоварений, недовезений, недопечений, недомелений*, рос. *недоваренный, недовезенный, недопеченный, недомолоченный, недосчитанный*.

Значення послабленої ознаки в новогрецькій передають нечисленні, хоча й продуктивні префікси. Це насамперед продуктивний у творенні іменників та дієслів префікс *υπό-*, що менш продуктивний у прикметниках: *υπόκουφος* приглухуватий, *υπόξανθος* білявий, зі значеннями послабленої ознаки *υπό-* еквівалентний українським та російським прикметникам на *-уват-*, *-оват-*, *-ав-*, *-аст-*: *υλόγλυκος* солодкуватий, *σладковатий*, *υλόχρυσος* золотавий, *золотистий*, *υλόστυφος* терпкуватий, рос. *немного терпкий*.

Характерною особливістю новогрецької мови є кореляція між *υπό-* зі значенням неповно вираженої ознаки та *υπερ-*, що серед інших передає значення великої міри вияву якості. Обидва ці префікси відомі в українській та російській мовах, але в грецькій вони частіше утворюють пари лексичних антонімів: *гіпоалергійний* – *гіпералергійний*, *гіпоаллергічний* – *гіпераллергічний*. Префікс *гіпер-* як показник дуже великої міри вияву ознаки, часто граничної, в неологізмах української та російської мов (*гіпердержавний*, *гіперелітний*, *гіперчутливий*) не поступається активністю латинському за походженням префіксу *супер-* із синонімічним значенням, але переважає за кількістю слова з префіксом *ультра-*.

4 Лексем, які виражають значення великого ступеня вияву ознаки, набагато менше від тих, які належать категорії демінутивності. В українській це значення виражають суфікси *-езн-*, *енн-*, *-ющ-*, *-юг-*, *-ящ-*, у російській *-енн-*, *-ущ-/ющ-*, *-ш-*, *-айш-/ейш-*. Серед названих українських продуктивний суфікс *-енн-*: *добренний*, *силенний*, *ситенний*. *Езн-* трапляється менше: *давнезний*, *сивезний*. Спостерігається співіснування лексем з морфемами *-езн-* та *-енн-*, які функціонують як словотвірні синоніми: *важезний*, *важенний*, *старезний*, *старенний*.

5 Подібні до цього одиниці виражають не тільки високий ступінь вияву ознаки, а часто її граничний ступінь. Трапляються прикметники, в яких цю межу підкреслено редуплікацією основ, причому друга з них містить префікс *пре-*: *довжелезний-предовжелезний*, *здоровенний-прездоровенний*, *височенний-превисоченний*. Отже, збільшуванисть ознак виражено юкстапозицією.

Префікс *пре-* виражає набагато активніше високий (граничний) ступінь вияву ознаки в російській, ніж в українській мові: *пребезобразний*, *преблагородный*, *предикий*. У обох мовах у підкресленні дуже високого ступеня вияву ознак багато слів з *пре-* солідаризуються з юкстапозитами: укр. *бідний-бідний*, *бідний-біднісінький-пребідний*, *глухий-глухісінький-преглухий*. У російській подібні до цього випадки ще частіші: *глухой-глухой*, *глухой-преглухой*, *кислый-прекислый-прекислюющий*.

Підсилення ступеня вияву ознаки спостерігаємо в понад двох десятках українських прикметників з суфіксами *-ющ-*: *багатющий*, *важнющий*, *міцнющий*; *-юч-* *товстючий*, *худючий* та суфіксом *-ящ-*: *добрящий*, *немудрящий*, *роботящий*.

Подібна до цього картина в російській мові, де суфікс *-енн-* також непродуктивний: *высоченный*, *глубоченный*, *здоровенный*. До малопродук-

тивних у ній належить **-ящ-**: *работящий, стоящий*. Більше, ніж в українській, поширені суфікси **-ущ-/-ющ-**: *большущий, презлющий*.

Функцію вираження дуже високого ступеня вияву ознаки в російській мові перебирають на себе прикметники з суфіксами **-иш-/-айш-/-ейш-**, співвідносні з найвищим (абсолютним) виявом ознаки: *авторитетнейший, глубочайший, старейший*.

У новогрецькій мові відсутні суфікси, які б спеціалізувалися на вираженні значення збільшуваності в ад'єктивах. Його серед інших своїх значень реалізує полісемічна морфема **-ώδης**. В українській їй відповідає суфікс **-ист-**, який приєднується до суфіксальних основ відносних прикметників, утворених від іменників: *водянистий, зорянистий, каменистий*. Часто вони функціонують як словотвірні синоніми слів із суфіксом **-ит-**: *гоноровитий–гонористий, басовитий–басистий*. У східнослов'янських мовах вони рідко стають твірними для експресивно-забарвлених похідних: укр. *перистенький*. Грецький **-ώδης** полісемічний і продуктивний. Значення високого ступеня вияву ознаки супроводжує інші: ξυλώδης дерев'янистий – твердий, як деревина і вкритий повністю деревиною, καρτώδης схожий на кавуна і на якому родить багато кавунів.

У трьох зіставлюваних мовах від слів з суфіксами **-ист-** **-ώδης** не утворюються інші похідні прикметники з подальшою модифікацією інтенсивної ознаки.

Це дозволяє зробити загальний висновок про те, що такі підкатегорії безвідносної міри ознаки, як демінутивність та аугментативність, у межах відприкметникового словотворення перебувають у відношенні потенційного заперечення категорії суб'єктивної оцінки, за винятком двох слів: з морфемою **-юват-** *смаглюватенький* та з суфіксом **-еньк-** *перистенький*.

5.1 Отже, категорія збільшуваності в зіставлюваних східнослов'янських та новогрецькій мовах має свої особливості вираження в ад'єктивах. Кожній із них властивий свій арсенал словотворчих засобів. У цієї категорії він значно менший, ніж у категорії зменшуваності, для якої характерна перевага суфіксального способу. Відсутність спеціальних суфіксів вираження значення збільшуваності веде до зростання у новогрецькій мові префіксального способу вираження цих значень. І хоча в українській та російській мовах теж використовуються в цій ділянці словотворення префікси укр. **пре-** предобрий, **за-** загустий, **над-** надпотужний, **пере-** переповнений; рос. **пре-** прегустой, **чрез-** чрезмерный, **пере-** переполненный, **рас-** распрекрасный, **сверх-** сверхчувствительный; грец. **υπέρ-** υπέρλευκος, дуже білий, **κατά-** κατάγυμνος зовсім голий. У ній, крім

префікса *υπέρ-*, її значення передає також продуктивний префікс *κατά-*: *κατάλευκος* сніжно-білий, *κατάγλυκος* дуже солодкий, солодюсінкий, *καταβεβλημένος* дуже виснажений.

6 У вираженні значень малого і високого ступеня вияву ознаки в ад'єктивах беруть участь осново- та словоскладання. Безвідносно міру якості виражають префіксоїдні основи укр. *пів-*, *напів-*, рос. *пол-*, *полу-*, грецькі *ημι-*, *μесо-*. Всі вони виражають неповноту якості: укр. *півдитячий*, *півкулястий*, *півтемний*, *півзруйнований*, *напів'який*, *напівзаплющений*, *напіврозплющений*; рос. *полудетский*, *полутемный*, *полуразрушенный*; грец. *ημιάνεργος* напівбезробітний, *ημιάρριος* напівдикий, *μισοανογιμένος* напіврозкритий, *μισοπεθαμένο* напівмертвий.

Префіксоїди в ад'єктивних композитах паралельно з афіксальними за-собами налаштовані на вираження міри в кількісному плані, отже, не тільки у вимірах помірної, недостатньої чи надмірної якості, а й в аспекті мало/багато, мляво/інтенсивно. За цією семантикою вони часто стають синонімами префіксальних морфем, пор. укр. *пів-*, *напів-*, рос. *пол-*, *полу-* з префіксом *недо-*, грец. *ημι-*, *μесо-* з *υπό-*.

У вираженні значень неповної, відносно повної, а часто й більшої за норму ознаки дедалі більшу роль відіграє префіксальний спосіб. На тлі відсутності суфіксів, які б виражали в новогрецькій мові значення аугментативності, стає зрозумілою активна участь осново- та словоскладання в творенні її похідних.

6.1 Як інтенсифікатори ознак-виразників зростання ступенів їх вияву в сучасній українській мові дедалі активніше використовуються композити, що є похідними лексико-словотвірної категорії кількості, точніше її підкатегорії приблизної кількості. До їхніх перших префіксоїдних основ належать укр.: *буйно-*: *буйнозелений*, *буйноцвітний*, *густо-*: *густо-синій*, *густоперий*, *пишно-*: *пишнобарвний*, *пишнокосий*, *повно-*: *повнокровний*, *повноголосий*, *рясно-*: *рясноцвітний*; рос. *густо-*: *густо-синий*, *густобородий*, *пышно-*: *пышноволосый*, *пышногривый*, *полно-*: *полногабаритный*, *полноценный*; грец. *πικνο-*: *πικνόμαλλος* пишноволосий, *πικνόφυλλος* буйнолистяний, *βαθυ-*: *βαθυγάλανος* насичено блакитний, *ολο-*: *ολοκάθαρος* зовсім чистий, *ολοκαρδος* щиросердний, *παν-*: *πανάγαθος* дуже добрий, рос. *добрейший*, *панόμοιος* дуже схожий, *θεο-*: *θεοδύναμος* дуже могутній, рос. *могущественный*. Інтенсивність ознаки перебування в певному стані передає основа *βαρύ-*: *βαρύθυμος* дуже приголомшений.

Зростання сили ознаки передають деякі композити прикметники з першими основами, співвідносними з кількісними числівниками *τρι-/τρις-* три-,

τέτρα- чотири-, **πεντα-** п'ять-. Позитивну оцінку ознаки містять кольоропозначення *τρίσκότεινος*, *τρίσκοτος* темний–претемний, з синонімами *κατασκότεινος* (з префіксом **κατα-**) *θεοσκότεινος* (з основою **θεο-**) та антонімом *ολόφωτος* (з основою **ολο-**) освітлений, осяйний.

До цієї підгрупи належать також *τετράξανθος* білий–пребілий, *πεντάμορφος* прекрасний. Серед розглянутих слів є нечисленні прикметники з негативним забарвленням, підсиленням числівниковими основами: *τρίσκαταραμένος* (пор. рос. прокльон будь ты трижды проклят!), триклятий, триклятущий, *τρίσκατάρατος* проклятущий, *τρίσχειρότερος* утричі гірший.

У трьох зіставлюваних мовах композитні прикметники з першими числівниковими основами (**τρι-**, **τρις-** *три-*, **τέτρα-** *чотири-*, **πεντα-** *п'яти-*), займенниковими (**ολο-**, **παν-** *все-*), іменниковими (**θεο-**, **βογο-**), а також префіксами (**πρε-**, **κατα-**) формують досить потужну групу одиниць зі збільшено-емоційними, переважно позитивними ознаками. Новогрецька мова порівняно з українською та російською активніше використовує в цій ділянці словотворення основи кількісних числівників від трьох до п'яти.

7 Категорія демінутивності дотична також до ад'єктивної лексико-словотвірної категорії кількості, реалізованої лексемами підкатегорії, що оцінюють малу або велику кількість явищ. Арсенал їхніх перших основ, які визначають приблизно малу кількість, невеликий. Найуніверсальніша в цьому плані українська та російська основа **мало-**, грецька **ολιγο-/λιγο-**, що сполучаються з прикметниковими основами, мотивованими іменниками, іншими прикметниками.

Вони стосуються їхніх розмірів, малого прояву ознак предметів: укр. *малогабаритний*, *малокаліберний*, *малометражний*, *малотиражний*, *малоформатний*, рос. *малогабаритный*, *малокалиберный*, *малометражный*, *малотиражный*, *малоформатный*. Коли перші основи співвідносні з віддієслівними прикметниками, вони вказують на маловиявну ознаку дії: укр. *маловивчений*, *малодосліджений*, *малорозвинений*, *малорухливий*, рос. *малоизученный*, *малоисследованный*, *малоразвитый*, *малоподвижный*.

У зіставлюваних мовах основи **мало-** та **ολιγο-/λιγο-** належать до продуктивних та активних: *ολιγοβαρής* укр. *маловагий*, рос. *маловесный*, *ολιгодύναμος* *малосилий*, *слабосильный*, *малосильный*, *ολιγόθερμος* *теплуватий*, *теповатый*, *ολιγόλογος* *малослівний*, *немногословный*, *ολιγομίλητος* *неговіркий*, *неразговорчивый*, *λιγόφαγος* який мало їсть, *который мало ест*.

Для більшості з них характерне регулярне зіставлення з композитами, до складу яких увіходить основа укр. *багато-*, рос. *много-*, в грецькій *πολυ-* що підкреслюють ознаку, поширювану на багато явищ: *ολυόκαρπος* малоплідний, малоплодный – *πολύκαρπος* багатоплідний, многоплодный, *ολυομερής* малосторонній, малосторонний – *πολυμερής* багатосторонній, многосторонній, *ολυοδάπανος* маловитратний, малорасходный – *πολυδάπανος* багатовитратний, многорасходный. Композитні ад'єктиви цієї підгрупи подають, як бачимо, виключно кількісну оцінку характеристик вияву ознак без відзначення їхніх позитивних чи негативних сторін.

7.1 Наростання ступеня вияву ознак у напрямку ще дужчого їх зменшення або збільшення в зіставляваних східнослов'янських мовах виражене також юкстапозицією: *високий-превисокий, добрий-предобрий; сухой-пресухой, белый-белешенький, один-одинешенький*. У новогрецькій подібні поєднання слів трапляються здебільшого в розмовній мові. У цих випадках прикметники набувають емоційного забарвлення. Функцію підсилення малої або великої міри ознаки здатні передавати українські, російські та грецькі композити з двома або іноді з трьома основами: *темно-темно-синій, темно-темно-синий, светло-светло-бежевий, ψιλοψιλούτσικος дрібний-дрібнісінький*.

Ознакові слова виявляють чіткий розподіл функцій категорій демінутивності та аугментативності, що ґрунтуються навколо центральної для них лексико-граматичної категорії міри і виражених властивим лише одній категорії арсеналом суфіксів.

7.2 Тільки деякі префікси закріплено за однією з цих категорій. *Недо-*, *зіпо-* в українській та російській – за категорією демінутивності; *пре-* в українській та *пре-*, *раз-/рас-* у російській, *зіпер-*, *супер-*, *ультра-* в обох слов'янських мовах – за категорією аугментативності. Решта префіксів, що виражають ці значення (укр. *при-*, *під-*, *над-*, *пере-*, рос. *под-*, *над-*, *сверх-*, *чрез-*, грец. *υπο-*, *υπερ-*, *κατα-*) реалізують зменшувані або збільшувані якості предметів та дій поряд із іншими своїми значеннями, оскільки вони полісемічні.

На реалізацію значень демінутивності та аугментативності впливає характер лексичного значення твірних прикметників – належність їх до якісних чи відносних, наявність у них оцінних значень (сем «великий», «малий» тощо).

Лексико-словотвірні категорії кількості (приблизно великого/малого розміру) модифікують загальне значення міри якості в плані кількісного її обмеження, а також оцінки прояву ознак у бік інтенсивності, до чого залучено основи, співвідносні з ознаками предметів та дій.

У трьох зіставлюваних мовах категорія суб'єктивної оцінки якості рідко реалізується у суфіксальних похідних прикметниках з недостатнім ступенем вияву ознаки.

Категорія демінутивності в українській, російській та новогрецькій мовах здебільшого виражена суфіксальним способом. У новогрецькій мові до вираження семантичних варіантів категорій зменшуваності та збільшуваності активніше, ніж у східнослов'янських, залучено префіксальний спосіб.

Основоскладання та словоскладання у трьох зіставлюваних мовах активно використовуються для вираження значень як демінутивності, так і аугментативності, але найбільше для підкреслення не якісних, а кількісних меж предметів. У композитах рідко реалізуються значення суб'єктивної оцінки, оскільки один із їхніх складників уже виражає оцінку якості, міру її вияву.

7.3 Тексти засвідчують посилення прагматичного ореолу прикметників безвідносної міри якості, появу форм вищого та найвищого (абсолютного) ступеня у відносних прикметників, що мають оказіональний характер: *науковіше визначення, приземленіша тема, найтоматніша паста, найoleyніша олія, найдержавніша установа.*

ЛІТЕРАТУРА

Василь ГРЕЩУК, 1995: *Український відприкметниковий словотвір*. Івано-Франківськ: Плай.

Арнольд ГРИЩЕНКО, 1979: Суфіксальний словотвір прикметників. *Словотвір сучасної української літературної мови*. Київ: Наукова думка.

Дмитро БАРАННИК, 1969: Прикметник. *Сучасна українська літературна мова*. Морфологія. Київ: Наукова думка. 140–237.

Ілля КУЧЕРЕНКО, 1961: *Теоретичні питання граматики української мови*. Морфологія, ч. 1. Київ: Видавництво КДУ.

Игорь УЛУХАНОВ, 1977: *Словобразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*. Москва: Наука.

Χρίστος ΚΛΑΙΡΗΣ, Γεώργιος ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ, 2005: *Γραμματική της νέας ελληνικής. Δομολειτουργική, Επικοινωνιακή*. Αθήνα: Ελληνικά γράμματα.

Μανόλης ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ 1978: *Μεγάλη νεοελληνική γραμματική*. Θεσσαλονίκη: ΟΕΔΒ.

СЛОВНИКИ

Великий тлумачний словник сучасної української мови, 2007. Ред. В'ячеслав Бусел. Київ–Ірпінь: Перун.

Етимологічний словник української мови, 1982–2012. Ред. Олександр Мельничук. Київ: Наукова думка, т. I–VI.

Татьяна ЕФРЕМОВА, 2005: *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: Астрель, АСТ.

Андрей ЗАЛИЗНЯК, 1974: *Обратный словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.

Амалия ИОАННИДИС, 1961: *Новогреческо-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Амалия ИОАННИДИС, 1966: *Σύγχρονο ρωσσοελληνικό λεξικό*. Москва: Советская энциклопедия.

Інверсійний словник української мови, 1985. Ред. Степан Бевзенко. Київ: Наукова думка, 1985.

Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, Лариса КИСЛЮК, Ніна КЛИМЕНКО, Валентина КРИТСЬКА, Тетяна ПУЗДИРСЬВА, Юлія РОМАНЮК, 2013: *Активні процеси сучасної української номінації. Ідеографічний словник нової лексики*. Ред. Євгенія Карпіловська. Київ: ТОВ «КММ».

Ніна КЛИМЕНКО, Євгенія КАРПІЛОВСЬКА, Віктор КАРПІЛОВСЬКИЙ, Тетяна НЕДОЗИМ, 1998: *Словник афіксальних морфем української мови*. Ред. Ніна Клименко. Київ: Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

Валентина КРИТСЬКА, Тетяна НЕДОЗИМ, Лариса ОРЛОВА, Тетяна ПУЗДИРСЬВА, Юлія РОМАНЮК, 2011: *Граматичний словник української літературної мови*. Словозміна. Ред. Ніна Клименко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.

Леонид КРЫСИН, 2008: *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: ЭКСМО.

Російсько-український словник, 1968. Ред. Сергій Головащук та ін. Київ: Наукова думка, т. I–III.

Пилип СЕЛІГЕЙ, 2014: *Етимологічний словник запозичених суфіксів і суфіксоїдів в українській мові*. Київ: Академперіодика.

Олександр СКОПНЕНКО, Тетяна ЦИМБАЛЮК, 2006: *Сучасний словник інішомовних слів*. Київ: Довіра.

Словник інішомовних слів, 1985. Ред. Олександр Мельничук. Київ: Головна редакція УРЕ.

Словник української мови, 1970–1980. Ред. Іван Білодід. Київ: Наукова думка, т. I–XI.

Александр ТИХОНОВ, 1985: *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Русский язык, т. I–II.

Иван ХОРИКОВ, Михаил МАЛЕВ, 1980: *Новогреческо-русский словарь*. Москва: Русский язык.

Частотний словник сучасної української художньої прози, 1981. Ред. Валентина ПЕРЕБИЙНИС. Київ: Наукова думка, т. I–II.

Αννα ΑΝΑΣΤΑΣΙΑΔΗ-ΣΥΜΙΩΝΙΔΗ, 2002: *Αντίστροφο λεξικό της νέας ελληνικής*. Θ.: ΑΠΘ.

Υπερλεξικό της νεοελληνικής γλώσσας. Αθήνα: Εκδόσεις Παγουλάτου, 1985–1998, т. 1–6.

SUMMARY

Diminutiveness in Adjectives of Ukrainian, Russian and Modern Greek

The article deals with realization of the category of diminutiveness in qualitative words, its relations with other categories of adjectives. Having a modifying character, diminutiveness in its semantic variants correlates with such universal categories as quantity, graduality, and the others, which are realized in the language with the help of grammatic (morphological and syntactic), word-building, lexical and word-building, lexical and phraseological means. Its core category is the category of irrelative measure of quality with the dimensions of insufficient – moderate – excessive measure of manifestation. Each language has its own “repertoire” of these means, as well as a number of language means of arrangement of significative components, semantic variants of the category of diminutiveness. Different languages have their own word-building means expressing real and imaginary reduction of objects’ names size, quantitative measure of dynamic features manifestation (within verbs) and static characteristics (within adjectives and adverbs): Ukr. *пес* – *песик*, Rus. *пёс* – *пёсик*, Modern Gr. *ο σκύλος* – *το σκυλάκι*, *животий* – *животуватий*, *жёлтый* – *жёлтоватый*, *κίτρινος* – *κίτρινωπός*.

The component of perceived through feeling of little manifestation of measure meaning, its evaluation is added to the component of real reduction. The meaning of little size in the words with emotive and expressive semantics like in the following nouns: Ukr. *матуся*, *матусенька*, Rus. *мамочка*, *мамулька*, *папочка*, Modern Gr. *μαννούλα*, *μαννουλίτσα*, *μαννίτσα*, these are the hypocoristic forms of noun.

The arrangement of semantic variants of this category by means of different word-building devices is shown in the three contrasted languages. The paper stresses the leading role of prefixation in conveying of deficient and exceeding measures of quality in Modern Greek in comparison with Ukrainian and Russian, as well as functional loading of compounding and juxtaposition.

ELENA KORIAKOWCEWA

*Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, Polska, Siedlce,
elena.koriakowcewa@gmail.com*

Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами

Предметом исследования являются русские и польские неударные, образованные с помощью деминутивных суффиксов от *nomina abstracta*. В статье проводится комплексный структурно-семантический анализ этих слов, передающих субъективную эмотивную оценку, но имеющих формально-семантические показатели деминутивности, анализируется соотношение деминутивного и пейоративного значений, указываются социокультурные факторы, обуславливающие образование деминутивированных *nomina abstracta*, рассматриваются особенности их функционирования в текстах, а также место в словообразовательных системах русского и польского языков.

The subject of investigation are diminutives in Russian and Polish derived from *nomina abstracta*. In the article a complex structural and semantic analysis of a category of subjective evaluation is carried out formal and semantic inventory of diminution, correlation between diminutive and pejorative meanings, social positions of participants of the process of communication with the aim of investigation of functioning of new diminutive *nomina abstracta* in texts is established and also the place they take in the derivational systems of the comparative languages.

Ключевые слова: инновация, деминутивы, пейоративизмы, *nomina abstracta*

Key words: innovation, diminutives, pejoratives, *nomina abstracta*

0 ВСТУПЛЕНИЕ

Известно, что универсальная модификационная категория деминутивности имеет ряд особенностей в различных языках, поскольку прототипически моделирует представление носителя определенной лингвокультуры о малости объекта, об отклонении от нормы в сторону уменьшения его размера, объема, количества. Межъязыковой сопоставительный анализ деминутивов может дать основания для обобщений и выявления специфических свойств категории деминутивности, однако в

лингвистической литературе преобладают частные её описания в отдельных языках. Поскольку пополнение деминутивного фонда славянских языков идет в основном благодаря суффиксации, дериватологи-слависты обычно анализируют суффиксальные деминутивы, образованные от конкретных существительных. Общие тенденции, действующие в сфере субстантивного словопроизводства деминутивов, уже обозначены в трудах славистов, однако еще не выявлены варианты реализации этих тенденций применительно к деривационному потенциалу отдельных суффиксов и производящих основ, не изучена национальная специфика словообразовательных процессов деминутивизации. Зависимость актуализации семантики деминутивных суффиксов от условий внутреннего контекста, неоднократно отмечаемая исследователями, также нуждается в межъязыковом конфронтативном анализе, учитывающем особенности семантики и морфологической структуры производящих основ различных типов. Цель данной статьи – сравнительно-сопоставительный анализ семантического и коммуникативно-прагматического потенциала русских и польских неодериватов, образованных с помощью исконных деминутивных суффиксов, присоединяемых к нетипичным производящим – русским и польским *nomina abstracta*, включающим в свой состав интерморфемы *-аццj/-acj-*, *-изм/-izm*. Неодериваты – деминутированные *nomina abstracta* – были извлечены с помощью поисковых систем ЯН-ДЕКС и GOOGLE из текстов, размещенных на форумах интернет-СМИ, спорадически – из блогов.¹ Обращение к Интернету, ставшего ныне глобальной информационно-коммуникативной средой, обеспечило свободный доступ к неограниченному объему разнообразных текстов в электронном виде, что значительно упростило проведение сравнительно-сопоставительного анализа.

1 Исследователи отмечают, что связь деминутивных форм с выражением «пестрой гаммы эмоций и оценок» (В. В. Виноградов), наблюдаемая во многих языках, представляет собой если не универсалию, то, по крайней мере, сильную тенденцию (см.: Спиридонова 2000, Dressler 1994, Jurafsky 2009, Krassowska-Starak 2007). Богатая палитра прагматических модификаций дает исследователям основания говорить об особой морфопрагматической составляющей категории деминутивности, поскольку с деминутивом связываются такие свойства речевых ситуаций, как ‘неформальность’, ‘интимность’, ‘несерьезность’, ‘различия в статусе

---

¹ В национальных языковых корпусах, как и в неологических словарях, неодериваты этого типа отсутствуют (исключение – дериват *manifestacyjka*, зафиксированный в польском языковом корпусе).

говорящего и адресата', а деминутивный «суффикс имеет способность как бы воспроизводить среду и обстановку, в которой он наиболее часто употребляется» (Плямоватая 1961: 60).

Деминутивы, как правило, «выражают восприятие ценности или суждение о ценности, вызываемое понятием, содержащимся в основе» (Балли 1955: 271). Оценка же в своей семантике «интегрирует интеллектуальный, эмоциональный и волевой компоненты, поэтому оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения» (Арутюнова 1988: 6). Эти же коммуникативные цели выражают и суффиксальные деминутивы, которые по сути своей являются оценочными микровысказываниями, возникшими в результате формально-семантической компрессии.

Обычно с деминутивами ассоциируются симпатия, сочувствие, жалость, так как они чаще связаны с выражением положительной оценки обозначаемого, с похвалой. Однако деминутивы способны также к передаче разнообразных отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию². Аксиологическую функциональную амбивалентность деминутивов объясняют тем, что деминутивный аффикс не имеет постоянного значения: оно видоизменяется в зависимости от семантики основы и лишь немногочисленные суффиксы, например, *-к(а)*, *-ишк-*, «близки к выражению значений пренебрежительности и уничижительности вне окружающего, внешнего контекста» (ср. *теорийка*, *зайчишка*) (Шаховский 1983: 91).

На оценочные средства языка, к которым относятся деминутивы, непосредственно влияют социолингвистические факторы. В эпоху постмодерна существенные перемены в жизни российского и польского общества, ускорившие эволюционные процессы в русском и польском языках, привели к преобразованиям также в области модификационной деривации. Пример тому – квазидеминутивы со стабильным словообразовательным, а не контекстуально обусловленным пейоративным значением: они появляются в результате присоединения исконных уменьшительных суффиксов к производящим *nomina abstracta*, в основах которых находятся интернациональные суффиксы *-ациj/-acj-*, *-изм/-izm*.

² Мы понимаем под «инвективной» все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии. Пейоративность – это свойство языковых единиц, в которых реализуется семантика пренебрежения, неодобрения, презрения, уничтожения, критики и порицания.

2 Русские и польские отвлеченные существительные на *-ація/-асја* – это в основном *nomina actionis*. Интернациональные суффиксы *-аціяj/-асj-*, формирующие их структуру, восходят к латинскому именному суффиксу *-atio*, фонетически и морфологически адаптированному в русском и польском языках.

2.1 Словарями современного русского языка отмечено около 500 *nomina actionis* с финалями *-ація/-ція*. Деривационный потенциал *nomina actionis* этого типа весьма невысок: ввиду особенностей морфонологического устройства основы в норме от них способны образовываться только прилагательные с суффиксальным формантом *-онный* (*революция – революционный*). Однако в последние годы в речи российских интернавтов появились единичные пеойративные модификационные неударивательные, образованные с помощью деминутивного суффикса *-к(а)*, которые выражают ироническое пренебрежение: *акция – акцияка, демонстрация – демонстрацияка, информация – информацияка, революция – революцияка, сенсация – сенсацияка*. Ср.:

*Впрочем, может, это просто показушная **акцияка** (<http://m-elle.dreamwidth.org/111785.html?style=light&thread=4427433>);*

*...у нас даже **демонстрацияка** какая-то в центре происходит... (forum.cosmo.ru);*

*Ничего себе **информацияка**! А если ребенка оставить не на кого?! (mamaclub.in.ua/forum/153-15953-7);*

*Для кого **революцияка**-то задумана? Народ-то спрашивали? Представителем народа на митингах был ОМОН (2009-2012.littleone.ru/PDA?t=4907580.html);*

*Самое интересное, что ничего сногшибательного эти выборы не принесли – ну ни одной крохотуличной **сенсацияки** (<http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/01/13/201102-za-chto-tebya-tak-dzhuliya.html>).*

2.2 Существительные с финалями *-асја/-сја*, заимствованные, как правило, из латыни, появились в польском языке в конце XV-начале XVI века. Общее число *nomina actionis* на *-асја* так же, как и в современном русском языке, составляет около 500 лексем. Хотя и в польском языке ввиду морфонологических особенностей строения деривационный потенциал *nomina actionis* на *-асја* ограничен, тем не менее польские интернавты, чаще чем российские, образуют от них модификационные ударивательные с помощью изофонного деминутивного суффикса *-к(а)*. В текстах блогов и на интернет-форумах, кроме изофонных существительных *demonstracyjka, informacyjka*, а также слов *akcyjka, libacyjka, rewolucyjka, sensacyjka*, зафиксированных еще в словаре под редакцией В. Дорошевского, нами обнаружено 10 неударивательных с формантом *-к(а)*, образо-

ванных от *nomina actionis* на *-acja/-cja*: *demokracjyka, dyskryminacyjka, inauguracyjka, inwestycyjka, kasacyjka, manifestacyjka, modyfikacyjka, nowelizacyjka, reklamacyjka, tolerancyjka*. Ср.:

He potrwa ta bizantyjska demokracjyka w Rosji? (www.ppk.it.pl/forum/index.php?topic=4005.20);

Właśnie wpadła mi w oko *demonstracyjka Palikociaków na Krakowskim Przedmieściu*. No, nie sama *demonstracyjka*, a *filmik* o niej (www.seawolf.mobile.salon24.pl/306426);
Ot, dziennikarstwo wrażliwe na pleć i osoby starsze, taka niewinna dyskryminacyjka (<http://forum.gazeta.pl/forum/w,55,133010718,133030501>);

...*kasacyjka konta* (<http://forum.plemiona.pl/showthread.php?19942>);

...*fajna manifestacyjka!* (<http://wpina.pl/pin/10405>);

...*czeka nas jakaś nowelizacja, a właściwie ze względu na obszerność – «nowelizacyjka» – naszej branżowej ustawy* (<http://portalkomunalny.pl/powtorka-z-rozrywki-61568/>);

Widzę, że twoja tolerancyjka jest tolerancją wybiórczą (<http://forum.gazeta.pl/forum/f,13,Aquanet.html>).

Польские неодериваты, образованные от *nomina actionis* на *-acja/-cja* с помощью деминутивного суффикса *-k(a)*, передают информацию о незначительности процессов и событий, названных производящими основами, об их насмешливо-иронической оценке. Коммуникативная цель осуждения достигается с помощью внешнего контекста: соседства других деминутивов, в том числе окказиональных (*filmik, Palikociaki*), противопоставления производного и производящего слов (*nowelizacyjka – nowelizacja, tolerancyjka – tolerancja*), нетипичной сочетаемости с качественно-характеризующими прилагательными (*niewinna dyskryminacyjka, tolerancyjka jest tolerancją wybiórczą*).

2.3 Анализ русских и польских неодериватов с финалями *-цуйка, -суйка* показывает, что в ходе модификационного словопроизводства в отношении к процессам и результатам психической и интеллектуальной деятельности человека смысл «меньше нормы» трансформируется в «не имеющий социальной значимости». Исходные *nomina actionis* на *-ция, -cja* имеют литературно-книжную окраску, присоединение же к их основам деминутивных суффиксов приводит к появлению стилистически сниженных, пейоративных производных: неодериваты с финалями *-цуйка/-суйка* передают отрицательно-оценочное значение неуместного, бесполезного и/или бессмысленного действия, которое порицается говорящим. Рационально-оценочное содержание русских и польских пейоративных квазидеминутивов в сходных коммуникативных ситуациях соединяется с различной негативной эмоциональной семантикой: с ироническим пренебрежением – у русских неодериватов на *-цуйка*, с насмешливой

иронией – у польских неогериватов с финалью *-сујка*. Производные с деминутивными суффиксами *-к(а)/-к(а)*, образованные от *nomina actionis*, используются в речи польских и русских интернавтов также в качестве дополнительного средства маркирования значения конкретного акта действия, ср.: *демонстраційка какая-то; taka dyskryminacyjka, jakaś tam rekrutacyjka*.

3 Инновацией, обусловленной социокультурными факторами, а именно – ростом агрессивности в публичном общении, является образование пейоративных квазидеминутивов от основ отвлеченных существительных, обозначающих абстрактные объекты, которые не существуют в природе и поэтому немислимы в уменьшенном размере. Русские и польские *nomina abstracta* с суффиксами *-изм/-izm*, ставшие деривационной базой для пейоративных квазидеминутивов, называют общественно-политические направления и системы, качества, склонности, связанные с тем, что названо мотивирующим словом. В норме абстрактные существительные не должны претерпевать уменьшение потому, что за ними стоят серьезные концепты. Кроме того, ввиду своих морфологических особенностей дериваты с формантами *-изм, -izm* традиционно замыкают словообразовательные цепи. Однако российские и польские интернавты, расширяя деривационные возможности *nomina abstracta* с интернациональным суффиксом *-изм/-izm*, эксплицируют свою оценку обозначаемых ими явлений с помощью исконных деминутивных суффиксов *-ик, -ец, -ишк(о), -ик, -ек*, которые приобретают пейоративное значение, присоединяясь к необычным для них основам производящих абстрактных существительных. В процессе деривации этимологическая и стилистическая разнородность суффиксальных формантов и производящих основ, вопреки словообразовательной норме объединяемых в структуре неогеривата-пейоративизма, используется как средство создания прагматического эмоционально-экспрессивного эффекта.

3.1 Наибольшее количество деминутивированных *nomina abstracta* создано с помощью с суффиксов *-ик, -ик, -ек* (18 русских неогериватов и 14 польских). В сочетании с основами *nomina abstracta* эти суффиксы становятся средством выражения социально-этического презрения, ср.: *антисемитизм – антисемитизмик* (5)³, *героизм – героизмик* (31), *идиотизм – идиотизмик* (75), *капитализм – капитализмик* (41), *коммунизм – коммунизммик* (41), *либерализм – либерализмик* (1), *нацизм – нацизмик* (18),

³ В скобках указано число ответов, полученных с помощью поисковых систем Яндекс и Google.pl. Диапазон дат поиска: 01.01.2014–24.05.2015.

оптимизм – оптимизмик (85), патриотизм – патриотизмик (20), пессимизм – пессимизмик (6), пофигизм – пофигизмик (13), реализм – реализмик (15), романтизм – романтизмик (5), социализм – социализмик (15), фашизм – фашизмик (201), этнонацизм – этнонацизмик (1); antysemityzm – antysemityzmik (3), faszyzm – faszyzmik (3), idiotyzm – idiotyzmek (1), kapitalizm – kapitalizmek (8), kapitalizm – kapitalizmik (2), liberalizm – liberalizmek (3), optymizm – optymizmik (2), patriotyzm – patriotyzmik (5), pesymizm – pesymizmik (1), realizm – realizmek (43), socjalizm – socjalizmek (6), socjalizm – socjalizmik (2).

Во внешнем контексте презрительно-пренебрежительную оценку, выражаемую русскими и польскими неодериватами-квазидеминутивами с суффиксами *-ик, -ик, -ек*, усиливают до уровня инвективы эмотивные слова – качественно-характеризующие прилагательные и адъективированные причастия типа *дешевый, доморощенный, локальный, мелкий, местечковый, мизерный, незатейливый, шаблонный; fajny, niewinny, pielegnowany, prostacki, przasny*. Они используются в целях умаления социальной репрезентативности того, что названо производящими *nomina abstracta*. Ср.:

*Мне этот стандартный набор **идиотизмиков** шаблонных не нравится сильно...* (sovet.kidstaff.com);

... nie tylko jakiś niewinny idiotyzmek, bo o to w UE nietrudno... (www.forum.gazeta.pl/forum/w,902,43456530, Jak_Nigdy_wiecej_zamyka_nazistowskie_strony.html?v=2);

***Капитализмик** наш доморощенный, как опухоль, – убьет нас изнутри...* (http://artlib.ru/index.php?id=11&fp=2&uid=27164&iid=431462);

Skromniutki jeszcze ten nasz kapitalizm, taki raczej kapitalizmik, ale już uwierzył w siebie i poczuł siłę swoich pieniędzy (www.kronikarp.pl/pop-up.php?id=6002&type=2);

А еще бесит дешевый патриотизмик... (http://www.linux.org.ru/forum/talks/208463/page1);

Это не местный, а местечковый патриотизмик. Разве можно сравнивать историю страны!!! с историей какого-то небольшого района? (http://govp.info/obshchestvo/mestnyi-patriotizm);

I to jest nasz polski prostacki patriotyzmik... (www.LublinieckiHydePark.fora.pl/lubliniecki-hyde-park,1/apel-trzeciomajowy-propozycja-dla-burmistrza,70.html);

...to fajny, przasny unijny socjalizmek dla mlodych hipsterskich komuszkow (www.m.wyborcza.biz/biznes/1,106501,165693);

За 20 лет первой независимости успели только построить локальный фашизмик Ульманиса. За вторую независимость – этнонацизмик (http://pora-valit.livejournal.com/);

Taki jakby faszyzmik mały, chamstwo fanów Ziemkiewicza ... (gość, <www.pardon.pl/artykul/767/ziemkiewicz_z_gadzinowskim_na_ostro/4>).

В комментариях российских интернавтов преобладает стремление выразить ироническую издёвку с помощью эмотивных слов, в которых заключена негативная (бранная) оценка и достаточно сильная негативная экспрессия типа *доморощенный* (**фашизмик**), *мизерный* (**либерализмик**), *паршивенький* (**социализмик**), *чахоточный* (**капитализмик**). Для комментариев польских форумчан и блогеров более характерна ироническая насмешка, которая создается с помощью нетипичной сочетаемости пейоративных неодериватов с прилагательными и причастиями, выражающими положительную оценку, ср.: *fajny* (*unijny* **socjalizmek**), *niewinny* (**idiotyzmek**), *pielegnowany* (**patriotyzmik**).

Усилению отрицательной эмоционально-интеллектуальной оценки явлений, обозначенных русскими и польскими деминутивными неодериватами типа *социализмик*, способствует их сочетание с местоимениями *какой-то/jakiś*, *такой/taki*:

...церемония – это мелочь, можно сказать – **идиотизмик** *какой-то* (www.forum.ntvplus.ru/archive/index.php?t-35296.html);

Национализм — это *такой* маленький **нацизмик**, *свой, родной*... (<http://narod.mirtesen.ru/blog/43567644061/Imeyut-li-russkie-pravo-na-natsionalizm?page=9>);

... *nie tylko jakiś niewinny idiotyzmek*...; ...*od Roosevelta do Reagana tam był też taki socjalizmik mały lub duży* (<http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=262380&page=11>).

Появлению экспрессии пренебрежительной издевки у русских деминутивных неодериватов способствует их участие в модификации фразеологических единиц, которая осуществляется путем расширения сочетаемости, а также замены структурных компонентов, ср.:

(*общезитие*) *квартирного типа* → (**патриотизмик**) *сарайного типа, квасной патриотизм* → **пивной патриотизмик** («Такой вот *простенький, незатейливый патриотизмик* – его называют *квасным*, но сейчас он скорее *пивной*» <www.takya.ru/nuda/ot-ryadovogo-cheloveka-v-grajdanskoj-sireche-obshestvennoj-ego/main.html>),

яду подпустить → **оптимизмику подпустить, неприятностями попахивает** → **пессимизмиком попахивает, социализм с человеческим лицом** → **коммунизм с человеческим лицом** («...построить отдельно взятый **коммунизм с человеческим лицом**...» (<http://maxpark.com/>; www.echo.msk.ru/blog/kichanova/809972-echo/).

Анализируя поведение пейоративизмов – квазидеминутивных неодериватов – во внешнем контексте, следует отметить случаи т. н. «отраженного распространения экспрессии» (иронической насмешки), связанной с суффиксами субъективной оценки, на все компоненты высказывания, ср.:

«Такой вот простенький, незатейливый **патриотизмик**», «Такой ничем незамутненный гламурненький **идиотизмик**...», «Секонд-хэнд, постсоветский паршивенький **социализмик**», «такой вот небольшененький славненький **социализмик**», «...вот он, ваш махровенький, доморощенный **фашизмик**», «Да, такой миленький, домашненький **капитализмик!**», «*Skromniutki jeszcze ten nasz kapitalizm, taki raczej kapitalizmięk*», «...*przecież miał być wolny rynekzek i kapitalizmik*...».

В комментариях польских интернавтов преобладают сочетания деминутивированных *nomina abstracta* с прилагательным *mały*. Российские интернавты чаще сочетают с ними прилагательные с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк-*, типа *махровенький, паршивенький, поганенький, подленький*, обозначающие «абсолютно» отрицательные качества, для которых даже частичное улучшение не представляется возможным, так как нельзя быть «слегка» *подлым* или «чуть-чуть» *паршивым*.

Концентрация в высказывании деминутивов, «ассимилирующих себе формы определений-прилагательных с целью эмоционального согласования» (Виноградов 1972: 99), создает язвительно-насмешливый тон речи под маской «дружественного участия», ср.:

Любая *формочка* роста *национальненького самосознаныца* прямоком проходит через *стадийку фашизмика* (<http://finugor.ru/node/41582>).

Механизм пейоративной деминутивизации *nomina abstracta* связан с определенным механизмом мышления. Пейоративизации предшествует умаление, «инфантилизация» абстрактных существительных, лишаящая их существенных признаков обозначаемых явлений, что ведет к упрощению и конкретизации. Об упрощающей конкретизации свидетельствует употребление неодериватов с суффиксом *-ик* в формах множественного числа, ср.:

Бредики, маразмйки, идиотизмики (www.dnevnik.bigmir.net/article/655613);

...надоели *романтизмйки*... (<http://club.osinka.ru/topic-78232?start=405>);

Na cholerę komu jakieś tradycje, naftaliną pachnące *patriotyzmiki* ~V8: (<http://www.fakt.pl/Komorowski-chce-orla-na-koszulkach-Prezydent-ostro-o-PZPN,artykuly,136449,1.html>).

3.2 «Инфантилизация» *nomina abstracta* с помощью деминутивных суффиксов, понижающая социальную значимость обозначаемых ими концептов, способствует развитию конфликтогенного потенциала неодериватов. Яркий пример тому – негативно-оценочные неодериваты, которые

были образованы российскими интернавтами от *nomina abstracta* с помощью деминутивного суффикса *-еу*. В этом суффиксе «ярче, чем в суффиксе *-ик*, выступают оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, унизительности, презрения, фамильярного участия» (Виноградов 1972: 97). Вследствие этого в производных, образованных от *nomina abstracta* с помощью суффикса *-еу*, степень негативной эмотивно-интеллектуальной оценочности выше, чем в неодериватах с суффиксом *-ик*, ср., например, *капитализмик* – *капитализмеу*, *социализмик* – *социализмеу*:

...ну а потом пришел *капитализмеу* (<http://forum.ozpp.ru/showthread.php?p=2067079>);

Лидеры СССР – от Ленина до Черненко – (с разной степенью агрессии) постоянно заявляли, что капитализм будет уничтожен, а все страны придут к *социализму* (<http://www.bmwclub.ru/vb/archive/index.php/t-81018.html>).

В семантике неодериватов, образованных от интернациональных *nomina abstracta* на *-изм* с помощью суффикса *-еу*, отражается не только фамильярное участие при язвительно-насмешливом отношении к обозначаемым явлениям, но и сознательное намерение дискредитировать, унизив. «Уничижительность», основное, внеконтекстное значение суффикса *-еу*, усиливается, соединяясь со значением качественно-характеризующих прилагательных типа *квасной*, *поганенький*, ср.:

...*поганенький фашизмеу* получился (<http://echo.msk.ru/blog/ivanmart/1268920-echo/>);

...ваш *патриотизмеу* односторонний, однако... *квасной* такой *патриотизмеу* (born_in@russia.ru, <http://murmolka.com/post/13299/Budu-kratok-https-mail->)...

3.3 Негативная эмотивная оценочность достигает наивысшей степени у неодериватов, образованных с помощью суффикса *-ишк(о)* от интернациональных *nomina abstracta* *капитализм*, *социализм*. Создание пейоративных неодериватов *капитализмишко*, *социализмишко* обусловлено психологической волевой мотивацией говорящего воздействовать насмешкой, осуждением, выразить активное неприятие того, что названо мотивирующей основой. Отражая крайне презрительное отношение и негативную социально-этическую оценку общественно-социальных систем, обозначаемых производящими основами *капитализм*, *социализм*, пейоративизмы *капитализмишко*, *социализмишко* употребляются вместе с инвективами-прилагательными, которые называют свойства, вызывающие отвращение (*вонючий*, *сраный*), и пейоративными прилагательными, выражающими крайнее презрение (*махровейший*, *плёвый*). В контекстном взаимодействии с императивным междометием *долгой* пей-

оративные неодериваты *капитализмишко*, *социализмишко* реализуют коммуникативную цель порицания, побуждающего к уничтожению общественно-социальных систем, обозначенных производящими словами *капитализм*, *социализм*. Ср.:

Долой периферийный, жалкий, сырьевой капитализмишко (<http://russiaru.net/id313257/status/4c7a9000018ef/>);

Этот вонючий, колониальный, периферийный капитализмишко, при котором не нужны 2/3 русских (<http://russiaru.net/id313257/status/4c7a9000016b9/>);

Сраный капитализмишко (<http://iichan.hk/1/5.html>);

Долой хунту Горбачёва-Ельцина и её вонючий, периферийный, полуколониальный капитализмишко! (<http://russiaru.net/id313257/>);

...разве можно построить даже какой-нибудь плёвый социализмишко, первым делом не уложив в могилу тех нехороших людей...? (http://cultandart.ru/prose/58361-nadezhd_zoloty_lohmotja).

Известно, что пейоративизмы отражают как иерархию ценностей социума, так и особенности мировоззрения говорящего, которое является аксиологической точкой отсчета при оценке обозначаемых концептов. Обращение к поисковым системам ЯНДЕКС и GOOGLE показало, что пейоративный неодериват *капитализмишко* появляется в текстах на российских интернет-форумах в 14 раз чаще, чем пейоративный неодериват *социализмишко*.

4 Выводы

Сравнивая деривационный потенциал русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными суффиксами *-ациј(a)/-acj(a)*, *-изм/-izm*, можно утверждать, что в речи российских интернавтов эти *nomina abstracta* используются в качестве словообразовательной базы чаще и свободнее, чем в речи польских интернавтов. Степень интенсивности и представленности эмоций выше в пейоративных квазидеминутивных неодериватах, созданных русскоязычными интернавтами, что, возможно, объясняется взрывчатостью темперамента и открытостью национального характера. Экспрессивное напряжение русских деминутированных *nomina abstracta*, весьма далекое от уменьшительного значения, выражается в усилении степени пейоративизации от иронического пренебрежения к фамильярному презрению и саркастической издёвке. Все последующие за ироническим пренебрежением степени экспрессивного усиления связаны с выражением нарастающего эмоционального возбуждения, проявляющегося в вербальной агрессии, которая отчасти «гасится» благодаря ис-

пользованию при образовании асистемных пейоративизмов суффиксов, системно, эталонно воспринимаемых как уменьшительно-ласкательные.

Исследование эмоционально-экспрессивного потенциала и коммуникативно-прагматических характеристик русских и польских деминутированных *nomina abstracta* показало, что по сути они являются рационально-оценочными, пейоративными микровысказываниями, выражающими коммуникативную цель осуждения, которые возникли в результате словообразовательной компрессии.

ЛИТЕРАТУРА

Нина Д. АРУТЮНОВА, 1988: *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.

Шарль БАЛЛИ, 1955: *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва: Издательство иностранной литературы.

Виктор В. ВИНОГРАДОВ, 1972: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Наука.

София С. ПЛЯМОВАТАЯ, 1961: *Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке*. Москва: Изд-во Московского горного института.

Нина Ф. СПИРИДОНОВА, 2000: *Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных*: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидата филол. наук.: Спец. 10.02.19. Москва: Издание Института языкознания Российской академии наук.

Виктор И. ШАХОВСКИЙ, 1983: *Эмотивный компонент значения и методы его описания*. Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета.

Wolfgang U. DRESSLER, Lavinia MERLINI BARBARESI, 1994: *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.

Daniel JURAFSKY and James H. MARTIN, 2009: *Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Speech Recognition, and Computational Linguistics*. 2nd edition. Prentice-Hall.

Iwona KRASSOWSKA-STARAK, 2007: Quasi-deminutywy w ujęciu morfopragmatycznym: na materiale polsko-niemieckim. *Słowotwórstwo i tekst. Prace Slawistyczne*, 124. Red. nauk. Viara Maldjieva, Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. 89–99.

НЕТОГРАФИЯ

Национальный корпус русского языка: <<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>>.

Narodowy Korpus Języka Polskiego: <<http://nkjp.pl/poliqarp/>>.

Słownik Języka Polskiego: <<http://sjp.pl/>>.

Słownik języka polskiego. Red. Witold Doroszewski: <<http://doroszewski.pwn.pl/>>.

SUMMARY

Substantive (Quasi) Diminutives Derived from Russian and Polish Nomina Abstracta with International Affixes

The aim of this article is to carry out a contrastive analysis of the status and patterns of Russian and Polish diminutives derived from nomina abstracta which represent the unusual means of expression indicating negative emotional relation of the speaker to the abstract object. The first part of this paper is devoted to a brief characterization of the category of nomina diminutiva which exists in modern Russian and Polish on quantitative and expressive levels.

The second and the third parts contain the semantic and morphological description of word formation with the diminutive and pejorative formants *-к(а)/-к(а)*, *-еу-*, *ек-*, *-ук-/ик-*, *-ушк-* in modern Russian and Polish texts created on internet forums. Among Russian and Polish new pejorative nomina diminutiva were mentioned those derivatives, where suffixes express lack of acceptance, irony, sarcasm. There are also nomina diminutiva that can indicate antipathy or abomination (aversion) towards the abstract object which was named by the derivational base.

There was also included to investigation a syntactic aspect because the notion of syntagma plays the fundamental role in word-formation analysis. The reinterpretation of word-formation syntagma operates in the opposite direction, i. e. from an underlying syntactic-semantic structure towards a new morphological surface structure and new complexes of connotations in modern Russian and Polish hybrid derivatives.

The results of analysis along with the chosen material of investigation (new derivatives from Russian and Polish internet forums) determine scientific newness of the article.

АЛЯКСАНДР ЛУКАШАНЕЦ

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Беларусь, Мінск, alukashanets@tut.by*

Асабовыя імёны-дэмінітывы ў сучаснай беларускай мове: сістэма і функцыянаванне

Функцыянальна-семантычнае поле дэмінітывнасці ў беларускай мове да гэтага часу не было аб'ектам спецыяльнага ўсебаковага даследавання з пункту гледжання структуры і лексічнага складу. У аснове артыкула ляжыць гіпотэза, што поле дэмінітывнасці ў сучаснай беларускай мове мае дастаткова складаную структуру, ядро якога складае словаўтваральна маркіраваная субстантыўная лексіка з экспліцытнай лексічнай дэмінітывнасцю, а таксама ідэя аб важнай ролі ў структуры гэтага поля асабовых імён-дэмінітываў, якія вызначаюцца значным колькасным складам, высокай ступенню поліматывавнасці і словаўтваральнай варыятыўнасці, шырокім дыяпазінам словаўтваральных спосабаў і сродкаў утварэння, ланцужковым характарам узмацнення дэмінітывнасці, асаблівасцямі дэмінітывнай дэсемантызацыі, функцыянальнай значнасцю і спецыфікай моўнай прагматыкі.

The functional-semantic field of diminutiveness in the Belarusian language has not been the subject of special comprehensive study from the point of view of structure and lexical composition until the present moment. In the basis of the article is the hypothesis that the field of diminutiveness in the modern Belarusian language has a rather complex structure, the core of which is constituted by derivationally marked substantive lexicon with explicit lexical diminutiveness. It suggests the important role of personal diminutive names in the structure of this field, which are noted for significant quantitative composition, a high degree of polymotivation and derivational variation, a wide range of word-formation ways and means, the chained character of diminutiveness intensification, the peculiarities of diminutive desemantization, functional significance and the specificity of language pragmatics.

Ключевые слова: Дэмінітывнасць, функцыянальна-семантычнае поле, асабовае імя-дэмінітыв, спосаб і сродак словаўтварэння, дэсемантызацыя

Key words: diminutiveness, the functional-semantic field, a personal diminutive name, a way and means of word formation, desemantization

1 Уводзіны

Функцыянальна-семантычнае поле дэмінітуўнасці ахоплівае шырокае кола рознаўзроўневых моўных з'яў і сродкаў, якія экспліцытна ці імпліцытна выражаюць семантыку памяншальнасці. Таму яно можа быць прадстаўлена як пэўная сукупнасць семантычных класаў лексікі, многія з якіх з'яўляюцца словаўтваральна маркіраванымі і, па сутнасці, уяўляюць словаўтваральныя катэгорыі. Гэта азначае, што дэмінітуўнае значэнне маюць пераважна матываваныя лексічныя адзінкі, і таму асноўным сродкам выражэння дэмінітуўнасці ў беларускай мове трэба лічыць менавіта словаўтваральныя фарманты.

З другога боку, семантыка «памяншальнасці» ў беларускай мове ў моўнай свядомасці носьбітаў мовы цесна пераплятаецца з семантыкай суб'ектыўнай эмацыянальнай ацэнкі (пераважна ласкальнасці), таму вытворныя адзінкі з «чыста» памяншальным значэннем успрымаюцца як эмацыянальна-ацэначныя, і наадварот, матываваныя адзінкі з толькі эмацыянальна-ацэначным значэннем ласкальнасці пазіцыяніруюцца як памяншальныя. Такім чынам, з пункту гледжання словаўтварэння можна гаварыць пра фактычнае сумяшчэнне семантыкі памяншальнасці і эмацыянальна-ласкальнай ацэнкі словаўтваральных фармантаў. Такі падыход да разумення семантыкі дэмінітуўнасці і фактычнае прызнанне «семантычнага блэндзінгу» (кантамінацыі) з'яўляецца вельмі важным, паколькі істотна пашырае сферу дэмінітуўнасці ў беларускім лексіконе і словаўтварэнні і дазваляе разглядаць яе як складанае структурыраванае ўтварэнне, кампаненты якога знаходзяцца ў адносінах узаемадзеяння і перасячэння.

Больш таго, як уяўляецца, менавіта такое разуменне сутнасці з'явы дэмінітуўнасці апраўдвае вывядзенне яе за межы субстантыўнага словаўтварэння і пашырэнне яе ў сферы ад'ектыўнага і адвербіяльнага словаўтварэння. Гэта азначае, што матываваныя беларускія прыметнікі і прыслоўі з суб'ектыўна-ацэначнымі (=памяншальнымі) суфіксамаі таксама могуць уключацца ў сферу дэмінітуўнага словаўтварэння, хаця на самой справе дэмінітуўнасць у такіх прыметніках і прыслоўях толькі ўяўная, паколькі значэнне прыкметы ў прынцыпе не можа мысліцца як памяншальнае. Тым не менш, вытворныя адзінкі тыпу *вясёленькі* (ад *вясёлы*), *добранькі* (ад *добры*) *сіменькі* (ад *сіні*), *сухенькі* (ад *сухі*) і г.д.; *блізенька*, *цёмменька*, *прыгожанька* і г.д., якія выражаюць самыя розныя семантычныя адценні пэўнай прыкметы, імпліцытна «матывуюць» успрыманне азначаемага імі прадмета менавіта як невялікага па памеры, што знаходзіць сваё спарадычнае адлюстраванне і ў тлумачальных слоўніках (ТСБМ 1977–1984).

Асобнай праблемай з’яўляецца пытанне аб уключэнні ў поле дэмінітуўнасці лексікі, якая на градацыйнай шкале «вышэй (больш) за норму – норма – ніжэй (менш) за норму» займае пазіцыю «ніжэй (менш) за норму», напрыклад, *лівень – дождж – імжа; ліць – ісці – імжыць* (пра дождж) і г.д. Як уяўляецца, падобныя лексічныя адзінкі па сваёй семантыцы толькі вельмі ўмоўна могуць быць уключаны ў поле дэмінітуўнасці, паколькі ў прыведзеных лексічных адзінках ні экспліцтна, ні імпліцтна не ўтрымліваюцца семы памяншальнасці і ласкальнасці. Яшчэ больш складаным з’яўляецца пытанне аб уключэнні ў поле дэмінітуўнасці асобных груп дзеясловаў спосабаў дзеяслоўнага дзеяння (напрыклад, *папахадзіць, папачытаць – хадзіць, чытаць – пахаджваць, пачытваць* і г.д.).

Такім чынам, у агульным плане можна гаварыць пра наступныя разнавіднасці дэмінітуўнасці:

- а) словаўтваральна маркіраваная аб’ектыўная экспліцытная лексічная дэмінітуўнасць (*дождж – дождык, мост – мосцік, цяля – цялятка, Тацяна – Таня, Танечка*);
- б) словаўтваральна маркіраваная суб’ектыўная (ацэначная) экспліцытная дэмінітуўнасць (*сіні – сіненыкі, жоўты – жоўценькі, цёмны – цёмненькі, блізка – блізенька*);
- в) словаўтваральна маркіраваная імпліцытная лексічная дэмінітуўнасць (*бусел – бусляня, каваль – кавальчук, пісар – пісарчук, цар – царэвіч*);
- г) словаўтваральна маркіраваная віртуальная дэмінітуўнасць (*сіні – сіняваты, чытаць – пачытваць*);
- д) словаўтваральна немаркіраваная віртуальная дэмінітуўнасць (*дождж – імжа, ісці – імжыць* (пра дождж)).

Ядро поля дэмінітуўнасці ў такім выпадку складае група а); групы б) і в) фарміруюць перыферыю поля; групы г) і д) умоўна могуць быць размешчаны на крайняй перыферыі поля дэмінітуўнасці пры яе пашыраным разуменні.

Паколькі базавай дыферэнцыяльнай семай дэмінітуўнасці трэба ўсё ж такі лічыць сему «малы памер», мэтазгодна абмежаваць катэгорыю дэмінітуўнасці ў асноўным межамі субстантыўнай лексікі. І толькі на самай далёкай яе перыферыі можа знаходзіцца лексіка іншых часцін мовы з выразным адценнем суб’ектыўнай эмацыянальнай ацэнкі (ласкальнасці). Такі падыход да разгляду катэгорыі дэмінітуўнасці ў беларускай мове прыняты ў дадзеным артыкуле.

2 ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНАЕ ПОЛЕ ДЭМІНУТЫЎНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Пры такім, у значнай ступені традыцыйным, падыходзе катэгорыя дэмінутыўнасці ў беларускай мове тым не менш ахоплівае дастаткова шырокае кола разнастайнай субстантыўнай лексікі і можа быць прадстаўлена як сукупнасць пераважна словаўтваральных катэгорый субстантыўнай лексікі з экспліцытна ці імпліцытна выражанай семантыкай памяншальнасці. Асаблівасцю катэгорыі дэмінутыўнасці ў беларускай мове трэба лічыць размытасць яе колькасных межаў, што абумоўлена традыцыямі лексікаграфічнай фіксацыі дэмінутываў і дэрыватаў з памяншальна-ласкальнай семантыкай (ТСБМ 1977–1984). Выбарачнае ўключэнне такіх утварэнняў у слоўнікі не дае магчымасці рэальна ацаніць прадуктыўнасць дэмінутыўных словаўтваральных тыпаў і пераводзіць істотную частку рэальных дэмінутываў (а таксама і дэрыватаў з памяншальна-ласкальнай семантыкай) у разрад патэнцыяльных слоў, якія, нягледзячы на іх пашыранасць у маўленні, не набываюць статусу фактаў мовы.

Напрыклад, у (ТСБМ 1977–1984) уключаны назоўнікі з памяншальнымі і памяншальна-ласкальнымі значэннямі *асінка* (ад *асіна*), *бярозка* (ад *бяроза*), *рабінка* (ад *рабіна*), *яблынька* (ад *яблыня*), *замочак* (ад *замок*), але не фіксуецца *грушка* (ад *груша*), *сліўка* (ад *сліва*), *калінка* (ад *каліна*), *ключык* (ад *ключ*); прыметнікі з памяншальна-ласкальнымі значэннямі *сівенькі*, *сухенькі*, але адсутнічаюць *вясёленькі*, *сіменькі*, *цёмненькі* і інш.

Дапускаючы ўключэнне ў лексіка-семантычнае поле дэмінутыўнасці дастаткова шырокага кола словаўтваральных катэгорый з экспліцытнай і імпліцытнай, рэальнай ці ўяўнай (ацэнчнай) памяншальнасцю неабходна прызнаць, што яе ядро (цэнтр) утварае якраз словаўтваральная катэгорыя памяншальнасці, словаўтваральная семантыка якой можа быць ахарактарызавана як рэальная і экспліцытная, паколькі вытворныя адзінкі, якія ўваходзяць у склад гэтай катэгорыі, называюць рэальна невялікія па памеры аб'екты рэчаіснасці ці з'явы, адпавядаюць градацыйнаму параметру «норма», а значэнне памяншальнасці выражана канкрэтным словаўтваральным сродкам (суфіксам). Пацвярджэннем гэтага з'яўляецца поўнае супадзенне граматычных параметраў матываванага і матывавальнага слоў:

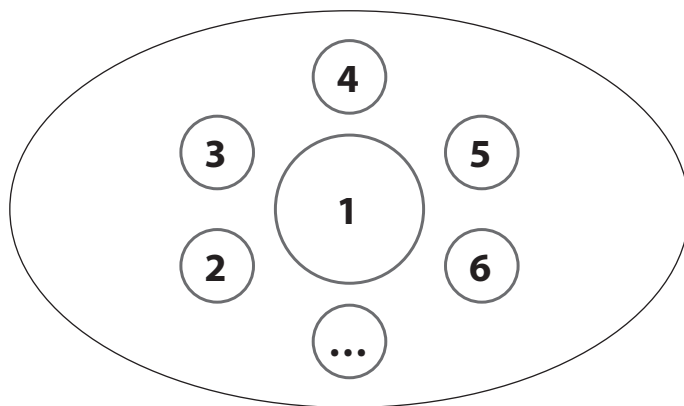
луг – *лужок*, *дождж* – *дожджык*, *корань* – *карэньчык* (N. мужч. неадуш. → N. мужч. неадуш.); *сын* – *сыноч*, *брат* – *брацік* (N. мужч. адуш. → N. мужч. адуш.); *дарога* – *дарожка*, *ноч* – *ночка* (N. жан. неадуш. → N. жан. неадуш.); *дача* – *дачушка*, *сястра* – *сястрычка* (N. жан. адуш. → N. жан. адуш.); *сонца* – *сонейка*, *гняздо* – *гняздзечка* (N. ніяк. неадуш. → N. ніяк. неадуш.); *зайчаныя* – *зайчанятка*, *дзіця* – *дзіцятка* (N. ніяк. адуш. → N. ніяк. адуш.) і г.д. [Лукашанец 2001].

Гэты граматычны крытэры, як уяўляецца, дае магчымасць вызначыць межы рэальнай дэмінітуўнасці ў сферы субстантыўнага словаўтварэння і ўказвае на імпліцытнасць і перыферыйнасць іншых словаўтваральных тыпаў і катэгорый у лексіка-семантычным полі дэмінітуўнасці. Вытворныя назоўнікі з імпліцытнай дэмінітуўнасцю (квазідэмінітувы), якія знаходзяцца на перыферыі функцыянальна-семантычнага поля дэмінітуўнасці, могуць адрознівацца па граматычных характарыстыках ад сваіх утваральных. Параўн., напрыклад, назвы недарослых істот:

кот → *кацяня* (N. мужч. адуш. → N. ніяк. адуш.); *заяц* → *зайчаныя* (N. мужч. адуш. → N. ніяк. адуш.); *зубр* → *зубраня* (N. мужч. адуш. → N. ніяк. адуш.); *ліса* → *лісяня* (N. жан. адуш. → N. ніяк. адуш.), *птушка* → *птушаныя* (N. жан. адуш. → N. ніяк. адуш.).

З улікам прапанаванага падыходу лексіка-семантычнае поле дэмінітуўнасці ў беларускай мове можна прадставіць як структурыраванае аб'яднанне розных словаўтваральных маркіраваных семантычных катэгорый з выдзяленнем ядра і перыферыі (гл. мал. 1).

Малюнак 1: Поле дэмінітуўнасці ў беларускай мове.

Словаўтваральныя катэгорыі – кампаненты поля дэмінітуўнасці

З улікам лексікаграфічнай і словаўтваральнай традыцыі, якія вызначаюць слоўнікавыя дэфініцыі лексічных адзінак і класіфікацыю словаўтваральных тыпаў (ТСБМ 1977–1984; БГ 1985) поле дэмінітуўнасці ў беларускай мове фарміруюць наступныя катэгорыі матываваных назоўнікаў.

2.1 Назвы з памяншальнымі і памяншальна-ласкальнымі значэннямі

2.1.1 Назвы з памяншальнымі значэннямі: *дожджык, карэньчык, мосцік* і пад.

2.1.2 Назвы з памяншальна-ласкальнымі значэннямі: *каплічка, лагчынка, лянок, лясок, жарцік, кабанчык* і інш.

2.2 Назвы з часткова страчанай дэмінітыўнасцю: *вагончык* (знач. 2 і 3), *малаточак* (знач. 2) і інш. Асаблівасцю гэтых найменняў з'яўляецца тое, што з набыццём тэрміналагічнага значэння яны страчваюць значэнне дэмінітыўнасці і фактычна дэсемантызуюцца ў гэтых адносінах.

2.3 Назвы недарослых істот: *бусяня, зубраня, ласяня* і г.д.

2.4 Назвы сына (дачкі) па роду заняткаў бацькі: *кавальчук, пісарчук, паварчук, бандароўна, папоўна, паповіч, царэвіч* і інш.

2.5 Прозвішчы-дэмінітывы: *Харытончык, Пракопчык, Нікіцевіч, Кандрацэня, Бандарчык, Касцюк, Кавальчук, Максімовіч, Аляхновіч* і г.д. Першапачаткова падобныя ўтварэнні мелі значэнне 'сын таго, хто названы ўтваральным словам'. Пры гэтым у якасці ўтваральнай асновы служылі як уласныя імёны (напрыклад, *Харытон, Пракоп, Кандрат*), так і апеятыўныя назвы асобы па роду заняткаў (*бандар, каваль*).

2.6 Памяншальныя асабовыя імёны-дэмінітывы: *Аляксандр – Алесь, Алеська, Алесік, Алік, Саша, Сашык, Сашычак, Шура; Канстанцін – Кастусь, Кастусёк, Косця, Косцік; Таццяна – Таня, Танька, Танечка, Танюша* і інш. Памяншальныя асабовыя імёны-дэмінітывы ў структуры поля дэмінітыўнасці ў беларускай мове вызначаюцца сваёй шматлікасцю, структурна-словаўтваральнай разнастайнасцю і функцыянальна-прагматычнай значнасцю.

Колькасць структурных кампанентаў поля дэмінітыўнасці ў беларускай мове можа быць істотна папоўнена іншымі тэматычнымі групамі лексікі, у тым ліку і словаўтваральна маркіраванай, у семантыцы якой імпліцытна ці віртуальна можа ўтрымлівацца сема памяншальнасці.

3 АСАБОВАЯ-ІМЁНЫ-ДЭМІНУТЫВЫ У СТРУКТУРЫ ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНАГА ПОЛЯ ДЭМІНУТЫЎНАСЦІ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Месца асабовых імён-дэмінітываў у агульным полі дэмінітыўнасці ў беларускай мове, іх спецыфіку і асаблівасці функцыянавання вызначаюць наступныя фактары.

3.1 Спецыфіка сучаснага беларускага нацыянальнага антрапанімікону

Гісторыя фарміравання сучаснага беларускага антрапанімікону абумовіла паралельнае функцыянаванне сістэмы афіцыйных (пашпартных) імён і разгалінаванай сістэмы іх вытворных форм (памяншальных, памяншальна-ласкавых і інш.), якія шырока ўжываюцца ў неафіцыйным маўленні.

Аснову сучаснага беларускага іменаслова складаюць хрысціянскія імёны, якія аб'ядноўваюць спрадвечныя ўласныя асабовыя імёны, што склаліся на ўласным беларускім і ўсходнеславянскім моўным матэрыяле (*Вячаслаў, Уладзімір, Яраслаў* і інш.), а таксама імёны старажытна-яўрэйскага (*Іван, Міхаіл, Сямён; Ганна, Марыя* і інш.), грэчаскага (*Аляксандр, Андрэй, Георгій, Максім, Несцер, Пётр, Платон, Фёдар; Агата, Алімпіяда, Ксенія, Соф'я*, і інш.), лацінскага (*Валерый, Марк, Валянцін; Агрыпіна, Клаўдзія* і інш.) паходжання. У сучасным беларускім антрапаніміконе трывала замацаваліся і ўспрымаюцца як уласныя многія імёны што прыйшлі з моў іншых народаў, з якімі кантактавалі нашы продкі, напрыклад, *Алег, Альгерд, Вітаўт, Глеб, Ігар; Вольга, Ніна, Рагнеда, Тамара* і інш.

Найбольш пашыранымі і ўжывальнымі ў наш час застаюцца імёны, якія адносяцца да сістэмы традыцыйных хрысціянскіх імён (*Аляксандр, Андрэй, Дзмітрый, Максім, Мікалай, Сяргей, Уладзімір; Алена Ганна, Наталля, Ніна*), набываюць папулярнасць так званыя «старыя» хрысціянскія імёны (*Мікіта, Арцём, Даніла, Ілля, Ігнат, Клім; Дар'я, Лізавета, Соф'я*), а таксама прэцэдэнтныя імёны, якія звязаны з гісторыяй і культурай беларускага народа (*Альгерд, Вітаўт, Рагнеда* і інш.).

Асаблівасцю функцыянавання хрысціянскай па паходжанні часткі беларускага іменніка з'яўляецца тое, што ў ім паралельна ў якасці афіцыйных (пашпартных) ужываюцца тры падсістэмы імён: візантыйска-праваслаўныя (найбольш набліжаныя да рускай іменаслоўнай традыцыі, якія часта набываюць характарыстыку рускіх), рымска-каталіцкія (у значнай ступені суадносныя з польскімі) і ўласныя народныя (найбольш нацыянальна адметныя).

Частка гэтых паралельных радоў імён поўнаасцю супадае па сваім гукавым складзе (*Адам, Раман, Пётр* і інш.), а другая – мае неаднолькавае фанетычнае афармленне. Параўн., напрыклад, рады візантыйска-праваслаўных і рымска-каталіцкіх пашпартных імён: *Фёкла* і *Тэкля, Фама* і *Тамаш, Іван* і *Ян, Іосіф* і *Юзаф, Васілій* і *Базыль, Вікенцій* і *Вінцэнт, Лізавета* і *Альжбета*. Побач з традыцыйнымі формамі праваслаўных і каталіцкіх імён шырока ўжываюцца народныя формы імён, многія з

якіх таксама набылі статус пашпартных афіцыйных імён. Параўн.: *Алесь, Васіль, Генадзь, Анатоль, Пракоп, Якуб, Язэп, Міхась, Ігнась, Пятрусь, Пятрук, Янка, Вінецук, Зміцер, Альжута, Тодар* і інш. Спецыфікай народных беларускіх імён з’яўляецца тое, што многія з іх зыходна з’яўляюцца фактычна вытворнымі дэмінутывамі ад адпаведных праваслаўных або каталіцкіх імён, але страцілі сваю дэмінутывную семантыку пры пераходзе ў разрад афіцыйных імён. Такім чынам, мы сутыкаемся з сітуацыяй, калі ў якасці афіцыйных выкарыстоўваюцца дзве і нават тры самастойныя формы аднаго імені (гл. табліцу 1).

Табліца 1.

Беларускія ўласныя імёны		
Праваслаўныя	Каталіцкія	Народныя
Аляксандр	Аляксандр	Алесь
Васілій	Базыль	Васіль
Вікенцій	Вінцэнт	Вінецук
Іван	Ян	Янка
Іосіф	Юзаф	Язэп
Пётр	Пётр	Пятро, Пятрусь
Фёдар	Тэадор	Тодар, Хведар (Хвёдар)

Усё гэта абумоўлівае шырокія магчымасці ўтварэння памяншальных і памяншальна-ласкальных форм імён і параджае спецыфіку суаднясення памяншальна-ласкальных форм імён з іх зыходнымі адпаведнікамі. Параўн.:

Алёна → *Алёнка, Алёначка, Лёна, Лёнка, Лёначка, Лёнанька, Лянуся, Лянуля, Лёля, Лёлька, Алёна, Ялёна, Гэля, Аліся, Галька* (Усціновіч 2011: 19).

Аляксáндp → *Алесь, Аляксáнка, Алёсік, Алеська, Алясюк, Аляхно́, А́лік, Алько́, Лесь, Лёсік, Леська, Лясько́, Лясюк, Сан, Сáнік, Саню́к, Санчу́к, Саню́та, Сáша, Сашко́, Сáшанька, Сашу́ня, Сушу́та, Сашу́ра, Шу́ра, Шу́рык, А́ля, Лёкса*. (Усціновіч 2011: 23).

Іва́н → *Ян, Ясь, Я́нка, Я́ська, Яну́к, Іва́сь, Я́нуш, Іва́нка, Іванéц, Іва́нчык, Іванéйчык, Іванéка, Іва́нушка, Іванько́, Іваню́та, Іваню́ша, Іваню́шка, Іваню́к, Іванчу́к, Іва́нік, Іва́х, Іва́ш, Іва́шка, Івашэ́нь, Ва́ня, Ванко́, Ванько́, Ванéц, Ва́ньша, Ваню́к, Ванчу́к, Вашко́, Вашкэ́ль, Вашу́к* (Усціновіч 2011: 96).

Кацяры́на → *Кацяры́нка, Кацяры́начка, Ка́тра, Катру́ня, Катру́нька, Катру́ся, Ка́ця, Ка́цечка, Кацю́ша, Ка́ся, Ка́ська, Ка́сечка, Касю́ля* (Усціновіч 2011: 111).

Пры гэтым назіраецца даволі складанае перапляценне вытворных памяншальных імён паводле суадноснасці з іх зыходнымі эквівалентамі, што сведчыць пра высокую ступень фармальнай поліматываванаці памяншальных асабовых імён, якая праяўляецца ў:

- а) высокай ступені поліматываванаці ў межах аднаго словаўтваральнага гнязда:

Аляксандр → *Алесь* (→ *Алесік* → *Алеська*) → *Лесь* (→ *Лесік*, *Леська*)
→ *Алік 1* → *Алічак 1*
→ *Сан* → *Саня 1* → *Санік 1*
→ *Аляксаня* → *Саня 2* → *Санік 2*
→ *Аляксаша* → *Саша* → (*Сашка*, *Сашык*) → *Сашычак*
→ *Алік 2* → *Алічак 2*

Канстанцін → *Кастусь* → *Кастусёк*
→ *Косця 1* → *Косцік 1* → *Косцічак 1*
→ *Косця 2* → *Косцік 2* → *Косцічак 2*

- б) суадноснасці аднаго імя-дэмінітыва з некалькімі зыходнымі поўнымі формамі (квазіполіматываванаць):

Юзаф → *Юзік*
Юсіф → *Юзік*
Язэп → *Юзік*

- в) наяўнасці паралельных радоў памяншальных імён:

Іван → *Івась* (→ *Іваська*), *Іванка* (→ *Іванушка*);
Ян → *Ясь* (→ *Яська*), *Янка* (→ *Яначка*) і г.д.

3.2 Шырокі дыяпазон словаўтваральных спосабаў і разнастайнасць словаўтваральных сродкаў утварэння дэмінітыўных імён

Калі ўтварэнне агульных назоўнікаў са значэннем памяншальнасці ў літаратурнай мове абмяжоўваецца толькі суфіксальным спосабам (БГ 1985), то дэрывацыйныя магчымасці ўтварэння памяншальных асабовых імён істотна шырэйшыя, як па спосабах словаўтварэння, так і па інвентары словаўтваральных сродкаў.

Так, у сферы дэмінітыўнага словаўтварэння беларускіх асабовых імён шырока прадстаўлены не толькі суфіксальныя ўтварэнні са значэннем

дэмінітыўнасці, але і імёны, утвораныя ў выніку самых разнастайных усячэнняў (апакопы і аферэзісу). Параўн.:

Ян → *Янка* → *Яначка*, *Іван* → *Івась*, *Іванка* (суфіксацыя);
Уладзімір → *Улад*, *Максім* → *Макс* (апакопа);
Аляксаша → *Саша*, *Алесь* → *Лесь* (аферэзіс);
Аляксандр → *Алесь*, *Алік*, *Ян* → *Ясь* (апакопа + суфіксацыя);
Іван → *Ваня* (аферэзіс + флексія)
Антон → *Тоша* (апакопа + аферэзіс + суфіксацыя) і г.д.

Акрамя таго, для дэмінітыўнага суфіксальнага словаўтварэння ў сферы асабовых імён характэрны не толькі шырокі дыяпазон словаўтваральных фармантаў і іх нанізванне ў словаўтваральным ланцужку, але і высокая ступень морфнага вар'іравання. Напрыклад:

-сь: *-сь* (*Ігнат* → *Ігнась*, *Ян* → *Ясь*), *-есь/-эсь* (*Аляксандр* → *Алесь*, *Вінцэнт* → *Вінцэсь*), *-ась* (*Міхал* → *Міхась*), *-усь* (*Андрэй* → *Андрусь*, *Пётр* → *Пятрусь*), *-ось* *Сава* → *Савось*) і г.д.

Усё гэта прыводзіць да складанага камбінавання спосабаў і сродкаў словаўтварэння ў адным словаўтваральным ланцужку:

Аляксáндp → *Алесь* (апакопа + суфіксацыя) → *Лесь* (аферэзіс) → *Лесік* (суфіксацыя) → *Лесічак* (суфіксацыя); *Аляксáндp* → *Аляксаша* (апакопа + суфіксацыя) → *Саша* (апакопа) → *Сашура* (суфіксацыя) → *Шура* (аферэзіс) → *Шурык* (суфіксацыя).

3.3 Характар лексікаграфічнай фіксацыі асабовых імён-дэмінітываў

У адрозненне ад слоўнікаў літаратурнай мовы, якія толькі вельмі выбіральна фіксуюць дэмінітывы, сучасныя слоўнікі ўласных імён (Тихонов 1995; Усціновіч 2011) імкнуцца да максімальна поўнага прадстаўлення вытворных асабовых імён, у першую чаргу дэмінітываў. Тым самым, падкрэсліваецца іх моўны статус і важнасць у сучасным дыскурсе.

3.4 Спецыфіка дэмінітыўнай семантызацыі/дэсемантызацыі ўласных імён

Асабовыя імёны-дэмінітывы адрозніваюцца ад агульных дэмінітыўных утварэнняў характарам сваёй семантызацыі/дэсемантызацыі. У сучасным беларускім дыскурсе асноўнымі фактарамі захавання/страты

значэння памяншальнасці дэмінітывных асабовых імён з'яўляюцца наступныя:

а) змяненне статусу вытворнага асабовага дэмінітыва.

Замацаванне яго ў якасці афіцыйнага (пашпартнага) імені з'яўляецца сведчаннем пераходу яго ў разрад нейтральных найменняў пры захаванні фармальнай дэмінітывнасці (напрыклад, *Алесь, Васіль, Генадзь*).

б) характар маўленчай сітуацыі.

Самым моцным прагматычным фактарам выяўлення дэмінітывнай семантыкі вытворных асабовых імён з'яўляецца іх ужыванне ў адносінах да маленькіх дзяцей (сітуацыя «дарослыя → дзеці»). Захаванню дэмінітывнасці вытворнага імя садзейнічаюць маўленчыя сітуацыі: «бацькі → дарослыя дзеці», «старэйшыя сваякі і знаёмыя → малодшыя (дарослыя) сваякі і знаёмыя», «старэйшыя па ўзросце субяседнікі → малодшыя па ўзросце субяседнікі» і інш. Нейтралізацыі семантыкі памяншальнасці спрыяюць камунікатыўныя сітуацыі: «субяседнікі аднаго ўзросту», «калегі па працы», «сябры» і да т.п.

3.5 Ланцужковы характар узмацнення дэмінітывнасці.

Для ўтварэння асабовых дэмінітываў вельмі ўласціва вялікая працягласць словаўтваральнага ланцужка і паступовае нарошчванне дэмінітывнай семантыкі з адначасовым узмацненнем эмацыянальна-ласкальнай мадыфікацыі. Пры гэтым найбольш адчувальным гэты працэс становіцца на стадыі «нанізвання суфіксаў»:

Аляксандр → *Аляксаша* → *Саша* → *Сашка* → *Сашанька*;

Ганна (Анна) → *Аня* → *Анюта* → *Анютка* → *Анютачка*;

Тацяна → *Таня* → *Танюша* → *Танюшка* → *Танюшачка*.

Пры гэтым можна гаварыць пра спецыфічны «ступеньчаты характар» градацыі семантыкі памяншальнасці і ласкальнасці ў ланцужку вытворных уласных найменняў. Параўн.:

Ян → *Янка* (стадыя дэмінітывнай дэсемантызацыі) → *Янак* → *Яначка*; *Аляксандр* → *Аляксаша* → *Саша* (стадыя нейтралізацыі дэмінітывнасці і ўзмацненне ласкальнасці) → *Сашка* → *Сашачка*; *Дзмітрый* → *Дзіма* (стадыя нейтралізацыі дэмінітывнасці і ўзмацненне ласкальнасці) → *Дзімка* → *Дзімачка* → *Дзімулечка* і г.д.

3.6 Спецыфіка моўнай сітуацыі

Сітуацыя блізкароднаснага двухмоўя, паралельнае выкарыстанне дзвюх іменаслоўных сістэм і практыка спрыяюць пераносу дэмінітыўных найменняў з адной іменаслоўнай сістэмы ў другую, што вядзе да павелічэння асабовых найменняў-дэмінітываў і іх варыятыўнасці. Так, у беларускім маўленні дастаткова часта ўжываюцца памяншальна-ласкальныя імёны, якія з'яўляюцца па сваёй сутнасці іншамоўнымі, але з прычыны блізкароднаснага характару беларуска-рускага двухмоўя дастаткова лёгка ўпісваюцца ў сістэму нацыянальнага іменаслова. Параўн, напрыклад, паралельнае функцыянаванне ў беларускім іменаслове рускамоўных па паходжанні дэмінітываў *Сашанька*, *Васенька*, *Оленька*, побач з уласна беларускімі *Сашачка*, *Васечка*, *Волечка*.

4 ЗАКЛЮЧЭННЕ

Як паказаў даследаваны матэрыял, моўная катэгорыя дэмінітыўнасці з'яўляецца вельмі складанай як па сваёй сутнасці і месцы сярод іншых семантычных катэгорый, так і па сваёй структуры і коле моўных з'яў, што ўключаюцца ў яе склад. Нягледзячы на шматлікія і рознапланавыя даследаванні ў гэтай сферы многія пытанні застаюцца спрэчнымі і нявырашанымі канчаткова. У беларускай мове наогул толькі ў той ці іншай ступені ў акадэмічных граматыках (БГ 1985) і асобных працах апісаны словаўтваральныя сродкі са значэннем памяншальнасці і адсутнічаюць сістэмныя даследаванні гэтай катэгорыі. Аўтар спадзяецца, што гэты артыкул паслужыць штуршком да поўнага і ўсебаковага шматаспектнага даследавання катэгорыі дэмінітыўнасці ў сучаснай беларускай мове.

ЛІТАРАТУРА

- Александр ТИХОНОВ, 1995: *Словарь русских личных имен*. Москва: Просвещение
- Аляксандр ЛУКАШАНЕЦ, 2001: *Словаўтварэнне і граматыка*. Мінск: Права і эканоміка.
- Анна УСЦІНОВІЧ, 2011: *Слоўнік асабовых уласных імён*. Мінск: Літаратура і Мастацтва.
- БГ, 1985: *Беларуская граматыка*. У 2 ч. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. словаўтварэнне. Мінск: Навука і тэхніка.
- ТСБМ, 1977–1984: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. У 5 т., 6 кн. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

SUMMARY

Personal Names-Diminutives in the Modern Belarusian Language: System and Functioning

The category of diminutiveness covers a wide range of multi-level linguistic phenomena and on the lexical level includes the following layers of vocabulary: a) words with derivationally marked objective explicit diminutiveness; b) words with derivationally marked subjective (evaluative) explicit diminutiveness; c) words with derivationally marked implicit diminutiveness; d) words with derivationally marked virtual diminutiveness; and e) words with derivationally unmarked virtual diminutiveness. The functional-semantic field of diminutiveness in the Belarusian language is primarily seen as a set of mostly derivational categories of substantive vocabulary with explicitly or implicitly expressed semantics of diminutiveness. The core of the field is constituted by derived nouns with diminutive and diminutive-hypocoristic meanings, which completely coincide in grammatical parameters with their derivational bases. The article shows the place and specificity of personal diminutive names in the overall structure of the field, which are characterized by significant quantitative composition, a high degree of polymotivation and derivational variation, a wide range of word-formation ways (suffixation, inflexion, aphaeresis, apocope, etc.) and word-formation means (a high degree of suffixal variability, chain-like character of diminutive intensification, the peculiarities of diminutive desemantization (for example, when a diminutive is transferred into an official passport name), the functional significance and specificity of language pragmatics (depending on the nature of speech situation).

ЕЛЕНА ЛУКАШАНЕЦ

*Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, Минск, elukashanets@rambler.ru*

ДИМИНУТИВЫ В РУССКИХ СОЦИОЛЕКТАХ

Диминутивные суффиксы как языковое выражение универсальной категории уменьшительности до сих пор служат предметом многочисленных дискуссий в славянском языкознании. Их структура и функционирование в славянских социолектах еще не подвергались изучению. Гипотезой данного исследования, проведенного на материале современного русского криминального арго, является следующее: специфика процесса номинации в арго, имеющего своим основным результатом эмоционально-экспрессивное дублирование слов литературного языка, ведет к появлению в лексике арго большого числа слов с диминутивными суффиксами, которые по своему составу и функциональным свойствам отличаются от диминутивных суффиксов литературного языка.

Diminutive suffixes as the linguistic expression of the universal category of diminutiveness still serve the subject of much debate in Slavic linguistics. Their structure and functioning in Slavic sociolects have not been explored yet. The hypothesis of this research, conducted on the material of modern Russian criminal argot, is the following: the specificity of argot nomination process, the main result of which is emotionally expressive reduplication of literary language words, leads to the appearance of a large number of words with diminutive suffixes in argot vocabulary, which in their composition and functional properties differ from those of literary language.

Ключевые слова: уменьшительность, суффикс, социолект, эмоционально-экспрессивная функция

Key words: diminutivity, suffix, sociolect, emotionally-expressive function

Категория уменьшительности принадлежит к числу одной из языковых универсалий: мыслительная деятельность человека невозможна без сравнения друг с другом предметов окружающего мира, что влечет за собой концептуализацию одних предметов как значительных по размерным характеристикам, других – как нормальных, а третьих – как маленьких. Важным способом выражения уменьшительности в языках с развитой

морфологией, в частности славянских, являются уменьшительно-ласкательные, или диминутивные¹, суффиксы.

Проблема строения, особенностей семантики и функционирования диминутивных суффиксов уже достаточно хорошо изучена в славистике; назовем хотя бы работы по польскому (Kreja 1999: 65–72, 112–121; Sokolowski 2007) и болгарскому (Радева 2007) языкам. В русистике эта тема была предметом постоянным дискуссий, начиная с классических работ В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. М. Шанского, А. Н. Гвоздева и заканчивая диссертациями, посвященными ей непосредственно (Покуц 1969). Выход в 1970–80-х гг. ряда основополагающих работ по русскому словообразованию Е. А. Земской, И. С. Улуханова, В. В. Лопатина, В. Н. Немченко и др. и в особенности появление знаменитой «Русской грамматики» 1980-го г. (Шведова 1980), казалось бы, подвел черту под многолетними спорами о структуре, семантике и грамматической квалификации диминутивных суффиксов русского языка. Однако в действительности эта тема настолько неисчерпаема, а диминутивные суффиксы – настолько функционально и содержательно сложное явление, что исследования в этой области не перестают появляться вновь и вновь (Крючкова 1991; Резанова 1996; Крамкова 2001; Рассказова 2002; Исакова 2006; Зинин 2008; Дашенко 2009; Воронина 2012).

Все вышесказанное касалось литературного языка (далее – ЛЯ). В то же время в русской социолектологии эта тема продолжает оставаться малоразработанной. В научной литературе по социолектам либо просто перечисляются наиболее продуктивные экспрессивные суффиксы – без анализа их функций в социолектах (Грачев 1997; Земская 2007; Лазаревич 2000; Гойдова 2004; Приходько 2006: 6; Матюшенко 2007: 15), либо, напротив, речь ведется вообще об экспрессивности, коннотациях, эмоциональности социолектной лексики как об ее специфических особенностях. Так, отмечается повышенная эмоционально-экспрессивная насыщенность лексики арго (Лихачев 1935: 64), что является следствием особого характера номинации в субстандарте (Земская 2007) и особой функцией в ней акта деривации – экспрессивного дублирования наименования (Цыбулевская 2005: 16; Лазаревич 2000: 9); выявляются различия эмоции и экспрессии в арго и в ЛЯ (Лихачев 1964: 334), причем подчеркивается однообразие эмоционально-экспрессивной стороны жаргонов и арго (Скворцов 1981: 47).

---

¹ В работах на русском языке этот термин получает двойное орфографическое оформление: диминутив и деминутив; мы выбираем первое.

Тем самым собственно характеру уменьшительно-ласкательных суффиксов в социолектах уделяется крайне мало внимания. Между тем можно предположить, что свойства диминутивов различны в ЛЯ и социолектах, поскольку социолекты представляют собой особые социальные подсистемы языка и процессы номинации в них носят также специфический характер, по сравнению с процессами номинации в общелитературном языке.

Проблемы, возникающие в связи с категорией диминутивности в социолектах, достаточно многочисленны. Какие суффиксы можно отнести к диминутивным в социолектах? Как они соотносятся с уменьшительными суффиксами ЛЯ? Каковы их функции и особенности семантики в социолектах?

На эти и некоторые другие вопросы мы и постараемся ответить в нашем докладе. Материалом служат существительные современного русского криминального арго; источником для него является база данных, составленная по многочисленным арготическим словарям второй половины XX в. (Лукашанец 2012).

Первый вопрос, который мы поставили, таков: какие именно суффиксы можно отнести к диминутивным в социолекте? Как мы уже отмечали в других работах (Лукашанец 2012: 188), в криминальном арго имеется большое число образований с т. н. модификационными суффиксами. При этом деривации в нем свойственна т. н. дуполюсность (Лукашанец 2008: 132): с одной стороны располагаются немногочисленные, но очень продуктивные суффиксы ЛЯ, с другой – очень многочисленные, но непродуктивные или даже единичные собственно арготические суффиксы.

Определение «диминутивного», если можно так выразиться, характера первых, казалось бы, не составляет трудности. Это, например, такие суффиксы, как *-ик*, *-к(а)*, *-ок*, *-чик*, *-ец*. Однако даже и в этом случае возникают проблемы.

Прежде всего, напомним, что арготические словари, как правило, не фиксируют коннотативных значений слов. Ср.: «Проблема метаязыка толкования оказывается особенно значимой при использовании арготических словарей в качестве источника лингвистического исследования. ... часто оказываются деформированными или теряются оценочные, экспрессивные, эмотивные и другие аспекты значения арготизмов, составляющие важнейшую часть его семантики. Остаётся лишь более или менее достоверно очерченная его денотативная часть» (Цыбулевская 2005: 99). Поэтому нередко говорят о десемантизации таких суффиксов. Действительно, если как *бала*, так и *балка* обозначают 'белый хлеб; хлеб' или *бегун*

и *бегунец* – это ‘клоп’, то с точки зрения денотативно-сигнификативного значения семантика этих арготизмов не различается. Однако если сосредоточить внимание именно на коннотациях, на эмоциональной окраске этих слов, картина несколько меняется. Несмотря на лексикографическую трактовку таких арготизмов, носитель русского языка (а значит, и русского арго) не может не ощущать элемента уменьшительности вторых слов в указанных парах. Поэтому далее мы будем с некоторой долей условности предполагать наличие коннотативного элемента значения в подобных образованиях.

Далее, некоторые общелитературные диминутивные суффиксы используются в социолектной деривации в другой функции. Например, суффикс *-ук*, функционирующий в ЛЯ в гипокористических именах (*Сашук*), в арго входит в состав *Nomina agentis*: *коробчить* ‘грабить’ → *коробчук* ‘вор, совершающий мелкие кражи’, *портить* → *порчук* ‘униженный человек’. Диминутивный суффикс *-ун(я)* (*Веруня*) используется в арго для образования названия носителя признака (предметного или процессуального): *игра/играть* → *игруня* ‘любовница; объект внимания’ – или лица женского пола: *штрик* ‘старик’ → *штруня* ‘старая женщина’. Эту последнюю функцию выполняет в арго и суффикс *-очк(а)*: *шкет* ‘мальчик’ → *шкеточка* ‘девочка’ (ср. в ЛЯ *шайбочка*, *Ниночка*). Можно ли говорить о диминутивном характере таких арготических образований? На наш взгляд, вряд ли. По-видимому, здесь мы имеем дело с более ярко выраженной в арго, по сравнению с ЛЯ, омонимией суффиксов. Ведь, как известно, многие диминутивные суффиксы в русском языке имеют свои параллели, полностью совпадающие по форме, но используемые в транспозиционном и мутационном словообразовании, например, по данным «Русской грамматики», суффикс *-чик*, кроме модификационного значения (*субчик*, *рукавчик*), выражает также и значения носителя процессуального признака (*разносчик*), и носителя непроцессуального признака (*зенитчик*), и носителя предметного признака (*добытчик*); суффикс *-ушк(а)* можно встретить не только в модификационном образовании (*матушка*, *зверюшка*), но и в мутационных и даже транспозиционных дериватах (*играть* → *игрушка*, *дурной* → *дурнушка*, *весна* → *веснушка*, *пировать* → *пирушка*). Если мы признаем в принципе явление омонимии аффиксов (а мы, действительно, по многим причинам, которые здесь не будем обсуждать, его признаем), тогда и арготизмы типа *шкеточка* мы исключим из нашего рассмотрения.

Другая возможная трактовка таких образований, как и в ЛЯ, – синкретизм типов словообразования (соединение модификационных и мутационных или модификационных и транспозиционных типов, см. Улуханов

1996: 160; Резанова 1996: 18). Однако такая трактовка возможна не во всех случаях, особенно если считать, что «совмещение значений обычно имеет место ..у слов, являющихся звеном такой неполной деривационной цепочки, в которой имеется пропущенное звено (словообразовательная лакуна), предназначенная для слова, отличающегося от мотивированного слова только модификационным значением» (Улуханов 1996: 161); например, если у слова *шкеточка* можно предположить пропущенное звено *шкетка, то у арготизма *штруня* пропущенного звена быть не может.

Наконец, в социолектах наличествуют еще такие образования, которые с одинаковой долей уверенности можно отнести как к модификационным, диминутивным образованиям, так и к образованиям других типов. Например, в арго имеется слово *ширка* ‘шприц’ и наряду с ним слова, которые могут быть рассмотрены как его мотивирующие: *шира* ‘шприц’ и *ширяться* ‘принимать наркотики внутривенно’. Если мы выводим мотивированное *ширка* от первого, мы должны считать суффикс *-к(a)* диминутивным, если от второго – суффиксом с транспозиционным значением. Учитывая возможность коннотации, эксплицитно не выраженной в толковании слова *ширка* (о чем говорилось выше), обе мотивировки считаем в принципе допустимыми. Однако поскольку суффикс *-к(a)* в русском языке не специализируется исключительно на выражении диминутивности (ср. существительные со значением отвлеченного действия *стирка* (белья), *рубка* (леса), *обрезка* (веток) и т. д.), склоняемся ко второй мотивации: *ширяться* → *ширка*.

Выше речь шла только об используемых в деривации в арго суффиксах, которые по форме совпадают с суффиксами общелитературного языка. Однако, как уже было сказано выше, в социолектах немало и своих, специфически социолектных суффиксов. Эти суффиксы распадаются на две группы.

Первую группу составляют те суффиксы, которые могут быть рассмотрены как модификации, варианты общелитературных суффиксов. Например, суффикс *-ик* имеет варианты *-арик*, *-урик* и *-утик* (*лопух* → *лопухарик* ‘спящий пассажир’, *вся* → *васюрик* ‘человек, не знающий, что имеет дело с ворами’, *милый* ‘контролер’ → *милюттик* ‘контролер’), у суффикса *-ок* есть вариант *-ушок* (*лепила* → *лепушок* ‘врач-хирург’), а у суффикса *-чик* – вариант *-унчик* (*петя* → *петюнчик* ‘милиционер’). Это позволяет предполагать у данных суффиксов значение диминутивности так же, как и у их общелитературных аналогов. Среди них также есть немодификационные суффиксы, что достаточно явно определяется соотношением семантики мотивирующего и мотивированного слов: *лучарик* ‘лысый человек’ выводится от общелитературного *луч*, *драпарик*

‘наркоман’ – от арготического *дран* ‘наркотик’ (при лакуне *лучарь, *драпарь), а *работничек* ‘вор’ – от арготического *работать* ‘воровать’ (при отсутствии *работник), что позволяет говорить и об упомянутом выше совмещении значений (в последнем случае на мотивацию морфологическую накладывается еще и семантическая: ощущается связь с общелитературным диминутивом *работничек*).

Суффиксы другой группы никак не соотносятся по форме с общелитературными формантами, что является объективным препятствием на пути определения их возможной коннотации. Например, мы не можем охарактеризовать оттенок значения, придаваемый арготизму суффиксом *-адей* (*лох* → *лохадей* ‘человек, не принадлежащий к преступной среде’), *-адл(а)* (*сука* → *сукадла* ‘осведомитель’), *-дрос* (*пианино* → *пъендрос* ‘пианино; рояль’) и т.п. Такие случаи не подлежат рассмотрению в настоящем докладе.

Вышеприведенные допущения позволили выделить в социолектах диминутивные суффиксы и, соответственно, диминутивные дериваты. Эти дериваты распадаются в свою очередь на две большие группы в зависимости от того, к какой подсистеме русского языка принадлежит мотивирующее слово: к общелитературному языку (внеарготические дериваты) или данному социолекту (внутриарготические дериваты). Как оказалось, характер мотивированных, и, как следствие, характер диминутивности, в этих группах нередко различается.

Внутрисоциолектные дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами почти всегда совпадают по своему основному – предметно-понятийному – содержанию со своими мотивирующими, как это было показано выше. Внесоциолектные носят несколько другой характер. В большинстве из них наряду с коннотацией имеется сдвиг в значении, по сравнению с исходным словом ЛЯ, что заставляет считать их семантически контаминированными словами: метафора (чаще всего), метонимия, расширение или сужение значения «тянет» их в сторону семантических дериватов, наличие суффикса – в сторону морфологических. Таковы, например, *брадобрейка* ‘электробритва’ (ср. *брадобрей*) с общностью функции лица и предмета; *парашютка* ‘кепка, сшитая из восьми клиньев’ (метафора: =похожая на парашют), *северик* ‘ИТУ на Крайнем Севере’ с метонимическим переносом пространственного характера, *больничка* ‘больница лагерная крупная; санчасть в ИТУ’ с сужением значения и т.п. Относить такие образования не к семантическим, а к морфологическим дериватам нас заставляют два соображения. Во-первых, по своей форме они очень часто не соотносятся с общелитературными диминутивами: например, с помощью суффикса *-к(а)* социолектизмы образуются от су-

ществительных мужского или среднего рода (*бассейн* → *бассейка* ‘баня; плавательный бассейн’, *признание* → *признанка* ‘признание в совершении преступления’), а с помощью суффикса *-ик* – от существительных женского и среднего рода (*дрель* → *дрелик* ‘электродрель’, *ведро* → *ведрик*), в то время как в ЛЯ такое невозможно. Во-вторых, подобные слова все же, как правило, не отмечены в общелитературной речи: поиск по Национальному корпусу русского языка относительно слов, например, *гетерка* (в арго ‘женщина, расторгнувшая брак’), *каламбурка* (‘анекдот; шутка’), *дредбеденька* (‘чепуха’), *кавардачка* (‘беспорядок’), *кляпка* (‘кляп’), *амурик* (‘заключенный, осужденный за изнасилование несовершеннолетней’), *сабрик* (‘рыжеволосый еврей’) не дал результатов, что не позволяет отнести *гетерка*, *каламбурка* и др. в ЛЯ даже к потенциальным словам.

Однако в социолектах есть и диминутивы, которые представляют собой семантические дериваты от общелитературных слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом – либо имен собственных, либо апеллативов (нарицательных имен). Среди всех собственных имен общелитературного языка, служащих для обозначения различных явлений в криминальном арго, около 29% – это имена гипокористические: *алёшка* ‘швейцар’, *митек* ‘глупый, недалекий человек’, *спирька* ‘мальчик’, *аннушка* ‘невозможность выполнить задуманное’, *бориски* ‘купюры новые, выпущенные при Б. Н. Ельцине’, *светланка* ‘умывальник’. Наричательных диминутивов, подвергшихся в арго семантическому переосмыслению, несколько меньше: *бананчики* ‘патроны’, *бугорки* ‘район на окраине города’, *вилочка* ‘отмычка для английского замка’, *вошка* ‘несовершеннолетняя воровка’, *жердочка* ‘окно небольшое с тонкой решеткой, которую легко взломать’, *ковшик* ‘сообщник шулера, тасующий карты в определенном порядке’, *мамочка* ‘командир отряда в женской колонии’, *трамвайчик* ‘скамейка’.

Наконец, в некоторых случаях в составе социолектизмов выделяется не полноценный суффикс, а лишь диминутивный субморф – элемент, формально совпадающий с уменьшительно-ласкательным суффиксом, но при этом являющийся частью немотивированного (с морфологической точки зрения) слова. Мы имеем в виду, во-первых, семантические дериваты от немотивированных слов ЛЯ: *бублик* ‘кольцо золотое’, *букашка* ‘несовершеннолетний вор’, *мартышка* ‘проститутка’, *одуванчик* ‘пожилой немощный человек’, *суслик* ‘заключенный из сельской местности, осужденный за совершение кражи’, *фитюлька* ‘доза наркотика’. По-видимому, можно говорить о том, что диминутивный суффикс выделялся в таких словах в диахронии (ср.: *бублик* – и чеш. *boubel* ‘водяной пузырь’, польск. *bańel*; *фитюлька* – и тамб. диал. *фитюля* ‘размазня’).

Во-вторых, такой субморф является частью оформления иноязычных по происхождению социолектизмов: *бебики* ‘глаза’ (от тюркского *bäbäk* ‘зрачок’), *драйка* ‘трехрублевая купюра’ (от немецкого *drei* ‘три’).

Наконец, он входит в состав немотивированных социолектизмов, которые не получили ясной этимологии: *ихмарик* ‘бедный, нищий человек’, *маркоташки* ‘женская грудь’, *коричка* ‘кинжал’, *алберка* ‘шприц’, *почунчик* ‘кусочек хлеба’.

Подводя итог рассмотрению суффиксальных мотивированных в социолектах, отметим следующее.

Поле уменьшительности (мы здесь рассматриваем только ту уменьшительность, которая выражена деривационным образом – с помощью суффиксов) формируется в социолектах следующим образом. Центр (ядро) поля составляют уменьшительно-ласкательные образования от самих социолектизмов; близки к ним и образования от слов общелитературного языка с уменьшительными суффиксами, которые рассматриваются нами как морфологические дериваты. Далее отстоят семантические дериваты от уменьшительных слов ЛЯ (с прозрачной мотивировкой в ЛЯ). Наконец, возможно, что в поле уменьшительности можно включить – в виде дальней периферии – и деэтимологизированные диминутивы: как литературного происхождения, так и социолектизмы с квазисуффиксами (субморфами), омонимичными уменьшительным суффиксам русского языка.

Наличие достаточно большого числа диминутивов разного рода в арго объясняется следующим образом. Есть точка зрения, что диминутивы способны выступать в качестве языкового маркера т. н. категории «свойственности/чуждости», являющейся ментальным отражением деления всего сущего на мир «своих» и мир «чужих» (Резанова 1996: 192–197). Однако в криминальном арго эта категория приобретает несколько иной вид, чем это наблюдается в общелитературном языке. Как известно, мировоззрение преступного мира специфично. Противопоставление мира «своих», т. е. лиц, стоящих вне закона, нарушающих закон, всему остальному миру выражено в арго так явно, как ни в одной другой подсистеме языка: «Основным коллективным представлением воров, определяющим их отношение к окружающему, служит представление о борьбе двух миров» (Лихачев 1935: 61). Поэтому, на наш взгляд, «свои» арготические единицы и маркируются с помощью диминутивных суффиксов – маркируются часто, обильно, многообразно и даже с нарушением норм русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Bogusław KREJA, 1999: *Slowotworstwo polskie na tle słowiańskim*. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego.

Jan SOKOŁOWSKI, 2007: Mechanizmy deminucji i hipokoryzacji w języku macedońskim i polskim na tle innych języków słowiańskich. *Prace na XIV Międzynarodowy kongres slawistów w Ochrydzie 2008*. Red. Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa. 211–218.

Василка РАДЕВА, 2007: *В света на думите: структура и значение на производните думи*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Валентина ПОКУЦ, 1969: *Уменьшительные суффиксы имен существительных в современном русском литературном языке (Грамматическая, семантическая специфика и словообразовательные возможности)*. Автореферат кандидатской диссертации. Киев.

Наталья ШВЕДОВА (гл. ред.), 1980: *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: Наука.

Ольга КРЮЧКОВА, 1991: *Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие*. Автореферат кандидатской диссертации. Саратов.

Зоя РЕЗАНОВА, 1996: *Функциональный аспект словообразования: русское производное имя*. Томск: Издательство Томского университета.

Ольга КРАМКОВА, 2001: *Функционирование деминутивов в современном русском языке*. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний Новгород.

Велина РАСКАЗОВА, 2002: *Признаки уменьшительности в словообразовательной номинации*. Автореферат кандидатской диссертации. Краснодар.

Саидат ИСАКОВА, 2006: *Средства выражения категории деминутивности в английском и русском языках (на материале английской и русской художественной прозы XIX–XX веков)*. Автореферат кандидатской диссертации. Махачкала.

Евгений ЗИНИН, 2008: *Русские деминутивы в общевариологическом аспекте*. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент.

Ольга ДАЩЕНКО, 2009: Существительные с размерным и оценочным значениями. *Біблія і культура* 11, 224–228.

Людмила ВОРОНИНА, 2012: Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке. *Вестник Томского государственного университета* 359, 15–17.

Михаил ГРАЧЕВ, 1997: *Русское арго*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского лингвистического университета.

Елена ЗЕМСКАЯ, 2007: Игровое словообразование. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*. Отв. ред. Елена Земская, Мария Каленчук. Москва: Языки славянской культуры, 186–193.

Светлана ЛАЗАРЕВИЧ, 2000: *Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ)*. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний Новгород.

Сильвия ГОЙДОВА, 2004: *Молодежный жаргон в системе современного русского национального общенародного языка*. Автореферат кандидатской диссертации. Москва.

Ирина ПРИХОДЬКО, 2006: *Русский молодежный сленг Киева (конец XX – начало XXI вв.)*. Автореферат кандидатской диссертации. Киев.

Елена МАТЮШЕНКО, 2007: *Современный молодежный сленг: формирование и функционирование*. Автореферат кандидатской диссертации. Волгоград.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, 1935: Черты первобытного примитивизма воровской речи. *Язык и мышление* 3–4, 47–100.

Анна ЦЫБУЛЕВСКАЯ, 2005: *Эмотивный арготический лексикон*. Кандидатская диссертация. Ставрополь.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, 1964: Арготические слова профессиональной речи. *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. Ред. Иосиф Мучник, Михаил Панов. Москва: Наука. 311–359.

Лев СКВОРЦОВ, 1981: Опасная болезнь жаргонизации. *О культуре речи*. Ред. Александр Кожин. Москва: Знание. 37–49.

Елена ЛУКАШАНЕЦ, 2008: Нормы современного славянского словообразования и их проявление в литературном языке и социолекте. *Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. 14 міжнародны з'езд славістаў, Охрыд, 2008: дакл. беларус. дэлегацыі*. Адк. рэд. Александр Лукашанец. Мінск. 121–136.

Елена ЛУКАШАНЕЦ, 2012: *Словообразование в арго: система способов и типов деривации*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.

Игорь УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Институт русского языка РАН.

SUMMARY

Diminutives in Russian Sociolects

The character of diminutive suffixes in modern Russian criminal argot and literary language differs. Diminutive argot suffixes may vary in their structure, representing modifications of diminutive literary suffixes. They can be used in other meanings – mutation, transposition. Their functions depend on the nature of the motivating word: its belonging to argot or literary language. In the first case the suffix is desemantized, only partially retaining its connotation. If an argotic word is formed with the help of a diminutive suffix of the literary language word, semantic reinterpretation is observed within its structure (metaphorical or metonymic transference, specialization or extension of meaning). In argot semantic derivatives, which are motivated by literary diminutive-hypocoristic names, diminutive suffixes which give an argotism emotional connotation can also be singled out. In some types of argotisms (semantic derivatives, unmotivated words) quasisuffixes (submorphs) of diminutive nature can be singled

out. All these argotisms together constitute the field of diminutiveness, the significant size of which is explained by the specificity of argot functioning as the language of a specific social group – the criminal world, the basis of the worldview of which is strict juxtaposition of two worlds – the “us” and “them”, which entails the use of diminutive suffixes as a kind of markers of “us”, though in a specific aspect.

СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ, ТАТЬЯНА ЧЕЛБАЕВА

*Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany, Halle,
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de*

Особенности отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах

При анализе языка диаспоры необходимо различать две группы его носителей: представителей первого и последующих поколений диаспоры всех волн эмиграции. Если для представителей первого поколения характерно стремление интегрировать иноязычный лексический языковой материал в языковую систему родного языка – что широко представлено и в языке метрополии в период глубоких социально-политических изменений –, то у представителей второго и последующих поколений диаспоры наблюдаются значительно более сложные процессы языковых изменений в системе языка, обусловленные влиянием языковой системы языка страны проживания и наложением двух языковых систем. В докладе делается попытка проследить особенности отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах с учетом выше названных условий.

In the speech analysis of the Diaspora language it is necessary to distinguish two groups of native speakers: the representatives of the first and the subsequent generations of the diaspora from all waves of emigration. Whereas for the first generation it is typical to integrate the foreign language vocabulary into the system of the own mother tongue – which can be seen in the language of big cities in the period of important social and political changes –, with the representatives of the second and subsequent generations of the Diaspora much more complex processes in language change can be observed, caused by the influence of the language of the host country and by the superposition of two language systems. The paper attempts to trace the development peculiarities of the diminutive category in the language of the Russian diaspora in non-Slavic countries, taking into account the conditions mentioned above.

Ключевые слова: деминутив, особенности развития языка в диаспоре

Key words: diminutive, peculiarities of language development in the Diaspora

1 ВВЕДЕНИЕ

На необходимость специального изучения словообразовательных механизмов и функций словообразования русского языка в иноязычном окружении впервые указала Е. А. Земская в своем докладе на 4-ой конференции нашей Словообразовательной Комиссии в Катовице (Земская 2000). Этот факт мы уже отмечали в своём докладе на конференции Комиссии в Белграде (Mengel, Plaksina 2012). Е. А. Земская подчёркивала, что исследователи языка русских эмигрантов, «как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая лишь отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемые слова-гибриды (заимствованная основа + русские аффиксы)» (Земская 2000: 141).

Проведенные нами исследования по изучению языка русскоязычной диаспоры (Mengel, Plaksina 2012; Mengel, Plaksina 2014) позволяют сделать два общих вывода, принципиально важных для изучения русского языка в иноязычном окружении, в частности, его словообразовательной системы:

(1) При изучении языка диаспоры следует чётко различать между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения и их потомков. Если отличительной чертой русской речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции является стремление интегрировать лексику иноязычного окружения в систему русского языка с помощью его словоизменительных и словообразовательных механизмов, используя номинативную функцию словообразования и применяя его экспрессивную функцию (обе стратегии аналогичны процессам, происходящим в языке метрополии), то, как правило, только у представителей второго и следующих поколений эмиграции наблюдается естественный билингвизм – владение двумя языковыми системами.

(2) У билингвов с русским языком – при интерференции языковых систем в целом – иноязычному влиянию подвергается в том числе и словообразовательная подсистема русского языка.

Если первая закономерность, наблюдаемая у представителей первого поколения всех волн эмиграции, аналогично проявляется в различных территориальных вариантах существования русского языка в диаспоре (ср. Полинская 2004, Авина 2004, Осипова 2004 и др. в: Мустайоки, Протасова 2004), то конкретные изменения в словообразовательной подсистеме русского языка у билингвов (представителей второго и последующих

поколений эмиграции) обусловлены специфическими особенностями словообразовательной системы каждого конкретного языка-партнёра.

В качестве иллюстрации первой закономерности приведём следующие примеры:

[1]

- (а) *Я живу в Валах. С Валами не сравнить* (англ. *San Fernando Valley, valley* 'долина') – «эмигрантский русский» в США (Полинская 2004); *Отрежь два слайсика хэма мужчине* (англ. *slice* 'кусок', *ham* 'ветчина') – запись сделана в магазине на Брайтон Бич в Нью Йорке (Земская 2001: 192); *Они (американцы) устраивают дома как хотят // Хочешь waterfall* (рус. 'водопад') / *пожалуйста* // (через несколько минут, проходя по улице) *Вот вам и водопадик* (показывает искусственный водопад) (Земская 2001: 193);
- (б) *В 3-ем апилинковом суде г. Вильнюса состоится рассмотрение гражданского дела* (лит. *apilinke* 'округ'); *Она подавалкой в ресторане работает* (лит. *radaveja* 'официантка'); *жинуцьку получил* (лит. *žinute* 'известие, сообщение, смс'); *В пизушках сейчас люди часто покупают* (лит. *pigus* 'дешёвый') – русскоязычная диаспора в Литве (Авина 2004);
- (в) *Разговор в магазине:*
- *Это печенье у нас не в ангеботе.*
  - *Как же, там даже шильд стоял, что оно ангеботное!*
  - *Значит Вы неправильно посмотрели.*
  - *Ну, ладно. Я вот тут хотел зарекламирровать этот прибор; у вас купил.*
  - *А Вы его бенуцали?*
  - *Конечно бенуцал. А то как бы я понял, что он капут?* (нем. *Angebot* 'предложение товара со скидкой', нем. *Schild* 'ценник', нем. *reklamieren* 'заявлять претензию, делать рекламацию', нем. *benutzen* 'использовать', нем. *kaputt* 'сломанный, неисправный') – т. наз. «рунецкий язык» (смесь русского и немецкого) в Германии (www.russisch-fuer-kinder.de).

Интерферентным явлениям русской и немецкой словообразовательных систем и их отражению в речи билингвов в Германии, был посвящен наш уже упомянутый доклад на конференции Словообразовательной Комиссии в Белграде (Mengel, Plaksina 2012; ср. Mengel, Plaksina 2014).

2 ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ДЕМИНУТИВА В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ В НЕСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Обращаясь к особенностям отражения категории деминутива в языке русскоязычной диаспоры в неславянских странах, мы должны принять

во внимание не только выше названные различия между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения и их потомков, но и функциональную специфику категории деминутива в русском языке. Функциональный подход к модификационной словообразовательной категории деминутива положен в основу нашего исследования. Деминутивы, как известно, выполняют в русском языке экспрессивную и номинативную функции словообразования (Земская 1992). В рамках последней они служат для обозначения «маленьких» предметов и наличия редукции признака (именного или глагольного). Кроме того, как все языковые знаки, деминутивы называют предметы и явления действительности (см. Таблицу 1):

Таблица 1: Экспрессивная и номинативная функции деминутивов

Безусловно, номинативную функцию параллельно выполняют и экспрессивные образования, ср.:

- [2] Ну и *старушенция!* Еле избавился!; (разговор по телефону:) – Чем занимаешься? – *Здоровьишко* свое поправляю; (массажистка пациенту:) Мы с Вами встретимся в *понедельничек*, в восемь сорок; Ну, я тебе скажу, и была *эпопейка!* (Земская 1992: 9).

Хотя говорящий и выражает в примерах [2] с помощью деминутивов свое раздражение, самоиронию и другие коммуникативные стратегии

или эмоции, слова *старушенция*, *здоровьишко*, *понеделничек*, *эпопейка* сохраняют при этом номинативную функцию (Земская 1992: 10).

2.1 Использование деминутивов в речи билингвов – представителей второго и последующих поколений эмиграции

На примере анализа русской речи детей из семей эмигрантов, привезённых в США в раннем возрасте в 1980-е годы, М. А. Осипова (1999; 2001) показала, что у них ослабляется модификационный тип словообразования, в частности, теряется способность к образованию деминутивов. Исследования М. С. Полинской (Polinsky 1995; 1997) с опорой на ту же группу информантов указывают на ослабление словообразовательного механизма русского языка в целом, который, по мнению исследователя, вытесняется другими языковыми механизмами под влиянием английского языка. Е. А. Земская (2001), полемизируя с выводами Осиповой и Полинской, утверждает, что модификационная категория уменьшительности-оценочности активно действует в речи представителей второго и третьего поколений эмигрантов 1-ой волны, которых она опрашивала. Исследователь делает, однако, оговорку, что её наблюдения были сделаны в домашней обстановке, в рамках непринуждённой беседы (Земская 2001: 129).

Нам уже приходилось высказывать мнение, что в свете последнего факта анализ приводимых Е. А. Земской примеров наводит на мысль, что зафиксированные исследователем в речи информантов деминутивы могли быть употреблены не в экспрессивной, а исключительно в номинативной функции, так сказать, по «семейной традиции» (ср. Земская 2000: 142; см. Mengel, Plaksina 2012: 181; Mengel, Plaksina 2014). Позволим себе ещё раз обратиться к письму Юлии Башмаковой, которое цитирует Е. А. Земская (2001: 177). Julia Baschmakoff проживает в Финляндии и является представителем 3-го поколения 1-ой волны эмиграции. Рассмотрим представленные в письме деминутивы: обращение в начале письма *мамушка* – устаревшее уменьшительно-ласкательное образование от *мать*, *мама*, которому в современном русском языке соответствовало бы, скорее всего, *мамочка* с продуктивным уменьшительным суффиксом *-очк-*; *Лёник* – специфическое «семейное», домашнее имя, а не *Лёня*, *Лёнчик* или *Лёничка*, краткие ласкательные имена от имени собственного *Леонид* (иногда *Алексей*), употребительные в современном русском языке; *Юлька* – подпись в конце письма, так подписаны все русские письма Юлии Башмаковой, которые она посылает родным (см. Земская 2001:

174–176), тогда как нейтральный стиль письма в соответствии с нормами современного русского литературного языка требует здесь нейтрального краткого имени *Юля* или полного имени *Юлия*.

Феномен обращения в форме уменьшительных имён собственных типа *Ванька*, *Манька* без какой бы то ни было экспрессивной окраски, употребляемых исключительно в качестве нейтральных наименований (по «семейной традиции») известен в среде потомков русских староверов в США, он наблюдался на курсах русского языка в МГУ среди повышавших там свою квалификацию высокообразованных учёных-филологов. Об утрате деминутивами экспрессивной функции на уровне имён собственных в речи билингвов в русскоязычной диаспоре Германии свидетельствуют и наши актуальные наблюдения (Mengel, Plaksina 2012: 181; Mengel, Plaksina 2014), ср.: [у врача] «*Как тебя зовут?*» – «*Paul Afonin*», – «*Как? Я не поняла*», – «*Да, Павлушка!*». Переходя на русский язык, ребёнок употребляет свое домашнее ласкательное имя без экспрессивной окраски: он знает, что в официальной ситуации принято называть полное имя и фамилию, что он и сделал по-немецки.

Ослабление экспрессивной функции деминутивов у билингвов в рассмотренном иноязычном окружении происходит под влиянием словообразовательных систем языков-партнёров: в немецком, английском, французском, финском – т. е. в языках стран, в которых проживают русские эмигранты, опрошенные Е. А. Земской, и где проводились исследования Осиповой и Полинской, а также наши исследования – экспрессивная функция словообразования не играет такой большой роли, как в русском языке, и не представлена таким разнообразием деривационных структур, в том числе обилием и разнообразием суффиксов деминутивов.

Ослабление экспрессивной функции деминутивов или её утрата ведут к понижению активности данной словообразовательной категории в русском языке билингвов с рассмотренными языками-партнёрами. Именно это документирует исследование Осиповой в США, а также наши наблюдения в Германии, ср.: [мальчик показывает на спящего в коляске младенца] «*Посмотрите, какой у меня брат!*». В речи русского ребёнка-монолингва здесь, безусловно, ожидается уменьшительно-ласкательное *братик* (Mengel, Plaksina 2012: 181–182; Mengel, Plaksina 2014).

Результаты эксперимента В. Петровской (Petrovskaja 2012), проведённого с целью изучения языковых стратегий и способностей двуязычных русско-финских дошкольников, подтверждают наши выводы. Хотя в исследовании Петровской не уделяется специального внимания образованию деминутивов, рассмотрим некоторые из приводимых ею записей. Детям

в возрасте 5 лет из русскоязычных и двуязычных русско-финских семей предлагалось описать ряд картинок (Petrovskaja 2012: 27), ср.:

[3]

(а) Девочка из русскоязычной семьи (монолингв, не говорит по-фински):

<...> вижу мишку / <...> папа держит чашечку / <...> вижу мальчика / который играет с мячиком / <...> а тут цветочки / <...> мальчик строит песочный за:мок / из ведёрка / и лопатка / <...> а тут кукла и медвежонок / <...> дальше мальчик, который поливает цветы / <...> а тут мишка гладит кошку / а здесь рисует мальчик с гавкой солнышко <...> (Petrovskaja 2012: 30, выделения подчёркиванием и жирным шрифтом сделаны нами – СМ, ТЧ);

(б) Девочка из двуязычной семьи (сбалансированный билингв):

<...> мишка в футбол играет / <...> мишка делает из песка торт / <...> мишка на колясочке возит игрушку // Мишка поливает цветы // <...> мишка рисует / мишка гладит кошку <...> (Petrovskaja 2012: 32, выделения подчёркиванием и жирным шрифтом сделаны нами – СМ, ТЧ);

(в) Мальчик из двуязычной семьи (билингв с доминирующим финским языком):

<...> это мишка идёт // <...> это мишка бросил мячик // <...> это мишка делает песочные ... / <...> это мишка полива:ет цветы // это мишка рисует солнце <...> // это мишка эээ погла:дила эту / собачку <...> (Petrovskaja 2012: 33, выделения подчёркиванием и жирным шрифтом сделаны нами – СМ, ТЧ).

Как видим, русскоязычный ребёнок-монолингв [3а] полностью владеет категорией деминутива, она активна в его речи. Частое употребление уменьшительных имён (выделены подчёркиванием) полностью соответствует коммуникативному заданию: описываются картинки, изображающие маленького (детского, игрушечного) персонажа. Информанту известны различные формы деминутивов от одной производящей основы, ср.: *мишка* и *медвежонок*. Он может параллельно употреблять уменьшительные и нейтральные наименования (выделены жирным шрифтом), ср.: *цветочки* и *поливать цветы*.

Ребенок, сбалансированный-билингв [3б], прекрасно и грамматически правильно справляясь с коммуникативным заданием, обходится практически без деминутивов, ср.: *в футбол играет* (ср. [3а]: *играет с мячиком*), *делает из песка торт* (не *тортик* [!]) ср. [3а]: *строит песочный за:мок / из ведёрка / и лопатка*), *рисует* (ср. [3а]: *рисует <...> солнышко*), *поливает цветы*, *гладит кошку*. Два последних выражения являются, собственно, готовыми фразеологически связанными оборотами и употребляются также русскоязычным ребёнком-монолингвом. При описании аналогичных картинок-ситуаций информант-билингв использует практически только один деминутив *колясочка* (на *колясочке*

возит). Принимая во внимание его употребление с предлогом *на* вместо нормативного в этом случае (и стилистически нейтрального) предлога *в*, можем предположить, что это выражение ребенку известно из «семейного языка», и слово *колясочка* не воспринимается им как уменьшительное. То же самое относится к слову *мишка*.

Аналогичную картину находим в описании ситуаций несбалансированным билингвом с доминирующим финским языком [Зв]. Деминутивы *мишка*, *мячик*, *собачка* (которая выступает вместо *кошки*, ср.: *это мишка погладила <sic!> эту / собачку*) представляются нейтральными номинациями, известными ребенку из «семейного языка», как и формула *поливать цветы*. Экспрессивной функцией деминутивов он не владеет, ср.: *рисует солнце* в противоположность употреблению *рисует солнышко* у русскоязычного ребѣнка-монолингва [За].

В свете высказанной гипотезы об ослаблении (или утрате) категории деминутива в русском языке билингвов, проживающих в диаспорах неславянских стран, под воздействием словообразовательных систем языков-партнѣров логично предположить, что в языке билингвов русскоязычной диаспоры славянских стран модификационная словообразовательная категория уменьшительности-оценочности, широко представленная в славянских языках-партнѣрах, продолжает активно действовать. Безусловно, это предположение должно быть подкреплено дальнейшими конкретными исследованиями.

2.2 Отражение категории деминутива в речи представителей первого поколения эмиграции

В русской речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции категория деминутива в его экспрессивной и номинативной функциях, как и следовало ожидать, не утрачивает своей активности и в диаспорах неславянских стран, ср.:

[4]

(а) Разговор в учительской:

– *Зачем нам учебники? Вот у Анны Петровны были мапочки, и хватит.*

– *Простите, что было?*

– *Ну, мапочки, неужели не ясно?! (нем. *Mappe* ‘папка’) (www.russisch-fuer-kinder.de);*

(б) *Какая у Вас кеточка интересенькая! (нем. *Kette* ‘цепь, цепочка’) (наши записи);*

(в) Из разговора при прощании:

– Ну, я пошла, чюсик! (нем. *Tschuß!* '[форма прощания] пока! привет!') (наши записи);

(г) Вопросы по докладу «Handy & Co» («Мобильный телефон и К°»):

– Могу я свой хендик использовать с карточкой?

– Да. Или Вы с фертрагом хенди заключили? (нем. *Handy* 'мобильный телефон, мобильник', нем. *Vertrag* 'договор') (наши записи).

Ср. [1б]: жинутьку получил (лит. *žinute* 'известие, сообщение, смс'); В пигушках сейчас люди часто покупают (лит. *pigus* 'дешёвый') – русскоязычная диаспора в Литве (Авина 2004).

Ср. [1а]: два слайсика хэма (англ. *slice* 'кусочек', *ham* 'ветчина'); waterfall (рус. 'водопад') : водопадик (Земская 2001).

Деминутивы регулярно образуются как от основ русских слов (ср. [4б], [1а]: [*интересная* →] интересненькая, [*водопад* →] водопадик – оба образования выполняют экспрессивную функцию), так и от иноязычных основ языка страны иммиграции. В последнем случае они представляют собой, т. наз. слова-гибриды (ср. [4 а, б, в], [1 а, б]), выделены подчёркиванием). Остановимся на этих образованиях подробнее.

Безусловно образование деминутивов от иноязычных основ служит прежде всего – наряду с морфологическими и другими словообразовательными средствами – освоению заимствований, т. е. включению иноязычных слов в языковую систему русского языка, ср. русские уменьшительные образования от иноязычных нейтральных наименований: рус. мапочка от нем. *Mappe* 'папка' [4а], рус. слайсик от англ. *slice* 'кусочек' [1а], рус. жинутька от лит. *žinute* 'известие, сообщение, смс' [1б], рус. пигушка (существительное) от лит. *pigus* 'дешёвый' (прилагательное) (т. е. пигушка 'магазин, в котором продаются дешёвые вещи')[1б]¹. Данный процесс характерен и для языка метрополии.

В языке диаспоры, однако, он протекает, как кажется, более радикально. Для русского языка метрополии характерно заимствование слов из языка-источника в определенной форме с ее последующим возможным переосмыслением и грамматическим переоформлением с помощью присоединения дополнительных русских морфем, ср.: нем. *Klappen* (мн. ч.) → рус. клапан (ед. ч.) – клапаны (мн. ч.). При образовании деминутивов в

¹ В данном случае остаётся не совсем ясным, является ли пигушка уменьшительным образованием с суффиксом -к- или нейтральным наименованием с предметным значением с омонимичным суффиксом (ср.: рус. *барахло* → барахолка).

русском языке диаспоры мы наблюдаем не только присоединение к иноязычным основам русских уменьшительных суффиксов (ср.: *мапочка* [4а], *слайсик* [1а], *жинутька* [1б]), но и замену иностранных уменьшительных суффиксов на русские, что служит специальным механизмом включения иноязычного слова в систему русского языка, ср.: рус. *кеточка* вместо нем. (*Kette* →) *Kettchen* (по аналогии с *цепочка*) [4б]; рус. *хендик* вместо нем. *Handy* [4г]; рус. *чюсик* вместо нем. (*Tschüß* →) *Tschusschen* (по аналогии с *приветик*) [4в]. При этом экспрессивная окраска деминутива может сохраняться (*Tschusschen* : *чюсик*), теряться (*Kettchen* : *кеточка*) или, наоборот, появляться (*Handy* : *хендик*).

3 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сделанные нами наблюдения об особенностях отражения категории деминутива в русском языке диаспоры в неславянских странах позволяют сделать следующие выводы:

(1) В речи представителей первого поколения эмиграции категория деминутива продолжает активно действовать и выполняет как экспрессивную, так и номинативную функцию словообразования, как это представлено в языке метрополии. Отличия от языка метрополии наблюдаются в более интенсивном использовании деминутивов в качестве механизма интеграции иноязычной лексики в систему русского языка.

(2) В речи билингвов – представителей второго и последующих поколений эмиграции – отмечается угасание категории деминутива. Это обусловлено влиянием неславянских языков-партнеров на словообразовательную систему русского языка. Процесс направлен от потери уменьшительными образованиями экспрессивной функции к ослаблению их номинативной функции до полной утраты данной модификационной словообразовательной категории.

ЛИТЕРАТУРА

Наталья АВИНА, 2004: Язык русских в Литве: словообразовательные особенности. *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Ред. Арто Мустайоки и Екатерина Протасова. Helsinki. 136–142.

Елена ЗЕМСКАЯ, 2000: Функции словообразования в языке русского зарубежья. *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Ред. Krystyna Kleszowa, Ludwig Selimski. Katowice. 141–146.

Елена ЗЕМСКАЯ, 2001: Словообразование. *Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты*. Ред. Елена Земская. Москва-Вена. 128–135.

Елена ЗЕМСКАЯ, 2002: Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов. *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Hrsg. Swetlana Mengel. Münster-Hamburg-London. 157–169.

Арто МУСТАЙОКИ и Екатерина ПРОТАСОВА, 2004: *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Helsinki. (= Slavica Helsingiensia 24).

Марина ОСИПОВА, 1999: К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень. *Slavia* 1, 37–44.

Марина ОСИПОВА, 2001: Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. *Славянские языки в неславянском окружении*. Ред. Татьяна Николаева. Москва. 448–464.

Марина ОСИПОВА, 2004: Параллельные коммуникативные инновации в русском языке диаспоры и метрополии. *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Ред. Арто Мустайоки и Екатерина Протасова. Helsinki. 161–168.

Мария ПОЛИНСКАЯ, 2004: Русский язык в США. *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Ред. Арто Мустайоки и Екатерина Протасова. Helsinki. 28–46.

Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2012: Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров). *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта*. Ур. Божо Ђорић и Райна Драгићевић. Београд, 177–192.

Swetlana MENGEL, Elena PLAKSINA, 2014: Interferenz von Wortbildungsmechanismen in den Sprachsystemen bilingualer Sprachträger (am Beispiel des Russischen in der Diaspora und seiner Partnersprachen). *Zeitschrift für Slawistik* 59/1, 46–62.

Viktorija PETROVSKAJA 2012: *Описание картинок двуязычными дошкольниками: лексико-грамматический и нарративный аспекты*. Kevät.

Maria POLINSKY, 1995: Cross-Linguistic Parallels in Language Loss. *Southwest Journal of Linguistics* 14, 87–124.

Maria POLINSKY, 1997: American Russian: Language Loss Meets Language Acquisition. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Cornell Meeting 1995*. Ed. Wayles Brown. 370–406.

SUMMARY

The Development Peculiarities of the Diminutive Category in the Language of the Russian Diaspora in Non-Slavic Countries

The observed development peculiarities of diminutive category in the language of the Russian diaspora in non-Slavic countries lead to the following conclusions:

- (1) In the language of the representatives of the first generation of immigration the diminutive category continues to act and fulfils the expressive as well as the nominative function of word formation, as it is presented in the language of the metropolis. Unlike in the metropole language the intensive use of diminutives can be observed as mechanisms for the integration of foreign-language vocabulary into the system of the russian language.
- (2) Among the bilingual speakers, namely the representative of the second and subsequent generations of emigrants a reduction of the diminutive Category can be observed, which is caused by the influence of non-slavic languages on the russian language system. The process proceeds from the loss of the expressive function in the formation of diminutives, the weakening of their nominative function, through to the complete loss of the aforesaid word formation category.

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ

*Московский государственный университет,
Россия, Москва, igormil@hotmail.com*

Параметр «меньше нормы» в парадигме обеспечения речевых действий на материале русского языка

В статье параметр «меньше нормы» рассматривается в двух аспектах, рецептивном и продуктивном, по отношению к существительным, прилагательным и глаголам русского языка. Автор склоняется к общему предположению об ограниченной ценности словообразовательных, внутрисловных средств по сравнению со средствами лексическими, формирующими соответствующие словосочетания, как для рецептивной, а особенно для продуктивной речевой деятельности.

The feature “less than normal” is examined for Russian nouns, adjectives and verbs in two aspects, receptive and productive speech activity. The general idea of the article is to the effect that lexical means with proper meaning are more proper for both kinds of speech activity, than ones with the same meaning of word-formation.

Ключевые слова: уменьшительность, рецепция, продукция, словообразование, лексикология

Key words: less than normal, reception, production, word-formation, nouns, verb

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Предлагаемый доклад, в отличие от традиционной, сосюрговской научной парадигмы, постулирующей изучение языка ради самого языка, ориентирован на обеспечение речевых действий, рецептивных (чтение, аудирование) и продуктивных (письмо, говорение). Материалом наблюдений служит русский язык. Вопрос ставится таким образом: 1) определить те разнообразные показатели, содержанием которых является «меньше нормы», и, отделив их от омонимов, выявить характер взаимодействия этих показателей с другими элементами текста и 2) определить инвентарь и сочетаемость разнообразных средств со значением «меньше нормы» для

модификации исходных имен и глаголов по этому параметру. Именно деятельностный подход не только обладает практической ценностью, обеспечивая более или менее сознательное владение русским языком как родным и как неродным. Деятельностный подход позволяет выделить *tertium comparationis* для сопоставительного изучения языков, родственных и неродственных, поскольку только такой подход четко различает в языке, с одной стороны, его знаковые проявления, коррелирующие с действительностью, и собственно языковые проявления, либо вовсе не имеющие прямой корреляции с действительностью, либо отражающие только специфическую технику, существующую в языке для обозначения такой корреляции. Как известно, эффективное сопоставление языков возможно лишь на базе общей действительности, конкретным проявлением свойств которой в нашем случае выступает модификация по параметру «меньше нормы».

И *last but not least*, именно продукция проверяет адекватность тех представлений о языковых фактах, которые были представлены в интересах рецепции.

1 СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1.1 Рецепция

В этом случае главная трудность возникает в процессе отделения суффиксов со значением «меньше нормы» от их омонимов. Уточню, что «меньше нормы» в отношении существительных по умолчанию предполагает модификацию характеристики «размер», норма которой является интуитивно определяемой как характеристика соответствующего занимаемого пространства. Толковые словари русского языка обычно не отводят для соответствующего модификационного деривата специальной словарной статьи, отсылая пользователя к производящему. И если технически это вполне оправдано, то теоретически вовсе небезупречно, поскольку уменьшительный дериват является самостоятельной лексической единицей, а отнюдь не формой слова¹.

В то же время в русском языке существуют два типа случаев, когда «уменьшительный дериват» имеет омонимы: т. н. ласкательные, т. е. ори-

---

¹ Воейкова М. Д. Грамматический статус деминутивов в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. СПб., 2013. С. 123–148.

ентированные на выражение субъективного отношения к собеседнику и представляющие собою совсем иное, чем «уменьшительность», модификационное преобразование (*солнышко, времечко, неделька, денежки, Игорек, маслице, водочка* и мн. др.). И мутационные, обозначающие уже совсем иные, чем производящее, предметы, однако чем-то (!) на них похожие (*носок (обуви), ножка (стола), ушко (иголки), язычок (замка), горлышко (бутылки), плечики (для одежды), лисичка (гриб)* и мн. др.). Как известно, «ласкательные» дериваты выступают обычно в бытовой сфере при контакте предлагающего и потребителя. В застолье (*осетринка, супчик, балычок, водочка* и т.п.), в торговле (*колбаска, творожок, капустака, хлебушек* и мн. др.), а также в бытовом обслуживании (*билетик, причесочка, уборочка* и мн. др.). При этом значений соседних слов и знаний о ситуации не всегда достаточно, чтобы преодолеть указанную омонимию: *Попробуй огурчик! Вот это конфетка! Дай гвоздик! Еще кусочек?!* Добавлю, что в качестве диагностирующего приема выступает возможность употребить определение *маленький*. Ср. *маленький огурчик, маленькая тарелочка, маленький кусочек*, но **маленький билетик, *маленькая гражданочка, *маленькое маслице*. В примерах первого типа параметр «меньше нормы» (по размеру) выражен дважды, и суффиксом, и прилагательным (см. об этом также ниже), а вероятность встретить в семантизируемом тексте примеры второго типа практически равна нулю. Впрочем, и этот прием не всегда может преодолеть омонимию модификации по параметру «меньше нормы», с одной стороны, и мутационное преобразование, т. е. случаи типа *маленькая цепочка* (дверная) и *маленькая (?) цепочка* (людей)), а также *построить стенку* (в помещении и в футболе), *бровка* (в речи парикмахера и спортивного комментатора) и т.п. Иными словами, главная трудность при выделении деминутивности как характеристики существительного при решении рецептивных задач связана с преодолением омонимии.

1.2 Продукция

Нетрудно видеть, что в процессе модификации существительных по параметру «меньше нормы» могут быть использованы как прилагательные *маленький, небольшой*, так и словообразовательные средства, достаточно хорошо описанные в существующих грамматиках русского языка. Проблема однако состоит в том, что эти средства в той или иной степени ограничены в своих возможностях сочетаться с модифицируемыми таким образом существительными. И здесь мы упираемся в проблему сочетаемости знаковых единиц, крайне сложную по своей природе и

(видимо, по этой причине), совершенно неудовлетворительно изученную в славянских, в частности, языках².

Напомню, что именно эта проблема применительно к словоизменению в русском языке решена академиком А. А. Зализняком, где словарные формы всех слов русского языка окружены конечным числом позиций, выделенных на основании возможных словоизменительных преобразований исходной словоформы. Результаты заполнения всех этих позиций соединены в типы словоизменения (склонения и спряжения) с учетом не только различий в наборах флексий, но также фонетических преобразований в основах и места ударения. Таким образом, приписав каждой словарной форме определенный индекс (условный номер типа) из их конечного количества, мы имеем возможность заполнить позиции для всех словоизменительных форм этого слова. Иными словами, желая, например, узнать, какова будет форма именительного множественного от конкретного существительного, мы получаем не традиционный для грамматического описания список средств, способных воплощать эту модификацию, но имеем для каждого слова именно ту форму, в которой данная модификация воплощается³. Для обеспечения продуктивных речевых действий мы нуждаемся принципиально в точно таком же источнике, где заполняемые позиции были бы, однако, не словоизменительными формами, но производными словами (для словообразования) и сочетаниями слов (для лексического уровня).

Совершенно очевидно, что работа, выполненная вручную для словоизменения академиком А. А. Зализняком, в наше время, как кажется, могла бы быть с помощью ИТ сравнительно легко выполнена для словообразования и даже для лексики. Однако трудность состоит, на мой взгляд, не столько в объеме предлагаемой работы, сколько в теоретической неподготовленности к ней со стороны лингвистики, а именно славянского словообразования и лексикологии.

Как известно, для работы над «Грамматическим словарем» академику А. А. Зализняку потребовалось уточнить понятие рода как исключительно согласовательной характеристике существительного, реализующейся в 7 согласовательных классах (не в 3 родах!), уточнить семантическое содержание числа существительных, выделив существительные чуждые идее счета и существительные, не способные представить числовое противопоставление средствами своей парадигмы, увеличить количество

---

² Денисов П. Н., Морковкин В. В. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978. С. 3.

³ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

падежей, добавив к традиционным шести и к спорам о родительном/винительном (*пришли денег – пришли деньги*) и формам на *-а/-у* (*кусоч сахара – кусоч сахару*) и местном (*в лесу, носу, шкафу* и т.п.) еще и счетную форму (*два часовых, три столовых, четыре пирожных*) а также другие уточнения и углубления.

Применительно к модификационному параметру «меньше нормы» в продуктивном аспекте проблема выглядит следующим образом. Необходимо построить матрицу, строками которой выступали бы все существительные русского языка, а столбцами те средства, словообразовательные и лексические, которые могли бы в принципе осуществлять такую модификацию. Совершенно очевидно, что многие существительные оказались бы вовсе неспособными, по разным причинам, осуществить такую семантическую модификацию, оставив соответствующие клетки в таблице незаполненными. Зато существительные, не оказавшиеся в таком случае совершенно инертными, реализовали бы весьма различные наборы возможностей: 1) *дом – маленький, небольшой – домик*, 2) *лужа – маленькая, небольшая – лужица*, 3) *окно – маленькое, небольшое – оконце, окошко*, 4) *город – маленький, небольшой – городок, городишко* (последнее с уничижительным оценочным компонентом) и т.п. Трудоемкость заполнения подобной матрицы неизбежно ставит и другие вопросы. Во-первых, необходимость составления подобных же матриц и для других модификаций (по полу для лиц и животных, по результативности действия, по положительному или отрицательному оценочному компоненту и т.п.). Ведь без соответствующего системного окружения матрица для модификации по одному-единственному параметру останется практически не востребованной для обеспечения продуктивных речевых действий. Во-вторых, масштабный проект для подобного же представления других модификационных (и некоторых мутационных?) преобразований упирается и в нечеткость многих самих семантических «добавлений», и в «осложнение» семантических производных заданными компонентами значения. В-третьих, кроме многочисленных трудностей относительно семантических преобразований, заданных и реально приближенных к ним в языке, встает вопрос о практической ценности именно такого решения для обеспечения продуктивных речевых действий.

Обращение к вопросу о реальной ценности предлагаемой трудоемкой работы, по-моему, всегда необходимо ставить, помня об ограниченности времени у каждого из нас и об ограниченности ресурсов у всего общества. В таком случае также возникают вопросы. Кому будет полезна такая матрица? Носителю языка или изучающему язык как неродной? Видимо, не первому, который в принципе располагает соответствующими знани-

ями уже на уровне интуиции. Причем, как предполагают современные исследователи, не в виде сопологаемых всякий раз простых единиц, но в виде целых готовых блоков, какими являются и производные слова, и словосочетания, и даже целые предложения⁴. Более того. Ориентируясь на изучающего русский язык как неродной и/или автоматический синтезатор речи, следует подумать не только о том, целесообразнее ли использовать простые единицы и запутанные правила (и запреты) для их соединения в речи или сложные единицы, не отягощенные, однако, комбинаторными ограничениями. Едва ли можно упускать из вида в заданных обстоятельствах очень важный вопрос о том, хотим ли порождать все существующие в языке возможности выражения некоторых комбинаций значений или нам достаточно одного, наиболее легкого для усвоения, способа. Напомню, что владеющий языком как родным, так и неродным активно использует при письме и говорении лишь половину того словарного запаса, который имеется у него в пассивном употреблении (чтение, аудирование).

Короче говоря, модификационный параметр «меньше нормы» по размеру применительно к существительным для обеспечения продуктивных речевых действий в значительной степени может быть реализован лексическими средствами, в то время как оформление этого параметра средствами словообразовательными сопряжено с большими теоретическими и практическими трудностями, едва ли оправданными ценностью ожидаемых результатов.

2 ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

2.1 Рецепт

«Меньшая против нормы степень признака» (не путать с меньшей или большей степенью проявления самого признака, представленной в сравнительной и превосходной степенях!) выражается лексически через *немного, несколько, слегка, чуть, мало*⁵ и т. п., а также с помощью суффикса *-оват/-еват-*. Например *глупый – несколько (немного, слегка) глуп – глуповатый, старый – немного (слегка, несколько) стар – староватый, грубый – несколько (немного, слегка, чуть) грубый – грубоватый* и т. п.

---

⁴ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 351 стр.

⁵ Апресян Ю. Д. Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.

Очевидно, что лексическое обозначение «меньшей против нормы степени признака», нередко дублируемое (как и в случае с существительными) словообразовательными средствами (*немного, несколько, слегка, чуть*) *пошлый – пошловатый – немного (несколько, слегка, чуть) пошловатый*, не вызывает затруднений при рецепции. Представляется, что, и будучи обозначенной суффиксом *-оват-/-еват-*, эта характеристика не вызывает затруднений. А наличие наряду с толковым еще и «Обратного словаря русского языка» делает задачу полного выявления всех прилагательных, выражающих соответствующую модификацию именно словообразовательным способом, посильной для толкового старшекласника, т. е. абсолютно легко при необходимости решаемой, и никак не возводит ее в ранг задач научных.

2.2 Продукция

Задача выразить «меньшую против нормы степень признака» как фрагмент обеспечения продуктивной речевой деятельности, выглядит не такой простой. Причем даже в том случае, если допустить, что мы умеем разделять все прилагательные на относительные и качественные, понимая, что первые неспособны к такой модификации, и сосредоточившись исключительно на последних. И упирается, как в случае с существительными (см. выше) в проблему сочетаемости.

Начнем со словообразовательной возможности. Как известно, еще А. Х. Востоков обратил внимание на то, что суффикс *-оват-/-еват-* обычно не присоединяется к прилагательным, обозначающим «хорошие» признаки, и присоединяется к прилагательным, обозначающим «плохие» или нейтральные признаки: *староватый – *молодоватый, глуповатый – *умноватый, подловатый – *честноватый, грязноватый – *чистоватый*, а также *холодноватый, тепловатый, странноватый, красноватый* (и другие цветовые обозначения).

Это представление о сочетаемости модификационного суффикса прилагательных *-оват-/-еват-* дожило до второй половины прошлого века, когда исследователи перестали просто транслировать востоковское наблюдение, но обратились к материалу во всей его полноте. При этом было обращено внимание на то, что многие (sic!) «плохие» прилагательные не имеют соответствующих производных: *злой, лукавый, лживый, ленивый, нахальный*, (хотя *нагловатый* есть), *беспутный, мерзкий, вредный* и т. п. Иными словами, сочетаемость лишь в ряде случаев, а отнюдь не универсально, по крайней мере в данном случае, предопределяется семан-

тикой⁶. Очевидно, что некоторую ограничительную роль играет длина и многоморфность модифицируемого прилагательного (нет соответствующих дериватов от *злокозненный, отвратительный, сумасшедший, бестолковый* и мн. др. «длинных» прилагательных). Очевидно, что отмеченная впервые А. Х. Востоковым закономерность в какой-то мере отражает важное свойство русской языковой картины мира: невозможность «умалять» степень «хороших» признаков, противопоставление таких признаков «плохим» и нейтральным, «умаление» которых представляется вполне естественным. Однако это соображение не слишком ценно для обеспечения продуктивных речевых действий на русском языке как на неродном, а также, например, для автоматического синтезирования. Для этих, вполне конкретных, задач необходимо будет создавать либо весьма длинные и запутанные правила, либо обычные и еще более длинные списки слов. Может быть, лексический способ воплощения модификации «меньшая против нормы степень признака» является более практичным? (см. выше 1.2.).

Очевидно, что «меньшая против нормы степень признака» воплощается по-русски такими единицами, как *мало, немного, чуть, чуть-чуть, слегка, капельку, чуточку* и т.п. И вновь встает вопрос о сочетаемости этих показателей с модифицируемым прилагательным. В. Ю. Апресян в специальной статье т. н. активного словаря русского языка⁷, посвященной *немного* в значении «в небольшой степени» [преимущественно в сочетании с прилагательными, наречиями и глаголами со значениями процессов, свойств, состояний, проявлений] в разделе «сочетаемость» указывает следующие примеры сочетаний с прилагательными *немного необычный (ленивый, кислый, несговорчивый)*. В статье *слегка* в значении «в малой степени» [преимущественно с прилагательными, наречиями и глаголами, градуированными по степени] сочетаемость с прилагательными представлена так: *слегка грустный <насмешливый, шершавый, прятный, занудный, сонный>*. То же значение для *чуть-чуть* представлено сочетаемостью с прилагательными *вычурный <необычный, смущенный (?ИМ), искусственный, а также поросычьи (глазки) и утиный (носик)>*. Нетрудно таким образом ясно видеть, что вопрос лексической сочетаемости слов, воплощающих обсуждаемую модификацию, далек от глубокого осмысления, требующего внимания к каким-то (sic!) семантическим свойствам прилагательных (невозможно, например, *немного, (слегка, чуть-чуть) умный, добрый, щедрый, вкусный* и т.п.), а также к существительным, определяемым прилагательным (ср. например, *чуть*

⁶ Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М., 2002.

⁷ Апресян. Ор. cit. С. 185–195.

(немного) кислое (кисловатое) яблоко и немного (чуть?) кислый вид) и предполагает не просто примеры, но и запретительные, вопреки семантике, правила. Осмелюсь, однако, утверждать, что продвижение в осмыслении именно лексической сочетаемости средств, выражающих обсуждаемую модификацию, сулит более интересные обобщения, чем осмысление сочетаемости средств словообразовательных, предполагая, однако, что *немного* достаточно свободно сочетается с «плохими» и «нейтральными» прилагательными.

Напомню, что правила продукции предполагают не реализацию всех существующих в языке возможностей, но использование достаточно простых способов, позволяющих решить именно поставленную задачу (без незапланированных семантических и коммуникативных приращений).

3 Глагол

В отличие от существительных и прилагательных, где «меньшая против нормы характеристика» однозначно предполагала соответственно «размер» и «степень признака», глаголы подобную однозначность не предполагают. Видимо, в глаголе «нарушать» норму в принципе могут три характеристики: 1) продолжительность, 2) интенсивность и 3) результативность.

3.1 Продолжительность

3.1.1 Рецепция

Очевидно, что «меньшая против нормы продолжительность действия» ясно выражается с помощью слов-гиперонимов *мало* (*радовать, беспокоить, интересовать, уважать* и др. подобные глаголы, обозначающие состояния, свойства), *недолго* (*мучиться, гулять, учиться, искать, объяснять* и т.п.), *некоторое время* (*смотреть, интересоваться, жить, стараться* и т.п.) и их гипонимами типа *несколько минут, только два дня, непродолжительно* и т.п. Впрочем, в отличие от *мало* и *недолго*, явно указывающих на непродолжительность по сравнению с условной нормой, *некоторое время* скорее фиксирует не малую продолжительность, но ограниченность действия (состояние) временными рамками, не соотнося эту ограниченность с условной «нормой продолжительности». Добавлю также, что *мало* может характеризовать не только само дейст-

вие, но и число объектов такого действия, причем иногда расчленив оба этих проявления затруднительно: например, *мало читает* («по времени» или «по количеству объектов?»).

Именно «непродолжительность» по сравнению с нормой обозначают и словообразовательные средства. В первую очередь это приставка *по-* (*поспать, погулять, поработать, почитать* и т.п.). На непродолжительность могут указывать и другие словообразовательные средства: *соснуть, всплакнуть*, а также *приболеть*. Нельзя не заметить, что и как короткое по времени действие, и как действие долговременное, однако осуществляемое с перерывами, можно усматривать и в *пованивать, подванивать, побаливать, приворовывать, подворовывать*, где «непродолжительность» (как кратковременность и/или прерывистость) соединяется уже с «ослабленной интенсивностью» (см. ниже).

Очевидно, что весьма ограниченное число глаголов, оформляющих обсуждаемую модификацию словообразовательными средствами, – мощный аргумент в пользу представления их семантики в виде словарного толкования, а не в форме мотивированного слова.

3.1.2 Продукция

Сказанное в 3.1.1. ясно доказывает как высокую эффективность обозначения «меньшей против нормы продолжительности действия» лексическими средствами, так и весьма низкую эффективность обозначения этой модификации средствами словообразовательными.

3.2 Интенсивность

3.2.1 Рецепция

«Меньшая против нормы интенсивность действия», может быть, в наибольшей степени зависит от того, откуда отсчитывать норму. При норме *гореть*, ее ослабленная интенсивность – *тлеть*, при *смеяться* – *улыбаться*, при *бояться* – *робеть*, при *любить* – *симпатизировать*, при *изучать* – *знакомиться*, при *вырвать* – *вытащить*, при *бросить* – *положить*, при *спать* – *дремать* и т.д. и т.п. Модифицироваться по обсуждаемому признаку может и отдельный компонент действия: *говорить* – *шептать* (по силе звука), *бежать* – *идти* – *тащиться* (по скорости движения), *дуть* – *веять* и т.п. Иными словами, все глаголы, включающие в свое

толкование компонент «с небольшой силой» и подобные, представляются объектом для наших наблюдений. Кроме типа, отмеченного выше, обсуждаемый модификатор может получать и самостоятельное лексическое выражение, воплощаясь в показателях, *мало* (*мало любить, уважать, зависеть*) или *слегка* (*сжать, прикоснуться, запачкаться, поругать*, а также с глаголами, уже содержащими компонент «ослабленность», *пожурить, побаиваться, робеть, привирать* и т.п.).

Имеются также и словообразовательные показатели (как части производного слова), обозначающие «меньшую против нормы интенсивность действия»: *сполоснуть, простирнуть, привирать* и нек. др. При этом в случае целенаправленных действий как «малая интенсивность» может осмысляться и «недостаточная тщательность», воплощаясь в оценочных обстоятельственных конструкциях типа *на скорую руку, на коленке, небрежно, тяп-ляп* и т.п.

Одно из средств выражения «малой интенсивности» представлено в образованиях типа *почитывать, пописывать, посматривать*, где «малая интенсивность» действия кажется уже потесненной указанием на «прерывистость», а следовательно, меньшую против нормы продолжительность действия (см. выше).

Короче говоря, и здесь лексические толкования и самих глаголов, и определяющих их слов играют несравненно бóльшую роль, чем показатели словообразовательные. Последние не только охватывают весьма незначительную часть слов, но также и не формируют семантически внятного особого словообразовательного типа (см. выше 3.1.1.).

3.2.2 Продукция

Сказанное в 3.2.1. также ясно демонстрирует преимущества лексического способа выражения обсуждаемого модификационного значения. Учитывая связанность прерывистости и ослабленной интенсивности в некоторых дериватах, можно также напомнить о лексических средствах типа *время от времени, иногда, нечасто* и т.п.⁸ Вновь подчеркну непротистительное невнимание исследователей к установлению ограничений (запретительных правил) в применении словообразовательных типов:

---

⁸ Рахилина Е. В., Летучий А. Б. Начальная фаза грамматикализации значений глагольной множественности в квазиграмматических конструкциях // Славянское языкознание. XV международный съезд славистов. М., 2013, стр. 432–451.

невозможность, например, выразить словообразовательными средствами, представленными в *побаиваться*, тех же комбинаций значений для *праздновать*, *веселиться*, *учить*, *работать*, *спать* и мн. и мн. др. исходных глаголов.

3.3 Результат

Как известно, модификация по параметру «результат действия» одна из немногих, выражаемых обычно словообразовательными средствами, не имеющими адекватных лексических эквивалентов. При этом в ряде случаев следует различать «результат» по отношению к самому действию, достигнутому внутреннего предела и исчерпавшему себя таким образом, и результат по отношению к объекту, на который действие было направлено: ср. *построить дом* и *есть – наесться – съесть*, *варить – сварить – наварить* («результат» и «много объектов»).

3.3.1 Рецепция

«Меньшая против нормы результативность» обычно воплощается элементом *недо-*, который благодаря относительной свободе своей сочетаемости похож на слово, а невозможностью самостоятельного употребления скорее напоминает морф. Решение этого теоретического вопроса, имеющего большую историю, однако, не влияет непосредственно на решение нашей задачи, как она поставлена.

Кроме того, можно выделить и некоторые изолированные случаи обозначения «меньшего против нормы результата»: ср. *подрасти – вырасти*, *привянуть – завянуть*. С обсуждаемой модификацией отчасти связаны и дериваты, обладающие также семей «дополнительно»: *подсолить*, *подварить* (и «по времени», и «по количеству объектов»). Лексическим эквивалентом этих случаев выступает *еще немного* («по времени» и «по количеству»), однако другой присутствующий в дериватах элемент, «результат», явно представлен как недостаточный (ср. *солить – посолить*, *засолить*, *подсолить*, *варить – сварить – подварить*, а также *недосолить*, *недоварить*).

3.3.2 Продукция

Очевидно, что элемент *недо*-выступает как наиболее эффективное средство для обозначения «меньшего против нормы результата». Однако, как и в других обсуждавшихся выше случаях обеспечения продуктивных речевых действий, ограничения в использовании этого средства остаются не до конца ясными. Как объяснить отсутствие соответствующих дериватов, например, от *убеждать*, *вытолкать*, *мучать*, *просить* и др.? Впрочем, как окказиональные такие образования, видимо, не исключаются.

4 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На мой взгляд, детальное и всестороннее изучение определенной модификационной характеристики представляет собой весьма эффективную постановку вопроса, за что нужно специально поблагодарить профессора Ирэнэу Страмлич Брезник. При этом очень полезным было выделение в качестве объекта исследования именно модификационной характеристики, онтологическая сущность которой в принципе отлична от субстанциональных явлений – именовании предметов, действий-состояний, отчасти признаков.

Одновременно с этим выяснилось, что соответствующие лексикографические и грамматические описания русского языка дают относительно полное и точное представление о предмете, хотя и не нацелены на решение каких-либо задач, выходящих за пределы собственно языка⁹. Отсюда – первый вывод: необходимость на современном этапе знаний о предмете представления языковых фактов и явлений не ради их самих, но ради решения более общезначимых задач. В нашем случае в качестве такой задачи было предложено обеспечение речевых действий, рецептивных и продуктивных, что в свою очередь составляет часть большой задачи соотношения языка и действительности, рассматриваемых в обоих направлениях.

Во-вторых, в очередной раз стало очевидным, что грамматику, и словообразование в частности, можно эффективно изучать только в тесной связи с лексикой. Причем эта связь касается не только синонимических и квазисинонимических отношений между морфемами и словообразова-

---

⁹ Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня. Изв. РАН СЛЯ. 2013, Т. 72, № 6.

тельными формантами, с одной стороны, и лексическими единицами, с другой. Именно «лексический фактор» оказывается важнейшим при попытках четко определить зону действия определенных словообразовательных типов и образцов. Без определения таких ограничений наши знания о словообразовательной системе теоретически весьма неполны, а практически – почти бесполезны для обеспечения продуктивных речевых действий, т. е. при движении от действительности – к языку. Признание исключительной важности (и слабой изученности!) проблем сочетаемости можно считать третьим важным следствием предложенного рассмотрения. Наконец, в-четвертых, становится все более явным и ясным то положение, что сопоставительное изучение языков, более или менее родственных и совсем неродственных, может базироваться только на общности семантической базы, т. е. более или менее схожей действительности, которую разные языки отражают по-разному и в плане содержательной точности, размытости, связанности, коммуникативной универсальности или ограниченности и т. п., и в плане формальных возможностей и предпочтений, «технических» решений и т. п. При этом последние не могут быть основой для эффективного сопоставления, оставаясь лишь ценностью для абстрактной типологии языков.

И последнее. Традиционное словообразование, равно как и словарные толкования, в прошлом были устремлены исключительно на выделение все более и более мелких единиц формы и смысла. Однако современные представления об «упаковке» языка в голове человека склоняются к существованию более крупных, чем слово, самостоятельных базовых единиц (вспомним фразеологизмы, крылатые фразы и т. п. сложные единицы). Не является ли это соображение (наряду с неясностью сочетаемостных свойств значимых частей слова) предупреждением об относительно ограниченных возможностях словообразования по отношению к языку в целом?

SUMMARY

“Less than Normal” as a Feature for Receptive and Productive Speech Activity in Russian

The feature “less than normal” is examined for Russian nouns, adjectives and verbs in two aspects, receptive and productive speech activity.

For nouns in reception the main problem is caused by homonymic relationship to nouns in question and nouns with term of endearment (*зодик*, *маслице*) and nouns with semantic feature “something-like” (*носик* for a tea-pot, *лисичка*–chanterelle). In production *маленький* is a rather universal means for the modification in question.

For adjectives there are no real problems in reception, but in production we face many limitations in collocation, which is difficult to explain.

In verbs the author marks out 3 fields for the feature in question: duration, intensity and result. The reception in all these fields is easy enough, but in the production lexical means should be preferred, because of their not so tough combination rules.

SONJA NENEZIĆ

Filozofski fakultet, Crna Gora, Nikšić, sonjan@t-com.me

Deminutivni pridjevi u *Rečniku srpskohrvatskoga književnog jezika I–VI*

U radu se predstavljaju tvorbena-semantičke odlike pridjeva sa značenjem umanjene osobine na primjerima iz *Rečnika srpskohrvatskoga književnog jezika I–VI*. Nakon opštih razmatranja o deminutivnosti, koja se često udružuje sa hipokorističnošću, daje se osvrt i na dosadašnja proučavanja deminutivnih pridjeva u serbokroatističkoj literaturi. Posebna pažnja se posvećuje tvorbena načinima i modelima po kojima se obrazuju, sufiksima i prefiksima koji učestvuju u njihovoj tvorbi, glasovnim alternacijama koje se pri tom realizuju i značenju pridjeva koji podliježu deminutivizaciji. Razmatra se i način leksikografske obrade deminutivnih pridjeva u ispitivanom korpusu.

The paper presents morphological and semantic features of adjectives with diminutive meaning, the examples of which are taken from the *Dictionary of Serbo-Croatian Standard Language I–VI*. After general considerations on the nature of diminutiveness, which is frequently used together with hypocorism, follows an overview of previous research of diminutive adjectives in Serbocroatian literature. Particular attention is paid to morphological patterns and ways of their formation, the suffixes and prefixes that partake in their formation, sound alternations that take place thereby, and the meaning of adjectives that succumb to diminutization. The way of lexicographic presentation of diminutive adjectives in the researched corpus is also taken into consideration.

Ključne riječi: pridjev, deminutiv, hipokoristik, sufiks, prefiks

Key words: adjective, diminutive, hypocorism, suffix, prefix

1 Opštepoznato je da deminutivi čine posebnu skupinu tvorenica s obilježjem umanjenosti. U trihotomiji tvorbena-semantičkih kategorija Miloša Dokulila, pripadaju modifikaciji jer u njihovom tvorenju ne dolazi do suštinske promjene polaznog pojma nego do kvantitativne izmjene njegovog značenja, pa ostaju u istoj vrsti riječi u kojoj su i njihovi motivatori. Iako se deminutivi najčešće ubrajaju u tvorenice subjektivne ocjene, činjenica je da se modifikovanje značenja u pravcu umanjenja vrši uglavnom prema govornikovoj objektivnoj

ocjeni. Međutim, oni su vrlo podsticajni za izražavanje ekspresivnih značenja, najčešće hipokorističnog, ali i pejorativnog, eufemističnog, ironičnog i sl., što je u potpunosti u domenu govornikove subjektivne ocjene.

1.1 Deminuciji podliježu imeničke, pridjevske, priloške i glagolske riječi. S obzirom na to da je najveći dio serbokroatističke naučne i stručne literature o deminuciji posvećen imenicama, mi ćemo se ovom prilikom baviti pridjevskim deminutivima odnosno njihovom tvorbenu-semantičkom strukturom na primjerima iz *Rečnika srpskohrvatskoga književnog jezika I–VI*¹, premda su i oni sporadično ili parcijalno nerijetko bivali u naučnoistraživačkom fokusu.

1.2 U ekscerpciji primjera iz odabranog korpusa nijesmo se mogli osloniti na kvalifikator dem., jer ga, npr., nema ni kod jednog pridjeva sa značenjem nijanse boje, iako se oni u stručnoj literaturi najprije navode kao deminutivni, niti kod onih čije je značenje ublaženo nekim prefiksom. Zbog toga smo izdvojili svaki pridjev, njih oko 400, u čijoj je leksikografskoj definiciji eksplicirano značenje slabijeg intenziteta neke osobine. Mnoge tvorenice koje imaju kvalifikator dem. istovremeno su označene i sa hip., mada pritom primjećujemo izvjesnu nedosljednost: tako, recimo, uz *punačak* i *punašan* stoji kvalifikator dem., a uz pridjeve iste tvorbene strukture *tanačak* i *tanašan* ide i dem. i hip.

1.3 Deminutivni odnosno deminutivno-hipokoristički pridjevi proizvod su afiksacije: češće sufiksacije nego prefiksacije. Njihovi sufiksi u kvantitativnom, a vrlo često i kvalitativnom smislu, mijenjaju značenje motivatora, iz čega proizilazi da u ovom slučaju imaju determinativnu ulogu kao i prefiksi.

2.1 Iz analiziranog korpusa izdvojili smo više od 230 sufikslnih pridjevskih deminutiva sa šezdesetak motivnih riječi. Budući da je deminucija izražavanje gradiranosti u pravcu smanjene mjere, deminuiraju se samo pridjevi sa značenjem osobine koja se može gradirati. Pretežno se to značenje tiče spoljašnjeg, fizičkog izgleda različitih pojmova. Izdvaja se veća grupa pridjeva boja: *žut, plav, crven, zelen, bijel, crn, siv, modar, rumen, smeđ, mrk, riđ* itd., na koju

---

¹ *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika* (RMS), spada u jednojezične, opisne rječnike i predstavlja zajedničko nasljeđe naroda koji su se služili srpskohrvatskim jezičkim standardom. Nastao je u drugoj polovini prošlog vijeka iz njihove kulturne potrebe za jednim modernijim rječnikom književnog jezika. Iako uredništvo *Rečnika* u predgovoru ističe da je on u prvom redu informativan i da prezentuje dokumentovano srpskohrvatsko jezičko blago (RMS I, 9), često je korišćen kao normativni rječnik, pošto uključuje samo leksiku književnog jezika. S druge strane, budući da obuhvata šest tomova sa oko sto pedeset hiljada odrednica, te tako spada u rječnike srednjeg obima, vrlo je zahvalan kao materijal za različita jezička istraživanja.

otpada trećina od ukupnog broja motivatora. Brojni su i pridjevi sa značenjem dimenzije, težine, zapremine, položaja, oblika, opšteg fizičkog stanja i sl., među kojima su mnogi antonimijski parovi: *velik, mali, dug, kratak, debeo, mršav, vitak, lak, tanak, krut, pun, prazan, kriv, okrugao, slab, lijep, mlad* itd. Slijede pridjevi sa značenjem osobine koja se spoznaje čulima ukusa i dodira: *bljutav, gorak, kiseo, sladak, slan, mlak, mek, suv, topao, hladan*, a najmanje je onih kojima se izražava neka unutrašnja osobina: *blesav, glup, dobar, drag, lud...* Među pobrojanim motivatorima najproduktivniji su: *žut, mali, modar, plav, slab*, dok se mnogi javljaju samo jednom: *gorak, grbav, grub, mastan, mračan, mrgodan, mutan, smeđ, čađav, čupav...*, uglavnom pridjevi nepoželjnih osobina. Motivni pridjevi su većinom jednosložni ili dvosložni. Dominiraju prosti, ali ima i izvedenih: *mračan, čađav, šaren, grbav, zlatan, nejak...*, mada im sufiks otpada pri deminuiranju.

2.2 Zanimljivo je da u našoj građi postoji veliki broj sufiksa koji se javljaju samo u po jednoj riječi, čak dvadeset četiri, i svi su složeni: **-ajast:** *mrkajast*, **-ijast:** *vitijast*, **-karast:** *žućkarast*, **-eljast:** *kruteljast*, **-enkast:** *plavenkast*, **-olast:** *mrkolast*, **-oljast:** *dugoljast*, **-onjast:** *suhonjast*, **-ukast:** *bjelukast*, **-ec(a)k:** *malecak*, **-eč(a)k:** *malečak*, **-ič(a)k:** *maličak*, **-uc(a)k:** *tanucak*, **-ec(a)n:** *malecan*, **-uc(a)n:** *majucan*, **-ov(a)n:** *suhovan*, **-eljiv:** *žuteljiv*, **-iljav:** *žutiljav*, **-injav:** *žutinjav*, **-išav:** *golišav*, **-njikav:** *žutnjikav*, **-oljav:** *suholjav*, **-onjav:** *suvonjav/ suhonjav* i **-urav:** *sićurav*. Izvan deminutivno-hipokorističke kategorije produktivan je jedino sufiks **-ovan**, dok se **-eljiv**, **-njikav**, **-olast** i njegova varijanta **-oljast** javljaju samo u još po kojem rijetkom primjeru drukčijeg značenja. Dakle, većina pobrojanih sufiksa se ne odlikuje jednom od najvažnijih karakteristika sufiksa, a to je obrazovanje nizova riječi. Međutim, navedeni primjeri su motivisani pridjevima različite semantike i tvorbeno raščlanjivi: u njihovoj tvorbenoj strukturi prepoznamo tvorbenu osnovu i nastavak koji ublažava značenje motivatora.

Mnogi od navedenih usamljenih ili jedinačnih sufiksa nijesu zabilježeni u preglednoj tvorbenoj literaturi. Kod I. Klajna (2003) i S. Babića (1986) nema više od polovine navedenih sufiksa, što govori o njihovoj neuobičajenoj upotrebi. No uprkos tome, jedino je pridjev *sićurav* u RMS označen restriktivnim kvalifikatorom – pokr. Pridjevi *malecak*, *malecan*, *malečak*, *golišav*, *suvonjav*, navode se u literaturi jer su uprkos jedinstvenoj tvorbenoj strukturi vrlo frekventne upotrebe.

2.3 Pored navedenih, iz analizirane građe smo popisali još dvadeset sedam sufiksa. Među njima preovladavaju složeni sufiksi, grupisani oko prostih. Tako sa **-ak** idu **-ac(a)k**, **-ač(a)k** i **-aš(a)k**; **-av** okuplja **-kav**, **-ikav**, **-ičav**, **-uljav**, **-unjav** i **-ušav**; sa **-an**, i pridruženim **-en**, dolaze **-eh(a)n**, **-eš(a)n**, **-ah(a)n**, **-aš(a)n**, **-uš(a)n** i **-ot(a)n**; a **-ast** ima **-kast**, **-čast**, **-ikast**, **-ičast**, **-uljast**, **-ušast**

i **-uškast**. Primjetno je da se deminutivni sufixi javljaju u različitim varijantama, u kojima se ogledaju istorijski i fonološki uslovljene izmjene konsonanata i njihovo kombinovanje s vokalima (up. **-ac(a)k**, **-ač(a)k** i **-aš(a)k**; **-eh(a)n** i **-eš(a)n** itd.). Za razliku od prostih sufixa, kojima se izvode pridjevi različitih značenja, sve složene sufixne varijante koriste se samo za deminutivno-hipokoristična obrazovanja. Za većinu se može reći da su manje-više slabo produktivne, a mnogi njihovi derivati rijetki u upotrebi, što u stvari govori i o svojevrsnom izbjegavanju emocionalnog markiranja, koje se proteže i na obilježavanje izrazite deminutivnosti (Grickat 1995: 7).

2.3.1 Najmanje je produktivna grupa okupljena oko prostog sufixa **-ak**. Tako su **-(a)k**, **-aš(a)k** i **-ac(a)k** predstavljeni sa po nekoliko primjera: *veličak*, *nejačak*; *lagašak*, *slabašak*; *lagacak*, *malacak*, *tanacak*. Nešto većom produktivnošću izdvaja se **-ač(a)k**: *velikačak*, *malačak*, *nizačak*, *tanačak*, *punačak*, *slabačak*, *ludačak*...

2.3.2 Grupa sufixa s prostim **-av** malo je brojnija i produktivnija od prethodne. Sufiks **-av** je inače veoma produktivan, međutim u deminutivnom značenju je izrazito neproduktivan, bilježimo ga samo u: *mlakav*, *sinjav*, *crvenjav*, a takve su i skoro sve njegove varijante: **-kav**: *bjelkav*, *glupkav*, *debeljkav*, *slapkav*, **-uljav**: *živuljav*, *modruljav*, *mrtvuljav*, *mršuljav*, *krutuljav*, **-ičav**: *bljedičav*, *žutičav*, *zebljičav*, *zeleničav*, *mladičav*, *modričav*, **-ušav**: *golušav*, *mekušav*, *plavušav*, *slabušav*, *tanušav*, **-unjav**: *bljedunjav*, *zlatunjav*, *mršunjav*, *slabunjav*, *sladunjav*, *hladunjav*. Najproduktivnija je varijanta **-ikav**: *bljedikav*, *modrikav*, *plavetnikav*, *plavetnjikav*, *mutnjikav*, *praznjikav*, *hladnjikav*, koja najčešće jotuje finalni suglasnik tvorbene osnove.

2.3.3 Sufiks **-an** se sreće u desetak deminutivno-hipokorističnih tvorenic, koje su uglavnom iz poetskog registra: *bljeđan*, *zlačan*, *kračan*, *lagan*, *ludan*, *mlačan*, *punan*, *sićan*, *sladžan*, *tanan*, *tihan*, *hlađan*. Neke su usljed česte upotrebe izgubile ekspresivno značenje, pa se danas koriste i u značenju pozitiva (*lagan* i *tanan*). Neproduktivni su i **-eh(a)n**, **-ot(a)n** i **-eš(a)n**: *mlađehan* i *tanehan*, *suhotan* i *tihotan*, *malešan* i *tanešan*. Mnogo su produktivnije varijante **-ah(a)n**: *grubahan*, *dragahan*, *žeđahan*, *malahan*, *milahan*, *sićahan*, *slabahan*, *hlađahan*... i **-aš(a)n**: *dragašan*, *kratašan*, *kračašan*, *malašan*, *punašan*, *tanašan*..., međutim, danas su uobičajeni samo njihovi derivati *živahan*, *slabašan* i eventualno *lagašan*, dok su ostali zastarjeli. P. Skok tvrdi da su od *lagahan*, *mekahan* i *tanahan* nastali *lagan*, *mekan* i *tanan* (Klajn 2003: 269). Ovo bismo tvrđenje mogli proširiti i na *bljeđahan*: *bljeđan*, *kračahan*: *kračan*, *luđahan*: *luđan*, *mlačahan*: *mlačan*, *sladžahan*: *sladžan* itd. Najproduktivniji je sufix **-uš(a)n**: *bjelušan*, *grbušan*, *dragušan*, *kračušan*, *lagušan*, *mršavušan*, *slabušan*, *tanušan*... Međutim, danas su uobičajeni samo pojedini od ovih pridjeva: *majušan*, *sićušan*, *mekušan*, *mlakušan*, *debeljušan*. Sufiksi ove grupe nerijetko

dovode do jotovanja, mada bi se neki primjeri kao *mlačan*, *bljedahan*, *luđahan*, *kračašan*, *tanjušan* mogli objasniti i komparativnom osnovom.

2.3.4 Među prostim analiziranim sufiksima najproduktivniji je **-ast**, koji je produktivniji od svih svojih složenih varijanata sem od **-kast**. Njime se deminuiraju pridjevi različite semantike: *blesast*, *debeljast*, *krivast*, *ludast*, *mrgodast*, *slanast*, *slatkast*... Često se kombinuje s pridjevima neodređenih boja: *modrast*, *mrkast*, *riđast*, *rudast*, *sivast*, *sinjast* itd. U vezi s njim nerijetko imamo dublete: s nejotovanim i jotovanim finalnim suglasnikom osnove: *kiselast/kiseljast*, *okruglast/okrugljast*, s punom i okrnjenom osnovom: *bljutast/bljutavast*, s punom nejotovanom i s okrnjenom jotovanom: *zelenast/zeljast* i sl.

Najveći broj izvedenica sa sufiksom **-kast** znači nijansu boje: *bjelkast*, *žučkast*, *plavkast*, *rumenkast*, *sivkast*, *smečkast*, *crvenkast*, *crnkast*..., ali ima ih i s drugim značenjima: *bljutkast*, *kiselkast*, *slankast*, *vitkast*, *debeljkast*... Ostale varijante sufiksa **-ast** manje-više su neproduktivne i uglavnom znače približnu boju: **-ikast**: *modrikast*, *plavetnikast*, *rozikast*, *crvenikast*, **-ičast**: *modričast*, *plavičast*, *bjeličast*, *bljedičast*, **-uljast**: *modruljast*, *plavuljast*, *duguljast*, *živuljast*, **-ušast**: *modrušast*, *plavušast*, *bjelušast*, *mekušast*, **-uškast**: *modruškast*, *plavuškast*, *debeljuškast*, *ljepuškast*. Posebno je neobičan sufiks **-čast**: *plavčast*, *crvenčast*, koji Klajn i Babić ne bilježe.

2.4 Nedosljedno markiranje analiziranih pridjeva u RMS potvrđuje da nije uvijek jasno imaju li deminutivno ili hipokoristično značenje, ili oba. Pridjevski deminutivi i hipokoristici tvore se istim sufiksним materijalom, pa se čini da ih na osnovu njega nije moguće razlikovati, ali ipak u literaturi nalazimo i takva razgraničenja. Tako u Barić i dr. (1997: 361–362) stoji da se sufiksima **-kast** i **-ičast** tvore umanjence s neobilježenim, a sufiksima **-ač(a)k**, **-ah(a)n**, **-an**, **-aš(a)n**, **-eš(a)n**, **-uljast**, **-unjav**, **-uškast** s obilježenim hipokorističnim značenjem.

Što se tiče motivnih pridjeva, obično se smatra da ako oni označavaju neku poželjnu osobinu, onda i sufiks intenzivira to značenje, odnosno dobija hipokorističku vrijednost. Iskaže li se njima neka nepoželjna osobina, onda sufiks atenuira to značenje, odnosno stiče deminutivnu vrijednost. Međutim, neki pridjevski derivati koji su u RMS označeni kao hipokoristici imaju motivatore i poželjnih i nepoželjnih osobina: *mladušan* i *grbušan*, npr. Tako, u stvari, dolazimo do konteksta, čiji je značaj u razrješavanju ovakve dileme velik.

Pridjevi označeni samo kao hipokoristični: *bjelušan*, *dragahan*, *kračahan*, *kračašan*, *kračušan*, *ludačak*, *mlačan*, *hlačan*, kazuju osobinu koja se može gradirati, te bi se mogli upotrijebiti i kao deminutivni. Indirektno to potvrđuje i RMS, u kojem se npr. hipokoristički obilježen pridjev *belušan* definiše upućivanjem na *beličast*, čija je interpretacija »ponešto beo, s belom nijansom«.

Nije lako odrediti ni razliku u stepenu stilske obilježenosti među primjerima iste vrste. Tako se pridjevi *modrast*, *modrikav*, *modrikast*, *modričav*, *modričast*, *modruljav*, *modruljast*, *modrušast* i *modruškast* uzimaju kao sinonimi jer imaju zajedničku tvorbenu osnovu (*modr-*), a izvedeni su sinonimnim deminutivnim sufiksima. Zahvaljujući njihovoj strukturi zaključujemo da je stepen stilske obilježenosti veći kod *modruškast* nego kod *modrast*, jer »formalno složenija reč ima viši stepen ekspresivnosti« (Čorić 2008: 179), pa ipak u najvećem broju slučajeva razlike u ekspresivnosti skoro da i nema.

Na neodređen stepen zastupljenosti konkretne osobine kod deminutivnih pridjeva ukazuju i njihove leksikografske definicije s kvantifikatorima: *ponešto*, *pomalo*, *u maloj mjeri* ili *dosta*, *podosta*, *prilično*. Prema njima, u tom pogledu, nema razlike ni između primjera iste vrste. Npr. pridjev *žučkast* definiše se kao »pomalo žut, nažut«, svi drugi: *žuteljiv*, *žutiljav*, *žutinjav*, *žutičav*, *žutkast*, *žutnjikav*, *žučkarast*, upućeni su na njega.

3 Manji dio analizirane građe čini oko 150 prefiksala derivata, što znači da je prefiksala deminucija pridjeva siromašnija od sufiksala. Funkciju njihovih motivatora uzima preko stotinu pridjeva, najčešće u obliku pozitiva, mnogo rjeđe komparativa i superlativa. Kao kod sufiksala, i kod prefiksala derivata uglavnom je riječ o pridjevima fizičke osobine, mnogi su im i zajednički. Jedino se pridjevi boja mnogo rjeđe modifikuju prefiksima. Najveći broj motivatora, njih osamdesetak, javlja se samo jednom u toj ulozi, tridesetak njih dvaput, dok se svega osam pridjeva, *gust*, *jak*, *lijen*, *mračan*, *star*, *tvrd*, *hladan* i *širok*, triput sreće u svojstvu motivne riječi, što je i najproduktivnije.

3.1 Prefiksali pridjevski deminutivi označavaju ublaženi stepen osobine i ne prati ih ekspresivnost odnosno hipokorističnost. Prefiksima *po-*, *o-* i *pri-* odgovara kvantifikator »dosta«, a *na-*, *pro-*, *su-* i *ne-* imaju svoj ekvivalent u kvantifikatoru »malo«. Prefiks *po-* je najproduktivniji, zatim *o-*, dok su ostali slabije ili zanemarljive produktivnosti. Nijedan od njih nije ograničen samo na deminutivna obrazovanja.

3.1.1 Prefiksi *po-* i *o-* u literaturi se tumače zajedno jer se samo oni od navedenih prefiksa kombinuju i s pozitivom i s komparativom, a *po-* i sa superlativom pridjeva.

Prefiks *po-* se u analiziranoj građi najčešće spaja samo s pozitivom pridjeva: izdvojili smo tridesetak primjera, među kojima, primjetno je, nema pridjeva boja: *povisok*, *pogrup*, *podubok*, *podug*, *pokrupan*, *polijen*, *pomalen*, *pomastan*, *pomlad*, *ponizak*, *poslab*, *potvrd*, *potijesan*, *potih*, *pouzak*, *počest...*, zatim nekoliko parova s pozitivom i komparativom: *povelik*, *poveći*, *podebeo*, *podeblji*, *podalek*, *podalji*, *potanak*, *potanji*, *potežak*, *poteži...*, i desetak primjera samo

s komparativnim oblikom: *pobolji, poviši, podalji, poduži, pojači, pomanji, pomlađi*... Prefiks *o-* dolazi u dvadesetak primjera samo s oblikom pozitivna: *ogust, ojak, okrupan, olak, omalen, omršav, otanak, otvrd, oširok*..., i u desetak parova s pozitivnim i s komparativnim oblikom: *ovisok, oviši; odebeo, odeblji; odubok, odublji; onizak, oniži; orijedak, orjeđi; otežak, oteži*... To što se većina ovih pridjeva ne javlja i s pozitivom i s komparativom, govori o njihovoj nestabilnoj sistemskoj upotrebi.

U leksikografskoj obradi ovih primjera primjetan je dvostruki pristup: oblik s komparativom se pretežno tretira kao posebna riječ, npr. *poveći* – prilično veći, *ostariji* – postariji, prilično, podosta star itd., a u manjem broju primjera se daje uz oblik s pozitivom kao njegov komparativ, npr. *podebeo* (komp. *podeblji*) ili *očest* (komp. *očešći*). Međutim, »*oveći* i *poveći* nisu komparativi od *ovelik* i *povelik* (jer ne znače više *ovelik* i više *povelik*), nego se naslanjaju neposredno na *veći* i *velik* i predstavljaju rezultate tvorbe reči, a ne gramatičke fleksije« (Stijović 1983: 110). Prefiksi *po-* i *o-* ublažavaju značenje usmjeravajući ga od krajnje ili polazne tačke na gradacionoj skali prema središtu, bez utvrđivanja tačke dosezanja svojstva, pri čemu je krajnja tačka pozitiv, a polazna apsolutni komparativ osnovnog pridjeva (Ristić 1999: 59). U tom smislu *povelik* i *poveći* ne bi trebalo da su sinonimi, jer se u drugom primjeru, za razliku od prvog, ublažava već ublažena osobina. Međutim, na osnovu leksikografskih definicija ovih pridjeva, i njihove interpretacije u naučnoj literaturi, moglo bi se zaključiti da semantičke razlike među njima ili nema ili je minimalna. Isto se može reći i za odnos između pridjeva tipa *povelik* i *ovelik* odnosno *poveći* i *oveći*. Kolebanja i nedoumice u interpretaciji njihovog sadržaja S. Ristić obrazlaže nestabilnošću sistema gradacionih jedinica i činjenicom da je gradacija dosta podložna uticaju pragmatičkih faktora (1999: 65). Kad je u pitanju oblik tipa *poveći*, do njih dolazi vjerovatno i zbog toga što se on, za razliku od tipa *oveći*, koristi i kao primarni komparativ, kad predstavlja ublaženi komparativ osnovnog pridjeva *velik*.

3.1.1.1 RMS posebno navodi *ponaj-* s definicijom: »kao prefiks u tvorbi pridjeva i priloga malo ublažava superlativno značenje« i primjerima: *ponajbolji, ponajviši, ponajzadnji*. Međutim, u pitanju je samo prefiks *po-*, koji se dodaje superlativu, i ne može se govoriti o istovremenom dodavanju prefiksa *po-* i *naj-* komparativu, odnosno o složenom prefiksu *ponaj-*. Iako iz navedene definicije proizilazi da je *po-* moguće dodati bilo kom superlativu, P. Piper primjećuje da se ovaj prefiks ipak ne nalazi u paradigmi svakog opisnog pridjeva, uzimajući za primjer trosložne pridjeve: *sposoban, efikasan, uspješan* itd., čiji bi narativni superlativ, kako on naziva ekspresivni superlativ s prefiksom *po-*, zvučao neuobičajeno (2005: 858). Ristić ističe da prefigurirani superlativ ne ulazi u gradacionu paradigmu antonimijskog pridjevskog kompleksa, jer pripada

drugo, komparativnoj paradigmi (1999: 59). Obično se primjenjuje na pojam koji u datom skupu posjeduje neko svojstvo u najvišem stepenu, a podrazumijeva se da izvan njega postoje pojmovi s istim svojstvom u još višem stepenu.

3.1.2 Pridjevi s prefiksom *pri-* najčešće označavaju skoro dosegnuti stepen osobine iskazane osnovnim pridjevom, što korenspondira sa značenjem neposredne blizine, koje ima predlog *pri*. Uglavnom su to pridjevi nepoželjnih osobina: *priglup, prilijen, prilud, primračan, pristar, pritaman*, mada ima i onih za koje se to ne bi moglo reći: *prikrotak, prisnažan, prizreo, pritvrd*. Danas su u upotrebi samo rijetki: *priglup, pritup* i *priprost*. Neki imaju i neobične sinonimske varijante s prefiksom *po-*: *poglup, polijen, potvrd, postar, pokrotak*, i s prefiksom *o-*: *ostar, otaman, otvrd*.

3.1.3 Prefiksi *na-*, *su-* i *pro-* pretežno se kombinuju s pridjevima nepoželjnih osobina, čak i kad su boje u pitanju. Izdvojili smo dvadesetak primjera s prefiksom *na-*, čija je služba usmjerena u pravcu označavanja načetosti (Grickat 1995: 23): *nagluv, natruo, nazreo, nalijen, naljut, nakriv, našupalj, nakiseo, nasirov, nagust, nasiv, narumen, nacrven*... Prefiks *su-* se sreće u petnaestak primjera, ali osim pridjeva *sulud*, danas je običan i *sumračan*, dok ostali predstavljaju zastarjela obrazovanja: *subijel, sucrven, sumodar, subenast, sulud, sumanit, sumlak, sumračan, sumrtav, supijan, sugluv*... Pridjevski deminutivi s prefiksom *pro-* zastupljeni su u RMS s desetak primjera: *prosijed, prohladan, pročelav, problijed, prokiseo, prorijedak, prostudan, prosuv*, od kojih su samo prva tri danas uobičajena.

3.1.4 U nekoliko primjera smo zapazili deminutivnu, pa i eufemističnu funkciju prefiksa *ne-*: *nevelik, negolem, nedalek, nejak, neširok*. Osim što negira osnovni pridjev, on može i da ublaži značenje suprotnog pridjeva: *nevelik* je prema leksikografskoj definiciji »omanji, malen, mali«. I. Grickat ističe da se ova pojava sreće najprije kod pridjeva koji prema sebi imaju etimološki nesrodne antonime (1961–1962: 122), međutim, ova tvrdnja se može proširiti na prefiksalsnu pridjevsku deminuciju uopšte, čak i na sufiksalsnu, s izuzetkom pridjeva boja.

4 Po broju ekscerpiranih i analiziranih primjera, koji pritom nijesu označeni nekim markerom što bi ukazivao na stepen njihove prihvaćenosti, reklo bi se da je pridjevska deminucija s hipokorizacijom dosta produktivan proces, koji uključuje i sufiksaciju i prefiksaciju, uz učešće velikog broja tvorbenih formana. Međutim, mnogi deminutivno-hipokoristični pridjevi predstavljaju zastarjela ili individualna obrazovanja, a od pojedinih tvorbenih tipova ostali samo tragovi od svega nekoliko primjera, što govori o današnjoj smanjenoj potrebi za njima.

LITERATURA

Stjepan BABIĆ, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: JAZU, Globus.

Eugenija BARIĆ i dr., 2007: *Hrvatska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.

Božo ČORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.

Irena GRICKAT, 1961–1962: O nekim problemima negacije u srpskohrvatskom jeziku (s osvrtom na stanje u ruskom jeziku i u nekim drugim slovenskim jezicima). *Južnoslovenski jezik* XXV, 115–136.

Irena GRICKAT, 1995: O nekim osobenostima deminucije. *Južnoslovenski filolog* LI, 1–30.

Ivan KLAJN, 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Drugi deo. Sufiksacija i konverzija*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Matica srpska, Institut za srpski jezik SANU.

Predrag PIPER i dr., 2005: *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska.

Stana RISTIĆ, 1999: Neke karakteristike prideva sa prefiksima *o-* i *po-* u savremenom srpskom jeziku. *Naš jezik* XXXIII/1–2, 57–67.

Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika, 1967–1976. I–III. Novi Sad – Zagreb: Matica srpska – Matica hrvatska. IV–VI. Novi Sad: Matica srpska.

Rada STIJOVIĆ, 1983: Prefiksacija prideva u srpskohrvatskom književnom jeziku. *Zbornik za filologiju i lingvistiku* XXVI/1, 99–130.

SUMMARY

Diminutive Adjectives in the Dictionary of Serbo-Croatian Standard Language I–VI

Based on the analysed material, it can be concluded that diminution mainly involves adjectives denoting physical characteristics, particularly adjectives denoting colour. Adjectival diminution with suffixes is more productive than the one with prefixes, both by the number of adjectives it involves, and by the number of morphological formants that partake in them. Most of the suffixed material of adjectival diminution is specialized only in one particular morphological-semantic category, while none of its prefixes represent the only means of diminution. Suffixation is frequently accompanied with hypocorism, which is not the case with prefixed adjectives. The number of the excerpted examples, which are thereby not highlighted in the researched corpus as an indicator of how well accepted they are, it might be said that adjectival diminution is a rather productive process. However, many instances represent archaic or individual formations, while traces of certain formation types are remaining with only a few examples.

АЛЕКСЕЙ НИКИТЕВИЧ

ГрГУ им. Я. Купалы, Беларусь, Гродно, anikit@inbox.ru

Что такое *голоменица* (парадоксы словообразовательного синтеза)?

В настоящей статье рассматриваются деминутивные образования в составе фрагментов диалектных лексико-словообразовательных гнезд. При исследовании деривационного потенциала русского диалектного слова, выявлении единиц, представляющих когнитивно значимые значения, определенный интерес представляют и различные производные модификационных и мутационных словообразовательных типов, в частности, первичные и вторичные деминутивы. В докладе, на материале различных объединений родственных единиц с учетом оппозиции литературный язык/говоры сравнительному анализу подвергаются не только отдельные производные, но и целые группы слов, которые в некотором количестве «порождены» одной словообразовательной системой и отсутствуют в другой.

The article examines the diminutive units in the structure of dialectal lexical word-forming nests fragments. In the study of the derivational potential of Russian dialectal words and units representing cognitively significant meanings, diverse derivatives of modificational and mutational word-forming types, particularly, the primary and secondary diminutives are of great interest. In the paper, on the material of various groups of related units, not only discrete derivatives but whole groups of words a number of which are produced by one word-forming system and are missing from the other are subjected to the comparative analysis taking into account the opposition “the literary language/dialects”.

Ключевые слова: деривация, диалектное слово, фрагменты словообразовательных гнезд.

Key words: derivation, dialectal word, fragments of word-building nests

Порой не только факты языка современного, но и говоры могут удивить словом как семантическим результатом словообразовательной техники. В силу различных обстоятельств название данной статьи появилось раньше, чем ее автор узнал о проблематике настоящей конференции («Уменьшительные имена в славянских языках: форма и роль»). Однако диалектное слово *голоменица*, на первый взгляд, деминутив по отношению к слову *голомена*, на самом деле таковым не является, что в принципе очень характерно для языка говоров. Может быть, и поэтому в статье

речь пойдет прежде всего не о деминутивах, следуя первоначальному авторскому плану, но и о деминутивах с учетом общей проблематики нашей конференции. При этом сам материал (язык говор) в полной мере характеризуется подобными особенностями: есть немало слов – по образованию деминутивы, но фактически уже ими не являющиеся.

В диалектной речи прежде всего вызывает интерес процесс утраты уменьшительного значения. Как отмечает Ю. С. Азарх, «этот процесс может поддерживаться стандартностью размера обозначаемого деминутивом предмета: таковы дублиеты типа *ведро/ведёрко, дверь/дверца, дверка, ковш/ковшик* в ряде говор. Утрату уменьшительного значения могут обусловить также неупотребительность производящего или развитие у последнего многозначности, вследствие чего разрушается оппозиция членов словообразовательной пары» (Азарх 2000: 116).

Полисемия производящего, развитие у него переносного значения влечет за собой и постепенное ограничение деривации от него деминутива (Дидковская, Черкасова 1973: 159–165). «Эти суффиксы поливалентны и участвуют в деривации слов с мутационным словообразовательным значением, универбатов атрибутивных словосочетаний, имен действия, равнозначных производящему глаголу, а также модификатов» (Азарх 2000: 117). И это, в свою очередь, дополнительно может влиять на процесс утраты деминутивизации. Еще М. Н. Янценецкая отмечала рост формальных деминутивов в современной разговорной и диалектной речи у конкретно-предметных имен (Янценецкая 1965: 76–81). См. также в работе (Гриб 1978: 131–134).

Любопытным аспектом исследования представляется анализ имеющих место в современных говорах определенных различий в функционировании первичных деминутивов. Некоторые исследователи констатируют наличие определенной связи между исторически сложившимися нормами речевого поведения и особенностями употребления уменьшительных образований. Так, в брянских говорах, по наблюдениям И. С. Куликовой, формальные деминутивы регулярны при общении местных жителей с незнакомыми городскими людьми. Употребление уменьшительных форм в подобной ситуации – своеобразное речевое выражение вежливости, уважительности по отношению к собеседнику (Куликова 1985: 14–16). Достаточно интересными представляются и результаты исследования Л. Л. Новиковой, в соответствии с которыми делается вывод о возрастании частотности деминутивов в экспрессивной функции при общении с детьми, при воспоминании говорящего о детстве и молодости, о событии, связанном с сильным эмоциональным переживанием, при общении человека с домашними животными (Новикова 1977: 50–70).

Вернемся же к нашему слову. Что такое *голоменица*? Почему именно это слово привлекло наше внимание? В (СРНГ, т. 6: 319) слово *голоменица* определяется не одним словом (например, синонимом), не словосочетанием, а посредством целого описания: 'Явление голоменицы состоит в том, что далекие предметы становятся ближе и яснее. Они как бы приподнимаются. В голоменицу можно видеть то, что с данного места совершенно нельзя видеть при нормальных условиях. Голоменица – «очистка мороков» и бывает во время перемены ветра'. Байкал., Станиловский, 1912. И, действительно, попробуйте найти однословное представление данного явления в современном русском литературном языке! Сравним также семантику, безусловно, родственного данной единице глагола *голументься* 'Быть видимым; виднеться неясно', которая также сопровождается любопытным комментарием: «Видится какой-нибудь предмет, слишком далекий, чтобы можно было видеть, но вследствие особенного воздуха. Так мы видели Посольский монастырь в виде высокого белого здания, тогда как там только невысокая каменная стена; потом это пропало и опять стало видно». Иркут., Ровинский (СРНГ, т. 6: 343).

В говорах очень много слов с неясной морфемной структурой, лишь наполовину в этом отношении очевидных и потому, вероятно, интригующих дериватолога. Они не представлены в современной словообразовательной и морфемной лексикографии, даже если встречаются в текстах Национального корпуса русского языка, разметка морфемной структуры у специалиста вызывает немало вопросов, а то и просто лишь разочарование. Многие из этих слов «разминулись» и с этимологическими словарями. Другими словами: они очень интересны как по особенностям своего строения, так и по семантике. Они являются лучшей иллюстрацией на тему «язык носителей говора *в действии*», должны рассматриваться как «*деятельность*» (В. Гумбольдт) – удивительные и чрезвычайно содержательные попытки «освоения», осмысления окружающего мира.

Диалектное слово *голоменица*, как уже видно, содержит в себе корень слова *голый* (*гол-*) и интересно на фоне значительного числа единиц, относящихся к различным частям речи и представляющих фрагмент целого корневого гнезда. Семантика корня *гол-* 'голый, лишенный чего-либо' в русских народных говорах находит отражение в различных по степени родства словах. В частности, можно говорить о некотором количестве семантических «линий», которые реализованы в производных с корнем *гол-*. Семантика корня *гол-* (*голый*) очевидна в большинстве производных, характеризующих открытое («голое») пространство. Очевидно, что это «ведущая» семантическая линия для большинства производных:

1) семантика «свободного (голового) пространства, промежутка в пространстве, чистого места»: *Голомянь* 'Открытое место, морская даль'. *Подставил я ему [ветру] щеку – востоком сказался, ветром тем не путным, что из самой-то голомяни [из полярной дали моря] от веков тянет.* Печор. Арх., Максимов, 1856. Арх., Помор. *Голыздина* 1. 'Открытое место в лесу; прогалина, поляна среди леса'. Челябин., 1914. 2. 'Голый лед или замерзшая земля без снега'. Челябин., 1914. *Голызина* 1. 'Лысина; залысина'. Урал., Малеча. 2. 'Плешина на меховой шкуре'. Урал., 1925. 3. 'Голое место на поверхности земли'. Кушум. Уральск., 1925. 'Голое место, вымоина, место, где нет травы'. Волог. Волог., Баженов. Волог., 1902. 'Плешь, плешина, пустое место'. Хворостань Ворон., Путинцев, 1905. *Кругом камыш, а тут голызина.* Роман. Рост. 4. 'Ничем не занятый или не охваченный при обработке участок земли'. Роман. Рост., Слов. карт. ИРЯЗ. *Голутва* 'Просека'. Влад., 1852. *Прогалина от природы, голутва вырублена.* Влад., Даль. *Голызнынь* 'Безнадежно голое место'. Урал., Малеча. 1. *Голызня* 'Гладкая ровная поверхность, «голое место»'. *Дальше голызня пойдет, легче ехать будет* (на велосипедах). Урал., Малеча. *Голоменистый* 'Имеющий чистое пространство, промежуток между сучьями (о дереве)'. *Эки сосны-то голоменистые.* Черепов. Новг., Герасимов, 1910. *Голомёно* 'Чистое пространство, промежуток между сучьями, ветвями на дереве'. Черепов. Новг., 1853. *Голомено* 'Колено дерева между двух сучьев, мутовок'. Новг., Даль. *Голомёно и колос у ржи и пшеницы.* Белозер. Новг., Орнатский, 1898. *Голомье (голомья) я, ср.* 1. 'Часть ствола сосны и ели, лишенная сучьев, промежуток между двумя рядами ветвей'. Опечен. Новг., 1920. Боров. Новг. 2. 'Часть соломины, отдельное сочленение'. Опечен. Новг., 1920. Боров. Новг. 1. *Голомя* 1. 'Часть ствола сосны или ели, лишенная сучьев, промежуток между двумя рядами ветвей'. Боров. Новг., 1923–1928. 2. 'Часть соломины, отдельное сочленение'. Боров. Новг., 1923–1928. 3. 'Ствол дерева без сучьев'. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.»]. *Снести макушку по самое голомя* (пословица). Даль [без указ. места]. 4. 'Открытое море', о *Голомя* и *голоми*. Север., Слов. Акад. 1895. Арх., 1850. «Выехав верст на 5–10, если рыба «бережная», чаще же гораздо дальше в «голомя», верст на 25–30, поморкорщик, на основании своих примет по разным точкам берега, находит подходящее для выметки яруса место, и ярус вытягивается длинной нитью по дну моря верст на 6 и более в длину». Изв. Арх. общ. изуч. русск. Севера, 1910. Беломор., Помор. Север. = *Голымя*. «Ветер относит суда далеко от берегов, в чистое море, по выражению тамошних мужичков-моряков – в голымя». Беломор., Озерецковский. Кольск. Арх., 1931. 2. *Голома, нареч.* 'На босу ногу'. *Голомя чтоль ушла?* Уфим., Талонов. *Голизина* 'Голое место в степи, в поле зимой'. Кокчет. Акм., 1928. *Голень* 1. 'Голое», не

нарезанное место на винте'. Петрозав. Олон., Куликовский, 1885. 2. 'Железный прут, из которого делается бурав'. Новг., Водарский. Сюда же, по-видимому, относится и слово *голомена*, *мн.* 'Перемежающиеся, часто сменяющие друг друга дождевые тучи или снеговые облака'. Княгин. Нижегород., Бутурлин.

При этом интересна конкретизация в семантике диалектных производных. Специфика процесса создания производного слова такова, что зачастую очень сложно предположить характер денотата, обозначаемого диалектным производным. Отчасти это может быть связано и с неясностью, неочевидностью морфемного (словообразовательного) состава слова.

В Этимологическом словаре русского языка А. М. Преображенского находим информацию к слову *голомя*: *Голомя* 'открытое море; часть дерева без сучьев; обнаженная сабля, клинок'; *голомянный* 'отдаленный от берега'; *голомень*, *оголоменить*... – По-видимому, из *голо-мѧ*, от *голь* [Преображенский 1910–1914, т. 1: 178]. В [СРНГ, т. 22: 336]: *Оголоменить*, *Оголоменить сосну* 'Соскрести с нее кору, хвойну, сочную мездру для пищи'. Даль [без указ. места]. В связи с этим следует, что, во-первых, исторически совершенно ясно преобразование из *голо-мѧ* в *голомена* и, следовательно, вряд ли корректно предполагать, что изначально здесь было сложение с корнем *мен-*. Однако семантика ряда производных свидетельствует именно о таком «переосмыслении» внутренней формы данного слова (*ремотивация* по О. И. Блиновой). Во-вторых, наличие глагола *оголоменить* позволяет рассматривать уже целый фрагмент группы родственных слов с определенным значением.

2) семантика «дали, расстояния»: *Голоменне*, *нареч.* 'Вдали от берега, дальше от берега, морем'. Беломор., Дуров, 1929. *Голыменистее*, *нареч.* 'Дальше от берега, в открытое море, на более глубоком месте'. Олон., Арх., 1823. *Голоменной* 'Отдаленный от берега, находящийся далеко в моря; мористый'. Помор., Беломор., 1929. < *Голоменной ветер* а) 'Северо-западный ветер'. Помор., Беломор., 1929. б) 'Ветер, дующий с моря'. Помор., Беломор., 1929; *Голоменной кубас* 'Крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929; *Голоменная рыба* 'Рыба, вылавливаемая на глубине, в открытом море'. Помор., Беломор., 1929; *Голоменной якорь* 'Якорь, придерживающий крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. *Голоменно* и *голомено*, *нареч.* 'Далеко от берега, в открытом море'. Арх., 1866. Беломор., Дуров [с замеч. «повсеместно»], 1929. Помор, *Голоменно идти*. 'Идти открытым морем вдали от берега'. Беломор., Дуров, 1929. Помор. Арх., 1844. Беломор., Север. *Голоменник* 2. 'Крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. Помор.

3. 'Якорь, придерживающий крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. Совершенно очевидно, что в семантической структуре диалектного слова возможно наличие нескольких значений. В частности, в последнем примере семантику «дали, расстояния», в первую очередь, представляет 2-ое значение и частично 3-е.

В уже приведенных примерах можно было увидеть, что в ряде значений производных с корневой морфемой *гол-* наблюдается своеобразный синтез семантики «голового, открытого пространства» и «дали, расстояния». Яркой иллюстрацией данной особенности является метатекст к слову *голоменно* 'Открытое море'. *Поехал в голоменно* – поехал в открытое море, подальше от берега. Арх., Федоров, 1949.

Мотивационные тексты к некоторым родственным производным «проясняют» (либо свидетельствуют и о таком «прочтении») морфемную структуру слова *голомена*: здесь сочетаются две корневые морфемы (*гол-/голый/ имен-/менять/*). Об этом свидетельствует и ряд производных, представляющих семантику «промежутка во времени», которая находит отражение в значительном числе единиц, подавляющее большинство из которых – наречия. Ср.: *Голомена* ми, в знач. нареч. 'Попеременно, сменяясь через определенные промежутки времени; временами'. Даль [без указ, места]. *Снег идет голоменами*. Княгин. Нижегород., Бутурлин. *Голоменами, когда вьюга зимой бывает позывами; небо чистое, а вдруг нашла туча, поднялся вихрь*. Мышк., Воскресен. Ярослав., Леонов. *Голожья, мн.* 'Промежутки времени'. Черепов. Новг., 1910. = *Голожьями*, в знач. нареч. 'От времени до времени, временами'. *Живем голожьями, – когда хуже, когда лучше*. Черепов. Новг., 1910. *Голомясь, нареч.* 'Давно, давненько, даве, давеча, но того же дня; за несколько часов'. Вост., Южн., Даль. *Голомятаки, нареч.* 'Давно'. Каляз. Твер., 1861. *Голомятко, нареч.* 'Давно; давненько'. Бежец. Твер. *Это голомятко было, забыл все*. Урал., 1958. *Гололиственница* 'Время листопада'. *Снег выпадет на гололиственницу – быть легкому году – старинная примета*. Соликам. Перм., Миртов, 1930. *Голоморозный* 'Относящийся к голоморозице'. Даль [без указ, места]. Отдельного внимания заслуживают слова – деминутивы по образованию, но участвующие в «организации» совершенно иных значений. Ср.: *Голоморозица* 'Длительные морозы осенью, без снегу'. Переясл. Влад., 1853. Очевидно, что из рассматриваемых в данной группе примеров в большей степени мотивированными предстают сложные слова с компонентом *гол-*, о чем, в частности, свидетельствуют и два последних примера.

Если значительная часть производных в составе данного диалектного корневого гнезда в той или иной степени мотивирована семантикой ис-

ходной корневой морфемы *гол-*, то в ряде случаев наблюдается предельная идиоматизация семантики производного как своеобразная «конечная точка» словообразовательного синтеза, что выражается в появлении самых различных, никак не связанных, либо связанных косвенно с исходными, производных значений. Ср.: *Голудьба, собир.* ‘Замерзшие кучи земли осенью’. *По голудьбе не проедешь.* Смол., Иванова, 1958. *Голоменник* 1. ‘Северо-западный ветер’. Арх., Веселаго. Беломор., 1929. *Голоклетка* ‘Вид паневы’. «Нами установлены в этом районе следующие типы [панев], а именно: 6) Голоклетка – расшитая, носится молодухами в праздник». Нижнедев. Ворон., Гринкова, 1934. *Вторая панева голоклётка. Пропускалася белая бумага по ней.* Россошан. Ворон. *Голомёдный* ‘Голомедный пряник. Приготовленный на чистом меду, медовый’. *Голомёдные пряники.* Тихв. Новг., 1848. Новг. *Голомёдный пряник, не сусляный, а медовый.* Даль [без указ, места]. Ветл. Костром. *Голокост* ‘Свеча перед иконою’. «Слово не везде и не всеми там употребляемое, означает свечку, поставляемую перед иконою». Новг., Макаров [с пометой «старин.»], 1827, Новг., 1852. *Голошедь* ‘Гололедица’. Иркут., Якут., Корнилов. 1849. *Голызиться, несов.* ‘Надеяться’. Кинеш. Костром., 1858. Кто знает, может быть «лелеять пустые («голые») надежды», тогда мотивация корневой морфемой *гол-* очевидна.

Ряд производных (и это понятно) – это наименования лица: *Голядь* ‘Бедняк, нищий’. Говорят тому, у кого нет ничего и хвастает. Твер., 1860. *Гологузый* ‘Бедный, нищий’. «В переносном смысле: бедный, не имеющий состояния человек». Обоян. Курск., Машкин. *Голохват* ‘Нагловатый человек’. Охан. Перм., 1854. *Голодурье* ‘Дурак, дурачок, малоумный или взбалмошный, шальной’ человек. Даль [без указ, места].

Рассмотрим приводимые в (СРНГ) примеры некоторых производных, в которых корень *гол-* сочетается с компонентами, обозначающими части тела: *Голручьи и Голручья, мн.* ‘Голые руки без рукавиц’. Кем. Арх., 1910. *Голоручьем, нареч.* ‘Без рукавиц, голыми руками (делать что-либо)’. *Брать что-либо голоручьем.* Даль [без указ, места]. *Скота ли убираешь, на реке ли рубахи полощешь, все голоручьем.* Нижнеуд. Иркут., 1912. Это же значение представлено в следующих наречиях: *Голоручью, нареч.* ‘Без рукавиц, голыми руками’. *Рукавиц нету, голоручью работаю.* Арх., 1932. *Голоручь, нареч.* ‘Без рукавиц, с голыми руками’. *Голоручь ехать холодно.* Смол. Смол., Добровольский. *Голоруком, нареч.* 1. ‘Голыми руками, с голыми руками, без рукавиц’. *Брать что-либо голоруком.* Даль [без указ, места]. *Голоруком не берись – обожжешься. Шла зимой голоруком.* *Голоруком – значит без рукавиц.* Свердл. Верхне-Уфал. Челябин. ‘Без рукавиц и босиком’. Усть-Цилем. Арх., 1940. 2. ‘Голыми руками, без

оружия'. Охан. Перм., 1930. Очень интересны конкретные дополнения и в последних двух случаях.

Голоногом, нареч. 'Босиком'. Соликам. Перм., 1930. *Голоногом ходят те, кто не имеет обуви из-за бедности.* Режев. Свердлов. *Гологоляхой, нареч.* 'Босиком; без чулок'. *Гологоляхой-то бегут* (о физкультурниках). Верхне-Урал. Челябин., 1964. *Гологоляхом, нареч.* 'То же, что гологоляхой'. *Ты гологоляхом ходишь.* Коптел. Свердлов. *Седняя была на станции гологоляхом, ничто их чулки-то напеливать.* Зайков. Свердлов., 1964.

Голобаший 'Остриженный наголо'. Как татарин голобаший. Усть-Коксин. Горно-Алт., 1965. *Гололобый 'Лысый'. Уж ты лысый, гололобый, поцелуй меня попробуй* (из поговорок и прибауток). Новое. Тул., 1897. Ворон. *Голомысый 'Безволосый или с очень редкими волосами на голове'*. Белг. Курск., 1891. «Не имеющий (от природы) волос на голове, безволосый или безбородый». *Заходит к мене: как глянула – весь голомысый.* Троснян. Орл., 1947–1953. Тарус. Калуж. *Голоухом, нареч.* 'С непокрытой головой, без шапки, без платка'. Шадр. Перм. [год и автор неизвестны]». С открытыми ушами. *А ты голоухом, а я в шапке.* Коптел. Свердлов. *Шапка на затылке, идет голоухом.* Верхне-Тавд. Свердлов., 1964.

В целом ряде случаев можно отметить диалектные слова-деминутивы по образованию, в которых семантика деминутивности напрочь отсутствует, однако сами по себе значения заслуживают внимания. Ср., например, в составе следующих фрагментов лексико-словообразовательных гнезд:

Гололёдка 'Обледеневший снег, падающий крупинками'. Моросила гололёдка. Мцен. Орл., 1848. *Гололёдка идет – падает мерзлый, похожий на град, но очень мелкий снег, вместе с дождем. Явление это бывает обыкновенно осенью.* Калуж., Чернышев. Моск. Что-то вспоминается про 40 названий снега у народов Севера! *Гололедить 'Покрываться льдом, леденеть'. Безл. Гололедит на дворе – идет дождь и замерзает.* Судж. Курск., Резанова, 1915.

Голомысовато, нареч. 'Плохо прикрыто, выступает наружу, выдается под покрывкой'. Болх. Орл., Сахаров, 1901. *Голомысовка 'Село на голом, не имеющем растительности месте'*. Ворон., Тростянский. Слова-сложения в большей степени мотивированы. В первом (да и во втором!) слове очевиден и компонент *мыс*. В последнем слове есть суффикс деминутивности *-к-*, однако семантика его никак не ощущается!

Голошейка 1. 'Женская рубашка без рукавов или с очень короткими рукавами и открытым воротом'. Ряз., Бонина. У самих великорусов долго

бытовал старый тип общей для восточных славян рубахи с прямым разрезом ворота, без воротника – голошейки. Маслова [без указ, места]. || Кофта с открытым воротом. Ворон., Тростянский. *Кофты шились с глухими воротами, и есть голошейки*. Урал., 1964. 2. ‘Женщина с открытой шеей’. Даль [без указ, места]. Ворон, Тростянский. *Голошейница* ‘Модница’. «А патрамонницы, *голошейницы* да *корзинницы* жеманно распевают по станицам свои лакейского изделия романсы». Дон., Савельев, 1866 [с пометой «*пренебр.*»].

Голоколоска ‘Сорт пшеницы с колосом без остей’. «В пшенице различают несколько родов, из которых в особенности замечательны арнаутка и голоколоска». Дон., Опис. земли донск. казач. за 1822–1832 гг. *Голоколоска без усиков родится*. Емельян. Калинин. Шадр. Норм. *Голоколоска – пшеница с голым колосом. Белоколоска да голоколоска ей званье*. Тюмен. Тобол. Новосиб., Кемер. *Раньше сеяли голоколоску-пшеницу, наверно и сейчас еще сеют*.

Голоуша ‘Женщина, идущая с непокрытою головою, с открытыми ушами’. Сиб., 1893. *Голоушью, нареч.* ‘С непокрытой головой, без платка’. Онеж., 1931, Калинин [с примеч. «про девушку»]. *Голоуший* ‘С непокрытой головой, с открытыми ушами, голоухий’. Юрьев. Влад., Чернышев. Петр., Красноуфим. Свердлов. *Уши не прикрывает, голоушим ходит, всю зиму голоушим проходил*. Ирбит. Свердлов. *Виктор! Ты почему голоушим ходишь?* Параб. Том.

Достаточно частыми являются случаи, когда формально родственные диалектные слова представляют территориально различные области и по отношению друг к другу предстают как семантически изолированные образования. Ср.: *Голохваст* ‘Хвастун’. Пошех., Молог. Ярослав., 1849. Черепов. Новг.» «Хвастливый бедняк, выказывающий себя богатым». Слов. Акад. 1847. || Прозвище крестьянина. Черепов. Новг., 1898. *Голохвастить, несов., неперех.* ‘Шататься, слоняться без дела’. Пенз., Даль. *Голохвостить, несов., неперех.* ‘То же, что голохвастить’. *Перестань голохвостить-то, а примись-ко за дело*. Городищ. Пенз., 1852. Пенз., Даль [с вопросом к слову].

Следует заметить, что при сопоставлении фрагментов гнезд с корнем *гол-*, приведенных в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова и в СРНГ, в первом из них можно отметить и ряд диалектных слов. Ср.: *гололедка, гололедь* и др. [Тихонов 1985, т. 1: 239–240].

Сложений с компонентом *гол-*, как можно было убедиться, в русских народных говорах невероятное множество! И многие из них представля-

ются очень неясными с точки зрения выявления внутренней связи между их строением и представляемым значением... И все это в большинстве случаев неясно, странно, туманно, некая с точки зрения исследователя «голоменница»!

Удивительно, но актуальность значения, представляемого словом, вынесенным в заглавие, в системе языка, необходимость его однословного представления находит свое подтверждение посредством совершенно иного «материального воплощения»! Ср.: *Завременить* 'Изменить свой вид или показаться менее удалённым под влиянием преломления лучей (о предметах на море, у моря)'. Арх. На море *завременило*, играет марево, вид предметов искажается пламенением воздуха. *Завремениться*. Берег *завременился*. Острова *завременились* (СРНГ, т. 9: 342).

ЛИТЕРАТУРА

- Ю.С. АЗАРХ, 2000: *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. – М., Наука – 178с.
- В.Т. ДИДКОВСКАЯ, А.Г. ЧЕРКАСОВА, 1973: *О лексико-семантической соотносительности производящих субстантивов и производных деминутивов // Системность русского языка*. Новгород.
- М.Н. ЯНЦЕНЕЦКАЯ, 1965: *К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью // Учен. зап. Том. ун-та. № 57*.
- Р.Т. ГРИБ, 1978: *Уменьшительно-ласкательные слова в говоре и литературном языке // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров*. Красноярск.
- И.С. КУЛИКОВА, 1985: *Экспрессивное и эмоциональное в диалектном слове (на материале Словаря брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения*. Л.
- Л.Л. НОВИКОВА, 1977: *Деминутивы существительных в устно-разговорной диалектной речи (на материале говоров Ярковского района Тюменской области): Дис. ... канд. филол. наук*. Куйбышев.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров, 1965–2010*. – М.-СПб.: Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. Вып. 1–43.
- А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1910–1914: *Этимологический словарь русского языка*. В 2 т. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко. – Т. 1–2.
- А.Н. ТИХОНОВ, 1985: *Словообразовательный словарь*. В 2 т. – М.: Русский язык. – Т. 1–2.

SUMMARY

What is *Golomenitsa* (the Paradoxes of Word-Building Synthesis)?

In the study of various fragments of dialectal lexical word-forming nests, it is possible to reveal the units representing cognitively significant meanings and having no one-word equivalents in the Russian literary language. The analysis of synthesized fragments (literary language/dialects) of such groups of related units allows drawing interesting conclusions about the derivational potential of the Russian language as a whole.

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ, НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА

*Казанский университет, Россия, Казань,
gnikolaevksu@mail.ru, eulen@mail.ru*

Русские деминутивы в историческом аспекте

Субстантивные деминутивы оформлялись в русском языке суффиксами, имеющими генетическую основу в виде суффиксального детерминатива *-k-. В семантическом аспекте они могли утрачивать уменьшительное значение и вновь приобретать вторичную деминутивность путем суффиксальной редупликации. При освоении заимствований путем «народной этимологии» происходило «восстановление» «производящей основы» для новых деминутивов путем редеривации.

Substantive diminutives are formed in the Russian language by the suffixes that have a genetic basis as a determinative suffix *-k-. In the semantic aspect they may lose diminutive value and then again acquire secondary diminutive meaning through suffixal replication. With the assimilation of loan-words and understanding them as diminutives there may be situations of re-derivation.

Ключевые слова: субстантив, деминутив, редупликация, редеривация, диахрония

Key words: substantiv, diminutive, reduplication, re-derivation, diachrony

Деминутивные значения искони передавались в русском языке производными словами с суффиксами, имеющими генетическую основу в виде суффиксальной приметы (или детерминатива) *-k-: *-ik-, *-ik-, *-ik- (Мейе 1951: 289–293, Селищев 1952, 2: 60–63). В результате фонетико-морфологических преобразований в составе производных слов ряд деминутивных суффиксов в древнерусский период составляли следующие форманты: -икъ (күстикъ, пүтикъ), -ькъ (овражъкъ, пазычькъ), -ъкъ (градъкъ, топоръкъ), -ька (звѣздъка, трүбъка), -ька (денежька, рүчька), -ика (змника, чешүика), -ьць (дворьць, күстьць), -ица (землица, кънижица), -ьца (двьрьца, църкъвьца), -иць (кораблиць), -ице (орүдинице, писаниице), -ьце (окъньце, словьце и словесьце) и др.

Морфонологические особенности этого суффиксального ряда, связанные с чередованием ключевого согласного морфемы -k-/c-, объясняются

учеными действием процесса, названного И. А. Бодуэном де Куртенэ «третьей палатализацией» (Baudouin 1894). Суть этого процесса заключается в переходе заднеязычного согласного в свистящий после гласного переднего ряда, за исключением случаев, когда за заднеязычным согласным следует губной гласный *o*, *ǫ* (*ъ*) или *ī* (*ы*) (ср.: **dvīrika* – **двьрьца**, но **topolīkь* – **тополькъ** и др.). Собственно, именно высоко продуктивные суффиксальные морфемы с праславянской приметой **-k-* послужили основным местом применения «третьей палатализации».

Имеются, однако, языковые факты, которые не поддаются объяснению с позиции «третьей палатализации». К ним относятся параллели типа **змѣнца** – **змѣнка**, **мышьца** – **мышька**, **скамейца** – **скаменка**, **сѣчьца** – **сѣчька** и т.п. В каждой из составляющих приведенных пар были, казалось бы, условия для «третьей палатализации», однако проявилась она не во всех словах. На такие случаи, представленные как в истории языка, так и в современных диалектах, обратила внимание С. М. Глушкина. Она отметила, что все суффиксальные субстантивы, в которых произошла замена *k* на *ц*, относятся к парадигмам с йотовой основой: **jo-основы* – **двьрьць**, **күстьць**, **кораблиць**, **орүдиниць**, **писанниць**, **окъньць**, **словьць**, **словесьць**; *ja-основы* – **землица**, **кънижица**, **двьрьца**, **цьрквььца** и т.п. Поэтому переход *k* в *ц* и другие случаи замены заднеязычных на свистящие в такого типа словах представляет собой взаимодействие их с йотом в условиях второй палатализации. В словах типа **змѣнка**, **мышька**, **скамейка** не было перехода, так как они изменялись не по йотовым основам (Глушкина 1968: 95–112). Нам представляется объяснение С. М. Глушкиной более аргументированным, по крайней мере, для имен существительных с деминутивными суффиксами.

Еще одной морфонологической особенностью древних славянских суффиксов, в том числе и суффиксов с приметой **-k-*, является их распространение не только тематическим элементом **o* (ср. у А. Мейе тематические суффиксы *-*ko-*, **-wo-*, *-*to-* и др. (Мейе 1951: 281 и след.)), но, как видим из приведенных примеров, тематическими **-a-*, **-ja-*, **-jo-* и др. Такое политематическое оформление суффиксальных формантов было характерной чертой древнерусского словообразования, тесно связанного с формообразованием (Николаев 1970: 111). Именно такое разнотематическое оформление слов с деминутивными суффиксами привело к возникновению вариативных (или, скорее, синонимических) форм, в которых проявляется или отсутствует «третья палатализация».

Справедливость точки зрения С. М. Глушкиной подтверждается следующим соображением. «Третья палатализация» как чисто фонетическое явление могла проявиться не во всех формах слова, а только в тех, где

были условия для ее проявления. Например, в производных словах с суффиксом **-ица** (типа **лисица**) она отсутствовала бы в формах винительного падежа единственного числа и родительного-местного в двойственном числе (**лисицю**). Здесь, конечно, можно сослаться на аналогию и выравнивание форм внутри парадигмы. Однако все объясняется проще, если учитывать наличие фонемы <j> в парадигме.

Признавая важной морфонологическую составляющую словообразования (или, если быть точным, морфемики), определяющей в этих категориях является все же семантическая составляющая. Мы не сможем, наверное, ответить на вопрос, почему именно с данными суффиксами было связано оформление деминутивных значений. Однако, опираясь на высказанные предшествующим поколением специалистов мнения и предположения, можно попытаться найти некоторые тенденции в становлении и развитии деминутивной лексики. Особенно значительны будут для нас глубокие наблюдения выдающегося лингвиста А. А. Потебни.

Обращает на себя внимание известная «многозначность» (а вернее, омонимичность) деминутивных суффиксов. Так, суффикс **-ыць** оформлял с древних времен значения: 1) действующего лица (**ловыць**, **пришьльць**), 2) лица по признаку (**лүкавыць**, **мүдрьць**), 3) лица по происхождению или другому отношению к теме (основе) (Потебня 1968: 100) (**низовыць**, **ордынць**), 4) уменьшительные (**засовыць**, **күзовыць**) и др. Исторически все эти омоморфемы в форме **-ыць** восходят к общему суффиксальному форманту ***-ik-**, и их выделение вызвано глубокими процессами, протекавшими в языковой (здесь: словообразовательной) системе.

Как справедливо считал А. А. Потебня, суффиксы ***-ik-** и ***-ik-** использовались в древности в целях субстантивации древнего синкретичного (недифференцированного) имени (Потебня 1968: 47–48) для устранения, как он говорил, его двусмысленности. Если суффикс **-ыць** (< ***-ik-**) использовался для субстантивации древнего синкретичного имени, то основное его значение было «субстантивность» (у А. А. Потебни – «существительность»), а значения производных с суффиксом **-ыць** формировались в результате различного рода взаимодействий и специализаций.

Так, одна весьма значительная группа имен формировалась на базе приглагольных образований нулевой суффиксации (с суффиксом **-ъ**, по терминологии А. А. Потебни), совмещавших в своей семантике значения лица и действия. В результате производное получало значение действующего лица, а производящее – значение действия: **ловъ** → **лов-ыць**, **коупъ** → **коуп-ыць**, **сѣвъ** → **сѣв-ыць** и т.п. Позднее значения этих слов подкрепились непосредственной соотнесенностью с глаголом.

В группе качественных имен, на базе которых формировались прилагательные, производные от них образования с суффиксом **-ьць** типа **ѹдалъ** → **ѹдал-ьць**, **хытръ** → **хытр-ьць** и т.п. называли лицо по признаку. Кстати, производящие имена в мужском роде (**хытръ**, **ѹдалъ** и т.п.) тоже в эпоху недифференцированного имени называли лицо по признаку и склонялись по именному склонению. Ср. в «Слове о полку Игореве»: **Ни хытрѹ, ни гораздѹ, ни птицю гораздѹ сѹда божіа не минѹти** (Словарь 1984, VI: 122). Реликтами такого типа недифференцированных имен являются в современном русском языке субстантиваты (ср.: *от мала до велика* или *Смелого пуля боится* – А. Сурков).

Что касается тех имен на **-ьць**, производящие которых после участия в словообразовательном процессе оставались субстантивами, производные стали называть предмет по отношению к предмету, названному в производящем имени. Это могли быть наименования жителей по месту обитания (**низовьць**, **новъгородьць**, **ордынць**), лица по месту их трудовой деятельности (**базарьць** ‘купец’, **кѹзньць**), наименования реалий (не лица), характеризующихся тем или иным предметным признаком: **блиньць** ‘пирог, начиненный блинами’, **рѹкавец** ‘нарукавное украшение’ и т.п.

Все рассмотренные случаи показывают, что семантика производного с суффиксом **-ьць** формировалась в ее грамматической или лексической оппозиции к семантике производящего слова. Когда такой оппозиции не было, в присубстантивном производном развивалось уменьшительное значение: **алмазець** (уменьшит. к **алмазъ**), **амбарець** (уменьшит. к **амбаръ** и т.д.), **атласець**, **барабанець**, **братець**, **бѹравець**, **вѣтрець**, **горнець**, **городець**, **градець**, **домець**, **достоканець**, **дѹвець**, **дымець**, **жбанець**, **животець**, **коврець**, **ковчежець**, **колодезець**, **колчанець**, **кораблець**, **короваець**, **корчажець** (уменьшит. к **кѹрчагъ**; от родовой параллели к нему **кѹрчага** деминутив был образован при помощи суффикса **-ька** – **кѹрчажка**), **кошелець**, **крестьянець**, **кѹвець**, **кѹвшиннець**, **кѹмганець**, **кѹрганець**, **кѹстець**, **набатець**, **налицець**, **налоець**, **насадець**, **норовець**, **образець**, **обрѹзець**, **овсець**, **огородець**, **одрець**, **омѹтець**, **орлець**, **островець**, **погостець**, **погревець**, **поклонець**, **покоець**, **покровець**, **посадець**, **прапорець**, **престолець**, **привоець**, **провоець**, **прѹдець**, **птенець**, **пѹпець**, **пѹтець**, **растрѹвець**, **рыдванець**, **садець**, **сараець**, **сарафанець**, **свадець** и др. (примеры даются в более поздней графике, принятой в СРЯ XI–XVII вв).

Уменьшительное значение в производных деминутивах поддерживается в тексте грамматически (употреблением определений соответствующей семантики): **алмазець не великъ** (АИ II, 406. 1612 г); **ѹзьрю ли си лице братьца моего меньшааго Глѣва** (Усп. сб., 45. XII–XIII в.); **а по нем**

кроткии вѣтрѣцъ вѣет (Пов. Мам. побоище, 15.XVI в.); да сожжетъ на немь градець мал (Ипат. лет., 842); тамо ... есть домецъ тѣсенъ, яко кладезь четвероуголенъ, низокъ и темень (Проскинитарий Арс.К., 22. 1686 г.); и видѣ Шигона дѣхъ его отшѣдше аки дымецъ малъ (Соф. II лет., 274); в малыи корабець или в лодню влѣзше волнами потапаются (Корм. Балаш., 348. XVI в.); пять корованцовъ неболшихъ (А. Холмог. там. избы, №476. 1674 г.); межа по болшон кѣст, на березе, а з болшева кѣста прямо на малон кѣстець к лесу (АСВР II, 40. XVI в.); а отцу своему даль покоецъ малой, где ему жить (Посольство Брехова, 419. 1615 г.) и т.п. Ср. также: градокъ тон, аще ли малъ, но твердъ (Сл. похв. Фомы, 47. XVI в.); пять корованцовъ неболшихъ (А. Холмог. там. избы, №476. 1674 г.); корабли и малые кораблики (Арс. Сух. Проскинитарий, 12. 1653 г.)

Именно в конструкциях подобного типа и просматривается четко уменьшительное значение дериватов с деминутивными суффиксами. В других случаях на уменьшительность указывают экстралингвистические представления о денотате. Например: пѣговицы золоты сѣнчѣты въ гнѣздехъ по алмазiku (Выходы цар., 206. 1649 г.). Из реального соотношения вещей ясно, что речь здесь идет о небольших по размеру алмазах.

Необходимость контекстной поддержки уменьшительного значения можно объяснить наличием в языке целого ряда примеров, когда деминутивное значение в отсубстантивных производных с суффиксом **-ыць** не развивалось и производное образование синонимизировалось с его производящим. Ср.: **воярець** – то же, что **вояринъ** (СРЯ XI–XVII вв.); уменьшительно-уничжительное значение выражалось в слове **вояриншко**; **баранецъ** = **баранъ** (уменьш.-уничжит. – **баранишко**), **карасецъ** = **карась**, **карманецъ** = **карманъ**, **одрець** = **одръ**, **островецъ** = **островъ** (уменьшит. – **островокъ**), **покровецъ** = **покровъ**, **прапорець** = **прапоръ** (весьма показателен в плане подтверждения данной синонимии отрывок: **А на великомъ склонѣ по 12 человекъ, на всякомъ по два пропорца великихъ** – Х. Афан. Никит. 44), **привоець** = **привой** (в значении ‘Деталь седельной снасти’), **прудецъ** = **прудь** (слово **прудецъ** выступало и как деминутив – СРЯ) и др. Однако в этих случаях нет абсолютной синонимии: производные с суффиксом **-ыць** выражают дополнительное значение – значение экспрессивности. Это значение создается, по нашему мнению, самим фактом использования деминутивного суффикса в слове с недеминутивной семантикой. Противоречия между формальной и содержательной сторонами языкового явления часто становятся причиной его эмоционально-экспрессивной окраски. Ср., например, использование деминутива в противоположном, увеличительном значении в высказывании с определенной интонацией в современном русском языке (типа: «Ну и ножка!»).

Факты неразвившейся уменьшительности следует отличать от фактов утраченной уменьшительности. Если в первом случае производное слово синонимично производящему, то во втором производное в результате прошедшей деэтимологизации отличается от производящего денотативным значением. Ср.: *двор* и *дворец*, *ларь* и *ларец*, *пес* – *песец*, *мех* и *мешок*, *верх* – *вершок*, *крыло* и *крыльцо* и др. Ученые отмечают, что деэтимологизация (и как ее результат – опрощение) чаще происходят именно в сфере деминутивов в связи с утратой ими уменьшительного значения (Немченко 1984: 83).

В истории языка слова, утратившие деминутивное значение, нередко подвергаются суффиксальной редупликации, в результате которой возникает новый деминутив. Суть редупликации заключается в том, что к слову с деминутивным суффиксом, утратившему уменьшительное значение, присоединяется еще один деминутивный суффикс, как бы восстанавливая или укрепляя уменьшительное значение: *ларец* – *ларчик*, *птенец* – *птенчик*, *чепец* – *чепчик*, *игрушка* – *игрушечка*, *крошка* – *крошечка*, *косица* – *косичка*, *водица* – *водичка* и многие другие. В древнерусских словарях О. Ю. Крюčkова, исследовавшая редупликацию как явление русского словообразования, встретила только четыре случая вторичной уменьшительности: *дѣв-оч-ька*, *коров-оч-ька*, *жерев-ьч-икъ* и *столп-ьч-икъ* (Крюčkова 2000: 74). В современном русском языке таких образований весьма много. Продуктивности соответствующих типов способствовало выделение в такого рода словах новых деминутивных морфем в результате переразложения (суффиксы *-чик*, *-очк-* и др.). Ср. такие образования, как *залив* – *заливчик*, *стакан* – *стаканчик*, *звезда* – *звездочка*, *ваза* – *вазочка* и т.п. История деминутивных образований в русском языке подтверждает участие процесса переразложения в становлении вторичных уменьшительных суффиксов. Так, например, деминутивный суффикс *-чик* (результат осложнения суффикса *-ец* суффиксом *-ик*) выделился как самостоятельный аффикс после исчезновения из языка производящих слов с суффиксом *-ец*. Ср.: *буравь* – *бурав-ецъ* – *бурав-ч-икъ* → *бурав* – *бурав-чик*, *кафтанъ* – *кафтан-ецъ* – *кафтан-ч-икъ* → *кафтан* – *кафтан-чик*, *сарай* – *сара(й)-ецъ* – *сарай-ч-икъ* → *сарай* – *сарай-чик* и т.п. Подобные процессы происходили и в других случаях возникновения вторичных уменьшительных суффиксов.

Редупликация аффиксов довольно часто использовалась в древнерусском языке, когда нужно было усилить словообразовательное значение слова, например, значение отвлеченного действия или признака. Факты удвоения (и даже утроения) однозначных аффиксов отмечаются в исто-

рии суффиксов *-ние, -тие, -ость, -ство, -ствие, -тель* и др. (Николаев, Николаева 2014: 230).

Деминутивы образовывались от субстантивов конкретно-предметной семантики. Слова с отвлеченным значением уменьшительных производных не имели. Этот факт выводит нас на стилистический аспект деминутивов. Как уже отмечалось, все деминутивные суффиксы восходят к праславянским общеименным морфемам, переводящим синкретичное имя в субстантив, и потому они в принципе были стилистически нейтральными и могли функционировать в текстах любой жанрово-стилистической характеристики. Однако чаще они встречаются в деловых, летописных и художественных текстах. Об этом, собственно, свидетельствуют и приведенные выше контексты. Это, тем не менее, не означает, что деминутивов не было в книжных текстах. Они встречаются в агиографии, в прямой речи персонаж, т. е. в тех церковно-книжных текстах, в которых речь идет о земной жизни святых с ее бытовыми реалиями. Другими словами, употребление деминутивов ограничивалось не жанровыми рамками, а содержательной стороной текста. И тем не менее, деловые тексты, особенно актовая письменность, изобилуют существительными с уменьшительным значением. Возможно, они передают чаще экспрессивно-эмоциональную составляющую текста, близкого к народной речи, а потому связанного с отношением русского человека к окружающему миру и с принципами его языковой картины мира. Например: Прудецъ съ карасцы (Кн. п. Моск. I, 652. 1593 г.), Ребятишка, государь, наги, платьем ободрались, шубенок и кафтанишков нѣтъ (Южновеликорус. письм., 157. 1688 г.), Есть медокъ, да засичень в ледокъ (Сим. Послов., 18 XVII–XVIII вв.), А от потока къ воротцемъ къ путику къ уличичу, что воротца стоят на пути (АСВР II, 218. ок. 1492 г.) и т.д.

Яркой особенностью системы деминутивов в истории русского языка является обилие суффиксальной синонимии в их сфере. Это вполне объяснимо тем, что все деминутивные суффиксы восходят в той или иной мере к единой этимологической основе – праславянским суффиксальным морфемам с детерминативом *-*k-*. Приведем некоторые суффиксально-синонимические модели, зафиксированные в СРЯ XI–XVII вв.: *-ъка -ница*: дѣвѣъка – дѣвница, кѣнижъка – кѣнижица, пѣчелъка – бѣчелница, кроватъка – кроватица и др.; *-ыць -ъкъ*: домъць – домъкъ, дымъць – дымъкъ, лѣсъць – лѣсъкъ, островъць – островъкъ, прудъць – прудъкъ и т.п.; *-ыць -икъ*: карасъць – карасикъ, козьць – козликъ, коравльць – коравликъ, песьць – песикъ и др.; *-икъ -ъкъ*: гвоздикъ – гвоздъкъ, носикъ – носъкъ, пудикъ – пудъкъ и др.

Скорее всего именно синонимия явилась причиной вытеснения одного из парных деминутивов и сохранения другого. Сравнивая приведенные примеры с современным материалом, мы видим, что вытеснялись обычно уменьшительные субстантивы с суффиксом *-ец*. В древнерусском языке этот тип деминутивов был наиболее продуктивен (свыше 120 образований). Однако в современном русском языке их число сократилось более чем в три раза. Можно предположить, что причиной такой динамики деминутивов была омонимичность суффикса *-ец*.

Несмотря на изменения, проходившие в истории отдельных словообразовательных типов (как правило, на лексическом уровне), сами словообразовательные деминутивные типы сохранились и укрепились в деривационной системе языка. Довольно устойчивой оказалась и семантическая модель 'неуменьшительное – уменьшительное'. Эта устойчивость проявилась в случаях обратной деривации, широко известных специалистам-дериватологам. Хрестоматийными примерами редериватов являются слова *зонт*, *трусы*, *фляга*. Это собственно русские образования, возникшие на базе заимствований *зонтик* (из голландского *zondek* 'покрышка от солнца'), *трусики* (из английского *trousers* 'брюки'), *фляжка* (из польского *flaszka* 'фляга') как «производящие» по отношению к этим заимствованиям, осмысленным носителями русского языка как деминутивы (*зонтик* по типу *листик*, *трусики* по типу *усики*, *фляжка* по типу *бумажка*) (Шанский 1968: 227). Этот прием «восстановления производящих» к деминутивам используют охотно русские поэты. Ср.: *щенок – щен*, *свиненок – свин* у В. Маяковского и т.п.

В заключение отметим, что деминутивная субстантивная лексика представляет живой пласт слов русского языка, и протекающие в ней процессы еще не раз послужат предметом исследований, и прежде всего исследований историко-языкового характера.

ЛИТЕРАТУРА

Антуан МЕЙЕ, 1951: *Общеславянский язык*. Москва: Издательство «Иностранная литература».

Афанасий М. СЕЛИЩЕВ, 1952: *Старославянский язык*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

София М. ГЛУСКИНА, 1968: О «третьей» палатализации заднеязычных согласных в славянских языках. *Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена*. 293, 95–112.

Jan BAUDOIN DE COURTENAY, 1894: Slavische C (ts), Z (dz), S aus den unter dem Einflussevorangehender Vokale palatalisierten K, G, H (ch). *Indogermanische Forschungen* 4.

Геннадий НИКОЛАЕВ, 1970: К истории образований типа *шествие* в русском языке. МАРКОВ Виталий М. (ред.). *Вопросы грамматического строя русского языка*. Казань: Издательство Казанского университета. 110–120.

Александр А. ПОТЕБНЯ, 1968: *Из записок по русской грамматике*. Т. 3. Москва: «Просвещение».

Василий Н. НЕМЧЕНКО, 1984: *Современный русский язык: Словообразование*. Москва: «Высшая школа».

Ольга КРЮЧКОВА, 2000: *Редупликация как явление русского словообразования*. Саратов: Издательство Саратовского университета.

Геннадий НИКОЛАЕВ, Наталия НИКОЛАЕВА, 2014: Типологические универсалии славянского словообразования. *Slavica Varia Halensia. Bd. 12: Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Hrsg. Swetlana Mengel. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf.

Николай М. ШАНСКИЙ, 1968: *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: Издательство Московского университета.

СЛОВАРИ

СРЯ XI–XVII вв.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1975–2011. Вып. 1–29. Москва: Издательство «Наука».

Сокращения названий древнерусских памятников даны по СРЯ XI–XVII вв.

SUMMARY

Russian Diminutives in Historical Aspect

The genetic basis of diminutive suffixes of substantives builds Slavonic suffixal morpheme with determinative **-k-*. Morphological features of the diminutive suffixes associated with the alternation of the key morpheme consonant *-k-/-c-* are explained by researchers as a result of the “third palatalization”. Semantic specificity of diminutives consist in the loss of value of diminutive and rebuilding of the secondary diminutive quality by suffixal replication. Stylistically substantive diminutives were often used in language of documents, chronicles and literature. In the area of substantive diminutives, there was well represented derivational synonymy. With the assimilation of loan-words and understanding them as diminutives there may be situations of re-derivation.

KRISTIAN NOVAK

Filozofski fakultet, Hrvatska, Rijeka, knovak2@ffri.hr

BARBARA ŠTEBIH GOLUB

*Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Hrvatska, Zagreb,
bstebih@ihji.hr*

Imeničke umanjenice u kajkavskome književnom jeziku

Iako među kroatistima postoji suglasnost da je kajkavština – kako dijalekti tako i kajkavski književni jezik – iznimno bogata imeničkim deminutivima, sustavnih proučavanja te teme (osim nekoliko manjih radova) nema.

Temom ovoga rada su imeničke umanjenice u kajkavskome književnom jeziku: polifunkcionalnome, standardiziranome idiomu koji je funkciju književnoga jezika na području sjeverozapadne Hrvatske imao u razdoblju od 16. stoljeća do tridesetih godina 19. stoljeća. Istraživanje je provedeno na korpusu ekscerpiranome iz dosada objavljenih svezaka *Rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika* i kartoteke Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Deminutivi će se proučavati s obzirom na njihovu strukturu, odnosno s obzirom na inventar deminutivnih sufiksa, njihovu raspodjelu i eventualnu konkurenciju te na stupanj umanjenica (deminutivi prvoga, drugoga stupnja).

Although a consensus in the field of Croatian studies exists that Kajkavian idioms – dialects and the Kajkavian literary language alike – are very rich in nominal diminutives, there is a lack of systematic investigation on that topic.

This paper discusses nominal diminutives in the Kajkavian literary language, a polyfunctional, standardized idiom which kept its literary function from the 16th century to the 1930'ss. The research corpus is based on the thus far published issues of the *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika* (Dictionary of the Croatian Kajkavian literary Language) and the database of the Institute of Croatian language and linguistics.

Nominal diminutives were investigated considering their structure. The scope of the structural analysis includes the inventory of diminutional suffixes, their spectrum and spread, as well as their competition.

Ključne riječi: imeničke umanjenice, kajkavski književni jezik, sufiksi

Key words: nominal diminutives, Kajkavian literary language, suffixes

1 Kajkavski književni jezik bio je standardizirani, polifunkcionalni idiom koji je u razdoblju od 16. stoljeća pa do formiranja hrvatskoga standardnoga jezika štokavske osnovice tijekom tridesetih godina 19. stoljeća imao funkciju književnoga jezika na području sjeverozapadne Hrvatske.

Iako među govornicima hrvatskoga jezika postoji opće mišljenje da je kajkavština (dakle, i organski govori i nekadašnji književni jezik) veoma bogata umanjenicama¹, njihovo je istraživanje zanemareno – kako među povjesničarima jezika tako i među dijalektolozima – te o njima postoji veoma mali broj radova².

Korpus na kojemu je provedeno naše istraživanje čine 1103 imeničke umanjenice ekscerpirane iz 13 dosada objavljenih svezaka *Rječnika hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika* i kartoteke Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Umanjenice će se analizirati s obzirom na njihovu strukturu, tj. inventar umanjeničkih dometaka, njihovu raspodjelu, eventualnu konkurenciju te na stupanj umanjenica (deminutivi prvoga, drugoga stupnja), a osvrnut ćemo se i na pojave kao što je promjena gramatičkoga roda tijekom deminucije.

Rezultate provedene analize iznijet ćemo polazeći od roda motivirajuće imenice: dakle, prvo ćemo prikazati deminuciju imenica ženskoga roda, pa muškoga roda te na kraju srednjega roda.

2.1 U tvorbi umanjenica od imenica ženskoga roda u književnoj je kajkavštini aktivno osam dometaka: *-ica*, *-ka*, *-čica* i *-ca*, *-ek* i *-ič* te *-ce* i *-če*.

Dometak *-ica* najplodniji je od navedenih dometaka³: u našem je korpusu potvrđen u četrstotinjak umanjenica. Njime se izvode deminutivi od imenica ženskoga roda *e*-deklinacije i to: od netvorbenih riječi (*baba* > *babica*, *čizma* > *čizmica*, *dekla* > *deklica*, *frajla* > *frajlica*), imenica sa završim skupom *-ica* (bilo da je riječ o netvorbenim imenicama kao što su *divica* > *divičica*,

¹ Takvo mišljenje A. Kovačec (2003./4: 289) opisuje sljedećim riječima: »Slično tomu, pod dojmom ponajprije gradskih i prigradskih govora, u kojima se *obed* započinje *juhicom*, kao glavno jelo dolazi *pečenkica* uz koju je redovito malo *krumpirčeka* (*krumpirčekov*) i *šalatice* (posebice ako je riječ o zelenoj salati), jelo se zalijeva *vinčekom*, a na kraju objeda posluži se i *kavica*, skloni smo zaključku da kajkavski općenito, posebice za razliku od štokavskoga, pa onda i standardnoga jezika, osobito voli deminutive. Lako je uočiti da se u istovjetnim kontekstima kakve smo naveli mogu upotrijebiti obične neizvedene imenice...«

² A. Kovačec (2003./4.) pisao je o deminutivima osobnih imena, a J. Maresić o tvorbi deminutiva u kajkavskome narječju općenito.

³ Sufiks je i inače veoma plodan u kajkavskome književnom jeziku, primjerice u mocijskoj tvorbi (v. o tome Štebih Golub 2008).

gibanica > *gibaničica* ili o tvorenicama kao što su movirani femininumi *opatica* > *opatičica*, *prastica* > *prasičica*, *prijateljica* > *prijateljčica*) i imenica sa završetkom *-ka* (netvorbenih kao *devojka* > *devojčica*, *motika* > *motičica*, ženskih nomina agentis kao *dojka* > *dojčica* i od moviranih femininuma kao *ladavka* > *ladavčica*).

U kajkavskome književnom jeziku – kao i u suvremenim organskim govorima⁴ – veoma su česte umanjenice drugoga stupnja⁵. Dometak *-ica* plodan je i u njihovom izvođenju: *baba* > *babica* > *babičica*, *gora*⁶ > *gorica* > *goričica*, *knjiga* > *knjizurka* > *knjizurčica*, *koža* > *kožica* > *kožičica*, *komora* > *komorica* > *komoričica*, *koza* > *kozica* > *kozičica*, *kupa* > *kupica* > *kupičica*, *mera* > *merica* > *meričica*, *mrva* > *mrvica* > *mrvičica*, *lopata* > *lopatica* > *lopatičica*, *ovca* > *ovčica* > *ovčičica*, *plahta* > *plahtica* > *plahtičica*, *riba* > *ribica* > *ribičica*, *sekira* > *sekirica* > *sekiričica*, *senca* > *senčica* > *seničica*, *slama* > *slamica* > *slamičica*, *šiba* > *šibica* > *šibičica*, *vura* > *vurica* > *vuričica*, *zdelo* > *zdelica* > *zdeličica*. Iako semantizam takvih umanjenica iziskuje zasebno iscrpno istraživanje, potvrde iz našega korpusa navode nas na zaključak da umanjenice drugoga stupnja osim što označuju nešto manje od umanjenice prvoga stupnja kojom su motivirane, tj. nešto iznimno malo (»S. Dominik [vzel je]... iz nje rane jednoga *črvička*, koj mu se je taki vu ruke na jedno zrno dragoga đunđa preobernul.« Zagr I, 598), često imaju i veoma izraženo stilsko, najčešće hipokoristično značenje (»Vi *fioličice*, v travici zavite!« Št flora 7).

U umanjenica izvedenih sufiksom *-ica* zabilježene su sljedeće glasovne promjene:

- *c + i* > *č* (*divica* > *divičica*, *gibanica* > *gibaničica*, *gorica* > *goričica*, *guska* > *guščica*⁷, *ovca* > *ovčica*, *špica* > *špičica*, *šalica* > *šaličica*)
- *g + i* > *ž* (*bisaga* > *bisažica*, *kniga* > *knjižica*⁸)
- *h + i* > *š* (*marha* > *maršica*, *muha* > *mušica*⁹)

⁴ O tome v. Kovačec 2003./4.

⁵ S. Babić (2002: 109) umanjenice izvedene od umanjenica naziva umanjenicama s pojačanim umanjeničkim značenjem, no njima se iscrpnije ne bavi.

⁶ U značenju 'vinograd'.

⁷ Također s provedenim jednačenjem po mjestu tvorbe. Potvrđen je i oblik *guskica*.

⁸ Zanimljivo je da umanjenica *knjigica* u našem korpusu nije potvrđena iako je u organskim govorima uobičajena.

⁹ Deminutiv *muhica* nije potvrđen u našem korpusu iako je uobičajen u organskim govorima.

– $k + i > \check{c}$ (*devojka* > *devojčica*, *dojka* > *dojčica*, *motika* > *motičica*, *prodeka* > *prodečica*, *ruka* > *ručica*¹⁰, *šaka* > *šačica*¹¹, *zipka* > *zipčica*¹²).

Zbog provođenja opisanih glasovnih promjena u književnoj se kajkavštini javljaju homonimi kao što su *rečica* (< *reč*) i *rečica* (< *reka*) te *kučica* (< *kuča*) i *kučica* (< *kuka*).

Naše je istraživanje pokazalo da su umanjenice izvedene sufiksom *-ica* u kojima navedene glasovne promjene nisu provedene, u književnoj kajkavštini veoma rijetke (*boca* > *bocica*, *cucka* > *cuckica*), a obično se javljaju uz deminutive s provedenim promjenama (npr. *rukica* i *ručica*). Takvi su rezultati donekle iznenađujući jer su u kajkavskim organskim govorima uobičajeniji likovi s neprovedenim glasovnim promjenama (dakle, *daskica*, *rukica*, *šakica*, *zipkica*), a u slučajevima supostojanja dubletnih oblika oblik s provedenom i onaj s neprovedenom promjenom značenjski se razlikuju (*muhica* ‘mala muha’ i *mušica* ‘vrsta insekta’, *rukica* ‘mala ruka’ i *ručica* ‘dio kakve naprave’). Zanimljivo je i da u suvremenome standardnome hrvatskom jeziku supostoje takvi oblici, također značenjski različiti. S. Babić (2002: 173) o tome zaključuje: »Podaci pokazuju da razvoj ide prema sustavu u kojem će izvedenice s deminutivnim i terminološkim značenjem imati lik s provedenom promjenom, a hipokoristici s neprovedenom.«¹³ Također smatra da je takav razvoj, između ostaloga, uvjetovan i utjecajem kajkavske dijalektne osnove.

Zašto su onda u kajkavskome književnome jeziku oblici s provedenim promjenama pravilo, dok se one s neprovedenima može smatrati iznimkama? Iako je organsku osnovicu kajkavskoga književnog jezika činio zagrebački gradski govor, kajkavski su autori s jedne strane ujednačivali različite kajkavske regionalne i mjesne fonetsko-fonološke osobine birajući uvijek one razumljive većini kajkavaca, dok su s druge – nastojeći svoja djela učiniti razumljivima i govornicima drugih dvaju hrvatskih narječja – u svoje tekstove svjesno unosili čakavske (npr. stajajući ikavizmi kao *cirkva*, *divojka*) i štokavske elemente (pojava *a* na mjestu poluglasa, povremena uporaba štokavskih zamjenica *što*, *zašto*, futur tvoren od nenaglašenog prezenta glagola *hoteti* i infinitiva, poneki štokavizam kao što su *Uskrs*, *zec*, *nitko*). Stoga smatramo da je pretežita uporaba deminutivnih oblika s provedenim glasovnim promjenama također rezultat štokavskoga utjecaja. Riječ je o još jednome dokazu da su kajkavski autori svjesno normirali i standardizirali svoj jezik namjerno ga približavajući drugima dvama hrvatskima narječjima i književnim jezicima.

¹⁰ Uz potvrđeni oblik *rukica*.

¹¹ Deminutiv *šakica*, uobičajen u organskim govorima, u našem korpusu nije potvrđen.

¹² Deminutiv *zipkica*, uobičajen u organskim govorima, u našem korpusu nije potvrđen.

¹³ O sličnom razvoju u suvremenome srpskom jeziku v. P. Radić, 1997.

Valja naglasiti da su u kajkavskome književnome jeziku značenjske razlike između oblika s provedenim glasovnim promjenama i onima s neprovedenima rijetke i mogu se prije smatrati iznimkama nego pravilom. Osim toga, oblici s provedenim promjenama bolje su potvrđeni. Tako primjerice Jambrešić u svojem rječniku s. v. *anserculus* kao istoznačnice navodi oblike *guskica* i *guščica*. Oblik *guskica* potvrđen je samo u Jambrešićevu rječniku, dok je *guščica* potvrđena u Habledića, Jambrešića i Belostenca, kao i u tekstnim izvorima od 18. stoljeća nadalje.

S umanjnicama *rukica* i *ručica* situacija je ponešto drukčija i bliža onoj u današnjem hrvatskome standardnom jeziku. Naime, *ručica* ima značenja i 'mala ruka' i 'držalo', a *rukica* ima samo prvo značenje. Dok je *rukica* potvrđena samo u Domjanića¹⁴ (koji je dijalektni pjesnik pa mu je jezik bliži organskim govorima nego književnoj kajkavštini), *ručica* u oba značenja ima mnogobrojne i leksikografske i tekstne potvrde.

Sufiks *-ica*, odnosno njegov množinski oblik *-ice*, plodan je i u izvođenju pl. tantum ženskoga roda (*gače* > *gačice*, *grablje* > *grabljice*, *gusle* > *guslice*, *kočije* > *kočijice*, *orgulje* > *orguljice*).

Sufiks *-ka* znatno je slabije plodan od dometka *-ica*: u našem je korpusu zabilježen u dvadesetak umanjnica. Njime se tvore umanjnice prvoga stupnja od imenica ženskoga roda *e*-deklinacije (*cura* > *curka*, *flaša* > *flaška*¹⁵, *rubača* > *rubačka*), osobito od onih sa završetkom *-ica* (od netvorbenih riječi kao *palica* > *palička*, *ladica* > *ladička* ili moviranih femininuma kao *prasica* > *prasička*). Umanjenice drugoga stupnja s pomoću njega tvore se od umanjnica prvoga stupnja sa sufiksom *-ica* (*cura* > *curica* > *curička*, *flaša* > *flašica* > *flašička*, *hiža* > *hižica* > *hižička*, *jagoda* > *jagodica* > *jagodička*, *mošnja* > *mošnjica* > *mošnjička*, *kniga* > *knižica* > *knižička*, *koža* > *kožica* > *kožička*¹⁶, *kupa* > *kupica* > *kupička*¹⁷, *riba* > *ribica* > *ribička*, *sekira* > *sekirica* > *sekirička*, *zdela* > *zdelica* > *zdelička*).

Tijekom izvođenja dometkom *-ka* dolazi do promjene *c + k* > *č* (*curica* + *ka* > *curička*, *kupica* + *ka* > *kupička*, *sekirica* + *ka* > *sekirička*).

S morfološkoga su gledišta zanimljivi drugostupanjski deminutivi *deklička*, *deklička* izvedeni sufiksom *-ka* od prvostupanjskih *deklič* (< *dekla*) i *deklić* (< *deklja*). Naime, tijekom izvođenja umanjnica prvoga stupnja s pomoću dometka *-ič* dolazi do promjene gramatičkoga roda (ženski rod > muški rod),

¹⁴ »Ruka mi draga moj obraz tak bled, *rukica* mrzla.« Domj sunc 14.

¹⁵ Uz istoznačni deminutiv *flašica*.

¹⁶ Uz *koža* > *kožica* > *kožičica*.

¹⁷ Uz *kupa* > *kupica* > *kupičica*.

dok prilikom izvođenja drugostupanjskoga deminutiva imenice ponovno dobivaju ženski rod.

U našem je korpusu potvrđeno samo desetak umanjenica izvedenih s pomoću sufiksa *-čica*.

Motivirajuće riječi takvih umanjenica pripadaju *e*-deklinaciji (*klupa > klupčica*, *postela > postelčica*, *žena > ženčica*, *grana > grančica*) ili *i*-deklinaciji (*brv > brvčica*, *cev > cevčica*, *krv > krvčica*). Nerijetko su od istih motivirajućih imenica potvrđene i umanjenice s dometkom *-ica* (*cevica*, *granica*, *krvica*) u odnosu na koje u načelu ne postoje značenjske razlike (»[Zadušenem vu vodi potrebno je]... z... *cevicum* zraka... vu ravno črevo vtirati. Pom 4, »Napravi *cevčicu* i... čez onu *cevčicu* on đumber žganem vinom zmešan k sebi vleći.« Medik 23). Doduše, umanjenica *postelčica* ima samo značenje 'krevetić', dok *postelica* označuje i manju nosiljku, ali i placentu. Ipak, riječ je samo o semantičkom razvoju na razini pojedinačnoga slučaja, pa možemo zaključiti da izvođenje pojedinim od navedenih dometaka ne utječe na značenje umanjenica.

Sufiksom *-ca* izvedeno je svega pet umanjenica iz našega korpusa: *čeljadca* (< *čeljad*), *krvca* (< *krv*), *miselca* (< *misel*), *pratešca* (< *pratež*) i *senca* (< *sena*).

U književnoj se kajkavštini umanjenice od imenica ženskoga roda izvode i sufiksima *-ek* (*čizma > čizmek*, *ranglja > rangljek*) i *-ič* (*dekla > deklič*, *deklja > deklič*), što je zanimljivo s morfološkoga aspekta jer deminutivi u odnosu na motivirajuću imenicu mijenjaju gramatički rod (ženski > muški) kao i deklinacijsku vrstu. Ta je pojava prisutna i u kajkavskim organskim govorima, primjerice *mama > mamek*, *mamič*.

Izvođenjem s pomoću dometaka *-če* (*cura > curče*) i *-ce* (*dver > dverce*, *ral > ralce*) od imenica ženskoga roda u književnoj kajkavštini nastaju deminutivi srednjega roda.

2.2 U tvorbi umanjenica od imenica muškoga roda u kajkavskome književnome jeziku aktivno je petnaestak dometaka. Donosimo ih abecednim redom.

U našem je korpusu potvrđeno svega šest prvostupanjskih deminutiva (*čovek > čovečac*, *hip > hipac*, *pehar > peharac*, *rt > rtac*, *vankuš > vankušac*, *zvon > zvonac*) i jedan drugostupanjski deminutiv (*zvon > zvonac > zvončac*) izvedenih s pomoću sufiksa *-ac*¹⁸.

¹⁸ Babić (2002: 79) spominje da je u suvremenome standardnome hrvatskom jeziku sufiks plodan u tvorbi imenica triju skupina: umanjenica (njih pedesetak poput *bratac*, *čovječac*, *krevetac*, *krušac*, *rukavac*, *zvonac*), etnika i ostalih imenica, s tim da je prva skupina neplodna.

Sve navedene umanjenice – osim *hipac* i *rtac* – imaju i »kajkavskije« tvorbene dublete izvedene sufiksom *-ec* (*človečec*, *peharec*, *vankušec*, *zvončec*). Kako su deminutivi s dometkom *-ac* potvrđeni ili u izvorima pisani hibridnim jezikom ozaljskoga kruga (primjerice *hipac*¹⁹ u Zrinskoga, *peharac* u Belostenca) ili pak u kasnijim izvorima poput Gajevih *Novina horvatskih* (potvrda za *čovečac*²⁰) za koje se može pretpostaviti da su već postojale određene tendencije približavanja štokavštini, zaključujemo da do uporabe toga sufiksa u kajkavskome književnom jeziku dolazi pod utjecajem štokavštine.

U umanjenica izvedenih ovim sufiksom dolazi do sljedećih glasovnih promjena:

- *k + a > č* (*čovek > čovečac*)
- *c + a > č* (*zvonac > zvončac*).

Sufiksom *-ak* izvedeno je desetak umanjenica iz našega korpusa, i to deminutiva prvoga stupnja (*čun > čunak*, *polič > poličak*, *red > redak*, *san > sanak*, *stan > stanak*, *škrljak > škrljačak*) i deminutiva drugoga stupnja (*lonec > lončić > lončićak*, *rt > rtič > rtičak*).

Kao i u slučaju deminutiva sa sufiksom *-ac* većina umanjenica s dometkom *-ak* ima potvrđene i »kajkavskije« dublete sa sufiksom *-ek*²¹. Analiza izvora iz kojih su primjeri ekscerpirani pokazala je da su deminutivi sa sufiksom *-ak* potvrđeni u pisaca ozaljskoga kruga, dok oni sa sufiksom *-ek* imaju veći broj potvrda i to u pisaca koji su se služili čistom književnom kajkavštinom (npr. »Gusto ti se v rukah *poličak* pomika.« Magd 77 i »Ja ti moram vsaki den moj *poliček* vina... imeti.« Lovr drž 65).

Tijekom izvođenja dometkom *-ak* dolazi do promjene *k + a > č* (*škrljak > škrljačak*).

U kajkavskome književnom jeziku zabilježena su i dva deminutiva izvedena sufiksom *-c*: *knedelc* (< *knedel*; »Moreš ove *knedelce* napraviti takaj od črešenj.« Birl 107) i *pastirc* (< *pastir*; »Kralj Šaul... stalno i segurno (z kojem David još *pastirc*)... vojovati mogel bi proti Goliatu.« Švag I, 119).

Među književnokajkavske deminutivne sufiksa ubraja se i *-čec*. S pomoću njega izvedeno je dvadesetak umanjenica isključivo prvoga stupnja: *cigan > cigančec*²², *cvergulin > cvergulinčec*, *črep > črepčec*, *del > delčec*, *frtal*

¹⁹ »Konja jakih mišic obsede (ban) z vojniov čineč red v mal *hipac*.« Zrinski 57.

²⁰ »Mladi taj *čovečac*... predoči si sada sve pelde viteškoga alduvanja.« Nov horv 415.

²¹ Preciznije: svi osim *rtičak*, *sanak* i *uglenak*.

²² Samo u značenjima 'lopovčić', 'lukavčić'.

> *frtalčec*, *kljun* > *kljunčec*, *kup* > *kupčec*, *predvor* > *predvorčec*, *remen* > *remenčec*.

Usljed izvođenja ovim dometkom dolazi do jednačenja po zvučnosti (*golub* > *golupčec*) i jednačenja po mjestu tvorbe te ispadanja suglasnika (*falat* > *falačec*, *komad* > *komačec*, *medved* > *medvečec*).

Dometkom *-ček* u kajkavskome je književnom jeziku tvoreno petnaestak umanjena prvoga stupnja: *gavaler* > *gavalerček*, *gospon* > *gosponček*, *hip* > *hipček*, *melin* > *melinček*, *pehar* > *peharček*, *sin* > *sinček*, *taler* > *talerček*. Zbog dodavanja ovoga sufiksa dolazi do jednačenja glasova po zvučnosti (*hleb* > *hlepeček*).

Naš korpus sadržava dvadesetak umanjena izvedenih sufiksom *-čič*: *brodar* > *brodarčič*, *petljarič* > *petljaričič*, *pisar* > *pisarčič*, *sin* > *sinčič*, *zmaj* > *zmajčič*.

Najplodniji književnokajkavski sufiksi za tvorbu umanjena od imenica muškoga roda jesu *-ec* i *-ek*.

U našem je korpusu sufiksom *-ec* tvoreno dvjestotinjak deminutiva. Ovim se dometkom izvode umanjene prvoga stupnja (*angel* > *angelec*, *bodež* > *bodežec*, *brod* > *brodec*, *križ* > *križec*, *meč* > *mečec*) i umanjene drugoga stupnja. Pri tvorbi umanjena drugoga stupnja motivirajuće riječi – deminutivi prvoga stupnja – izvedene su sufiksom *-ič* (*dekla* > *deklič* > *dekličec*, *konj* > *konjič* > *konjičec*) ili *-ec* (*kalendar* > *kalendarec* > *kalendarčec*, *kamen* > *kamenec* > *kamenčec*, *koren* > *korenečec* > *korenčec*, *pehar* > *peharec* > *peharčec*). Valja razlikovati drugostupanjske umanjene motivirane deminutivima na *-ec* od prvostupanjskih deminutiva motiviranih izvedenicama na *-ec* nedeminutivnog značenja (*ljubimec* > *ljubimčec*, *starec* > *starčec*, *stolec* > *stolčec*).

Glasovne promjene do kojih dolazi tijekom izvođenja sufiksom *-ec* jesu:

- *c + e* > *č* (*kalendarec* > *kalendarčec*, *mozolec* > *mozolčec*, *lanc* > *lančec*, *moderc* > *moderčec*)
- *h + e* > *š* (*dah* > *dašec*, *kruh* > *krušec*, *oreh* > *orešec*, *prah* > *prašec*)
- *k + e* > *č* (*kurtak* > *kurtačec*, *patuljek* > *patuljčec*, *pavuk* > *pavučec*, *potok* > *potočec*, *škrlak* > *škrlačec*)
- *g + e* > *ž* (*breg* > *brežec*).

S morfološkoga je aspekta zanimljiv drugostupanjski deminutiv *dekličec* (< *deklič* < *dekla*). Naime, iako je u *Rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnoga jezika* označen kao maskulinum, iz primjera je vidljivo da se rabi kao imenica ženskoga roda: »Tam je po dolici *dekličec* neoskrunjena slobodno hodila.« Lovr ad 133.

S pomoću dometka *-ek* u književnoj je kajkavštini izvedeno oko 150 umanjnica. Sufiks je potvrđen u umanjnicama prvoga stupnja (*angel > angelek, bog > bogek, cof > cofek, črv > črvek, ftič > ftiček, glas > glasek, groš > grošek, miš > mišek, sir > sirek*) i onima drugoga stupnja, obično motiviranim deminutivima prvoga stupnja na *-ič*²³ (*breg > brežič > brežiček, črv > črvič > črviček, golub > golubič > golubiček, konj > konjič > konjiček, orel > orlič > orliček, puž > pužič > pužiček*)²⁴. Potvrđena su i tri primjera izvođenja deminutiva hipokorističnoga značenja ovim sufiksom od motivirajućih imenica muškoga roda *e*-deklinacije (*čaća > čaćek, deda > dedek, tata > tatek*).

U umanjnicama sa sufiksom *-ek* prisutne su sljedeće glasovne promjene:

- *k + e > č* (*coprnjak > coprnjaček, jezik > jeziček, pavuk > pavuček, šrljak > šrkljaček*)
- *c + e > č* (*jopce > jopček, komarec > komarček, venec > venček, zajec > zajček*)
- *h + e > š* (*oreh > orešek, prah > prašek, trbuh > trbušek*)
- *g + e > ž* (*breg > brežek, sneg > snežek*).

Među plodnije književnokajkavske deminutivne sufikse ubraja se i *-ic* kojim je izvedeno šezdesetak umanjnica iz našega korpusa. Uglavnom je riječ o prvostupanjskim deminutivima (*cvet > cvetic, čep > čepic, dar > daric, frtalj > frtaljic, konj > konjic, ormar > ormaric, žleb > žlebic*), odnosno u našem je korpusu potvrđen samo jedan drugostupanjski deminutiv (*deklič > dekličic*). U umanjnicama s ovim dometakom dolazi do sljedećih glasovnih promjena:

- *c + i > č* (*konopec > konopčic*)
- *k + i > č* (*čardak > čardačic, dječak > dječaćic, dijak > dijačic*).

Veoma plodan književnokajkavski deminutivni sufiks – potvrđen u stotinjak primjera – jest *-ič* (*bodež > bodežič, črv > črvič, gantar > gantarič, golob > golobič, groš > grošič, kralj > kraljič, lagev > lagvič, rep > repič, žakel > žaklič*). U našem je korpusu zabilježen samo jedan drugostupanjski deminutiv izveden njime (*oroslan > oroslanec > oroslančič*).

Tijekom izvođenja deminutiva ovim dometkom provode se sljedeće glasovne promjene:

²³ Izvedenice nedeminutivnoga značenja sa sufiksom *-ič* deminutive prvoga stupnja također često tvore s pomoću dometka *-ek* (*mladič > mladiček, polič > poliček*).

²⁴ U našem je korpusu potvrđen samo jedan slučaj da se dometkom *-ek* izvodi umanjnica od deminutiva koji nema sufiks *-ič* već *-ec* (*zvon > zvonec > zvonček*).

- $g + i > ž$ (*bubreg > bubrežič*)
- $k + i > č$ (*hajduk > hajdučič, mužak > mužačič, novak > novačič, vnuk > vnučič*)
- $c + i > č$ (*kolec > kolčič, ščenac > ščenčič, vuja > vujčič, zec > zečič*)
- $h + i > š$ (*meh > mešič*).

Sufiks *-ik* potvrđen je samo u umanjenici *križik* koja je – sudeći prema potvrđama – Pergošićev hapaks (»Ako su koteroga spola ime ili pridevek ili kakovo imenie v njem ostrugali ili su na *križik* prevlekli.« Perg 132).

U kajkavskome književnom jeziku četiri se umanjenice tvore s pomoću sufiksa *-inec* (*cucek > cucinec, cučinec, dijak > dijačinec, nož > nožinec*). Osim umanjenice *nožinec* – potvrđene u Habelića – potvrde preostalih triju deminutiva nalazimo tek u 19. stoljeću.

U izvedenicama dometkom *-inec* dolazi do sljedećih glasovnih promjena:

- $k + i > c$ (*cucek > cucinec*)
- $k + i > č$ (*cucek > cučinec, dijak > dijačinec*).

U književnoj kajkavštini nalazimo dva primjera umanjenice *čačko* (< *čača*). No, kako je taj leksem u kajkavskim izvorima zabilježen samo u Belostenčevu rječniku s. v. *pater* gdje stoji i naznaka da je riječ o dalmatici, i u Krizmanićevu prijevodu Mrnavićeve *Osmanšćice* (»O mili *čačko*... o pile slatko, radostni Ratko.« Krizm osm 303), gdje je očigledno uporabljen zbog rime, smatramo da je riječ o posuđenici iz štokavštine, a ne kajkavskoj tvorenici.

Dometkom *-če* od imenica muškoga roda izvode se umanjenice srednjega roda (*ciganj > ciganjče*²⁵, *konj > konjče, krmak > krmče, pastir > pastirče*), a isto vrijedi i za sufiks *-e* (*cucek > cuče, krmek > krmče*). Riječ je o veoma slabo plodnim tvorbenim obrascima.

2.3 Umanjenice imenica srednjega roda u književnoj se kajkavštini izvode s pomoću deset dometaka od kojih su, međutim, neki veoma rijetki.

Dva su dometaka potvrđena u samo po jednom primjeru: *-če* u primjeru *prašče* (< *prase*), *-ence* samo u *piščence* (< *pišče*). Slabo plodni umanjenički sufiksi su i *-ašce* s dvije potvrde (*sunce > sunašce, srdce > srdašce*), *-eko* također s dvije potvrde (*meso > meseko, sunce > sunčeko*) i *-ešce* s tri potvrde (*dete > detešce, janje > janješce, meso > mesešce*).

²⁵ Samo u značenju 'lopovčić, mangupčić': »*Ciganjče* ti malo! Kaj zmisliti ti se dalo takvu laž v tvoji glavi!« St kol (1866) 235.

Dometkom *-ce* u kajkavskome književnom jeziku izvedeno je dvadesetak deminutiva prvoga stupnja (*česalo* > *česalce*, *črevo* > *črevce*, *koleno* > *kolence*, *leto* > *letce*, *telo* > *telce*, *zrno* > *zrnce*). Tijekom sufiksacije ovim dometkom također dolazi do glasovnih promjena, primjerice

– *s + c* > *š* (*oko* > *ošce*).

Dometak *-ece* sa svojih desetak potvrda spada u plodnije književnokajkavske umanjeničke sufikse (*klupko* > *klupčece*, *srce* > *srčece*, *grlo* > *grlece*, *zvonce* > *zvončece*). Množinskim oblikom dometka izvode se umanjnice od pl. tantun (*prsa* > *prseca*, *vusta* > *vusteca*).

U deminutiva s ovim sufiksom odvijaju se sljedeće glasovne promjene:

– *k + e* > *č* (*klupčece*)

– *c + e* > *č* (*srčece*, *sunčece*, *zvončece*).

Dometkom *-ice* u književnoj se kajkavštini izvode umanjnice *gnezdice* (< *gnezdo*), *kleščice* (< *klešče*) i *ufanjice* (< *ufanje*), dok se njegovim množinskim oblikom *-ica* tvore deminutivi od pl. tantum (*klešča* > *kleščica*, *prsa* > *pršica*). Pri tome izvođenju dolazi do promjene *c + i* > *č* (*kolica* > *količica*).

U deminutivnoj tvorbi u kajkavskome književnom jeziku plodan je i sufiks *-iče* kojim se izvode umanjnice od imenica sa zavšetkom *-nje* (uglavnim glagolskih ili zbirnih), a u našem je korpusu potvrđen u desetak primjera (*govorenje* > *govorenjiče*, *imanje* > *imanjeniče*, *ladanje* > *ladanjiče*, *remenje* > *remenjiče*, *korenje* > *korenjiče*).

Deminucijom s pomoću dometaka *-ek* i *-ič* od motivirajućih riječi srednjega roda nastaju deminutivi muškoga roda (*srce* > *srček*, *piple* > *piplič*).

3 Provedeno je istraživanje pokazalo da je kajkavski književni jezik veoma bogat umanjnicama dokazom čega su čitavi nizovi deminutiva motiviranih istom riječju: *cucek* > *cucič*, *cucinec*, *cuče*, *cućec*, *cućic*, *čućič*, *cućinec*; *golub* > *golubek*, *golubič* (> *golubiček*)²⁶, *golupćec*, *golupček*; *kamen* > *kamenec* (> *kamenček*), *kamenek*, *kameniček*; *nož* > *nožec*, *nožek*, *nožic*, *nožič*, *nožinec*; *pastir* > *pastirče*, *pastirčić*, *pastiric*, *pastirec*, *pastirič*; *pehar* > *peharac*, *peharček*, *peharec*, *peharic*, *peharček*; *sin* > *sinček*, *sinčić*, *sinec*, *sinec*; *srce* > *srčece*, *srček*, *srdašce*, *srčece*, *srdašce*.

U književnoj su kajkavštini također česte i umanjnice drugoga stupnja koje obično imaju izraženu stilsku vrijednost, najčešće hipokorističnost.

---

²⁶ U zagradama navodimo umanjnice drugoga stupnja.

U tvorbi kajkavskih umanjenica aktivno je četrdesetak dometaka. Neki od njih povezuju knjževnu kajkavštinu sa štokavštinom: primjerice uporaba sufiksa *-ac* i *-ak* kakvu nalazimo u pisaca ozaljskoga kruga. Pokazateljem da su kajkavski pisci svoj jezik svjesno približavali drugima dvama hrvatskim književnim jezicima smatramo i provođenje glasovnih promjena u umanjenica izvedenih s pomoću dometka *-ica* (*guščica, knjižica, ručica*) koje je tipično za štokavštinu, dok u kajkavskim organskim govorima u načelu nije prisutno.

Tijekom deminucije u kajkavskome književnom jeziku s pomoću određenih dometaka od imenica jednoga roda izvode se imenice drugoga roda. Primjerice, od imenice ženskoga roda izvodi se deminutiv muškoga (*dekla* > *deklič*) ili srednjega roda (*cura* > *curče, dver* > *dverče*), a od imenice muškoga roda umanjenica srednjega roda (*ciganj* > *ciganjče, konj* > *konjče*).

Ovim smo radom nastojali u osnovnim crtama prikazati načine tvorbe književnokajkavskih deminutiva i njihove osobitosti, no zbog složenosti ove pojave potrebna su i daljnja, još iscrpnija istraživanja ove teme.

IZVORI

1985.–2015 = *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika*, 1–13. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, HAZU.

B = Ivan BELOSTENEC, 1740: *Gazophylacium*. Zagreb.

Birl = Ivan BIRLING, 1813: *Nova skup složena zagrebačka sokačka knjiga*. Zagreb.

Danica = *Danica zagrebečka*, 1841. Zagreb: F. Župan.

Domj sunc = Dragutin DOMJANIĆ, 1927: *V suncu i senci*. Zagreb: Tiskara zaklade Narodnih novinah.

H = Juraj HABDELIĆ, 1670: *Dictionar ili reči slovenske zvekšega vkup zebrane*. Graz.

Habd ad = Juraj HABDELĆ, 1674: *Prvi oca našega Adame greh*. Graz.

Habd zrc = Juraj HABDELĆ, 1662: *Zrcalo marijansko*. Graz.

J = Andrea JAMBREŠIĆ, 1742: *Lexicon latinum interpretatione Illyrica, Germanica et Hungarica locuples*. Zagreb.

Krizm osm = Ivan KRIZMANIĆ, 1829: *Osmanščica. Igrokaz vu peterom dogodu po Ivanu Tomašu Mrnaviču*. rkp.

Lovr ad = Jakob LOVRENČIĆ, 1833: *Adolf iliti kakvi su ljudi*. Varaždin: J. Plazer.

Lovr drž = Jakob LOVRENČIĆ, 1824: *Kratka dobreh držanjih pripovedanja po Jakobu Lovrenčiču skupsložena*. Varaždin: I. Szangilla.

Magd = Matija MAGDALENIĆ, 1670: *Zvončac iliti premissljavanje zvrhu četirih poslednjih človeka*. Graz.

Medik = *Latino-croaticum lexicon medicamentale*, ?1783.–1784.

Nov horv = *Novine horvatske*, 1835. Zagreb: F. Župan.

Perg = Ivan PERGOŠIĆ, 1574: *Decretum*. Nedelišće.

Pom = *Potvrđeni načini za vu vodu vtoplene, zadušene i drugem načinom nesrečne ljudi najpriložneše pomoći*, ?1780: Zagreb: J. K. Kotche.

St kol = Tomaš MIKLOUŠIĆ, 1866: *Stoletni horvatski kalendar*. Varaždin: J. Plazer i sin.

Št flora = Pavao ŠTOOS, 1726: *Flora suo flori*. Zagreb.

Švag I = Fortunato ŠVAGEL, 1761: *Opus selectum*. Zagreb.

Zagr I = Štefan ZAGREBEC, 1718: *Hrana duhovna ovčic kršćanskeh I*. Zagreb.

Zrinski = Petar ZRINSKI, 1660: *Adrianskoga mora sirena*. Venecija.

LITERATURA

Eugenija BARIĆ et al., 1995: *Hrvatska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.

Stjepan BABIĆ, 2002: *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. Zagreb: Nakladni zavod Globus; HAZU.

Ivan KLAJN, 2002: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku*, I. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

Ivan KLAJN, 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku*, II. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

August KOVAČEC, 2003./4: Deminutivi osobnih imena izvedeni s pomoću višestrukoga sufiksa kao kompenzacija za vokativ u jednom kajkavskom govoru. *Folia onomastica croatica*. 12/13, 289–298.

Jela MARESIĆ, 2015. Umanjenice u kajkavskome narječju. *Rasprave* 41/1, 77–96.

Barbara ŠTEBIH GOLUB, 2008: Pravi mocijski parnjaci u kajkavskome književnom jeziku. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 34, 393–412.

SUMMARY

The Diminutives in the Kajkavian Literary Language

This research shows that the Kajkavian literary language abounds with diminutives and that is evident from finding groups of diminutives motivated by the same word, e. g. *cucek* > *cucič*, *cucinec*, *cućec*, *cućic*, *čućič*, *cućinec*.

In the literary kajkavian, the diminutives of the second degree are also very common and they usually have strong stylistic value, most often hypocoristic one.

There are around 40 suffixes that are active in formation of kajkavian diminutives. Some of them link literary kajkavian with štokavian: for example, the use of the suffixes *-ac* and *-ak* that is found in writers of the *Ozalj circle*. As a further cue in support to the claim that the kajkavian authors deliberately made their language closer to the other two Croatian literary languages we consider the application of the sound changes in diminutives formed by the suffix *-ica* (*guščica, knjižica, ručica*), that is typical for štokavian, while it, in principle, does not appear in the kajkavian dialects.

In the process of diminutive formation in the kajkavian literary language using certain suffixes results with diminutives of different gender. For example, from the feminine noun the diminutive can be a masculine noun (*dekla* > *deklič*) or a neuter one (*cura* > *curče, dver* > *dverče*), or from the masculine noun the diminutive can be neuter (*ciganj* > *ciganjče, konj* > *konjče*).

INGEBORG OHNHEISER

*Leopold-Franzens-Universität/Institut für Slawistik,
Avstrija, Innsbruck, ingeborg.ohnheiser@uibk.ac.at*

Описание модификационных слово- образовательных средств в грамматиках славянских языков (18/19 вв.)

Уже в первых русских грамматиках, а также в универсальных («всеобщих») грамматиках, вышедших в России в 18/19 вв., приемы модификации занимают неотъемлемое место в описании словообразования. Большой репертуар возможностей выражения модификационных значений считался некоторыми авторами отличительной чертой русского языка и одним из его преимуществ по сравнению с другими (неславянскими) языками. Восхваление богатства языка, основанного на его словообразовательном потенциале, находит свое отражение не только в грамматиках 18/19 вв., но и в многочисленных цитатах писателей как в России, так и в других славянских странах. Кроме того, рано отмечались точки соприкосновения между модификационными значениями и – в современной терминологии – аспектами прагматики. Данная связь все чаще учитывается в грамматиках славянских языков для иностранцев (19 в.), а становится неотъемлемым предметом современной славянской грамматикографии и лексикографии, а также теоретических исследований.

In the first Russian grammars and in the Universal grammars, published in Russia in the 18th/19th c., the techniques of derivational modification were a constituent part of the description of word-formation. Some authors even regarded the rich repertoire of affixes with modificational meanings as a privilege of Russian (and the Slavic language family) compared to other languages. Since the very beginning, it has also been recognized that there is a specific connection between modificational meanings and the attitudes of the speakers towards the *denotatum* and/or the addressee, i. e. – in contemporary terms – an interplay of modification and pragmatics. This interrelation was increasingly highlighted in Slavic grammars for non-native speakers in the 19th c. and has become an indispensable issue in modern Slavic grammatography and lexicography as well as in theoretical research.

Ключевые слова: словообразовательная модификация, наложение модификации и оценки; история русской и славянской грамматикографии, российские универсальные грамматики 18/19 вв., восхваление языка

Key words: modificational word-formation, interference of modification and evaluation, Russian and Slavic grammaticography, Russian universal grammars (18th/19th c.), praise of language

1 ВВЕДЕНИЕ

Уже в первых русских грамматиках, а также в универсальных («всеобщих») грамматиках, вышедших в России в 18/19 вв., приемы модификации занимают неотъемлемое место в описании словообразования. Кроме того, уже тогда отмечались разного рода «наложения» модификационных и – в современной терминологии – прагматических значений. В первой части доклада рассматривается традиция описания деминутивов, а вторая часть посвящена соотношению традиции и инновации их описания.

2 РУССКИЕ ГРАММАТИКИ 18 ВЕКА

Со времен расцвета грамматического описания славянских языков в 18/19 вв. наблюдается включение словообразования в грамматику. С одной стороны, основные сведения о словообразовании были составной частью описания частей речи, с другой стороны, словообразованию были посвящены (все более объемные) самостоятельные отделы/главы в грамматиках. Но все они были основаны на критерии части речи как мотивирующего, так и мотивированного слова.

Так, в «Российской грамматике» Ломоносова (1755: 98–100) «Наставление третье» посвящено имени (включая имена существительные и имена прилагательные), где шестая глава отводится интересующим нас образованиям «увеличительным и умалительным».

Умалительные существительные разделяются на ласкательные и презирательные со следующими суффиксами (с. 98 и след.): ласк.: *ик, ец, юк, ок, чик, ка, нька, ушка, ко, цо, чко, ушко*; презр.: *ишко, енцо*.

Без такой дифференциации приводятся суффиксы прилагательных: *ват, нек*: *плох – плоховат – плохонек*. «Все значат некоторую малую часть тех свойств, которые сами имена изображают» (с. 99). Об увеличительных прилагательных говорится, что они имеют не грубое, как существительные, но «нежное знаменование»: *хонек, шенек: белехонек, малешенек* (с. 100). Отмечаются параллели со степенями сравнения: по Ломоносову, данные прилагательные «подходят к знаменованию степени превосходного».

Ввиду «множества увеличительных и умалительных» (ср., напр., с. 99: *голова, головка, головонька, головушка*) Ломоносов лаконично констатирует, что «обстоятельных правил сочинение силы превосходит».

Это особенно касается умалительных вариантов имен собственных, «которые часто с начала буквы и склады теряют» (*Иван – Ванька, Ивашко, Ваня, Ванюшка*); их нельзя выучить по правилам, «но по употреблению».

Описание Ломоносова легло в основу описания деминутивов (а также аугментативов) в русских грамматиках следующих десятилетий, хотя у А. Барсова ([1783–1788] 1981) встречается и ряд новых аспектов. Так Барсов эксплицитно указывает, напр., на возможность образования вторичных деминутивов (с. 283), включает сведения диахронного характера («некоторые существительные на *ик* и *ек* почитаются первообразными, а в самой вещи суть умалительные», как, напр., *щенок* (< *щеня*), *лавка* (< *лава*)). Как и Ломоносов, Барсов включает производные от имен собственных, причем он указывает на то, что «многие находятся не столь обще употребительные, как бы для развеселения выдуманнные» – еще один новый «прагматический» фактор –, напр., *Ваненька, Ванюк, Душа* от *Авдотья*. (Подобным образованиям противопоставлены презрительные, напр., *Ванька, Ванюха, Ванюшка, Ивашко; Дунька, Дуняшка*.)

«Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею» (1802) в интересующей нас области не выходит за познания Ломоносова; только частично она отличается терминологически. Так, вместо обозначения «имена умалительные ласкательные и презрительные» мы находим «имена уменьшительные приветственные» и «имена уменьшительные уничижительные» (ср. Schüttrumpf 1984: 66 и след.).

Если резюмировать подходы авторов грамматик русского языка 18/начала 19 вв. к описанию словообразовательной модификации, можно отметить следующее: важный аспект изложения именно деминутивов, в отличие от других словообразовательных категорий, заключается, по моему, в том, что авторы не ограничиваются описанием образования, но включают – в современной терминологии – семантико-прагматическую дифференциацию классических деминутивов на ласкательные и презрительные/презрительные (у Ломоносова встречается оба термина) и, соответственно, на нежные и грубые. Одновременно отмечаются некая неопределенность значения, сложность предсказуемой сочетаемости, а при модификации личных имён не только отмечается проблема установления правил, но и подчеркивается критерий употребления (чем спустя два с половиной века занималась Вежбицкая [Wierzbicka] 1997).

3 РОССИЙСКИЕ «ВСЕОБЩИЕ ГРАММАТИКИ» НАЧАЛА 19 ВЕКА

Небезынтересный, хотя краткий и мало известный период в истории русской грамматикографии представляет собой возникновение в Российской империи «всеобщих грамматик» в начале 19 в.

В 1804 г. Александр I подписал «Устав учебных заведений, подведомых университетам». Университет получал право осуществлять руководство всеми учебными заведениями, которые были в его округе. В то время в России было 6 округов и соответственно 6 университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Дерптский [Тартуский] и Вильнюсский.¹ На основе данного устава в русских гимназиях были введены обязательные занятия по логике, психологии и этике, а также всеобщей грамматике, которая должна была заменить предмет «Грамматика русского языка» (ср. Buliç 1906: 553).

В связи с данным уставом – от 1806 до 1812 гг. – было составлено несколько всеобщих грамматик.

Иван Рижский: *Введение в круг словесности*. Харьков 1806.

Николай Язвицкий: *Всеобщая философическая грамматика*. СПб. 1810 (фактически, данная грамматика перевод-адаптация известной *Грамматики Пор-Рояля* – ср. Ohnheiser 1999)

Иван Орнатовский: *Новейшее начертание правил Российской грамматики*. Харьков 1810.

Илья Тимковский: *Опытный способ к философическому познанию Российского языка*. Харьков 1811.

Людвиг Гейнрих Якоб: *Курс философии для гимназий Российской империи*. Ч. 2: *Начертание Всеобщей Грамматики*. СПб. 1812.²

В западной Европе «универсальные грамматики» имели свой расцвет еще в 18 в., а в «Российской грамматике» Ломоносов (1755: 54) тоже указал на различие «общей» и «особливой» грамматики, что свидетельствует о более ранней рецепции идей универсальных грамматик. Немецкий славист Яхнов (ср., напр., Jachnow 1984: 123 и след.) приписывает российским универсальным грамматикам важную роль при теоретизации языкознания в России ввиду интенсивного изучения таких понятий, как

---

¹ <https://lib.nspu.ru/umk/9471ecdc1776b74d/t6/ch2.html>.

² Причины как внезапного возникновения подобного типа грамматик, так и их быстрого забвения можно объяснить тем, что, с одной стороны, их появление базируется, прежде всего, на административных толчках, а с другой – что данные грамматики и/или реформа образовательной системы вообще оказались непригодными и снова была введена более интенсивная ориентация на родной язык.

«язык», «функции языка», «существенные конститuentы языка». Во всех грамматиках находятся сведения о словообразовании, в том числе, и о приемах модификации. Остановимся на трех примерах.

Суть всеобщей грамматики относительно описания словообразования (как и других фактов естественных языков) подчеркивается Якобом (1812: 78 и след.):

/.../ есть некоторые коренные понятия, от коих производится множество других понятий, и коренные слова, от коих множество слов производится и сие словопроизводство следует в каждом языке особенным правилам. Всеобщая Грамматика может упомянуть только о всеобщих началах сего словопроизводства. Таким образом, 1. от подлежащего [*существительного*] можно производить другие подлежащие а) для означения малого, или великого, прекрасного, либо отвратительного, или других побочных определений такого подлежащего, б) для выражения сущности подлежащего в отвлеченном смысле, в) для показания деятеля, или виновника того же подлежащего, д) для показания рода и т.д.

Рижский (1806: 73 и след.) включает упоминание об уменьшительных и увеличительных в § 21 «О преимущественных качествах вообще, и особенно о богатстве, некоторых языков», отмечая, что «некоторые совершенства суть нечто как бы врожденное и при всех изменениях остающееся в них [языках], по крайней мере в некоторой степени», а в сноске (с. 75–76) мы читаем:

Естественное остроумие первых виновников нашего языка усмотрело не только касательно свойств, что в одной их степени сравнения бывают иногда некоторые оттенки; от чего прилагательные имена положительного и сравнительного [*sic*] степеней имеют у нас свои уменьшительные и увеличительные: но даже в рассуждении вещей, находящихся в уменьшительном виде, что иные из них в сем состоянии нам приятны, иные напротив сего отвратительны; а от сего произошли имена уменьшительные ласкательные и уничижительные.

Орнатовский (1810: 58) занимается в Главе 1 «О имени вообще» наличием деминутивов и аугментативов, подчеркивая при этом их изобилие в русском языке:

Имена существительные во многих языках некоторым изменением средних и конечных слогов получают вид увеличивающего или уменьшающего вещи, означаемой ими. Российский язык более других изобилует такими именами. Итак имя может быть увеличительным (*augmentativum*), или уменьшительным (*diminutivum*).

Одновременно автор указывает на ограничения употребления, напр., «имя увеличительное употребляется только в просторечии» (*мужик – мужичище – мужичинище*). А следующее высказывание разъясняет функцию (а не значение) деминутивов:

Уменьшительное представляет предмет в уменьшительном виде, что бывает тогда, когда мы ласкаем вещь, или с презрением говорим об ней (*рука, ручка, ручонка, рученька*).

Сведения об «уменьшительных прилагательных» (с. 98) не отличаются от изложений и примеров Ломоносова, а аугментативные прилагательные (с. 97) включаются в описание степеней сравнения, причем приводится не только *самый*, но и *пре, все* или *наи* (*самый светлейший, пресветлейший, наипрекраснейший*).

Как вытекает из приведенных цитат и примеров, существенной проблемой грамматикографии 18/19 вв., которая и сегодня нам небезызвестна, являются расхождения в терминологии – не только у разных авторов, но и даже у одного и того же автора. Так, в грамматике Орнатовского (1810) было установлено множество дублетов. Из области словообразования к ним относятся такие, как *Etymologia* (в понимании ‘формо-/словообразование’) – *слово-составление*, или *слово-произведение / составление речений / составление слов / слово-образование*; *Diminutivum* – *имя уменьшительное / имя умалительное*; *Нурокористика* – *имена уменьшительные / приветственные / имена уменьшительные ласкательные; прилагательные умалительные ласкательные* и др. (ср. Keipert 1988: 101 и след.).

Другой момент, который удивляет современного читателя именно при рассмотрении всеобщих грамматик, это восхваление не только языка, «дара речи» вообще, но и собственного языка, подчеркивание его «богатства», в том числе в области словообразования.

4 СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ВОСХВАЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Большой репертуар возможностей выражения модификационных значений некоторыми авторами считался отличительной чертой русского языка и одним из его преимуществ по сравнению с другими (неславянскими) языками. А если традиция восхваления языка в грамматиках со временем утихает, она остается характерной для многих писателей и публицистов (не только в 18/19 вв. и не только в России, ср. Ohnheiser 2014). Примером может служить статья Чернышевского «О словопроизводстве в русском языке» (1854):

Словопроизводство в русском языке /.../ отличается, сравнительно с тою же стороною других новейших европейских языков, гораздо бóльшим разнообразием (с. 388). /.../ Наши уменьшительные от нарицательных имен имеют, кроме значения уменьшения, еще значение привязанности или нежности – этот оттенок мо-

гут принимать существительные уменьшительные почти только в итальянском, который из всех известных нам языков только один выдерживает до некоторой степени соперничество с русским в образовании уменьшительных и увеличительных. /.../ Надобно сказать, что народный (великорусский) язык превосходит литературный язык в этом отношении; и что народный малорусский еще богаче великорусского разнообразием и употребительностью уменьшительных. Кроме собственно существительных имен, уменьшительные окончания в русском народном языке принимают и несклоняемые части речи (напр., *ась?* (что?) – *асинька*, *тут* – *туточка* и т. д.) (с. 389).

Далее говорится о разнообразии глагольного образования, а именно о способах глагольного действия, причем автор приходит к выводу (с. 390), что «[т]очно такое же решительное превосходство русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства найдется и во всех почти других отраслях словопроизводства» (цитировано по: Томашевский/Левин 1954: 388–390).

5 ОПИСАНИЕ ДЕМИНУТИВОВ В ЧЕШСКОЙ ГРАММАТИКЕ Й. ДОБРОВСКОГО (1809) И ПОЛЬСКОЙ ГРАММАТИКЕ Г. С. БРАНДТКЕ (1824)

Важное место занимает словообразовательная модификация в немецкоязычной чешской грамматике Добровского (Dobrovský 1809); дословный перевод заглавия гласит: «Подробное учебное пособие чешского языка для основательного его изучения немцами, для более совершенного знания языка чехами». ³ В предисловии Добровский пишет о том, что при описании образования частей речи он стремился сначала подать коренные слова, а потом разделить производные и сложные слова на их составные элементы, т. е. раскрыть «искусный строй» чешского языка и тем самым – при «сухом изучении языка» – занимать не только память, но и разум.

/.../ mein Bestreben [ging] dahin, die Wurzelwörter zuerst anzugeben, dann die abgeleiteten und zusammengesetzten Formen in ihre einfachen Bestandteile aufzulösen, und so den künstlichen Bau der böhmischen Sprache aufzuschließen, um dem trocknen Sprachstudium nicht nur das Gedächtnis, sondern zugleich den Verstand zu beschäftigen (Dobrovský 1809: xvi).

Нам представляется, что именно благодаря «целевой группе носителей языка», пользуясь современной терминологией, можно объяснить

---

³ *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben durch Deutsche, zur vollkommeneren Kenntnis für Böhmen.*

и очень систематическое описание «уменьшительных форм» (*Verkleinerungsformen*) существительных и прилагательных. Кроме того, из разнообразия немецких эквивалентов вытекает учет семантической и функциональной дифференцированности чешских примеров, ср.:

wdowice ‘arme Witwe’ [бедная, достойная сочувствия вдова] von [от] *wdowa* (с. 51);

-inky, -ounký, -oučký in der gemeinen Rede [в общей/разговорной речи]: *maličký, malounký, maloučký, zlatinký* ‘lieber goldener’ [дорогой золотой], *malinký, malounký, maloučký* ‘kleinwinzig’ [дословно: малокрошечный] (с. 89);

In der vertrauten Rede [в дружеской, фамильярной речи] bedient man sich oft der doppelten Verkleinerung [часто пользуются двойным уменьшением]: *-ičičký, -ouičičký* (*maličičký, tenoučičký*) (с. 89).

Как и в русских грамматиках можно найти ссылки на десемантизацию деминутивного значения или же на утрату семантической связи между исходным и производным словами (*prach* ‘Staub’ [пыль] – *prášek* ‘Pulver’ [порошок] и др.).

За год до выхода в свет грамматики Добровского Ерней Копитар опубликовал грамматику словенского языка (*Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark*. 1808). Во введении главы «Etymologie» – под этимологией тогда подразумевали формо- и словообразование – автор, к сожалению, признается:

Der Wörterbildung unserer Sprache fühlen wir uns dermahl nicht im Stande gehörig abzuhandeln: auch ist dieß für Eingeborne weniger dringend, als die Darstellung der Biegungslehre, die auch weniger abstrakt und für das Schreiben der Sprache von mehr practischem Nutzen ist (Копитар 1808: 213).⁴

Таким образом, вопрос о включении словообразования в грамматику опять-таки решается в зависимости от предполагаемых адресатов: для Копитара это были «коренные жители», т. е. носители словенского языка/словенских диалектов, между тем как грамматики Добровского и Брандтке были предназначены (преимущественно или целиком) для иноязычных учащихся.

⁴ В настоящее время мы не в состоянии описать словообразование должным образом, но для коренных жителей описание словообразования имеет меньшее значение, чем описание формообразования, которое является менее абстрактным предметом и приносит больше практической пользы для умения письма.

Так, польская грамматика Г. С. Брандтке (Brandtke 1824)⁵ является пособием для немецкоговорящих, «желающих основательно учиться польскому языку». (Между прочим, автор посвятил свою грамматику Добровскому.) Во введении встречается решительная аргументация автора в пользу изучения польского языка:

Изучать польский язык не так легко, как французский, но легче, чем латынь. Самые большие трудности коренятся в предрассудках немцев, что польский /.../ трудный язык. Но тот, кто считает польский язык трудным для изучения, не имеет право хвастаться своей немецкой прилежностью⁶ (с. vi-vii).

В данную грамматику входит и «Малый этимологический словарь» (ок. 100 страниц) – в тогдашнем понимании этимологии (как у Копитара). Следовательно, мы фактически имеем дело со словообразовательным словарем, ср., напр., такие словообразовательные ряды или гнезда, как *chory*: *choroba*, *chorowity*, *chorować*, *zachorować*, *schorzały*. (В словаре, однако, не приводятся дериваты с модификационными значениями.)

Но обратимся к описанию деминутивных существительных типа *dach* [крыша] – *daszek* – *daszeczek* (§ 36: Von den diminutivis, o zdrobniatyłch – *ek*, *ik*, *yk*, *ka*, *ko*, *ę*... – с. 37). Как единственный из рассмотренных до сих пор авторов, Брандтке подчеркивает: «Возможность образования зависит от значения базы», т. е. целый ряд слов не имеет модификаций. Как и другие авторы, он упоминает о десемантизации деминутивов (*ławka* ‘обыкновенная скамейка’, причем вторая ступень деминуирования передает «чисто» деминутивное значение *ławeczka* ‘ein Bänkelchen’ [скамеечка]), а одновременно Брандтке указывает и на то, что, таким образом, исходное слово приобретает аугментативное значение *ława* ‘eine große, plumpe Bank’ [большая, громоздкая скамья] (с. 38). Сегодня часть подобных случаев рассматривается как *backformation* (ср. Nagórko 2015). Далее, Брандтке предпринимает попытку отграничить «чистые» деминутивы от деминутивов с эмоциональной оценкой (= «tändelnd[e]» [дословно: любезничающие (деминутивы)]); ср. с. 39: *serce*: *serduszko*, *serdynko* (prov., т. е. обл.) vs. *serdulenko*, *serdusio*, *serdusieczko*, *serdusienko*, *serdusieneczko* (tändelnd). Подобным «любезничающим» оттенкам про-

---

⁵ Georg Samuel Bandtke: *Polnische Grammatik für Deutsche, welche die polnische Sprache gründlich lernen wollen, nebst einem kleinen etymologischen Wörterbuche*. Breslau [Wrocław]: Korn 1824.

⁶ *Es ist zwar das Polnische nicht so leicht wie das Französische, ungleich leichter aber wie das Lateinische. Die größte Schwierigkeit machen die Vorurteile der Deutschen: daß die Sprache /.../ schwer sei. Ich /.../ füge hinzu, daß der sich gar nicht seines deutschen Fleißes rühmen darf, dem sie zu schwer ist.*

тинопоставлена (§37) «bemitleidende Nebenidee» [побочная идея сочувствия] у некоторых суффиксов, напр.: *kupczyna*, *szewczyna* *biedny*, в том числе и у аугментативов, напр., от *szabla* ‘сабля’: *szablisko* ‘plumper, alter oder häßlicher Säbel’ [громоздкая, старая, уродливая сабля], *szablina* ‘ein armseliger Säbel’ [убогая сабля]. Одновременно автор предостерегает изучающих польский язык от свободного употребления таких слов: *Man muss in dem Gebrauch dieser Wörter vorsichtig sein, d. i. sie ohne Autorität nicht gebrauchen*. [Следует быть осторожным при употреблении таких слов, т. е. не пользоваться ими «без авторитета».] (с. 35).

«Diminutiva adjectivorum et adverbiorum» (§ 140, с. 139), как, напр., *malutenki*, *malusienki*, *maluteneczki* ‘sehr klein, sehr winzig’ [очень маленький, очень крошечный], *leciuchno*, *leciusienko* относятся автором исключительно к так называемым «tändelnde Diminutiva» и сопровождаются комментарием, что они употребительны только в устной речи, в разговоре, а не на письме.

6 НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ДЕМИНУТИВОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАММАТИКАХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как нами было отмечено выше (см. гл. 2), еще Ломоносов пришел к выводу, что «сочинение обстоятельных правил» образования и употребления уменьшительных производных «силы превосходит». Проблема четкого различения модификационных значений занимает грамматикографию и – может быть, в более высокой степени – лексикографию, до сегодняшнего дня, так как соответствующие пометы в грамматиках и словарях не могут отображать множество контекстуальных оттенков (ср. Ohnheiser 2007: 349–350, 366–367).

Так, «Русская грамматика» (1980: 208 и след.) объединяет под заглавием «Существительные с субъективно-оценочными значениями» следующие «значения»: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное. О неопределенности значения или же о многофункциональности большинства суффиксов свидетельствуют такие описания, как, напр.:

Суффикс *-ка*. Существительные /.../ имеют уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности, реже – уничижительности, или только ласкательное экспрессивное значение: а) уменьшительно-ласкательное: *головка*, *горка*, /.../ *птичка* /.../, б) только уменьшительное: *картинка*, *батарейка*; в) только ласкательное: /.../ *бедняжка*, *неделька*, *ночка*, г) уменьшительно-уничижительное: *идейка*, *теорийка*, /.../ *системка* (с. 210).

Существительным с субъективно-оценочным значением⁷ противопоставляются «существительные стилистической модификации» (с. 216), среди которых также приводятся слова с суффиксом *-ка* или *-ик/-чик*; но в данной группе они описываются как «разговорные или просторечные синонимы» мотивирующих слов, напр., *книжка, оперетка, дедка, Валерка*. На наш взгляд, подобное противопоставление «оценочного значения» и «стилистической модификации» является небеспроблемным; фактически, в последнем случае мы имеем дело с десемантизацией деминутивного значения, но может ли суффикс, лишенный деминутивного значения, превратиться в стилистический маркер?

Авторы чешской грамматики, «*Mluvnice češtiny*» (Petr 1986: 301 и след.), отмечают – как в свое время Брандтке –, что уменьшение ограничено значением исходных существительных; это, прежде всего, обозначения конкретных вещей, часто – названия животных, в меньшей степени – названия лиц, а редко – отвлеченные существительные. При этом подчеркивается следующее: «*Často tento význam doprovází příznak emocionální, někdy mají pouze význam emocionální, a to zpravidla kladný: tatínek, maminka.*» Исключительно эмоциональной окраской обладают расширенные варианты (напр., *dcerunka, dceruška*), а также слова второй ступени производности (*pivečko, vinečko*).

От рассмотренных выше изложений подход А. Нагурко (Nagórko 2009: 784) отличается стремлением более четкого разграничения собственно деминутивных производных, выражающих «объективное уменьшение», от «квазидеминутивов», а также от гипокористических имен. а) К первой группе (к собственно-деминутивным образованиям: «+маленький, -большой») относятся, по Нагурко, только обозначения предметов, созданных руками человека, обозначения частей тела и живых существ. Группа отличается отсутствием обозначений лиц. Исключаются также отвлеченные существительные, так как их модификация уменьшительным суффиксом не сопровождается значением уменьшительности. б) Во вторую группу входят «квазидеминутивы», напр., производные от отвлеченных существительных, обозначений лиц, конкретных и вещественных существительных, единиц измерения и др. Данные производные имеют не уменьшительную, а прагматическую функцию; так, напр., слова типа *интеллигентик* или *здоровьишко* служат средством выражения иронии или же эмфазы. Они характерны для устной коммуникации. Исключительно прагматическую функцию выполняют образования второй ступени производности. в) Наконец, и потенциал гипокористических образований

---

⁷ Об их роли в художественной литературе см., напр., Бровка (без указания года).

лежит в области прагматики (с. 786). Сюда относятся образования из сферы частного, неофициального общения; они тесно связаны с адресатом (напр., модификационные обозначения частей тела, игрушек, животных в общении с детьми; модификации имен в зависимости от таких прагматических аспектов, как возраст или статус и др.).

Вопросом об отнесении описания деминутивов к семантике или к прагматике занимается и М. Некула (Nekula 2013: 55)

Mit der Hinterfragung der übergreifenden Bedeutung «Verkleinerung» rückt die «affektive Bedeutung» in den Fokus und scheint mehr als eine Konnotation zu sein.

[Когда ставится под сомнение общее значение «уменьшение», то в центр внимания перемещается «аффективное значение», которое выходит за понятие «коннотация».]

При этом Некула ссылается и на работы по романским языкам (напр., Dressler/Merlini Barbaresi 1994), которые обладают богатым репертуаром модификационных аффиксов (как было отмечено и Чернышевским, см. гл. 5).

В заключение хотелось бы упомянуть статью по истории описания романских деминутивов (Hummel 2015), автор которой занимается, между прочим, своеобразным и, на мой взгляд, убедительным подходом романиста Шпитцера (Leo Spitzer, 1887–1960). Шпитцер установил, что оценивающие суффиксы модифицируют не только и не столько значение базового слова, сколько – подобно частицам – целое предложение (или даже текст), в котором они встречаются. Исходя из этого, он предложил ввести термины «Satzdiminutive» (предложенческие деминутивы) и «Satzrejorative» (предложенческие пейоративы).

ЛИТЕРАТУРА

Антон А. БАРСОВ, [1793–1788] 1981: *Российская грамматика* = *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. Москва: Издательство Московского университета.

Аркадий С. БРОВКО, без указания года: *Деминутивы как средство оценочно-характеристической экспрессии в художественно-литературных текстах Леонида Леонова*. <<http://web.znu.edu.ua/herald/issues/archive/articles/748.pdf>>.

Анна ВЕЖБИЦКАЯ [Anna WIERZBICKA], 1997: *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.

Михайло ЛОМОНОСОВ, 1755: *Российская грамматика*. Санктпетербург: Императорская Академия Наук. (Факсимильное издание Москва 1982).

Николай Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, [1854] 1954: О словопроизводстве в русском языке. *Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.)*. Ред. Борис В. Томашевский, Юрий Д. Левин. Ленинград: Советский писатель. 388–390

Наталья Ю. ШВЕДОВА (ред.), 1980: *Русская грамматика*. Москва: Наука.

Georg Samuel BANDTKE, 1824: *Polnische Grammatik für Deutsche, welche die polnische Sprache gründlich lernen wollen, nebst einem kleinen etymologischen Wörterbuche*. Breslau: Korn. <<https://books.google.at/books?id=vt0NAQAAMAAJ&pg=PR5&lpg=PR5&dq=Polnische+Grammatik+f%C3%BCr+Deutsche,+welche+die+polnische+Sprache+gr%C3%BCndlich+lernen+wollen&source=bl&ots=q9RNF2QtOr&sig=FErZF1aXaaRqLza6K3TWN9cgP94&hl=de&sa=X&ei=xEMZVcL4FcPuUpKKguAM&ved=0CCEQ6AEwAA#v=onepage&q=Polnische%20Grammatik%20f%C3%BCr%20Deutsche%2C%20welche%20die%20polnische%20Sprache%20gr%C3%BCndlich%20lernen%20wollen&f=false>>.

Johann BIEDERMANN, Gerd FREIDHOF (Hrsg.), 1984a: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812*. Vol. I: *I. Ornatovskij, Novejšee načertanie pravil Rossijskoj grammatiki. Char'kov 1810*. München: Sagner.

Johann BIEDERMANN, Gerd FREIDHOF (Hrsg.), 1984b: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812*. Vol. II: *The Universal Grammars of L. Rižskij, Char'kov 1806, N. Jazvickij, SPb. 1810, I. Timkovskij, Char'kov 1811, L. G. Jakob, SPb 1812*. München: Sagner.

Johann BIEDERMANN, Gerd FREIDHOF (Hrsg.), 1988: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812*. Vol. III: *Linguistische, philosophische und wissenschaftsgeschichtliche Grundlagen*. München: Sagner.

Sergej K. BULIČ, 1904: *Očerk istorii jazykoznanija v Rossii*. T. 1 (XIII v. – 1825 g.). Sankt-Peterburg. (Nachdruck und Nachwort von H. Keipert. München: Sagner 1989).

Josef DOBROVSKÝ, 1809: *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben durch Deutsche, zur vollkommeneren Kenntnis für Böhmen*. Prag: Herrl. <<https://archive.org/stream/ausfhrlichesleh00dobrgoog#page/n142/mode/2up>>.

Wolfgang U. DRESSLER, Lavinia MERLINI BARBARESI, 1994: *Morphopragmatics. Diminutives and Intensifiers in Italian, German and Other Languages*. Berlin/New York: De Gruyter.

Martin HUMMEL, 2015: The semantics and pragmatics of Romance evaluative suffixes. *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Vol. 2. Eds. Peter O. Müller et al. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 1528–1545.

Herbert JACHNOW, 1984: Der Beitrag der allgemein-philosophischen Grammatik zur Theoretisierung der Sprachwissenschaft in Rußland zu Beginn des 19. Jahrhunderts. *Aspekte der Slawistik. Festschrift für J. Schrenk*. Hrsg. Wolfgang Girke, Herbert Jachnow. München: Sagner. 121–131.

Bartholomäus [Jernej] KOPITAR, 1808: *Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark*. Laibach: Korn. <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jernej_Kopitar_-_Grammatik_der_Slavischen_Sprache_in_Krain,_K%C3%A4rnten_und_Steyrmark.pdf>.

Helmut KEIPERT, 1988: Terminologische Dubletten in I. Ornatovskijs «Novejšee načertanie pravil rossijskoj grammatiki» (Char'kov 1810). *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812*. Vol. III: *Linguistische, philosophische und wissenschaftsgeschichtliche Grundlagen*. Red. Johann Biedermann, Gerd Freidhof. München: Sagner. 95–112.

Nikolaj KUL'MAN, 1917: *Iz istorii ruskoj grammatiki*. Petrograd: Senatskaja tip. (Nachdruck von P. Kosta. München: Sagner 1982.)

Alicja NAGÓRKO, 2009: Diminutiva, Augmentativa und Kollektiva. *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Hrsg. Sebastian Kempgen et al. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 782–792.

Alicja NAGÓRKO, 2015: Morphopragmatics in Slavic. *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Vol. 2. Hrsg. Peter O. Müller et al. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 1545–1560.

Marek NEKULA, 2013: Diminution im Deutschen und Tschechischen aus typologischer Sicht. *Bilingualer Sprachvergleich und Typologie: Deutsch – Tschechisch*. Hrsg. Marek Nekula et al. Tübingen: Stauffenburg/Julius Gross. 47–70.

Ingeborg OHNHEISER, 1988: Probleme der Wortbildung in russischen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts. *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812*. Vol. III: *Linguistische, philosophische und wissenschaftsgeschichtliche Grundlagen*. Hrsg. Johann Biedermann, Gerd Freidhof. München: Sagner. 153–168.

Ingeborg OHNHEISER, 1999: Die *Grammaire de Port Royal* in der russischen Übersetzung und Bearbeitung von Nikolaj Jazvickij (St. Petersburg 1810). *Studia celtica et indogermanica. Festschrift für Wolfgang Meid*. (= *Archaeolingua*. Main series 10). Hrsg. Peter Anreiter, Erzsébet Jerem. Budapest. 277–295.

Ingeborg OHNHEISER, 2007: Номинация и эмоция. *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung*. Hrsg. Hanna Burkhardt, Alicja Nagórko. Hildesheim: Olm. 347–368.

Ingeborg OHNHEISER, 2014: *Sprachlob und Sprachkritik in der Slavia*. <<http://www.uibk.ac.at/slawistik/pdf/Sprachlob.pdf>>.

Jan PETR (red.), 1986: *Mluvnice češtiny*. Vol. 1. Praha: Academia.

Michael SCHÜTRUMPF, 1984: *Die Russische Akademiegrammatik von 1802. Eine sprachwissenschaftliche Analyse*. München: Sagner.

SUMMARY

The Description of Modificational Word-Formation in Slavic Grammars of the 18th/19th Century

In the first Russian grammars and in the Universal grammars, published in Russia in the 18th/19th c., the techniques of derivational modification were a constituent part of the description of word-formation. Some authors even regarded the rich repertoire of affixes with modificational meanings as a privilege of Russian (and the Slavic language family) compared to other languages. Since the very beginning, it has also been recognized that there is a specific connection between modificational meanings and the attitudes of the speakers towards the *denotatum* and/or the addressee, i. e. – in contemporary terms – an interplay of modification and pragmatics. This interrelation was increasingly highlighted in Slavic grammars for non-native speakers in the 19th c. and has become an indispensable issue in modern Slavic grammar and lexicography as well as in theoretical research.

MAGDALENA PASTUCHOWA

*Uniwersytet Śląski, Polska, Katowice,
magda.pastuch@gmail.com*

Polskie deminutywa o genezie werbalnej

Artykuł koncentruje się na istocie deminutywności oraz na cechach zbioru deminutywów odczasownikowych w polszczyźnie. Autorka pokazuje niekonsekwencje występujące w językoznawczych opisach deminutywów. Proponuje wprowadzenie pojęcia deminutywu prototypowego i peryferyjnego. Deminutywność jest w artykule traktowana jako kategoria słowotwórcza i semantyczna zarazem. W drugiej części artykułu przedstawia się charakterystykę zdrobnień dewerbalnych, które przynależą do tzw. deminutywów peryferyjnych (niewłaściwych). Mają one kilka cech specyficznych, odróżniających je od odrzeczownikowych. Nacisk położony jest na wartości pragmatyczne określające ten zbiór. Autorka zwraca też uwagę na konieczność opisu kategorii deminutywności z uwzględnieniem perspektywy diachronicznej.

The paper focuses on the substance of diminutiveness as well as on the features that characterize the set of deverbal diminutives in Polish. The author presents the inconsequences found in linguistic descriptions of diminutives. The author postulates the introduction of the term prototypical diminutive and peripheral diminutive. The diminutiveness is treated both as a word-formative and a semantic category. The second part of the paper discusses the characteristics of deverbal diminutives, which belong to the so-called peripheral (improper) diminutives. They possess a few specific traits that differentiate them from denominal diminutives. The pragmatic values that describe this set are emphasized. The author draws the attention to the need of a description of the category of diminutiveness in consideration of a diachronic perspective.

Słowa kluczowe: słowotwórstwo, deminutywność, deminutywa odczasownikowe

Key words: word formation, diminutiveness, deverbal diminutives

1 UWAGI WSTĘPNE. KŁOPOTY Z ROZUMIENIEM DEMINUTYWNOŚCI

Deminutywność jest jedną z tych kategorii, których opis w literaturze lingwistycznej nie jest do końca ustabilizowany, można nawet powiedzieć, że podlega ciągłym przewartościowaniom. O ile bowiem w akademickiej *Gramatyce współczesnego języka polskiego* (Grzegorzczkowska, Laskowski, Wróbel red. 1998) odnosi się deminutywność do derywatów rzeczownikowych i jedno-

znacznie wskazuje, że przekazuje ona „/.../ informację o małym wymiarze przedmiotów oznaczonych podstawą” (Grzegorzczkowska i in. 1998: 425), to już w opracowaniach późniejszych (zob. np. Milewska-Stawiany 2007: 149) mówi się o dwóch płaszczyznach deminutywności: wielkościowej i ekspresywnej. Co prawda i we wspomnianej gramatyce uniwersyteckiej pisze się o funkcji ekspresywnej, ale traktowana jest ona w zasadzie jako uzupełnienie zdrabniającej, funkcja, która raczej towarzyszy deminutywności niż może być samodzielnym jej wyznacznikiem (zob. np. definicję *piesek* ‘mały (miły) pies’. W obrębie deminutywów wymieniane są też formacje, których semantyka blokuje niejako znaczenie małości (np. *dzionek*, *serduszko*). Można by zatem powiedzieć (ze znacznym stopniem uproszczenia), że ta kategoria bardzo dobrze nadaje się do opisu z wykorzystaniem kognitywnej teorii prototypu. Jadwiga Puzynina w artykule „Kategoria derywatów słowotwórczych w świetle lingwistyki kognitywnej” (Puzynina 1994) zaproponowała zestaw cech charakteryzujących derywat wzorcowy, prototypowy. Procedura aplikująca wskazany zbiór cech do deminutywów prowadzi do wniosku, że prototypowe deminutywum to konstrukcja mająca następujące cechy formalne:

- jest dwudzielna,
- formant da się wydzielić na podstawie parafrazy słowotwórczej,
- formant jest powtarzalny i należy do zbioru formantów tworzących deminutywa (w polszczyźnie są to następujące sufiksy: *-ek// -ik* dla rodzaju męskiego, *-ka* dla rodzaju żeńskiego *-ko* dla rodzaju nijakiego; rzadko występują inne formanty: *-uszek*, *-iszek*, *-aszek*, *-uszko*, *-uszka*, *-i(y)czka*),
- część tematyczna jest jednorodna (niepodzielna leksykalnie),
- podstawą jest rzeczownik.

Pod względem semantycznym natomiast przypisane mu są następujące właściwości:

- ‘małość’,
- podstawą jest rzeczownik przedmiotowy (nie abstrakcyjny).

Prototypowe deminutywum ma wszystkie wskazane cechy. Jednakże obserwacja materiału językowego każe rozszerzyć pole o formacje peryferyjne dysponujące tylko niektórymi z nich. Takie podejście pozwoliłoby uniknąć niekonsekwencji, jakie pojawiają się w pracach dotyczących deminutywów. Z jednej strony bowiem w publikacjach o charakterze encyklopedycznym mianem deminutywów określa się rzeczowniki odrzeczownikowe „/.../ oznaczające przedmioty traktowane przez mówiącego jako małe w stosunku do ogółu przedmiotów nazywanych przez rzeczownik motywujący (podstawowy)

/.../” (Urbańczyk red. 1978: 400, podobnie Polański red. 1993: 103), z drugiej zaś strony w tych samych definicjach wymienia się przykłady wskazujące na wartość ekspresywną, konkretyzującą lub inną tych derywatów¹.

Jeszcze inne rozwiązanie przyjmuje wspomniana polska gramatyka uniwersytecka, w której nazwy ekspresywne zostały wyróżnione jako odrębna kategoria słowotwórcza. Wśród nich, oprócz tych przekazujących emocje negatywne, znalazły się derywaty przekazujące emocję pozytywną, która „wyrażana jest przede wszystkim formantami deminutywnymi” (Grzegorzczkowska, Laskowski, Wróbel red. 1998: 429). Pełnią one zatem funkcję modyfikacyjną; jednocześnie jednak mówi się też o funkcji deminutywnej jako towarzyszącej mutacji w odniesieniu do takich formacji, jak *zawiniątko* czy *żyjątko*.

Wydaje się, że u źródła tych niespójności tkwi przyjmowany punkt widzenia, związany ściśle z synchronicznym (tu: strukturalistycznym) rozumieniem słowotwórstwa: formalny (wówczas wyznacznikiem deminutywności jest tzw. formant deminutywny) lub semantyczny (wówczas wyznacznikiem jest element znaczeniowy ‘małość’ i/lub ‘ekspresywność’). Sądzę, że przyjęcie założenia o prototypowości lub peryferyjności danej konstrukcji w obrębie deminutywów znacznie ułatwiłoby opis. Dodatkowym argumentem za takim podejściem jest możliwość stworzenia deskrypcji, która wykraczałaby poza materiał synchroniczny. Jak wiadomo, teza o dwudzielności konstrukcji została w pracach historycznosłowotwórczych dawno już podważona (zob. np. Pastuchowa 2000).

Warto też podkreślić, że deminutywa to klasa o wysokim stopniu produktywności: łatwo powiększa się jej zasób, przy czym pamiętać należy, że przybywa przede wszystkim konstrukcji peryferyjnych, nie prototypowych. Przyczyną jest tutaj, jak sądzę, fakt, iż ograniczenia w ich powstawaniu mają zwykle charakter semantyczny, a te łatwo jest w praktyce językowej przełamywać. Dowodów na dynamikę języka w tej kwestii jest sporo; dość przytoczyć po raz kolejny fragment z gramatyki akademickiej: „brak ich [deminutywów] od takich NA jak *chodzenie*, *bieganie* /.../” (Grzegorzczkowska, Laskowski, Wróbel red. 1998: 425), ale już kilka wersów niżej przytacza się formacje *bieganko*, *plywanko* z uwagą, że mają one wartość żartobliwą. W uzusie mamy takich wystąpień bardzo wiele: wyszukiwarka Google wskazuje 98000 wyników w 0,61s i wydaje się, że owa żartobliwość uległa już dziś neutralizacji (por. np. *Myślę o kimś, ale zaraz idę na bieganko a potem do kumpeli* (nkjp)). Podobną

¹ Znacząca jest podana w *Encyklopedii języka polskiego* informacja, że dodaje się sufiksy deminutywne także do rzeczowników, które oznaczają przedmioty, którym nie można przypisać określonej wielkości. Wówczas mają one funkcję ekspresywną (np. *słówko*) bądź konkretyzującą (np. *szkielko*).

tendencję zauważamy, jeśli sięgniemy do leksykografii, która jest w pewnym sensie syntezą uzusu. Otóż w najważniejszych słownikach dokumentujących dawną polszczyznę (Sstp, SXVI, SL)² brak formacji deminutywnych tego typu, ale już USJP notuje *jedzonko*³ z kwalifikatorami *pot. zdr.*

2 DEMINUTYWNOŚĆ JAKO KATEGORIA SEMANTYCZNA

Konfrontacja opisów o proveniencji strukturalistycznej z materiałem językowym każe je zdecydowanie przewartościować. Okazuje się bowiem, że aby kompletnie opisać konstrukcje będące nośnikami szeroko rozumianej deminutywności należy spojrzeć na nią przede wszystkim jak na kategorię semantyczną i pojęciową. Wiadomo, że specyfiką kategorii słotwórczych jest ich formalno-pojęciowy charakter: niektórzy lingwiści uznają je za morfologiczne, podczas, gdy inni zwracają uwagę na ich leksykalny charakter. W przypadku deminutywności, jak się wydaje, przewagę ma strona semantyczna. Taka perspektywa daje szansę oglądu, który przybliży mechanizmy, jakie dokonują się wewnątrz tego zbioru i nie ograniczy pola obserwacji do formacji odrzeczownikowych. Nie oznacza to jednak, że rezygnuje się ze znaczenia centralnego ‘mały wymiar’ i uznania, że wszelkie rozszerzenie tej wartości mają charakter metaforyczny i metonimiczny.

Jakie racje przemawiają za semantyczno-pojęciowym traktowaniem deminutywności? Postaram się je przedstawić, choć z pewnością będzie to zestaw niekompletny, wymagający uzupełnień. Skoncentruję się na argumentach wynikających z oglądu zgromadzonego materiału, czyli deminutywów o genezie werbalnej.

Jak wiadomo kategoria pojęciowa to koncept szerszy niż kategoria słotwórcza. Wśród kategorii pojęciowych wyrażanych słotwórczo (Grzegorzczkowa, Szymanek 1993) znajdują się między innymi ILOŚĆ, WYMIAR, INTENSYWNOŚĆ oraz EMOCJE i OCENY, czyli te, które wskazać można jako cechy semantyczne zbioru deminutywów. Są one obecne w analizowanych przeze mnie derywatach, choć zwykle nie są to dla nich cechy semantyczne, które jednoznacznie determinują ich znaczenie. Proponuję, by mówić w takich przypadkach o *deminutywności towarzyszącej*.

---

² Skróty wykorzystanych słowników podane są w spisie zatytułowanym Źródła.

³ Łatwo wytłumaczyć fakt, dlaczego nie ma w USJP *bieganka* czy *czytanka*; *jedzenie* jako rzeczownik odślowny już w XVI wieku zyskał znaczenie przedmiotowe, zob. przykład: I poczęli między sobą mówić / albo mu kto przyniosł jedzenie OpecŻyw (SXVI).

Przyjrzyjmy się kilku przykładom: *błyskotka* ‘**drobna**, świecąca ozdoba; cacko’⁴ (USJP), *brzęczyk* ‘to **małe** urządzenie elektryczne /.../’ (ISJP), *brodzik* ‘**nieduży**, płytki basen przeznaczony dla dzieci do zabawy’ (USJP). W tych derywatach mamy wyraźne odniesienie do rozmiaru przedmiotu, choć nie wynika ono z relacji do innego przedmiotu, tak, jak ma to miejsce w prototypowych deminutywach. Formant ma tu jedynie funkcję wspomagającą.

Inny typ przykładów to formacje powstałe od rzeczowników odsłownych⁵. Mam tu na myśli konstrukcje typu *bieganko*, *czytanko*, *sluchanko*. Nie są one co prawda odnotowywane w słownikach, ale uzus potwierdza ich istnienie, zob. przykłady:

A miejscowa policja zrobiła nam **bieganko** i gnała po mieście jak stado. (nkjp)

Wkrótce następane wspólne „**czytanko** – **sluchanko**”.

<http://www.sp4zelow.pl/czytanko.pdf> [dostęp kwiecień-maj 2015]

nazwa blogu: http://f.kafeteria.pl/temat/f1/nocne-sluchanko-p_6161050 [dostęp kwiecień-maj 2015]

Pierwowzorem były z pewnością deminutywa od rzeczowników odsłownych, w których ugruntowana jest od dawna funkcja przedmiotowa, np. *jedzonko* czy *mieszkanko*. I w tych przypadkach można stwierdzić neutralizację deminutywności, por.

Sprzedza go mama i kupi sobie **małe mieszkanko** w bloku. (nkjp)

czy pozytywnej emocjonalności typowej dla deminutywów odrzeczownikowych:

/.../ podobno na rynek nie wpuszczają **niezdrowego jedzonka**. (nkjp)

Pojawia się tu uzasadnione pytanie: czy tego typu derywaty należy włączać do kategorii deminutywów? Moim zdaniem tak, przy założeniu, że deminutywność jest bardzo pojemną kategorią podatną na przewartościowania semantyczne i pragmatyczne. Ten kierunek ekstensji kategorii jest już obecny w badaniach: Piotr Stelmaszczyk opisując deminutywa w języku irlandzkim przywołuje przykłady deminutywów, których podstawą są spójniki. W ujęciu tego lingwisty deminutywność jest ściśle związana z formantem, który jest jej potencjalnym nośnikiem (Stelmaszczyk 2015, w druku).

---

⁴ Wszelkie wyróżnienia w cytatach moje – M. P.

⁵ Jak wiadomo formy typu *pisanie*, *chodzenie* są różnie w literaturze lingwistycznej i leksykografii opisywane. W polskiej tradycji językoznawczej mówi się o rzeczownikach, ale już np. w anglojęzycznej (kontynuującej łacińską) są to tzw. *gerundia*, czyli formy czasownikowe.

Ze przedstawionych w tym podrozdziale rozważań wynikają dwa podstawowe założenia mojego artykułu:

- (a) deminutywność jest kategorią nie tylko słowotwórczą, ale przede wszystkim semantyczną; morfologiczne wykładniki deminutywności częstokroć są formalnym (morfologicznym) potwierdzeniem wartości semantycznej wynikającej z charakteru podstawy (np. *pieścidelko*) bądź z czynników pragmatycznych (*brodzik*). Z jednej strony wielofunkcyjność sufiksów uniemożliwia traktowanie ich obecności jako jedyne kryterium przynależności kategoryjnej, z drugiej zaś wielość informacji semantycznych, które można uznać za „warianty deminutywności” (np. ekspresywność) nie pozwala na ostre postawienie granic klasy.
- (b) opis deminutywów powinien obejmować zarówno tzw. deminutywa właściwe (prototypowe), jak i tzw. deminutywa formalne (peryferyjne) (Długosz 2009); zbiór deminutywów o genezie werbalnej, które będą przedmiotem opisu w dalszej części tekstu, należy do tej drugiej grupy.

3 CHARAKTERYSTYKA ZBIORU DEMINUTYWÓW O GENEZIE WERBALNEJ

Materiał wyekscerpowany ze słowników pokazuje, że zbiór deminutywów dewerbalnych jest odmienny od deminutywów właściwych, ma pewne cechy specyficzne, wynikające, co postaram się wykazać, właśnie z czasownikowej genezy konstrukcji, które go tworzą. Zasadność wyodrębniania tej grupy potwierdzają także przykłady przytoczone w artykule Iwony Krassowskiej-Starzak, która jako przykład quasi-deminutywu podaje derywat *bekuś* < *bekać/beknięcie* (Krassowska-Starzak 2007: 94). Ponieważ autorka przyjmuje pragmatyczny punkt wyjścia, to podstawą obserwacji czyni także okazjonalizmy i indywidualizmy, ja natomiast skoncentruję się na materiale leksykograficznym, w razie potrzeby uzupełnianym o dane korpusowe.

3.1 Wartość ekspresywna deminutywów dewerbalnych⁶

Ekspresywność obecna w formacjach odczasownikowych ma inny wymiar niż ta, którą odnotowujemy w derywatach odrzeczownikowych. W przypadku deminutywów właściwych mówi się zwykle o ekspresji pozytywnej, natomiast

---

⁶ Terminu deminutywność używam tu w we wcześniej opisanym szerokim znaczeniu: deminutywa dewerbalne można by określić jako quasi-deminutywa bądź jako deminutywa niewłaściwe.

tutaj należy każdorazowo określać jej charakter, ponieważ przybiera ona bardzo zróżnicowane wartości pragmatyczne. W zasadzie należałoby zawsze przeprowadzać analizę, która określiłaby rodzaj przekazywanej informacji pragmatycznej⁷. Ekspresja nie towarzyszy w tym przypadku deminutywności, ale nakłada się na inne wartości kategoryjne wyrażane przy pomocy sufiksu deminutywnego. Przyczyny należy upatrywać właśnie w werbalnej genezie tychże derywatów. Ponieważ czasownik nie odnosi się do wymiaru w sensie przestrzennym, to ekspresywizacja wynika z innych jego cech semantycznych. Trzeba przy tym zauważyć, że inaczej wygląda sytuacja w przypadku bezpośredniej pochodności odczasownikowej (np. *wyskrobek*, *srajdek*), inaczej zaś, kiedy mamy do czynienia z trójelementowym łańcuchem derywacyjnym (np. *pić* – *pijak* – *pijaczek*; *szumieć* – *szum* – *szumek*).

W tym pierwszym przypadku ekspresywność pozostaje w ścisłym związku z semantyką czasownika podstawowego. *Wyskrobek* ‘o **małym**, wątłym, słabo rozwiniętym fizycznie chłopcu lub mężczyźnie’ (USJP) odnosi się do tych znaczeń czasownika *wyskrobać*, w których pojawia się element znaczeniowy ‘ostatni, resztk’: 1. ‘skrobiać wydobyć (wydobywać) z naczynia resztki jedzenia, zwykle przywartego do jego ścian’; 2. ‘oczyścić (oczyszczać) coś z przywartych resztek’. Przyjrzyjmy się teraz użyciom wyekscerpowanym z Korpusu:

- (1) Matko – mówił. – Nie udał mi się ostatni chleb. Popatrz na naszego Jacka. Mruk niewydarzony. ***Wyskrobek***. (nkjp)
- (2) Ty ***wyskrobku!*** Najmij się lepiej do wykopków! Ty obsługiwać chcesz trzy karty? Ty – taki jołop? (nkjp)

W obu przypadkach mamy do czynienia z ekspresją negatywną: oceniającą (1) albo obraźliwą (2).

Bardzo ciekawą grupę stanowią wspomniane już derywaty od rzeczowników odsłownych, które po dodaniu formantu deminutywnego zyskały walor ekspresywny. Warto tu wymienić: *dzielko*, *kazanko*, *pisemko*, *podanko*, *polowancko*, *pytanko*, *smrodek*, *sprawozdanko*, *szumek*, *śniadanko*, *żarełko*. I choć w słownikach kwalifikowane są jako zdrobnienia (czyli powinna im towarzyszyć ekspresja pozytywna), to obserwacja użycia tekstowych każe zweryfikować te ustalenia. Wystarczy kilka przykładów:

⁷ O tym, że znaczenia te wybiegają poza inwarianty semantyczne świadczą definicje leksykograficzne, w których tego typu derywaty opatruje się kwalifikatorami pragmatycznymi (np. *posadka* lekcew.) bądź określa się je po prostu jako zdrobnienia, zaniechując określania wartości pragmatycznej (np. *szumek* zdr. od *szum*).

- (3) Nie ma co ukrywać – nie jest to *dzielko* najwyższych lotów. (nkjp)
- (4) Skandaliczne *kazanka* księdza Malińskiego już w 1961 roku znalazły się w „Kalendarzu Liturgicznym” wydanym staraniem Księgarni Św. Wojciecha. (nkjp)
- (5) Dodatkowo, w przeciwieństwie jednak do kina Lucasa i Spielberga, jednym z głównych celów tego filmu jest edukowanie amerykańskiej młodzieży, stąd dydaktyczny *smrodek* unoszący się nad całą produkcją, dla widza spoza USA mocno irytujący. (nkjp)
- (6) Jejku, jakie *żarelko*! Fajnie tu sobie żyjesz, wiesz? (nkjp)

Jak pokazują przykłady cechą wspólną tych derywatów jest wpisana w ich znaczenie ocena. Dopiero w kontekście następuje jej aktualizacja: może być negatywna (przykłady 3, 4, 5) lub pozytywna (przykład 6). Można więc powiedzieć, że formanty, którym zazwyczaj przypisuje się funkcję deminutywną są ponadprzeciętnie wielofunkcyjne, przy czym ta polifunkcyjność dotyczy przede wszystkim poziomu pragmatycznego. Oczywiście derywaty te przynależą do odmiany potocznej języka.

3.2 Wartość zdrabiająca deminutywów dewerbalnych

Rozważając deminutywność jako kategorię semantyczną warto chwilę uwagi poświęcić konstrukcjom, w których wskazać można formant, który w połączeniu z podstawą rzeczownikową tworzy deminutywa. Myślę tu o *-ek*. Jak natomiast zachowuje się, kiedy dołączy do bazy czasownikowej? Zastanawia ta grupa, w której możemy mówić o swego rodzaju deminutywności, choć nie jest to cecha semantyczna dominująca. I w tym przypadku przydaje się pojęcie *deminutywności towarzyszącej*. W opisach słowotwórczych ten typ przynależy do kategorii *nazwy wytworów*. Są w niej konstrukcje takie, jak *wycinek*, *ścinek*, *dopisek*, *obrzynek*, *odłamek*, *urywek*, itp. Z jednej strony trudno jednoznacznie zaliczyć je do deminutywów, z drugiej zaś wyraźnie wskazać można w definicji cechę małości: ‘coś małego, niewielkich rozmiarów, co powstało w wyniku jakiejś czynności: wycinania, ścinania, dopisywanie, obrzynania, odłamania, itp.’. Tego typu derywaty wydają się potwierdzać, że deminutywność jest kategorią semantyczną. Wiedza o świecie pozajęzykowym pozwala (a może nawet nakazuje) w ich definicji zawrzeć element ‘mały’: odnosimy się tutaj do obiektu większego, z którego wyodrębniamy fragment, który ze względów oczywistych jest większy niż ten wyodrębniony. Jest to wiedza na tyle utrwalona, że znalazła potwierdzenie w słownikach: *odłamek* ‘*niewielka* część odłamana od całości; kawałek’ (USJP); *ścinek* ‘*mały*, niepotrzebny kawałek powstały przy cięciu, skrawaniu, obróbce jakiegoś surowca; obrzynek, okrawek, skrawek’ (USJP). Wydaje się, że nieprzypadkowy jest tutaj wybór

sufiksu *-ek*, który jest przecież najczęstszy formantem deminutywnym (dla rzeczowników męskich) i są, jak sądzę powody (materiałowe), które dopuszczają uznanie, że potwierdza on wartość deminutywną wspomnianych derywatów odczasownikowych. Takie podejście do kategorii deminutywności burzy nieco dotychczasowe ustalenia, ale wydaje się, że rzecz jest warta dogłębniejszego zbadania. Wielofunkcyjność formantów jest rzeczą znaną i opisaną, warto jednak spojrzeć na zasób morfemów słowotwórczych szerzej i wówczas można by mówić o ich funkcjach podstawowych (prototypowych?) i tych pobocznych, towarzyszących.

4 MECHANIZMY SEMANTYCZNE W ZBIORZE DEMINUTYWÓW DEWERBALNYCH

Wśród konstrukcji odczasownikowych utworzonych formantami deminutywnymi wiele jest takich, w których pierwotna wartość deminutywna jest wyczuwalna, ale nie można jej potwierdzić przez odwołanie do niedeminutywnej podstawy rzeczownikowej. Rzeczownik ten po prostu w trakcie rozwoju języka wypadł z zasobu leksykalnego i tym samym trójelementowy łańcuch: czasownik > rzeczownik > rzeczownik deminutywny został skrócony do dwóch elementów. Najwyraźniejszym przykładem tego zjawiska jest rzadka w dzisiejszej polszczyźnie (choć odnotowana w słownikach współczesnych) konstrukcja *pieścidelko* ‘rzecz piękna, wymuskana, wypieszczona’, użytkownikom polszczyzny znana głównie z kolędy: „/.../ Lulajże Jezuniu, moja perełko / Lulaj, ulubione me pieścidelko”. Nie pora tu, by wdawać się w szczegółowe interpretacje tekstu, dość powiedzieć, że w czasie, kiedy on powstawał (prawdopodobnie XVII wiek) wyraz był z pewnością postrzegany jako deminutywum; Słownik Lindego ilustruje użycie podstawy tego derywatu XVIII-wiecznym cytatem z Wacława Potockiego: *Wolność moralna to pieścidle rozumu* (SL). Można podejrzewać, że podobny proces zaszedł w *świecidle* (*Wnoszę, aby te próżne świecidła, orderzy uchylić* (SL)) czy *błyskotce* (Linde i SWil notują *błyskot* i od tego zdrobnienie *błyskotek*). Tego typu przykłady, nawet jeśli są jednostkowe, potwierdzają, że:

- (a) całościowa analiza kategorii deminutywności wymaga odniesień historycznych,
- (b) nie można stawiać w zakresowaniu granic kategorii takich ograniczeń, które uwzględniałyby tylko synchroniczny punkt widzenia (np.: deminutywa pochodzą tylko od rzeczowników), bo to powoduje, że umyka nam z pola obserwacji jakaś część materiału.

4.1 Znaczenia mutacyjne deminutywów odczasownikowych

W powszechnej opinii (językoznawców) w derywatach deminutywnych formant pełni funkcję modyfikacyjną. Tak faktycznie jest w przypadkach derywatów odrzeczownikowych, jednakże jeśli przyjrzymy się tym o genezie werbalnej, to należy przewartościować ten pogląd: tutaj mamy do czynienia z funkcją mutacyjną formantów deminutywnych. Najprawdopodobniej dzieje się tak dlatego, że czasownik nie podlega wymiarowaniu w sensie fizycznym. Formacje odczasownikowe potwierdzają zatem zasadność utworzenia pojęcia *deminutywności towarzyszącej*, nie prototypowej. Przyjrzyjmy się wybranym przykładom: *brodzik* ‘nieduży, płytki basen przeznaczony dla *dzieci* do zabawy’ (USJP); *chodzik* ‘urządzenie służące *dzieciom* do nauki chodzenia’ (USJP); *nosidelko* ‘rodzaj plecaka lub torby przeznaczonych do noszenia małego *dziecka* /.../’ (USJP). Dołączenie sufiksów deminutywnych pełni tutaj funkcję pragmatyczną, a, jak wiadomo, z tego punktu widzenia ważne są czynniki pozajęzykowe, jak konkretna sytuacja komunikacyjna i uczestnicy aktu komunikacji. Jak się wydaje, w przytoczonych przykładach decydujący wpływ na wybór formantu miał fakt, że obiekty nazywane przeznaczone są dla dzieci.

Inaczej rzecz się przedstawia, gdy mamy do czynienia z neutralizacją funkcji deminutywnej (tym samym zatracą się jej modyfikacyjność), to znaczenie realne nie pokrywa się ze strukturalnym. Myślę tu o takich przykładach, jak *młynek*, *dzwonek*, *kadzidelko*, *lejek*, *łapka* (na muchy), *narzutka*, *ochronka*, *parzydelko* ‘u niektórych zwierząt: aparat ataku i obrony różnego pochodzenia i różnej budowy, wydzielający parzący i paraliżujący płyn’ (USJP), *podstawka*, *siodelko* i in. We wszystkich tych przypadkach, aby zrekonstruować znaczenie derywatu należy odwołać się do bazowego czasownika, nie do istniejącego w dzisiejszej polszczyźnie rzeczownika bez sufiksu deminutywnego. Możemy zatem mówić o leksykalizacji rozumianej jako uniezależnienie się leksemu od swej (tu formalnej) podstawy.

5 ZAKOŃCZENIE

O niejednorodności i zróżnicowaniu klasy deminutywów pisano sporo; wiadomo też, że można na tę kategorię spoglądać z kilku co najmniej perspektyw: strukturalistycznej bądź kognitywnej; semantycznej bądź pragmatycznej (morfopragmatycznej). Jednakże dopiero uwzględnienie wszystkich punktów widzenia da obraz pełny i wielowymiarowy. W niniejszym tekście chciałam zwrócić uwagę na specyfikę podklasy deminutywów, jaką tworzą mieszczące

się w niej derywaty o genezie werbalnej. Z jednej strony odbiegają one znacznie od prototypowych deminutywów (czyli odrzeczownikowych), z drugiej zaś włączenie ich do tej kategorii pozwala na rozszerzenie jej rozumienia i tym samym zwrócić uwagę na problemy, które do tej pory nie były opisywane.

Nie można też zapominać, że uzus językowy współczesnej polszczyzny dopuszcza tworzenie czasowników odczasownikowych o wartości deminutywno-ekspresywnej. Myślę tu o formacjach typu *plakusiać, bekusiać, siusiać, papusiać, spatki < spać*. Deminutywa odczasownikowe, inaczej niż odrzeczownikowe, charakteryzuje się nie przez odniesienie do wymiaru, lecz do tzw. skali aktywności. I to jeszcze jeden dowód na to, że rozumienie kategorii deminutywności musi ulec zdecydowanemu rozszerzeniu. Zresztą już w opracowaniu z 1994 roku Dressler i Barbaresi klasyfikowali deminutywa odnosząc się do pragmatycznej kategorii *non-serious*, pozostającej w metaforycznym związku z wartością semantyczną ‘małość’ (Dressler, Barbaresi 1994).

Wspomniane problemy wyraźnie wskazują, że wiele informacji przekazywanych przez konstrukcje deminutywne mieści się w ramach pragmatyki językowej (np. ekspresywność, potoczność), tworzone są one niejako na dwóch poziomach (semantycznym i pragmatycznym), a zatem interesującą nas kategorię należy rozpatrywać z uwzględnieniem dokonania i metod zarówno semantycznych, jak i pragmatycznych.

LITERATURA

Natalia DŁUGOSZ, 2009: *Słowotwórstwo polskich i bułgarskich deminutywów rzeczownikowych*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Wolfgang U. DRESSLER, Lavinia M. BARBARESI, 1994: *Morphopragmatics. Deminutives and Intensifiers in Italian, German and Other Languages*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Renata GRZEGORCZYKOWA, Bogdan SZYMANEK, 1993: Kategorie słowotwórcze w perspektywie kognitywnej. *Współczesny język polski*. Red. Jerzy Bartmiński. Wrocław: Wiedza o kulturze. 459–477.

Renata GRZEGORCZYKOWA, Roman LASKOWSKI, Henryk WRÓBEL (red.), 1998: *Gramatyka współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Iwona KRASSOWSKA-STARZAK, 2007: Quasi-deminutywy w ujęciu morfopragmatycznym (na materiale polsko-niemieckim). *Słowotwórstwo i tekst*. Red. Viara Maldijeva, Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Slawistyczne 124). 89–100.

Małgorzata MILEWSKA-STAWIANY, 2007: Funkcje derywatów deminutywnych i augmentatywnych w piśmiennictwie górnołużyckim. *Słowotwórstwo i tekst*. Red. Viara

Maldijeva, Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy. (Prace Sławistyczne 124). 149–158.

Magdalena PASTUCHOWA, 2000: *zmiany semantyczne i strukturalne czasowników odrzeczownikowych w polszczyźnie*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Kazimierz POLAŃSKI red., 1993: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo.

Jadwiga PUZYNNINA, 1994, Kategorie derywatów słowotwórczych w świetle lingwistyki kognitywnej. *En slavist i humanismens tegn. Festkrift til Kristine Heltberg*. Eds. Per Jacobson at al. København. 79–86.

Piotr STELMASZCZYK, (w druku): Deminutiwa w języku irlandzkim oraz w irlandzkiej odmianie języka angielskiego. *Amor verborum nos unit. Studia poświęcone pamięci Profesora Sławomira Gali*. Red. Piotr Stelmaszczyk, Iren Jaros. Łódź.

Stanisław URBAŃCZYK (red.), 1987: *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo.

ŹRÓDŁA

ISPJ – *Inny słownik języka polskiego*, 2000. Red. Mirosław Bańko. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

SL – Samuel Bogumił LINDE: *Słownik języka polskiego*, 1807–1817. Lwów: w drukarni Zakładu Ossolińskich (korzystałam z wydania drugiego poprawionego, Lwów 1854).

SWil – *Słownik języka polskiego*, 1861. Wydany staraniem i kosztem M. Orgelbranda. Wilno.

SXVI – *Słownik polszczyzny XVI wieku*, 1966–2012. Red. M.R. Mayenowa. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

nkjp – Narodowy Korpus Języka Polskiego. <<http://nkjp.pl/>>.

Sstp – *Słownik staropolski*, 1953–2001. Red. Stanisław Urbańczyk. Wrocław – Warszawa – Kraków: IJP PAN.

USJP – *Uniwersalny słownik języka polskiego*, 2003. Red. Stanisław Dubisz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

SUMMARY

Polish Diminutives with a Verbal Genesis

The author of the paper puts forward two basic problems. First to point out the difficulties and inconsequences of the existing description of diminutives as a word-formative category, secondly to create an introductory description of the group of derivatives which qualify as deverbal diminutives. The considerations on the subject are based on

lexicographic material and Polish text corpus. The author postulates the introduction of the terms *prototypical* and *peripheral diminutive* and consequently the notion of *accompanying diminutiveness*. According to set criteria, deverbal diminutives should be qualified as peripheral (improper), while the type of diminutiveness they represent as accompanying. The category of deverbal diminutives requires additional description, complying with pragmatic criteria, because their value depends on that type of factors (type of communicative situation, features of the senders and the receiver, etc.). Therefore their interpretation should take into consideration not only the morphological construction and the size in relation to the base, but most importantly the valuational elements included in the meaning of the motivating lexeme. The author draws the attention to the necessity of building a definition of diminutiveness in a way that would allow the inclusion of diachronic material in the observations, for only such type of approach allows a full description of the field of study.

ANJA POHONČOWA

*Sorbisches Institut/Serbski institut, Bahnhofstraße 6,
D-02625 Bautzen/Budyšin, anja@serbski-institut.de*

Adjektiwiske diminutiwy w hornjoserbšćinje

Mjeztym zo su substantiwiske diminutiwy w hornjoserbšćinje derje přeslědžene (hlej mjez druhim monografiju Małgorzaty Milewskeje-Stawiany „Górnołužyckie deminitywa w systemie jazykowym a w tekście”, Gdańsk 2012), njeběchu adjektiwiske diminutiwy dotal předmjet dokładneho přepytowanja. W někotrych přehladach wo hornjoserbskej słowotwórbje jewi so wuběr formansow, kotrež słuža k tworjenju adjektiwiskich diminutiwow; přewahuje předstajenje suficije. Jasne wopisanje woznama adjektiwiskich diminutiwow a jich formansow pobračuje. Jako materialowy zakład słuža: wupiski z fachoweje literatury a z najwažnišich hornjoserbskich słownikow 19. a 20. lětstotka kaž tež digitalny tekstowy korpus hornjoserbšćiny (hotko, hlej www.korpus.cz), kotryž zapřijmuje teksty wšelakich žanrow z 19. lětstotka hač do přitomnosće. Po woznamje modifikowane adjektiwy zarjaduju so do dweju skupinow: 1. wosłabjace adjektiwy a 2. zesylnjace adjektiwy a hypokoristika.

The topic of substantive diminutives in Upper Sorbian has already been written about, notably in the recently published monograph by Małgorzata Milewska-Stawiany Stawiany “Górnołužyckie deminitywa w systemie jazykowym aw tekście” (Gdańsk 2012). In contrast, adjectival diminutives have received only marginal consideration. For example, in some overviews of Upper Sorbian word formation a selection of elements which help to form adjectival diminutives was at least presented, with the formation of suffixes taking center stage. However, the description of the significance of adjectival diminutives and their elements remains vague and not very meaningful. As material for our analysis, we used excerpts from Sorabistic specialist literature and the most important Upper Sorbian dictionaries of the nineteenth and twentieth centuries as well as the Upper Sorbian digital corpus (hotko, www.korpus.cz), which contains different categories of texts from the nineteenth century until the present. The semantically modified adjectives are divided into two groups: 1. adjectives that are weakened and 2. adjectives that are enhanced, including hypocoristics.

Ključowe słowa: hornjoserbšćina, spisowna rěč, słowotwórbja, adjektiw, diminutiw

Key words: Upper Sorbian, standard language, word formation, adjective, diminutive

Je powšitkowny fakt, zo tworja w słowjanskich rěčach diminutiwy zakładnu modifikacisku klasu substantiwow. Tuž njedžiwa poměrnje wulke mnóstwo fachoweje literatury k tutej temje. Za hornjoserbšćinu su substantiwiske diminutiwy a jich funkcija kaž tež woznam diminutivnych sufiksow mjeztym derje přeslědžene (hlej wosebje Milewska-Stawiany 2012 a tam podata literatura). Porno tomu pak je mało wuwjedženjow wo adjektiwiskich diminutiwach.

Hornjoserbšćina ma – podobnje kaž druge słowjanske rěče – wutwarjeny morfologiski system, kotryž słuži tworjenju diminutiwow. Z pomocu sufigacije a rědšo prefigacije nastawaja adjektiwiske wotwodženki, kotrež zwuraznjeja rozdźělne stopnje kajkosće. Tute rozdźěle hodža so wopisować na jednej stronje jako wosłabjenje, na druhej stronje jako zesyljenje w zakładnym słowje zwuraznjeneje kajkosće. Wulki dźěl zesyljacych adjektiwow přiwozmje přidatnje afektiwny abo hypokoristiski woznam.

Materialowy zakład mojeho přepytowanja tworjachu wupiski ze sorabistiskeje literatury, hdžež so tworjenje wotpowědnych adjektiwow tematizuje, a dale wupiski z najwažnišich hornjoserbskich słownikow 19. a 20. lětstotka. W dalšim kroku přeprowowach, do kotreje měry je nazběrany material w digitalnym tekstowym korpusu hornjoserbšćiny dokładženy.

Sorabistiska literatura wo słowotwórbje adjektiwow njeje jara wobšěrna a wobmjuzuje so zwjetša na přehladowe předstajenja produktivnych formansow. We wjetšinje tutech přehladow su adjektiwiske diminutiwy resp. diminutivne formansy zapřijate.¹

Woznam modifikowanych adjektiwow a jich formansow so w sorabistiskej literaturje jasnje njewopisuje. Móžemy sej to jenož indirektnje wučitać, na přikład pola Mikławša Justa, kotryž rozrjaduje adjektiwiske wotwodženki do wosom woznamowych skupinow. Do jeho šesteje skupiny zjimate su adjektiwiske diminutiwy, tworjene z formansomaj *-ički* (*mješčički*) a *-uški* (*mauški*). Just doda, zo móhli so tu tež přirjadować barbne adjektiwy na *-ojty*, kotrež „wuprajeja wěšte wosłabjenje kajkosće” (*zelenčkojty* = *na zeleń*, *čornuškojty*, *čerwjenkojty*).² Na druhim boku zwuraznja adjektiw *zelenčkojty* wěsty přechod abo bliženje k wěštej kajkosći a je z tym synonymny z prepozicionalnej wjazbu *na zeleń* (Just 1914: 128).³

¹ Hlej Hančka (1770: 32), Jordan (1841: 55), Just (1914: 128, 136 sc.), Krječmar (1954: 60), Jakubaš (1956: 424–434), Michałk (1974: 506 sc.).

² Poprawom by Just tu adjektiwy typa *zelenojty* naličić dyrbjał, wot njeho podate přikłady su tworjene z kompleksnymi sufiksami *-kojty*, *-čkojty*, *-uškojty*. Kaž Just pak tež druzy awtorojo postupuja (hlej deleka).

³ „Při tom pak njeběch sebi wěsty, hač maju so kajkostne twórby na *-čkojty* tež tam zarjadować, hdžež to sčinich, mjez pomjeńškami. Prajach tam, zo wuprajeju tute

Mikławš Krječmar rozrjaduje tohorunja adjektiwiske wotwodženki do wšelakich woznamowych skupinow; wón rozeznawa diminutiwne, wosłabjace a zesylnjace adjektiwy, wobjednawa je pak zhromadnje. Wo semantiskim wotsćinje diminutiwow zwěsći: „Woboje adjektiwy, deminutiwne a wosłabjace, woznamjenjaja mjeńšu měru kajkosće, hač wupraja adjectivum, z kotrehož su wotwodžene.” (Krječmar 1954: 60) W čim pak rozdźěl mjez diminutiwnymi a wosłabjacymi adjektiwami wobsteji, k tomu so njewupraja. Jako diminutiwne sufiksy podawa *-ki* (*maliki, rjanki, zelenki*), *-čki* (*hubjenčki, mólički*⁴) a *-uški* (*blěduški, bliskuški, drobnuški*), wosłabjace sufiksy: *-ojty* (*módroyty, čornuškojty*) a *-awy* (*blědawy, čěmnawy*), zesylnjace sufiksy: *-ički* (*cylički, połnički*), *-uški* (*blěduški, małuški*).

Filip Jakubaš namjetuje wjetše diferencowanje; za moje přepytowanje relevantne skupiny su:

- diminutiwne adjektiwy 1. stopnja (*-čki, -ki, -uški, -utki*): *mól(č)ički, maliki, blěduški, malutki*
- diminutiwne adjektiwy druheho stopnja (*-čički, -uščički*): *mólčički, drobnuščički,*
- podobnosť woznamjenjace (*-aty, -ojty*): *mučnaty, bělojty,*
- wosłabjace (*-awy, -ojty*): *módrawy, čimiwojty,*
- zesylnjace adjektiwy (*-ički, -uški*): *cylički, małuški.*

W sorabistiskej literaturje so w zwisku z graduowacymi adjektiwami jenož syntetiske wašnje tworjenja předstaja a w jeho wobłuku wosebje sufigacija. Mikławš Krječmar (1954) naspomni prefiks *na-* (*nabědny, naslódki*); kajkosć hodži so tohorunja z pomocu prefiksow *pra-* a *pře-* zesylnić (*pralěni, přebohaty*), hlej Krječmar (1954: 73). Frido Michałk (1974: 507) podawa prefiksaj *po-* a *na-* (*pobědny*⁵, *nazeleń*⁶) z wosłabjacym woznamom; wopisanje wozna-

wukóncy wěste wosłabjenje přenjoťneje kajkosće. Kaž pak je němscy přeložich, to wuprajeju wone skerje wěsty překhod, wěste poblizenje k wěstej kajkosći, za což dźe tež praeposicionalny wuraz samsneho zmysła, kaž na př. *na zeleń*, rěči.” (Just 1914: 128)

⁴ Adjektiw *mólički* je tworjeny ze sufiksom *-ički*.

⁵ Wobkedźbować ma so rozdźěl mjez prefigowanymi adjektiwami typa *pohněwny*, kotrež móža wosłabjenje zakładneho woznama zwuraznić, a wotwodženkami prepozicionalnych wjazbow typa *pomórski* (hlej Pohončowa 2013: 34 sć.). Poslednje tu žanu rólu njehraja.

⁶ Po woznamje měli rozeznawać mjez prefigowanymi adjektiwami typa *nabědny* (‘trochu bědny’, wosłabjenje zakładneje kajkosće – tak pola Krječmarja 1954) a adjektiwami typa *nazeleń*, kotryž hodži so na wšelake wašnje interpretować: Móže to być 1. rezultat kombinowanja prefigacije a nuloweje deriwacije (< *na-* + *zelen+*, ‘trochu zeleny’), 2. rezultat prefigacije njedeklinabelneho adjektiwa (hlej Faska 1980: 354) abo 3. rezultat uniwerbizowanja prepozicionalneje wjazby *na zeleń* > *nazeleń*.

ma pola prefiksow *pra-* a *pře-* so wosebje na substantiw jako słowotwórbnu bazu počahuje, mjenujcy ‘přěnjotnosć/pochad’ (*pračłowjek*)⁷ resp. ‘nadbytk’ (*přemóć*)⁸. Modifikowace prefiksy so potajkim dotal mało wobkedźbujaja. Scyła njewobkedźbowane su dalše móžnosće tworjenja wosłabjacych a zesylnjacych adjektiwow kaž zestajenje a zrosćenje (*čmowozeleny, sněhběly, něžnomódry, potpołny, swětlomódry, smjerčchory*) abo leksikaliska gradacija (*jara rjany, trochu słaby*). Tež ja so dale wobmjezuju na předstajenje syntetiskeho diminuowanja; zapřijeće dalších móžnosćow by ramik tutoho přinoška překročil.

W dalším kroku přepruwowach z fachoweje literatury wupisany material na jeho registrowanje w najwažnišich hornjoserbskich słownikach.⁹ Zasadnje jedna so wo dwurěčne słowniki, pak hornjoserbsko-němske, pak němsko-hornjoserbske. Wopisowanje woznama serbskich adjektiwow stanje so tuž z pomocu němskeho wotpowědnika abo z připisanjom kwalifikatora kaž *pom.* (to je „pomjeńšenka” abo „pomjeńšenje”, hlej Pful 1866) abo *Dem.* (to je „Deminutivum”, hlej Jentsch/Michalk/Šěrak 1989/91).

Podawanje němskeho wotpowědnika w słownikach móže być pokazka na woznam resp. modifikowany woznam wotpowědného adjektiva; dokładniše wuprajenja dowoli pak jenož kontekst, w kotrymž so adjektiw wužiwa. Tohodla slědowaše přepruwowanje wšitkich wupisanych adjektiwow na jich wustupowanje w hornjoserbskim pismowstwje; žórlo za to bě digitalny tekstowy korpus hornjoserbšćiny, tak mjenowany „hotko” (**hornjoserbski tekstowy korpus**).¹⁰ Zapřijeće tutoho tekstoweho korpusa dowoli wyše toho spuščomniše wuprajenja wo rozšěrjenju resp. wo woprawdžitym wužiwanju konkretnych adjektiwow.¹¹ Digitalny tekstowy korpus hornjoserbšćiny ma pak swoje mjezy. Jedna so wo wuběr hornjoserbskich tekstow, sprěnja hladajo na tekstowe družiny a zdruha hladajo na časowy wobjim (hlejš Wölkowa 2013: 44 sc.): publicistika 57 %, beletristika 23 %, nabožne teksty 4 %, wědomostne teksty 4 %, słowniki a terminologije 12 %.¹² Po času hodža so teksty přirjadować: 19. lětstotk 10 %, přěnja połojca 20. lětstotka 18 %, mjez 1945 a 1989 wučinja

⁷ Woznam adjektiva *pracuzy* ma so porno tomu skerje jako zesyljenje zrozumić.

⁸ Woznam adjektiva *přesylny* wopisuje so tohorunja jako ‘nadbytk’, w nim tči pak zdobom zesyljenje zakładnje kajkosće.

⁹ Su to Pful (1866), Řezak (1920), Kral (1927), Jakubaš (1954), Jentsch/Michalk/Šěrak (1989/91) a Völkel (2005).

¹⁰ Digitalny tekstowy korpus hornjoserbšćiny je přistupny na internetnej stronje Čěskeho Narodneho korpusa (www.korpus.cz); dokładnišo wo nim hlej Wölkowa (2013), Wölke (2014).

¹¹ Příkladny přepruwowach w korpusu mjez 16. a 23. měrcem 2015.

¹² Dokłady ze słownikow a terminologijow so při rešeršowanju w digitalnym korpusu hornjoserbšćiny njewobkedźbowachu.

podžěl 19 % a mjez 1990 a 2010 je podžěl 54 %. Dla tutych wobmjezowanjow je statistiske wuhódnoćenje jenož zdžěla móžne, skerje hodža so jenož někotre tendency zwěsćić.

Přeprowowanje słownikow kaž tež digitalneho tekstowego korpusa na registrowanje deadjektiwiskich adjektiwow z modifikowanym woznamom wunje-se z dobom rozšěrjenje materiala.¹³ W cyłku nahromadźich 284 adjektiwow; ličba zakładnych adjektiwow wučinja 100. Mjez zakładnymi adjektiwami je 38 přikładow, kotrež tworja znajmjeńša tři wšelake formy. Njejedna so jenož wo formalne warianty, ale tež wo woznamowe warianty (wosłabjacy, zesylnjacy, zdžěla afektiwny woznam). Wosebje wjele wariantow wustupuje pola barbných adjektiwow:

zakładny adjektiw	adjektiw z wosłabjacym woznamom	adjektiw ze zesylnjacym woznamom
<i>cyły</i>	–	<i>cyłki, cylički, cyłuški</i>
<i>drobny</i>	–	<i>drobnički, drobnuški, drobnušički</i>
<i>pjany</i>	<i>pjankojty</i>	–
<i>slódky</i>	<i>naslódky</i>	–
<i>blědy</i>	<i>nablěd, blědowaty, blědojty, blědawy</i>	<i>blědky, blědžički, blěduški</i>
<i>młody</i>	<i>młodojty</i>	<i>młodzički, młoduški</i>
<i>čerwjeny</i>	<i>čerwjenawy, čerwjenowaty, čerwjenojty, čerwjenkoyty, načerwjenkoyty, načerwjeny, počerwjenkoyty, počerwjenojty</i>	<i>čerwjenki, čerwjenuški, čerwjenički</i>

Wyše toho rozšěri so ličba modifikowacych formansow,¹⁴ to potrjechi móžnosće kombinowanja wšelakich sufiksow resp. prefiksow a sufiksow.

¹³ Z pomocu wosebitych pytańskich funkcijow w korpusu namakach w korpusu adjektiwy, kotrež samo w słownikach zapisane njejsu, na přikład *módruški, horduški, sporuški*. To je jenož móžno pola adjektiwow, kotrež su tworjene z formansami *-uški, -utki a -ički*.

¹⁴ W staršich słownikach su nimo hižo mjenowanych formansow přikłady z dalšimi modifikowacymi formansami (mjez druhim *-liwy, -aty, -ostny, -ity*) zapisane. Jedna so při tym skerje wo wuwzaća abo indiwiduelne twórby leksikografow a tohodla je dale njewobkedžbuju. Prefiksaj *pra-* a *pře-* matej potencielný charakter a so stajnje na woznam zesylnjenja njewobmjezują; jej tohorunja dale njewobkedžbuju.

formansy	přikłady
jednore sufiksy	
-awy	blédawy, módrawy
-ički	mólički
-čki	zelenčki, hubjenčki
-ki	rjanki, chorki
-ojty	ćmowojty, běłojty
-uški	pěknuški, blěduški
-utki	małutki, cylutki
zestajane sufiksy¹⁵	
-uščički (< -ušk- + -k-)	drobnuščički, lubuščički
-uškojty (< -ušk- + -ojt-)	slabuškojty, čornuškojty ¹⁶
-čički (< -k- + -ičk-)	brunčički
-kuščički (< -k- + -ušk- + -ičk-)	lubkuščički
-kuški (< -k- + -ušk-)	kisalkuški
-kojty (< -k- + -ojt-)	čerwjenkojty
-čkojty (< -čk- + -ojt-)	zelenčkojty
prefiksy	
po-	pobědny
na-	nahněwny
kombinacija formansow (prefiksa a sufiksa/sufiksow)	
načerwjenkojty, nazeleń	

Wot cyłkownje naličenych 284 přikładow je w Pfulowym słowniku najwjetši podźěl registrowany (75,1 %), tež w Řezakowym słowniku je jich wjace hač

¹⁵ W literaturje mjenuje so jenož zestajany sufiks -uščički (drobnuščički), a to w zwisku z tworjenjom diminutiwow drugeho stopnja, hačrunjež naliča so tež přikłady kaž *zelenčkojty*. Wočiwidnje so zestajane formansy jako tajke njeinterpretuja (hlej horjeka wo wuwjedženjach w fachowej literaturje).

¹⁶ Někotre adjektiwy hodža so na dwoje wašnje interpretować: Wone móža być deadjektiwiske (*čornuški* → *čornuškojty*, *slabuški* → *slabuškojty*) abo desubstantiwiske adjektiwy (*slabušk* → *slabuškojty*, *mazušk* → *mazuškojty*). Pola dwuzmyslnych adjektiwow kaž *slabuškojty* móže kontekst pomhać rozsudzić wo slowotwórbnej bazy.

połojca (57,9 %), mjeztym zo je w Kralowym słowniku podžěl registrowanych adjektiwow chětro niska (14,7 %). W nowšich słownikach (wudatych po lěće 1945) leži podžěl registrowanych adjektiwow mjez 26 % a 32 % (Jakubaš 1954 = 26 %, Völkel 2005 = 26,7 %, Jentsch/Michalk/Šěrak 1989/91 = 31,9 %). Přirunanje pokazuje wyše toho, zo je 13 adjektiwow, kotrež su pak w fachowej literaturje, pak w korpusu zastupjene, nic pak w słownikach registrowane: *horduški, módruški, sporuški, sylnuški, wšědnuški, čornuškojty, drobnuščički, pohněwny, hubjeňčki, maluščički, maluščički, nahuški, ćmiwojty*.

Z 284 adjektiwow mojeje lisćiny je w digitalnym tekstowym korpusu jeničce 128 přikładow zapisane (45,1 %), potajkim trochu mjenje hač połojca. Ličba zakładnych adjektiwow registrowanych słowow wučinja tu 66. Přirunujo poměr mjez ličbu wariantow a ličbu zakładnych adjektiwow zwěšćamy, zo je w słownikach trochu wjace woznamowych wariantow zakładneho adjektiwa zapisane hač so w tekstowym korpusu namakaja.¹⁷

Ze 156 w korpusu njezapisanych je w Pfulowym słowniku 119 adjektiwow registrowane, w Jentsch/Michalk/Šěrak (1989/91) porno tomu jenož 17.

Tute rozdžěle w registrowanju adjektiwiskich diminutiwow w słownikach zwisuja drje z wotpowědnej koncepciju słownika. Tak wudospołnjowachu starši słownikarjo zdžěla systematisce heslar resp. hornjoserbske wotpowědniki abo přiwzachu potencielne wotwodženki.¹⁸ Porno tomu orientowachu so awtorojo nowšich słownikow skerje po woprawdźitym resp. frekwentnym wužiwanju w tekstach; indirektnje pokazuje so z tym na produktiwnosć resp. njeproduktiwnosć tutych formansow.¹⁹

Wuchadžejo z materiala a podawanja woznamow w fachowej literaturje, w słownikach a z wužiwanja w konteksće móžemy přepytowane adjektiwy semantiskimaj skupinomaj přiřadować (hlej mjez druhim Klimaszewska 1983: 68; Nagórko 2010: 212):

¹⁷ Poměr mjez ličbu wariantow a zakładnych adjektiwow bě w słownikach 1:0,35, w korpusu pak 0:0,5.

¹⁸ Hlej zwěšćenje „Pful, Rězak i Kral zarejestrowali w swoich słownikach znany im ówczesny zasób leksykalny oraz sami tworzyli nowe wyrazy.” (Lewaszkiwicz 1988: 33)

¹⁹ Hlej přispomnjenje Faski: „Die Bildung solcher quantitativ-modifizierenden Formen ist im Sorbischen unproduktiv.” (Faßke 1981: 354)

1 WOSŁABJACE ADJEKTIVY (TEŽ DETENSIVA ABO POPRAWNE DIMINUTIVY)

Wone redukuja intensitu kajkosće, kotraž je w zakładnym adjektiwje zwuraznjena, móžemy je wopisować z pomocu leksikaliskich srědkow kaž ‘trochu/tróšku, nic cyle’. Potrjechene su kajkosće kaž barby (*běłojty, módrawy*), słodowe směry (*najěr, kisalkojty*) abo fyziske kajkosće substancow (*twjerdowaty, lochkojty, krótkojty*) a čłowjekow (*slabojty, namudry*) (hlej Koecke 1994: 54).

Najbóle produktiwnej stej w hornjoserbšćinje sufiksaj *-ojty* (*blědojty, slódkojty, čornojty, chorojty*) a *-awy* (*módrawy, blědawy*), rědšo wustupuja sufiksaj *-owaty* (*mjechkowaty, čerwjelowaty*) a *-uški* (*chuduški*) a (mjenje produktiwnej) prefiksaj *po-* (*pomódry, pobědny*) a *na-* (*naslepy*). Zrědka wustupuja zestajane formansy *-(č)kojty* (*lěnkoyty, zelenkojty, zelenčkojty, mazankoyty*), *-kuški* (*kisalkuški*) abo kombinacija prefiksa ze sufiksom/sufiksami kaž *počerwjenkoyty*. Wosłabjace adjektivy wustupuja we wšěch tekstowych družinach. Wone wužiwaja so tež w přenjesenym zmysle, potom so pak wosłabjacy woznam pozhubuje (přikładaj 4 a 5):

Přikłady z korpusa:

- (1) *Wězo njemóže so tež Haška tam a sem dowobarać tróšku **slódkojteje** začućiwošće, ale kak chcyše to hinak być w času, hdyž serbska proza chodžeše w džěćacych stupničkach.* (Marja abo Wjelk w kralowskej holi. Zběrka serbskeje prozy 19. lěstotka, Budyšin 1964)
- (2) *Běle do **čerwjenkoyte** kćenja steja w hustych kičach z wjele kćenjemi.* (Płomjo 2009, zeš. 10)
- (3) *Plód je brěčkaty a ma aromatiski, **kisalkojty** slód.* (Serbske Nowiny 8.7.2009)
- (4) *Wona wědžeše prawe, ale poprawom **suchojte** fakty ze swojej wosobinskej powabnosću posrědkować.* (Serbske Nowiny 20.1.2005)
- (5) *W poslednim času joho tež winuja, zo ma swojej rucy we wšelakich **mazankojtych** pjenježnych wěcach sobu nutřka.* (Katolski Posoł 10.2.1913)

2 ZESYLNJACE ADJEKTIVY (TEŽ INTENSIVA, Z AFEKTIVNYM/HYPOKORISTICKIM WOZNAMOM)

Wobsteji wuski zwisk mjez zesylnjacymi a afektiwymi adjektiwami, štož so w tutej skupinje jasnje wotblyšćuje. Zesylnjacy adjektiw ma nimale přeco přidatnje afektiwny abo hypokoristiski woznam. Nošer tutoho woznama su jednore a zestajane sufiksy: *-ki* (*chorki, rjanki*), *-(k)uški* (*ćeńkuški, lubkuški*), *-utki* (*małutki, běłutki*), *-(č)ički* (*cylički, brunčički*), *-čki* (*hubjenčki*), *-(k)uščički* (*małuščički, lubkuščički*). Kombinacija sufiksow je stajnje zwjazana z

přidatnym zesylńnjem pak wěcneje kajkosće pak afektiwneho resp. hypokoristiskeho woznama.

Přikłady z tekstoweho korpusa ze zesylńnjem w zakładnym adjektiwje zwu-
raznjeneje kajkosće:

- (6) *Tuž myslu samo na **mólički** wobrazk (kaž w Serbskim biografiskim słowniku) a **krótkuškim** žiwjenjoběhom w małym pismje.* (Rozhlad 1992)
- (7) *Tak zlé to docyla njeje, za pol léta změjeće za to **nowuški** kožuch!* (Anton Nawka, Pod wopačnej topaču, Budyšin 1961)
- (8) *Lyrizm w tutech **móličkich** twórbach mjezuje ze žortom, w nich je wjele loskoćiwych aluzijow a samo wusměškow.* (Přinoški k stawiznam serbskeho pismowstwa lět 1945–1990. Zběrník, Budyšin 1994)

Přikłady z tekstoweho korpusa ze zesylńnjem w zakładnym adjektiwje zwu-
raznjeneje kajkosće a přidatnym afektiwnym woznamom:

- (9) *Kajka to přejasna, z **čéničkich** prućikow do wysokeho wobłuka murjowana chěžka!* (Handrij Zejler, Zhromadžene spisy. Zwjazk V. Fabule a hrónčka, Budyšin 1984)
- (10) *Pěčkec swójba bě z čeledźu **cylički** džeń na roli a bórze po swjatoku mučna do loža džěše.* (Albert Wawrik, Za kerkom wólša. Stare serbske powěšće, Budyšin 1982)
- (11) *Moja **drohuška** přecelnica! Móžu Ći hakle njedźelu dlěši list napisać.* (Achim Brankačk, Listowanje Bjarnata Krawca z Arnoštom Muku, Měranku Lešawic a Michałom Nawku, Budyšin 2001; Lětopis 48, Wosebity zešiwk)

Zwjětša jenož afektiwny woznam maja adjektiwy z formansom *-ki* (hač na *maliki*). W korpusu wotpowědne adjektiwy rědko wustupuja (zwjětša w basnjach), časćišo pak we wobchadneje rěči, w swójbnym wobłuku:

- (12) *Stary kral ju zawola: / „Směj so, **rjanka** njewjesta!”* (ČMS 1875)
- (13) *Kaž ty młodžo **rjanke** bě, / Nimale su tudy wšě!* (ČMS 1882)
- (14) *Wot Lichanja pol k wječor / maš w polu kótlík, studničku, / jej žiwe žórlo njezmjerznje, / kaž kruta tež hdy zyma je, / jej kromy so tež zelenja, / tuž „**Zelenka**” jej rěkaja.* (Handrij Zejler, Zhromadžene spisy. Zwjazk III. Lyrika, Budyšin 1977, [1855], „Zelenka studnja”)

Z pomocu formansa *-uški* (resp. zestajaneho *-kuški*) tworja so často zesylńjace adjektiwy (*młoduški, nahuški, lubkuški*). Někotre adjektiwy móža wotwisnje wot konteksta zesylńjacy abo rědko wosłabjacy woznam přiřwać, na přikład *chuduški, kisalkuški, blěduški*. Tak podawa Rězak pod němskim hesłom **bläss** hornjoserbski wotpowědnik *blědy*, slěduje specifikacija woznama jako ‘sehr bläss’ (= ‘jara blědy’) ze serbskim wotpowědnikom *blěduški*. Porno tomu pak

steji w prawopisnym słowniku Völkela (2005) pod serbskim hesłom **blěduški** němski wotpowědnik ‘blässlich’ (‘trochu blědy’). W słowniku Jentsch/Michalk/Šěrak (1989/91) připisa so pod němskim hesłom **blässlich** nimo wotpowědnika *blědy* jenož „*Dem. blěduški, blědojty*”. Dyrbimy drje z toho wuchadžeć, zo serbske słowniki druhdy cyłu paletow woznamow njepodawaja. Tež w korpusu je dosć přikładow, hdžež podaty kontekst njedosaha za jasne přirjadowanje woznama (hlej přikładaj 15 a 16); jednozmyslnje přirjadowanje je zwjetša jenož móžno, hdyž je adjektiw kombinowany z kwantifikatorom typu *cyle blěduški* (hlej přikładaj 17 a 18).²⁰

- (15) *Žona bu blěduška a slabša džeń wote dnja, stary wjesny lékař rjekny, slaba wutroba a po móžnosći ničo ćežke džělač, a zapisa krjepki.* (Jurij Brězan, Stary nan, Budyšin 1982, str. 41)
- (16) *Słónčko bě zaswěćilo, ale hišće mlode, blěduške, bjezmócne přećiwo hluboko zasydlenej zymje.* (Marja Kubašec, Lěto wulkich wohenjow. Přeni džěl, Budyšin 1970, str. 328)
- (17) *Hanka, cyle blěduška, na wšěm čěle třepota, ...* (Płomjo. Serbski časopis za džěci, 2008, zeš. 1, str. 1)
- (18) *Tež trochu blěduška so mi zdaše, ale ...* (Nowe powědky wo nas, Budyšin 1972, str. 58)

Zo zwjazuja so woslabjace a zesylnjace formansy wosebje z barbnymi adjektiwami a tworja z tym adjektivy, kotrež słušeja pak do přenjeje, pak do druheje skupiny, njedžiwa, wšak hodži so barbna kajkosć do wobeju směrow graduowaceje skale stopnjować: *čerwjenkojty* ‘načerwjeń, trochu čerwjeny’ – *čerwjenuški* ‘jara čerwjeny, sylna čerwjena barba’.

LITERATURA

Helmut FASSKE, 1981: *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart: Morphologie*. Verfaßt unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Bautzen: Domowina-Verlag.

Wolfgang FLEISCHER, Irmhild BARZ, 2012: *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.

²⁰ Nimo woslabjenja abo zesylnjenja woznama móža dalše konotacije kaž zwuraznjenje sobuželnosće abo ironije wěstu rólu hrać. Hač wobsteji wyše toho zwisk z woznamom zakładneho adjektiva, njehodži so tuchwilu prajić; za to měła so materialowa baza rozšěrić.

Jan Jurij Prokop HANČKA, 1770: *Grammatica Lingvae Sorabicae In Superiori Lusatia usualis compilata a R. G. Procopio Hanschke, natione Lusata Radiborensi, Sac. Ord. Cist. Neo-Cella professo, tunc Capellano Mariastella*. (Rukopis).

Helmut JENTSCH, Siegfried MICHALK, Irene ŠĚRAK, 1989/1991: *Deutsch-obersorbisches Wörterbuch = Němsko-hornjoserbski słownik*. Bautzen: Domowina-Verlag.

Mikławš JUST, 1914: Wo słowotwórbje w hornjoserbšćinje. *Časopis Maćicy Serbskeje* 67, 59–79, 128–139.

Filip JAKUBAŠ, 1956: Słowotworne přiweški (sufiksy) serbskich wěcownikow a přidawnikow. *Serbska šula* 9/15, 385–405; 9/16, 424–434.

Filip JAKUBAŠ, 1954: *Hornjoserbsko-němski słownik = Obersorbisch-deutsches Wörterbuch*. Budyšin: Nakład Domowina.

Johann Peter JORDAN, 1841: *Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Im Systeme Dobrovsky's abgefaßt*. Prag.

Korpus hotko: <<http://www.korpus.cz>>.

Jurij KRAL, 1927: *Serbsko-němski Słownik hornjołužiskeje rěče = Wendisch-deutsches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache*. Budyšin: Maćica Serbska.

Zofia KLIMASZEWSKA, 1983: *Diminutive und augmentative Ausdrucksmöglichkeiten des Niederländischen, Deutschen und Polnischen: eine konfrontative Darstellung*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Bernadette KOECKE, 1994: *Diminutive im polnisch-deutschen Übersetzungsvergleich: eine Studie zu Divergenzen und Konvergenzen im Gebrauch einer variierenden Bildung*. München: Verlag Otto Sager.

Mikławš KRJEČMAR, 1954: Tworjenje słowow w hornjoserbšćinje. *Lětopis A*, 2, 21–93.

Tadeusz LEWASZKIEWICZ, 1988: *Słowotwórstwo apelatywnych nazw miejsc w języku górnołużyckim*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Frido MICHALK, 1974: Slovoobrazovanie. W: TROFIMOWIČ, Konstantin K. *Hornjoserbsko-ruski słownik*. Budyšin/Moskwa: Ludowe nakładnistwo Domowina/Nakładnistwo „Ruska rěč”. 504–509.

Małgorzata MILEWSKA-STAWIANY, 2012: *Górnołużyckie deminutywa w systemie językowym i w tekście*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Alicja NAGÓRKO, 2009: Diminutiva/Augmentativa und Kollektiva. *Die Slavischen Sprachen: ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Hrsg. Sebastian Kempgen, Peter Kosta, Tilman Berger, Karl Gutschmidt. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 782–791.

Alicja, NAGÓRKO, 2010: *Podręczna gramatyka języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Marek NEKULA, 2013: Diminution im Deutschen und Tschechischen aus typologischer Sicht. *Bilingualer Sprachvergleich und Typologie: Deutsch – Tschechisch*. Wud. Marek Nekula, Kateřina Šichová, Jana Valdrová. Tübingen: Stauffenburg/Julius Groos. 47–69.

[Křesćan Bohuwěr] PFUL, 1866: *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch = Łužiski serbski słownik*. Budissin: Maćica Serbska.

Filip RĚZAK, 1920: *Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje rěče = Deutsch-wendisches encyklopädisches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache*. Bautzen: Donnerhak.

Hinc ŠEWC, 1984: *Gramatika hornjoserbskeje rěče: 1. zwjazk. Fonematika a morfologija, 2. nakład*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.

Pawoł VÖLKE, 1981: *Hornjoserbsko-němski słownik = Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina.

Sonja WÖLKE, 2005: *Geschichte der sorbischen Grammatikschreibung: von den Anfängen bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. Bautzen: Domowina-Verlag.

Sonja WÖLKE, 2014: Tekstowy korpus a dalše informaciske srědki wo hornjoserbskej rěči w interneće. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 49, 59–71.

Sonja WÖLKOWA, 2013: Hornjoserbski tekstowy korpus w nowej formje. *Serbska Šula* 66/2, 44–47.

SUMMARY

Adjectival Diminutives in Upper Sorbian

Upper Sorbian has an extensive morphological system for the formation of diminutives. Adjectival derivatives, which express differing degrees of intensity of the characteristics of the basic word, arise by means of suffixation and / or prefixation. On the one hand, this can involve a weakening of the word's feature; on the other hand it can lead to intensification, often associated with an emotional reinforcement. In Sorbian professional literature, descriptions of adjectival diminutives are limited to only a few representative examples, from which the importance of the corresponding adjectives and their affixes can only be indirectly derived.

Evidence extracted from subject literature was further supplemented by the major bilingual Upper Sorbian dictionaries of the nineteenth and twentieth centuries and examined for their use in Upper Sorbian professional literature. With the exception of the suffix *-uški* (or *-kuški*), which can have either a weakening or strengthening effect on the underlying basic word, depending upon semantics, a unique function can be ascribed to all elements: either weakening (*-ojty*, *-awy*) or strengthening (*-ički*). Combinations of suffixes, or of prefix and suffix, typically produce a further strengthening of the factual features as well as their emotional or hypocoristic significance.

ЛАРИСА РАЦИБУРСКАЯ

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород, racib@yandex.ru*

Диминутивы в текстах современных российских масс-медиа

В докладе рассматриваются новообразования-диминутивы в современных российских медиатекстах. Диминутивы представлены в основном существительными и наречиями, имеют разнообразные аффиксы и широкий диапазон значений: от уменьшительно-ласкательных до уничижительных. Речевая деятельность российских медийщиков, стимулируемая новыми социально-политическими процессами в стране, все больше становится проявлением повышенной степени эмоционально-волевого состояния общества.

The report deals with innovations-diminutives in the modern Russian media texts. Diminutives are represented mainly by nouns and adverbs, have different affixes and a wide range of meanings: from diminutive-hypocoristic to derogatory. Speech activity of the Russian press tribe, stimulated by the new socio-political processes happening in the country, is becoming a manifestation of an elevated level of the emotional-volitional state of society.

Ключевые слова: словопроизводство, масс-медиа, диминутивы, семантика, функция

Key words: word-building, mass media, diminutives, semantics, function

Речевая деятельность российских медийщиков, стимулируемая новыми социально-политическими процессами в стране, все больше становится проявлением повышенной степени эмоционально-волевого состояния общества. Обращение к оценочным речевым средствам удовлетворяет потребностям в ярком, эффективном и эффектном словоупотреблении. Словотворчество постсоветского периода помогает разрушить известные стереотипы в жизни, поведении, во взглядах на актуальные события, помогает выразить эмоциональную оценку происходящего. Это способ обнародовать свое мнение, отношение, даже снять внутреннее напряжение. Это и проявление раскрепощенности личности автора, что свидетельствует о существенных сдвигах в общественном сознании россиян.

Одним из ярких экспрессивно-оценочных средств являются модификационные новообразования, и в частности диминутивы.

Прозрачность формальной и содержательной структуры, доступность образования и восприятия, эксплицитная оценочность и, очень часто, стилистическая сниженность /.../ делают многие модификационные образования /.../ популярными в живой речи, позволяющими /.../ реализовать избыточную коммуникативную энергию говорящего (Химик 2010: 388).

В текстах современных российских масс-медиа обнаруживается высокая доля экспрессивно-оценочных словообразовательных моделей и формантов, которые, в частности, реализуются в диминутивных дериватах. Семантика и экспрессия подобных диминутивов достаточно разнообразна. «К субъективно-оценочным относятся следующие значения, выражаемые суффиксальным способом: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное...» (Русская грамматика 1980: 208). Многие диминутивы «являются уменьшительными только по форме: реально они могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др.» (Радбиль 2010: 264).

В современных медийных текстах субстантивные диминутивы с размерно-оценочными суффиксами, мотивированные неодушевленными существительными, могут указывать на предмет незначительного размера:

*Есть памятник, даже не памятник, а **памятничок** (радио «Серебряный дождь», 25.03.2011);*

*Даже в моем скромном **бложике** появился специальный тег *eiw* для англоязычных материалов... (Завтра, 15.07.2014).*

При образовании подобных диминутивов возможны случаи, когда размерно-оценочный суффикс присоединяется к основе отвлеченного существительного:

*Начало учебного года встречала с трепетом... Ну такой маленький **трепеток** (1-й канал, 04.09.2011);*

*Заемный «**бумчик**» /.../ По сведениям зампреда Банка России Алексея Симановского, в целом за 2011 год портфель кредитов нефинансовым организациям вырос на 26%, займов физическим лицам – на 35,9%.» Не назову это бумом, но это **бумчик**», – охарактеризовал он такую динамику (Новые известия, 23.01.2012).*

Показателями семантики незначительного размера являются присутствующие в текстах производящие слова, противопоставленные производным с уменьшительными суффиксами (*не памятник, а памятничок; трепет – трепеток; не назову это бумом, но это бумчик*), а также лексические показатели (*скромный бложик, катастрофка небольшая, маленький трепеток*).

Вместе с тем, как известно, «с помощью размерно-параметрических представлений типа «малый-большой» в русском языке регулярно презентуется и оценка «хороший-плохой»» (Химик 2010: 376). Качественная оценка по шкале «хороший-плохой» «реализуется через размерно-параметрическое преобразование слова, а оно окрашивает авторским отношением уже и все высказывание /.../» (Химик 2010: 376).

По мнению ученых, «выбор размерно-параметрического модификата обусловлен в русской речевой культуре типизированными интенциями говорящего» (Химик 2010: 376), из которых один из наиболее важных мотивов субъективно-оценочного преобразования слова – креативный. В большинстве случаев креативный мотив предполагает мелиоративную или пейоративную оценку

с выражением широкого спектра различных эмоций субъекта речи с помощью модифицированных форм слов и изменения их коннотативного содержания как уменьшительного или увеличительного, смягченного или усилительного, почтительного или неодобрительного, ласкательного или уничижительного (Химик 2010: 377–378).

Так, в медийных диминутивах уменьшительное значение может сопровождаться оттенком ласкательности, особенно это характерно для одушевленных существительных:

Ристалище под Кстовом. Мериться силушкой здесь будут настоящие «богатырчики»...Ребята с азартом осваивали палочный и кулачный бой, метание, боролись «стенка на стенку» и, конечно, «рубились» на мечах... (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 23–29.03.2011).

К диминутивам в этом отношении приближаются и наименования лиц с суффиксами невзрослости: «*беркутенок*»/»*беркутята*» (бойцы украинского подразделения милиции «Беркут»).

В современных российских медийных текстах более актуальным является функционирование диминутивов с пренебрежительным, уничижительным оттенками, что способствует созданию в тексте иронии и негативной оценки:

*/.../ вот какое-то **кинцо** – и вся страна рыдает (Комсомольская правда, 30.01.2007);*

*Вы не замечали, что те, кому дали отставку, кто остался не у дел, много и неустово хорохорятся? И только дай им **шансок** – изображают из себя многозначительных персонажей (Собеседник, 2012, № 3);*

*Такая достойная дама /.../ срамилась с жалким **миллиардишкой** (Завтра, 2008, № 12);*

*Нельзя уподобляться тем людям, которым дали какую-то **властишку**, и они решили, что на них Боженька заснул (радио «Бизнес FM», 03.10.2013);*

*«Александра, ну скажите ради Бога, с каких таблеток, вы решили, что я там работаю, а??? Может вам к офтальмологу записаться?» — кричит Машиа у себя в **бложике** (Новая газета, 23.09.2013);*

*Нужна элита, а не **элитка**. Наша политическая, а особенно управленческая элита сейчас недееспособна и девалифицирована (Комсомольская правда, 21.11.2014);*

*В штрафной **майданчик** никто не войдет. «Советский спорт» писал, что в украинских городах, где должны были пройти первые после перерыва матчи чемпионата страны, готовы к их проведению (Советский спорт, 27.02.2015);*

*С большой вероятностью можно ожидать разные майданы, **майданчики** (Россия 1, 24.05.2015).*

Уничижительная окраска усиливается лексическими средствами: *жалкий, какой-то, разные* и под. Явная ирония присутствует в новообразовании на базе иноязычного *фейсбук*:

*И потом под воздействием божественности блюда похвастать и своими достижениями в **фейсбученьке**, подкрепив сообщение фотографией себя самого на фоне подсанкционной печени зверски закормленного гуся (Собеседник, 2015, № 1).*

Социально ориентированы и наименования лиц-диминутивов с уничижительными суффиксами:

*Передаст такой **депутатик** свою карточку для голосования кому-нибудь из своей фракции и гуляет себе или бизнесом занимается (Экспресс газета, 24.10.2008); университетский **фашистик** (Дуэль, 2008, № 6);*

*На деревню **президентушке** (Московский Комсомолец в Нижнем Новгороде, 25.01–01.02.2012);*

***Силевички** за себя постояли: «Да-с, мужички наши за себя постояли. — И кончили нашего Митеньку!» (Известия. 19.06.2013);*

*Оловянные **прокурорчики** (Новые Известия, 06.04.2015);*

*При всей девиантности человеческого поведения наши псевдозвезды знают только две категории: «Я» и «Я и другие». Даже наши желторотые **артистшики** этим грешат, чего уж говорить, скажем, про М. Распутину (Собеседник, 2014, № 44).*

Использование подобных экспрессивно-оценочных модификатов особенно усиливается в периоды серьезных социальных противостояний и по-

трясений. Негативно-оценочное использование суффиксов при создании диминутивов на базе одушевленных существительных нередко граничит с речевой агрессией. Подобные диминутивы, в текстовом интернет-пространстве отражающие социальные противостояния на Украине, выступают как оскорбительно-уничижительные наименования лиц: *котенок-сепаратенок, котейко-сепаратейко* (о животных, сфотографированных с Георгиевскими ленточками в сети Интернет); *сепаратисточки*. Субъективно-оценочные модификаты

оказываются сильным экспрессивным средством коммуникации, обладающим значительным потенциалом самовыражения и воздействия. И как всякое сильное средство, такие образования требуют осторожного обращения, чувства меры, особого языкового вкуса (Химик 2010: 287–288).

Диминутивы становятся эффективным средством манипулирования, воздействия на массовое общественное сознание: *Это катастрофка небольшая, социальная* (Радио «Коммерсант FM», 16.10.2014).

Некоторая часть диминутивов представлена прилагательными и наречиями, а также словами категории состояния. Ученые отмечают, что прилагательные и наречия с суффиксом *-еньк-* в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи (Вежицкая 1997: 54–55):

Вел себя адекватно, только затхленько (Комсомольская правда, 08.11.2011);

Толерантненько. Факт давно общеизвестный: те, кто громче всех кричит о необходимости свободы слова, требуют этой свободы слова не для всех, а только лишь исключительно для себя (Завтра, 13.09.2012);

Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема – свадьба Ксении Собчак. И гламурненько, и оппозиционненько (Российская газета, 05.02.2013);

Грешновато, но православненько (Московские новости, 07.11.2014);

Если ты весь список будешь читать – у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так порционненько-порционненько (Радио «Комсомольская правда», 28.10.2014);

У нас в Питере все пряменько, перпендикулярненько, параллельненько (Россия 1, 17.05.2015).

Исходные опосредованно мотивирующие прилагательные являются как качественными, так и относительными. Создание на базе последних безоценочных наречий или диминутивов-прилагательных, от которых непосредственно создаются новообразованные наречия-диминутивы, представляет собой отклонение от условий словообразовательной модели.

Отдельные наречия-диминытивы создаются на базе других новообразований:

Рукопожатненько. И логично – ведь у Лени после перечислений есть миллион, а у них нет. Хотя и не долларов, конечно, Но это пока. В начале пути. (Комсомольская правда, 19.11.12).

Исходным для диминытива *рукопожатненько* могли стать новообразованные прилагательное *рукопожатненький* либо наречие *рукопожатно*. В подобных случаях можно говорить и о чересступенном словообразовании. Исходным для диминытива может быть и наречие *точь-в-точь*:

Иными словами, все точь-в-точненько (1-й канал, развлекательная программа «Точь-в-точь», 22.02.2015).

Обычно диминытивы-наречия передают ироническую оценку ситуации автором текста, кроме, пожалуй, последнего случая, где *точь-в-точненько* является стилистическим модификатом наречия *точь-в-точь* с возможным усилительным значением.

Исследователи отмечают, что для некоторых диминытивов с суффиксом *-еньк-* в русском языке возможно изменение семантики с негативной, когда на денотативном уровне опознается что-то плохое, на позитивную, благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу с коннотациями чего-то хорошего, например: *плохонькая узкодосочная скамья* у А.И. Солженицына (Вежбицкая 1997; Радбиль 2010). Однако подобные новообразования в российских медийных текстах практически не встречаются.

Таким образом, как свидетельствуют тексты современных российских масс-медиа, диминытивы – продуктивная и развивающаяся парадигматическая система, которая пополняется новыми словами в медийной речи. Это отчасти объясняется активизировавшейся в последнее время тенденцией языка СМИ к фамильярному умалению и снижению объектов номинации, к высокой плотности оценочной тональности медийного текста. Субъективно-оценочные модификаты «оказываются сильными экспрессивными средствами коммуникации, обладающими значительным потенциалом самовыражения и воздействия» (Химик 2010: 377).

Диминытивы, таким образом, представляют весьма продуктивную сферу русского словообразования, значительный и важный резерв русского лексикона, во многом обусловленный актуальными социополитическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

Анна ВЕЖБИЦКАЯ, 2010: *Язык, культура, познание*. Москва: Русские словари.

Тимур РАДБИЛЬ, 2010: *Основы изучения языкового менталитета*. Москва: Флинта: Наука.

Русская грамматика, 1980. Москва: Наука. Т. 1.

Василий ХИМИК, 2010: Экспрессивно-оценочный потенциал русского модифицированного словообразования. *Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование.: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. (Москва, МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года)*. Ред. Елена Петрухина. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 376–389.

SUMMARY

Diminutives in the Texts of Modern Russian Mass Media

The texts of the modern Russian mass media reveal a high degree of evaluation, expressive models and derivational means, which, in particular, are exposed in diminutive derivatives. The formation of evaluating emotional-expressive nouns has been increased (блужик, памятник, трепеток), especially the names of persons (богатырчики, “беркутенки”). The formation of names of persons, names of objects and the phenomena of modern reality, bearing the negative evaluating meaning (прокурорчики, чиновнички, депутатик, фашистик, сепаратисточка, артистишки, кинцо, шансок, миллиардишко, майданчик) is socially oriented.

The negative evaluation can be found also in diminutive adjectives (which are rare in media word-creation, though) and adverbs (затхленько, толерантненько, гламурненько, оппозиционненько), conveying various expressive-emotional shades (diminutiveness, hypocorism, compassion, scorn, derogation etc). Upon the whole adjectives and adverbs with the suffix *-еньк-* to a great extent determine general emotional coloring and tonality of the Russian speech.

The Russian press tribe speech activity, stimulated by the new social-political processes in the country, is becoming the manifestation of an increased level of emotional-volitional state of the society more and more. The word-creation of the post-soviet period helps to ruin the well-known stereotypes in life, behavior, points of view on acute events, to express the emotional evaluation of the events and testifies about the essential shift of the public conscience of the Russians.

ВАСИЛКА РАДЕВА

Софийски университет „Св. Климент Охридски“,
София, България, v.radeva@ranguelov.net

Умалителните имена в отношението им към категорията *деминутивност*

Семантичната категория ‘деминутивност’, вербално изразявана чрез умалителни модификационни структури, се изяснява с оглед на деривационните средства в българския език. Наследени от праславянски, те дават възможност да се разкрият интересни общности между славянските езици. Словообразователната семантика на деминутивите, която се изяснява чрез отношението им към произвеждащите думи, се опира на номинационния мотив ‘умалителност’, но не се изчерпва с него. Това дава възможност на деминутивите да проявяват многообразие във функционитането си в речта на децата, речта на възрастните към децата, в художествената литература, в диалектите и пр.

The semantic category of ‘diminutiveness’, verbally expressed by diminutive modification structures, is considered in relation to the derivational means of Bulgarian. Inherited from Proto-Slavonic, they make it possible to reveal interesting phenomena shared by the Slavonic languages. The derivational semantics of diminutives, which is revealed through their relation to the underlying words, is based on the denotative motif ‘diminutiveness’, but is not exhausted by it. This makes it possible for diminutives to display variability in the way they function in children’s speech, in the way adults speak to children, in literature, in dialects, etc.

Ключови думи: семантичен признак, деминутивност, модификационна структура, конотативно значение.

Key words: semantic feature, diminutiveness, modification structure, connotative meaning.

1 Като езикова реализация на *деминутивността* в качеството ѝ на когнитивно организирана парадигма, умалителните имена в ономасиологичен план отразяват категоризацията и номинацията на фактите от действителността с оглед на количествени отношения. Израз на познавателното движение на мисълта от осъзнатото извънезиково съдържание към езиковото изразяване, умалителните структури илюстрират сложната връзка между понятийните и езиковите категории (семантични,

словообразователни, граматични). При това особено важна е връзката между семантичната категория, понятийна в основата си, и словообразователната, изградена като езиково въплъщение на ономасиологичната. Както отбелязва А. В. Бондарко, понятийните категории се реализат във вид на семантични категории, които от своя страна „представяват универсални „надезикови“ константи на смисъла, получаващи системно-езикова и речева интерпретация в различните езици“ (Бондарко 1998: 22).

При езиковото изразяване на деминутивността се отразява връзката на семантичната категория (и концепта) *пространство* и ономасиологичната категория *субстанция*, в нейното отношение към *форма* и към *величина* (измеримост). Освен това връзката на деминутивите и названията на т. нар. *млади същества* в известен смисъл отразява отношение към категорията *възраст*, по-общо отнесена към понятието (концепта) *време*.

Връзката на семантичната категория *деминутивност* с модификационната по тип ономасиологична категория опосредства отношението към словообразователната категория, изградена от съответните деривационни типове. Известно е, че ономасиологичните категории, основани на понятията, които ги отнасят към когнитивно-класификационната дейност на човека, са насочени към назоваването (обозначаването), т. е. към вербалното представяне на извънезиковата реалност, но чрез отношението си към словообразователните категории систематизират и класифицират образувателните лексикални единици. Когнитивната основа на ономасиологичните категории им осигурява възможността да изграждат понятийна мрежа „като основа на езиковата категоризация в номинационния аспект на речемислителната дейност на човека“ (Митев 2012: 40).

Семантичната категория ‘умалителност’ се опира на сравняването при възприемане на предметите и техните свойства, при което се осъзнават и техните количествени параметри. Определянето на даден предмет като ‘малък’ се основава на наличие и познаване на друг, еднакъв по признаци предмет, който е с по-големи размери, т. е. заема по-голямо пространство. Затова изразяването на ‘умалителност’ се свързва преди всичко с характеризирането на конкретни предмети, които могат да бъдат с различни – по-малки или по-големи, размери.

Като реализация на модификационен процес, семантиката на умалителните формации предполага запазване на понятийната характеристика, обогатена (допълнена) от нов признак. В понятиен план това означава промяна на „обема на понятието“, т. е. включване на по-малко обекти, характеризирани с мотивиращия признак. Спрямо понятийния обем на съответните произвеждащи думи умалителните имена изграждат свое-

образно „родово-видово“ отношение, срв. *град* – *градче*, *клон* – *клонче*, *улица* – *уличка* и пр. Освен това осъзнаването на признака *умалителност* се опира на сравнението с обект, за който този признак е ирелевантен. Означените от названията *стол*, *град*, *къща* и пр. субстанции се възприемат без отношение към тяхната величина, срв. *голям стол* – *малък стол*, *малка къща* – *огромна къща* – *много голяма къща* и пр. Умалителните названия съществуват дотогава, докато се осъзнава връзката им с ‘неумалителните’ произвеждащи, а характеризирането на даден обект чрез признака ‘неумалителност’ всъщност се експлицира при съпоставянето му с друг, маркиран чрез признака ‘умалителност’. Това влияе на оформянето на парадигматичните отношения на деминутивите. На пръв поглед те се противопоставят на аугментативите, срв. *детенце* – *детище*, но всъщност действителното противопоставяне е по отношение на произвеждащата дума, срв. противопоставянето *стол* – *столче*, което изразява отношение ‘обикновен предмет’ – ‘малък предмет’. Тази интерпретация се потвърждава и чрез сравняване с аналогични семантични отношения при непроизводните в синхронен план лексикални единици. Например противопоставянето на прилагателните *висок* – *нисък*, отнесени към характеристиката на *човешки ръст*, предполага възможност за определяне и на *среден ръст*, в опозицията *богат* – *беден* се вмества *заможен*, а при *едър* – *дребен* (бизнес) е възможен и *среден бизнес* и пр. Умалителните структури не предполагат такова скаларно противопоставяне, тъй като са изградени въз основа на сравнение и изразяват различното (отклонението) от това, което е прието за „нормално“, т. е. често срещано. И като база за сравнение служи признак, отразяващ характеристика, в по-широк план базирана върху пространствено-времева проекция.

Наличието/отсъствието на признака ‘умалителност’ обогатява връзката между думите в деривационната двойка, като създава своеобразна „опозиция“. Те запазват общата си понятийна отнесеност, като означените субстанции се противопоставят в количествен план, а денотатът на произвеждащата дума е немаркиран по отношение на големината (размер, обем и пр.). Опозицията, създадена между думите в деривационната двойка, изключва междинно положение. В този смисъл е интересно интерпретирането на т. нар. „повторна умалителност“ или образуването на „преумалителни“ форми, ср. *ножче* и *ножченце*, *птиче* и *птиченце* и др. Известна непоследователност има в обяснението, че производните от типа *столченце*, *птиченце*, *сестриченце* и пр. означават по-висока степен на умалителност, особено когато от една дума са оформени повече производни, напр. *сестра* – *сестричка*, *сестрица*, *сестриче*, *сестриченце*. В тези случаи обяснението би трябвало да се търси чрез включване на признак, изразяващ субективно отношение.

Ако при определяне на системните лексикални връзки на умалителните имена се включат и аугментативните структури, с тях се оформя противопоставяне като своеобразна „контрарна антонимия“ (*детенце – дете – детище, краченце – крак – крачище*), при която производните назовават „крайно“ изразени признаци, ирелевантни за семантиката на произвеждаща дума. Интересно е, че в своята *Грамматика на новобългарския език*, публикувана през 1868 г., Иван Н. Момчилов определя три вида имена – обикновени, умалителни и увеличителни (Момчилов 1868).

Признакът ‘малък’, изведен като номинационен мотив, отразява „по-ограничено място“, заемано поради по-малките размери на предмета, или „по-кратко времетраене“ в развитието и съществуването на предмета. При образуването на умалителни названия на предмети (обекти) от неживата природа характеристиката се опира на „разположението (вместването) в пространството“, а по отношение на реалии от живата природа значение има „разполагането във времето“. Така категорията *умалителност* се свързва с категориите *пространство* и *време*, които всъщност са в основата на концептуализацията на заобикалящия свят. Освен това деминутивността има отношение както към категорията *количество* (срв. *малко хлябец, солчица, дръвца*), така и към *интензивността* и степенуването (*градуалността*), отнесени към значението на признаковите думи (*синичък, слабичък, пося, потичам* и др.)

2 Отношението между категорията ‘умалителност’ и нейната езикова реализация не се изчерпва само чрез средствата на деривацията. То включва както съчетания (*малък мост, ситен дъжд, дребни листа*), така и използване на непроеводни в синхронен план лексикални единици, чиято семантиката изразява опозицията ‘обикновен’ – ‘малък’. Интересно е, че в българските диалекти, където активно се образуват и използват деминутиви, се употребяват названия за изразяване на отношения, базирани на имлицирано противопоставяне по признака ‘умалителност’. Например за израз на значението ‘краткотраен слаб дъжд’ се употребяват съществителни като *попръска ж., роса ж., русел м., русулак м., ръмел м., ръмез и рмежък м.* и др. (ИДРБЕ 2012: 1030), голяма част от които са мотивационно свързани с глаголи със значение ‘вали слабо и кратковременно’: *влажй, мърсий, прашилй, пършилй, пършильвя, росй, росолй, ръмй, ръмтй, ронка, рамолий, румулий, румйчка, църцорй* и др. (ИДРБЕ 2012: 335).

Образуването на деминутиви от различни категории думи – съществителни, прилагателни, глаголи, наречия и пр., дава възможност в обсега на едно съобщение умалителността да бъде маркирана по различен начин,

както и да бъде изразена неколкократно, напр. *заръмоля дребен есенен дъждец*, сви се *малкото птиче-ластовиче* (А. Каралийчев); *тихият дъждец* продължи *кратко*, дъждът вали *тихичко и кротко*; ти ще видиш, че *самичка* ще си дойде таз *козичка* (А. Разцветников); имаше *дребна главичка*; *малка групичка* разтревожени хора; *съвсем малко парченце* сухар; *тя се бе посъвзела малко* (П. Вежинов) и пр. Тази възможност несъмнено се опира на факта, че модификационите структури, мотивирани от различни части на речта, от различен аспект подчертават както признака ‘деминутивност’, така и свързаните с него конотации, срв. *мъничко хлебец* и *малко хлебче*, *мъничка ръчичка* и *малка ръчица*.

3 Внимание заслужава връзката – формална и семантична, между *деминутивите*, названията на *млади същества*, а също и за *субективна оценка*, които се включват към модификационна ономаσιологична структура, но заемат различно място в нея. Названията на млади същества всъщност изразяват ‘умалителност’, обусловена от измерване и във времето, която се отнася към номинация на живи същества. Обективната умалителност характеризира живите организми, чието израстване (уголемяване) е процес, разположен във времето. Възникнала като израз на възрастовата характеристика, ‘умалителността’ при названията на одушевени предмети се свързва с изразяване на *субективно отношение*, проявявано в контакта с млади същества. Това отношение се допълва от специалното изразяване на нежност, гальовност и пр., което съпътства признака ‘умалителност’, като често доминира над него.

3.1 Названията на *млади същества* са богато представени при домашните животни, които имат особено значение за човека. Наследени от праславянски, те присъстват във всички славянски езици, без да са производни в синхронен план, напр. бълг. *агне*, *ягне*, стбълг. агн-, сръб. хърв. *jàgње*, словен. *jàgnje*, чеш. *jehně*, пол. *jagnię*, рус. *ягнёнок* (БЕР 1971: 3); също прасл. *parsę, бълг. *праце*, стбълг. прас-, прас-те, сръб., хърв. *pràce*, словен. *prasè*, чеш. *prase*, словаш. *prasa*, пол. *prosię*, рус. *поросёнок*, укр. *поросся*, белрус. *парася*. (БЕР 1999: 601). В съвременния български език разглежданите названия създават следното семанично отношение:

крава – теле – вол	коза – яре – козел
овца – агне – овен	кокошка – пиле – петел

Тази парадигма има връзка с образуването на умалителни имена на млади същества чрез използване на словообразователен формант, свързан с морфемния показател *-e* (-), характерен за неизпроизводните в съвременен план названия (пиле, дете, агне), чиято стара *-nt*-основа представлява

разширение на именната ---основа (За взаимовлиянието между двете основи вж. Парашкевов 2005: 400–401). Така към названията на млади същества се включват производни деминутивни структури, образувани от названия на животни:

вълк – вълче	слон – слонче	лисица – лисиче
кон – конче	тигър – тигърче	ластовица – ластовиче

При някои от тях се оформя парадигма, характерна за непроизводните названия: *тигър – тигърче – тигрица*, *слон – слонче – слоница*, *вълк – вълче – вълчица*.

При производните названия на млади същества признакът ‘умалителност’, формално изразен чрез суфикса *-че*, се експлицира чрез връзката в деривационната двойка. Той се долавя както във физически план, т. е. свързан със заеманото пространство, така и по отношение на времето.

3.2 Лексикалната семантика на умалителните имена се гради въз основа на признака ‘умалителност’, но не се изчерпва с него, тъй като своеобразно го свързва или разделя от ‘емоционалния компонент’, който отразява субективно отношение. Всъщност тя се явява своеобразна пресечна точка на „възприетото“ обективно и „изразеното“ субективно. Както основателно подчертава Л. Андрейчин, при обособяване на „умалителни, гальовни и съкратени имена“, славянските езици се отличават с наличие на значителен брой наставки „за израз на различни степени на умалителност и гальовност, а българският език притежава наставки, в които основен оттенък е гальовността, а не умалителността“ (Андрейчин 1978: 99). В някои изследвания се изразява колебание при определяне на мястото на деминутивите, които изразяват ‘субективна оценка’, като те „не се причисляват категорично нито към напълно самостоятелните думи, нито към тези, създадени по формообразуващ начин“ и „може да се схващат като средна, междинна категория между самостоятелните думи и тези, които са само форми на дадена основа“ (Димитрова 1959: 265). Интерпретирането на съществителните за *субективна оценка* като производни модификационни структури поставя въпроси, свързани с тяхното отношение към признака ‘умалителност’ (Радева 2007: 146–150).

Въпреки че невинаги е лесно да се разграничат двете модификационни значения, тяхното наличие и изразяване дават основание за диференциране с оглед на различното им доминиране. При това значение има и разпределението на използваните словообразователни форманти. Тези, които съдържат консонанта *-ц-*, резултат на по-късна палатализация на *-к-*, (*-ец*, *-це*, *-енце*, *-ице*, *-ица*), оформят деминутиви с преобладаващ

емоционален елемент, без да се изключва признакът ‘умалителност’. Например при оформените със сложния суфикс *-енце* названията на млади същества, преобладава емоционалното гальовно отношение, а не „пре-умалителността“ срв. *дете – детенце*. Това особено добре проличава, когато се сравнят еднаквокоренни производни с форманти, съдържащи консонанта *-ч-*: *момче – момченце, краче – краченце, зъбче – зъбченце, братче – братченце*.

Свързването на суфикса *-ец* с основи, от които се образуват и деминутиви с наставка *-че*, също дава възможност да се сравни значението на еднаквоосновните структури с оглед на експлицираните модификационни признаци. Умалителните с формант *-ец* изразяват предимно ласкателно-гальовно отношение, докато физическата умалителност, характерна за структурите с *-че*, не се подчертава. Например *хлебче* е ‘малък по размери и форма хляб’, докато с *хлебец* се означава малко количество, но се подчертава ‘уважение’ към хляба, срв. също *братче* и *братец* (в народните песни се пее за *братец* и *сестрица*), *градче* и *градец*, *човече* и *човечец* и пр. При умалителни като *ветрец*, *снежец*, *дъждец* и др. образувани от названия на природни явления, се подчертава малко количество, но се изразява и лично отношение, напр.

Всеки ден редей гората,
рони сух листец.

Скоро ще покрий земята
пухкав бял снежец. (Кирил Христов)

3.3 Същото разграничаване се наблюдава и при производните със суфикс *-ичка* и *-ица*: *сестричка – сестрица, водичка – водица, ръчишка – ръчица*. Съществителните с формант *-ица*, сравнявани с производните на *-ичка* (главица – главичка, тревица – тревичка), по-определено подчертават емоционално отношение, особено когато са образувани от названия на предмети, близки до природата и човека – *водица, речичка, пръчица, тревица, горица*. Деминутивите със сложния формант *-ичка* (от *-икъка*) определено изразяват физическа умалителност. Емоционалният елемент при тях не се изключва, но не е по-силно изявен в сравнение с умалителните с наставка *-ица* (*-чица*), за да се определят като „пре-умалителни“. При изследването им основателно се отбелязва, че „тези със суфикс *-ичка* имат предимно първично умалително значение, докато умалителните със суфикс *-ица* изразяват най-често емоционалност“ (Димитрова 1959: 300).

Изразяването на субективно отношение от умалителните имена е обусловено от семантиката на произвеждащата дума. Например при свързването си със соматизми и названия на части на растения суфиксът *-е*

(-че, -ле) оформя умалителни имена като *вратле, зъбче, гръбче, краче, носле, пръстче; клонче, цветче, стръкче, дръвче* и др., които изразяват галовно-ласкателно отношение, докато производните от названия на лица (според професията им) или на резултати и постижения от дейност, изразяват предимно иронично и пренебрежително отношения: *адвокатче, докторче, офицерче, полицайче, професорче; романче, дипломка, службица* и др.

4 Важно свидетелство за семантичния развой и за функцията на „формално“ умалителните имена е способността им да се отнасят към предмети, чиито названия съдържат номинационен мотив, различен от „деминутивността“.

4.1 Лексикализацията на деминутивите е свързана с тяхната номинационна функция, която ги характеризира като лексикални единици. По своята формална структура те са производни и в синхронен план отразяват мотивационно отношение, характерно за деривационна двойка, но различно от модификацията. Това дава основание при изследването им да се разграничават „умалителни форми“ и лексикализирани производни думи, при които „умалителността присъства, без да е основен номинационен мотив“ (Зидарова 2005: 601). В тези случаи обаче се взема под внимание типът на ономазиологичната структура. Деривационното отношение между *небе* и *небце, език* и *езиче, карта* и *картичка* (бълг); *крыша* ‘покрив’ и *крышка* ‘капак, капачка’, *труба* ‘тръба’ и *трубка* ‘лула, слушалка’, *шляпа* ‘шапка’ и *шляпка* ‘глава на гвоздей’ (рус.) и пр. не се характеризира като модификационно. Значението на производните формации може да се обясни като резултат на семантична деривация, когато се употребява и съответно деминутивно название, напр. *картичка* ‘малка карта’ и *картичка* ‘картонче с илюстрация от едната страна за отворено писмо’, *плочка* ‘плоча с малки размери’ и *плочка* ‘малка керамична плоча за облицовка на стени или подове’, *книжка* ‘книга с малки размери’ и *книжка* ‘официален документ с форма на малка книга’. Често в основата на неговата мотивация лежи метафората, основана на сходство, прилика, функционална общност и пр.

4.2 За разлика от структури като *врабче, добиче, сърце, овца* и др., които с течение на времето са заличили връзката си със съответната произвеждаща дума, лексикализираните „формални деминутиви“ имат неумалителни корелати, с които се свързват семантично, но не са производни от модификационен тип. Тяхното значение е резултат от вторична номинация и не се базира единствено на семантичния компонент „умалителност“. При тях се пази съответната „неумалителна“ мотивираща дума, но

деривационната връзка е по-богата, тъй като производната дума означава субстанция, чиято семантика не се изчерпва с признака „умалителност“. Наличието на лексикализирани деминутиви е характерно за всички славянски езици, като според някои изследователи броят им в сръбски език е по-голям в сравнение с българския език (Bagasheva-Koleva 2014: 625).

5 Като производни формации, деминутивите дават възможност за изследване на деривационния потенциал на славянските езици в сравнителен план, за обобщаване на общи и различаващи ги особености. За мястото, което те заемат в лексикалната система на съвременните славянски езици, както и в техния исторически развой, свидетелства деривационният инвентар, използван за тяхното образуване. Във всички славянски езици най-често използваните суфикси са резултат от промените, свързани с развоя на праславянския консонантен суфикс *-k-*, характерен за образуване на умалителни имена, чиято деривационна функция е съпроводена с абсорбиране (свързване) на тематичните вокали, най-вече на двете ерови гласни, а също и на палатализациите на веларния консонант *-k-* → *-č* (č) → *-ц* (c) (Sławski 1974: 77–83). Най-много форманти, специализирани за образуване на деминутиви, са свързани с морфемата *-k(a)*, чиято функция е затвърдена от нейните аломорфи при свързването ѝ с произвеждащите основи – *-ъка*, *-ъка*, *-ікъ*, *-ъкъ*, *-ъкъ*. Деминутивната функция на *-k(a)* е сред най-рано засвидетелстваните, като образуванията *kostryka*, *myszka*, *kletzka*, *babzka*, *leszka*, *tetazka* (Sławski 1974: 94) в синхронен план не се възприемат като деминутивни.

Своеобразие показват словообразователните средства не само поради отразяване на резултатите от извършените фонетични промени, но и поради особеното им свързване със словоформите на произвеждащите думи. Например в български език прилагателните като *веселка*, *вълненка*, *новка*, *шаренка*, *хубавка* и др. се оформят със суфикс *-к-*, който не се свързва с основната мъжколична форма, а с всички останали, като изисква съответно окончание за род и число, напр. облича нещо *вълнено*; купува *евтинко*, но *хубавко*; винцето беше *киселко*, хорцето беше *веселко* и пр.

Известно е, че умалителните суфикси в някои случаи се свързват само с формите за множествено число (очици, зъбки, чорапки, сандалки), като при съществителните от типа *листец*, *градец*, *ветреци*, *цветеци* множествените форми са *листовци*, *градовци*, *ветровци*, *цветовци*, *греховци* и пр. Според Л. Андрейчин, окончанието *-овци-е* „стои във връзка с окончанието за мн. число на изходните еднолични съществителни *-ове*, което се преплита по един своеобразен начин с умалителна наставка“ (Андрей-

чин 1978: 114). Това „своеобразно преплитане“ според П. Пашов е лесно обяснимо, „ако се възстанови“, т. е. ако се признае статутът на *-ов-* като *наставка*, а окончанието ще бъде само *-е*“ (Пашов 2005: 409).

6 Обща особеност, характерна за деривационните средства, специализирани за образуване на умалителни имена, е тяхната полифункционалност, изразена в способността за оформянето на производни структури от различни словообразователни типове и категории.

6.1 Суфиксът *-к(а)* е запазил функцията си за образуване на деадективни съществителни (*nomina attributiva*), напр. *белка*, *синка* (българ.), *borowka*, *jalówka* (пол.); *nomina actionis* – *доставка*, *справка*, *поправка*; *nomina instrumenti* – *дръжка*, *мярка*, *цедка* и пр., за да се оформи като изявен полифункционален формант. Суфиксът *-ка* се включва в състава на сложния формант *-ичка* (икъка), който се свързва с основи на женсколични съществителни за специално подчертаване на физическа умалителност: *рекичка*, *ръчичка*, *сестричка* и пр.

Полифункционален е и суфиксът *-ица*, с който освен деминутиви се оформят още женсколични имена като *лисица*, *лъвица*, *вълчица*, *патица*, а при свързването му с деадективни основи – *nomina attributiva*: *десница*, *горница*, *тъмница*, *яловица* и пр.

6.2 Суфиксът *-е* (от стари основи), преструктуриран в *-че* чрез свързването си с основния консонант *-ч-* след палатализация на *-к-* (облак – облаче, вълк – вълче, камък – камъче, крак – краче, но също брат – братче, стол – столче), и в *-ле*, след свързването си с основния консонант *-л-* (орел – орле, петел – петле, котел – котле, а също брат – братле, нос – носле) е особено продуктивен при оформянето на деминутиви от мъжколичните съществителни. Част от образуванията с него по-ранни названия като *момче*, *момиче*, *врабче* и др. постепенно са загубили връзката си със съответната произвеждаща дума и заедно с това изразяването на признака ‘умалителност’. Това прави възможно свързването им със суфикс *-енце* за образуване на умалителни като *врабченце*, *момиченце*, а също *дете* – *детенце*, *теле* – *теленце* и др. В изследванията обикновено тия производни се разглеждат като „преумалителни“, но мисля, че по-скоро изразяват субективно отношение, а освен това произвеждащите вече не се осъзнават като умалителни. По-особена е функцията на суфикса *-че* при образуването на названия със значение ‘малко дете, бебе’, които не са модификационни и не се образуват само от съществителни имена. Те са широко разпространени в българските диалекти: *сукълче*, *кърмаче*, *пеленаче*, *кошулка̀рче*, *кошу̀лче*, *кърмилниче*,

лехусниче, младѐнче, млекàрче, млѐчниче, цицàлче, поризàче, развивàлче, едномѐсече, еднoдѐниче, единàче, едини́че, дъртàвче, мизимче и др. (Холиолчев 2012).

Функцията на суфикса *-че* при образуването на жителски названия на лица, възприемани като млади същества, има известно отношение към интерпретирането на модификационните структури за номинация на лица от женски пол. В изследванията обикновено се посочва, че суфиксът *-че* се свързва с мъжколични съществителни, включително производни със суфикс *-ин* и *-ец*, но при образуване на жителски названия производните може да се свържат директно с обща произвеждаща дума, без да се извеждат от мъжколичните съществителни, и да се характеризират с двупосочна мотивация:

българин	словенец	софиянец
България – българка	Словения – словенка	София – софиянка
българче	словенче	софиянче

7 Подчертаната конотативна маркираност на деминутивите, в която се отразява и изразеното отношение на номинатора, вариращо между положителния и отрицателния полюс на емоционалната ска̀ла, обуславя наличието на особености, които характеризират деминутивите, като определят включването им в лексикалната система, моделирането на категориалните им значения, функционирането им в отделните стилове, вкл. използването в художествените произведения за деца, ролята им за изграждане на речевата дейтелност у децата и пр.

7.1 Специално внимание заслужава функционирането на умалителните имена с оглед на определените от социолингвистиката *регистри*, при което се обособява „речта на възрастните към децата“ като опростен *регистър*, чиято повишена експресивност намира израз в по-честата употреба на деминутиви и хипокористични елементи (Стоянова 2005: 805). Като се опира на сравнително изследване върху руски и испански език, Ю. Стоянова разглежда ролята на деминутивите при подпомагане на езиковото развитие у децата чрез процеса „усложняване на формата – опростяване на парадигмата“. Авторката интерпретира деминутивите като *лексикални вариации* на техните неумалителни съответствия и приема, че „високият процент на деминутиви в речта на възрастните към децата подпомага овладяването на българския език“ не чрез опростяване на именната парадигма, а „чрез приобщаване на децата към един от основните принципи за изграждане на езиковата структура във флективните езици: вариране на морфемния състав, което води до повече

или по-малко значима промяна на лексикалното и/или граматичното значение на думата“ (Стоянова 2005: 817). Освен това деминутивите, които възрастните използват в речта си към децата, стимулират овладяването на трудни за децата сегменти като среднословни консонантни съчетания или морфонологични редувания. На практика чрез тяхната употреба децата се въвеждат в „словообразователната структура на съществителните имена“ (Стоянова 2012: 254–255).

7.2 Особено е значението на употребяваните в литературата за деца умалителни имена, чиято функция не се изчерпва с обогатяване на потока от входни езикови данни. В творбите за деца се отразява авторовото съзнание за навлизане в детския свят, в който определено място заема приказното. В него доминират изразено отношение и усет към доброто и красивото, без да отсъства осъждане на негативното и грозното. Деминутивите съдържат ясно изразена конотативна характеристика, често неотделима от физическата ‘умалителност’. Например в творбата „Птиче в клетка“ са употребени много деминутиви за израз не само на умалителност, напр:

Що не пеш мила <i>птичко</i> ,	Трепна <i>птичето</i> с <i>крилцата</i> ,
Що <i>потрепваш</i> тъй с <i>крилца</i> ?	блъсна в пречките <i>челце</i>
Ето, тук си имаш всичко	и изхвъркна му душата,
и <i>водица</i> , и <i>зрънца</i> .	стихна <i>мъничко</i> сърце.

(Емануил Попдимитров)

При това поетът специално подчертава, че това са думи за субективно отношение: „тъй говореше детето // с *нежни, ласкави* слова“.

На друга идея са подчинени деминутивите, употребени в творбата „Добрите стопани“:

Край *речица* на *полянка* Мързелан и *Мързеланка* си живеели в *къщурка*, ниска като костенурка. Ала дъжд ли се извие, *къщичката* ще ги скрие, зимна буря ли завее, вкъщи ален огън грее...; Имали си те *козица*, с бяла пухкава *брадица* и на кривите *рогчета* с две пиринчени *звънчета*...; Вълчо срещнал *сам-самичка* просълзената *козичка*...; ... че си нямат ни *козица* със *рогчета* и *брадица*, нито въже, нито хурка, нито *нисичка къщурка*... (Асен Разцветников).

Чрез използваните умалителни структури се изразяват ирония и сарказъм към безотговорните стопани и незначителността на тяхното безлично съществуване. Внушава се уважение към грижовността и трудолюбието. Не отсъства и нежно-гальовното отношение, изразено със съществителните *козица, козичка, брадица, рогчета, звънчета*.

Специално внимание заслужава ролята на деминутивите за постигане на особено поетично звучене, римуване и ритмичност, които способстват за по-лесното запомняне и възпроизвеждане на текстовете от страна на децата.

7.3 По-особена и многоаспектна е ролята на деминутивите в художествената литература, когато се изразява връзка между ‘умалителността’ и изграждането на психологическа гледна точка, отразяваща художествената концепция на автора. Като се опира на постулираната идея, че „разговорната реч като естествена среда на деминутивите позволява те да бъдат използвани в художествената литература, а оценъчният им характер дава възможност за изразяване на субективно отношение“, Ю. Стоянова анализира няколко творби на българския писател Павел Вежинов. Изследването на разликата във функционирането на умалителните в глаголната (VP) и съответно в именната (NP) фраза дава възможност да се открие модалността, маркирана в групата на глагола, за да се обобща, че „деминутиви в глаголната фраза се появяват, където перспективата на разказа се измества, като гледната точка на „всезнаещия автор“ отстъпва пред тази на друго съзнание“ (Стоянова 2014: 54).

Високата модализираност, която обединява различните стилистични подходи при изразяването на гледната точка, се определя от авторката като израз на ярката субективност на разказването. Чрез умалителността в рамките на NP се подчертава субективността при назоваването на обектите от страна на автора на речеви акт т. е. изразява се оценъчност, докато в глаголната (VP) умалителността „маркира епистемичната модалност, подчертавайки дистанцията спрямо разказаното“ (Стоянова 2014: 58).

8 Независимо от аспектите, от които се разглеждат деминутивите, от използваните при това методи и термини, от изучаването им в отделен език или в сравнителен план, наличието и употребата им във всички славянски езици остава важно свидетелство за тяхната способност да вербализират семантичната категория ‘умалителност’, като при това се използват не само деривационни средства, и да показват широкоспектърност на своята реализация, тясно обусловена от възможността им да изразяват субективно отношение чрез конотационните си параметри.

ЛИТЕРАТУРА

Любомир АНДРЕЙЧИН, 1944, 1978: *Основна българска граматика*. I изд. 1944; II изд. 1978. София: Изд. „Наука и изкуство“. 99–104.

Mariya BAGASHEVA-KOLEVA 2013: The case of lexicalized diminutive nouns in some Slavic languages. *Езици на паметта в литературния текст. Доклади от годишна конференция на факултет „Славянски филологии“*. София: Софийски университет „Св. Климент Охридски“. 619–626.

А. В. БОНДАРКО 1998: *Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы)*. Язык и речевая деятельность. Т. 1. Санкт-Петербург.

Милка ДИМИТРОВА 1959: Умалителните имена в книжовния български език. *Известия на Института за бълг. език*, кн. VI. 263–319.

Ваня ЗИДАРОВА 2005: Лексикализация на деминутиви в съвременния български книжовен език. *Littera scripta manet*. Сборник в чест на 65-год. на проф. дфн Василка Радева. София: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“. 601–608.

Боримир КРЪСТЕВ 1976: *Умалителността в българския език*. София: Народна просвета.

Дамян МИТЕВ 2012: *Категорията на възрастта в аспекта на номинативната дейност на езика*. (на материалите на руского и българского езиков). Велико Търново.

Иван МОМЧИЛОВ 1868: *Грамматика на новобългарския език*. Русчук.

Борис ПАРАШКЕВОВ 2005: Генетично-типологични особености в резултат на морфологично реанализирани множествени форми за среден род в български и немски. *Littera scripta manet*. Сборник в чест на 65-год. на проф. дфн Василка Радева. София: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“. 398–406.

Петър ПАШОВ 2005: „Волни съчетания“ на морфемите при именното словообразуване и формообразуване в българския език. *Littera scripta manet*. Сборник в чест на 65-год. на проф. дфн Василка Радева. София: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“. 407–421.

Василка РАДЕВА 2007: *В света на думите. Структура и значение на производните думи*. София: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“. (Университетска библиотека № 471).

Franciszek SŁAWSKI 1974: Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. – *Słownik prasłowiański*. Tom I. A–B. Pod redakcją Franciszka Sławskiego. Ossolineum. PAN. Komitet językoznawstwa. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk. 43–141.

Юлияна СТОЯНОВА 2005: Функции на деминутивите в речта на възрастните към децата. – В: *Littera scripta manet...* София, с. 804–820.

Юлияна СТОЯНОВА 2012: Деминутиви в общуването между възрастни и деца: стимулиране на ранното фонологично развитие. *Езикът Наука и практика*. Юбилеен сборник по повод 65-год. на проф. Мария Грозева-Минкова. София: Нов български университет. 239–258.

Юлияна СТОЯНОВА 2014: Деминутивите: изразяване на психологическа гледна точка в белетристиката на Павел Вежинов. *Език и литература* 1–2, 37–59.

РЕЧНИЦИ

БЕР 1971, 1999: *Български етимологичен речник*, т. I (1971). Ред. Вл. Георгиев и др., т. V (1999), отг. ред. Ив. Дуриванов. София: Изд. на БАН.

ИДРБЕ 2012: *Идеографски диалектен речник на българския език*. т. I, А–Д. Гл. ред. В. Радева. София: Български бестселър.

Христо ХОЛИОЛЧЕВ 2012: Холиолчев Хр., М. Младенов, Л. Радева. *Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник*. София: Изд. Изток-Запад.

SUMMARY

Diminutives in their Relation to the Category of ‘Diminutiveness’

The semantics of diminutives and their functioning are presented as a linguistic realization of ‘diminutiveness’ in its capacity of a cognitively organized paradigm. From an onomastic perspective diminutives reflect the categorization and naming of facts from reality which are understood in terms of quantitative relations.

Being derived structures, they make it possible to explore the derivational potential of a certain language, which allows generalization of common and distinctive peculiarities of the individual Slavonic languages.

Attention is drawn also to their lexical semantics, which is based on the feature of ‘diminutiveness’ but is not exhausted by it, because this semantics connects it with or separates it from the ‘emotional component’ in peculiar ways. The formation of diminutives from different parts of speech makes it possible to mark ‘diminutiveness’ from a different aspect.

Their distinct connotative markedness, which reflects also the nominator’s definite attitude, varying between the positive and negative poles of the emotional scale, is responsible for the presence of peculiarities which characterize diminutives by determining their inclusion in the lexical system, the modelling of their categorial meanings, their functioning in different styles, including their usage in children’s literature, as well as their role in developing children’s speech activity, etc.

SERGUEI SAKHNO

Université Paris Ouest Nanterre, France, ssakhno@u-paris10.fr

Славянские уменьшительные суффиксы в диахронии: спорные случаи и словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками

Обще-сл. *отъсь (< *ot-ĭk-os) образовано суффиксом *-ĭk-, причем возможно, что с уменьшительным значением; однако этот суффикс мог иметь иное значение (типа маркера адъективирования, ср. фр. разг. *paternel* ‘отцовский’ в значении ‘отец’). Если считать, что обще-сл. *sъlnьse (основа *sulnĭko- содержит в диахронии уменьшительный суффикс *-ĭk-, то это аналогично народно-лат. уменьшительной форме *soliculus* (от лат. *sol*) ‘солнышко’, что объясняет фр. *soleil* ‘солнце’ – но семантика уменьшительности неочевидна даже в диахронии. Проанализированы и семантически более сложные соответствия – такие как уменьшительные формы общеславянского *oko – в их разных значениях, ср. рус. *очко*, учитывая, например, что рус. *очки* изосемантично с точки зрения уменьшительности фр. слову *lunettes* ‘очки’, которое диахронически является деминутивом (от фр. *lune* ‘луна’).

PSl *otъсь (< *ot-ĭk-os) was built with a suffix *-ĭk- probably having a diminutive sense (‘little father, daddy’); but *-ĭk- may be an adjectivizing suffix (cf. French colloquial *mon paternel* ‘my father’). If PSl *sъlnьse ‘sun’ is supposedly from *sulnĭko-, with a diminutive suffix *-ĭk-/-ik-, it may be analogous to the origin of French *soleil* ‘sun’ – but diminutiveness is semantically more than problematic, even in diachrony. Other Slavic-Romance diachronical derivational matches are to be analyzed, some of them being semantically rather complex, cf. PSl *oko, R *oko* ‘eye’ compared to their diminutives, Russian *očko* in their different meanings (< in diachrony ‘little eye’), R *očki* ‘optical glasses’: the latter is similar to Fr *lunettes*, a diminutive in diachrony (< *lune* ‘moon’).

Ключевые слова: словообразование, уменьшительность, суффиксация, славянско-романские параллели

Key words: derivation, suffixation, diminutiveness, Slavic-Romance parallels

Роль славянских уменьшительных суффиксов в диахронии давно известна, прежде всего в области существительных, и в целом она хорошо изучена (Meillet 1934: 361, Vaillant 1974, Трубачёв 1974–2013, Grandi 2014). Однако, особенно на уровне реконструкции общеславянской лексики, многие моменты остаются не совсем ясными или даже спорными. Это проявляется в частности в русских этимологических словарях, когда нередко общеславянский этимон того или иного слова признается деминутивом в одном словаре (Фасмер 1986), но деминутивность оспаривается в другом словаре (Черных 1993). Наиболее трудным оказывается семантический аспект: например, если считать, что обще-сл. **sьrdьce* – деминутив (т. е. **sird-ik-o* от **sьrdь*), как семантически обосновать эту деминутивность? Иногда признание или непризнание деминутивности связано с этимологизацией: так, (Фасмер 1986) оспаривает связь обще-сл. **želqđьсь*, **želqđькь* ‘желудок’ с обще-сл. **želqđь*/**želqđь* ‘жёлудь’, предлагая иную этимологию (и тем самым деминутивность исключается), в то время как для (Черных 1993) эта связь ясна (сходство между жёлудем и желудком рыб, птиц или с жёлчным пузырем) и деминутивность в диахронии неоспорима¹.

При этом исследователю следует избегать прямолинейных и некритических выводов. Как справедливо показывает С. Менгель (Менгель 2010, 2014), диахронный подход к славянскому словообразованию требует последовательности и системности. Критерий системности в семантической реконструкции (в сочетании с мифологическими, социально-историческими и иными данными) наиболее важен (Benveniste 1969, Mallory, Adams 1997), но на практике применяется недостаточно последовательно.

В ряде спорных случаев могут помочь словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками, но и к ним следует подходить с осторожностью и системно. Кроме того, не всегда ясно, является ли деминутивность общеславянского этимона исконно славянской или же это результат древней кальки (ср. обще-сл. **туъса* ‘рука, плечо, мышца’ и лат. **mūsculus* ‘мышца’).

¹ По (Vaillant 1974), связь с ‘жёлудь’ есть, но деминутивность менее очевидна, и семантическое обоснование суффикса предлагается несколько иное (первоначальное сингулятивное значение: **želqđькь* ‘жёлудь’ < **želqđь*/**želqđь* ‘сбор желудей’, ‘желуди как корм’). Заметим, что здесь может помочь и важная этимологическая параллель с рус. *гланда* ‘небная миндалина; железа’, от фр. *glande* < лат. *glans*, *glandis* ‘жёлудь’ < и.-е. **g^welh_a-* ‘жёлудь’.

1 ОБЩЕ-СЛ. *МУЅЬСА, *МУЅЬКА 'РУКА, ПЛЕЧО, МЫШЦА'

Исследователю-этимологу кажется очевидным сходство между обще-сл. *мужьса, *мужька 'рука, плечо, мышца' (от *мужь 'мышь') и лат. *mūsculus* = *mūs-cul-us* 'мышца' (< **mūs-tl-o-*), явным деминутивом от лат. *mūs* 'мышь' (Ernout, Meillet 1951). Ср. рус. *мышца*, *мышка* (в выражении *под мышкой*) и рефлексы лат. *mūsculus* как книжного заимствования в европейских языках (англ., фр. *muscle*, рус. *мускул*, и т. д.).

По данным (Трубачёв 1974–2013), вряд ли это результат древней кальки с латинского: с одной стороны, обращает на себя внимание богатство общеславянской деминутивной суффиксации (ср. также обще-сл. *мужьна и *мужьница 'мышинный помет'; мышеловка; мышьяк'; 'рука, плечо, мышца, подмышка'), а с другой стороны, немаловажна стойкая полисемия (так, рефлексы обще-сл. *мужька сохраняют разные значения в современных славянских языках и диалектах: 'мышь, мышка'; 'рука, плечо, мышца'; 'стебель, ветвь, отрасль; опухоль, желвак под кожей у животных', и др.). Обращают на себя внимание факты двойной суффиксации (цслав. *мышьчица* 'рука') и частичное совпадение с деминутивной суффиксацией от общеславянского *тъха 'муха' и от гипотетически реконструируемого *мужь 'насекомое, мошка' : *мужьса 'насекомое, мошка, мушка', *мужька 'насекомое'².

В других индоевропейских языках есть похожая деминутивная суффиксация (ср. др.-инд. *mūṣikā* 'мышка' и 'мышца', от *mūṣ* 'мышь'), но она не обязательна, и часто наблюдается лишь семантическая деривация: греч. *mūs* 'мышь', 'мышца', 'мидия (моллюск)', 'вид рыбы'; др.-исл. *mūs* 'мышь', 'мышца'; др.-в.-нем. *mūs* 'мышь', 'мягкая часть большого пальца; мышца плеча, руки'³. Однако значение 'мидия (моллюск)' связано с деминутивной суффиксацией в греч. *mytilos* 'мидия (моллюск)' < *mūs* 'мышь; мидия (моллюск)⁴.

Если предполагать дославянскую древность деминутивной суффиксации с реконструкцией типа индо-евр. **mūs-tlo-* 'мышка' и 'мышца' (Mallory, Adams 1997), то нельзя не учитывать лат. *mūstē(l)la* = *mūs-tel-a* 'ласка' и

² Что аналогично лат. *muscula* 'мушка, мошка' < лат. *musca* 'муха'.

³ (Трубачёв 1974–2013) указывает, что редко обще-сл. *мужь 'мышь' может иметь значение 'мышца': срб.-хрвт. *миш*, в.-луж. *муж*. Однако ныне это значение является, видимо, устарелым или узко диалектным в данных славянских языках (мы искренне благодарим коллег за это уточнение во время конференции).

⁴ Ср. также фр. *moule*, англ. *mussel*, нем. *Muschel* 'мидия (моллюск)' от лат. *mūsculus* 'мидия (моллюск)', явно связанного с *mūsculus* 'мышка' < *mūs* 'мышь'.

гипотетически ‘род миноги или угря’ (< лат. *mūs* ‘мышца’), что сходно с обще-сл. **myslь* = **mys-tl-ь* ‘белка’ > др.-рус. *мыс(л)ь* ‘белка’.

Семантическая нетривиальность перехода ‘мышь, мышка’ > ‘рука, плечо, мышца’ вызывает споры, но переход объясним (некоторое сходство двигающегося под кожей мускула предплечья с мышью, а также с некоторыми видами рыб или моллюсков) и не является семантически уникальным, ср. лат. *lacerta* ‘ящерица’ (> фр. *lézard* ‘ящерица’, исп. *lagarto* ‘ящерица’ > *el lagarto de Indias* > *alligator* ‘аллигатор’) и лат. *lacertus* ‘мышца плеча, руки’ (возможно, родственное англ. *leg* ‘нога’), фр. *souris d’agneau* (букв. «мышь барашка») ‘мясистая часть бараньего окорока’.

Сложнее семантически обосновать древнюю (видимо, общеиндоевропейскую и дославянскую) суффиксальную деминутивность индо-евр. **mūs-tlo-* ‘мышца’. Вряд ли следует понимать ее прямолинейно (если учитывать, что мускул предплечья человека массивнее тела мыши): нужно скорее рассматривать ее как маркер семантического перехода, что схоже с известными во многих языках фактами деминутивной суффиксации типа рус. *спина (человека)* > *спинка (стула, кресла)*, фр. *cheval* ‘конь’ > *chevalet* (букв. «конёк») ‘любая техническая, строительная подпора (в том числе мольберт, опора моста, и т. д.)’.

2 ОБЩЕ-СЛ. **отьсь* ‘ОТЕЦ’

Является ли обще-сл. **отьсь* (ср. рус. *отец*, поль. *ojciec*, чеш. *otec*, словк. *otec*, с.-хорв. *otac*, словн. *oče*, в.-луж. *wótc* и т. д.) деминутивом с уменьшительным суффиксом **-ĭk-* (< **ot-ĭk-os*)? Вопрос давно вызывает споры (Трубачёв 1959), и признание деминутивности нередко сочетается с подчеркиванием факта, что общеславянский не обозначает отца корнем, связанным с общеиндоевропейским **ph_ater* ‘фактический и юридический отец, отец как глава семейства’, как в лат. *pater* (ср. *pater familias*), греч. *patēr*, нем. *Vater*, англ. *father*, что якобы соотносимо с идеей отсутствия у древних славян четкой юридической организации (Meillet 1934). Но зато важным рефлексом общеиндоевропейского **ph_ater* выступает обще-сл. **stryjь* ‘дядя со стороны отца’. Без суффикса обще-сл. основа **оть* (ср. греч. *atta*, гот. *atta* ‘отец, папа’, лат. *atta* ‘дед’) наблюдается в ст.-слав. *отнь* ‘отцовский’, русск. диал. *безотной* ‘не имеющий отца’.

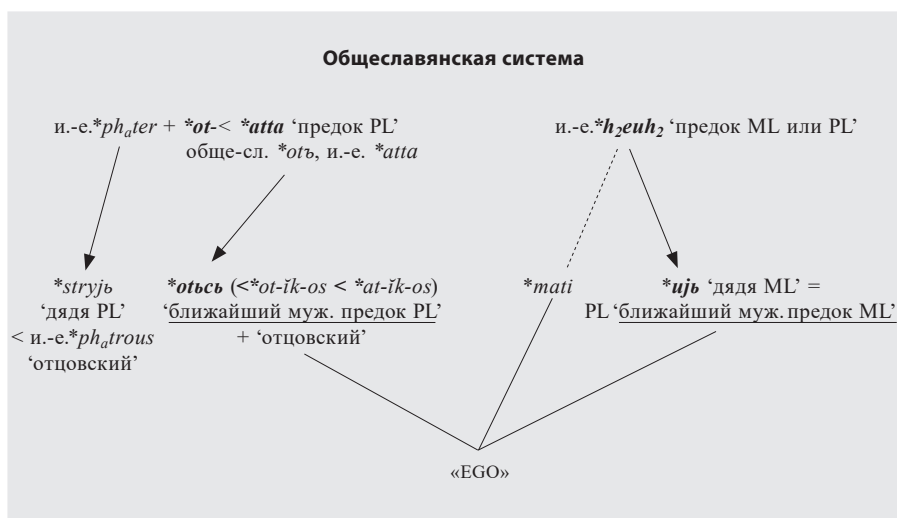
Согласно (Трубачёв 1959), суффикс **-ĭk-* нужно здесь скорее рассматривать как маркер адъективирования, чему есть немало общеиндоевропейских параллелей, ср. греч. *Attikē* ‘Аттика’, букв. ‘отцовская (страна)’

< *attikos* < **att-i(l)ko-s* < *atta* ‘отец’; др.-в.-нем. *eninchildi* ‘внук’ < ‘дедов’ (др.-в.-нем. *ano*, нем. *Ahn* ‘дед, предок’); литовск. *broli-ika-s* ‘племянник по брату, сын брата’ < ‘братьев’ < *brolis* ‘брат’. Сюда же можно добавить фр. разг. *paternel* ‘отцовский’ в значении ‘отец’.

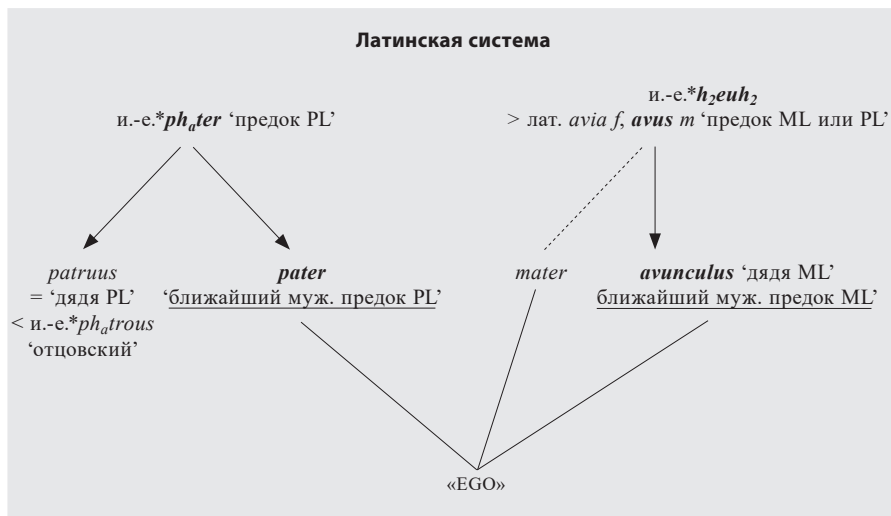
Обращают на себя внимание обще-сл. **synovьsь* ‘сын брата’ и факты новой деминутивной суффиксации типа польск. *ojcieńko* ‘папочка’.

Но, учитывая сложную типологию индоевропейского родства («патри-авункулат»⁵, Mallory, Adams 1997) и важную словообразовательную параллель с лат. *avunculus* (<**avu-n-tl-os*) ‘дядя со стороны матери’ (> англ. *uncle*, фр. *oncle*, нем. *Onkel* ‘дядя’), уменьшительный дериват от *avus* ‘дед со стороны матери, предок’, мы предлагаем иную гипотезу, совмещающую адъективирование с уменьшительностью.

Схематически общеславянская система аналогична и частично симметрична латинской (PL: патрилинейность, ML: матрилинейность):

⁵ В системе индоевропейского родства по принципу «авункулата», дядя со стороны матери мог играть роль «квази-отца, особо близкого к ребенку», в отличие от концепта «фактического юридического отца» (**phater*). Эта роль как бы проецируется на обще-сл. **otъ* ‘предок’: и в **otьsь* строится концепт «фактического отца, особо близкого к ребенку».

Таким образом, в этом структурно-семантическом представлении обще-сл. **otъьь* (< **otъьь* 'предок PL') интерпретируется и в плане адъективирования как аналог **stryъьь* 'дядя PL' < 'отцовский'), и в плане деминутивности как концепт «фактического отца, особо (аффективно) близкого к ребенку» – то есть как смысловой аналог обще-сл. **ujъьь* 'дядя со стороны матери' в роли «квази-отца, особо близкого к ребенку», в отличие от концепта индоевропейского «фактического юридического отца без указания на аффективную близость к ребенку» (**phater*).

3 ОБЩЕ-СЛ. **sъььььь* 'СЕРДЦЕ'

Семантически обосновать древнюю суффиксальную деминутивность обще-сл. **sъььььь* < **sъььььь-ik-o* < **sъььььь* сложно. Этимон мог быть и без суффикса: ср. старосл. *милосъьььььь*, рус. *милосердный, сердобольный*. Если учитывать словообразовательные параллели с лат. *corculum* и *corcillum* 'сердечко', деминутивы от *cor, cordis* 'сердце', то гипокористика кажется вероятной гипотезой.

Однако возможен иной семантический механизм, и деминутивность нужно скорее рассматривать как маркер семантического перехода в связи с необходимостью семантической дифференциации или же с необходимостью подчеркивания некоторого признака: так, лат. *corcillum* значило не только 'сердечко', но и 'рассудок, душевные качества (переносн.)'.

Можно в частности предполагать, что обще-сл. **sьrdь* совмещало значения 'сердце' и 'середина', что вызывало необходимость семантической дифференциации, то есть: **sьrdь* 'сердце + середина' > **sьrdьce* 'малое (самое) сердце' / 'малая (самая) середина' («the very heart / the very middle») или 'середина, наиболее близкая к человеку и концентрирующая его жизненную силу, а также его рассудок, душевные качества'.

Сходные семантические механизмы наблюдаются в рус. (истор.) *Малая Русь* 'историческое сердце, исторический центр Руси', рус. *малая родина* 'конкретное место, где родился и вырос человек', рус. *сосредоточить* = *со-сред-о-точ-ить*, рус. *попасть в яблочко* (но не в **яблоко*), а также во фр. *Paris intra muros* 'Париж в стенах, т. е. малый (сам, собственно, и т. д.) Париж', *la petite couronne de Paris* 'малая пригородная корона Парижа, почти Париж' – в отличие от фр. *la grande couronne de Paris*, 'большая пригородная корона Парижа, уже не Париж', *la grande banlieue* 'большие дальние пригороды Парижа', *le Grand Paris* 'Большой Париж со всеми его пригородами'⁶.

Ср. также обще-сл. **serda* 'середина' и рус. *среда* с его полисемией по отношению к деминутиву *серёдка* (разг.) и к *середина*, где «возвращение» к конкретной семантике достигается суффиксацией семантически деминутивного или сингулятивного типа.

4 ФАКТЫ ИЗОСЕМАНТИЧНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УМЕНЬШИТЕЛЬНОСТИ:

ОБЩЕ-СЛ. **sьlnьce*, ОБЩЕ-СЛ. **měsьць* И РУС. ЛУНКА 'ЯМКА, УГЛУБЛЕНИЕ; ПРУБЬ ВО ЛЬДУ'

Деминутивность обще-сл. **sьlnьce* <**suln-ik-o*/**suln-ik-o* < и.-е. **seh_aul-*кажется проблематичной, хотя уменьшительный суффикс **-ik-* признается во многих работах (Buck 1949, Фасмер 1986, Mallory, Adams 1997). Это вполне аналогично народно-лат. уменьшительной форме *soliculus* (< **soli-tl-os*, от лат. *sol*) 'солнышко', что объясняет фр. *soleil* 'солнце'.

Все славянские рефлексy **sьlnьce* сохраняют следы этого суффикса: рус. *солнце*, укр. *сонце*, поль. *słońce*, чеш. *slunce*, болг. *слънце*, с.-хорв. *sûnce*, словн. *slónce*, словк. *slnce*, в.-луж. *slonco* – но семантика уменьшительности неочевидна даже в диахронии. Есть и дериваты без суффикса: ср. старосл. *безслъньнь* = *без-слънь-нь* 'лишенный солнечного света'. Новая

⁶ Наоборот, в англ. *hypercenter (of a town)* 'гиперцентр' наблюдается семантический механизм увеличительности.

уменьшительная суффиксация наблюдается в болг. *слънчице*, словн. *slôňčese*, с.-хорв. *sûnašce*, польск. *sloneczko, słonko*, в.-луж. *slončko*, рус. *солнышко*.

Семантика деминутивности может быть связана с концептом «задабривания» (*captatio benevolentiae*), и гипокористика кажется вероятной гипотезой. Но важно, что деминутивность обще-сл. **sълньсе* симметрична вероятной деминутивности обще-сл. **mēsęcь < *mēsen-k-o*, которую подтверждают многие словообразовательные параллели типа литов. *mėnulis* ‘луна’ < уменьшит. от *mėnuo* ‘луна, месяц (как светило и как период)’, польск. *księżyc* ‘луна, месяц’ < уменьшит. от *księż* ‘князь’. Обращают на себя внимание в.-луж. *měsac* ‘месяц как период’ и *měsačk* ‘месяц как светило, луна’, новогреч. *pheggari* ‘луна, месяц’ < уменьшит. от греч. *pheggos* ‘сияние, свет’. Необходимость семантической дифференциации подобного рода может быть основной причиной исторической деминутивности обозначений светил.

Кроме того, данные факты изосемантичны, по нашему мнению, явной деминутивности рус. *лунка* ‘ямка, углубление; прорубь во льду’; ‘стриженная маковка раскольников’, возможного деривата от *луна*. (Фасмер 1986), учитывая рус. диал. *лумка* ‘ямка’, объясняет *лунка* иначе: как заимствование из нем. диал. *Luhme* ‘прорубь’ (слова с неясной этимологией). Но рус. *луночка* (ногтя) < *лунка* ‘серпик’ явно аналогично фр. *lunule* ‘луночка (ногтя)’ < лат. *lūnula* ‘луночка, серпик’ < лат. *lūna* ‘луна’. В основе этих фактов может лежать понятие «ущербности» месяца, связанной с фазами луны. В данной семантической конфигурации значение ‘ямка, углубление’ вполне закономерно:

Далее, принцип изосемантичности прослеживается и в таких деривационно-семантических параллелях с точки зрения уменьшительности, как:

- а) рус. *люнет* ‘отверстие; полукруглая фортификация’ < фр. *lunette* (деминутив) фр. *lune* ‘луна’ < лат. *lūna* ‘луна’;
- б) фр. *lunettes* (деминутив) ‘очки’ < ‘подзорная труба, телескоп’ < круглое зеркало, круглое оптическое стекло’, ‘круглое отверстие’ и рус. *очки* < *очко* ‘круглый значок, точка; узкое отверстие’, которое диалектически является деминутивом (< общеслав. **očьko < *oko*);

- в) рус. *лунка* ‘ямка, углубление; прорубь во льду’ и фр. *oeillet* букв. «глазок» ‘ямка, часть бассейна для добычи морской соли’ < *œil* ‘глаз’ < лат. *oculus* ‘глаз’⁷;
- г) рус. *очко* ‘круглый значок, точка; узкое отверстие’; (рус. арг.) ‘анус’ и фр. *ocelle* ‘круглое пятно на шкуре животного’ < лат. *ocellus* (деминутив) < лат. *oculus* ‘глаз’, а также фр. *œil* ‘глаз’ (арго: ‘анус’) < лат. *oculus* ‘глаз’;
- д) рус. простореч., арг. *очко* (в туалете) ‘унитаз, дыра в сортире’ и фр. *lunette de WC* ‘откидное сиденье для унитаза’.

Следует учитывать и иные славянские факты: болг. *луна* ‘луна’ в сравнении с *луна*, *луничка* ‘веснушка’, *луници* ‘веснушки’ (что может быть связано с пятнами, «щербинками» на видимом диске луны), а также словн. *lunka* ‘колыбель для ребенка, люлька’.

Как итог, следует подчеркнуть важность дальнейшего исследования деривационно-семантических параллелей в диахронии с точки зрения уменьшительности: словообразовательные параллели между славянскими и другими (не)индоевропейскими языками могут помочь лучше понять семантику «малости» (в частности, переход от «малости» к идее «наибольшей близости к субъекту») и семантику деминутива как маркера сложной семантической деривации.

ЛИТЕРАТУРА

- E. BENVENISTE, 1969: *Vocabulaire des institutions indo-européennes*. Т. 1–2, Paris: Minuit.
- D. BUCK, 1949: *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- N. GRANDI, 2014: Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology lexis. *Diminutives and augmentatives in the languages of the world, E-Journal in English Lexicology*, 6. Dir. Livia Körtvelyessy, Pavel Stekauer. <http://lexis.univ-lyon3.fr/IMG/pdf/Lexis_6_-_Grandi.pdf>.
- A. ERNOUT, A. MEILLET, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris: Klincksieck, 1951.
- J.P. MALLORY & D.Q. ADAMS (eds.), 1997: *Encyclopaedia of Indo-European culture*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn.

---

⁷ Лат. *oculus* (ср. рус. *око*) диахронически вряд ли является деминутивом: суффикс *-l-* имеет, видимо, значение «активной субстанции» (Ernout, Meillet 1951.)

A. MEILLET, 1934: *Le slave commun*. Paris: Champion.

С. МЕНГЕЛЬ, 2010: Концепт – ментальность – язык: философия языка В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни в свете современных лингвистических теорий. *Відображення історії та культури народу в словотворенні*. Київ, 165–175.

С. МЕНГЕЛЬ, 2014: Особенности славянского словообразования в диахронно-историч. аспекте. *Slavische Worbildung im Vergleich*. Dir. S. Mengel. Berlin: Lit Verlag, 104–128.

A. VAILLANT, 1974: *Grammaire comparée des langues slaves*. Tome 4. *La formation des noms*. Paris: Klincksieck.

О. Н. ТРУБАЧЁВ (гл. ред.), 1974–2013: *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 1–39. Москва: Наука.

О. Н. ТРУБАЧЁВ, 1959: *История славянских терминов родства*. Москва: Наука.

И. С. УЛУХАНОВ, 1992: Мотивация и производность. *Вопросы языкознания*, 2, 37–67.

М. ФАСМЕР, 1987: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Прогресс.

П. Я. ЧЕРНЫХ, 1993: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: Русский язык.

SUMMARY

Slavic Diminutive Suffixes in Diachrony: Debatable Cases and Derivational Parallels with other I.-Eu. Languages

As commonly assumed, Proto-Slavic **otъсь* (<**ot-ĭk-os*) was built with a suffix **-ĭk-* probably having a diminutive sense ('little father, daddy'); but **-ĭk-* may also be an adjectivizing suffix ('father's one, paternal', cf. French colloquial *mon paternel* 'my father'). Semantically, both explanations can be conflated, if considering I.-Eu. data such as Latin *avunculus* 'maternal uncle', diminutive of *avus* 'grandfather'. If PSI **sъlnьce* 'sun' is supposedly from **sulnĭko-/sulniko-* (probably hypocoristic sense: 'little sun'), it may be analogous to the origin of French *soleil* 'sun' which comes back to a Vulgar Latin diminutive form *soliculus*. In such cases, diminutiveness is semantically problematic, even in diachrony. Other Proto-Slavic forms and Slavic-Romance diachronical derivational matches are analyzed, some of them being semantically rather complex, e.g. P. Sl. **sъrdьce* (< **sĭrdĭko-*), probably a diminutive, compared to Latin *corculum* and *corcillum* 'little heart'.

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
irena.stramljic@um.si*

Glagolske manjšalnice v slovenskem jeziku

V slovenistiki je bilo doslej več pozornosti namenjene samostalniškim manjšalnicam, zato se prispevek osredotoča na glagolske, ki so rezultat glagolske modifikacijske tvorbe. Taki glagoli so vselej zaznamovani in pomensko izražajo dejanje, ki se izvaja v manjši meri od povprečnega oz. običajnega, zato so v odnosu do nezaznamovanega glagola vselej konotativni. Kot regularno tvorbeno razmerje tako prepoznamo sinhrono opozicijo med glagolom, ki izraža običajno dejanje (*stopati* 'delati korake'), in glagolom, ki izraža zmanjšano mero takega dejanja (*stopicljati* 'delati majhne, kratke korake').

Studies of diminutives in the Slovene language have so far mostly focused on nominal diminutives. This study, however, focuses on verbal diminutives which are the result of formation with modification. Such verbs are always marked and express an action which is realized at a lower degree compared to what is expected or usual. For this reason they carry a connotation compared to their non-diminutive alternatives. The regular formation process involves a synchronic opposition between the verb expressing a regular action (*stopati* 'make steps') and the verb expressing such action at a lower degree (*stopicljati* 'make small steps').

Ključne besede: manjšalnica, glagol, semantika, pragmatika, leksikografija

Key words: diminutives, verb, semantics, pragmatics, lexicography

0 UVOD: OD SAMOSTALNIŠKIH H GLAGOLSKIM MANJŠALNICAM

0.1 Manjšalnice, še posebej samostalniške, so prepoznavna pomenska in besedotvorna kategorija že v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja (Majda Merše 2013: 207). Avtorica jih predstavi kot številčno, tvorbeno specializirano in pomensko razraščeno skupino poimenovanj, ki je bila opažena že v Bohoričevi slovnici iz leta 1584 in z zgledi ponazorjena za najrodnejša obrazila vseh treh spolov. Natančno preverjanje besedilne rabe je pokazalo, da gre v mnogih primerih tudi za navidezno manjšalnost, ker gre za sopomenskost (npr. *kmet* = *kmetič*), neredko pa se v iskanju ustrezne oblike pojavljajo tudi vzporedna obrazila (npr. *jezičeč*, *jeziček*, *jezičič*).

0.2 Prav nič drugače ne kažejo pomembnejše slovenske slovnice 19. stoletja (Stramljič Breznik 1999), saj jih vključuje že Vodnik (1811), tudi Dajnkova

slovnica (1824) je polna številnih primerov, Muršec (1847) pa je pri samostalniških prepoznal tudi njihovo stopenjskost.

0.3 Toporišič (Toporišič 2000) je v vseh izdajah svojih slovnice sodobnega slovenskega jezika zbral najcelovitejši prikaz besedotvornih obrazil sploh, tudi takih za samostalniške manjšalnice. Med manjšalnice je mogoče šteti sicer le tvorjenke, ki poimenujejo manjšo mero značilnosti podstave, a so v tej skupini pogosto tudi poimenovanja za mladiča ali nedoraslo in tvorjenke, pri katerih je z istimi obrazili izražen čustveni (pozitivni ali negativni oz. ljubkovalni in slabšalni) odnos govorečega do označevane pojavnosti.

0.4 Pri pomenski razčlenitev samostalniških modifikacijskih priponskih obrazil Vidovič Muha (Vidovič Muha 2011) izpostavi manjšalnice s potencialno pozitivno čustveno naravnostjo kot najprepoznavnejšo pomensko kategorijo. Ugotavlja, da v osemdesetih odstotkih primerov izhaja pomen obrazila iz pretvorbe lastnostnega pridevnika z denotativnim pomenom majhnosti, nedoraslosti in lahko še s konotativnim pomenom čustveno pozitivnega. Druge kategorije s pomenom velik (in še čustveno negativno) so redke.

0.5 Kategorija samostalniških manjšalnic je bila primerjalno predstavljena tudi na gradivu prve izdaje SSKJ in Pleteršnikovega slovarja (Stramljič Breznik 2010). Kot najrodnejše moškospolsko obrazilo tako v Pleteršnikovem slovarju kot SSKJ ostaja še vedno *-ek*, enako stopnjo rodnosti ohranjata tudi obrazili *-ič* in *-c*, vendar je prišlo do opaznega premika pri obrazilih *-ec* in *-ček*, ki sta v sodobnem knjižnem jeziku zamenjala položaj na lestvici drugega oz. četrtega najrodnejšega obrazila.

Primerjava obrazil ženskospolskih manjšalnic z vidika produktivnosti in številna obrazila izkazuje kontinuiteto od konca 19. stoletja do danes. Hkrati pa je v obeh slovarjih še zmeraj najrodnejše tudi srednjepolsko obrazilo *-ce*, medtem ko je v sodobnem knjižnem jeziku *-ece* doseglo tolikšen delež tvorbe, kot so ga imela v Pleteršnikovem slovarju skupno tri obrazila *-iče*, *-ece* in *-e*.

Zbrani podatki za nekatera obrazila nazorno prikazujejo tvorbeno stabilnost znotraj opazovane kategorije na časovni osi dobrih stotih let, a hkrati pojasnjujejo tudi nastanek obrazila *-ček*, ki se je v sodobnem knjižnem jeziku razširil zaradi zmanjšane rodnosti nekoč zelo tvornega obrazila *-ec*.

1 GLAGOLSKE MANJŠALNICE

1.0 Glede na uvodni temeljni oris, ki potrjuje, da je bilo doslej v slovenistiki največ pozornosti odmerjene prav manjšalnicam samostalnikov, ki so tudi

sicer najfrekvenčnejša besedna vrsta, se logično utemeljuje usmeritev tega prispevka na manjšalnice pri glagolski besedni vrsti.

Glagolske manjšalnice so izglagolske glagolske tvorjenke, ki so rezultat modifikacijske tvorbe. Taki glagoli pomensko izražajo dejanje, ki se izvaja v manjši meri od povprečnega oz. običajnega, zato so v odnosu do nezaznamovanega glagola vselej konotativni. Kot regularno tvorbeno razmerje tako prepoznamo sinhrono opozicijo med glagolom, ki izraža običajno dejanje (*stopati* 'delati korake'), in glagolom, ki izraža zmanjšano mero takega dejanja (*stopicljati* 'delati majhne, kratke korake').

2 OBRAZILNA PESTROST GLAGOLSKIH MANJŠALNIC

2.0 V slovenistiki je v okviru t. i. inačenjske izpeljave (Toporišič 2000: 225) kot posebna vrsta glagolske modifikacije (Vidovič Muha 2011: 71–72) posebej omenjena tudi modifikacijska tvorba z imenskimi morfemi pred glagolsko pripono v smislu manjšanja, ljubkovanja, slabšanja oz. pozitivno ali negativno vrednotenega glagolskega dejanja z možnostjo izražati le naklonjenost ali nenaklonjenost do dejanja.

2.1 Prvi avtor (Toporišič 2000: 225) poda najizčrpnější obrazilni nabor manjšalno-ljubkovalnih medpon:¹ *-c-* (otr. *jokcati* 'jokati'); *-ic-* (ekspr. *prestopicati* 'stopicajoč prehoditi'); *-inc-* (ekspr. *krulincati* 'narahlo kruliti'); *-lj-* (*čohljati* 'narahlo drgniti, praskati po koži, zlasti žival'); *-clj-* (*kobacljati* 'kobacati'); *-k-* (otr. *ležkati* 'ležati'); *-ck-* (redko *bodckati* 'delati rahle vbode'); *-uck-* (ekspr. *dremuckati* 'lahno dremati'); *-čk-* (otr. *ajčkati* 'ležati, spat'); *-ik-* (ekspr. *vozikati* 'voziti'); *-ik- se* (*modrikati se* knjiž. 'modrikasto se odražati'); *-ol-* (*gostoleti* knjiž. 'žvrgoleti, peti').

2.2 Druga avtorica (Vidovič Muha 2011: 71–72) eksplicira prislove kot modifikatorje v skladijski podstavi glagolskih modifikacijskih tvorjenk, in sicer gre za kolikostna prislova *malo*, *nekoliko* (*brc-lj-a-ti* ← [nekoliko] brcati, [] → *-lj-*, *brc- -a-ti*; ali *ljubko*, *prijazno*, ki izražata le naklonjenost (*drem-uck-ati* ← [ljubko/izraža naklonjenost] dremati, [] → *-uck-*, *drem- -a-ti*).

---

¹ V tem primeru je seveda napačno govoriti o medponah, saj le-te vežejo najmanj dve predmetnopomenski besedi v podstavi. Pa tudi zadnji zgled z *-ol-* s sinhronega vidika verjetno ni modifikacijske narave.

3 GRADIVNI VIR IN METODOLOŠKI PRISTOP

3.0 Lastnosti glagolskih manjšalnic bomo predstavili na gradivu druge spletne in knjižno dostopne izdaje *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* iz leta 2014 (SSKJ 2), ki je izšla kot dopolnjena in deloma prenovljena izdaja po triindvajsetih letih od izida pete knjige prve izdaje SSKJ. Druga izdaja ohranja prvotno zasnovu, a se od nje razlikuje po dodanih in posodobljenih prvinah s 4521 novimi slovarskimi sestavki in 1517 dodanimi novimi pomeni leksemov, kot so se uveljavili v zadnjih 25 letih. Gradivni vir za dopolnjeno izdajo predstavljata leta 2009 izdana monografija *Novejša slovenska leksika (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri)* in 2012 izdan *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* (Snoj 2014: 7).

3.1 Spletno dostopna verzija slovarja z možnimi iskalnimi pogoji, tj. v našem primeru zvezdica pred želenim glagolskim izglasjem, npr. **ikati*, **cati*, **ljati* ipd., tehnično poenostavlja pridobivanje podatkov, vendar daje tudi množico neustreznih, zato jih je bilo treba ročno pregledati in ločiti relevantne od nerelevantnih. Za nerelevantne je namreč mogoče šteti vse glagole, ki ustrezajo iskalnemu pogoju na formalni, tj. izrazni ravni, ne pa na pomenski. Do homonimije glagolskih izglasij pogosto prihaja, kadar je v podstavnem glagolu soglasnik izrazno enak soglasniku v glagolskem obrazilu. To se pogosto dogaja pri glagolskih izpeljankah, ki so nastale iz medmeta, npr. *bzik-ati* ← *delati bzik*, *buc-ati* ← *delati buc*, ali samostalnika, npr. *goflj-ati* ← *delati z gofljo*, *grabljati* ← *delati z grabljami*; *štoklj-ati* ← *hoditi kot štoklja*.

3.2 Po izločitvi naštetih neustreznih primerov so bile med glagolske manjšalnice, kot je bilo poudarjeno že v uvodu, uvrščene le tiste tvorjenke, ki so imele opozicijo v glagolu z izraženim nevtralnim dejanjem na sinhroni ravni, npr. *jok-c-ati* : *jok-ati*, *pih-lj-ati* : *pih-ati*, *aj-čk-ati* : *aj-ati* ipd.

4 HIERARHIZACIJA GLAGOLSKIH MANJŠALNIH OBRAZIL PO PRODUKTIVNOSTI

4.0 Dosedanji prikazi glagolskih modifikacijskih obrazil (Toporišič 2000: 225) so temeljili na abecedi soglasniške sestavine priponskega obrazila modificiranega glagola. Zaradi popolnih izpisov gradiva se tako prvič ponuja možnost tudi njihove hierarhizacije po produktivnosti. Izpisi iz slovarskega gradiva, ki pa v prispevku zaradi omejene dolžine ne bodo v celoti predstavljeni, omogočajo razvrščati obrazila v tri skupine. Znotraj njih sta dve ekstremni: prvo predstavlja najproduktivnejše priponsko obrazilo z več kot sto pojavitvami in malo ali neproduktivna obrazila z eno do pet pojavitvami, vmesno skupino predstavljajo srednje produktivna obrazila.

4.1 Kot kaže, je najproduktivnejše glagolska obrazilo -ljati (*brcljati*,² *brenkljati*, *cmakljati*, *cuceljati*, *česljati*, *čohljati*, *grizljati*, *hrstljati*, *hrustljati*, *ječljati*, *kobacljati*, *kracljati*, *mahljati*, *mrmeljati*, *mukljati*, *pihljati*, *rezljati*, *repljati*³ 'hoditi tik za kom', *skakljati*, *smukljati*, *srkljati*, *sukljati*, *tolkljati*, *tapljati*, *šumotljati*, *tekljati*, *škrabljati*, *škrtljati*, *trkljati*², *trepetljati*, *tresljati*, *vohljati*, *vihljati*, *žvižgljati*).

Najštevilnejša skupina glagolov omogoča tudi vpogled v to, katere glagolske skupine se lahko na ta način obrazilijo (Toporišič 2000: 362, 364, 370; Babič 2003: 154–167). Glede na glagolske pripone nedoločnika prevladujejo glagoli pete vrste (*brc-ati* → *brc-ljati*), prisotni pa so tudi primeri druge (*gris-ti* → *griz-ljati*, *tres-ti* → *tres-ljati*), tretje (*šum-eti* → *šum-ljati*) in četrte vrste (**tolk-ti*, *tol-či* → *tolk-ljati*; *ros-iti* → *ros-ljati*).⁴

4.2 Med srednje produktivna glagolska obrazila bi lahko uvrstili obrazila: -čkati (*ajčkati*, *molčkati*, *objemčkati*, *pojčkati*, *stojčkati*, *(za)smejčkati se*, *umrčkati*, *zvončkati*); -ikati (*cmerikati*, *(po/pri)dobrikati*, *(po)svetlikati*, *(s/za)kotalikati*, *vozikati*, *modrikati*, *srebrikati*, *(za)svetlikati*); -kati (*božkati*, *čičkati*, *cvrčkati*, *duškati*, *gledkati*, *grizkati*, *capkati*, *kokodajskati*, *ležkati*, *papkati*, *pančkati*, *proskati*, *smučkati*, *srebkati*, *smeškati se*, *tapkati*, *zebkati*).

4.3 Manj ali neproduktivna obrazila imajo majhno število glagolskih tvorjenk. Med njimi so taka, ki so že evidentirana (Toporišič 2000: 225): -uckati (*(po)dremuckati*, *(po/na)luckati*, *pijuckati*); -(an)čk-ati, (*(na/za)spančkati*, *vstančkati*); -icati (*kotalicati*, *(od/pre/pri/za)stopicati*); -incati (*krulincati*, *kotalincati*); -cati (*jokcati*, *papcati*); -ckati (*bodckati*, *juckati*) in nekaj še novih obrazilnih realizacij, ki jih je izpostavilo novejše gradivo: -likati (*trepetlikati*⁵) -alikasi (*trkalikati*); -encati (*drobencati*) in -avkati (*streljavkati*).

² Pri navajanju ne gre za popolni izpis vseh slovarskih primerov, ampak le reprezentativnih, iz katerih je modifikacija tudi najbolj razvidna iz opozicije obeh glagolov, npr. *brenkati* proti *bren-klj-ati* ← *rahlo brenkati*.

³ SSKJ 2 prinaša obliki *repati* in *repljati* z isto pomensko razlago 'hoditi (tik za kom)'.
⁴ Navedeni primeri usmerjajo k dopolnitvi, da se (Vidovič Muha 2011: 70–71) »priponsko (modifikacijsko) obrazilo /kot/ /i/zrazno samostojno priponsko obrazilo /r/avzvršča pred vidski morfem – glagolsko pripono«, ki je v nekaterih primerih identična kot v podstavnem glagolu (*brc-a-ti* → *brc-lj-a-ti*), toda ne vselej nujno, kot kažejo primeri (npr. *ros-i-ti* → *ros-lj-ati*; *šum-e-ti* → *šum-lj-a-ti* ipd.), kajti nekateri enostavno dobijo glagolsko obrazilo druge glagolske vrste (morda po analogiji, ki je povezana s frekvenco obrazila). Podoben pojav najdemo tudi pri tvorjenkah z obrazilom -ikati (npr. *cmeriti se* → *cmer-ikati se*; *voziti se* → *vo-zikati se*; *srebiti se* → *srebrikati se*), -kati (*gristi* → *griz-kati*; *zebsti* → *zeb-kati*; *prositi* → *pros-kati*) ali -uckati (*piti* → *pij-uckati*) ipd.

⁵ Možna je interpertacija izsamostalniške glagolske tvorbe, npr. *delati kot trepetlika* → *trepetlik-ati*).

5 TVORBENE ZNAČILNOSTI

5.0 Modifikacijske glagolske tvorjenke so lahko prvostopenjske izpeljanke, in to v primeru, ko je v podstavi netvorjen glagol. Primere najdemo v vseh obrazilnih tipih (npr. *jokati* → *jok-cati*; *brcati* → *brc-ljati*; *srati* → *sra-čkati*; *cmeriti* → *cmer-ikati*; *prositi* → *pros-kati* ipd.)

5.1 Kot višjestopenjske, navadno drugostopenjske izpeljanke, pa se pojavljajo, kadar je v podstavi že sam glagol tvorjen. V takih primerih je namreč v podstavi glagola lahko samostalnik (*kopito* → *kopitati* → *kopitljati*; *korak* → *korakati* → *koracljati*; *rep* → *repati* → *repljati*; *rosa* → *rositi* → *rosljati*), pridevnik (*moder* → *modriti* → *modrikati*; *srebrn* → *srebriti* → *srebrikati*) ali medmet (*gaga* → *gagati* → *gagljati*; *švrc* → *švrcati* → *švrcakati*). Redkejši so primeri, da je glagolska izpeljanka rezultata dvojne modifikacije (*drobiti* 'hoditi s kratkimi, hitrimi koraki' → *drob-encati* → *drobenc-ljati*), ki je nato lahko še predponsko obraziljena in s tem postane tretjestopenjska tvorjenka (*pri/za-*)*drobenc-ljati*.

5.2 Glagolske manjšalnice kot drugo- (celo tretjestopenjske) tvorjenke pa seveda nastajajo tudi s predponjenjem kot glagolske sestavljenke, npr. *stopiti* → *stopicati* → *pristopicati*.⁶ Gradivo potrjuje naslednja predponska obrazila, razvrščena po abecedi, z nekaj primeri: *iz-* (*izjecljati*, *izrezljati*, *izvohljati*); *na-* (*nabrblijati*, *narahljati*, *narezljati*, *nasekljati*; *napapcati*; *nakracljati*); *o-* (*opikljati*); *od-* (*odskakljati*, *odcapljati*); *po-* (*pocurljati*, *počheljati*, *poškreblijati*, *povohljati*, *požvenkljati*, *pomahljati*, *posmehljati*; *porepkati*, *poležkati*, *pobožkati*; *podremuckati*); *pre-* (*prestopicati*); *pri-* (*pripihljati*, *pricurjljati*, *prisukljati*, *prizvonkljati*); *raz-* (*razsekljati*, *razrezljati*, *razbezljati*); *s-* (*skotalikati*); *se-* (*sesekljati*); *u-* (*učičkati se*); *v-* (*vrezljati*); *z-* (*zmigljati*); *za-* (*zapihljati*, *zapokljati*, *zamigljati*, *zabebljati*, *zašumljati*, *zavohljati*, *zaškrabljati*; *zakokodajskati*).

Najbogatejše predponske možnosti kaže modificiran glagol *stopicati*, in sicer s predponskimi obrazili *od-*, *pre-*, *pri-*, *za-* in *po-*.⁷

5.3 Sicer je tvorbena zmožnost glagolskih modifikacijskih izpeljank za tvorbo višjestopenjskih tvorjenk pogosto pogojena z izhodiščno podstavno besedo. V danih primerih se je pokazalo, da ima večje možnosti višjestopenjskih

⁶ Verjetnost, da bi bila tvorba prvostopenjska, nastala z modifikacijo predponskega glagola, je manj verjetna, saj na to kaže tudi pomenska nerelevantnost, npr.: *pristopiti* 1. 'stopiti h komu'; 2. 'postati član česa'; 3. 'lotiti se česa' proti *pristopicati* ekspr. 'pritti s hitrimi, kratkimi koraki'.

⁷ Najti je mogoče tudi primer, kjer v besedotvornem nizu manjka oz. ni potrjena določena stopnja tvorjenke, njene višjestopenjske tvorjenke pa so: *zobec* → *zobčati* 'delati zobce, zobčke, npr. na robu fotografije ali znamke' → **zobčkati* → *nazobčkati*.

tvorjenk, če je glagolska podstava imenska, kot kaže dani primer (*kopito* → *kopitati* → *kopitljati* → *kopitljač* → *kopitljaček*).

5.4 Posebno vprašanje odpirajo primeri, ko nevtralni podstavni glagol ne obstaja: **iztrobezati* : *iztrobezljati*; **jezati* : *jezljati* nar. 'neumestno, gostobesedno izražati nejevoljo'; **mucati* : *muckati se* 'ljubkovati se' oz. ko gre za pomensko neustrezni par: *kruliti* 'oglašati se z zamolklim glasom' : *kruljati* 'šepati'; *bubati* 'boleti' : *bubljati* 'nerazločno govoriti'; *crkati* pog. 'poginjati' : *crkljati* pog. 'pretirano negovati, razvajati'.

Velikokrat pa glagolske tvorjenke nastajajo tudi tako, da je v njihovi podstavi imenska manjšalnica: **fižolati* : *fižolčkati* ← *delati s fižolčki* etn. 'igrati s fižolom'; **kljunati* : *kljunčkati* ← *delati s kljunčkom* 'dotikati se s kljunom zaradi dobrikanja'; **kupati* : *kupčkati* ← *delati kupčke* 'dogovarjati se o razdelitvi denarja, položaja'; **nitati* : *nitkati* ← *delati z zobno nitko*. V teh primerih seveda ni mogoče govoriti o modifikaciji dejanja, tj. njeni zmanjšani meri, ampak o dejanju, ki se dela z modificirano imensko sestavino. Zato v tem primeru lahko govorimo le o navadni glagolski izpeljavi.

6 LEKSIKOGRAFSKI VIDIK

6.0 V nastajanju prve izdaje SSKJ so se sočasno razvijala tudi teoretična izhodišča za definiranje leksikalnega pomena (Müller 1981/82: 149–162, Vidovič Muha 1988: 25–27, Novak 2004), ki so bila bistvenega pomena za uveljavljeno pomenskosestavinsko strukturo slovarskih definicij po načelu, da jedrna beseda v razlagi leksem uvršča v ustrezno pomensko polje, razločevalne pomenske sestavine pa ga prepoznavo definirajo v množici leksemov istega pomenskega polja. Razmerje med slovarskim in besedotvornim pomenom pa je seveda razmerje med konkretizacijo in abstrakcijo. Pri slovarskih razlagah gre pri določanju uvrščevalne pomenske sestavine za postopno vzpenjanje po pomenski piramidi in iskanju nadpomenk, skladijska podstava tvorjenk, ki izkazuje pretvorbena povezavo s propozicijo, pa posega na sam vrh pomenske piramide, kjer se nahajata zaimek za imensko oz. primitiv za glagolsko besedno vrsto (Vidovič Muha 2011: 82–101).

Modifikacijske izpeljanke kot kategorija tvorjenk, katerih pomen ni propozicijski, pa gradi na razločevalni pomenski sestavini, ki je v primeru glagolov vselej lastnostni prislov, ki določa način in mero dejanja. Če sta si v primeru prvih, nemodifikacijskih tvorjenk besedotvorni in slovarski pomen pogosto v velikem razkoraku glede na stopnjo abstrakcije, pa sta si pri modifikacijskih tvorjenkah zelo blizu, in to do take mere, da je možno njihovo besedotvorno razlago uporabiti celo kot slovarsko razlago (Vidovič Muha 2011: 101).

V tem primeru bi torej morali najti v slovarskih razlagah glagolskih manjšalnic modifikatorje, ki kažejo na umanjšanje glagolskega dejanja.⁸ Gradivo je pokazalo, da so slovarske razlage dveh tipov: ali vsebujejo modifikator (*trepeljati* ekspr. 'rahlo trepetati') ali pa je glagolska manjšalnica okvalificirana s stilno-zvrstnim kvalifikatorjem in razložena s stilno nevtralnim sopomenskim glagolom (*ajčkati* otr. 'ležati').

6.1 Iz razlag prvega tipa, v katerih je zajet modifikator glagolskega dejanja, lahko izluščimo naslednje tri skupine:

- a) Ob glagolu je s pridevnikom modificiran samostalniček v slovarski razlagi tvorjenke, dodanih je nekaj vzorčnih primerov glagolskih manjšalnic:
  - hoditi z nerodnimi, počasnimi Sam⁹ (*odkoracati, prikoracati*);
  - hoditi s kratkimi, hitrimi Sam (*drobencati, koracljati*);
  - delati majhne, kratke, dobne Sam (*stopicati, bodljati, nasekljati*);
  - delati z majhnim, v kratkih Sam (*česljati, tekljati*);
  - teči v tankem Sam (*curljati*);
  - oglašati se s kratkimi, zamolklimi Sam (*mukljati*);
  - povedati veliko Prid nepomembnega, neresničnega, izmišljenega (*brbljati, natrebezljati*);
  - premikati Prisl sem in tja (*vozikati*).
- b) Z načinovnim prislovom je modificirano glagolsko dejanje:
  - na rahlo Glag (*krulincati, brcljati, brenkljati, drgljati, grizljati, strgljati, tolkljati, šumljati, škrtljati, trepetljati, tresljati, vihrljati, zibkati*);
  - lahno Glag (*dremuckati*);
  - rahlo Glag (*dihljati, pihljati, praskljati*);
  - stopicajoč Glag (*prestopicati*);
  - capljajoč Glag (*odcapljati*);
  - nerazločno, momljaje Glag (*zabebljati*);
  - pritajeno, veselo Glag (*hahljati*);
  - nepremišljeno Glag (*izbrbljati*);

---

⁸ Babić (2002: 533) eksplicitno navaja definicijo, da manjšalni glagoli izražajo dejanje, ki je v manjši meri od povprečnega, normalnega dejanja in uporabi prislove »malo, po malo, sitno, u malim, kratkim pokretima, sa slabijim intenzitetom, lagano«. Hkrati pa navaja, da so s temi pomeni povezani še čustveni pomeni posebnih stilnih vrednosti.

⁹ Konkretni samostalniki (Sam), pridevniki (Prid), prislove (Prisl) ali glagole (Glag) zamenjujemo z oznako besedne vrste zaradi tipologije vzorcev, izjemoma so zaradi razumljivosti dodani tudi konkretni leksemi v manjši pisavi.

- s prikritim poizvedovanjem, iskanjem Glag (*izvohljati*);
  - neumestno, gostobesedno Glag izražati nejevoljo (*jezljati*);
  - nekoliko Glag (*kopitljati, sukljati*);
  - hitro, lahkotno se Glag premikati (*migljati, zamigljati*);
  - nekoliko tako se Glag odražati (*modrikati se, srebrnikati se*);
  - ljubkujoče Glag (*božkati*);
  - na redko Glag (*streljavkati*).
- c) Značिनovnim prislovom je modificirano dejanje in s pridevnikom modificiran še samostalnik:
- nerodno Glag, navadno s kratkimi Sam (*capljati, zacaplati*);
  - lahkotno Glag, z majhnimi Sam (*skakljati*).

Skupinjene zbranih modifikatorjev nam pokaže, da glagolske manjšalnice v večji meri vsebujejo negativno kot pozitivno vrednotenje, saj izražajo:

- a) dejanje, ki ni izpeljano v skladu s pričakovanji/družbenimi pravili (*nerodno, nepomembno, nepremišljeno, neumestno, prikrito*);
- b) dejanje, ki se dela z neprimerno (majhno/veliko) hitrostjo (*počasno, hitro*);
- c) dejanje, ki je neorganizirano (*sem in tja*);
- č) dejanje, ki se ne pojavlja v polni, izraziti, jasni obliki (*na rahlo, rahlo, nekoliko, nerazločno, redko, na redko*);
- d) ali pa dejanje poteka brez napora, s pozitivno namero (*lahkotno, ljubkujoče, veselo*).

6.2 Večina glagolskih manjšalnic z zgoraj predstavljenimi modifikatorji v pomenski razlagi je opredeljena s splošnim kvalifikatorjem ekspresivno. Drugo skupino pa predstavljajo glagoli, ki nimajo polne razlage, ampak so specifičneje okvalificirani in razloženi s stilno nevtralnimi sopomenskimi glagolom. Pri njih se večinoma pojavljajo kvalifikatorji:

- otroško: *cucljati, jokcati*,¹⁰ *papcati, papkati, pupcati* 'piti', *cucljati, bimčkati* 'objemati', *objemčkati, pančkati, pojčkati, čičkati* 'sedeti', *ajčkati* 'spati', *spančkati, stojčkati, umrčkati, vstančkati, zaspančkati, smučkati se, smejkati se, ležkati, božkati, gledkati, molčkati, proskati, zebkati*;
- starinsko: *skakucati* 'skakljati', *drgljati* 'rahlo drgniti', *dihljati* 'pihljati', *kotaljati* 'kotaliti';

---

¹⁰ Navajajo se samo ali nepredponjene ali le predponjene oblike istega glagola.

- zastarelo: *bodljati, babljati, čebrljati, kramoljati, cenceljati*;
- pogovorno: *izbrkljati* ‘izbrskati’;
- slabšalno: *iztrobezljati*;
- knjižno: *mrmljati, potakljati* ‘zakotaliti’, *potrapljati* ‘potrepljati’, *sapljati* ‘pihljati’, *plamikati* ‘migljati’, *modrikati se, srebrikati se*;
- pogovorno in ekspresivno pa so označeni glagolski evfemizmi, ki kažejo na uživanje alkohola ali počenje neumnosti: *(na/po/za)luckyati, sračkati*.

7 MANJŠALNOST IN POMENSKE SKUPINE GLAGOLOV

7.0 Tvorba manjšalnic je v jeziku zelo formalizirana in predvidljiva, toda temeljno vprašanje je, zakaj nekatere manjšalnice potrebujemo in druge ne (Tabakowska 2005: 20). Podobno vprašanje si je mogoče zastaviti tudi pri glagolskih manjšalnicah: ali obstajajo pomenske skupine glagolov, ki so za to modifikacijo dovezetnejše od drugih.

7.1 Za odgovor na to vprašanje lahko uporabimo pomensko mrežo slovenskih glagolov, v katero je zajeto 15.362 enot (Zupan 2013) in ki je po avtorjevih besedah »medsebojno prepletena, soodvisna in hierarhično (drevesno) organizirana mreža skupin pomensko sorodnih glagolov« (Zupan 2013: 11). Le-ti so organizirani v šest glavnih pomenskih skupin: 1 Obstajati, 2 Pripadati/vsebovati, 3 Premikati/gibati (se), 4 Delati/narediti kaj, Misliti/ustvarjati in 6 Zaznavati/odzivati se, ki se dalje cepijo v trideset ožjih in 1011 osnovnih pomenskih skupin.

7.2 Upošteva je predstavljenih šest temeljnih skupin, lahko v grobem ugotovimo naslednje: glagolske manjšalnice so pogoste v skupini t. i. temeljnih elementarnih glagolov, pripadajočih skupini 1 Obstajati, npr.: *dihljati, hrustljati, jokati, ležkati, pijuckati, spančkati*. Pogosto jih najdemo tudi v 3 Premikati/gibati se, npr.: *drobencati, skakljati, tresljati, vozikati se*, ali v skupini 4 Delati/narediti kaj, npr. *božkati, mahljati, pihljati, rezljati, sekljati*. Redkeje v 6 zaznavati/odzivati se, npr. *trobezljati*, medtem ko glagolski skupini 2 Pripadati/vsebovati in 5 Misliti/ustvarjati nista dovezetni za manjšalno tvorbo.

8 SKLEP

V slovenistiki je bilo doslej več pozornosti namenjene samostalniškimi kot pa glagolskim manjšalnicam. Prispevek zato z več vidikov predstavlja glagolske manjšalnice, in sicer opozarja na: (1) homonimijo glagolskih izglasij, npr.

*ikati, ki zahtevala ločevanje nerelevantnih, pogosto izmedmetnih glagolskih tvorjenk (npr. ekspr. *bzikati* 'v močnem curku iztiskati slino skozi zobe'), od relevantnih glagolskih manjšalnic (npr. ekspr. *kotalikati* 'kotaliti, valiti'); (2) pri besedotvornem vidiku se obrazila hierarhizirajo glede na produktivnost; (3) pri tvorbenih značilnostih se izpostavljajo še netvorjenost (*stopati* > *stopicati*) oz. tvorjenost glagolov, ki so nato modificirani (*gaga* > *gagati* > *gagljati*), in s tem stopenjskost (*stopati* > *stopicati* > *pristopicati*) ter morebitni tvorbeni potencial glagolskih manjšalnic (*kopitati* > *kopitljati* > *kopitljač* > *kopitljaček*); (4) leksikografski vidik izpostavlja modifikatorje, s katerimi so opisane glagolske manjšalnice v slovarju, in (5) pomensko-pragmatični vidik predstavlja bistvene pomenske skupine glagolov, ki so dovezetnejše za manjšalno modifikacijo.

VIRI IN LITERATURA

Stjepan BABIĆ, 2002: *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. Treće, poboljšano izdanje. Zagreb: Globus.

Majda MERŠE, 2013: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev. *Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 207–224.

Slovar slovenskega knjižnega jezika [Elektronski vir] (2014). Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2014. Spletna izdaja na <www.sskj2>. Pridobljeno 8. 3. 2015.

Jaka MÜLLER, 1981/82: Pomenoslovje samostalniških besed. *Jezik in slovstvo* 27/1, 10–16.

France NOVAK, 2004. *Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Marko SNOJ, 2014: Predgovor k drugi izdaji. *Slovar slovenskega knjižnega jezika: SSKJ 2. 2.*, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1. knjiga. 7.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1999: *Prispevki iz slovenskega besedoslovja*. Maribor: Slavistično društvo Maribor. (Zora, 7).

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).

Elżbieta TABAKOWSKA, 2005: *Gramatika i predočavanje. Uvod u kognitivnu lingvistiку*. Prevod in priredba Mateusz-Milan Stanojević, Barbara Kryżan-Stanojević. Zagreb: FF press.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1988: *Slovensko skladijsko besedotvorje ob primerih zložen.* Ljubljana: Partizanska knjiga.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2011: *Slovensko skladijsko besedotvorje. 2., razširjena in dopolnjena izdaja.* Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

Jure ZUPAN, 2013: *Pomenska mreža slovenskih glagolov.* Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

SUMMARY

Verbal Diminutives in the Slovene Language

Studies of diminutives in the Slovene language have so far mostly focused on nominal diminutives. This study, however, explores verbal diminutives and presents them from different aspects: (1) homonymy of the verbal endings, e. g. **ikati*, in which there is a distinction between minor verbal formations, often derived from interjections (e. g. expressive *bzikati* 'to eject saliva through one's teeth') and major verbal diminutives (e. g. expressive *kotalikati* 'to roll sthg'); (2) the word-formational hierarchy of affixes according to their productivity, (3) the word-formational distinction between non-formation of the base verbs (*stopati* > *stopicati*) and the derived base verbs, which are then changed further through modification (*gaga* > *gagati* > *gagljati*), gradation (*stopati* > *stopicljati* > *pristicicati*), and the possible word-formational potential of verbal diminutives (*kopitati* > *kopitljati* > *kopitljaček*); (4) lexicographic aspect with regard to the dictionary labels used for verbal diminutives; (5) semantic-pragmatic aspect of the major semantic groups of verbs which are open to diminutive modification.

AMELA ŠHOVIĆ

*Filozofski fakultet, Bosna i Hercegovina, Sarajevo,
amela.sehovic@yahoo.com*

Pragmatički aspekti deminucije u svakodnevnoj komunikaciji (sa osvrtom na tvorbena obilježja deminutivnih imenica)

U radu se istražuje imenička deminucija i način njene realizacije u svakodnevnoj komunikaciji, a prikupljeni korpus nudi zanimljive zaključke o odnosu pravog deminutivnog i pragmatičkog značenja analiziranih imenica. Naime, kada se potiru osnovna parametarska obilježja veličine ili dimenzije, obično se razvijaju bogata pragmatička značenja deminutivno obrazovanih imenica, što i jest predmet analize u ovom radu.

This paper examines noun diminution and the way it is realized in daily communication, as the assembled corpus leads to interesting conclusions about the relationship between true diminutive and pragmatic meaning of the analysed nouns. Namely, when the basic distinctive parameters of size or dimension are eliminated, comprehensive pragmatic meanings of diminutive nouns are usually developed, and that is the goal of the analysis in this paper.

Ključne riječi: deminucija, svakodnevna komunikacija, deminutivne imenice, pragmatičko značenje, deminutivno značenje

Key words: diminution, everyday communication, noun diminutives, pragmatic meaning, diminutive meaning

1 Uvod

Deminucija je kategorija o kojoj su, s gramatičkog i leksikološkog aspekta, napisani mnogi radovi¹. No, pragmatički aspekti ove jezičke pojave nisu bili predmet opsežnijih analiza,² što iznenađuje imajući u vidu povećanu upotrebu

---

¹ V. popis literature.

² Ova se problematika naznačuje u radovima sljedećih autora: I. Grickat (1995), D. Veljković-Stanković (2011), J. Matijašević (2012), dok se rad V. Jovanovića (2005) isključivo i bavi aspektima pragmatičke upotrebe deminutivnih imenica.

deminutivnih jedinica u svim slavenskim jezicima, pa tako i u bosanskom. Ona iza sebe krije različite ciljeve koji se time žele ostvariti, što i jeste bio poticaj za ovo istraživanje.

Svakako, ova je pojava prvenstveno uočena u svakodnevnoj komunikaciji, koja je samim tim postala neizbježan okvir analize. U skladu s tim, bilježeni su primjeri iz govorne prakse, a pored toga urađena je i anketa sa studentima/icama Filozofskog fakulteta u Sarajevu. Korpus je ograničen na deminutivne imenice budući da se one, u poređenju sa deminutivnim glagolima i pridjevima, mnogo češće upotrebljavaju sa deminutivnim sufiksima bez pravog deminutivnog značenja, što obično implicira razvoj pragmatičkog značenja ovih imenica. Prikupljeni korpus upoređen je sa građom iz jednojezičkog rječnika bosanskog jezika³ kako bi se na taj način izveli zaključci o podudarnostima i/ili odstupanjima u pogledu upotrebe deminutivnih imenica u svakodnevnoj komunikaciji i njihova bilježenja i etiketiranja u leksikografskim izvorima.

2 DEMINUTIVNO OBRAZOVANE IMENICE U SVAKODNEVNOJ KOMUNIKACIJI

Povećana upotreba deminutivno obrazovanih imenica, koje tradicionalno nisu podlijegale deminuciji, obilježje je svakodnevnih komunikacija, naročito u posljednjih dvadesetak godina, od kada datiraju i druge novine u razvoju bosanskog jezika.

U analiziranom korpusu izdvojene su tri grupe takvih imenica. To su, najprije, imenice koje označavaju mjerne jedinice (prvenstveno za vrijeme i novac), hranu i piće te odjevne predmete i obuću. Na prve dvije grupe imenica u toj funkciji već je ukazivano u radovima pojedinih autora,⁴ za razliku od treće grupe imenica, koja je izostavljena iz analiza ove vrste, o čemu će biti govora kasnije. Sve tri grupe imenica dobijaju tipične deminutivne sufikse, ali je često u njihovom značenju teško otkriti pravu deminutivnost, zbog čega se deminutivno obrazovanje može tumačiti samo kao posrednik u izricanju pragmatičkog značenja. Dakle, njima se nastoji postići određeni ilokutorni efekat (Serl 1991: 101–102), a koji će to efekat biti prvenstveno određuje kontekst. Upravo to je predmet analize u nastavku rada.

---

³ Halilović – Palić – Šehović (2010), Rječnik bosanskoga jezika, Sarajevo: Filozofski fakultet (dalje u tekstu: RBJ).

⁴ V. fusnotu 2.

2.1 Imenice koje označavaju mjerne jedinice

Dakle, prvu grupu analiziranih imenica čine one koje označavaju mjerne jedinice. Mjerne jedinice, poput onih za težinu (masu), dužinu, zapreminu, vrijeme, novac itd., izražavaju precizno utvrđen kvantitet neke realije, s čim su u vezi i njihova dva zajednička obilježja – odsustvo emotivnog potencijala i nepodložnost kvantitativnoj modifikaciji (Veljković Stanković 2011: 79). U korpusu su isključivo posvjedočene deminutivno obrazovane imenice za vrijeme i novac, zbog čega su upravo one i uzete u razmatranje.

Mjerne jedinice za vrijeme u svakodnevnoj komunikaciji često dobijaju deminutivne sufikse: *minutica*, *sekundica*, *satić/satak*, *sahatčić/sahatak*, ali se derivirani oblici teško mogu interpretirati kao ‘mali X (minuta, sekunda, sat)’. Među ovim deminutivno obrazovanim jedinicama dominiraju imenice *minutica* (29 potvrda) i *sekundica*⁵ (24 potvrde). One se uglavnom upotrebljavaju u situacijama kada govornik kasni, npr.: *Stižem za minuticu/sekundicu* ili: *Eto me za minuticu/sekundicu*, a svjestan je da će to kašnjenje trajati mnogo duže od najavljenog. U skladu s tim, najčešći efekat koji se njihovom upotrebom želi postići jeste odobrovoljavanje sagovornika, koji se moli za strpljenje i uvidavnost. S druge strane, zahvaljujući semantici imenica *minuta* i *sekunda*, ne može doći do nesporazuma i iznevjerenog obećanja – sagovornik značenje ovakvih rečenica neizbježno shvata kao »intenzifikovani prilog ‘veoma/vrlo brzo’«⁶ (Veljković Stanković 2011: 84).

Nešto rjeđe, ali ipak dovoljno često, navedene imenice mogu se upotrebljavati u kontekstima u kojima se sagovornik prekida u vršenju neke djelatnosti, kao npr. u rečenici *Možeš li izaći na minuticu/sekundicu?*, koja se razumijeva kao: ‘Možeš li izaći nakratko?’. Takvom dezintenzifikacijom uglavnom se žele postići dva efekta – s jedne strane, izbjeći utisak nametljivosti govornika, a s druge strane, smanjiti, odnosno ublažiti potencijalno uznemiravanje sagovornika.

Ponekad se upotrebom jedne od ovih dviju imenica može ublažiti i naredbo-davni ton imanentan imperativu, kao npr. u rečenici *Dođi (na) sekundicu!*, koja se razumijeva kao molba: ‘Molim te, dođi nakratko’.

⁵ D. Veljković Stanković, opisujući stanje u srpskom jeziku, ovu imenicu ni ne spominje (2011: 82–85). Ukoliko je stanje u srpskom jeziku zaista takvo kako ga predstavlja spomenuta autorica, to se nipošto ne može tvrditi za situaciju u bosanskom jeziku, u kojem je imenica *sekundica* veoma raširena u razgovornom jeziku, naročito među mladima.

⁶ V. Jovanović ukazuje na deminutivne imenice kojima se relativizira pojam vremena, odnosno kvantiteta te upućuje na literaturu u kojoj se za njih upotrebljava termin aproksimativni deminutivi (2005: 102).

Što se tiče upotrebe imenica *satić* (8 potvrda), *satak* (2 potvrde), *sahatčić* (2 potvrde), *sahatak* (5 potvrda), kod njih je u prvom planu aproksimativnost, vidljiva u rečenicama tipa *Vidimo se za sahatak* u značenju ‘Vidimo se za nešto manje od sat vremena’.

Zanimljivi su i primjeri upotrebe ovih imenica u funkciji ohrabrenja sagovornika za obavljanje određenog posla – u rečenici *Ma to je sahatak posla* deminutivnom imenicom želi se ublažiti obim posla koji treba obaviti i, ujedno, umanjiti njegovo trajanje.

U vezi s ovim posljednjim primjerima, uočljivo je prisustvo dviju imeničkih formi: *sat* i *sahat*, čiji se deminutivni oblici grade sufiksima -ak, -ić i -čić. Naime, norma bosanskog jezika propisuje leksemu *sat* kao standardnojezičku (RBJ: 1177), dok se leksemi *sahat* pripisuju kvalifikatori *razg.* i *ekspr.* (RBJ: 1168), koji upućuju na njenu nenormativnost. Ipak, čak i u govoru mlađih osoba deminutivna obrazovanja *sahatak* i *sahatčić* nisu rijetka. Očito je da je razlog takvoj relativno često upotrebi ovih izvedenica među mlađim govornicima bosanskog jezika prvenstveno ekspresivnost polazne imenice, a težnja ka ekspresivnom izražavanju i jeste jedno od obilježja svakodnevnog komuniciranja, uz njenu istovremenu neposrednost i ekonomičnost.⁷

Među mjernim jedinicama za novac zabilježena je jedna od koje se u svakodnevnoj komunikaciji vrlo često izvodi deminutivna forma – to je imenica *marka*, koja predstavlja naziv zvanične valute u Bosni i Hercegovini. Od ove polazne imenice derivira se imenica *markica* (4 potvrde), a njeni su najčešći korisnici prosjaci i trgovci, koji upotrebom ove lekseme nastoje minimizirati novčanu vrijednost robe, usluge i sl. i tako izmamiti novac od slučajnih prolaznika i kupaca. Na taj način, upotreba ove lekseme postaje svojevrsna taktika u borbi za osvajanje (tuđih) materijalnih sredstava.

Deminutivna imenica *markica* može imati i druge funkcije – njenom upotrebom moguće je iskazati i ironičan ili podrugljiv stav prema osobi poznatoj po svojoj škrtosti i/ili ljubavi prema novcu, kao u rečenici: *Nemoj slučajno da bi potrošio koju markicu!*

Sve navedeno jasno ukazuje na bogat pragmatički potencijal imenica koje označavaju mjerne jedinice, a naročito onih za vrijeme.

---

⁷ O jezičkoj ekonomiji vidjeti B. Ćorić (2008: 160) i D. Veljković-Stanković (2011: 119).

2.2 Imenice za hranu i piće

Ova grupa imenica nije istraživana u okviru deminucije iz razloga što se smatralo kako su njihove osnove po svojoj prirodi takve da se od njih »značenje umanjenosti ne može ostvariti ili nema pravoga smisla« (Babić 1971/1972: 115). Međutim, to ni u kom slučaju nije sasvim tačno budući da je kod nekih od njih moguće realizirati pravo deminutivno značenje, npr. *kolačić* može biti mali kolač, *hljepčić* mali hljeb itd. Razvoj deminutivnog značenja zasigurno je manje problematičan kod imenica koje označavaju hranu u čvrstom obliku, poput navedenih, nego kod imenica koje označavaju pića i tečna jela.

Kao i kod imenica koje označavaju mjerne jedinice, i u ovoj je grupi imenica pragmatičko značenje dominantno. No, za razliku od prethodne grupe imenica, deminutivno obrazovane imenice za hranu i piće u svakodnevnoj komunikaciji vrlo su brojne – neke od najfrekventnijih su: *sokić* (36 potvrda), *kafica* (33 potvrde), *čokoladica* (16 potvrda), *pitica* (12 potvrda), *kolačić* (10 potvrda), *hljepčić* (8 potvrda), *supica* (6 potvrda), dok su znatno rjeđe: *čajčić*, *čipsić*, *hljebić*, *paradajzić*, *tostić*, *čajčić*, *pečenje* (sve sa po jednom potvrdom). Načelno, u svakodnevnoj komunikaciji bilo koja imenica koja označava hranu ili piće može biti upotrijebljena sa deminutivnim sufiksom, ali ciljevi koji se njenom upotrebom žele postići mogu varirati.

Ako zanemarimo slučajeve u kojima je određena imenica upotrijebljena u pravom deminutivnom značenju, raspon pragmatičkih značenja koja one mogu poprimati je, pomalo neočekivano, veoma širok. Naime, ona se mogu realizirati kao:

a) iskazivanje kurtoaznih ili istinskih komplimenata sagovorniku, npr. osobi u ulozi domaćina/domaćice ručka, večere i sl. kao u rečenici *Kolačići su bili ukusni*. Također, i druga strana (domaćin/domaćica) može upotrijebiti deminutivnu imenicu, najčešće u govornom činu ponude: *Izvolite kolačiće*, čime govornik iskazuje želju da se sagovornik posluži ponuđenim⁸. Oba vida upotrebe deminutivnih imenica smatraju se realizacijom govornikove strategije iskazivanja učtivosti.

b) dodvoravanje sagovorniku korištenjem deminutivnih formi, sa potencijalnim notama umiljavanja, iskazivanja nježnosti i simpatije prema drugoj osobi i sl., kao u rečenicama *Da li bi jedan kolačić/jednu čokoladicu?*. Ovakvo iskazivanje bliskosti i nježnosti prema drugoj osobi često je u obraćanju djetetu/djeci⁹, kao

---

⁸ Up. Grickat 1995: 10 i Jovanović 2005: 101.

⁹ Ferguson je istraživao obraćanje djeci u 27 jezika i zaključio kako u svim analiziranim jezičkim zajednicama odrasli modificiraju svoj govor prilikom obraćanja najmlađima (1978: 203).

u primjerima iz svakodnevnih govornih razmjena kakvi su: *Hoćeš li sokić?/ Hoćeš da ti otvorim sokić?/Želiš li kolačić?/ Želiš li kolačić? Pitica, pa čak i vodica i čajić. One se upotrebljavaju u još jednoj funkciji – kada se djeci želi skrenuti pažnja na pozitivne odlike čega, npr. supe, pite i sl., što potvrđuju rezultati provedene ankete i primjeri poput sljedećeg: *Uzmi malo supice*. Matijašević, na materijalu ruskog i srpskog jezika, to naziva pravilom o upotrebi deminutiva sa pozitivnim aksiološkim znakom (2012: 655).*

Pored navedenog, upotrebom deminutivnih imenica sagovornik može iskazivati i zadovoljstvo u prisustvu/zbog prisustva bliskih osoba, što je praksa koja nije u suprotnosti sa sociolingvističkim pravilom da deminutivi u govoru nekog pojedinca umanjuju stepen njegove ozbiljnosti u očima drugih i stoga se izbjegavaju budući da se ovo pravilo ne odnosi na članove porodice i prijatelje.

c) samoobmanjivanje – u slučaju pretjeranog uživanja u hrani, deminutivne forme mogu imati funkciju sličnu onoj koju imaju eufemizmi, dakle, zamagljivanje neugodne stvarnosti, koja se nastoji predstaviti tako da bude prihvatljiva za govornika: *Pojela sam tri krofnice* umanjuje efekte učinjenog, što je naročito vidljivo kad se upoređi sa *Pojela sam tri krofne*.

U ovoj grupi imenica pažnju privlače sinonimne forme *kafica* (33 potvrde) i *kahvica* (4 potvrde), od kojih je prva posvjedočena u znatno većem broju primjera nego njen pandan. To je činjenica koja može biti veoma zanimljiva isključivo u okvirima bosanskog jezika budući da je *kafica* izvedenica od imenice *kafa*, koju norma ovog jezika priznaje samo kao razgovornu formu (RBJ: 479), dok je standardnojezički poželjna upotreba imenice *kahva* (RBJ: 479), čija bi deminutivno obrazovana forma glasila *kahvica*. Obje deminutivno formirane imenice javljaju se samo u svakodnevnoj komunikaciji, i to u kontekstima koji podrazumijevaju izvjestan stepen bliskosti među onima koji ih upotrebljavaju. Znatno manji broj potvrda za imenicu *kahvica* među anketiranom studentskom populacijom može biti uzrokovan brojnim faktorima, od kojih su neki sociološki i kulturološki uvjetovani, ali i nespojivošću, u svijesti govornika, artikulacijski zahtjevne osnove (kahv-) i deminutivnog sufiksa -ica. Uostalom, i same polazne imenice *kafa* i *kahva* često su predmet sporenja među lingvistima/icama koji/e govore i pišu bosanskim jezikom.

2.3 Imenice za odjevne predmete i obuću

Od dosad analiziranih imenica ova se grupa izdvaja time što nije ni uzgred spomenuta u pragmatički orijentiranim radovima koji se bave deminucijom. Razlog za takvu praksu u ovom slučaju može biti taj što se one vrlo često

upotrebljavaju u pravom deminutivnom značenju. To potvrđuju i zabilježeni primjeri¹⁰: *cipelice* (24 potvrde; dem. i hip.¹¹ od *cipela*¹² – RBJ: 113), *košuljica* (11 potvrda; 1. dem. od *košulja* – RBJ: 541), *čarapice* (10 potvrda; dem. od *čarapa* – RBJ: 127), *gaćice* (8 potvrda; dem. od *gaće* – RBJ: 302), *kapica* (8 potvrda; 1. dem. od *kapa* – RBJ: 488), *čizmice* (6 potvrda; dem. od *čizma* – RBJ: 141), *hlačice* (3 potvrde; 1. dem. od *hlače* 2. dječije *hlače* – RBJ: 364); *šalić* (1 potvrda; dem. i hip. od *šal* – RBJ: 1285); *haljinica* (18 potvrda), *majičica* (17 potvrda), *suknjica* (16 potvrda), *jaknica* (9 potvrda), *pantolice* (2 potvrde), *patikice* (2 potvrde), *pidžamica* (2 potvrde), *bluzica* (1 potvrda), *tenice* (1 potvrda), *trenerkica* (1 potvrda); *dresić* (1 potvrda), *kaputić* (1 potvrda), *šorčić* (1 potvrda); *džemperčić* (5 potvrda).

Međutim, deminutivno značenje zasigurno nije jedino koje se razvija u ovoj grupi imenica. Kao i u prethodne dvije grupe imenica, i ovdje mogu biti izražena pragmatička značenja, a zanimljivo je da su ta značenja podudarna s nekim pragmatičkim značenjima deminutivnih imenica za hranu i piće a ne imenica koje označavaju mjerne jedinice. Ipak, opseg ovih značenja primjetno je manji, gotovo reduciran, u odnosu na pragmatička značenja deminutivnih imenica za hranu i piće i podrazumijeva:

a) iskazivanje kurtoaznih ili istinskih komplimenata sagovorniku, čiji nam se odjevni predmet ili obuća dopada, odnosno dopada nam se sagovornikov fizički izgled u tome, kao u rečenici *Kako su ti slatke te cipelice!*;

b) dodvoravanje sagovorniku korištenjem deminutivnih formi, što ponekad može biti dodatno obojeno i tonom umiljavanja, odnosno težnjom ka iskazivanju nježnosti i simpatije prema sagovorniku. I ovdje su vrlo često objekt takvih nježnih emocija djeca, a u obraćanju djeci najviše se koriste sljedeće deminutivno obrazovane imenice: *cipelice*, *čarapice*, *kapica*, *čizmice*, *hlačice*, *jaknica*, *pantolice* i *pidžamica*, kojima se istovremeno najmlađima nastoji ukazati na utilitarnost ovih predmeta. Također, u upotrebi ovih imenica u deminutivnoj formi moguće je iščitati i iskazivanje zadovoljstva u prisustvu/zbog prisustva bliskih osoba, o čemu je već bilo govora.

---

¹⁰ Ovo je jedina grupa imenica gdje postoje i rječničke potvrde, zbog čega se one navode u zagradi, s pratećim kvalifikatorima, ali se prije toga navodi broj potvrda iz nerječničkoga korpusa.

¹¹ Hipokoristično značenje često se apostrofira kao »prirodni pratilac deminucije« (Gricat 1995: 11).

¹² Naravno, u rječniku su bilježene forme u jednini, dok se u svakodnevnoj komunikaciji češće upotrebljavaju množinske forme, što je u skladu s prirodom pojmova koje označavaju.

U svakom slučaju, i pored manje raznovrsnosti pragmatičkih značenja ove grupe imenica, smatramo da i ona, jednako kao i prethodne dvije grupe, zaslužuje izdvojen status u pragmatički orijentiranim istraživanjima deminutivnih imenica.

3 TVORBENA OBILJEŽJA DEMINUTIVNIH IMENICA

Iako je za potrebe ovoga rada prikupljen znatno veći korpus, analiza tvorbenih formanata (sufiksa) kojima su derivirane deminutivne imenice provedena je isključivo na temelju tri grupe imenica obuhvaćenih ovim istraživanjem.

Među njima najveći je broj imenica ženskog roda (45), slijede imenice muškog roda (26) i, na kraju, imenice srednjeg roda (5). Sufiksi kojima se tvore ove deminutivno obrazovane imenice su: -ica, odnosno množinski lik ovoga sufiksa -ice¹³ u tvorbi *pluralia tantum* ženskog roda (45), -ić (16), -čić (7), -ak (3), -ce (3) i -ence (2). Prisustvo ostalih deminutivnih sufiksa je potvrđeno, ali na primjerima koji izlaze iz okvira analiziranih grupa imenica, zbog čega nisu uzeti u razmatranje.

Primjetan je najveći broj izvedenica sa sufiksom -ica, koji »dolazi maltene na sve imenice ženskog roda koje su po smislu podložne deminuciji« (Klajn 2003: 115), zbog čega se može smatrati ikoničkim markerom deminutivnosti imenica ženskog roda. Naravno, ovaj sufiks može imati i druge funkcije – uz deminutivnu, najčešća je mocijska¹⁴, ali nije i jedina. Svi su zabilježeni primjeri supstantivne izvedenice, čiju strukturu čine polazna (motivna) riječ, u ovom slučaju imenica, i tvorbeni formant (sufiks) -ica, kao npr.: *baklavica*, *čokoladica*, *kapica*, *suknjica* itd., pa ih nije potrebno posebno komentirati, izuzev primjera koji označavaju pojam sačinjen od dva jedinična elementa u paru, zbog čega se u svakodnevnoj komunikaciji upotrebljavaju gotovo isključivo u množini, kao npr.: *cipelice*, *čizmice*, *patikice*.

U osnovi ovih imenica nisu se dešavale nikakve promjene izuzev u slučaju imenica *majičica*, gdje je završno *c* zamijenjeno suglasnikom *č* (v. Babić 1986: 140), i *papričica*, gdje je osnova palatalizirana.

---

¹³ Babić 1986: 146.

¹⁴ G. Štasni, na temelju različitog referencijalnog odnosa derivata izvedenih tvorbenim formantom -ica, predlaže razlikovanje deminutivnog formanta -ica od mocijskog formanta -ica (2008: 205).

Poseban su slučaj imenice ženskog roda koje imaju samo množinsku formu (tzv. *pluralia tantum*): *gaće, hlače, pantole*¹⁵, *tene*, a od kojih se deminutivni oblici grade tako što se na osnovu doda množinski lik sufiksa -ica – -ice: *gaćice, hlačice, pantolice*.

U tvorbi deminutivnih imenica muškog roda u svakodnevnoj komunikaciji dominira sufiks -ić, a slijede ga -čić i -ak. Iako se sufiks -čić smatra dominantnijim sufiksom u obilježavanju deminutivnosti u odnosu na sufiks -ić (Čorić 1981: 16, Babić 1969/1970: 117, Babić 1986: 176), dobijeni podaci mogu se objasniti time da u zabilježenim primjerima nema prave deminutivnosti, zbog čega su korisnici skloniji tome da upotrijebe višeznačni sufiks -ić. Dvije su imenice zabilježene u dubletnim formama – sa sufiksima -ić i -čić. To su: *čajić* i *čajčić*¹⁶ te *hljebić* i *hljepčić*¹⁷.

Sufiks -ak u korpusu je potvrđen u tri imenice: *časak, sahatak* i *satak*, od kojih smo posljednje dvije ranije komentirali¹⁸.

Među deminutivnim imenicama srednjeg roda u svakodnevnoj komunikaciji najčešći su sufiksi -ce i -ence: *pečenjce, pivce, vince* (dem. i hip. od vino – RBJ: 1435); *mezence*¹⁹, *pićence*.

Na temelju analiziranih grupa imenica možemo zaključiti da deminutivi u svakodnevnoj komunikaciji nastaju na uobičajene tvorbene načine, tj. ne odlikuju se inovativnošću i/ili kreativnošću u načinu nastanka, a u tome nisu izuzetak ni sufiksi kojima se tvore.

4 ZAKLJUČAK

Svi slavenski jezici, pa tako i bosanski, posljednjih godina bilježe povećanu upotrebu deminutivnih imenica, a ta je pojava najzastupljenija u svakodnevnoj komunikaciji. Imenice koje označavaju mjerne jedinice (za vrijeme i novac), hranu i piće te odjevne predmete i obuću često se grade deminutivnim sufiksi-

---

¹⁵ Primjer ne pripada standardnom jeziku, ali je potvrđen u govornoj praksi, zbog čega je obuhvaćen analizom.

¹⁶ Babić utvrđuje da je kod ove imenice »osnovno značenje bez pravoga smisla« (1969/1970: 116), ali da se može razviti dodatno spoznajno – 'slab čaj', u osjećajnom značenju (Isto).

¹⁷ Ovdje nećemo ulaziti u rasprave o tome da li je *hljepčić* izvedeno od *hljeb* ili od *hljebac*. Više o tome u: Stevanović 1951: 7–9, Babić 1969/1970: 84. i 114, Babić 1986: 174.

¹⁸ V. str. 378.

¹⁹ Deminutivni oblik *mezence* izveden je od imenice *meze*, koja se u svakodnevnoj komunikaciji upotrebljava i u srednjem rodu, uz nešto češću formu *meza* u ženskom rodu.

ma, ali se o pravom deminutivnom značenju uglavnom ne može govoriti jer je deminutivno obrazovanje samo posrednik u izricanju pragmatičkog značenja. Pri tome, efekti koji se njihovom upotrebom žele postići prvenstveno su određeni kontekstom, a najčešće predstavljaju realizaciju govornikove strategije iskazivanja učtivosti, pored nekih drugih funkcija: samoobmanjivanja, izricanja zadovoljstva u prisustvu/zbog prisustva bliskih osoba itd. Ovakav način njihove upotrebe nije bio široko rasprostranjen prije samo dvadesetak godina, nego je obilježje svakodnevne komunikacije, naročito u urbanim sredinama. To je moguće objašnjenje i zašto se ove imenice vrlo rijetko bilježe u jednojezičkim rječnicima bosanskog jezika.

Za razliku od semantičkog plana, na kojem se uočavaju velike promjene, to se ne može konstatirati za tvorbeni plan. Naime, ove se imenice tvore na uobičajene tvorbene načine, ustaljenim sufiksima, bez odstupanja čak i u frekventnosti upotrebe ovih sufiksa. Iz tih razloga, tvorbeni plan nudi manje zanimljiv materijal nego semantički. No, to nije razlog da se ova istraživanja ne provode, a jezička stvarnost svakako nameće potrebu sveobuhvatnijeg pristupa ovim pitanjima, potencijalno i uz uključenje drugih, nelingvističkih disciplina.

LITERATURA

- Stjepan BABIĆ, 1969–1970: Tvorba imenica na -ić. *Jezik* XVII, 74–89. i 112–121.
- Stjepan BABIĆ, 1971–1972: Izvedenice sufiksom -ica od imeničkih osnova. *Jezik* 19/4–5, 109–123.
- Stjepan BABIĆ, 1986: *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: JAZU i Globus.
- Božo ĆORIĆ, 1981: Imenički sufiksi s inicijalnim č. *Književni jezik* X/4, 15–18.
- Božo ĆORIĆ, 2008: *Tvorba imenica u srpskom jeziku*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.
- C. A. FERGUSON, 1978: Talking to Children: A Search for Universals. *Universals of Human Language*. Vol. 1. Eds. J. Greenberg, E. Moravcsik. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Irena GRICKAT, 1995: O nekim osobenostima deminucije. *Južnoslovenski filolog* LI, 1–30.
- Remzija HADŽIEFENDIĆ, 1990: Deminucija i augmentacija u sistemu semantičkih kategorija. *Književni jezik* 19/1, 29–33.
- Remzija HADŽIEFENDIĆ, 1991: Odnos između kvantifikacije i deminucije / augmentacije u srpskohrvatskom jeziku. *Književni jezik* 20/1–2, 111–117.
- Senahid HALILOVIĆ, Ismail PALIĆ, Amela ŠEHOVIĆ, 2010: *Rječnik bosanskoga jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet.

Vladan JOVANOVIĆ, 2005: Neki aspekti pragmatičke upotrebe deminutivnih imenica. *Naš jezik* XXXVI/1–4, 100–103.

Ivan KLAJN, 2003: *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Deo 2, Sufiksacija i konverzija*. Beograd – Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva: Institut za srpski jezik SANU.

Jelka MATIJAŠEVIĆ, 2012: Tipovi međujezičkih ekvivalenata (na materijalu ruskih i srpskih imeničkih deminutiva). *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima*. Ur. Rajna Dragičević. Beograd: Filološki fakultet. 653–661.

Stana RISTIĆ, 2012: *O rečima u srpskom jeziku (tvorbeni i leksikografsko-leksikološki aspekti)*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.

Džon SERL, 1991: *Govorni činovi*. Beograd: Nolit.

Mihajlo STEVANOVIĆ, 1951: Deminutivi s nastavkom -ić (i -čić). *Naš jezik* III/1–2, 6–11.

Gordana ŠTASNI, 2008: *Tvorba reči u nastavi srpskog jezika*. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije.

Dragana VELJKOVIĆ STANKOVIĆ, 2011: *Reči subjektivne ocene u nastavi srpskog jezika i književnosti*. Beograd: Filološki fakultet.

SUMMARY

Pragmatic Aspects of Diminution in Everyday Communication (with a Reflexion on the Formation of Noun Diminutives)

An increase in the use of diminutive nouns has been recorded in the past few years in all Slavic languages, including Bosnian, and that phenomenon is most characteristic of everyday communication. Nouns denoting units of measure (for time and money), food and drink, clothing items and shoes are often formed through diminutive suffixes, but the true diminutive meaning is in most cases questionable at best, for the formation of diminutives is a mere instrument in expressing pragmatic content. Furthermore, the desired effects achieved through their usage are primarily determined by context and most frequently represent the realization of the speaker's politeness strategy, alongside some other functions: self-deception, expressing pleasure with the presence/absence of close persons, etc. Such usage of diminutives was not as widespread only twenty years ago; rather, it is a feature of the contemporary situation in the language, especially in urban areas.

In contrast to the semantic level, the same cannot be said for the level of word formation. Namely, these nouns are formed through the usual formation method, by common suffixes, without any deviation even in the frequency of the suffixes. Thus, material at the level of word formation is less interesting than the one at the semantic level. Still, that should not be a reason for not conducting such research, especially since linguistic reality is certainly soliciting a comprehensive approach to these matters, potentially with the involvement of other, non-linguistic disciplines.

BRANKO TOŠOVIĆ

*Institut für Slawistik, Karl-Franzens-Universität Graz,
Österreich, Graz, branko.tosovic@uni-graz.at*

Кибердеминуция

В анализе предпринята попытка рассмотреть кибердеминуцию (образование и использование в интернете слов, передающих субъективно-оценочные значения малого объема и размера), возможность ее моделирования, типы сетевых деминутивов, их функционирование и восприятие. Материалом для исследования послужили веб-источники, словари языка интернета, виртуальная поэзия и проза.

In this paper, an attempt is made to explain cyberdeminution (education and use of words on the Internet that express subjective meaning of small volume and size), the possibility of its modeling, types of network diminutives, their functioning and perception. Following material was used for the research: web resources, dictionaries of Internet language, virtual poetry and prose.

Ключевые слова: деминутив, кибердеминуция, интернет, словообразование

Key words: diminutive, Cyberdeminution, Internet, derivation

0 Предметом настоящей работы является кибердеминуция – образование уменьшительно-ласкательных слов и их функционирование в Сети (собственно кибердеминуция) или в офлайн-онлайн комбинации (кибердеминуция смешанного типа). К кибердеминутивам относятся сетевые производные имена существительное, прилагательные, глаголы, частицы, междометия и изолированные формы изменяемых слов со значением малости, с добавочным (факультативным) экспрессивно-эмоциональным оттенком ласкательности, сочувствия, умиления или, наоборот, уничижительности, пренебрежения. Среди таких образований особый интерес вызывают те, которые зарождаются и полноценно функционируют только в интернете. Цель нашего анализа – найти и описать онлайн-деминутивы, а также ответить на вопрос, (а) в чем отличаются онлайн-деминутивы на уровне образования и употребления от классической (офлайн) деминутивов типа существительных *домик, ручка, Сашенька*, прилагательных *слабоватый, глупенький, ровненький*, наречий *рановато, тихохонько, пешочком*, глаголов *привстать, похрамливать, подмочить*, частиц, междометий и изолированных форм изменяемых слов *баюшки*,

спасибочки, потягушки, (б) какие субъективно-оценочные значения преобладают в интернете – уменьшительные (типа эталонных офлайн примеров *татуэтка, канцонетта*), ласкательные (*ночка, братишка, бабуля, Шурик*), уменьшительно-ласкательные (*домик, птичка*), уменьшительно-уничижительные (*теорийка, идейка, бабенка, комнатенка*).¹

1 Кибердеминутцию можно толковать в более узком и более широком смысле. При более узком подходе в центре внимания находятся деми-нутивы, полноценно функционирующие только в интернете или закрепляющиеся только за это пространство. При более широком толковании в центре внимания находятся все деми-нутивы, возникающие и используемые в Сети. Мы придерживаемся первого подхода. Он подразумевает рассмотрение основных составляющих кибердеминутции, а именно: форм, приемов (способов образования), значений, функций и функционирования. В изучении кибердеминутции исходной точкой может быть словообразование или интернет. В нашем подходе использован индуктивный метод (частное → общее) в обоих направлениях (словообразование → интернет, интернет → словообразование) и на основе собранного материала создана общая система кибердеминутции. Она состоит из двух частей: верхней (структурной или словообразовательной) и нижней (функциональной или сетевой).

2 В верхней части модели находятся приемы создания сетевых деми-нутивов. Они относятся к морфологическим способам словообразования (деривации путем присоединения морфем к производящей основе или к производящему слову) и разделяются на конструктивные, деструктивные и деструктивно-конструктивные.

3 К конструктивному типу относятся аффиксальные и неаффиксальные способы образования кибердеминутивов. Что касается аффиксальных, в исследованном материале отсутствуют префиксальные и префиксально-суффиксальные,² в то время как суффиксальные широко распространены.

¹ Интернет значительно расширяет границы и потенциал словообразования. К сожалению, комплексное изучение соотношения словообразования и интернета пока отсутствует. За толкование деривационных процессов в этом пространстве часто берутся любители (за отсутствием интереса у профессионалов), и вместо серьезной (настоящей) науки нередко появляется лже(псевдо)наука.

² Существуют недеминутивные образования типа *прошивка* ‘программный код, записанный в энергонезависимой памяти устройства (например, PDA, сотовый телефон или маршрутизатор)’.

Иллюстр. 1. Модель соотношения деминутивов и интернета

4 В киберпространстве деминутивы образуются при помощи суффиксов, выражающих ласкательное отношение к его реалиям: **-ак сервак**, **-еж/-ик бложек (бложик)** ← блог, **-ешка/-ечка жежешика (жежешечка)** ‘неформальное название блог-сервиса Живой Журнал (livejournal.com, livejournal.ru); интернет-дневник, блог или запись в нем’,³ **-ик смайлик**

³ Толкования деминутивов даются по различным источникам, в первую очередь по словарю Хайдарова 2012.

(*смайл* ← *smile* ‘улыбка’) ‘идеограмма, передающая эмоции, а также статус, состояние, интенции, простую мысль и т. п.’, *топик* ← *топ* (← *topic* ‘предмет, тема разговора’) ‘отдельная тема форума, последовательность всех сообщений в ней; отдельное сообщение в обсуждении какой-либо темы’, *чатик* ← *чат*, **-ик/-ак** *флопик/флопак* (также *флопарь*, *флоповод*, *флопогрыз*) ‘флоппи-дисковод’, **-ик** *нотик* (также *нутыбьяка*, *нотер*) ← *notebook* ‘ноутбук’, **-их(а)/-ях(а)** *нтиха*, *нтяха* ‘операционная система построенная на базе NT-технологий, например Windows XP/2003’, **-к(а)** *авишка* (*авишник*) ‘видеофайл формата avi’, *ветка* ‘отдельная тема форума, последовательность всех сообщений в ней’, *ланка*, *локалка* (*лань*, *лан*, *лана*, англ. *LAN*) ‘локальная сеть, не обязательно имеющая выход в интернет’, *днявка* (*дняфка*, *дняффа*) ← *днев* ‘дневник, регулярные записи наблюдений за текущими событиями общественной или личной жизни, их осмысления; отдельная запись в таком дневнике’, *мамка* (*матка*, *материнка*, *мама*, *мать*) ‘материнская плата’, *мирка* (*мирк*) ‘программа ICQ фирмы *Mirabilis*’, *няка* (*няшка*) ← *ня* (междометие⁴ для выражения любования, умиления) ‘милый, приятный, очаровательный, хороший’, *визитка* (*виртуальная*) ‘страница с контактной информацией рекламодателя и/или заголовок объявления’, **-ок** *щнурок* ‘кабель’.

Определенная контекстуальная доза ласкательности наблюдается в словах со суффиксом **-лк(а)** *прыскалка*, *сморкалка* (также *сморкач*) ‘струйный принтер’, **-лк(а)**, **-йк(а)** *искалка*, *щцейка* ‘поисковая система’, **-овк(а)** *чатовка* ‘встреча в реальном мире постоянных членов общества, объединенного онлайн-общением, пользователей одного чата’, **-ух(а)** *кликуха* ‘компьютерная мышь; выбранный псевдоним, используемый в Интернете (← разг. *кличка*)’, *сетевуха* ‘сетевая плата’⁵.

⁴ Оно происходит от японского *ня*, подражающего кошачьему мяуканью. В японском языке *ня* используется в конце фразы и без смысловой нагрузки, в первую очередь в игривом образе поведения. «/.../ в последнее время использование слова *ня* стало довольно популярным в аниме-сообществах. Многие отаку и просто любители аниме или манги добавляют *ня* на интернет-форумах и в сетевых чатах практически к каждой фразе в своих сообщениях, по поводу и без такового. Можно считать, что слово *ня* является атрибутом обобщенной кавайности лица, его использующего, или ситуации, в которой оно использовано. Повсеместное использование слова *ня* получило название *някать*, то есть добавлять *ня* ко всем высказываниям» (Википедия-www). Закреплению в рунете могли способствовать ассоциации со словом *нака* (*няка*), обозначающем в детском лепете что-л. вкусное.

⁵ Данное слово имеет и уничижительного значение, так как используется как название сайтов, наполненных дешевыми сенсациями, «жареными» фактами, сплетнями из мира шоу-бизнеса и т. п.

5 Если слово *мышь* ‘манипулятор мышь’ считаем образованным от *мышка*, а не от *мышь*, а также *ава/авка* от *аватарка* ‘небольшое изображение, представляющее интернет-пользователя и обычно сопровождающие его тексты’, то речь идет об обратном словообразовании – порождении более простого по структуре слова от более сложного (по образцу *фляга* < *фляжка*, *дояр* < *доярка*),

6 К неморфологическому способу словообразования, т. е. к лексико-синтаксическому относится контаминация – сращение частей различных сочетаний слов. Объединение первой части одного слова и последней части второго ведет к созданию телескопизмов – деминутивных контаминантов типа *сетевочка* ← *сетевая девочка* ‘девушка живущая в сети’, *сетельчишка* ← *сетевой мальчишка* ‘мальчишка, живущий в сети’ и недеминутивных *чисатель* ← *читатель* + *писатель*, *сетелистика* ← *сетевая* + *стилистика*.⁶

7 Кибердеминутивные гибриды представляют собой новообразования, состоящие из частей слов разных языков. В нашем материале это исключительно англо-русские соединения. Они возникают в результате использования иноязычного слова или его корня и «обрусения» при помощи суффиксов типа *-к(а)*, *-енц(а)*, *-лк(а)*, *-ушк(а)* – *флешка*, *флешенца* ‘USB *Flash*, мобильное устройство хранения информации’, *симка* ‘модуль памяти *SIMM*’, *спамилка* (*памбот*, *спамер*) ← *SPAM* ‘программа для автоматизированного распространения рекламных сообщений’, *интрузка* (← *intro*) ‘заставка, представляющая какой-либо программный продукт’, *прокся* ‘прокси-сервер’ или же форманта *-а*: *линка*, *линк* ‘гипертекстовая ссылка URL’, *бизя* (← *busy* ‘занятый’) ‘состояние занятой телефонной линии’. Сюда также относится *демка* ← *демонстрационная версия* ← *дем[онстрационная]* + *-к(а)* + *версия* ‘неполная (ознакомительная, демонстрационная) версия программы или игры’, *админка* ← *админ[истратор]* + *-к(а)* ‘система управления сайтом’.

⁶ Они возникают по образцу офлайн примеров типа *трагикомический* (из *трагический* и *комический*), *Ф. Толстоевский* (*Ф. Достоевский* и *Н. Толстой*). У телескопизмов могут быть четкие стыки (точки соединения) – когда ясно, где кончается первая часть, а где начинается вторая (*сетелистика* < *сете-вая* + *сти-листика*) и нечеткие стыки – когда это неясно из-за наличия различных вариантов прочтения (*Толстоевский* < *Толстой* + *Достоевский* –: *Толстое-* + *-вский*, *Толсто-* + *-евский*, *Толст-* + *-оевский*...).

8 Кибердеминутивы создаются и в результате особого лексико-семантического способа – переосмысления, т. е. на базе ассоциаций с домашними словами и изменения, сдвига значения существующих слов или их корней. К таким новообразованиям – транспозитивам относятся, например, *качалка* ‘программа для скачивания файлов из Интернета’, *мыльница* (← *mail*, также *мыло*) ‘электронная почта, сообщение в электронной почте или адрес в электронной почте’, *визитка* [*виртуальная*] ‘страница с контактной информацией рекламодателя и/или заголовок объявления’, *лисичка* (*лиса*) ‘браузер *FireFox*’, *ослик* (*осёл*), ← *осел* ‘программа для навигации и просмотра веб-сайтов ← [браузер] *Internet Explorer*; программа *eMule*,⁷ *перловка* (*перл*) ‘язык программирования *Perl*’, *плитка* ‘печатная плата’, *помойка* ‘корзина’, *скачка* ‘скачивание’, *собачка* (*собака*) ‘наименование символа @’, *таблетка/таблэтка* ‘файл, при помощи которого снимается защита устанавливаемой программы’, *тазик* ‘персональный компьютер или рабочая станция; спутниковая тарелка’, *точка* ‘компьютер’, *форточка/форточки* ‘название операционной системы *Windows*’, *хомячок* (← *хомяк*) ‘домашняя страница (← *homepage*); пользователь компьютера; пользователь ОС *Windows XP Home Edition*, обыватель; интернет-пользователь, интересы и знания которого неглубоки, а деятельность ограничивается подражанием кому-л. и бездумным следованием за лидерами’, *целка* ‘процессор *Intel Celeron*’, *шкурка* ‘комплекс элементов и настроек, задающий внешний вид программы, веб-страницы’, *веник* (также *Винт*) ‘винчестер, жесткий диск’, *дурень/дурик* ← *AMD Duron* ‘процессор’, *пеньтюх, пень* ‘центральный процессор марки *Pentium* компании *Intel*’, *писюха, писюк* ← *PC* [*pi-si*, *пи-си*]) ‘персональный компьютер, PC’.

Переосмысление применяется и на аббревиатуры. В одном из примеров соотносятся две графики – латиница и кириллица, причем первая воспринимается как вторая и добавляется русский формант: последняя часть названия операционной системы *ОС Windows XP* превращается при помощи *-юш(а), -я* в *XPюша, XPя*.⁸ Нечто подобное наблюдаем и в новообразованиях *Ирка* ‘система онлайн-общения *IRC* (*Internet Relay Chat*)’, *Оля* ← *OLE* ‘технология *Object Linking and Embedding*, предназначенная для редактирования данных, созданных в другой программе, без выхода из основного редактора’, *энтя, энтяха* ‘операционная система *Microsoft Windows NT*’, *аська/ася/асечка* ← *ICQ* ‘программа и

⁷ Слово *осел, ослик* возникло под влиянием названия программы (*eMule* ‘электронный мул’) и логотипа программы, изображающего мула или ослика.

⁸ Существуют и неминуемые варианты: *Хп, ХаПэ, Хрень, Хреново, Работает, Хрен Разберешь*.

сервис мгновенного обмена сообщениями посредством интернета’, *вика* (*вики/Wiki*) ‘Википедия’.

Процесс «обрусения» затрагивает и иностранные имена: *Петя* ← *Питер* [Нортон]. По этому же принципу создаются собственные имена от несобственных: *Емеля*, *Емло* (также *Мыло*) ← *e-mail* ‘электронная почта’.

Остальные способы неморфологического образования не зафиксированы в исследуемом материале.⁹

9 Примеры деминутивных универбов (создания одного слова из словосочетания с сохранением смысла) являются редкими, скажем: *норка* ← *Norton Commander*, *личка* ← *личная почта* ‘система обмена приватными сообщениями, личная почта; личное сообщение’, *сетевочка* ← *сетевая девочка* (девушка, живущая в сети), *сетельчик* ← *сетевой мальчик* (мальчишка, живущий в сети).¹⁰

10 К деструктивным типам словообразования относится случаи, когда происходит субстанциональная модификация слова в форме афрезы (усечения начала слова), синкопы (усечения середины слова), апокопы (усечения конца слова) и метатезы (перестановки частей слова). Апокопа часто ведет в определенных контекстах к созданию оттенка ласкательности: *комп* ← *компьютер*, *вирт* ← *виртуальность*, *реал* ← *реальность*, *модер*, *развирт*[уализация], *трой* (*троян*, *троянец*), *вир/вирь* ← *вирус* ‘программный код (или программа) способный внедрить в систему (компьютер, программу) и запустить выполнение собственных задач’, *моня/моник* ← *мон[итор]* + *-я*, *-ик* ‘монитор компьютера’. Ласкательность характерна и для синкопы типа *клава* ← *клав[иатур]а*. Экспрессивной является метатеза (с небольшим изменением звучания корневого гласного) *очепятка* ← *опечатка* ‘написанное с опечаткой’.

11 К деструктивно-конструктивному типу относятся случаи объединения деструкции и конструкции, напр. усечения и вторичной суффикса-

⁹ В нем отсутствуют кибердеминутивы на базе перехода слов из одной части речи в другую типа *столовая (ложка)* [прилап] > *столовая (помещение)* [сущ.], *караул* [сущ.] > *караул!* [межд.]. Также нет деминутивов, образованных сращением, сочетанием слов (что является формом лексико-синтаксического способа), скажем: *высококачественный* < *высоко* + *качественный*; *тотчас* < *тот* + *час*.

¹⁰ Недеминутивные образования чаще встречаются, напр.: *сетература* ← *сетевая литература*, *сетелистика* ← *сетевая стилистика*.

ции: напр., ласкательное слово *сервак*¹¹ от *сервер* (*серв-*) и *-ак*. Ср. также *Яха, Яша* (Яндекс) ‘каталог Яндекса, ‘поисковая система yandex.ru’ ← *Я[ндекс] + -х(а), -ш(а), яка* ← *Я[ндекс] + к(а)*.

12 Конусные кибердеминутивы – это уменьшительно-ласкательные слова, превращающиеся в лексику с ограниченной сферой использования – термины, жаргонизмы, сленгизмы и арготизмы: *смайлик, собачка* ‘наименование символа @’, *плитка* ‘печатная плата’, *бложек/бложик* ← *блог, ветка* ‘отдельная тема форума’, *ланка/лан/локалка* ‘локальная сеть, не обязательно имеющая выход в интернет’, *искалка/ищайка* ‘поисковая система’, *чатовка* ‘встреча в реальном мире постоянных членов общества, объединенного онлайн-общением, пользователей одного чата’, *ослик* ← *осел* ‘программа для навигации и просмотра веб-сайтов (браузер) Internet Explorer; 2. программа eMule’.

13 Существуют и рецептивные деминутивы – немотивированные ласкательные слова, которые в некоторых контекстах воспринимаются деминутивами, хотя ими формально не являются, скажем *крэк* (*кряк*) ← англ. *to crack* ‘раскалывать’ (существуют и варианты *кряка, крякалка*) ‘взломщик программ’.

14 Проведенный анализ указывает на то, что основная субъективно-оценочная категория кибердеминутивов – ласкательность и что оттенок уменьшительности почти отсутствует.

15 Нижнюю часть модели занимает функционирование деминутивов в интернет-жанрах (форумах, чатах, электронной почте, блогах, дневниках, демотиваторах и т. п.) и сетевых медиа. Своеобразную деминутцию создают и активно пользуются ею отдельные участники сетевой коммуникации (особенно «падонки», «мамочки» и др.). Кибердеминутция имеет свое место и сетературе (сетевой литературе), особенно в «пирожковой» поэзии и стихах «сетевочек» («девушек, живущих в сети»), и «сетельчиков» («мальчиков, живущих в сети»). Соответственно выделяются функциональные типы: жанровые, медийные, генераторские и др.

Интерес вызывают сетевые игры и эксперименты с образованием уменьшительно-ласкательных слов.

¹¹ Существует и *серв, стервер, сервант*.

16 Жанровые кибердеминутивы представляют собой уменьшительно-ласкательные слова, используемые в жанрах интернета или закрепляемые за ними. Их порождают, в первую очередь, чаты, электронная почта, форумы, социальные сети, блоги, дневники и т. п.

17 Электронная почта неофициального характера предоставляет широкие возможности для употребления уменьшительно-ласкательных слов. Эмайловые деминутивы («эмайлички») используются (а) в электронной почте сырого характера (оригинальные электронные письма), (б) в обработанной, стилизованной электронной почте в художественных произведениях. Деминутивы сырой электронной переписки являются первичными, обработанной – вторичными. Поиск первичных деминутивов затрудняется в самом начале из-за того, что частная переписка не отличается свободным доступом, имеет закрытый характер. Вторичный материал возникает в рамках виртуальной прозы и поэзии – литературных текстах, создаваемых (1) полностью в форме электронной переписки или (2) в комбинации авторской речи и электронных писем персонажей. Самым ярким примером является триптих Януса Вишневого Одиночество в сети (Вишневикий 2014).¹² Но так как речь идет о переводе с польского языка, мы для анализа выбрали произведение Нины Сумирэ: Вирту@льный роман.ru (Сумирэ 2014) и в нем выделяются следующие деминутивы: *Миша* (26)¹³, *Таня* (18), *Мишутка* (17), *Верочка* (10), *половинка* (9), *строчка* (7), *аватарка* (6), *аска*, *картинка*, *цветок* (4). Особое внимание обращают на себя широкое использование деминутивов от личных имен (*Миша*, *Мишутка*, *Верочка*, *Танюша*, *Катя*, *Марфушечка*, *Сева*), спаривание деминутивных и недеминутивных форм (*пока моя страница Миши Михаила была удалена* – Сумирэ 2014: 120), создание плеоназмов (*маленькая девочка*, *небольшая статейка*) и т. п. Типично сетевыми деминутивами являются *аватарка*, *аска*, *смайлик*, *обновка*, *смска*, *страничка*, *фотка*, *мышка*, *тазик*.

18 Чатовые деминутивы отражают и выражают форму общения в особом сетевом жанре – чате, представляющем собой обмен сообщениями в режиме реального времени (общение происходит только с присутст-

¹² Этот роман состоит из 11 частей, озаглавленных знаком электронной почты: @1, @2, @3... В повествовании участвуют Он и Она, с начала до конца обменивающиеся почтовыми сообщениями.

¹³ Цифра в скобках обозначает количество страниц, на которых встречается данное слово.

вующими в настоящий момент).¹⁴ Здесь тоже существует первичный и вторичный материал. В первичном употреблении деминутивов не имеет системного характера (не делается специальная установка на их нарочитое, преднамеренное, осознанное и последовательное употребление, так как для системного подхода требуется время, а чат-общение является формой мгновенной реакции). Так, LiveChat представляет собой пример открытого, для всех доступного чата (LiveChat-www). Деминутивы в обработанных, стилизованных чатах отличаются сдержанностью, взвешенностью, целесообразностью. Одним из таких текстов является роман В. О. Пелевина Шлем ужаса: Миф о Тесее и Минотавре (Пелевин 2014).

19 Форумные деминутивы отличаются широтой и разнообразием употребления, предопределенными природой этого жанра. Особенно часто используется шутивно-ироническое слово *смехуёчки* для выражения неодобрения чьей -л. несерьезности, постоянных шуток

20 Демотиваторские кибердеминутивы появляются в демотиваторах – онлайн постерах с особым форматом (черной рамкой), объединяющим текст и графику, и тематическим наполнением. Авторы преследуют нестандартные цели, выражают альтернативные и порой радикальные мнения, тяготеют к нарушению мотивации, настроены на провокацию (троллинг), создание эффекта, пародирование и высмеивание.

Своеобразной сферой функционирования деминутивов является сетература – прозаические и поэтические произведения, возникающие и часто функционирующие только в интернете. В таких художественных произведениях выделяются на уровне деминутивии так. наз. «пирожковая поэзия». Деминутивы активно используются в поэзии «сетевочек» и сетельчиков» – очень молодых людей, которые являются постоянными «жителями интернета», жизнь и/или деятельность которых немислима без интернета, которые значительную часть времени проводят в виртуальном мире и для которых интернет – место пребывания. Они создают свой особый способ выражение, в котором поэзия играет немаловажную роль. «Сетевочки» и «сетельчики» пишут стихи в Сети для себя или для других (близких, дорогих, любимых).¹⁵ В этой поэзии господствуют

---

¹⁴ Участники в общении чат иногда называют ласкательно: *я уже тут в чатике и девушку пытаюсь закадрить. но она столичная цаца и пока-что глухо всё* (LiveChat-www).

¹⁵ Эта поэзия не отличается высокими художественными качествами, так как ее авторами являются молодые люди без опыта в создании стихов, без знаний в области искусства слова и поэтического творчества.

следующие мотивы: виртуальность и реальность, правда и ложь/обман/ иллюзия/разочарование, свидание и разлука, одиночество, бессонница, мечта, любовь и ненависть.

21 Деминутивы порождаются необычными участниками сетевого общения – «падонками»¹⁶ – молодыми людьми, которые в Сети при написании комментариев к текстам в блогах, чатах, форумах и т. п. использует русский язык с нарочно неправильным написанием слов и употреблением ненормативной лексики.

22 Деминутивы особенно часто встречаются на сайтах и форумах мам/ мамочек, беременных женщин, рожениц, молодых матерей. «Мамские» деминутивы иногда имеют в основе коверканье и сюсюканье, ср.: *папики, тончики, месики*.

23 Существует особая категория – «репродуктивные» деминутивы («репродеминутивы»). Это уменьшительно-ласкательные слова женщин, связанных с их репродуктивной функцией. Здесь выделяются различные типы носителей этой функции и за каждым из них закрепляются определенные названия деминутивного характера (положительного или отрицательного) – *хочучешки* (хотят забеременеть), *планюшки* (планируют стать беременными), *овуляшки* (прилагают активные усилия, чтобы забеременеть), *беременюшки* (уже забеременели).

24 Медийные кибердеминутивы используются в мономедийных текстах (состоящих только из языкового материала) и мультимедийных текстах (являющихся синтезом текста и мультимедиа), однонаправленных (с чтением только вперед и только назад), параллельных (синхронных) и циклических (с постоянным возвращением к началу), литературно-художественных, публицистических, разговорных и др. К мультимедийным деминутивам относятся уменьшительно-ласкательные слова в сочетаниях текста и графики типа. Очень выраженный мультимедиаальный характер имеет слово *СМка*. Оно активно используется в телевизионных юмористических передачах, музыкальных произведениях, художественных фильмах, балетных постановках, аудиовизуальных презентациях и т. п.

---

¹⁶ Слово *падонки* в литературном русском языке имеет значение 'осадок, гуща, осед, отсед, что опало на дно, село, выделившись из мутной воды'.

25 Восприятие кибердеминутции является неодинаковым, но все сводится к противопоставлению: положительное восприятие – отрицательное восприятие. Консенсус возникает, когда речь идет о чрезмерном использовании деминутивов – это вызывает негативную реакцию, иногда отвращение и раздражение.

ЛИТЕРАТУРА

Википедия: <<https://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%FF>>. 15. 5. 2015.

В. О. ПЕЛЕВИН, 2014: *Шлем ужаса: Миф о Тесее и Минотавре*. Москва.

Нина СУМИРЭ, 2014: *Вирту@льный роман.ru*. Новосибирск: Манускрипт.

В. Ф. ХАЙДАРОВА, 2012: *Краткий словарь интернет-языка*. Москва: Флинта.

LiveChat-www: LiveChat – *Территория позитивного общения*. <<http://livechat.su/chat>>. 19. 5. 2015.

SUMMARY

Cyberdeminution

The subject of the analysis is cyberdeminution – education of diminutives and hypocoristics and their functioning in the internet (cyberdeminution in the true sense) and offline-online combination (cyberdeminution mixed type). The goal of the analysis is to find and describe online diminutives and answer the question: what differentiates them on the level of education and the use from classic (offline) diminutives.

KATARÍNA VILČEKOVÁ

*Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda,
Slovenská Republika, Trnava, katarina.vilcekova@gmail.com*

Ako sa prekladajú nemecké zdrobneniny v slovenskom jazyku?

Príspevok sa zameriava na komparáciu zdrobnenín v slovenskom a nemeckom jazyku. V úvode príspevku sú zhrnuté teoretické informácie o spôsobe tvorby slovenských a nemeckých deminutív a spôsobe ich použitia. V druhej časti príspevku sa zameriame na analýzu toho, ako sú nemecké zdrobneniny prekladané do slovenského jazyka. Východiskové texty budú texty obsiahnuté v príslušných korpusoch, ktoré umožňujú komparáciu textov v slovenskom a nemeckom jazyku.

The aim of this contribution is to compare diminutives in Slovak and German language. The introduction summarizes theoretical information on methods of creation of Slovak and German diminutives and their use. The second part analyzes the translation of German diminutives into Slovak language. Source texts will be included in their respective corpuses, which allow the comparison of texts in Slovak and German language.

Kľúčové slová: zdrobneniny, nemecký jazyk, slovenský jazyk, preklad, korpus

Key words: diminutives, german language, slovak language, translation, corpus

1 SLOVO NA ÚVOD

V rámci jazykovedy sa môžeme stretnúť s viacerými prácami, ktoré porovnávajú spôsoby tvorby a použitia zdrobnenín v jednotlivých jazykoch. Príkladom sú napr. práce Mareka Nekulu (2004), ktorý ponúka kontrastívny pohľad na deminutíva v češtine a nemčine alebo Bernadette Koecke (1994), ktorá porovnáva nemecký jazyk s poľským, pričom uvádza aj možnosti vzájomného prekladu deminutív porovnávaných jazykov. Cieľom našej práce je okrem porovnania tvorby deminutív v slovenskom a nemeckom jazyku, aj zistenie, akým spôsobom sú nemecké zdrobneniny prekladané v slovenských textoch. Keďže sa v práci nechceme zamerať iba na jednotlivé izolované slová, náš prieskum bude vychádzať z textov, ktoré sú obsiahnuté v korpusoch. Výsledky sa potom pokúsime štatisticky interpretovať. To znamená, že sa pokúsime

vyčísliť, ktoré slovenské deminutívne sufixy sa najčastejšie používajú pri prekladoch nemeckých deminutív.

2 ZDOBENINY V SLOVENSKOM JAZYKU

Slovenčina je často označovaná ako ľubozvučný jazyk. Väčšina cudzincov však nezabúda jedným dychom dodať, že to je aj veľmi ťažký jazyk. Tento názor býva často podporovaný aj viacerými rebríčkami, ktoré sa snažia zoraďovať rôzne jazyky sveta podľa náročnosti. Výsledky takýchto výskumov bývajú ale často relatívne. Kým pre Angličana je zvládnutie slovenčiny náročnou úlohou, Čech alebo Poliak taký veľký problém nemajú. V čom spočíva komplikovanosť slovanských jazykov, konkrétne slovenčiny? S najväčšou pravdepodobnosťou je to rozmanitosť tvarov. Kým v angličtine sa tvary podstatných mien (odhliadnuc od množného čísla) pri skloňovaní vôbec nemenia, v slovenčine sa tvar podstatného mena mení v závislosti od pádu. Ak by sme porovnali slovenčinu s nemčinou, aj vtedy by si slovenčina odniesla nálepku toho komplikovanejšieho jazyka. Kým Nemec, resp. nemecky hovoriaci človek sa musí popasovať iba so štyrmi pádmi, pričom sa pri skloňovaní podstatných mien mení (okrem tvaru v genitíve singuláru a datíve plurálu a v prípade tzv. silného skloňovania) iba člen podstatného mena, v slovenčine treba zvládnuť pádov šesť. Aj keď možno uvedené príklady pôsobia odstrašujúco, práve táto rozmanitosť robí slovenčinu jedinečnou a ľubozvučnou.

Okrem morfológie disponuje veľkou pestrosťou tvarov, resp. prostriedkov aj lexikológia. Zorné pole lexikológie je široké a isto veľmi zaujímavé, avšak stredobodom tohto príspevku je iba jeho časť, a síce zdobneniny, alebo inak povedané deminutíva.

Čo vlastne znamená slovo deminutívum? Ako píše Pavlovič »*deminutíva sú slová, ktoré vyjadrujú menší rozmer alebo menšiu mieru; pomocou deminutívnej formy sa vyjadruje aj emocionálny hodnotiaci postoj*« (Pavlovič 201: 14). Trnková ešte dodáva, že deminutívna derivácia je typickou črtou slovanských jazykov (Trnková 1991: 87). Deminutívnosť je, ako ďalej uvádza Trnková,

jednou zo slovtvorných onomaziologických kategórií modifikačného typu, ktorých deriváty sú nositeľmi sémantiky základového slova modifikovanej určitým sekundárnym príznakom. Sémantika deminutíva je oproti sémantike základového substantíva modifikovaná príznakom deminutívnosti, ktorého formálnym vyjadrením je deminutívny sufix (Trnková 1991: 89, pozri aj Balážová 2009: 209).

Uvedená definícia je zaiste veľmi výstižná a presná, no pre laika asi len ťažko pochopiteľná. Preto sa ju pokúsime rozmeniť na drobné. Pri tvorbe deminutív

ide o slovotvorný proces, v rámci ktorého vznikajú slová odvodené od pôvodných slov. Takéto odvodené slová vznikajú pomocou tzv. deminutívnych sufixov, čiže prípon. Takto vzniknuté slová vo svojej podstate nenadobúdajú nový význam (sú nositeľmi sémantiky základného slova), ich význam je ale modifikovaný príznakom deminutívnosti, t.j. označujú (ak vychádzame z ich prvotnej funkcie) malé veci. Deminutíva patria medzi tzv. expresívne motivované slová (pozri Furdík 2008: 59).

Z uvedeného vyplýva, že zdobneniny nemusia označovať iba predmety menších rozmerov, ale môžu mať aj expresívny charakter. Teda nemusia vyjadrovať kvantitatívnu vlastnosť danej veci alebo osoby, ale môžu reprezentovať aj kvalitatívny vzťah osoby k inej osobe či k predmetu. Na základe toho je možné rozlíšiť kvantitatívne a kvalitatívne deminutíva. Medzi kvantitatívne deminutíva patria pomenovania ako *stolík* (*malý stôl*) alebo *lampička* (*malá lampa*). Medzi kvalitatívne deminutíva môžeme zaradiť napr. slová ako *babička* (v tomto prípade nejde o osobu malého veku, ale o vyjadrenie pozitívneho vzťahu k danej osobe) alebo *sestrička* (pričom nejde o označenie malej sestry). Niekedy sa však kvalitatívna a kvantitatívna dimenzia môžu stretnúť v jednom slove. V takom prípade hovoríme o kvantitatívno – kvalitatívnych deminutívach. Príkladom je napr. slovo *chalúpka* – táto zdobnenina môže byť označením pre malú chalupu/dom, ale môže so sebou niesť aj expresívny nádech, teda vyjadrenie pozitívneho vzťahu k danému predmetu. To, či ide o kvantitatívne, kvalitatívne alebo kvantitatívno – kvalitatívne deminutívum, je často možné zistiť iba z kontextu. Aj keď slovo zdobnenina evokuje hlavne zjemňujúci charakter takto utvorených slov, môžu byť zdobneniny v niektorých prípadoch použité aj v pejoratívnom význame. Do tejto skupiny väčšinou patria podstatné mená označujúce nejaké funkcie, resp. povolania: *učiteľik*, *funkcionárik* atď. Okrem toho sa deminutíva dajú použiť aj v práve opačnom význame, teda ako augmentatívny výraz. Takúto funkciu zdobnenín je možné uvedomiť si zväčša len v kontexte: *hodná chvíľka*, *pekná kôpka* (pozri Balážová 2000: 210, Pavlovič 2012: 14, Trnková 1991: 90).

2.1 Deminutívne podstatné mená

Ako uvádza Furdík, zdobneniny sú produktívnou kategóriou a v podstate je možné vytvoriť zdobneninu od každého substantíva. Tvorba zdobnenín z podstatných mien je ale podmienená rodom pôvodného podstatného mena. Od rodu pôvodného podstatného mena potom závisí aj inventár sufixov, ktoré je možné pri tvorbe deminutív použiť. Furdík pre tvorbu deminutívnych substantív používa veľmi všeobecný vzorec, ktorým je vyjadrený pôvodný

význam zdobnenín. Vzorec je v tvare: $S_{demin} = mal - R + S_{mot}$, kde S_{demin} je príslušné deminutívum, $mal - R$ je prídavné meno malý, malá, malé, pričom »R« označuje práve koncovky jednotlivých rodov a S_{mot} je slovo s príslušnou motiváciou. Teda napr. *loptička* = *malá lopta* (Furdík 2004: 90).

Ako už bolo spomenuté v úvode tohto príspevku, pre slovenčinu je príznačná rozmanitosť tvarov. Túto rozmanitosť je možné nájsť aj pri tvorbe deminutív, o čom svedčí veľké množstvo deminutívnych sufixov pre všetky tri rody podstatných mien. Pre väčšiu prehľadnosť uvádzame tieto sufixy v nasledovnej tabuľke:

Tabuľka 1: Substantívne deminutívne sufixy

mužský rod	ženský rod	stredný rod
-ík/-ik	-ica	-ko
-ček	-ika	-ce
-ok	-ka	-ka
-ec	-ička*	-ečko/-iečko*
-ko/-enko/-ianko/-ičenko	-čička(*)	-ôčko/-očko*
-inko	-ôčka*	-uško*
-uško	-očka*	-ienko*
	-enka/-ienka*	-ičko/-očičko*
	-uška*	-ičičko**
	-ečka*	-ičečko**

*sekundárny sufix; (*) primárny aj sekundárny sufix; ** terciárny sufix

Zaujímavosťou je, že kým Pavlovič vo svojej knihe (z ktorej sme vychádzali pri tvorbe tabuľky) pomerne striktné rozlišuje medzi primárnym a sekundárnymi, ba dokonca aj medzi terciárnymi sufixami (Pavlovič 2008: 14), Trnková upozorňuje na to, že nie vždy je možné jasne rozlíšiť, či ide o sufix primárny alebo sekundárny. Ako uvádza Trnková, »z dvadsiatich troch deminutívnych sufixov spisovnej slovenčiny je sedem homogénnych primárných, šesť homogénnych sekundárných (spolu 13 homogénnych sufixov) a desať heterogénnych sufixov« (Trnková 1991: 92). Pričom medzi heterogénne sufixy zaraďuje *-ček/-tek*, *-ko*, *-ička*, *-očka/-ôčka*; *-enka/-ienka*, *-inka*, *-uška*, *-ičko*; *-iečko/-ečko*, *-očko/-ôčko*. Táto skutočnosť súvisí s tým, že v slovenčine sa vyskytujú aj také podstatné mená, ktoré majú síce formálne tvar deminutív, no nezaraďujú sa medzi ne. Sú to slová, ktoré svoj deminutívny príznak stratili (*cukrík*) alebo sa používajú v odbornom kontexte (*klinec*). Takéto slová majú tvar tzv. primárneho deminutíva, teda deminutíva, ktoré vzniklo pridaním primárneho sufixu.

Tento tvar je ale iba formálny a v skutočnosti tieto slová nie sú deminutívami. Ak však chceme z týchto slov utvoriť deminutívum, musíme k nemu pridať už sekundárny sufik, ktorý je ale v prípade takýchto slov ich primárny sufik. Preto je niekedy ťažké rozlíšiť medzi týmito dvoma druhmi sufikov. Aby bolo možné substantívne deminutívum označiť ako deminutívny derivát, musí spĺňať nasledujúce kritériá:

- (1) prítomnosť deminutívneho príznaku
- (2) možnosť spätne odvodiť základové substantívum s tou istou sémantikou, v ktorej však absentuje príznak deminutívnosti (Trnková 1991: 92, pozri aj Pavlovič 2008: 14, Hayeková 1956: 77).

Pri tvorbe substantívnych deminutív dochádza v niektorých prípadoch okrem pripojenia sufikov, ktoré sú podľa Furdíka tzv. *k-ového* typu (teda v každom sufike sa nachádza písmeno »k« (Furdík 2004: 90), aj k zmene v kmeni slova. Ide o tzv. samohláskové a spoluhláskové alternácie. Napr. pri mužskom rode: *boh* – *bôžik*, pri ženskom rode: *strecha* – *striška* (pozri Pavlovič 2008: 14).

2.2 Adjektívne, adverbálne a slovesné deminutíva

Ďalšími slovnými druhmi, od ktorých je možné utvoriť zdobneniny, sú prídavné mená, príslovky a slovesá. Pri opise tvorby týchto deminutív budeme vychádzať z informácií, ktoré vo svojej knihe poskytujú Pavlovič.

Tak, ako sme pri podstatných menách rozlišovali medzi primárnymi a sekundárnymi príponami, tak isto je možné rozdeliť aj sufiky adjektívnych deminutív do týchto dvoch kategórií. Podľa Pavloviča sú prípony *-učký/-učičký* primárne a prípony *-ušký, -unký, -ulky, -ulinky* sekundárne. Takými istými príponami sa tvoria aj adverbálne deminutíva (Pavlovič 2008: 15). Ako ďalej uvádza Pavlovič:

Adjektívne a adverbálne deminutíva sa tvoria veľmi pravidelne, pričom túto ich pravidelnosť sprevádzajú nasledujúce znaky:

- (1) v prípone je vždy samohláska *u* (okrem *maličký*),
- (2) samohláska pred *u* je vždy krátka (*nizučký*),
- (3) spoluhláska pred *u* je vždy tvrdá (*skromnučko*),
- (4) kvantita odvodzovacieho základu sa pred odvodzovacou príponou nemení: *biely* – *bielučký*. Výnimky v tvorení predstavujú adjektíva *krátky, blízky, nízky, úzky*, pri ktorých sa *k* vypúšťa (*kratučký, blizučký*) (Pavlovič 2008: 15).

Čo sa týka slovesných deminutív, tie nedisponujú takou pestrosťou sufixov ako napr. podstatné mená, no napriek tomu sú v slovenčine často používané, pričom v niektorých jazykoch úplne absentujú. Pavlovič uvádza iba nasledovné tri sufixy, ktoré slúžia na tvorbu týchto deminutív, a síce: *-kat'*, *-ikat'*, *-likat'* (Pavlovič 2008: 15).

3 ZDOBENINY V NEMECKOM JAZYKU

Keďže cieľom našej práce je porovnať zdobneniny v slovenskom a nemeckom jazyku, konkrétne spôsob ich tvorby a následne to, ako sú nemecké deminutíva prekladané do slovenčiny, je potrebné venovať sa aj systému deminutív v nemeckom jazyku. Hneď na úvod treba povedať, že nemčina ani zďaleka nedisponuje takým množstvom rôznych deminutívnych foriem ako slovenčina. Napriek tomu sa ale nájdu určité spoločné črty v oboch jazykoch. Tou najpodstatnejšou je to, že v nemčine sa taktiež (pôvodné) deminutíva tvoria výhradne pomocou sufixov a v niektorých prípadoch aj hláskovými zmenami v koreni slova. V súčasnosti sa stále viac a viac dostávajú do popredia aj tzv. analytické formy deminutív, ako napr. *Kleinkind* (*malé dieťa*) alebo *Minirock* (*minisukňa*). Zaujímavosťou sú aj geografické rozdiely v používaní sufixov.

3.1 Substantívne deminutíva v nemeckom jazyku

Aj keď sú substantívne deminutíva, tak ako aj v slovenčine, tvorené sufixami, predsa sa tu nájde zopár podstatných rozdielov:

- (1) v nemčine nie je výber sufixu podmienený rodом podstatného mena (tým, čím je výber podmienený sa budeme zaoberať neskôr),
- (2) tvary množného čísla zdobnenín sú tvorené tzv. nulovou morféomou (teda sa nelíšia od tvaru v čísle jednotnom).

Najčastejšie používanými sufixami pri tvorbe substantívnych deminutív sú sufixy *-chen* a *-lein*. Ako uvádza Koecke, výber toho ktorého sufixu môže závisieť od viacerých faktorov, napr.:

- od morfolologickej štruktúry základného slova, hlavne od jeho koncovej hlásky, resp. skupiny hlások,
- od toho, k akej vrstve sa zaraďuje človek, ktorý dané deminutívum používa (toto však zohráva rolu hlavne pri hovorovej nemčine),
- od štýlu, v akom sa dané deminutívum používa alebo od druhu textu (odborné texty, publicistika atď.) (Koecke 1994: 64).

Kedy je teda možné použiť ten ktorý sufix? Ako píše Dobřík,

najproduktívnejší sufix *-chen* sa spája s motivantami končiacimi na *-l(e)* (*Spielchen, Seelchen*). Sufix *-lein* spravidla nadväzuje na motivanty so zakončením na *-ch, -g, -ng* (*Bächlein, Ringlein, Tüchlein*). Substantíva na *-el* možno »zdrobňovať« sufixami *-chen* a *-lein*. V prípade použitia sufixu *-lein* dochádza k vypusteniu neprízvučného vokálu *-e*, ktorý je súčasťou motivantu (*Englein, Spieglein, Mäntlein, Decklein*). Distribúcia sufixu *-chen* spravidla nespôsobuje vynechanie neprízvučného *-e*, napr. *Engelchen, Mäntelchen, Spiegelchen, Deckelchen*. Výnimku predstavuje *Deckchen* (Dobřík 2010: 27).

Koecke ešte dodáva, že je možné v niektorých prípadoch použiť oba sufixy v závislosti od významu slova, napr. *Männchen* (zvierací samec) a *Männlein* (mužik). Okrem toho uvádza ešte zaujímavú informáciu o pomere výskytu týchto dvoch sufixov. Sufix *-chen* sa používa v nemčine až štyrikrát častejšie ako sufix *-lein*. Ako jeden z dôvodov uvádza Koecke skutočnosť, že koncovka *-chen* je neutrálnejšia, a preto je aj používanjšia v spisovnej nemčine (Koecke 1994: 64).

Okrem spomínaných dvoch sufixov je možné v nemčine nájsť aj ďalšie, ako sú napr. *-le, -el, -erl(e), -li, -la, -i, -ken, -ke, -kin, -ske -sche* alebo *-tje* a prebraté sufixy *-ette* (*Sandalette*), *-it* (*Meteorit*), *-ine* (*Violine*). Kým väčšina uvedených sufixov (okrem prebratých sufixov) má nárečový charakter, sufix *-i* sa stáva čoraz produktívnejší a používa sa nezávisle od nárečia a to prevažne na tvorbu zdrobnených oslovení, ako je *Schatzi* (pokladík) alebo *Vati* (otecko). Taktiež sufix *-el* sa nezaraďuje medzi nárečím podmienené sufixy, avšak tento je používaný stále v menšej miere, napr. *Krümel* (odrobinka) (pozri Nekula 2004: 157, Koecke 1994: 62, Dobřík 2010: 27).

Ďalšou spoločnou črtou slovenčiny a nemčiny je to, že sa v oboch jazykoch vyskytujú slová, ktoré formálne vykazujú črty deminutív, avšak nemajú funkciu deminutív. V nemčine sú to slová ako napr. *Gürtel* (opasok) alebo *Bündel* (zväzok). Okrem toho je možné v nemčine nájsť aj zdvojený sufix: *-el-chen*, kde sufix *-chen* v tomto prípade vystupuje ako sekundárny sufix, napr. v slove *Büchelchen* (knižôčka) (Dobřík 2010: 27).

Nemčina sa vyznačuje veľkým počtom zložených slov, aj keď tendencia tzv. *Mammutbildungen* ustupuje v súčasnosti čoraz viac do úzadia. Doteraz sme sa stretávali s pripájaním sufixov výlučne na konci slova, avšak pri kompozitách to nie vždy platí. V nemčine je totiž možné deminutívny sufix pripojiť nielen na koniec kompozita, ale aj na základné slovo: *Schönheitsgrübchen* (jamôčka krásy), ale *Fähnchenständer* (stojan na vlajočky) (Koecke 1994: 67).

Ako posledný znak nemeckých substantívnych deminutív uvádzame ešte fakt, že tak, ako v slovenskom jazyku, tak aj v nemeckom jazyku je možné deminu-

tíva použiť nielen na označenie objektov malých rozmerov alebo na vyjadrenie kladného citového vzťahu, ale aj na vyjadrenie záporného citového vzťahu. Pre takéto vyjadrenie je typická predovšetkým prípona – *ling*, ako napr. pri podstatnom mene *Dichterling* (básniček). Použitie tejto prípony je v podstate ekvivalentom slovenským zdobneninám, ako sú už spomínané pomenovania učiteľík, inžinierik atď.

3.2 Adjektívne, adverbialne a slovesné deminutíva v nemeckom jazyku

Okrem substantív je v nemčine možné tvoriť zdobneniny aj od prídavných mien, prísloviak či sloviak. Aj tu sú však možnosti ich tvorby v porovnaní so slovenčinou veľmi obmedzené.

Pre adjektívne (a zároveň aj adverbialne) deminutíva je typický sufix *-lich*, pričom hlavne pri adjektívach označujúcich farby a ľudské vlastnosti dochádza súčasne s použitím tohto sufixu aj k zmene kmeňovej samohlásky, napr. *blau – bläulich* (modravý) alebo *arm – ärmlich* (biedny). Ako uvádza Koecke, takto utvorené adjektíva vyjadrujú určité oslabenie. Objekt, na ktoré sa tieto adjektíva vzťahujú, nenadobúda danú vlastnosť v plnej miere (Koecke 1994: 68–69).

Okrem toho je možné sa stretnúť aj so sufixom *-oid* (*anachroid*) alebo prefixom *quasi* (*quasioffiziell*), pričom tento sufix, resp. prefix by sa dal interpretovať vo význame »*temer, skoro*«, napr. *quasioffiziell* = *skoro oficiálny*. (pozri Nekula 2004: 159, Koecke 1994: 69)

Pri tvorbe slovesných deminutív sa uvádzajú väčšinou sufixy *-el* a v privátnej sfére aj deminutívny sufix pre imperatív *-i*. Pre sufix *-el* platí, že sa vsúva pred pre neurčitok typický sufix *-en*, resp. *-n*: *hüsteln, lächeln, tänzeln*. Aj v tomto prípade dochádza pri niektorých slovesách k prehlasovaniu kmeňovej samohlásky. Príklady pre použitie sufixu *-i* pri imperatíve sú napr. *trinki* alebo *schreibi*. Okrem toho sa môžu vyskytovať aj ďalšie sufixy, ktorých používanie je ale geograficky, a teda nárečovo podmienené. Sú to sufixy *-chen* alebo *-erl*: *haterl* alebo *machtchen*, ktoré možno nájsť napr. vo viedenskom nárečí (Nekula 2004: 159).

Ako konkurenčná forma k uvedeným spôsobom tvorby deminutív sa používa aj tzv. analytická forma, ktorá vzniká zväčša spojením pôvodného (nezdobneného) podstatného mena s prídavným menom: *kleiner Tisch* (malý stôl) namiesto *Tischlein* (stolík). Tieto ale vzhľadom na cieľ práce nebudú bližšie popísané.

4 PREHLAD SUFIXOVÝCH FORIEM OBOCH JAZYKOV

Prostredníctvom nasledovných tabuliek ponúkame čitateľovi ešte raz prehľad všetkých deminutívnych sufixov v oboch jazykoch.

Tabuľka 2: Prehľad deminutívnych sufixov podstatných mien v SJ a NJ

Mužský rod	Slovenský jazyk		Nemecký jazyk
	Stredný rod	Ženský rod	
-ík/-ik	-ko	-ica	-chen
-ček	-ce	-ika	-lein
-ok	-ka	-ka	-ling
-ec	-eckol/-iečko	-ička	-le
-kol/-enkol/-iankol/-ičenko	-ôčko/-očko	-čička	-el
-inko	-uško	-ôčka	-erl(e)
-uško	-ienko	-očka	-li
	-ičkol/-očko/-očičko	-enka/-ienka	-la
	-ičičko	-uška	-i
	-ičečko	-ečka	-ken
			-ke
			-kin
			-ske
			-sche
			-ette
			-it
			-ine
			-elchen

Tabuľka 3: Prehľad deminutívnych sufixov sloviess v SJ a NJ

Slovenský jazyk	Nemecký jazyk
-kať	-el
-ikať	-i
-likať	-chen
	-erl

Tabuľka 4: Prehľad deminutívnych sufixov prídavných mien a prísloviess v SJ a NJ

Slovenský jazyk	Nemecký jazyk
-učký/-učičký	-lich
-ušký	-oid
-unký	
-ulký	
-ulinký	

5 PRIESKUM

Ako sme už uviedli, jedným z cieľov našej práce je aj prieskum toho, akým spôsobom sú prekladané nemecké deminutíva do slovenčiny. Najčastejšie sa vyskytujúcimi zdobneninami, hlavne v nemčine, sú zdobneniny podstatných mien, a preto sme sa aj v našom prieskume zamerali práve na túto skupinu. Ak vezmeme do úvahy iba rýdzo nemecké sufixy, ktoré nie sú nárečové a sú stále dosť produktívne, výber sufixov sa nám zúži iba na dva, a síce sú to sufixy *-chen* a *-lein*. Samozrejme, bolo by možné zaoberať sa aj ostatnými sufixami nielen pri substantívach, ale aj pri zvyšných slovných druhoch, no na to by bolo potrebné viac priestoru. Skúmanie zvyšných sufixov a slovných druhov by ale mohlo byť námetom pre rozsiahlejšie práce.

5.1 Metodika prieskumu

V bežnom živote sa slová iba zriedkakedy vyskytujú izolovane. Takmer vždy sú súčasťou určitého kontextu. Preto sme aj my na prácu s deminutívami nezvolili iba bežné prekladové slovníky, ale korpus. Konkrétne sme pracovali s Českým národným korpusom, ktorý je po registrácii prístupný na stránke <http://korpus.cz/>. Možno sa teraz ponúka otázka, prečo sme použili Český národný korpus, keď chceme skúmať preklady nemeckých substantív do slovenčiny? Český národný korpus nie je len korpusom českého jazyka, ale v rámci rozhrania InterCorp ponúka aj paralelné korpusy, ktoré sa dajú buď používať samostatne ako korpusy daného jazyka, ale aj paralelne s korpusom iného jazyka. Viac informácií o používaní tohto korpusu poskytuje Káňa (Káňa 2014) vo svojej knihe.

V prvej fáze sme použili korpus nemeckého jazyka ako samostatný korpus, v ktorom sme vyhľadávali zdobneniny v konkrétnymi sufixami. Na uľahčenie práce s týmto korpusom je vhodné používať určitú syntax, teda akési vzorce, ktoré nám často umožnia zúžiť a spresniť vyhľadávanie slov. My sme používali vzorec [*word="*lein"&tag="NN"*], resp. [*word="*chen"&tag="NN"*]. Kde *lein* resp. *chen* sú sufixy, ktoré vyhľadáваме, symbol »*« označuje ľubovoľný počet ľubovoľných znakov pred sufixom *lein*, resp. *chen* a »NN« znamená, že sme vyhľadávali iba podstatné mená. Takto sme zostavili zoznam 100 slov, z čoho 50 slov sú zdobneniny so sufixom *-chen* a 50 slov so sufixom *-lein*.

V druhej fáze sme využili možnosti paralelného korpusu, pričom východiskovým jazykom bol jazyk nemecký a jazykom prekladu bol jazyk slovenský. Postupne sme vyhľadávali jednotlivé slová a ich preklady, pričom každé slovo (či už nemecké, alebo slovenské) je v rámci korpusu vždy zobrazené ako

súčasť nejakého textu. Jednotlivé preklady slov sme potom zaznamenali. V prípade, že hľadané slovo sa nenachádzalo v korpuse, použili sme na preklad prekladové slovníky.

Najprv sme sa sústredili na prvú skupinu preložených slov, teda tú, ktorá vznikla ako preklad nemeckých substantív so sufixom *-chen*. Tieto slová sme následne rozdelili do štyroch kategórií:

- (1) slová, ktoré sa v slovenčine prekladajú ako podstatné mená *ženského rodu*,
- (2) slová, ktoré sa v slovenčine prekladajú ako podstatné mená *mužského rodu*,
- (3) slová, ktoré sa v slovenčine prekladajú ako podstatné mená *stredného rodu*,
- (4) iné – teda také preklady z nemčiny, ktoré v slovenskom jazyku nie sú zaraďované medzi deminutíva.

Následne sme v rámci každej skupiny zisťovali, koľko percent z celkového počtu slov v skupine tvoria podstatné mená s jednotlivými deminutívnymi sufixami. Teda napr. pri mužskom rode sufix *-ik/-ík*, *-ček* atď. Takto sme získali percentuálny podiel zastúpenia jednotlivých slovenských sufixov podstatných mien v rámci jednotlivých rodov, ktoré vznikli ako preklad nemeckých deminutív. Rovnaký postup sme potom aplikovali aj pri skúmaní sufixov v rámci skupiny nemeckých deminutív so sufixom *-lein*. Nasledovné tabuľky interpretujú získané výsledky:

Tabuľka 5: Sufix *-chen*, mužský rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ik/-ík</i>	18	36
<i>-ček</i>	13	26
<i>-ok</i>	5	10
<i>-ec</i>	1	2
<i>-ko/-enko/ -ianko/-ičenko</i>	0	0
<i>-inko</i>	0	0
<i>-uško</i>	0	0
iné	13	26
spolu	50	100

Tabuľka 6: Sufix *-chen*, stredný rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ko</i>	6	50
<i>-ce</i>	0	0
<i>-ka</i>	0	0
<i>-eckol/-iečko</i>	0	0
<i>-ôčko/-očko</i>	0	0
<i>-uško</i>	0	0
<i>-ienko</i>	2	17
<i>-ičko/-očičko</i>	0	0
<i>-ičičko</i>	0	0
<i>-ičečko</i>	0	0
iné	4	33
spolu	12	100

Ako sa prekladajú nemecké zdrobneniny v slovenskom jazyku?

Tabuľka 7: Sufix *-chen*, ženský rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ica</i>	0	0
<i>-ika</i>	0	0
<i>-ka</i>	15	39
<i>-ička</i>	8	21
<i>-čička</i>	1	2,6
<i>-ôčka</i>	1	2,6
<i>-očka</i>	3	8
<i>-enka/-ienka</i>	0	0
<i>-uška</i>	1	2,6
<i>-ečka</i>	0	0
iné	9	24
spolu	38	100

Tabuľka 8: Sufix *-lein*, mužský rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ikl-ik</i>	13	46
<i>-ček</i>	11	39
<i>-ok</i>	2	7
<i>-ec</i>	0	0
<i>-kol/-enkol</i>	1	4
<i>-ianko/-ičenko</i>	0	0
<i>-inko</i>	0	0
<i>-uško</i>	0	0
iné	1	4
spolu	28	100

Tabuľka 9: Sufix *-lein*, stredný rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ko</i>	4	44,5
<i>-ce</i>	0	0
<i>-ka</i>	0	0
<i>-eckol/-iečko</i>	0	0
<i>-ôčko/-očko</i>	0	0
<i>-uško</i>	1	11
<i>-ienko</i>	0	0
<i>-ičkol/-očičko</i>	0	0
<i>-ičičko</i>	0	0
<i>-ičečko</i>	0	0
iné	4	44,5
spolu	9	100

Tabuľka 10: Sufix *-lein*, ženský rod

Sufix	Počet slovo s daným sufixom	%
<i>-ica</i>	0	0
<i>-ika</i>	0	0
<i>-ka</i>	19	51
<i>-ička</i>	10	27
<i>-čička</i>	0	0
<i>-ôčka</i>	2	5
<i>-očka</i>	0	0
<i>-enka/-ienka</i>	0	0
<i>-uška</i>	1	3
<i>-ečka</i>	0	0
iné	5	14
spolu	37	100

6 INTERPRETÁCIA VÝSLEDKOV A ZÁVER

Získané výsledky je možné interpretovať nasledovne: nemecký sufix *-chen* je v rámci mužského rodu podstatných mien prekladaný v slovenčine najčastejšie

pomocou sufixov *-ik/-ík* a *-ček*. V rámci stredného rodu prevažuje koncovka *-ko* a v rámci ženského rodu majú prvenstvo sufixy *-ika* a *-ička*.

Nemecký sufix *-lein* je v kategórii mužského rodu taktiež najčastejšie prekladaný pomocou slovenského sufixu *-ik/-ík*, resp. *-ček*. V kategórii stredného rodu znovu prevažuje slovenský sufix *-ko* a v rámci ženského rodu majú prvenstvo opäť sufixy *-ika* a *-ička*.

Získané výsledky zodpovedajú produktivite jednotlivých sufixov. Ako uvádza Trnková, medzi najproduktívnejšie sufixy mužského rodu patria sufixy *-ik/-ík*, *-ok*, *-ko*, *-ček*, pri ženskom rode sú to sufixy *-ka*, *-ička*, *-očka*, *-ôčka* a pre stredný rod sú to sufixy *-ko*, *-ce*, *-ičko* (Trnková 1991: 91). Práve tieto sufixy získali prvenstvo aj v oboch častiach nášho prieskumu. Dalo by sa teda povedať, že slovenčina si aj pri preklade deminutív z nemčiny zachováva svoj »sufixový štandard.«

LITERATÚRA

Lubica BALÁŽOVÁ, 2009: Osobné (depersonálne) deminutíva: špecifická polysémia a jej lexikografické spracovanie. *Slovo – Tvorba – Dynamickosť: zborník z vedeckej konferencie*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra. 209–221.

Alois. BRANDSTETTER, 1964: Semantische Studien zum Diminutiv im Mittelbairischen. *Zeitschrift für Mundartforschung* 30/4, 335–351.

Zdeno DOBRÍK, 2010: Sémantika a slovotvorný potenciál deminutív a kolektív v slovenčine a nemčine. *Nová filologická revue. Časopis o súčasných problémoch lingvistiky, literárnej vedy, translitológie a kulturológie* 2/4, 26–35.

Silvia FÖGEL, 2009: Zur Bildung und Verwendung der Diminutiva in der Gernsheimer (Deutschland) und Tiedischer (Ungarn) dialektalen Variante des Rheinfränkischen. *Publications Universitatis Miskolciensis* 14/3, 61–71.

Juraj FURDÍK, 2004: *Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia)*. Prešov: Náuka.

Juraj FURDÍK, 2008: *Teória motivácie v slovnej zásobe*. Košice: LG.

Tomáš KÁŇA, 2014: *Sprachkorpora in Unterricht und Forschung DaF/DaZ*. Brno: v tlači.

Bernadette KOECKE, 1994: *Diminutive im polnisch-deutschen Übersetzungsvergleich: eine Studie zu Divergenzen und Konvergenzen im Gebrauch einer variierenden Bildung*. München: Sagner.

Jozef MLACEK, 1992: Zdrobnené slová vo frazeológii. *Slovenská reč* 57/2, 72–78.

Marek NEKULA, 2004: System und Funktionen der Diminutive. Kontrastiver Vergleich des Deutschen und Tschechischen. *brücken – Germanistisches Jahrbuch Tschechien – Slowakei. Neue Folge* 11 (2003), 145–188.

Jozef PAVLOVIČ, 2012: *Lexikológia slovenského jazyka. Compendium náuky o slovnej zásobe*. Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity.

Jana TRNKOVÁ, 1991: O substantívnej deminutívnej derivácii v slovenčine. *Slovenská reč* 56/2, 87–94.

Stanislava ZAJACOVÁ, 2012: Eufemizujúca lexika v reči matky a v reči otca orientovanej na dieťa. *Epištoly o jazyku a jazykovede. Zborník štúdií venovaný doc. PhDr. Františkovi Ruščákovi, CSc., pri príležitosti životného jubilea*. Eds. Jana Kesselová et al. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. 108–123.

INÉ ZDROJE

<<http://korpus.cz/>> (4.4. 2015).

SUMMARY

How are the German Diminutives Translated into Slovak?

The aim of this contribution was to detect the method of translation of German diminutives into Slovak language. Comparison of diminutives creation in both languages was the main theoretical background. To provide a wider overview, the description of diminutives creation was divided into several parts, based on the word class (substantives, adjectives, verbs, adverbs). The implemented research was focused only on the method of the translation of diminuted German nouns ending with *-chen* and *-lein* into Slovak language. The research was based on texts included in Czech national corpus. The research showed that diminuted German nouns ending with *-chen* and *-lein* are usually translated using the *-ik/ík* suffixes for male gender, *-ko* for neuter gender and *-ika/-ička* for female gender of Slovak nouns. The results were similar for both German suffixes. The given result corresponds with the frequency of use of Slovak suffixes in diminutives, since suffixes *-ik/-ík*, *-ček*, *-ika*, *-ička*, *-ko* are the most productive ones.

ВАЛЕНТИНА Н. ВИНОГРАДОВА, Зоя Ю. ПЕТРОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, zoyap@mail.ru

Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях

Хотя диминутивы призваны обозначать предметы или качества малого размера, однако в разговорной и (как ее отражение) художественной речи по своей семантике и функционированию сходны с другими способами выражения субъективной оценки, в первую очередь, с аугментативными образованиями – они во многом определяются контекстом и ситуацией, выражая отношение к величине предмета, предмету речи или адресату.

Although diminutives are intended to signify objects or qualities of small size, however, in colloquial speech and (as its reflection) language of literature they are similar in their semantics and functioning to other ways of expressing subjective evaluation, primarily with augmentative formations – they are largely determined by the context and the situation, expressing the attitude to the size of an object, to the subject of the speech or to the addressee.

Ключевые слова: семантика, субъективная оценка, стилистика, поэтика, словообразование, диминутивы, функциональный стиль

Key words: semantics, subjective evaluation, stylistics, poetics, word formation, diminutives, functional style

Специфическим средством выражения субъективной оценки, характерным для разговорной речи, являются уменьшительные и увеличительные суффиксы. Ф. И. Буслаев писал: «Между представлениями имен существительных должно отличать два рода: одни касаются величины самого предмета, другие – отношений говорящего к предмету речи и к лицу слушающему. В первом случае существительные бывают увеличительные или уменьшительные, напр. столище, столик; во втором – ласкательные и унижительные, напр. Петруша, Петрушка, Петя, Петька». (Буслаев 1959: 417) (суффиксы субъективной оценки рассматриваются и в других работах (Мандельштам 1903, Плямоватая 1961))¹.

---

¹ См. также работы А. А. Дементьева, Г. П. Нещименко, В. Н. Никитевича, Г. Н. Рожковой, Э. Станкевича, В. Страховой, Н. Н. Шапошниковой и др.

Здесь справедливо указывается на три основных объекта субъективной оценки говорящего: 1) величина предмета (в широком смысле – сюда же можно отнести выражение интенсивности качества); 2) отношение говорящего к предмету речи, одобрительно-ласкательное или пренебрежительно-уничижительное; 3) отношение к лицу слушающему. Эмоции говорящего и способ их выражения служат в свою очередь характеристикой говорящего.

1 Экспрессивные уменьшительные образования могут выражать значение маленького размера: «...трамвайные рельсы, казавшиеся *полосками льда*» (Ю. Нагибин. Гибель пилота), «В четыре года отец сделал Коле *лыжонки*» (Советский спорт, 11. II. 76).

Уменьшительность часто подчеркивается сопоставлением уменьшительного существительного с мотивирующим: «Не *лицо*, а *личико*... слишком маленькое для взрослого человека» (И. Грекова. Хозяин гостиницы); «Словно из рога изобилия сыпались *черты* и *черточки*, *краски* и *красочки*, штрихи житейских наблюдений – так много нерастрченного всегда было в его актерском ‘запаснике’» (Ю. Григорьев. Дядя Гоша Ронинсон), «Куда ни посмотришь – *кранищи*, *краны*, *краники*» (В. Афонин. Мой КамАЗ). В таких сопоставлениях часто рождаются окказионализмы (сравните выше: *краник* в значении ‘механизм для подъема тяжестей сравнительно небольшого размера’). С другой стороны уменьшительное значение могут заново приобрести существительные, уже утратившие его.

Слова типа *лампочка*, *речка* приобретают уменьшительность только в градационных сопоставлениях: «Вокруг глухие леса, множество *рек*, *речек*, *речушек*, *озера* и *озерца*, набитые рыбой и утками» (В. Тендряков. Онега); «*Лампочки*, *лампы*, *лампищи* боролись и не могли побороть ночь» (Н. Дубов. Жесткая проба).

Уменьшительные образования могут использоваться и в значении мейозиса – преуменьшения действительных размеров, свойств предмета: «...восторженно проорал...: – *Уловчик!* – помучаемся! Во второй сети рыбы было еще больше» (С. Снегов. Час мужества); «*Морозишко-то* не дай бог, заколечешь» (А. Иванов. Тени исчезают в полдень), «Разогнал бы *скоростёнку*» (Речь летчика – ТВ); [о новой автоматической линии] «– Ну, поздравляю, старик! Отгрохал *линийку*, будь здоров!» (Л. Волынский. Наедине с собой).

В. А. Богородицкий писал: «Уменьшительные имена в разговоре нередко употребляются для обозначения представления с противоположным

оттенком значения, т. е. увеличительным, причем самая речь получает как бы характер юмора или иронии: напр. Ну, и морозец сегодня!» (Богородицкий 1935: 151).

В таких случаях намерением говорящего является завуалированное выражение интенсивности: «отправитель речи доверяет способности адресата понять намеренную скромность, сдержанность оценок – учесть несоответствие между тем, что говорится о предмете и что этот предмет представляет собой в действительности» (Скребнев 1975: 122).

Интенсивность признака и его эмоционально-экспрессивное выражение сочетаются и у наречий с суф. *-еньк(о)*, *-оньк(о)*: «– Что-то *давненько* я к тебе не заходил...» (В. Шукшин. В себе Чебровка); «– *Долгонько, долгонько*, товарищ Лукашин, пропадаешь» (Ф. Абрамов. Пути-перепутья); «И вот мы *быстренько* сворачиваем» (В. Амлинский. Возвращение брата); ср.: *частенько, дружененько, трудненько, точненько* и под.

2 Положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету речи может сопровождаться разнообразными субъективными оттенками. «Из всех элементов, которые удастся установить в содержании языкового наименования, труднее всего подвергнуть анализу эмоциональный акцент. Это обусловлено тем, что в эмоциональном акценте больше, чем в вещественном содержании и символической значимости, наряду с точкой зрения говорящего, проявляется также установка на слушающего или читателя и что здесь многое решает ситуация» (Матезиус 1967: 457).

Уменьшительность часто сопутствует одобрению, ласкательности: «Ничего *сукнецо!* – одобрила Пелагея» (Е. Носов. Шуба); «– Ешь, ешь, мой милый, *длинненький* мой» (В. Шукшин. Любавины); «– Ругай! На, на, – крикнул он. – *Ругаюшка!* – прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежду, возлагаемую на красного кобеля» (Л. Толстой. Война и мир).

Естественно обилие ласкательных суффиксов, выражающих различные эмоциональные оттенки, у названий родственников или личных имен: *мамуся, мамуля, мамочка, маманя, мамаша; Катя, Катенька, Катюша* и под.

Экспрессивно-отрицательно окрашенные обозначения лица или его принадлежности, качеств, присоединяя уменьшительно-ласкательные суффиксы, теряют экспрессию грубости и становятся, по выражению А. Н. Гвоздева, «иронически-ласкательными». Например: «Моя *злыднюшка*» (А. Салынский. Летние прогулки), «...сама она такая вот *недотепушка*

в огородничестве» (Г. Семенов. Уличные фонари); «– Что она сказала? – Что ты дурак. – Дурак или *дурачок*? – Какая разница? Ну *дурачок*. – Большая разница» (Кинофильм «Неподдающиеся»).

Справедливо замечание, что «обычно ласкательность таких слов лишена приторности» (Гвоздев 1955: 95).

На тот же иронический эффект рассчитано использование уменьшительно-ласкательных образований от нейтральных или даже положительно-оценочных прилагательных и существительных в противоположном значении отрицательной оценки, что обычно сопровождается характерной интонацией: *Хорошенькое дельце!* (устн.); «*Веселенький* день рождения, нечего сказать» (В. Богомолов. В августе сорок четвертого); сравните реакцию на признание принятого на должность техника в геологической партии, что он не является техником по специальности: «– *Сюрпризики*. Вы хоть имеете представление, чем мы будем заниматься? – спросил меня Костомаров» (С. Воронин. Две жизни).

Игра на противоречии положительного определения и отрицательно-оценочного по форме существительного лежит в основе стилистической выразительности таких употреблений, как: «*Пальтишко-то...* подходящее. И *костюмчик!*» (А. Арбузов. Город на заре), «*Добрый шапильчишко*» (В. Шукшин. Случай в ресторане).

Однако образования от некоторых в высокой степени отрицательно-оценочных слов не получают значения смягчения и ласкательности, а, напротив, усиливают значение уничижительности: «– Это не человек, нет, это хуже гада, – это, понимаете, *гадик*» (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

Уменьшительными образованиями может быть выражена и отрицательная оценка: «– Замечательные у нас люди. Замечательные!... – Есть и *людишки*. Есть, к сожалению» (Н. Леонов. Явка с повинной).

Присоединяясь к отвлеченным именам, уменьшительные суффиксы служат выражению пренебрежительного отношения к тому, что обозначено этими словами, как к чему-то мелкому, не заслуживающему внимания: «Бессонница перемещала в его мозгу мириады куцых, оборванных *мыслишек*, из них ни одна не оформилась в мысль, сонм ненужных пустейших *воспоминаньиц*, смутных, тревожных своей неясностью образов и мелких *ужасиков*» (Ю. Нагибин. Пик удачи), «Она живет в мире поступков, значительных решений, не *шажков*, а шагов» (В. Каверин. Перед зеркалом).

Образования с уменьшительными суффиксами от отвлеченных существительных могут, как правило, носить только иронический, саркастический характер: «Именно не секта, не *группка*, не *школка*, а /.../ содружество» (ЛГ, 13. VII. 77); «*философийку* по этому поводу сочиним» (В. Тендряков. Чрезвычайное); «...ведь *историйка* с ним неясная» (Ю. Трифонов. Нетерпение); «отсюда много лишних *мученьиц*» (Ю. Нагибин. Машинистка живет на шестом этаже); «...Вот вам и милый сердцу *аргументик*: ‘А вы сами?...’» (Мих. Раскатов. А вы сами?).

Выражаемые суффиксом субъективной оценки эмоции во многом определяются контекстом. Так, уничижительность, презрительность может выступать как основная эмоция: «*Талантишко* у него – мизер» (Ф. Углов. Человек среди людей); «*Мелкий характеришка*» Гералтовского (Ю. Трифонов. Нетерпение) и под. Уничижительность может соединяться с сочувствием: «– Да и где же ты подобрал эту несчастную *кошчонку*?» (Л. Иванова. Колыбель добрых); с обидой и возмущением: «Ах ты чертов *Дошика-Кихошка* (Федор Антонович был похож внешностью на Дон-Кихота), как он безжалостно меня предал» (Н. Кузьмин. Наши с Федей ночные полеты); с осуждением: «Он... с *характерцем* и с далеко не самым лучшим» (Советский спорт, 25. II. 75).

Иногда некоторым прилагательным с суффиксом *-еньк-* придается значение качества настоящего, внешнего, особенно при сравнении с качеством, выраженным прилагательным без суффикса: «– А мне нужна чистая совесть. – *Чистенькая*. И умытые руки стороннего наблюдателя» (Кинофильм «Вкус хлеба»); «– Мне подсказали добрые люди. – Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... *добренькие*» (В. Шукшин. В селе Чебровка).

Таким образом, эмоции, выражаемые уменьшительными образованиями, могут быть достаточно индивидуальными, контекстными. Например, слово *глазёнки*, вне контекста воспринимаемое скорее как уменьшительно-ласкательное, может быть употреблено неодобрительно, уничижительно: «Не глаза – *глазёнки*: круглые, рыбы... – пустые, наглые» (Ю. Гейко. Сайга).

Стремление к повышенной экспрессии выражается и в частом одновременном использовании и существительного, и прилагательного с суффиксами субъективной оценки: «веселым баском помогал саксофонисту, когда тот ставил особенно *остренькие ‘акцентики’*» (С. Сартаков. Медленный гавот); «...*щупленький седой старикашка*» (Г. Немченко. Считанные дни); «Сам сидит как *огурчик гладенький*, демагог отпетый» (Н. Почивалин. Среди долины...).

О таком «согласовании в представлении» А. А. Потебня писал: «Отличая объективную уменьшительность или увеличительность от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи, можно думать, что в последнем случае настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи (относительного субъекта), распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи. Это и есть согласование в представлении» (Потебня 1968: 74). Это явление особенно характерно для фольклора (Оссовецкий 1957) и для разговорной речи (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 112), ср.: «Олег Зобов, физик, кандидат наук, – спортивная *выправочка*» (В. Тендряков. Апостольская командировка). Скептическая экспрессия слова *выправочка* здесь явно относится в большей степени к самому кандидату наук, чем к его выправке.

3 Отношение к слушающему, выражаемое суффиксом субъективной оценки, также характеризуется неоднозначностью. Отмечается, что в разговорной речи слова с уменьшительными суффиксами часто употребляются без значения уменьшительности и ласкательности по отношению к предмету речи, сравните из устной речи: «Сообразим насчет *кофейку*» и под.

Вероятно, использование таких образований диктуется осознанным или неосознанным стремлением к установлению ситуации дружелюбного – дружеского, непосредственного общения, что отражается и в художественной литературе: «– Я на вас *плащик славенький* видела» (Н. Мельников. Строится мост). Впрочем, возможно, в художественной литературе, согласно положению о мотивированности всех элементов художественного текста, такие уменьшительные образования воспринимаются как в большей степени стилистически значимые, чем в «естественной» устной речи: «В современной обиходной речи происходит процесс стилистического опрошения этих слов. В устной речи они употребляются как своеобразная норма разговорности, иногда без всякого стилистического задания» (Граудина 1977: 84).

Преувеличенная вежливость и предупредительность по отношению к собеседнику свойственна определенным социальным ролям – например, подчиненного: «– Только чтоб печка, пожалуйста, не погасла. Слышите? – *Ясенько*, товарищ лейтенант» (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Уменьшительные образования особенно часто употребляются как работниками сферы обслуживания, так и выступающими в социальной роли клиента: «Приятный блондин хлопотал, уставляя столик кой-какой

закускою, говорил ласково, огурцы называл *огурчики*, икру – *икоркой* – понимаю» (М. Булгаков. Театральный роман); «Вас *лачком?*» (Из речи парикмахера); «Сестра... сказала: – Ну-ка, милая, я вас потревожу. *Укольчик* вот сделаем» (И. Герасимов. Обыкновенные происшествия); «Ну вот и *отличненько!* – тоже улыбнулась продавщица» (Е. Носов. Шуба). Такие употребления часто связанные с «заискивающим тоном», самоуничижением, рассматриваются также в (Золотова 1985).

Уменьшительно-ласкательные образования часто используются в социальной роли старших при разговоре с детьми (Матезиус 1967: 458), хотя чрезмерное их использование воспринимается как «сюсюканье»: «*Боренька*, не трогай *стеночку пальчиками*» (В. Липатов. Повесть без названия, сюжета и конца).

Уменьшительно-уничижительные образования традиционно используются говорящим при выражении самооценок, оценок своего труда, принадлежащих говорящему вещей: «– Извини. Устаю, Николай. *Нервишки*» (Ю. Скоп. Техника безопасности)².

Уменьшительные образования используются и при выражении вежливых пожеланий, просьб, чтобы подчеркнуть их незначительность: «– Ты мне *покосишко* какой уступи» (Ф. Абрамов. Пути-перепутья); «Мне бы куриного *бульонцу*» (Ю. Нагибин. На тетеревов); «Надо как-то устраиваться... *Ружьшишко* бы» (В. Распутин. Живи и помни).

Суффиксы субъективной оценки могут выражать и другие отношения к собеседнику. Например, уменьшительные образования могут в известных ситуациях означать приказание – требование прекратить действие. Например: *Разговорчики!* с интонацией угрозы может означать ‘прекратите разговоры!’. Сравните: «Сколько можно воспитывать? Высшее образование вроде бы! – Незаконченное, товарищ старшина. – *Шуточки!*» (Д. Холендро. Пушкин).

Хотя суффиксы субъективной оценки в разговорной речи имеют тенденцию терять стилистическую окраску, их нагнетание воспринимается обычно характерологически. Это может быть отражение народно-разговорной речи: «– *Сашенька* такой *бледненький*, такой *слабенький*, такой *нежненький*» (В. Солоухин. Мать-мачеха); «– А сама-то *сосеночка* молоденькая, да какая она *хорошенькая*, да какая она барышня, и *стволок*-то у нее *мохнатенький*, по всему по стволу, до самой земли, *иголочки*

² «Желая выразить смирение или вежливость, наши предки, говоря о себе и о предметах, к ним относящихся, употребляли уменьшительные или уничижительные имена» (Буслаев 1959: 418).

растут...» С. Антонов. Аленка). Некоторые из таких образований носят устаревший характер, хотя еще часто встречаются в художественной речи и даже газетно-публицистической речи: «Тарелку грибного супа, *полнехонькую*, вровень с краями, выхлебал» (Ф. Абрамов. Пути-перепутья); «...сидят *трезвехоньки*» (И. Акулов. Уголек); «*новехонький* китель» (В. Фоменко. Память земли); «*точнехонько* держится в кильватере» (Советский спорт. 3. XI. 72).

Преимущественно речь носителей просторечия отражают случаи наделения уменьшительными суффиксами наречных выражений типа: «До *свиданьщица*» (А. Ткаченко. Новоселье); «– До завтра!... – До *завтречка*, – подхватил Толька» (В. Лебедев. Наследник); «Варька тихо прошептала: – *Низачтошеньки*» (Е. Носов. Варька).

Елейность, неискренность традиционно выражается в художественной литературе оснащением речи персонажа уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, речи Иудушки Головлева у М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Таким образом, в русском языке продуктивны словообразовательные способы выражения субъективной оценки говорящего и его «самовыражения».

В художественных произведениях суффиксы субъективной оценки, в том числе уменьшительные, приобретают дополнительные функции, участвуя в выражении мировоззрения писателя. Употребление диминутивов в творчестве различных писателей рассматривалось в филологических работах. Например, К. И. Чуковский отмечал обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в произведениях Н. А. Некрасова, который стремился реалистично воспроизвести бытовую речь крестьян, их переживания [Чуковский 1952: 469]. В. В. Виноградов писал о характерологических функциях диминутивов в речи персонажей в текстах Ф. М. Достоевского, А. С. Грибоедова [Виноградов 2001: 101]. Отмечалось употребление диминутивов в фольклоре, а также в произведениях художественной литературы, восходящих к устному народному творчеству (например, в произведениях А. В. Кольцова, С. Есенина, С. Клычкова). Рассмотрим кратко употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов в поэтическом идиостиле и их роль в выражении смысловых доминант картины мира поэта на примере идиостиля Б. Окуджавы. В самых общих чертах идиостиль Окуджавы можно определить как доверительный, искренний «разговор по душам» с собеседником, причем разговор, полный доброжелательности и сочувствия. В формировании этих особенностей важную роль играют уменьшительные суффиксы.

Они часто присоединяются к обозначениям природных реалий: «Листва багряная – осенние цветы /.../ На них *ледок* случайный и непрочный», «Низкорослый *лесок* по пути в Бузулук», «пахнет *дымком* от костра», «Красный снегирь на июньском суку – *шарфик* на *горлышке*», «Ах ты, *шарик* голубой, / грустная планета» (чаще всего из обозначений природных явлений с уменьшительными суффиксами употребляются слова *дождичек*, *дождик*, в том числе и в функции метафоры, сравнения: «Что-то *дождичек* удач падает не часто»; «сыплются *дождичком* дни»); к названиям населенных пунктов, улиц, домов и частей строений: «В горах – *городок*, тишиной занесенный», «Чем там до позднего / заняты в этой *хатенке?*», [трамваи] «сворачивают у моста /.../ в те *переулки* заученные», «В Иерусалиме первый снег. / Побелели *улки* крутые». Часто повторяется диминутив *времечко*. Имена с уменьшительными суффиксами, способствующие созданию простой, разговорной интонации повествования, часты и в стихотворениях о войне: «Выходят танки из *леска*, устало роют снег», «А я жевал такие сухари! /.../ Их десять лет сушили, не соврать, / да ты еще их выбелил, *песочек*...»

Слова с уменьшительными суффиксами воплощают наряду с другими художественными средствами такие инварианты мировоззрения поэта, его отношения к окружающему миру, выражающие «положительное начало» (Жолковский 2005: 116), как любовь, доброта, сострадание, взаимопомощь. Эти эмоции характерны и для лирического героя по отношению к природе: «Он наклоняется – помочь готов, / он вслушивается, лесник тревожный, / как надрывается среди стволов / какой-то *стебелек* неосторожный», и для природных реалий по отношению к человеку: «Февраль к стеклу подставил *веточку*, / чтоб я так жил, пока живу».

Часто уменьшительные суффиксы участвуют среди других средств стилизации в создании стихотворений-песенок, в которых ощущается фольклорное начало (об использовании Б. Окуджавой стиля городского романса см., например (Жолковский 2005, 135) («Над синей улицей портовой...»: «Ах, море – синяя *водица!*», «Ах, война, она не год еще протянет...»: «*трехлинеечки* четырежды проклятые / бережем, как законных своих» и др.). Диминутивы употребляются и при подражании стилю блатной песенки: «А мы швейцару: «Отворите двери!...»: «А нам плевать, и мы *вразвалочку*, / покинув *раздевалочку*, / идем себе в отдельный кабинет».

Фольклорные дериваты с уменьшительными суффиксами встречаются и в стихотворениях без стилизации: «знать, надо *горюшка* хлебнуть»; «И с *краюшка* того бытья, с последней той ступеньки шаткой /.../». Диминутивы употребляются при изображении ситуаций общения, разговорной

речи: «Собралися молокане, /.../ Я им *водочки* поднес, /.../ Но они, сложивши крылья, / тихо так проговорили: / «Мы не русские, *браток*, – / *молочка* бы нам глоток...».

Важная и частотная тематическая группа слов, к которым поэт присоединяет уменьшительные суффиксы, – это имена близких, дорогих ему людей: *Ленька Королев, Сашка, Петька Галкин, Наденька, Раечка с Левочкой, Юлик* Ким и т.д. Окуджава употребляет слова *девчонка* (*девчонки*), *мальчишка* (*мальчишки*) (как и *мальчик, мальчики, девочка, девочки*) при описании своего окружения, людей своего поколения. В ряде случаев слова *мальчишка, девчонка* употребляются в контекстах, где звучит мотив детства, ностальгия лирического героя по юности (о роли этого мотива в творчестве Б. Окуджавы см., например, (Сажин 2001, 65–66): «У тебя в руках ружьишко, / впереди рассветный дым, / ты доволен, как *мальчишка*, / одиночеством своим», «Если б я был *мальчишкой*, / тонконогим, / с пушком / над / губой!...». С уменьшительными суффиксами употребляются обозначения родства: *матушка, папочка, сыночек*. Слово *мама* встречается с определением, выраженным народно-поэтическим диминутивом *белая голубушка*.

Очень часто уменьшительные суффиксы присоединяются к обозначениям одежды при описании дорогих поэту героев его стихотворений, причем часто в сочетании с обозначениями простой, бедной, старой, поношенной, помятой одежды: «и пусть ты буднично одета, / устала пусть, но для него [сынишки] / нет лучше *платьица*, чем это, / и лучше мамы – никого», «в синей *маечке-футболочке / комсомолочка* идет», «наш Король, как король, он *кепчонку* как корону – / набекрень, и пошел на войну», «Она в *спецовочке* такой промасленной», «и война приходила, /.../ и тогда / не по росту *шинелишки* / напяливали пешеходы», «В модном *платьице* коротком, / в старомодном *пальтеце*», «Сочиняет плов Мазлум /.../ И *ковбоекка* на нем золотая, словно риза, / и поношенные джинсы, и половничек в руке». В подобных контекстах часто наблюдается контраст между обозначением простой, будничной одежды и представлением описываемых персонажей в виде богинь, королей, королев, соответствующие сравнительные конструкции: *кепчонка* – как корона, *ковбоекка* – словно риза и пр. Описываются чудесные превращения:

Если сполна надышаться морским ароматом пряным,
если в море всматриваться упрямо-упрямо,
неожиданно, тихим прибоем омыта,
выйдет из зеленой волны Афродита.
/.../

А когда распластаются длинные синие тени,

такое простое *платьице* ловко она оденет,
черной заколкой волосы туго стянет,
станет такой обычной, земною станет,
просто соседкой, старой знакомою просто
в будничном *платьице* – поношенном, ситцевом, пестром;

явление богини:

и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.
И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было легкое на ней.
Все позабыв – и радости, и муки,
он двери распахнул в свое жильё
и целовал обветренные руки
и *старенькие туфельки* ее.

Подобные контексты позволяют выделить такую смысловую доминанту идиостилия Окуджавы, как «величие малого». Эта же смысловая доминанта выражается и в разных других контекстах с диминутивами, где наблюдается определенный контраст между уменьшительным значением суффикса и величием, мощью, возвышенным предназначением реалии, обозначаемой диминутивом. Например:

А вот идет *человечек*,
маленький,
смешной *человечек* –
пиджак наброшен на плечи,
во рту папиросы блистанье...
Ты куда, *человечек*?
Это ж царство бетона и стали!
Вдруг бульдозер какой-нибудь,
от злости сопя,
в землю втопчет тебя...
Но перед ним ложится пространство
и краны гнутся подобострастно,
и бульдозеры униженно пятятся,
словно пытаются спрятаться.
/.../
А это идет *Петька* Галкин –
мы раньше
гоняли с ним голубей.

Любимый лирическим героем *дворик*, в котором прошло его детство, делает его сильнее и добрее («Арбатский дворик»), служит противовесом страшной реальности войны:

Вот король уехал на войну. Он Москву покинул.
/.../
До чего ж кровавая война! Нет ее кровавей.
Но, покуда он бежит, хрипя о своей державе,
перед ним – лишь мамины глаза, да судьба его,
дворик детства, крашенная дверь... Больше ничего.

Простая серая рыбка храмули, в описании которой поэт употребляет множество уменьшительных суффиксов, ассоциируется с первой любовью и со спасеньем души:

Храмули – серая *рыбка* с белым *брюшком*.
А хвост у нее как у кильки, а нос – *пирожком*.
/.../
Но если взглядеться в извилины жесткого дна –
счастливой *подковкою* там шевелится она.
/.../
На блюде простом, пересыпана пряной травой,
лежит и кивает она голубой головой.
И нужно достойно и точно ее оценить,
как будто бы первой любовью себя осенить.
/.../
Ее не едят, а смакуют в вечерней тиши,
как будто беседуют с ней о спасенье души.

Большую группу слов с уменьшительными суффиксами составляют обозначения частей тела: *ручка*, *ручки*, *ладошка*, *ножки*. В отличие от традиционного употребления подобных диминутивов в поэзии (которое Ахматова, говоря о Пушкине, определила как «ногу ножкой называть») при описании девушки, Окуджава за редкими исключениями употребляет их при автохарактеристике, что соответствует отмеченному В. Сажиным мотиву слабости и незащитности (Сажин 2001: 60) (кроме того, во всех этих контекстах присутствует и определенная доля самоиронии): «Вот и я молодой и бедовый, / с черным *чубчиком*, с болью в глазах. / Машут *ручки* нелепо и споро», «Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал. / А может, это школьник меня нарисовал: / я *ручками* размахиваю, я *ножками* сучу, / и уцелеть рассчитываю, и победить хочу», «со спокойным вдохновеньем в руки тросточку беру / и на гордых тонких *ножках* семеню в святую даль», «ты меня наставляла, на *тоненьких ножках* просителя».

Диминутивы, обозначающие одежду и части тела, употребляются в стихах Окуджавы в контекстах олицетворения при характеристике насекомых: кузнечика, сверчка и шмеля, которые, соответственно, ассоциируются с поэтом, музыкантом и певцом, например: «У оврага кузнечик сгорает, / рифмы шепчет, амброзию пьет / и худым локотком утирает / вдохновенья серебряный пот», «[сверчки] извлекают свои допотопные скрипки, / расправляют помятые *сюртучки*, / поднимают над головами смычки, / распрямляют свои вдохновенные *усики*...», «Ну надо же: шмель подмосковный / откуда куда залетел! / А свой *пиджачишко* посконный / для пущего форса надел. / А свой *локоточек* протертый / под *крылышко* спрятал слегка».

Смысловая доминанта «величие малого» воплощается и в употреблении слов с уменьшительными суффиксами, относящимися к тематике творчества, поэзии, музыки. Это, во-первых, самое частотное среди диминутивов слово *песенка* – и в заглавиях, и в текстах стихотворений. При всей непритязательной скромности этого обозначения в песенках обсуждаются самые важные для человека темы – жизнь, душа, совесть, благородство и достоинство и т. п. В тематическом поле «Музыка» с уменьшительными суффиксами употребляются слова *нотка*, *оркестрик*, названия музыкальных инструментов: *скрипочка*, *дудочка*, *флейточка*. В «Песенке о Моцарте» слово *скрипка* характеризуется прилагательным с уменьшительным суффиксом – *старенькая*: «Моцарт на *старенькой* скрипке играет», которое характеризует и обозначения одежды и обуви героев (см. выше – *старенькие* туфельки).

С мотивом детства связана тематическая группа слов с уменьшительными суффиксами, обозначающих детей, их одежду, детали внешнего облика, игрушки (*сынишка*, «неизмеримо маленький, но очень нужный *человечек*», «в *штанишках* коротких», «с развеселую *ямочкой* на подбородке», *кулачки*, *куколки*, *куклени*, бумажный *солдатик*, оловянный *солдатик* и др.).

Надо отметить определенную амбивалентность диминутивов в поэзии Окуджавы: небольшое их количество характеризует негативные реалии, т. е. «величие малого» может быть и со знаком отрицания: «пустяковое *облачко* немецкой шрапнели, / и меня санитары выносят из боя / на моей, / продырявленной смертью, / шинели», «Убили моего отца / ни за понюшку табака. / Всего лишь *капелька* свинца – / зато как рана глубока!». Диминутивы употребляются при характеристике отрицательных персонажей: «Давайте придумаем деспота /.../ *Сапожки* натянем неслышные», «Сталин *трубочку* раскурит – / станут листья опадать. /.../ Что ничтожный тот *комочек* / перед ликом всей страны? / А усы в вине

намочит – / все без удержу пьяны». В целом, однако, подавляющее большинство слов с уменьшительными суффиксами, безусловно, относятся к «положительному полюсу» поэтического мира Окуджавы, в котором «люди не великие», но «маленький, слабый, худой и больной» обретает силы для победы над Несчастьем.

ЛИТЕРАТУРА

- В. А. БОГОРОДИЦКИЙ, 1935: *Общий курс русской грамматики*. Москва-Ленинград.
- Ф. И. БУСЛАЕВ, 1959: *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- В. В. ВИНОГРАДОВ, 2001: *Русский язык*. Москва: Издательство «Русский язык».
- А. И. ГВОЗДЕВ, 1955: *Очерки по стилистике русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Л. К. ГРАУДИНА, 1977: Разговорные и просторечные формы в грамматике. *Литературная норма и просторечие*. Москва: Наука.
- А. К. ЖОЛКОВСКИЙ, 2005: «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы. В: А. К. Жолковский. *Избранные статьи о русской поэзии*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Е. А. ЗЕМСКАЯ, М. В. КИТАЙГОРОДСКАЯ, Е. Н. ШИРЯЕВ, 1981: *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука.
- Г. А. ЗОЛотова, 1985: Как быть вежливым? *Русская речь* 5.
- И. Э. МАНДЕЛЬШТАМ, 1903: Об уменьшительных суффиксах в русском языке. *Журнал Министерства народного просвещения* 8.
- В. МАТЕЗИУС, 1967: Язык и стиль. В: *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс.
- И. А. ОССОВЕЦКИЙ, 1957: Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне. *Труды института языкознания АН СССР*, Т. VII. Москва,
- С. С. ПЛЯМОВАТАЯ, 1961: *Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке*. Москва: Издательство Московского горного института.
- А. А. ПОТЕБНЯ, 1968: *Из записок по русской грамматике*. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. Москва: Просвещение.
- В. Н. САЖИН, 2001: Слеза барабанщика. В: Булат Окуджава. *Стихотворения*. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект». 56–86.
- Ю. М. СКРЕБНЕВ, 1975: *Очерк теории стилистики*. Горький: Б. и.

SUMMARY

The Structure and Use of Diminutives in Different Functional Styles

Although diminutives are intended to signify objects or qualities of small size, however, in colloquial speech and (as its reflection) language of literature they are similar in their semantics and functioning to other ways of expressing subjective evaluation, primarily with augmentative formations – they are largely determined by the context and the situation, expressing the attitude to the size of an object, to the subject of the speech or to the addressee. Being involved in the expression of positive or negative evaluation of the subject of speech by the speaker, diminutives carry a wide range of subjective evaluations, from approval, affection to irony, sarcasm, scorn, negative evaluation. The article discusses various instances of subjective evaluation expression by the diminutives, depending on the type of motivating words, such as negatively expressive names of persons, abstract nouns, etc. Diminutive suffixes expressing the attitude to the collocutor in different social situations are analyzed. In literary works diminutives acquire additional functions, participating in the expression of the worldview of the writer. Functions of diminutive suffixes and their role in the expression of dominant ideas of the poet's worldview are considered as exemplified by B. Okudzhava's individual style.

II.
*Mnogoobraznost,
polifunkcijskost
in vidiki prevodne
ekvivalence manjšalnic
v slovenskem jeziku*

JOŽICA ČEH STEGER

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
jozica.ceh@um.si*

Manjšalnice kot prva Cankarjevega jezikovnega stila

Prispevek izhaja iz Spillnerjeve teorije stila kot posebne izbire in zaznave jezikovnih sredstev v sporočanskem modelu in se osredinja na stilno vlogo samostalniških manjšalnic v izbranih romanih, novelah in črticah Ivana Cankarja. Pisatelj je v različnih obdobjih literarnega ustvarjanja manjšalnice uporabljal kot ekspresivno izrazno sredstvo za izražanje pozitivne in negativne čustvenosti. Lahko se pojavljajo kot metafore in metonimije ali kot sestavni del primer, parafraz, antitez, naslovov, ogovorov in citatnih figur. Za intenziviranje čustvenosti je pisatelj uporabljal tudi dvojne manjšalnice.

The contribution draws from Spillner's theory of style as a special choice and perception of language resources in the communication model, and focuses on the stylistic role of nominal diminutives in selected novels, novelettes and short stories by Ivan Cankar. In different periods of his literary creation, the author used diminutives as an expressive means of expressing positive and negative emotiveness. They can appear as metaphors and metonymies, or as an integral part of similes, as paraphrases, antitheses, titling, addressing, as intertextual elements and those of quotation. To intensify emotiveness, the author applied double diminutives.

Ključne besede: manjšalnice, jezikovni stil, stilna vloga, Cankar, pripovedna proza

Key words: diminutives, style of language, stylistic function, Cankar, narrative prose

1 MANJŠALNICE IN ČUSTVENE MANJŠALNICE

V prispevku želim predstaviti različne stilne vloge samostalniških manjšalnic v Cankarjevih pripovednih besedilih, in sicer v romanih *Tujci*, *Križ na gori*, *Gospa Judit*, *Milan in Milena* ter v izbranih črticah in novelah iz pisateljevega celotnega pripovednega opusa, kot so: *Gospod Ognjišček* in *gospod Mravljinček*, *Mimi*, *Kako je gospod adjunkt rešil svojo čast*, *Šivilja*, *Pred gostilnico*, *Pogled iz škatlice*, *Skodelica kave*, *Zaklenjena kamrica* in *cikel avtobiografskih črtic Moje življenje*.¹

---

¹ Vsa pripovedna besedila so vzeta iz *Zbranega dela* Ivana Cankarja, natančnejši bibliografski podatki so navedeni v Virih in literaturi.

Manjšalnica je definirana kot tvorjenka, ki »s priponskim obrazilom izraža manjšo mero značilnosti podstave« (Toporišič 1992: 100). Lahko pomeni tudi (1) nedoraslo (*fantek*), (2) manjšalno-ljubkovalno (*obrazek*) ali (3) manjšalno-slabšalno (*profesorček*) (Toporišič 2004). Pomen čustvene manjšalnice je potrebno določiti iz konteksta. Izraz *mamica* označuje ljubkovalnost, ne pa tudi manjšalnosti, lahko tudi mladost v primerjavi z iztočnico *mama*. Po drugi strani čustvena manjšalnica *hišica* v rahlo ironičnem kontekstu ne pomeni majhne hiše, temveč veliko hišo, vilo ali grad.² Manjšalnice je potrebno ločiti tudi od strokovnih izrazov (npr. *marjetica*, *sončnica*, *luskavica*, *spalnica* idr.). Ostre razmejitve med manjšalnicami in čustvenimi manjšalnicami, ki izražajo ljubkovalnost ali slabšalnost, največkrat ni, še posebej je to težko v umetnostnih besedilih, kjer je manjšalnica največkrat uporabljena kot ekspresivno³ izrazno sredstvo. Nekatere izpeljanke so po obliki manjšalnice, vendar ne izražajo ne manjšalnosti niti čustvenosti (Čuden 2012: 136). Tak primer je denimo izraz *kopica* (primerjalno z iztočnico *kopa*) v besedni zvezi *kopica otrok*, vendar ne pomeni veliko, temveč malo otrok.⁴ Podobno je npr. z izrazom *sodček* v besedni zvezi *sodček nafte*, ki ima natančno določeno prostornino, tj. 159 litrov. Izraz *sodček* bi lahko izražal manjšalnost glede na podstavo *sod*, vendar po pomenu ni manjšalnica niti nima čustvene konotacije.

Čustvene manjšalnice se pojavljajo v umetnostnih in neumetnostnih besedilih. Tvorec besedila se odloči, ali bo s čustveno manjšalnico naslovniku sporočil ljubkovalnost, intimno bližino, zaupnost, simpatijo ali morda omiljeno ironijo in slabšalnost. V literarnih besedilih čustvene manjšalnice predstavljajo stilno izrazno sredstvo ali stilem.⁵

² Na nujnost upoštevanja konteksta v pomenski analizi ironičnih manjšalnic opozarja tudi B. Vičar v prispevku te monografije.

³ V uvodu v SSKJ so pod kvalifikatorjem ekspresivno navedeni še kvalifikatorji, ki natančneje določajo pojem ekspresivnosti: evfemistično, ironično, ljubkovalno, nizko, slabšalno, šaljivo, otroško, vzneseno, vulgarno, preneseno, čustvenostno, poudarjalno, omiljevalno, zmerjalno in kletvica (prim. tudi Stramljič Breznik 2013: 411).

⁴ V nemščini se ta besedna zveza glasi *ein Haufen Kinder* in ne vsebuje manjšalnice. Čuden (2012: 136) opozarja na previdnost pri prehitrem sklepanju, da izraža slovenščina primerjalno z nemščino zunanjo predmetnost bolj emocionalno. To bi lahko potrdile ali ovrgle obsežne primerjalne raziskave, obenem je potrebno upoštevati, da je čustveno manjšalnost mogoče izraziti na različne načine.

⁵ Toporišič (1992: 311) razlaga stilem kot »stilno zaznamovano, tj. od nevtralnega posebno sredstvo jezika, s katere koli njegove ravnine«.

2 IZRAŽANJE EMOCIJ V JEZIKU

Emocije so danes predmet številnih raziskav v nevrobiologiji, psihologiji, medicini in lingvistiki. V sodobni znanosti so razumljene kot temeljni deli kognitivnih stanj in procesov.⁶ Ob pojmu *patos* je o emocijah v jeziku pisal že Aristotel v *Poetiki* in *Retoriki*. Podelil jim je osrednjo vlogo v procesu prepričevanja in jih povezal z mišljenjem, vero, znanjem in s kognitivnimi procesi. Zahodnoevropski človek pa je nato pod vplivom kartezijske filozofije in ničejanskih dualizmov kognitivne procese in emocije vse bolj polariziral. V primerjavi s kognitivnim preobratom v lingvistiki, ki je privedel do konceptualizacije kognitivnih procesov neodvisno od emocij, poudarja nevrobiologija, da so kognitivni in emotivni procesi medsebojno prepleteni, še posebej v spominu in mentalni obdelavi informacij. Emocionalnost se pojavlja na različnih ravneh in je razumljena kot inherentna lastnost jezikovnih struktur, ki jih je mogoče opisati z lingvističnimi kategorijami.

Emocije razkrivajo človekov odnos z drugimi ljudmi, nanašajo se na človeka samega, na njegov interes in obnašanje, sproščajo se skozi določene dejavnike in nastanejo kot reakcija na določeno ogroženost. V jeziku se emocije razlikujejo po vrsti in kvaliteti, intenzivnosti oziroma stopnji izražanja občutja ter po aktivnosti, tj. po mentalnih in psiholingvističnih procesih govorca. Izražamo jih jezikovno (verbalno), tudi z mimiko, z gestami (gibanje rok in ramen) in z držo telesa. V jezikoslovnih raziskavah se za analizo ponujajo verbalne reprezentacije in neverbalni elementi emocij (smeh, jok, gubanje čela), telesna stanja (bitje srca, pritisk, potenje, rdečica na obrazu idr.) (Polajnar 2012: 9). S stilnega vidika se čustva skrivajo v besedotvornih oblikah in v prozodiji. V pogovornem jeziku tudi v obliki substandardne leksike.

3 INTEGRATIVNO IN MEDBESEDILNO RAZUMEVANJE JEZIKOVNEGA STILA

Jezikovni stil uvrščamo v območje opisne stilistike⁷ in je predmet tako jezikoslovja kot literarne vede. Poznamo več opredelitev jezikovnega stila, od retorične razlage pesniškega okrasa, odklona od dobesedne oziroma običajne rabe jezika do izbora izraznih sredstev kakega jezika, kakor ga je pri nas opredelil

---

⁶ Prim.: »Sowohl die Produktion als auch die Rezeption sprachlicher Äußerungen wird oft maßgeblich von emotionalen Komponenten beeinflusst« (Schwarz-Friesel 2007: 2, cit. po Polajnar 2012: 9).

⁷ Iz retorike in šolskih poetik poznamo tudi normativno stilistiko, v nekem smislu je naslednica tistega dela retorike, ki je oblikoval sistem pravil in navodil za govornjena in zapisana besedila.

na primer Jože Toporišič.⁸ Ob različnih vidikih preučevanja jezikovnega stila moramo izhajati iz besedila, saj brez njega o stilu pač ni mogoče govoriti. Če upoštevamo sporočanjški model, je v raziskovanje jezikovnega stila smiselno pritegniti vse dejavnike tega modela; avtorja, jezik, besedilo, besedilne vrste, slovarje, poetike, žanre, bralca, družbene, kulturne, pokrajinske, zgodovinske in druge okoliščine. Opiramo se na integrativno teorijo stila, ki pravi, da je le-ta rezultat avtorjeve izbire izraznih sredstev znotraj možnosti nekega jezika in bralčeve zaznave teh sredstev v procesu literarne recepcije (Spillner 2002: 247).

V procesu literarne komunikacije postane torej stil dinamična in spremenljiva lastnost besedila. Na avtorjev izbor jezikovnih sredstev vpliva več dejavnikov; zagotovo je odvisen od njegove jezikovne in literarne zmožnosti, od poznavanja jezika in zakonitosti posameznih zvrsti, žanrov, diskurzov idr. Avtorjeva izbira jezikovnih sredstev je določena tudi z razvojem jezika v določenem času in prostoru, pri ugotavljanju jezikovnega stanja so nam v pomoč slovarji, slovnice, umetnostna in neumetnostna besedila itd. Avtorjevo izbiro jezikovnih sredstev pogosto omejujejo posamezne besedilne vrste, žanri in okoliščine. Ob pisanju pogrebne govora npr. ne moremo poseči po šaljivih ali slabšalnih izrazih.

Stil besedila soustvarja tudi bralec in je z vidika bralčeve recepcije zaznava posebnega izbora jezikovnih sredstev, pri čemer se lahko zgodi, da bralec posameznih stilnih prvin v besedilu sploh ne prepozna. Integrativna teorija poudarja, da je stil dinamična kategorija besedila in podvržena različni recepcijski aktualizaciji stilnih prvin kakor tudi zgodovinskim spremembam jezika. Literarna zgodovina nas uči, da pri preučevanju literature izhajamo iz zgodovinskega konteksta literarnega dela. V okviru raziskovanja stila to pomeni, da s pomočjo slovarjev, stilistik, razprav itd. vzpostavimo zgodovinsko recepcijo in zaznavo stilnih prvin. Če zanemarimo zgodovinski kontekst nastanka literarnega dela in pogledamo na stil besedila kot na izbor jezikovnih sredstev s časovne razdalje, se največkrat zgodi, da besedilo posamezne stilne prvine s časom izgubi ali pridobi. Današnji bralec bo na primer tudi v Cankarjevi pripovedni prozi zaznal izraze, ki mu bodo učinkovali zastarelo ali starinsko in s tem stilotvorno, v času nastanka pa te zaznamovanosti niso imeli (npr. *pisarnica, gostilnica, kajbica*). Do izgube stila lahko pride tedaj,

---

⁸ V Toporišičevi Enciklopediji slovenskega jezika (1992: 311) je ob geslu stil zapisano: »Izraba prostih variantnih danosti: zlasti sredstev kakega jezika; katere koli jezikovne ravnine; časovnih, funkcijskih, socialnih zvrsti jezika; stalnih oblik sporočanja; zgradbenih značilnosti besedila; merjenosti besede; stilnih formacij, subjektivnega ali objektivnega tona. Kjer ni izbire, ni stila.«

ko avtor uporabi novoknjižne izraze, bralec pa jih s časovne razdalje zazna že kot nevtralne in s tem nestilotvorne (Čeh Steger 2007: 70).

Ker se manjšalnice zapisujejo tudi kot medbesedilne figure, je potrebno upoštevati še medbesedilno razumevanje stila. Opirajoč se na Julio Kristevo pri nas takšno raziskovanje stila predlaga Marko Juvan. Stil se mu pokaže kot dinamična kvaliteta, temelječa na zaznavi različnosti in tipičnosti, kar se v literarnem delu razkriva na podlagi avtorjevih in bralčevih vzorcev ponavljanja in razlikovanja ter v medsebojnem osvetljevanju besedil, žanrov, zvrsti, jezikovnih podkodov in različnih diskurzov. Stil je s tega vidika »znak umestitve besedila v vesolje diskurza, in to v sočasnosti izstopajoče posebnosti in identifikacijske tipičnosti pisanja« (Juvan 2006: 204).

4 MANJŠALNICE KOT EKSPRESIVNO IZRAZNO SREDSTVO V CANKARJEVI PROZI

Raziskovalci Cankarjevega stila navajajo ob metaforah, personifikacijah, čustvenih pridevkih in paralelizmih manjšalnice kot opazno prvino pisateljevega afektivno-emocionalnega stila.⁹

4.1 Cankar je manjšalnice večkrat zapisal v naslovih črtic in novel (Tinica, Pogled iz škatlice, Zaklenjena kamrica, Skodelica kave, Tičnica, O gospodu, ki je bil Tončko pobožal, Gospod Ognjišček in gospod Mravljiniček idr.), med katerimi prevladujejo manjšalnice ženskega spola z obrazilom *-ica*.

4.2 Cankar je uporabljal manjšalnice za osebe ženskega spola za izražanje mladosti (nedoraslosti) in pozitivne čustvenosti, največkrat pa samo slednjega, tj. za ljubkovalnost, intimnost in nežnost (*Ana > Anica, Tina > Tinica, Tona > Tončka, Milena > Milenica, Nina > Ninica, Hana > Hanca* idr.).

4.3 Opazna so osebna lastna imena za ženski spol z obrazilom *-i*, ki lahko izražajo nedoraslost (otročkost) in pozitivno čustvenost ali samo slednje (*Malči, Mimi, Štefi* idr.). Kot zanimivost naj navedemo, da je Cankar svojo dolgoletno dunajsko zaročenko v pismih, ki so napisana v nemščini, naslavljal z imenom Steffi (Meine liebe Steffi! Meine allerliebste Steffi!), v slovenskem prevodu pa se dosledno pojavlja izraz Štefka (*Moja ljuba Štefka! Moja preljuba Štefka!*) najbrž zato, ker ima ta varianta imena v slovenščini večjo stopnjo pozitivne čustvenosti kot Štefi.

---

⁹ Ob dvojici stil/slog se odločam za besedo stil (nastala je po metonimični poti, lat. stilus, ostra konica, pisalo), ker ima ta izraz v slovenščini že dolgo tradicijo (npr. Anton Ocvirk, *Novi pogledi na pesniški stil*, 1951), tudi jezikoslovna disciplina se imenuje stilistika, v literarni vedi pa se je uveljavila teorija stila in ne teorija sloga.

4.4 Osebna lastna imena za moški spol z obrazilom *-ek* in *-ček* pri Cankarju večkrat ne označujejo manjšalnosti, ampak imajo ironično vlogo (*Lenarček*, *Nartek*, *Pepček* idr.).

4.5 Nekateri izrazi za ženski spol z obrazilom *-ica* (npr. *gostilnica*, *pisarnica*) pri Cankarju niso manjšalnice, temveč z današnjega vidika ekspresivni izrazi s konotacijo starinskosti: »Šla je hitro, z upognjenim telesom, in njen obraz je bil droben in bled, obraz tistih beraških otrok, ki prodajajo cvetlice po *gostilnicah*, šopek za dva krajcarja« (Cankar 1970č: 167); »Vse Brezovje ga je visoko spoštovalo kakor človeka, ki nima nobenih nepotrebnih muh, hodi redno v *pisarnico*, kakor se spodobi« (Cankar 1970b: 184). V SSKJ (pisarnica -e ž (â) star.; gostilnica -e ž (î) star.) imata izraza ob prvem pomenu kvalifikator starinsko, medtem ko sta v Pleteršnikovem slovarju označena s kvalifikatorjem novo knjižno.

4.6 Cankar je pogosto uporabljal dvojne manjšalnice, tj. s priponskim obrazilom in opisno s pridevnikom. Nekaj primerov: »v majhnih čevljkah« (Cankar 1970č: 220), »majhne lučice« (Cankar 1970č: 226), »majhen obrazek« (Cankar 1970f: 158), »v kratkih krilcih« (Cankar 1970d: 22), »z drobnim nožkom« (Cankar 1970e: 174), »majhen potoček« (Cankar 1970: 14), »levi del malih svetlih brčic« (Cankar 1970b: 182), »v zelo kratkih krilcih« (Cankar 1970d: 22). Takšne dvojne manjšalnice so pri Cankarju uporabljene za intenziviranje in stopnjevanje čustvenega odnosa do poimenovanega, medtem ko v neumejnostnem jeziku takšne zveze pomenijo stilno napako oziroma kršitev načela jedrnatosti izražanja.

4.7 Cankar je čustvene manjšalnice večkrat uporabil za notranje prostore hiše in za vsebnike (*izbica*, *kajbica*,¹⁰ *kamrica*,¹¹ *škatlica*). Manjšalnici *škatlica* in *kamrica* sta v črticah *Zaklenjena kamrica* in *Pogled iz škatlice* uporabljeni tudi metaforično za najskrivnejše predele človekove duše.

4.8 V ciklu *Iz tujega življenja* in v nekaterih drugih živalskih črticah se pogosto zapisujejo čustvene manjšalnice za živali in največkrat izražajo ljubkovanost in sočutje spričo človekovega nasilja nad njimi (npr. žival > *živalca*, lisjak > *lisjaček*, kuža > *kužek*, mačka > *mačkica* > *mačica*).

¹⁰ V SSKJ je izrazu *kajba* s pomenom kletka pripisan kvalifikator redko. Ekspresivnost manjšalnice *kajbica* izhaja torej iz časovnozvrstne zaznamovanosti.

¹¹ V SSKJ ima izraz *kamra* oznako narečno (*kámra* -e ž (â) l. nar. manjša soba v kmečki hiši), izraz *kamrica* pa je zapisan kot manjšalnica od *kamra*.

5 VLOGA ČUSTVENIH MANJŠALNIC V CANKARJEVI PRIPOVEDNI PROZI

5.1 Čustvene manjšalnice so pri Cankarju lahko v vlogi karakterizacije osebe: »Suho *dekletce*, slabotno blede; jetična je najbrž, kakor so šivilje večidel jetične. *Majhen obrazek*, velike oči« (Cankar 1970f: 158); »*Hanca*, to je angel varuh, ni ženska« (Cankar 1970e: 155). V vlogi karakterizacije se čustvene manjšalnice pojavljajo tudi tedaj, ko se zapisujejo kot del ponazoritvene primere: »Tvoja ljubezen mi je kakor *svetinjica*, ki jo nosijo pobožni fantje okoli vratu in jih je sram, da bi jo pokazali drugim« (Cankar 1970e: 173).

5.2 Čustvene manjšalnice so pri Cankarju uporabljene v ogovorih v ljubkovalni in ironični funkciji, v slednji so lahko tudi nakopičene: »Ljubi *ženinček*, ali kakor je zdaj bolj prav, ljubi *možiček*, ali ljubi *svaček*« (Cankar 1974: 166). V romanu *Križ na gori* mlad umetnik s čustveno manjšalnico *Hanca* ogovarja svoje vaško dekle in z njo izraža rahel posmeh in usmiljenje do dekleta, čemur je mogoče pripisati še konotacije dekletove nerodnosti in provincialnosti: »Ti uboga, neokretna *Hanca* (Cankar 1970e: 173). Še bolj pridejo te konotacije do izraza v pisemskem ogovoru dekleta z manjšalnico za moški spol (*Hanca* > *Hanček*):

»Dragi *Hanček!*«

Ko je bila prvokrat odprla pismo, se je zasmejala temu imenu; zdaj ji je bilo zoprno in zdelo se ji je, da se je zasmejal Mate prešerno in gosposko, ko ga je napisal. »Saj je tako majhna in uboga!« si je mislil. »Bose noge ima, pisano kmetsko krilo in roke gole do komolcev, vse rjave in razprskane!« (Cankar 1970e: 171)

5.3 Čustvena manjšalnica se pri Cankarju pojavlja kot samostojna metafora ali njen del: »Ti morda misliš, da je teklo moje življenje, kakor tvoje: *majhen potoček z majhnimi valovi* (Cankar 1970: 14); »moj obraz je mlad, le *tista tenka gubica, ena sama gubica – prezgoden list v avgustu*« (Cankar 1970d: 64); »Ženske so bile večidel *putke*; mlajše sramežljive po zapovedi, dolgočasne kakor česen, starejše glasne in blebetave« (Cankar 1975d: 19). Manjšalnica *kebrček*¹² v metaforični vlogi ima tudi izrazito erotično konotacijo: »Čeden *kebrček!* ... Poglej ta bedrca!« (Cankar 1974: 145). V navedenem primeru se z erotično, celo opolzko konotacijo pojavi za dekle še metonimično rabljena manjšalnica *bedrca*. V noveli *Gospod Ognjišček* in *gospod Mravljincek* je ekspresivna manjšalnica *mravljincek* metaforična oznaka za zmeraj nemirno in hitro vzkipljivo literarno osebo, metafora pa je v nadaljevanju tudi pojasnjena:

¹² SSKJ navaja ekspresivni pomen besede *kebrček* in primer zanjo: ekspr.: ljubka, mikavna ženska, njegovo dekle je res *kebrček*.

Kakor se spominjam, sem že prej mimogrede omenil Mravljinčkovega okroglega, zavaljenega telesa in njegovih čudovito tenkih, visokih nog, – a če sem to omenil, je bilo nazadnje nepotrebno, zakaj, da bi bila taka glava na kakšnem drugačnem telesu, to bi bilo nenaravno. Gospod Mravljinček je vedno vznemirjen, neredkokrat naravnost vznburjen. Treba je najneznatnejše malenkosti in takoj je ves iz sebe; vrti se naokrog, maha z rokama in govori tako hitro, brez vsake pike in vejice, da ga gleda poslušalec ves osupel in nem (Cankar 1967: 120).

5.4 Čustvene manjšalnice so uporabljene v vlogi primere: »rajši rahlo *dekletce* tam v mestu ... v svetli obleki, bel slamnik na glavi ... kakor sončen prašek, krilce metuljevo, vesel, gorek pogled« (Cankar 1970e: 154); »kakor *mamca*, tako široka in neokretna je v tem pisanem krilu, in ruto si je privezala okoli vratu kakor *mamca*« (Cankar 1970e: 163).

5.5 Manjšalnice se v Cankarjevi prozi pojavljajo tudi kot citatne figure, največkrat v delih ljudskih pesmi, vključenih v besedilo: »Svetega Miklavža *cerkvica*, / gori je namalana *merkvetica*«¹³ (Cankar 1970b: 186); »Tam za goro, oj tam za goro / *škrjančki*, *škrjančki* veselo pojo« (Cankar 1970b: 185); »Oj kam bova vandrala / *vandrček* moj?« (Cankar 1970b: 180).

5.6 Cankar je uporabljal manjšalnice tudi za parodijo posameznih govorov; npr. za parodijo katehetovega osladnega govora: »Oj, *sinko* moj, zakaj si porezal mlada drevesa, nedolžna mlada *drevesca* ob poti? Kaj ne veš, *sinko* moj« (Cankar 1975: 13).

6 SKLEP

Manjšalnice so opazna prvina Cankarjevega jezikovnega stila. Pisatelj najpogosteje z njimi ni izražal zgolj manjšalnosti in nedoraslosti, ampak jih je uporabljal kot ekspresivno jezikovno sredstvo za poimenovanje pozitivne in negativne čustvenosti. Z njimi je največkrat poimenoval dekleta (*dekletce*, *Hanca*, *Mimi*, *Malči*, *Hanček* idr.), živali (*živalca*, *mačica*, *Lisjaček*, *kužek*, *kebrček*, *škrjanček* idr.), dele telesa (*ročice*, *dušica*, *obrazek*, *očesca*, *nožice*, *bedrca* idr.), notranje prostore in vsebnike (*izbica*, *kamrica*, *kajbica*, *škatlica* idr.), imena za sorodstvena razmerja (*mamca*, *sinko*, *možiček*, *svaček*, *ženinček* idr.), za obleko in obutev (*krilce*, *čeveljčki*), za verske ustanove (*cerkvica*) in rastline (*drevesca*). Čustvene manjšalnice so v Cankarjevi pripovedni prozi uporabljene v različnih vlogah, in sicer kot metafore, metonimije, sestavni del

¹³ Pleteršnikov slovar razlaga izraz *merkovca* oz. *merkvetica* iz nemščine (*Meerkatze* /Mikl./) in pomeni opico.

primer, v naslovih, ogovorih, v vlogi ironije, parodije, antiteze ali kot citatne figure.

VIRI IN LITERATURA

Ivan CANKAR, 1967: *Gospod Ognjišček in gospod Mravljincek. Zbrano delo*, 6. Ljubljana: DZS. 111–129.

Ivan CANKAR, 1970: *Tujci. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 7–144.

Ivan CANKAR, 1970a: *Mimi. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 149–155.

Ivan CANKAR, 1970b: *Kako je gospod adjunkt rešil svojo čast. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 182–194.

Ivan CANKAR, 1970c: *Pred gostilnico. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 203–214.

Ivan CANKAR, 1970č: *O gospodu, ki je bil Tončko pobožal. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 219–227.

Ivan CANKAR, 1970d: *Gospa Judit. Zbrano delo*, 12. Ljubljana: DZS. 7–102.

Ivan CANKAR, 1970e: *Križ na gori. Zbrano delo*, 12. Ljubljana: DZS. 103–235.

Ivan CANKAR, 1970f: *Šivilja. Zbrano delo*, 9. Ljubljana: DZS. 156–167.

Ivan CANKAR, 1974: *Milan in Milena. Zbrano delo*, 20. Ljubljana: DZS. 135–215.

Ivan CANKAR, 1975: *Moje življenje. Zbrano delo*, 12. Ljubljana: DZS. 7–54.

Ivan CANKAR, 1975a: *Pogled iz škatlice. Zbrano delo*, 12. Ljubljana: DZS. 256–260.

Ivan CANKAR, 1975b: *Zaklenjena kamrica. Zbrano delo*, 12. Ljubljana: DZS. 73–75.

Jožica ČEH STEGER, 2007: Besedje kot prvina jezikovnega stila v umetnostnem besedilu z vidika identitete literarnega subjekta in njegovega habitusa. *Besedje slovenskega jezika*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Slavistično društvo. 68–79.

Darko ČUDEN, 2012: Diminution als (potenzieller) Ausdruck des Emotionellen im Slowenischen und Deutschen. *Emotionen in Sprache und Kultur*. Ur. Janja Polajnar. Ljubljana: Znanstvena založba Ljubljana.

Marko JUVAN, 2006: *Literarna veda v rekonstrukciji*. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo.

Maks PLETERŠNIK, 1894/1895: *Slovensko-nemški slovar*. Transliterirana izdaja na plošči CD-ROM. Ur. M. Furlan, H. Dobrovoljc, H. Jazbec. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Janja POLAJNAR, 2012: Einleitung. *Emotionen in Sprache und Kultur*. Ur. Janja Polajnar. Ljubljana: Znanstvena založba Ljubljana. 8–20.

Slovar slovenskega knjižnega jezika: Spletna izdaja, 2000. Ljubljana: SAZU, ZRC SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.

Bernd SPILLNER, 2002: Stilistik. *Grundzüge der Literaturwissenschaft*. Ur. Heinz Ludwig Arnold in Heinrich Detering. München. 234–256.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2013: Samostalniška leksika z ekspresivnimi kvalifikatorji v Slovarju novejšega besedja. *Družbena funkcijskost jezika: (vidiki, merila, opredelitve)*. Ur. Andreja Žele. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 409–416.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: CZ.

Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Branislava VIČAR, 2015: Pomen in konteksti rabe manjšalnice *Slovenčki*: ustvarjanje imaginarne neskupnosti. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 612–623.

SUMMARY

Diminutives as an Element of Cankar's Style of Language

Researchers of Cankar's literary works describe diminutives as a notable component in the author's style of language. The present contribution aims to present how his narrative prose incorporates nominal diminutives as a stylistic device, relying on the theory of intertextuality and on the integrational theory of style (Spillner 2002) which treats language style as a variable property of the text, i. e. as an integral part of literary communication, or the result of the author's choice of expressive devices within the options of a particular language and the reader's perception of these devices in the process of literary reception, taking into account all the factors of the communication model. Contextualist strands of literary science, however, interpret style as an intertextual fact which is revealed in the literary work on the basis of the author's or reader's patterns of repetition and differentiation, and in the mutual highlighting of discourses, texts, genres and language sub-codes.

Examples of nominal diminutives from Cankar's narrative prose show that these often do not express smallness in size compared to the base noun, but mainly indicate emotions such as lovingness, compassion, cynicism, lasciviousness, childishness, modesty, simplicity, insignificance, immaturity, a touch of the ancient, colloquial style etc. They can appear as metaphors and metonymies, or as an integral part of similes, as paraphrases, antitheses, titling, addressing, as intertextual elements and those of quotation.

MARKO JESENŠEK

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
marko.jesensek@um.si*

Manjšalnice v *Marijikinem ogručku*

V prispevku so predstavljene samostalniške manjšalnice v *Marijinem listu*, in sicer v prilogi za otroke *Marijikin ogruček* (»versko vzgojni list za našo mladino«), ki je zaradi naslovnika (prekmurska *dečica*) jezikovno razlikovalen od tradicionalnega prekmurskega publicističnega jezika – v *Marijikinem ogručku* (izhajal je mesečno od januarja 1932 do decembra 1940) je veliko manjšalnic, jezik je za otroke prijazen in ljubkovalen. Primerjalno je analizirana raba prekmurskih samostalniških manjšalnic v časopisu *Porabje* (izhaja od februarja 1991), in sicer v rubriki za mlade bralce *Zakoj, zakoj?* – v sodobnem porabskem publicističnem jeziku manjšalnic ni veliko, tudi ne v rubrikah, ki so namenjene mladim bralcem.

The article presents an overview of noun diminutive forms found in *Marijikin ogruček* (“versko vzgojni list za našo mladino” – “religious-educational paper for our youth”), a youth supplement of *Marijin list*. The language in *Marijikin ogruček* (published monthly from January 1932 to December 1940) differs from the traditional Prekmurian journalistic language, as it contains numerous diminutives, making it children-friendly and hypocoristic. The analysis of noun diminutive forms in *Porabje* newspaper’s youth column (published since 1991) is presented as a comparison. There is a lack of diminutive forms in modern journalistic language, even in columns specifically written for youth audience.

Ključne besede: samostalniške manjšalnice, prekmurska publicistika, *Marijin list*, *Marijikin ogruček*, *Porabje*

Key words: noun diminutive forms, Prekmurian journalism, *Marijin list*, *Marijikin ogruček*, *Porabje*

O Jožef Klekl st. je eden izmed tistih znamenitih Slovencev, ki so najzaslužnejši za obstoj slovenskega jezika v pokrajini med Muro in Rabo, še zlasti pa v slovenskem Porabju. Med ivanocyjevci je veljal za človeka, ki je na najbolj praktičen način spodbujal rabo slovenskega jezika v prostoru, ki je bil na začetku 20. stoletja izpostavljen načrtni madžarizaciji. To je počel tako, da je »usmerjal mladino na romanja in duhovne vaje«, ki so potekale v slovenskem jeziku, in urejal ter izdajal časopise – Kalendar srca Jezušovoga, Novine, Marijin list, Marijikin ogruček –, ki so se sprva še naslanjali na jezikovno tradicijo prekmurskega knjižnega jezika, po priključitvi dela Prekmurja v

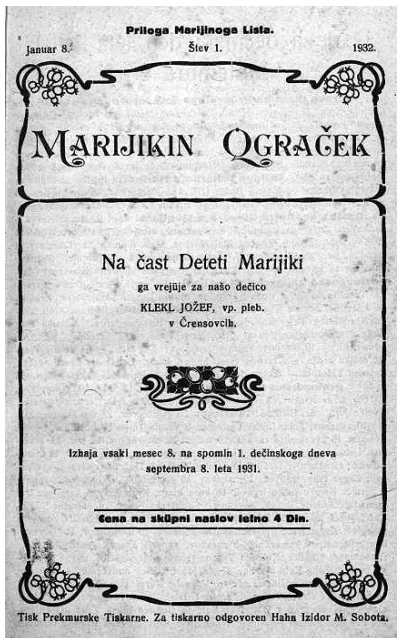
slovenske okvire pa je začel svoje bralce navajati na enotni slovenski knjižni jezik (Jesenšek 2013: 243); pri tem je moral spretno manevrirati med t. i. vendsko teorijo, ki so jo agresivno širili madžarski oblastniki, in načrti Ivanocyjevega kroga (Jesenšek 2013: 252, 257), da naj slovenska publicistika, zlasti Kleklove Novine, izpolni »posebno nalogo v dviganju izobrazbene ravni« in naj navadi prekmurske Slovence brati v slovenskem jeziku (Novak 1976: 93). Že pred Novinami (*Družbeni, zabavni, podučeni list*; kasneje *Pobožen, družbeni, pismeni list za vogrške slovence*), ki so kot tednik izhajale od 8. 12. 1913 do 3. 4. 1941, pa je Klekel st. leta 1904 začel izdajati »pobožen mesečen list« z dolgim naslovom *Nevtepeno poprijéta Devica Marija zmozsna goszpá vogrszka* – Novak (1976: 91) je »dolgovezen« naslov razložil za spreten Kleklov maneuver, s katerim je prikrito, a učinkovito dosegel pravi namen tega časopisa: za nabožnim naslovom (in vsebino) je v madžarskem črkopisu ponudil slovenskim bralcem tudi leposlovje v slovenskem jeziku ter vzgojne in zgodovinske prispevke. Mesečnik je izhajal od decembra 1904 do 8. aprila 1941, leta 1915 se je preimenoval v *Marijin list*, kakor so ga bralci imenovali že od začetka, pred tem pa je Klekl že leta 1913 zamenjal madžarsko ogrico s slovenico. Klekl st. se je zavedal, da je za »stati inu obstati« Slovencev v Porabju, ki so bili med obema svetovnjima vojnama ponovno izpostavljeni hudim madžarizacijskim pritiskom, potrebno načrtovati in izvajati aktivno jezikovno politiko, ki bo ohranila slovenski jezik v zasebnem in javnem sporazumevanju, v cerkvi, šoli in najširši javnosti, v leposlovju, publicistiki in jeziku javne uprave. Za uresničitev jezikovnega programa, za katerega se je zavzemal Ivanocyjev krog, je bilo potrebno poskrbeti tudi za jezikovno usposabljanje otrok v vsakdanjem življenju (ne le v šoli) – za razvoj zgodnje pismenosti otrok ima publicistika (najbolj) pomembno vlogo, saj spodbuja kakovostno skupno branje v družinskem okolju, širi besedni zaklad otrok in jih spodbuja za poslušanje in pripovedovanje zgodb. Klekl st., ki je bil »eden največjih zaljubljenecv v žlahtnost materine besede«, se je zavedal, da ima v Porabju jezik staršev, torej jezik okolja, v katerem otroci odraščajo, najpomembnejšo spodbujevalno vlogo pri njihovem govornem in pismenem usposabljanju. Preživetje Slovencev v madžarskem okolju je povezal z obstojem slovenskega jezika, literature in kulture v Porabju, to pa je odvisno od čim bolj zgodnjega in nenehnega srečevanja otrok s slovenskim jezikom v vseh možnih govornih položajih. V publicistični dejavnosti je prepoznal pomemben vpliv na govor otrok in na njihovo pismenost v slovenskem jeziku, zato je bila ustanovitev *Marijikinoga ogrčka* Kleklova premišljena in dolgoročno najuspešnejša jezikovnopolitična odločitev, s katero je zagotovil nadaljnji obstoj slovenskega jezika na njegovih najskrajnejših severovzhodnih mejah do reke Rabe.

Klekl st. je kot urednik in izdajatelj slovenskih časopisov »posegal v vse pore kulturnega, verskega in družbenega življenja v deželi med Muro in Rabo«,

zato je Štumpf¹ »častnega kanonika, apostola dobrega tiska in narodnega buditelja Slovenske krajine« zaradi »bogate periodike« in »ljubezni do lastnega naroda« imenoval za »svetovni fenomen«:

Neizmerno je bilo poslanstvo, ki ga je s tiskom opravil Jožef Klekl, kot eden največjih slovenskih »zaljubljenecv v žlahtnost materine besede«. Zlasti s svojo periodiko (Kalendar Srca Jezusovoga, Marijin list, Novine, Marijikin ograček) je posegal v vse pore kulturnega, verskega in družbenega življenja v deželi med Muro in Rabo, in sicer v prvih štirih desetletjih prejšnjega stoletja. Neizmerno in predvsem še vedno premalo raziskano pa je Kleklovo narodno buditeljsko poslanstvo, ki je krepilo neko skrivnostno notranjo silo Slovencev med Muro in Rabo, da je ta lahko eruptirala 17. avgusta 1919 v obliki končne osvoboditve Prekmurja oz. združitve prekmurskih Slovencev z matičnim narodom, katere 90-letnico smo praznovali letos. (Štumpf, prav tam)

Prva številka *Marijikinega ogračka*, 8. 1. 1932

Zadnja številka *Marijinega ogračka*, 8. 12. 1940

1 »Slovenci smo i ostanemo! Toga nigdar ne pozabimo«, je zapisal Klekl leta 1932, ko se je odločil izdajati tudi časopis za otroke. Prva številka *Marijikinega ogračka* (*Na čast Deteti Marijiki ga vrejuje za našo dečico Klekl Jožef, vp. pleb.*) je izšla 8. januarja 1932 kot priloga za otroke *Marijinega lista*, zadnja pa 8. decembra 1940 – do marca 1935 je bil *Marijikin ograček* samostojna publi-

¹ <http://www.skofija-sobota.si/zupnija/crensovci/novica.php?id_novice=443>.

kacija »z versko-vzgojno in tudi mladinsko leposlovno vsebino«, ki je bila priložena *Marijinemu listu*, od aprila 1935 pa je izhajal v okviru *Marijinega lista*:

Otroški mesečnik, ki ga je urejal slovenski katoliški duhovnik Jožef Klekl st., je izhajal v Murski Soboti oziroma v Črenšovcih, v prekmursko obarvani slovenščini. Vseboval je pesmi, uganke, katoliško obarvano besedilo, ki je nagovarjalo otroke in starše, oznanila in zapovedi ter novice v zvezi s katoliško vero.²

Urednik Klekl st. (sam se je ljubkovalno imenoval *striček*; gre za pogost naziv urednikov otroških in mladinskih časopisov oz. prilog v Sloveniji: ljubkovalno → *stric urednik* in iz tega izpeljana ljubkovalna manjšalnica → *striček*) je v prvi številki nagovoril svoje bralce (otroke in njihove starše) in jim razložil, zakaj je začel izdajati *Marijikin ogracek*. Staršem bo priloga *Marijinega lista* pomagala versko vzgajati otroke in kazati, kako jim na najbolj neposreden način približati versko-moralne vrednote (Štumpf 2002: 149), otroci pa bodo ob verski vzgoji pridobivali tudi govorne sposobnosti, si širili besedni zaklad in se izboljševali v slovenskem jeziku. Šlo je za prepoznaven katoliški in jezikovnopolični namen, tako rekoč program, ki temelji na verskem in narodnovzgojnem izobraževanju slovenskih otrok v slovenskem jeziku – »koristno s prijetnim«, tj. širjenje in utrjevanje katoliške vere v nacionalnem jeziku in s tem izražanje pripadnosti slovenstvu in Slovencem; otrokom je bilo tako ponujeno »veliko lepega, koristnega in veselega« v kultiviranem slovenskem jeziku; v Kleklovem jeziku je že v prvem nagovoru opazno veliko število manjšalnic (naslovnik so otroci), ki v publicističnem jeziku sicer niso bile pogoste (*ogracek, dečica, rožice, detece, Marijika, dušice, striček, listek*):

Te ogracek je mesečen list za vas, draga dečica, i dete, štero v njem pova rožice, je detece Marijika, rožice, štere goji, so pa vaše dušice. Draga dečica vidite to je zrok, zakaj vam je striček poslao te listek i ga pošle vsaki mesec. Te ogracek vsaki mesec pride k vam i vam prinese dosta lepoga, dosta hasnovitoga, dosta veselega. V tom ogrečeki do vaše dušice, te najdragše bože rožice, rasle tak vednako i košnato, cvele tak krasno i dišale tak prijetno, da sam nebeški krao de se vam veselio. Marijika, to najsvetejše detece, vas bo gojilo, okapalo, polevalo, negiivalo, to detece vam bo neprecenljive kinče davalo, ar je jako bogato, ka te vsi bogati v duši, čeravno ste siromaki v vrednosti. To detece je najmre, kak sam Bog pravi od njega »milošče puno«. To pa teliko pomeni, ka to detece vse bože dare i vse bože modrosti i vse bože kinče i vse bože plače, vu punosti ma. Srečna dečica, šteroj de takše dete oskrblavalo dušice. (Marijikin ogracek 1932: 2)

Starši in *mala dečica* so otroško prilogo *Marijinega lista* odlično sprejeli in v devetih letih izhajanja je *Marijikin ogracek* uspešno opravljal versko, jezikov-

² <<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:spr-JUHULRFA>>.

no in narodnoprebudno poslanstvo, ki mu ga je namenil urednik in ustanovitelj Klekl st.: »Svojo nalogo sam zvršo, mladino sam navčo na dobro čtenje i na to, da se ravna po navukaj dobrega čtenja.« (Marijikin ograček 1935: 2). V prvi številki četrtega letnika (1935) se je urednik lahko pohvalil s 3000 naročniki (»To mi svedoči prav lepo število naročnikov, na naš mladinski list, ki je lani doseglo trijezero.«), optimistično pa je napovedal še višjo naklado (»V novo leto stopim s tov željov, da bi število naročnikov naraslo.«), saj je bil npr. *Marijin list* v »najboljših časih« natisnjen kar v 6000 izvodih (Smej 1975) – za primerjavo: prva številka Marijinega lista 1904 je izšla v 2000 izvodih:

Na vsaj eno od Kleklovih periodik je bil leta 1935 naročen vsak dvanajsti katoličan, oz. vsak sedemnajsti prebivalec Slovenske krajine. Takšno splošno stanje naročnikov je trajalo ves čas izhajanja Kleklove periodike, seveda z nihanjem pri posameznih časopisih Povprečno je torej prišla celotna Kleklova periodika na vsakega štirinajstega katoličana, oz. sedemnajstega prebivalca Slovenske krajine. (Smej 1975)

1.1 Jezik v *Marijikinem ogračku* dosega glede na naslovnika zavidljivo pozitivno stopnjo in dokazuje Kleklovo visoko jezikovno kulturo, predvsem pa skrb za jezik in za to, kaj je primerno, dobro, ustrezno za upisemenjevanje otrok. V besedju izstopajo manjšalnice, ki dajejo Kleklovemu jeziku za otroke potrebno prijaznost in ljubkovalnost. Pri tem ne gre za otroško govornico, ampak za socialnozvrstno bolj čustveno besedilo, ki kaže izvrstno stopnjo izrazitve in daje (prekmurskemu) slovenskemu jeziku primerno besedno in skladijsko podobo. Kleklove premišljeno rabljene manjšalnice tvorijo v primerjavi s publicističnim ali političnim izrazjem posebno skupino »strokovnega« izrazja, t. i. otroški jezik, ki je med porabskimi Slovenci pomemben za ohranjanje slovenskega jezika v stiku z večinskim, državnim madžarskim jezikom. Tega se je Klekl zavedal, jasno mu je bilo, da slovenski jezik v Porabju ni samoumeven, še zlasti ne med otroki in v prostoru, ki je izpostavljen močni madžarizaciji. V *Marijikinem ogračku* so zato manjšalnice najbolj prepoznavna jezikovna novost v odnosu do Kleklovega ustaljenega in normiranega publicističnega jezika v *Kalendarju srca Jezušovoga*, *Marijinem listu* in *Novinah*. Klekl je pri tem upošteval tudi postopno prehajanje iz prekmurskega narečja v slovenski pisni standard, zavedajoč se, da je otrokom potrebno na primeren način približati razkorak med narečjem in knjižnim jezikom: »Pišemo vam pa draga dečica v našem jeziku največ i nekaj v knjižnoj slovenščini, ar ste tak želeli sami.«

2 (Samostalniška) manjšalnica je tvorjenka, ki s priponskim obrazilom izraža manjšo mero značilnosti podstave (Toporišič 1992: 100). Pavel (2013: 303) v poglavju o izpeljavi samostalnikov v paragrafu 364 (Pomen obrazil) navaja naslednja besedotvorna obrazila za manjšalnice: *-ec, -ek, -ics/ca, -ica, -ka, -ca,*

-cse, -cska, -icse in razne njihove sestave. Vsa naštetá obrazila so uporabljena tudi pri samostalniških tvorjenkah/manjšalnicah v *Marijikinem ogračku*.

2.1 V *Marijikinem ogračku* je takih manjšalnic največ, in sicer splošno izražajo predmetni pomen besed/samostalnikov ali besednih zvez (besedne zveze z dvema manjšalnicama so prav tako pogoste: *škatalica sladkorčka, snopič špagice; Marijikin listek*). Priponski obrazili -ica in -ek pomensko razširjata besedje s prvotnim pomenom 'majhen', 'manj': *brošurica, gredice, knjigica, misijonski koledarček, ograček, podobica, sinek, svetinjica, vrstice; vjenčič* (vpliv kajkavščine); *lonček, kamenček, robček, zamorček ...*

2.1.1 Včasih je težko razločevati med besedami, ki izražajo pomanjšanje (*zamorc* : *zamorček*) in ljubkovalnost (*zamorček* = črnček). Inačenjske tvorjenke opozarjajo na čustvenost, ki se kaže v ljubkovalnicah, slabšalnice niso prisotne. Pri osebnih imenih je manjšalnica hkrati tudi ljubkovalni izraz: *Marijika, deteti Marijiki, sveto dete Marijika, Bogec, Jezušek, Jožek pa Francek, Francika, Pišta bači* (stric Pišta; če je oseba znana, je *Pišta bači*; če oseba ni znana, je *Pišta stric*), *Karec, Karči* (Karel), *Lujzek, Micika, Agica, Agnešk* (Nežika), *Ančika*. Težje je določiti besede, ki se uporabljajo samo v čustvenem govoru, tj. ljubkovalno, prijazno do otrok – ljubkovalne manjšalnice so pozitivne, pomen 'majhen' je sicer prisoten, vendar postavljen v ozadje, pomen 'manj' pa ni prisoten: *angelci, ličece, žitek, vaš striček, Marijikin ograček*. Besedotvorna obrazila pri izpeljavi so praviloma knjižno slovenska z nekaj panonskimi posebnostmi, npr.: *mamika* (mamica) → (Jezusu je mamika Marija), *mamike i ajteki, golobeki* (golobčki), *igračice* (igračke), *Marijika* (Marijica):

Dete naj zapusti svojega ajteka i svojo mamiko? Dete naj zapusti tisto hišico, gde je zagledalo svetlost sveta? Dete naj zapusti svojo ovčico, svoje golobke, svoje igračice, svoje rožice, štere so njemi tak močno zrasle k srci? Teško je to, to istina. Ali Marijika je bogala.

2.1.2 Pri manjšalnicah pogosto prihaja do pomenskega podvajanja govorne podstave in priponskega poobraziljenja. Taka ponovitev dela besedne zveze in nove tvorjenke je besedotvorno sicer neustrezna, vendar pa je v Kleklovem jeziku ustaljeno in prepoznavno stilistično sredstvo za nežno, prisrčno sporazumevanje z otroki, ki še stopnjuje ljubkovalnost, npr.: *male gredice, malo detece, mala hoštijica, mali ograček*; pri tem je potrebno upoštevati tudi pomenske razlike, npr. *dečica* : *deca* : *dete*: (*predraga*) *dečica* (otroci) → pustite k meni malo dečico, *mala deca i velika; deklice i dečkeci; dete* (otročiček); redko je prisotno tudi posamostaljenje, npr.: *za naše male* ← *za naše male deca, mali* ← *mali deček*.

2.1.3 Posebno skupino tvorijo manjšalnice, ki so tudi strokovni izrazi, npr.: *pogačica* (1. manjšalnica od pogača, mala pogača; 2. vrtanek = pšenična po-

gača iz treh kit, ki ima na sredi luknjo); *molitvice* (1. manjšalnica od molitev, kratka molitev; 2. stolna molitev = molitev pri mizi; 3. kozje molitvice = oštevati koga); *budjele* (1. manjšalnica od /ženske/ hlače, /ženske/ hlače; 2. ženske spodnje hlače /žensko spodnje perilo/).

2.2 V *Marijikinem ogručku* obstajajo stilno zaznamovane izpeljanke z značilnimi panonskimi/prekmurskimi besedotvornimi premenami, ki izražajo pomen 'majhen' v zelo omejenem obsegu – kategorija živosti pri tem nima posebne vloge, npr.: *brežnjec* (griček), *cejkriček* (cekarček); *bratček* (bratec). Nekoliko več je manjšalnic, ki označujejo mlade živali, mladiče, npr.: *bikec*, *bujcek* (pujsek), *piškenec* (piščanec), *ftiček* : *ftičica* (dvojnica za moški in ženski spol). Besedotvorno obrazilo *-ka* je značilno za tvorjenke, na katere vpliva onomatopoiya, npr.: *becka* (krava mukica), *žibek* (gosji mladič → *vsakši žibek je nej za travo*).

2.2.1 Najbolj produktivne obrazilne manjšalnice v tej skupini so *-ek*, *-ec* in *-ica*, čeprav so prav tako pogoste tudi pri stilno nezaznamovani tvorbi – vendar v teh primerih ne gre za pomen 'majhen': *bogatec* (bogataš), *bračica* (pobiralka žita), *bozonovec* (bezeg). Različico te pomenske skupine tvorijo še manjšalnice, ki izražajo majhnost/mladost česa/koga; redko imajo samo ta pomen: *mladoženec* (ženin), *glazek* (steklenička), *gvantec* (oblekica), *hižica* (hišica), *angelček*, *bogec na križi visi*. Pogosteje so take manjšalnice večpomenske: *agnjec* (1. izraža mladost: mlada ovca → *oča naj agnjeca zakole*; 2. strokovni izraz → *agnjec boži, ki odjemle greje sveta*); *baba* (1. dojenček, punčka/lutka; 2. babica, stara mama; 3. *veška baba* /babica pri porodu/, toda: *babica* (starka); 4. slabšalno: *baba* /stara baba, babura/; 5. strokovni izraz → *baba*: zbira darove za nevesto, hodi od hiše do hiše; 6. strokovni izraz → *baba*: nakovalo za klepanje kose); *djereb* (1. jarica → *sprtoletje so dosta djerebov dojzarezali*; 2. frkljica → *ka pa te mali djereb že po plesaj odi*).

2.2.2 Redko ima samostalniška manjšalnica pomen 'stopnjevanje': *siroček* (velik revež).

2.2.3 Še največ je strokovnih izrazov, relativno pogosta pa so tudi imena za rastline/živali, npr.: *bakančke* (gojzarji), *beterca* (medicinska sestra), *brojca* (smrekova veja), *brojcovi* (smrečje), *bükevca* (bukov žir), *bukevca* (mala bukev), *slaviček* (slavec, ptič pevec), *cecek* (sesek), *cepke* (cepič), *dovica* (vdova), *apatica* (nuna), *kecmec* (drevesna smola), *dožnjek* (žetveni venec), *pautenec* (prečka → *češe se na pautenec*), *oslica* (kopica), *oček* (sekira), *doktorca* (zdravnica), *vüjec* (materin brat), *žujca* (žolca).

V tej skupini imajo prekmurske manjšalnice lahko sopomenski strokovni izraz, npr.: *konjiček* (1. mali konj → konjiček; 2. kobilica → žuželka), *lüčičec* (čebulček, lükec), *luk* (čebula), *mlejčnjek* (1. regrat, 2. mlečnik), *piknjice* (1.

ošpice, 2. male pike, pikice), *pezde* (1. goba prašnica; 2. prdec), *kapčica* (1. zaponka; 2. šiv), *tuček* (1. storž; 2. štrcelj), *svejčnica* (praznik → 2. februar), *svejčnjek* (svečnik).

Prav tako lahko med manjšalnice prištevamo prekmurska imena mesecev z obrazilom *-ek*, ki so izpeljana iz osebnih imen: *riszalscsek* (maj), *ivanscsek* (junij), *jakopescsek* (julij), *mesnyek* (avgust), *mihalscsek* (september), *vszeszvescsek* (oktober), *andrejscsek* (november).

2.2.4 Otroškega govora v Kleklovih zapisih ni, le tu in tam se srečamo s posameznimi besedami, ki so drugačne kot pri odraslih. Pri tem seveda ne gre za omejeno besedišče, ampak za njegovo stilno-plastno širjenje, ki kaže na besedotvorno moč in živost (prekmurskega) slovenskega knjižnega jezika: *bače*, pl. (kruhek → *dejte prosi bače*), *caklimacli* (mevža), *bakec* (trebušček), *baubau* (bavbav); *bajckati* (zibati).

2.2.5 Slabšalnih izrazov Klekl ni uporabljal. Če so take besede zapisane, imajo praviloma pozitiven čustven pomen ali vrednotenje, npr.: *prdulja* (1. slabo, staro vozilo; 2. vulgarno → kdor prdi), *piškauriš* (možicelj), *piškaurin* (češplja, sliva), *rogatanca* (klepetulja; tj. verjetno slabšalni izraz).

3 V ostalih prekmurskih časopisih (katoliških in protestantskih: Prijatelj, Dober pajdaš, Duševni list, Novine, Kalendar, Marijin list ...) manjšalnice niso bile pogoste, prav tako pa so zelo redke v sodobni prekmurski/porabski publicistiki, tj. v *Porabju*, edinem porabskem časopisu, ki danes izhaja v porabščini in delno tudi knjižni slovenščini. Ustanovljen je bil 14. 2. 1991, izhaja pa kot tednik na osmih straneh. Tako kot nekoč Kleklovi tiski ima tudi časopis *Porabje* velik pomen pri ohranjanju slovenske identitete in jezika med porabskimi Slovenci:

V časopisu se poslužujemo knjižne slovenščine in porabskega narečja. Ob aktualnih političnih dogajanjih na Madžarskem in v Sloveniji, povezanih z narodnostno politiko, poročamo o vseh dogodkih v Porabju in tudi drugje, kjer v večjem številu živijo porabski Slovenci (Budimpešta, Szombathely, Mosonmagyaróvár). Bralci radi berejo poljudno-znanstvene serije (narodopisne, literarno-zgodovinske, jezikovne) in seveda pogovore, intervjuje.³

3.1 Manjšalnice v rubriki *Zakoj, zakoj?*, v kateri nastopa mali Peter, otrok, ki neprestano sprašuje in želi, da mu starši odgovarjajo na njegova zakaj vprašanja, skoraj ni. V besedilu, ki je bilo objavljeno 29. januarja 2015, jih sploh ni. V primerjavi z *Marijkinim ograçkom* se pisec Miki Roš dosledno izogiba

---

³ <<http://www.porabje.hu/>>.

manjšalnicam, npr.: *mali Peter* (namesto *Peterček*), *Peter, sin moj* (namesto *Peterček, sinek moj*), *mala postela* (namesto *pojstelca*), *mama* (namesto *mami-ka*), *ata* (namesto *atjek*), *potok* (namesto *potoček*). Ali je to njegova slogovna posebnost, ali pa besedotvorno inačenje izginja iz sodobnega porabskega publicističnega jezika? Opraviti bo potrebno natančne in obsežne besedotvorne raziskave porabskega naddialekta, v katerem tiskajo časopis *Porabje*, če želimo dokazati oblikovanje posebnega porabskega publicističnega jezika in ugotoviti, ali so njegova skladišnja povezanost, besedotvorna izvornost in besedišče dovolj ustaljeni, da ne bo prišlo do manjšanja besedilnih zmožnosti tega jezika ter posledično do njegovega odmiranja. Umanjkanje manjšalnic ni nujno dokaz za zastoj v razvoju slovenskega jezika v Porabju.

LITERATURA

Marko JESENŠEK, 2013: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 90).

Mira KRAJNC IVIČ, 2013: *Osnove pragmatičnega jezikoslovja: visokošolski učbenik*. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti.

Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija* 58/1, 45–63.

Majda MERŠE, 2013: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev. *Slovenski knjižni jezik 16. stoletja. Razprave o jezikovnem sistemu, besedju in prevodni problematiki*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 207–224.

Francek MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathelly: Zveza Slovencev na Madžarskem.

Vilko NOVAK, 1976: *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana: Zadruga katoliških duhovnikov.

Vilko NOVAK, 2006: *Slovar stare knjižne prekmurščine*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Avgust PAVEL, 2013: *Prekmurska slovenska slovnica. Vend nyelvtan*. Prevedla Marija Bajzek Lukač. Uredil Marko Jesenšek. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 100).

Jožef SMEJ, 1975: *Pastorana dejavnost Ivanocyjevega kroga*. Inavguralna disertacija. Maribor: Škofijski ordinariat.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: Besedotvorna kategorija manjšalnic v slovenščini in makedonščini. *Makedonsko-slovenečki jazični, književni i kulturni vrski = Makedonsko-slovenske jezikoslovne, književne in kulturne zveze*. Skopje: Filološki fakultet Blaže Koneski, Univerzitet Sv. Kiril i Metodij. 199–210.

Peter ŠTUMPF, 2006: *Jožef Klekl st. kot publicist v prizadevanju za ohranitev katoliške vere v Slovenski krajini (Prekmurju)*. Ljubljana: Salve.

Natalija ULČNIK, 2009: *Začetki prekmurskega časopisja: besedje Agustičevega časopisa Prijatelj*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Zora, 67).

SPLETNI VIRI

<http://www.skofija-sobota.si/zupnija/crensovci/novica.php?id_novice=443>.

<<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:spr-JUHULRFA>>.

<<http://www.porabje.hu/>>.

<<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-V4AQIPSV/?query=%27keywords%3dmarijikin+ogra%C4%8Dek+1932%27&pageSize=100>>.

<<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-NUHJM1KN/?query=%27keywords%3dmarijikin+ogra%C4%8Dek+1940%27&pageSize=100>>.

SUMMARY

Diminutive Forms in *Marijikin ograček*

Marijikin ograček, the first Prekmurian youth newspaper was introduced as a supplement to the *Marijin list* newspaper by Jožef Klekl Sr, and was being published from January 1932 to December 1940. The texts focused on catholic religious and educational themes, with the addition of songs, various news articles, riddles, and jokes. Klekl focused a lot of attention to the language, as he was aware that the existence of Slovenes in Hungary was largely dependant on the active use of the language in the area, particularly among younger generations.

Prekmurian journalistic language did not contain a lot of noun diminutive forms (the same can be observed today in *Porabje* newspaper). The only exception was *Marijikin ograček*, which featured numerous diminutive forms (in the newspaper's title /*Marijikin ograček*/, article titles /e. g.: *Dečica okoli Jezušeka*/, as well as in the texts itself / eg.: *Striček* = editor, *dečica* = children, *detece* = Jesus).

The most common affixes found in the texts are *-ica* and *-ika* for feminine forms (*lišicica*, *lūkница*, *margejtica*, *mošnica*; *čučika* = chicken, *sklējčika*; also interesting are various differences in meanings, eg. *babika* = puppet, baby, and spoiled person). For masculine forms, the most common affixes are *-ec* and *-ek* (*ágnec*, *ángleec*, *ángjelček*/ *ángjelček*, *ájtek*, *cartlek*, *kamenčec*, *lūčiček* = small onion, *česnek* = garlic, *cecek* =

teat, tounge, *smüjček, tüjlek* = case, *zòbec* = rake, *zòbek* = small tooth, *žakliček*). More rarely used masculine forms are *-ič* or *-ar* (*kòlič*, also *kòlek, čibak*), as well as *-ec* (a change of neuter with masculine) for neuter (*okenček, srčece*), also nouns (particularly the names of young beings and common names), with expended base *s -t-* (*brave, pišče, žerbé; siróče, živinče*). Dual execution is also found in proper names (*mali Peter : Lujzek, Vanek* = Ivan; *Janoš/Djanoš : Janci/Djanci*).

MIHAELA KOLETNIK

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
mihaela.koletnik@um.si*

Samostalniške manjšalnice v prekmurskih narečnih slovarjih

Prispevek zarisuje obseg samostalniških manjšalnic, tj. modifikacijskih izpeljank, v treh prekmurskih narečnih slovarjih, in sicer: v *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarskem slovarju* (Mukič, 2005), v *Slovarju Gornjega Senika A–L* (Bajzek Lukač, 2009) in v *Slovarju beltinskega prekmurskega govora* (F., V. Novak, 1996), ter jih primerjalno obravnava z vidika rodnosti in razvrstitvenih lastnosti obrazil.

The article focuses on the corpus of nominal diminutives, i. e. modification word-formations in Prekmurje dialectal dictionaries: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar* (Mukič, 2005), *Slovar Gornjega Senika A–L* (Bajzek Lukač, 2009), *Slovar beltinskega prekmurskega govora* (F., V. Novak, 1996), and a comparative perspective which is based on a comparison from the perspective of formation and classification characteristics of word formation affixes.

Ključne besede: besedotvorje, manjšalnice, prekmursko narečje, prekmurski narečni slovarji

Key words: word formation, diminutives, Prekmurje dialect, Prekmurje dialectal dictionaries

1 UVOD

Po Toporišiču (1992: 100) so manjšalnice zlasti samostalniške tvorjenke, ki s priponskim obrazilom izražajo manjšo mero značilnosti podstave. Uvrščajo se med modifikacijske izpeljanke (Toporišič 2000: 183–187). V slovenščini ne poimenujejo zgolj majhnih stvari oz. objektivne pojavnosti glede na velikost druge take pojavnosti, ampak se manjšalnost uporablja tudi za izražanje stopnjevitosti ali čustvenosti, manjšalna obrazila pa so pogosta tudi pri poimenovanju mladičev oz. nedoraslosti (Stramljič Breznik 2008: 56). Stramljič Breznikova piše (prav tam: 57), da so manjšalnice z vidika tvorbenih lastnosti tipične samostalniške tvorjenke, pri katerih se kakovostni pridevnik iz skladenjske podstave poobrazili v desno priponsko obrazilo, in da so vselej istega spola kot podstavni samostalnik; v primeru tvorbe z drugospolskim obrazilom gre zagotovo za hoteno prevlado izrazito čustvenostnega vrednotenja.

2 PRIKAZ TVORBENIH OBRAZIL MANJŠALNIC V PREKMURSKIH NAREČNIH SLOVARJIH

Prispevek zarisuje obseg samostalniških manjšalnic, obravnavanih z vidika rodnosti in razvrstitvenih lastnosti obrazil, v treh prekmurskih narečnih slovarjih. Osnova za obravnavo so izpisi iz Mukičevega *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarskega slovarja* (2005), *Slovarja Gornjega Senika A–L* Marije Bajzek Lukač (2009) in *Slovarja beltinskega prekmurskega govora* (1996) Franceta in Vilka Novaka.¹ Mukičev in Novakov slovar obsegata vsak okrog 8000 besed, slovar Bajzek Lukačeve pa okrog 3300 besed. Primerjava Mukičevega in Novakovega slovarja kaže,² da je število samostalniških manjšalnic v Novakovem slovarju večje, različna pa je tudi razporeditev po spolih. Število moškospolskih tvorjenk je dokaj primerljivo, število ženskospolskih in srednjespolskih tvorjenk pa je v Novakovem slovarju bistveno večje. V slovarju Bajzek Lukačeve je v gradivu za prvih 13 črk slovenske abecede izpričanih 47 tvorjenk, katerih razvrstitev po spolu se ujema z Mukičevim slovarjem: največ je moškospolskih, sledijo ženskospolske in ena srednjespolska tvorjenka.

Preglednica 1: Primerjava obsega manjšalnic v prekmurskih slovarjih³

	PKMS	%	SGS	%	SBPG	%
Moškospolske manjšalnice	58	65,9	26	55,3	65	50,4
Ženskospolske manjšalnice	27	30,7	20	42,6	56	43,4
Srednjespolske manjšalnice	3	3,4	1	2,1	8	6,2
Skupaj	88		47		129	

2.1 Manjšalnice v *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarskem slovarju*

Pregled tvorbenih obrazil manjšalnic, izpričanih v *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarskem slovarju* pokaže, da največjo tvorbeno raznolikost izkazujejo

¹ Slovenska dialektologija uvršča porabske govore k prekmurskemu goričkemu podnarečju, govor Beltincev pa k prekmurskemu dolinskemu podnarečju panonske narečne skupine. Več o narečni podobi Prekmurja glej pri Koletnik (2008: 9–16).

² Primerjamo samo tiste tvorjenke, katerih manjšalnostni ali kateri izmed sorodnih pomenov (pozitivni, negativni, ljubkovalni ipd.) je v narečju potrjen.

³ PKMS – Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar; SGS – Slovar Gornjega Senika A–L; SBPG – Slovar beltinskega prekmurskega govora.

manjšalnice moškega spola, manj tvorbeno raznolike so manjšalnice ženskega spola, najmanj pa manjšalnice srednjega spola.

2.1.1 Manjšalnice moškega spola

Obrazila manjšalnic moškega spola si glede na tvorbeno rodnost padajoče sledijo v naslednjem zaporedju: *-ek* (*fliček*), *-ec* (*gvantec*), *-ič* (*fantič*), *-ček* (*angelček*), *-c* (*agnjec*), enako pogosti (z enkratno pojavitvijo) pa sta obrazili *-ar* in *-i*.

Najrodnejše je obrazilo *-ek* s šestindvajsetimi tvorjenkami. Najpogosteje se dodaja glasovno nepremenjeni podstavi: *bujcek* 'pujsek', *cvejtek*, *dejdek*, *fliček*, *glaviček* (< *glavič* 'ozara'), *glažek*, *Ježošek* (< *Jezoš*), *mujcek*, *plojek*, *pujcek*, *ramek* (< *hram*), manj pogosto pa palatalizacijsko premenjeni podstavi na *-k*: *potoček*, *siromaček*, *vacelejček* 'robček'. Iz slovarja je razvidna tudi tvorba manjšalnic na *-ek* kot drugostopenjskih tvorjenk iz tvorjenih podstav na *-ec*: *bratček*, *falajček*, *grajšček*, *ograček* 'vrtiček', *siroček* in *-ič*: *cejkriček*, *fantiček*, *pünkliček*, *vragiček*, *žakliček*, *žrebiček*. Z obrazilom *-ek* je tvorjena tudi tretjestopenjska manjšalnica *prškiček* 'odojek' (< *praščič* < *prasec* < *prase*). Pri samostalniku *plojec* manjšalnostno motivacijo uzavesti šele primerjava s podstavnim samostalnikom *ploj* (< *ploh* 'hlod'). Manjšalnice *mujcek*, *pujcek* in *siroček* imajo v slovarju še dodatni kvalifikator; prvi je pripisano ljubkavalno, drugi otroško in tretji ekspresivno. V vseh treh slovarjih zabeležena izglagolska tvorjenka *cecek* 'sesek' (< *cecati* 'sesati', kar je splošnoslovarska onomatopeja iz otroškega jezika /Bezljaj 1976: 59/) je navidezna manjšalnica, čeprav bi manjšalni pomen lahko motivirala ločitev dela od celote (prim. Merše 2010: 48). Tudi izsamostalniška tvorjenka *pintek* 'vrč' ni manjšalnica, saj narečni podstavni samostalnik *pint* ne izpričuje pomena 'vrč', temveč 'pint (tj. angleška ali ameriška prostorninska mera, približno 0,5 l), bokal (tj. nekdanja prostorninska mera, navadno za tekočine, približno 1,5 litra)', dokaz za nemanjšalno rabo pa ponuja tudi primerjava s prevodno predlogo: *pintek* 'vrč' – *kancsó* 'vrč' (Mukič 2005: 258) in ne *korsócka* 'vrček' (Bernjak 1995: 1015).

Drugo najpogosteje je obrazilo *-ec* s tvorjenkami brez premen: *bauec*, *bikec*, *brátec*, *grüntec*, *gvantec*, *ječmenec*, *klinec*, *kokoutec*, *lažec*, *náužic* (< *náužec*), *lükec*, *zvonec*⁴ ali s premeno zaradi podstave na *-c*: *lančec*. Manjšalnici *grüntec* je v slovarju pripisan kvalifikator navadno ekspresivno. Posebnost je manjšalnica *lažec* 'majhna laž', katere moškospolsko obrazilo *-ec*, s katerim

⁴ Pri samostalniku *zvonec* manjšalnostni pomen v razlagalno-ponazarjalnem razdelku slovarja ni več jasno izpričan.

navadno izpeljujemo manjšalnice iz moškospolskih samostalnikov (prim. Stramljič Breznik 2008: 61), je dodano ženskospolski podstavi *laž-*. Kot drugostopenjska tvorjenka (ob neizpričanosti prvostopenjske *lūčič*) je v porabskih govorih izpričan samostalni *lūčičec*. Tvorjenka *gradec* ni manjšalnica, saj se uporablja za pomen 'vrt' in ne za manjšalni pomen 'vrtiček'. Dokaz za nemanjšalno rabo ponuja tudi primerjava s prevodno predlogo: *gradec* 'vrt' – *kert* 'vrt' (Mukič 2005: 122) in ne *kertecske* 'vrtec, vrtiček' (Bernjak 1995: 257). Manjšalni pomen izpričuje leksem *ograček* 'vrtiček', izpeljanka iz navidezne manjšalnice *ogradec*, tvorjena s ponovnim dodatkom obrazila (*ograd* → *ogradec* → *ogradeček*); manjšalni pomen leksema potrjuje tudi prevodna predloga: *ograček* – *kertecske* (Mukič 2005: 239). Izglagolska tvorjenka *prdec* (< *prdeti*), zabeležena tudi v Novakovem slovarju, ni manjšalnica, čeprav bi manjšalni pomen lahko motivirala kratkotrajnost dejanja (prim. Merše 2010: 48).

Po pogostnosti pojavljanja sledi obrazilo *-ič* z devetimi tvorjenkami. Obrazilo je nenaglašeno in se dodaja glasovno nepremenjeni podstavi: *fantič*, *grmič*, *hoblič* 'oblič, skobljič', *oblič*, *popič*, *pūnklič*, *pūšlič*, *ramič* 'okvirček', *štinlič* 'stebelce, pecelj'. Manjšalnici *pūšlič* in *popič* imata v slovarju še dodatni kvalifikator, in sicer je prvi pripisano narečno, drugi pa otroško. V slovarju zabeleženem primeru *jagrič* gre za primer navidezne manjšalnice. Iz podstave *jager* 'lovec' izpeljani leksem *jagrič*, ki ima v slovarju pripisan kvalifikator narečno, se namreč ne uporablja za manjšalni pomen 'majhen lovec', ampak za pomen 'lovec'.

Obrazilo *-ček*⁵ izkazuje štiri manjšalnice: *angelček*, *klünček*, *mozouček* in *remenček*. Vse beleži Pletersnikov slovar, in sicer kot manjšalnice k podstavi z izglasjem na *-ec* (*angelček*, *-čka*, dem. angelec; *kljunček*, *-čka*, m. dem. kljunec; *mozoljček*, *-čka*, m. dem. mozoljec; *remenček*, *-čka*, m. dem. remenec), torej kot tvorjenke s palatalizacijsko premeno in ne kot tvorjenke z že posplošenim obrazilom *-ček*. Slovar slovenskega knjižnega jezika v primeru *angelček* in *kljunec* 'kljunček' morfema *-ec* ne navaja več, obliki *mozoljec* in *jermenec* (ob sicer posplošenih *mozoljček* in *jermenček*) pa imata pripisane kvalifikatorje, prva ekspresivno, druga pa redko.

Manj rodni sta obrazili *-c* in *-i*. Obrazilo *-c* je izpričano pri tvorjenkah *agnjec* 'jagnje' in *skenec* 'ščene', izpeljanih iz srednjepolskih samostalnikov, obrazilo *-i* pa potrjujeta *ati* in *kusi* 'psiček, ščene'. V primeru *kusi* je moškospolsko obrazilo *-i* dodano ženskospolski podstavi *kusa* 'psica'.

⁵ Stramljič Breznikova piše (2008: 60), da moškospolske manjšalnice z obrazilom *-ček* načeloma nastajajo takrat, ko je izglasje podstave zvočnik. Ločujemo jih od tvorjenk z izglasjem na *-ček*, pri katerih gre samo za glasovno premenjeno obliko.

Redko je obrazilo *-ar* s tvorjenko *pojbar* 'fantič', ki ima pripisan kvalifikator stilistično.

Pri prvostopenjski tvorjenki *dečko* manjšalni pomen ni jasno izpričan. Iz pripisane slovenske ustreznice *dečko* ga ni mogoče razbrati, prevod *fantič* s pripisanim kvalifikatorjem pesniško v ponazarjalnem gradivu kaže nanj, prevodna predloga pa ga ne potrjuje: *dečko* 'dečko' – *legény* (Mukič 2005: 50) 'fant' (Bernjak 1995: 310) in ne *legényke* 'fantič, pobec, pobič' (prav tam).

2.1.2 Manjšalnice ženskega spola

Pri tvorbi manjšalnic ženskega spola so izpričana tri enopriponska obrazila: *-ica*, *-ka* in *-ca*. Dvodelno obrazilo *-ič-ica* se pojavlja v primeru tvorjenke, prvostopenjsko izpeljane z obrazilom *-ica*, dvodelno obrazilo *-ič-ina* pa v primeru drugostopenjske tvorjenke, domnevno izpeljane iz moškospolskega samostalnika.

Najbolj rodno je obrazilo *-ica*, ki je redko naglašeno (*koškica/koščica*, *mišica*). Dodaja se glasovno nepremenjeni podstavi: *deskica*, *djârica*, *fčelica*, *glavica*, *gmajnica*, *hižica*, *jamica*, *kosica*, *križmica* 'krstno darilce za krščenca' (< *križ-ma* 'isto'), *kupica*, *lunica*, *bâbica* ali palatalizacijsko premenjeni podstavi, če se ta končuje na *-k*: *barčica*, *drvenčica*, *odejvčica*, *-h*: *mišica* 'mušica' ali *-c*: *dečica*, *ftičica*. Pri tvorjenki *mačica*, nastali iz *mačka*, gre za nadomestitev obrazila *-ka* z *-ica*. Manjšalnice *glavica*, *kupica*, *gmajnica* in *bâbica* imajo še dodatni kvalifikator, in sicer je prvima dvema pripisano ekspresivno, tretji navadno ekspresivno, le manjšalnica *bâbica* ima kvalifikator ljubkovalno. Jotacijsko premenjena je tvorjenka *koškica/koščica*.

Dvodelno obrazilo *-ič-ica* izkazuje tvorjenka, prvostopenjsko izpeljana z obrazilom *-ica*, in sicer *goričica* 'gorica, majhna gora, grič'; kombinacija dveh obrazil se odraža kot morfemska razširitev prvotnega obrazila *-ica* (Merše 2010: 50): *gor-ica* → *gor-ič-ica*. Meršetova piše (prav tam), da je pri tem tipu tvorjenk potrebo po ponovni izpeljavi s pripono *-ica* pri prvostopenjskih manjšalnicah povzročilo izgubljanje manjšalnega pomena.⁶

Manj rodni sta v porabskih govorih obrazila *-ka* in *-ca*. Z obrazilom *-ka* so tvorjene tri, podstavno nepremenjene tvorjenke: *flâška*, *vejka*, *ženka*, obrazilo *-ca* pa ima dva zgleda: *glavca* (s kvalifikatorjem ljubkovalno), pri čemer je *-ca* reducirana različica obrazila *-ica* (*glavca* ← *glavica*), in *mrkevca*.

---

⁶ V Mukičevem slovarju je izsamostalniški tvorjenki *gorica* pripisan pomen 'vinograd'.

Dvodavno obrazilo *-ič-ina* izkazuje drugostopenjska tvorjenka *dekličina*, domnevno izpeljana iz samostalnika moškega spola na *-ič* (*deklič*) z obrazilom *-ina*.

2.1.3 Manjšalnice srednjega spola

Manjšalnice srednjega spola so v porabskih govorih zelo redke. V Mukičevem slovarju so izpričane tri, nastale z obrazili *-ce*: *vince*, *-ece*: *ličece* in *-ca*: *dverca*; v slednjem primeru se srednjespolsko obrazilo družijo z ženskospolskim množinskim samostalnikom.

2.2 Manjšalnice v Slovarju Gornjega Senika A–L

Pregled tvorbenih obrazil manjšalnic, izpričanih v *Slovarju Gornjega Senika*, v katerem so obdelane besede, ki se začnejo s prvimi trinajstimi črkami slovenske abecede (A–L), pokaže, da tudi v tem slovarju največjo tvorbeno raznolikost izkazujejo manjšalnice moškega spola, manj tvorbeno raznolike so manjšalnice ženskega spola, najmanj pa manjšalnice srednjega spola.

2.2.1 Manjšalnice moškega spola

Obrazila manjšalnic moškega spola si glede na tvorbeno rodost padajoče sledijo v naslednjem zaporedju: *-ec* (*bikec*), *-ek* (*atek*), *-li* (*kajšli* ‘majhno posestvo, kajža’), enako pogosta (z enkratno pojavitvijo) pa so obrazila *-c*, *-ič*, *-njek*, *-enek* in *-aš*.

Najrodnejše moškospolsko obrazilo v gornjeseniškem govoru je *-ec* z enajstimi tvorjenkami. Najpogosteje se dodaja glasovno nepremenjeni podstavi: *bikec*, *bougec*, *bratec*, *dragec*, *gečmenec*, *gvantec*, *klinec*, *križec*, manj pogosto pa palatalizacijsko premenjeni podstavi na *-k*: *gezičec* ali *-c*: *lančec*, *kamenčec* (< *kamenec*). Manjšalnici *bougec* je v slovarju pripisan kvalifikator slabšalno, manjšalnica *gezičec* pa ima pripis »manjšalnica od jezika«.

Drugo po pogostosti pojavljanja je obrazilo *-ek*, ki je dodano glasovno nepremenjeni podstavi: *atek*, *dejdek*, *glazek* ‘steklenička’, *Jezošek* (< *Jezoš*). Iz slovarja je razvidna tudi tvorba manjšalnic na *-ek* kot drugostopenjskih tvorjenk iz tvorjenih podstav na *-ec*: *falajček* ‘košček’, *grajšček* ‘grah’ in *ič*: *konjiček* (s pripisom »manjšalnica od konja«), *lüčiček* ‘čebulček’.

Obrazilo *-li* je redko. Iz primerov je razvidno, da se dodaja tujejezični podstavi: *čonakli* ‘čolniček’ (< madž. *csónak* ‘čoln’), *kajšli* ‘majhno posestvo, kajža’ (< nem. *Keusche* ‘kajža’).

Zelo redka so obrazila *-c*, *-ič*, *-njek*, *-enek* in *-aš* s po eno tvorjenko: *agnjec* ‘jagnje’, *cepič* ‘krajši cepec’, *brežnjek*, *gračenek* ‘ograjeni del za svinje’ ter *bikaš* ‘mladi bik’. V primeru *gračenek* ‘ograjeni del za svinje’ bi manjšalni pomen lahko motivirala ločitev dela od celote, v pomenu ‘vrt’ pa manjšalni pomen v slovarju ni izpričan, prav tako ga ne potrjuje madžarska prevodna ustreznica (prim. *gračenek* ‘kert’ /Bajzek Lukač 2009: 155/ in ne *kertecske* ‘vrtec, vrtiček’ /Bernjak 1995: 257/). Pri prvostopenjski tvorjenki *dečko* manjšalni pomen ni jasno izpričan. Iz pripisane slovenske ustreznice *dečko* ga ni mogoče razbrati, madžarska prevodna ustreznica pa ga ne potrjuje: *dečko* ‘dečko’ – *legény* (Bajzek Lukač 2009: 98).

2.2.2 Manjšalnice ženskega spola

Pri tvorbi manjšalnic ženskega spola so izpričana štiri enopriponska obrazila: *-ica*, *-ika*, *-ka* in *-ca* ter dvopriponski obrazili *-ič-ka* in *-ič-ina*.

Najbolj rodno je obrazilo *-ica*, ki se najpogosteje dodaja nepremenjeni podstavi: *amica*, *babica*, *barkica*, *devica*, *düšica*, *kosica*, *košarica*, *kupica*, *lūknica*, *divica* (< *vdova*), samo v enem primeru pa palatalizacijsko premenjeni podstavi, ki se zaključuje na *-c*: *lisičica*. Manjšalnici *babica* in *barkica* imata v slovarju še dodatni kvalifikator, in sicer je prvi pripisano ljubkovalno, drugi pa manjšalno. Jotacijsko premeno kaže *koškica*. V množinski obliki je v slovarju zabeležena prvostopenjska manjšalnica *gorica*, ki ima ob pomenu ‘manjši hribi, griči’ pripisan tudi pomen ‘vinograd’. Pri množinskem samostalniku *djaslice*, izpeljanem iz istospolnega nemanjšalnega množinskega samostalnika *jasli*, se obrazilo *-ica* realizira kot *-ice*.

Z obrazilom *-ika* sta tvorjeni manjšalnici *babika* ‘pupika’ in *čučika* ‘kokoška’, ki imata pripisan kvalifikator otroško.

Z obrazilom *-ka* je tvorjena manjšalnica z nepremenjeno podstavo: *bučka*, dodelno obrazilo *-ič-ka* pa izkazuje tvorjenka *djarička* ‘jarica’, z dodatkom obrazila *-ka* izpeljana iz prvostopenjske manjšalnice na *-ica*: *djar-ica* → *djar-ič-ka*.

Ženskospolsko manjšalno obrazilo *-ca* je v primeru množinskega samostalnika *garce* realizirano kot *-ce*. Gre za reducirano različico obrazila *-ica* (*garce* ← *garice*).

Dvodavno obrazilo *-ič-ina* izkazuje drugostopenjska tvorjenka *dekličina*, domnevno izpeljana iz samostalnika moškega spola na *-ič* (*deklič*) z obrazilom *-ina*.

2.2.3 Manjšalnice srednjega spola

Manjšalnice srednjega spola so redke. V slovarju je zabeležena ena, in sicer *dverca*. V tem primeru se srednjespolsko obrazilo *-ca* družiti z ženskospolskim množinskim samostalnikom.

2.3 Manjšalnice v Slovarju beltinskega prekmurskega govora

V Slovarju *beltinskega prekmurskega govora* največjo tvorbeno raznolikost izkazujejo manjšalnice moškega spola, sledijo manjšalnice ženskega, tem pa manjšalnice srednjega spola.

2.3.1 Manjšalnice moškega spola

Obrazila manjšalnic moškega spola si glede na tvorbeno rodnost padajoče sledijo v naslednjem zaporedju: *-ek* (*glažek*), *-ec* (*bougec*), *-ič* (*stolič*), *-ček* (*kamenček*), enako pogosta (z enkratno pojavitvijo) pa so obrazila *-c*, *-ak* in *-arec*.

Najrodnejše manjšalno moškospolsko obrazilo je *-ek* z dvaintridesetimi tvorjenkami. Najpogosteje se dodaja glasovno nepremenjeni podstavi: *ajtek*, *cartlek*, *dedek*, *fliček*, *glažek*, *grozdek*, *Jezušek* (< *Jezuš*), *kolaček*, *mašinek*, *kujsek* 'psiček, ščene', *lancek* 'verižica' (< *lanc* 'veriga'), *pesek* 'psič', *potaček*, *pujcek* 'pujsek', *vrček*, *zobek*, manj pogosto pa palatalizacijsko premenjeni podstavi na *-c*: *lunček* 'lonček', *strijček*, *vijček*, *zavček* in *-k*: *siromaček*. Z obrazilom *-ek* nastajajo tudi drugo- ali višjestopenjske tvorjenke; *-ek* se pritika ali na obrazilo *-ec*: *brešček* 'hribček', *falaček* 'košček', *grajšček*, *ograček* 'vrt, vrtič', *žrebček* ali na obrazilo *-ič*: *čebriček*, *falačiček* 'košček' (*fala(t)čič* < *falatec* < *falat* 'kos'), *lagviček*, *praščiček* 'prašiček' (< *praščič* < *prasec* < *prase*), *voziček*, *žakliček*. Posebnost je manjšalnica *kujsek* 'psiček, ščene', kjer je moškospolsko obrazilo *-ek* dodano ženskospolski podstavi *kusa* 'psica'. Manjšalnici *falaček* in *falačiček* sta istopodstavni, a obrazilno različni sopomenski tvorjenki. V beltinškem govoru širše uveljavljena je različica *falaček*.

Drugo po tvorbeni rodnosti je obrazilo *-ec*. Razvršča se na nepremenjeno podstavo: *angelec*, *bikec*, *bougec* 'bogek', *deček*, *ječmenec*, *kokotec*, *küšec*

‘poljub’, *lūikec*, *mostec*, *pinklec* ‘culica’, *piščajec* ‘izpuščaj, mozoljček’, *po-krouvec*, *prodec*, *stvarec* ‘mrčes, žuželka’, *štiblec* ‘sobica’, *vnūkec*, *zobec*, *zvo-nec* ‘zvonec, zvonček’ ali po palatalizaciji premenjeno podstavo na *-g*: *rožec* ‘bunka, rožiček od udarca’ in *-k*: *človečec* ‘človeček’. *Bougec* ima pripis »v otroškem govoru«. Posebnost je manjšalnica *stvarec* ‘mrčes, žuželka’, katere moškospolsko obrazilo *-ec* je dodano ženskospolski podstavi. Pri tej tvorjenki manjšalnostno motivacijo uzavesti primerjava s podstavnim samostalnikom *stvar*, katerega v narečju izpričani pomen je ‘žival’. Pri samostalniku *kūišec* manjšalni pomen iz razlagalno-ponazarjalnega razdelka v slovarju ni jasno razviden. Manjšalnostno motivacijo uzavesti šele primerjava z v slovarju za-beleženim podstavnim samostalnikom *kūš* ‘poljub’.

Obrazilo *-ič* se najpogosteje dodaja nepremenjeni podstavi; lahko je naglašeno: *gradič*, *plastič*, *stolič* ‘mizica’ ali nenaglašeno: *cepič*, *količ*. Izkazujeta ga še dve tvorjenki s spremeno ob podstavi na *-c*: *lapčič* ‘hlapček’ in *telčič* (< *telce*). V primeru *hoblič* (prim. nem. *Hobel* ‘skobelj’) manjšalnostni pomen v slovarju ni jasno izpričan.

Tvorjenke na *-ček* so tri: *kamenček*, *pasterček* in *stouček*. Pleteršnik beleži leksem *kamenček* kot tvorjenko s palatalizacijsko spremeno, in to kot manjšal-nico k podstavi z izglasjem na *-ec* (*kamenček*, *-ka*, m. dem. *kamenec*), medtem ko njegov prikaz leksemov *pastirček* in *stolček* (ob hkratnem zapisu *pastirec*, *-rca*, m. dem. *pastir*, *stolec*, *-lca*, m. dem. *stol*) že omogoča sklepanje na obra-zilo *-ček*: *pastirček*, *-čka*, m. dem. *pastir*, *stolček*, *-čka*, m. dem. *stol*. Slovar slovenskega knjižnega jezika v primeru *kamenček* morfema *-ec* ne navaja več, obliki *pastirec* in *stolec* (ob sicer posplošenih oblikah *pastirček* in *stolček*) pa imata pripisane kvalifikatorje, prva starinsko, druga pa redko.

Zelo redka so obrazila *-c*, *-arec* in *-ak* s po eno tvorjenko: *agnjec* ‘jagnje’ (iz-peljanka iz srednjepolskega samostalnika), *dičarec* ‘fantič, otročaj’ in *dičak* ‘fantek, deček’.

Manjšalnica *dečko* nima manjšalnega pomena; leksem se uporablja za pomen ‘fant’.

2.3.2 Manjšalnice ženskega spola

Obrazila manjšalnic ženskega spola si glede na tvorbeno rodnost padajoče sledijo v naslednjem zaporedju: *-ica* (*kaplica*), *-ka* (*vejka*), *-ika* (*mujcika*) in *-ca* (*posteuca*). Obrazilo *-ica* se za množinske samostalnike realizira kot *-ice* (*dverice*).

Najbolj rodno je obrazilo *-ica*, ki je redko naglašeno (*dovica* 'vdovica', *goščica*, *mišica*, *mošnica*; *gorice*). Med tvorjenkami s tem obrazilom je mogoče razlikovati tiste, ki so nastale s tvorbo iz nepremenjene podstave: *babica*, *dovica*, *düišica*, *greblica*, *hamica*, *ižica*, *jarica* (s pripisom »manjšalnica od jara«), *kadica*, *kantica* 'steklenička', *kapejlica*, *kaplica*, *kaštulica* 'škatlica, zabojček', *ključica*, *košarica*, *kruglica*, *kupica*, *ladica* 'skrinjica', *lestvica*, *mamica*, *merica*, *mošnica*, *piknjica*, *pogačica*, *rantica*, *roužica*, *šibica*, *škatulica* 'škatlica', *tablica*, *vnükica*, in tiste, ki so nastale s palatalizacijsko premenjeno podstavo na *-k*: *rinčica* in *-h*: *mišica* 'mušica'. Jotacijsko premeno kaže *goščica* 'koščica'. Iz manjšalne tvorjenke na *-ka* (*kokoška*) je z dodatkom obrazila *-ica* tvorjen leksem *kokoščica* 'vodna kokoš (tj. račka)'. Posebnost sta manjšalnici *veslica* 'manjši podolgovat lopar' in *dečica* 'otročički', nastali iz srednjepolskih samostalnikov. Prva je z ženskospolskim obrazilom *-ica* izpeljana iz samostalnika *veslo*, druga pa iz srednjepolskega množinskega samostalnika *deca* 'otroci' (*dec-* + *-ica* → *dečica*). V primeru *ključica* 'trsnica mladika' je ženskospolsko obrazilo *-ica* dodano moškospolski podstavi. Pri ženskospolskih množinskih samostalnikih, izpeljanih iz istospolnih nemanjšalnih množinskih samostalnikov, se obrazilo *-ica* realizira kot *-ice*: *dverice*, *grablice* in *garice*. V množinski obliki je v slovarju zabeležena še prvostopenjska manjšalnica *gorica*, ki ima ob pomenu 'manjši hribi, griči' pripisan tudi pomen 'vinograd'.

Z obrazilom *-ka* so tvorjene podstavno nepremenjene manjšalnice: *bučka*, *kletka*, *vejka* ali podstavno premenjene manjšalnice zaradi izglasij na *-c*: *krnička*, *vesnička* (< *vesnica* 'vas') in *-h*: *rašoška* (< *razsoha*). Z dodatkom obrazila *-ka* v vlogi manjšalnega obrazila se nove manjšalnice tvorijo tudi iz manjšalnih tvorjenk na *-ica*, pri čemer se kombinacija dveh obrazil odraža kot morfemska razširitev prvotnega obrazila *-ica*: *dekl-ica* → *dekl-ič-ka*; tako še: *blanj(i)čka* 'deščica', *ižička* 'hiška, hišica'. Iz feminitiva *žrebica* je tvorjena manjšalnica *žrebička*.

Redkejši sta obrazili *-ika* s petimi tvorjenkami: *babika* 'lutka', *bibika* (< *biba* 'gos'), *čüčika* 'kurica' (s pripisom »v otroškem govoru«), *mujcika*, *sklejšika* 'skledica, skodelica' (< *sklejca*) in *-ca* z dvema tvorjenkama: *mrkevca*, *posteuca* 'posteljica'.

2.3.3 Manjšalnice srednjega spola

V beltinškem govoru nastajajo srednjepolske manjšalnice z obrazili *-ce*: *korijce* 'koritce', *polence*, *telece* 'telce', *-e*: *mače* 'mačkica', *siročce* 'revše, revica' in *-ece*: *srcece* 'srcece' s pripisom »ljubkovalno za otroka«. Z obrazilom *-ica* je tvorjen srednjepolski množinski samostalnik *koulica* 'voziček', izpeljan iz

istospolnega nemanjšalnega množinskega samostalnika *koula* 'voz'. V primeru *dverca* 'vratca' se srednjepolsko obrazilo *-ca* druži z ženskospolskim množinskim samostalnikom *dveri*.

3 IZLASTNOIMENSKE MANJŠALNICE V OBRAVNAVANIH SLOVARJIH

V slovarskem delu obravnavanih prekmurskih narečnih slovarjev je zajeto tudi lastnoimensko besedje. Osredotočamo se na iztočnice z ženskimi in moškimi osebnimi imeni, tj. hipokoristične in deminutivne tvorjenke. Pri moških imenih se manjšalno-ljubkovalni pomen najpogosteje izraža z obrazilom *-ek*: *Andražek*, *Francek* (s pripisom manjšalnica od Franc), *Lujzek*, *Pištek*, *Tinek*, *Tunek*, *Vanček* (SBPG), *Djožek*, *Franček* (PKMS), *Francek* (SGS), ki mu po pogostnosti pojavljanja sledijo *-č*:⁷ *Tinč*, *Vanč* (SBPG), *-ček*: *Janček*, *Tinček* (SBPG), *Djânček* (PKMS), *-ec*: *Joškec* (< *Joško*) (SBPK), *-i*: *Djoži* (PKMS), *Djouži* (SGS), *-či*: *Janči* (SBPG), *Djanči* (PKMS, SGS) in *-ko*: *Joško* (SBPG), *Djoško* (PKMS, SGS).

Najpogostejše manjšalno-ljubkovalno obrazilo za ženska imena je: *-ka* z različico *-ika* (prim. Keber 2002: 58): *Ančika* (< *Anči*),⁸ *Eržika* 'Lizika' (< madž. *Erzsi*), *Micka*, *Micika*, *Milika*, *Tinika* (PKMS), *Agneška* 'Nežica', *Ančika* (SGS), temu pa sledijo *-ica*: *Barica* (s pripisom »manjšalno ime od Bara«), *Katica* (SBPG, PKMS, SGS) in *-ca*: *Agica* 'Nežika' (< madž. *Agi* 'Neža') (PKMS), *Agica* 'Nežica' (SGS). Keber ugotavlja (2011: 100), da se manjšalno-ljubkovalni pomen pri pogostih imenih s priponskim obrazilom *-ka* izgublja. Na to kaže tudi pri Mukiču zabeleženo ime *Agneška*, ki ima pripisan pomen 'Neža, Agata', medtem ko je razlikovalnost med *Agneš* 'Neža' in *Agneška* 'Nežica' pri Bajzek Lukačevi lepo razvidna.

4 ZAKLJUČEK

Skupina samostalnikov, izpeljanih s tipičnimi obrazili za izražanje manjšalnic, v prekmurskem narečju ni obsežna; v Mukičevem slovarju imajo manjšalnice 1, 1 % delež, v Slovarju Gornjega Senika 1, 4 % in v Novakovem slovarju 1, 6 % delež. Niz tovrstnih tvorjenk bi sicer lahko bil daljši, a kriterij razvrščanja je bilo preverjanje manjšalnostnega ali katerega od sorodnih pomenov (prim. Merše 2010: 45).

⁷ Ta manjšalno-ljubkovalni sufiks je skrajšan iz *-če* in *-či* (Keber 2001: 82).

⁸ Keber piše (2001b: 106), da imajo imena na *-či* izrazito ljubkovalnost.

Najrodnejši moškospolski obrazili samostalniških manjšalnic v prekmurskem narečju sta *-ek* in *-ec*. Prvo je najpogostejše tudi v Pleteršnikovem slovarju in v SSKJ, drugo pa je v SSKJ četrto, pri Pleteršniku pa drugo najrodnejše obrazilo (Stramljič Breznik: 2008 62). Morfem *-ček*, v sodobnem slovenskem knjižnem jeziku po rodnosti na drugem mestu (prav tam), je v narečju veliko manj roden; v porabskem gornjeseniškem govoru npr. sploh ni izpričan. Ta govor izkazuje tudi zelo specifično obrazilo *-li*, s katerim se izpeljujejo manjšalnice iz tujejezične podstave. V prekmurskem dolinskem podnarečju sta kot malo rodni izpričani obrazili *-arec* in *-ak*, ki v goričkem podnarečju nista znani. Primerjavo moškospolskih manjšalnic v obravnavanih slovarjih prikazuje spodnja preglednica.

Preglednica 2: Primerjava moškospolskih manjšalnic v prekmurskih narečnih slovarjih⁹

Pogostostna razvrstitev	PKMS	Odstotni delež	SGS	Odstotni delež	SBPG	Odstotni delež
1.	-ek	44,8	-ec	42,3	-ek	49,2
2.	-ec	24,2	-ek	31,0	-ec	30,8
3.	-ič	15,6	-li	7,7	-ič	10,8
4.	-ček	6,9	-c	3,8	-ček	4,61
5.	-c	3,4	-ič	3,8	-c	1,53
6.	-i	3,4	-njek	3,8	-arec	1,53
7.	-ar	1,7	-enek	3,8	-ak	1,53
8.			-aš	3,8		

Najvišji delež ženskospolskih manjšalnic izkazuje Slovar beltinskega prekmurskega govora. Primerjava obrazil v obravnavanih slovarjih kaže, da je najrodnejše ženskospolsko obrazilo *-ica*, ki je primerljivo tudi po deležu znotraj kategorije manjšalnic. Veliko manj rodno je obrazilo *-ka*, ki ima nekoliko večji odstotni delež le v Beltincih. V Mukičevem slovarju neizpričano, na Gornjem Seniku in v Beltincih pa približno enako rodno je obrazilo *-ika*. To je potrjeno v Pleteršnikovem slovarju, po SSKJ pa ženskospolske manjšalnice z njim ne nastajajo več (Stramljič Breznik 2008: 65). Samo narečno, tvorno v porabskih govorih, je dvodelno obrazilo *-ič-ina*.

⁹ Ker so v Slovarju Gornjega Senika obdelane samo besede od A–L, je mogoče, da bi bila pogostostna razvrstitev moško-, žensko- in srednjepolskih obrazil na podlagi analize celotnega gradiva, tj. A–Ž, nekoliko drugačna.

Preglednica 3: Primerjava ženskospolskih manjšalnic v prekmurskih narečnih slovarjih

Pogostostna razvrstitev	PKMS	Odstotni delež	SGS	Odstotni delež	SBPG	Odstotni delež
1.	-ica	77,8	-ica	70,0	-ica	69,6
2.	-ka	11,1	-ka	10,0	-ka	17,9
3.	-ca	7,4	-ika	10,0	-ika	8,9
4.	-ič-ina	3,7	-ca	5,0	-ca	3,6
5.			-ič-ina	5,0		

Srednjespolske manjšalnice, ki jih je v prekmurskem narečju najmanj, se največkrat tvorijo z obrazilom *-ce*, ki je kot najrodnejše izpričano tudi v Pletersnikovem slovarju in SSKJ (Stramljič Breznik 2008: 67). V Beltincih dokaj rodno obrazilo *-e* v porabskih govorih ni izpričano, sodobno knjižno obrazilo *-ece* pa je potrjeno tako v dolinskem kot v goričkem podnarečju. Vsi trije slovarji beležijo srednjespolsko obrazilo *-ca*, ki se druži z ženskospolskimi množinskimi samostalniki, samo v Beltincih pa je srednjespolska manjšalnica tvorjena tudi z obrazilom *-ica*.

Preglednica 4: Primerjava srednjespolskih manjšalnic v prekmurskih narečnih slovarjih

Pogostostna razvrstitev	PKMS	Odstotni delež	SGS	Odstotni delež	SBPG	Odstotni delež
1.	-ce	33,33	-ca	100,0	-ce	37,5
2.	-ece	33,33			-e	25,0
3.	-ca	33,33			-ece	12,5
4.					-ica	12,5
5.					-ca	12,5

V prekmurskem narečju je s samostalniškimi manjšalnicami najpogosteje izražena majhnost oz. majhen obseg ali delnost česa, izražena so mlada bitja ter prisrčen odnos oz. naklonjenost do živih bitij, kar z manjšalno-ljubkovalnimi obrazili potrjujejo tudi izlastnoimenske tvorjenke.

VIRI IN LITERATURA

- Marija BAJZEK LUKAČ, 2009: *Slovar Gornjega Senika A–L*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 66).
- Elizabeta BERNJAK, 1995: *Madžarsko-slovenski, slovensko-madžarski slovar = magyar-szlovén, szlovén-magyar szotár*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Milena HAJNŠEK HOLZ, 1999: Lastna imena v Murkovem slovarju. *Murkov zbornik*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Slavistično društvo. 292–303. (Zora, 9).
- Janez KEBER, 2001a: *Leksikon imen*. Celje: Mohorjeva družba.
- Janez KEBER, 2001b: O strukturi rojstnih imen v sloveniji. *Jezikoslovni zapiski* 7/1–2, 21–112.
- Janez KEBER, 2002: Rojstna imena, hišna imena, vzdevki, psevdonimi v Sloveniji. *Jezikoslovni zapiski* 8/2, 47–70.
- Mihaela KOLETNIK, 2008: *Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razprave*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 60).
- Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija* 58/1, 45–63.
- Franček MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely: Zveza Slovencev na Madžarskem.
- Franc NOVAK, Vilko NOVAK, 1996: *Slovar beltinskega prekmurskega govora*. Murska Sobota: Pomurska založba.
- Marko SNOJ, 2003: *Slovenski etimološki slovar. Druga pregledana in dopolnjena izdaja*. Ljubljana: Modrijan.
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1999: *Prispevki iz slovenskega besedoslovja*. Maribor: Slavistično društvo. (Zora, 7).
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: *Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B*. Maribor: Slavistično društvo. (Zora, Priročniki 1).
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2008: Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in SSKJ. *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, 56–68. (Zora, 56.)
- Ada VIDOVIČ MUHA, 1988: *Slovensko skladijsko besedotvorje ob primerih zložen*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
- Peter WEISS, 1998: *Slovar govorov Zadrecke doline med Gornjim gradom in Nazarjami*. Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC.

SUMMARY

Diminutives of Nouns in Prekmurje Dialectal Dictionaries

The current research focuses on the corpus of nominal diminutives, i. e. modification word-formations in Prekmurje dialectal dictionaries and a comparative perspective which is based on a comparison from the perspective of formation and classification characteristics of word formation affixes.

The analysis shows that masculine diminutives demonstrate the most derivative variegation with the most productive word formation suffix is *-ek* (*fliček* 'bird', *glážek* 'bottle') and *-ec* (*bikec* 'young bull', *vnúkec* 'grandson'), and less derivationally productive suffixes are *-c* (*agnjec* 'lamb'), *-ič* (*pünklič* 'stick'), *-i* (*ati* 'dad'), *-ak* (*dičak* 'boy'), *-ček* (*frlünček* 'snout'), *-ko* (*dečko* 'boy') and *-ar* (*pojbar* 'boy'). In derivation of feminine diminutives the following suffixes are attested: *-ca* (*posteuca* 'bed'), *-ica* (*fčelica* 'bee', *lūknica* 'hole'), *-ka* (*rašoška* 'fork'), *-ika* (*mujcika* 'cat'), *-ina* (*dekličina* 'girl') and *-ice* (*djaslice* (female plural) 'Christmas krib') with the suffix *-ica* as the most derivationally productive. Neuter diminutives are derived with the suffixes *-e* (*prase* 'pig'), *-ce* (*jedrce* 'seed') and *-ece* (*srčece* 'honey'), with the suffix *-ce* as the most derivationally productive. In the case of *dverca* 'door' a typical neuter diminutive *-ca* is used to form an otherwise female plural noun.

A comparison of analyzed dictionaries demonstrates similarities and differences in derivative modes as well as offers a classification of distinctive word formation affixes in Prekmurje Goričko and Dolinsko sub-dialect.

JOŽE LIPNIK

Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor

Pasti kravice (kravce pasti)

Prispevek osvetljuje rabo manjšalnic v slovenskih vrtcih in šolah s poudarkom na primerjavi rabe manjšalnice *kravce* v jedrni besedi frazema *kravce pasti* ('dojenček dviguje glavico') v slovenščini in češčini.

The paper highlights the use of diminutives in Slovenian kindergartens and schools with the emphasis on the comparison of diminutive use of *kravce* 'small cows' as the basic word in the idiom *kravce pasti* ('a baby lifting his/her head') in Slovenian and Czech.

Ključne besede: otroški govor, ljubkovalnost, češčina, pomen, frazem

Key words: child speech, caress, the Czech language, meaning, idiom

Proti koncu prejšnjega stoletja so se vnele žolčne razprave o rabi pomanjševalnic/manjšalnic v vrtcu in v šoli. Takrat sem nastopil z vrsto člankov v reviji *Otrok in družina*, s katerimi sem poskusil osvetliti pomen in rabo manjšalnic ter otroški jezik nasploh. To so bili prispevki *Otroški govor*, *Otroci spoznavajo jezik* in *Govor otrok*, vzgojiteljic in staršev.

O manjšalnicah je bil naslednji zapis: »Pomanjševalnice v otroškem govoru so že lep čas predmet razpravljanja. Nekaj časa so zelo poveličevane, spet drugič so skoraj prepovedane. Posebej v vrtcih zavzemajo do njih v različnih obdobjih različna 'uradna' stališča. Trenutno so pregrešne, da bog nas varuj! Vendar pa so lahko kamen spotike le toliko časa, dokler ne spoznamo njihove funkcije v sporočanju. V glavnem uporabljajo otroci (po vzoru iz okolja, seveda!) tri vrste pomanjševalnic: tiste, ki zaznamujejo naravno zmanjšane stvari, ljubkovalne in tiste, s katerimi vsevprek zmanjšujemo, kar je v resnici veliko. Prav zaradi teh tretjih se je začela gonja proti pomanjševalnicam, zato si oglejmo najprej te! Otroku in njegovemu okolju je naenkrat vse majhno. Tako se pojavi poleg *žličke* ali *stolčka* kar naenkrat še *kravica*, ki se pase na travniku in je težka petsto kilogramov, pa *gozdiček*, ki je velik tri hektare, pa *potoček*, ki se vije po dolini in se lahko v njem kopamo, pa *medvedek*, ki trga ovce in je nevaren tudi človeku. To so bolj kot ne modne pomanjševalnice in ne izražajo niti pomanjševanja niti ljubkovalnosti. Enostavno jih uporabljamo in z njimi nenatančno, nerealno poimenujemo svet okoli sebe. V jeziku nimajo prave funkcije.

Najpogostejše pomanjševalnice, ki predstavljajo realni svet, so tiste, s katerimi izražamo v resnici pomanjšane stvari. Tako je *avtomobilček* največkrat igrača, ki predstavlja nekajstokrat pomanjšan avto, *hišica* je lahko zelo majhna hiša v primerjavi z drugimi hišami, lahko pa je seveda tudi lesena ali druga igrača, pomanjšana predstava hiše. *Stolček* je uporabni predmet, na katerem otroci sedijo, je pa mnogo manjši od navadnih stolov. Zato ga uporabljamo pomanjšano. *Medvedek* je priljubljena igrača, najpogosteje iz pliša, in predstavlja mnogokrat pomanjšano resnično žival. Tudi medvedkov mladič je *medvedek*, saj ima kar dve lastnosti za pomanjševanje: je mnogo manjši od odrasle živali in je mladič, mladiče pa pogosto uporabljamo (poimenujemo) s pomanjševalnicami. Tu pa smo že na meji s trejo skupino pomanjševalnic, ki predstavljajo ljubkovalno poimenovanje stvari. Najpogostejša taka pomanjševalnica je *mamica*. Beseda ne pomanjšuje osebe, *mamica* je po velikosti še vedno mnogo večja oseba od otroka. Toda otroku predstavlja nekaj zelo prijetnega, pa tudi zavetje, varnost, bitje, ki ga ljubkuje ipd. Sploh se v pomenu pomanjševalnic pogosto prepletata pomena pomanjšanega in ljubkega, prijetnega, ljubečega.

Dvojni pomen pomanjševalnic lahko pripelje do navideznih jezikovnih nesmislov. Tako imamo lahko med naravno pomanjšanimi stvarmi predmete, ki so različno veliki. Če sedaj prvotnemu pomenu pomanjšanja (*avtomobilček*, *medvedek*) dodamo še pomen igrača, ki jo imamo radi, potem lahko dobimo poleg majhnega še *velik avtomobilček* ali *velikega medvedka*. Taka jezikovna zveza je seveda možna in ima svojo pomensko vrednost, saj z njo otrok loči med igračami po velikosti.

Pomanjševalnice torej niso nikakršen bavbav, temveč so zelo uporabno jezikovno sredstvo, če jih uporabljamo na pravem mestu in v pravi namen.«

*

Kravce pasti

Rekla, pregovori, frazeologemi izražajo ljudsko modrost ali pa tudi umetne tvorbe sodobnega jezika. Njihova skupna lastnost je ta, da izhajajo iz dolgotrajnih izkušenj, da se naslanjajo na tradicijo in da vsebujejo večpomenskost, nedokončne pomene ali prenesene pomene.

Temeljna značilnost frazeologema je ta, da ima vsaka njegova beseda svoj pomen, vse besede skupaj pa imajo drugačen, prenesen pomen, drugačen pomen kot posamezne besede (poševnil J. L.). Vzemimo npr. *pasti kravice*; prva beseda pomeni skrbeti za živino, ki se krmi v naravi, varovati, da živina ne gre v škodo; druga beseda pomeni živali, male ali ljubke krave (deminutiv *kravice*). Imamo torej pastirja in krave. Skupni pomen obeh besed *pasti kravice* pa ne pomeni niti pastirja niti krav, ampak sposobnost dojenčka, da v

položaju na trebuhu že lahko dvigne glavo. Zakaj pase ravno krave, ni povsem jasno. Pri Čehih tak dojenček *pase konjičke*. Izvor tega frazema je gotovo zelo star in najbrž je bilo pri Slovencih več goveje živine, pri Čehih pa veliko konj.

Pomanjševalnica *kravce/konjičke* je v osnovi ljubkovalna beseda, saj je otrok/dete/dojenček za odrasle nekaj ljubkega, prijetnega, zaželenega.

Razlikovanje med majhnim in velikim je zanimivo tudi v frazemu *delati iz muhe slona*, kar je pri Čehih delati iz komarja velbloda/vola (*dělat z komara velblouda/vola*). To sicer ni manjšalnica, je pa zanimiv primer primerjave med majhnim in velikim.

Naj dodam še eno zanimivo primerjavo ljudskega izročila med Čehi in Slovenci. Kadar ni bilo mogoče takoj plačati, so Slovenci pili/dajali *na kredo*, pa tudi *na porgo*. Čehi pa pijejo *na sekiro*. Slovenci so s kredo označevali dolg, Čehi pa so s sekiro zasekali v tram ali desko.

V književnosti so otroški liki pogosto poimenovani pomanjševalno, kar naj bi bilo predvsem ljubko, lahko pa tudi majhno. Ti mali liki so predvsem pogumni, močni, spretni, ne pa vedno. Med prve gotovo sodita Kekec in Pika Nogavička pa tudi Rdeča kapica, ki ima to pomanjšanje (*kapica*) tudi v drugih jezikih, npr. češko Červená Karkulka, nemško Rotkäppchen.

LITERATURA

Jože LIPNIK, 1986: Otroški govor. *Otrok in družina* 5, 15–16.

Jože LIPNIK, 2002: Po čem spoznamo domačina. *Med dialektologijo in zgodovino slovenskega jezika*. Ur. Marko Jesenšek, Bernard Rajh in Zinka Zorko. Maribor: Slavistično društvo Maribor. (Zora, 18). 195–197.

Jože LIPNIK, 2006: Malé srovnání českých a slovinských frazeologizmů. *Tradiční a netradiční metody a formy práce ve výuce českého jazyka na základní škole*. Olomouc: Pedagogická fakulta.

SUMMARY

'Grazing Small Cows'

Diminutives are most commonly used in contact with children. The diminutive use bears three basic meanings: characterized by reduced natural things, words expressing caress and those that reduce things that are in fact not reduced at all. In Slovenian, the diminutive in the phrase 'pasti kravce' is expressed as grazing small cows, while in Czech it is expressed as grazing small horses, the meaning stays the same in both languages: a baby lifting his/her head.

TJAŠA MARKEŽIČ

*Prva gimnazija Maribor, Slovenija, Maribor,
tjasa.markezic@prva-gimnazija.org*

Manjšalnice feminativov v *SSKJ* in korpusu *Gigafida*

Prispevek obravnava besedotvorno kategorijo samostalniških manjšalnic v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* in korpusu *Gigafida*, pri čemer se osredotoča na manjšalnice feminativov. Zaradi manjšega števila primerov iz *SSKJ* smo v analizo vključili še gradivo iz korpusa *Gigafida*, pri tem pa so v ospredju manjšalnice poklicnih feminativov, saj le-teh v *SSKJ* ni. Analiza kaže, da so manjšalnice feminativov večinoma tvorjene s priponskim obrazilom *-ica* in da v besedilih nastopajo predvsem kot čustvenostne oznake.

This article discusses the word-formation category of noun diminutives in the Slovenian language dictionary *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (*SSKJ*) and in the *Gigafida* corpus. It focuses on the diminutives of feminatives. Due to a low number of examples from the *SSKJ* we will include the material from *Gigafida* into the analysis. The diminutives of professional feminatives will be in the foreground due to their low number in the *SSKJ*. We expect the feminine diminutives are mostly formed with the suffix *-ica* and they appear in texts as emotionally denoted.

Ključne besede: slovenščina, besedotvorje, feminativ, manjšalnica, korpus

Key words: Slovenian language, word-formation, feminine, diminutive, corpus

1 OPREDELITEV MANJŠALNIC

Raziskava feminativov, ženskospolskih vzporednic k moškimi poimenovanjem bitij,¹ nas je spodbudila k razmišljanju o tvorbi manjšalnic k tovrstnim

---

¹ Po Toporišiču (2004: 183) feminativi nastajajo s priponskimi obrazili *-a*, *-ica*, *-ja*, *-ulja*, *-inja*, *-ka*, *-ovka* in *-ična*, in to na dva načina (Stramljič Breznik 1994/95): a) z dodajanjem ženskospolskega obrazila tvorjenkam moškega spola; b) z zamenjavo celotnega ali le izglasnega dela moškospolskega obrazila z ženskospolskim ob isti podstavi. V slovenski besedotvorni teoriji pa o tvorbi feminativov ni enotnega mnenja. Vidovič Muha (1997: 71) ugotavlja, da jih »lahko obravnavamo kot navadne izpeljanke iz samostalnika z besedotvornim pomenom 'nosilka povezave'«. Tako zavrača pri Toporišiču očitno podrejanje tvorbe poimenovanj za ženske osebe poimenovanjem za moške, tudi ko gre za vzporedno tvorbo (Vidovič Muha 2003: 180).

modifikacijskim izpeljankam. Po *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* so manjšalnice besede, ki izražajo pomanjšanje, *Enciklopedija slovenskega jezika* (1992: 100) pa jih definira kot zlasti samostalniške tvorjenke, ki s priponskim obrazilom izražajo manjšo mero značilnosti podstave. Toporišič (2004: 183, 185) obravnava kategorijo manjšalnosti znotraj inačenjske (modifikacijske) izpeljave, pri čemer se kakovostni pridevnik iz skladske podstave obrazili v pripono. Samostalniške manjšalnice so v glavnem istega spola kot podstavni samostalniki; če je manjšalnica tvorjena z drugospolskim obrazilom, gre za namerno čustveno vrednotenje. V pričujočem prispevku nas bodo zanimale samostalniške manjšalnice ženskega spola, ki so po Toporišiču (2004: 185) tvorjene s priponskimi obrazili *-ca* (*klopca*), *-ica* (*hišica*) in *-ka* (*nogavička*).² Manjšalnice pa ne poimenujejo le objektivno majhne stvari, zato lahko k temu prištejemo še pomensko sorodne tvorjenke, ki poimenujejo mladiča ali nedoraslo (za ženski spol le *-ica*, npr. *žrebica*), ter kategoriji ljubkovalnomanjšalno in slabšalnomanjšalno (ironično). Pri prvi, kjer je veliko oz. odraslo označeno kot majhno ali ljubko, so ženskospolski samostalniki tvorjeni z obrazili *-ca* (*pe-semca*), *-ica* (*grdobica*), *-ičica* (*sestričica*), *-ka* (*devička*) in *-i* (*babi*), medtem ko pri drugi, kjer manjšalna obrazila izražajo negativno konotacijo, nastajajo le s priponskim obrazilom *-ica* (*knjižica*).³

2 MANJŠALNICE V SLOVARJU SLOVENSKEGA KNJIŽNEGA JEZIKA

Uporabili smo drugo izdajo SSKJ (2014), kjer so, kot v prvi izdaji, manjšalnice zabeležene kot samostojna slovarska gesla. Z iskalnim pogojem *manjšalnica od* smo izločili 1428 primerov. Največ, to je 685 (48 %), je manjšalnic moškega spola, ženskospolskih je 624 (44 %), srednjespolskih pa 119 (8 %).⁴ Iz nabora ženskospolskih samostalniških manjšalnic smo izpisali le manjšalnice k feminativom, tvorjenim iz občnoimenske podstave. Izločili smo besede tipa *gazelica*, ker ima nemodificirana oblika samostalnika samo eno obliko za oba

² *Enciklopedija slovenskega jezika* (1992: 100) pa kot manjšalna priponska obrazila za samostalnice ženskega spola izpostavlja pripone *-ica* (*mizica*), *-ca* (*klopca*) in *-ičica* (*dekličica*).

³ Da so se pri tvorbi manjšalnic ženskega spola najpogosteje uporabljala obrazila *-ca*, *-ica* in *-ka* že v zgodovini slovenskega jezika, kažejo ugotovitve Majde Merše (2010) in Irene Stramljič Breznik (2008). Prva proučuje samostalniške manjšalnice v delih slovenskih protestantskih piscev, Stramljič Breznikova pa ponuja primerjalni prikaz manjšalnosti v SSKJ in Pleteršnikovem slovarju.

⁴ V prvi izdaji SSKJ je samostalniških manjšalnic skupno 1417, pri čemer jih je 678 (48 %) moškega, 620 (43,5 %) ženskega in 117 (8,5 %) srednjega spola.

spola, in primere, kjer je odsotnost moškospolske vzporednice biološko oz. sociološko pogojena.

2.1 Besedotvorni vidik

Med izpisanimi 44 manjšalnicami k feminativom jih je 25 (57 %) bilo tvorjenih s priponskim obrazilom *-ica*, in to večinoma iz nepremenjene podstave (npr. *botrica*, *gospodičnica*, *kozica*, *mačkica*, *purica*, *srnica*, *sužnjica*, *vdo-vica*), medtem ko so bile premenjene podstave na *-c* (*golobičica*, *lisičica*, *noričica*, *ovčica*, *pastiričica*, *samičica* ...) in *-k* (samo *zajčica*). Obrazilo *-ica* je naglašeno le enkrat (*ovčica*).

19 (43 %) manjšalnic je nastalo s priponskim obrazilom *-ka*. Tvorjene so bodisi iz nepremenjene podstave (npr. *princeska*) bodisi iz palatalizacijsko premenjene podstave na *-c* (npr. *golobička*, *junička*, *lisička*, *ovčka*, *pastirička*, *psička*, *samička*, *telička*, *žrebička* ...). V treh primerih pa priponsko obrazilo *-ka* zamenja feminativno priponsko obrazilo *-inja* ob premenjeni podstavi na *-k* (samo *divjačka*, *siromačka*, *vnučka*).

2.1.1 Vzporedna/konkurenčna obrazila

Pri istopomenskih tvorjenkah se za različna priponska obrazila ob isti podstavi uporablja poimenovanje vzporedna/tekmovalna/konkurenčna/konkurentna obrazila. Med 44 izpisanimi manjšalnicami se v sedmih primerih podstavi lahko ob enakem pomenu dodata dve različni obrazili, *-ica* in *-ka*. To so primeri *golobičica* – *golobička*, *kozica* – *kozka*, *lisičica* – *lisička*, *ovčica* – *ovčka*, *pastiričica* – *pastirička*, *račica* – *račka*, *samičica* – *samička*. Opažamo, da v glavnem gre za palatalizacijsko premenjeno podstavo na *-c*, le en par manjšalnic je brez premen (*kozica* – *kozka*). Po korpusu *Gigafida* pa so razmerja naslednja: *golobič-* (*-ica*: 11; *-ka*: 49), *koz-* (*-ica*: 9756; *-ka*: 6), *lisič-* (*-ica*: 30; *-ka*: 3194), *ovč-* (*-ica*: 2022; *-ka*: 1971), *pastirič-* (*-ica*: 4; *-ka*: 38), *rač-* (*-ica*: 213; *-ka*: 6702), *samič-* (*-ica*: 2; *-ka*: 1879). Iz pojavitev je razvidno, da je pogostejše v rabi varianta s priponskim obrazilom *-ka* (pet primerov); pri primeru *kozica* je večje število konkordanc mogoče pripisati tudi večpomenski besede, varianti *ovčica* in *ovčka* pa sta si v številu konkordanc dokaj blizu.

2.2 Pomensko-funkcijski vidik

Izpisane manjšalnice feminativov lahko po klasifikaciji Majde Merše (2008: 31–44) glede na to, iz katerega feminativa izhajajo, razporedimo v naslednje skupine:

- poimenovanja, ki označujejo položaj v družbeni strukturi (*gospodičnica, princeska*);
- (izglagolska) poimenovanja vršilcev dejavnosti (npr. *divjačka, pastiričica, pastirička*);
- poimenovanja nosilcev lastnosti/stanja (npr. *noričica, siromačka, sužnjica, vdovica*);
- poimenovanja sorodstvenih in drugih razmerij (*botrica, samičica, samička, vnučka*);
- živalska poimenovanja (*golobičica, golobička, junička, kozica, kozka, lisičica, lisička, mačkica, ovčica, ovčka, psička, purica, račica, račka, srnica, telička, zajčica, žabica, žrebička*).⁵

Izpisane manjšalnice feminativov so v slovarskih sestavkih *SSKJ* označene s kvalifikatorjema (navadno) ekspresivno (npr. *botrica, golobičica, golobička, gospodičnica, mačkica, samičica, siromačka, vdovica, žrebička* ...) in ljubkovalno (samo *noričica*); veliko jih nastopa brez kvalifikatorja (npr. *divjačka, junička, pastirička, princeska, psička, samička, telička* ...). Nobena od analiziranih manjšalnic ni označena kot slabšalna. Med izpisanimi manjšalnicami je nekaj večpomenk; opazamo, da tudi drugi pomeni izražajo majhnost (majhni predmeti/igračice – *račka, srnica*, nizko rasle rastline – *lisička*, majhni oblaki – *ovčice, ovčke*); mladiča/nedoraslo (*purica, telička, žrebička*), ljubkovalnomanjšalno (poimenovanje ženske, ki je prikupna, mlada – *golobičica, golobička*), a tudi slabšalnomanjšalno (*ovčica* za pretirano pohlevno, izgubljeno osebo, ne nujno žensko, *telička* za neumno, nespametno, neizkušeno žensko).

V ponazarjalnem gradivu slovarskih sestavkov, katerega primeri dejanske rabe pomensko razlago potrjujejo, dopolnjujejo ali usmerjajo, pa nekateri tovrstni zgledi dodatno poudarjajo manjšalnost iztočnic (*drobna golobičica*), jih označujejo z barvami (*lepa bela golobička; pisana račica je skočila na breg; ta pes je belo rumena samičica*), izpostavljajo lepoto (*lepa bela golobička; to je pa res čedna gospodičnica; ustrelil sem krasno lisičko*) ali drugo telesno

---

⁵ Majda Merše sicer navaja še štiri podskupine: 1) izsamostalniške tvorjenke, ki označujejo pripadnice različnih skupnosti, 2) vzporedne izpeljanke moških poimenovanj v cerkveni hierarhiji, 3) samostalniška raba pridevnika moškega spola in ženska obratna tvorjenka, ki se parno ne moreta povezovati, 4) poklicna poimenovanja.

značilnost (*majhna modrooka princeska*), izražajo zapostavljenost ženske/podrejenost moškemu (*junček in junička; pastirček in pastiričica; zajčki in zajčice*), stereotip (*dekleti sta stikali glavi in čebljali kakor račici*), nemoč (*igra se z njim kot mačka z miško; ustrelil sem krasno lisičko; lisica je ponoči odnesla dve rački; varovati vnučko*), značajska lastnost/vedenjsko značilnost (*pohleven kot ovčica; skočila je kot prestrašena srnica; v pritličju je stanovala prijazna vdovica*), mladost, nedoraslost (*štiri tedne stara purica; še vedno je samičica; stregle so ji mlade sužnjice; mlada žabica*) ali biološko pogojeno lastnost (*samičke valijo; žrebička je breja*).

3 MANJŠALNICE PO KORPUSU GIGAFIDA

3.1 Besedotvorni vidik

Gradivo, izpisano iz korpusa *Gigafida*, za razliko od *SSKJ* ponuja tudi manjšalnice k feminativom, tvorjenim iz lastnoimenske podstave, in to za imena prebivalk. Iz primerov je razvidno, da so tovrstni izrazi tvorjeni zgolj s priponskim obrazilom *-ica* s prevladujočo premenjeno podstavo na *-k* (*Bolgarčica, Bosančica, Celjančica, Evropejčica, Gorenjčica, Havajčica, Indijančica, Irančica, Italijančica, Japončica, Kitajčica, Korejčica, Makedončica, Primorčica, Skandinavčica, Slovenčica, Štajerčica, Tibetančica, Vietnamčica, Zemljančica*) in z redkejšo nepremenjeno podstavo (*Bosankica, Gorenjkica, Japonkica, Slovenkica*).⁶

Skupno smo iz korpusnega gradiva izpisali in analizirali 133 manjšalnic k feminativom, tvorjenim iz občnoimenske podstave. Opažamo, da sta 102 primerov (77 %) bila tvorjena s priponskim obrazilom *-ica*. Pri tem je veliko tvorjenk nastalo iz nepremenjene podstave (npr. *baletkica, botrica, debeluškica, gasilkica, gospodičnica, igralkica, kolonistkica, kozica, mačkica, manekenkica, muckica, neznankica, nimfomankica, pevkica, pijankica, piratkica, plesalkica, princeskica, purica, račica, sošolkica, spremljevalkica, srednješolkica, srnica, starkica, sužnjica, študentkica, temnolaskica, tepkica, vdovica, vnučkica* ...), medtem ko so bile premenjene podstave na *-c* (*estradničica, golobičica, kraljičica, lisičica, ljubičica, pastiričica, prijateljčica, pripravničica, psičica, račica, ovčica, samičica, svetničica, uradničica* ...) in na *-k* (*begunčica, borzójčica, bralčica, cicibančica, cigančica, dobrovoljčica, edinčica, gledalčica,*

⁶ Poleg poimenovanj za prebivalke korpusno gradivo ponuja tudi priimkovne feminine, ki so sicer tvorjeni s priponskimi obrazili *-ka* (*Mušička*) in *-ica* (*Cerarica*) z variantami *ter-ca* (*Vidmarca*) (Markežič 2013: 152); edina manjšalnica k tovrstnim izrazom, ki smo jo zasledili, je *Kresalčica*.

glodavčica, igralčica, komsomolčica, ljubimčica, manekenčica, miljenčica, modelčica, mornarčica, netopirčica, novinarčica, padalčica, pevcica, pijančica, pionirčica, pitbulčica, policajčica, raziskovalčica, rjavčica, rojenčica, seljančica, starčica, strelčica, tajkunčica, tepčica, terierčica, vampirčica, vegetarijančica, vesoljčica, zajčica, zamorčica, zapravlživčica, zelenčica ...). V nekaj primerih priponsko obrazilo *-ica* zamenja feminativna priponska obrazila *-evka* (*hudičica*), *-inja* (*pravnučica, veseljačica, vnučica, vnukica*) in *-ulja* (*volčica*). Pri manjšalnicah k feminativom *igralka, manekenka, pevka, pijanka, starka* in *teпка* je podstava na *-k* lahko premenjena (*igralčica, manekenčica, pevcica, pijančica, starčica, tepčica*), lahko pa gre za nepremenjeno podstavo. Razmerja po korpusu *Gigafida* (*igralčica* 3, *igralkica* 1; *manekenčica* 6, *manekenkica* 7; *pevcica* 11, *pevkica* 5; *pijančica* 3, *pijankica* 1; *starčica* 10, *starkica* 2; *tepčica* 2, *tepkica* 1) kažejo, da je pri teh primerih v rabi pogostejša varianta s premenjeno podstavo.

31 (23 %) manjšalnic je nastalo s priponskim obrazilom *-ka*. Tvorjene so bodisi iz nepremenjene podstave (npr. *kozka, princeska, stevardeska*) bodisi premenjene na *-c* (npr. *coprničica, čarovničica, golobičica, juničica, kmetičica, krasotičica, lepotičica, lisičica, ministričica, ovčica, ovčičica, pastiričica, prasičica, prijateljčica, psičica, račica, samičica, teličica, tovarišičica, žrebičica*) ali *-k* (*vnučica, pravnučica, prappravnučica*), pri čemer pripona *-ka* zamenja feminativno pripono *-inja*.

3.1.1 Vzorednost/konkurenčnost obrazil

Tudi v korpusnem gradivu opazamo pojavljanje vzorednih obrazil ob isti podstavi, in to pri enakih primerih kot v *SSKJ*, nova sta le para *prijateljčica – prijateljčica* in *psičica – psičica*. Po korpusu *Gigafida* so razmerja med variantami naslednja: *prijateljč-* (*-ica*: 2; *-ka*: 3) in *psič-* (*-ica*: 4; *-ka*: 5345); ponovno prevladuje varianta, tvorjena s priponskim obrazilom *-ka*. Kot pri že predstavljenem slovarskem gradivu tudi pri korpusnih manjšalnicah opazamo, da gre za palatalizacijsko premenjeno podstavo na *-c*.

3.2 Pomensko-funkcijski vidik

Tudi korpusno gradivo smo glede na klasifikacijo feminativov po Majdi Merše (2008: 31–44) razporedili v naslednje skupine, upoštevajoč, iz katerega feminativa je posamezna manjšalnica izpeljana:

- poklicna poimenovanja (*baletkica, gasilkica, igralčica, igralkica, manekenčica, manekenkica, modelčica, mornarčica, novinarčica, pevčica, pevkica, plesalkica, policajčica, raziskovalčica, stevardeska, uradničica*);
- poimenovanja, ki označujejo položaj v družbeni strukturi (*gosposodičnica, ministrička, princeska, princeskica, kraljičica*);
- (izglagolska) poimenovanja vršilcev dejavnosti (*bralčica, coprničica, čarovničica, gledalčica, kmetičica, ljubimčica, padalčica, pastiričica, pastirička, spremljevalkica, študentkica ...*);
- poimenovanja nosilcev lastnosti ali stanja (*begunčica, cicibančica, debelušica, dobrovoljčica, edinčica, estradničica, krasotička, lepotička, ljubičica, miljenčica, neznankica, nimfomankica, pijančica, pijankica, pripravnicičica, rjavčica, rojenčica, seljančica, srednješolkica, starčica, storkica, strelčica, sužnjica, tajkunčica, temnolaskica, tepčica, tepkica, vdovica, vegetarijančica, veseljačica, zapravljivčica, zelenčica*);
- izsamostalniške tvorjenke, ki označujejo pripadnice različnih skupnosti (*cigančnica, kolonistkica, komsomolčica, pionirčica, piratkica, tovarišičica, vampirčica, vesoljčica, zamorčica*);
- vzporedne izpeljanke moških poimenovanj v cerkveni hierarhiji (*svetničica*);
- poimenovanja sorodstvenih in drugih razmerij (*botrica, pravnučka, pravnukica, praprnvnučka, prijateljčica, prijateljkička, samičica, samička, sošolkica, vnučica, vnučka, vnučkica, vnukica*);
- živalska poimenovanja (*borzorejčica, glodavčica, golobičica, golobička, junička, kozica, kozka, lisičica, lisička, mačkica, muckica, netopirčica, ovčica, ovčička, ovčka, pitbulčica, prasička, psičica, psička, purica, račica, račkička, račka, srnica, telička, terierčica, volčica, zajčica, žrebička ...*).

4 MANJŠALNICE K POKLICNIM FEMINATIVOM

Upoštevajoč *Standardno klasifikacijo poklicev* smo iz korpusnega gradiva izločili 16 primerov manjšalnic k poklicnim feminativom: *baletkica, gasilkica, igralčica, igralkica, manekenčica, manekenkica, modelčica, mornarčica, novinarčica, pevčica, pevkica, plesalkica, policajčica, raziskovalčica, stevardeska, uradničica*. Izpisani primeri so v glavnem (kar 15 primerov od 16) tvorjeni s priponskim obrazilom *-ica*.

Če smo se pri manjšalnicah k feminativom iz *SSKJ* ozirali po ponazarjalnem gradivu posameznih slovarskih sestavkov, smo pri korpusnem gradivu uporabili sobesedilo, v katerem je posamezna iztočnica nastopala. Stališče družbe

do posameznega spola se odraža na različnih ravneh vsakdanjega življenja, tudi v jeziku. Žensk naj ne bi identificirali z njihovimi družbenimi vlogami žena, a opažamo, da je ženska velikokrat opredeljena v odvisnosti od moškega, kot kažejo primeri:

*Tako hitro je **igralčici**, ki je po koncu snemanja nadaljevanke Simpatije tonila v poza-bo, namreč uspelo omrežiti hollywoodskega megazvezdnika Toma Cruisa do te mere, da jo je zaprosil za roko (Lady); Kot kaže, so zagnali lažen preplah, da se je plavalasa **pevčica** poročila s svojim fantom, 22-letnim Jadom Jonesom (Delo); Cela vrsta lepotic, misic, **pevčic** in podobnih mladenk se stiska v objemih nogometišev. (Stop).*

Nadalje ugotavljamo, da je ženska velikokrat predstavljena le glede na zunanji videz (in ne na primer glede na poklicno uspešnost, profesionalni položaj, intelektualne sposobnosti), npr.

*Še ena čedna svetlolasa **igralčica** (Hopla); A sčasoma se je iz **igralčice**, ki so jo odlikovala predvsem velika, čutna usta, pa ljubezen do nožev in tetoviranja ... (Obrazi); Tako naju je mlada postavna **stewardeska** posedla na zadnja sedeža, ob najinega starega znanca s postaje Kolumbijca. (Svet in ljudje); Nekoč je k slapu prišla mlada in lepa pohorska pastirička. (Pravljичne poti Slovenije).*

Hkrati pa opredeljevanje ženske v odvisnosti od moškega in glede na videz stereotipizira družbeni položaj in podobo žensk.

Manjšalnice po v uvodu predstavljenih teoretičnih izhodiščih ne poimenujejo zgolj objektivno majhne stvari, temveč izražajo tudi čustvenost. Velikokrat sobesedilo, v katerem nastopajo manjšalnice k feminativom, odseva nenaklonjenost, ki jo lahko nadalje opredelimo kot:

a) manjvrednost/nepomembnost:

*Tako da se lahko razne »pevke in **pevčice**« kar skrijejo! (splet); Čeprav imajo na Hrvaškem mnogo več zvezdnikov, kot jih imamo pri nas, se jim je zgodilo, da se jim je **pevčica** Maja Šuput »zgodila« dvakrat zaporedoma /.../. Obe oddaji sodita v zgornjo rubriko nadpovprečno, za Majo pa si zaslužita minus. (Stop); Se mi bolj smili čistilka na osnovni šoli, kot pa uboga **manekenkica**, ki v strašnih razmerah pozira kdove kje... /.../ a manekenka naj se mi smili, če po svoji volji za velike denarje razkazuje svojo kožo v mrazu? (splet); z velikimi slikami se pri nas marsikje šopirijo, kar je poseben fenomen, tudi popolnoma nepomembni pevci in **pevčice** (Modna Jana); Vse bolj se namreč uveljavljam tudi kot poslovna ženska in ne več kot neka **manekenkica**, ki se sprehaja po odru (Hopla);*

b) nesposobnost:

*Najbolj nadležna božična pesem NI originalna verzija ampak VSE cmerave in stoka-joče verzije nesposobnih enodnevnih **pevčic**, ki prvič so nesposobne napisati enako-vredno besedilo in drugič so nesposobne odpeti normalno! (splet);*

c) neprepoznavnost:

*Toda, groza: tja kljub vsemu pošiljamo neznane uradničke in **uradničice**, da nas, seme, predstavljajo, zastopajo ter nam dičijo ugled.* (Nedeljski dnevnik);

č) nevednost/neizobraženost:

*puhoglava **manekenkica*** (splet);

d) nedoraslost:

*Na tiskovno konferenco našega sindikata je lepega dne prišla **novinarčica**, mlado bitje, ki ni vedelo, kam je prišlo.* (splet);

e) posmeh:

*Opazili smo, da mladi policajčki in **policajčice** poznajo strokovno filmsko literaturo, se pravi, da znajo vsa nadaljevanja Policijske akademije na pamet.* (Hopla).

Poleg kombinirane pomenske skupine slabšalnomanjšalno Toporišič (2004: 186) izpostavlja ljubkovalnomanjšalno, a so primeri, ki o ženski govorijo z odobravanjem in naklonjenostjo, redki:

*Maja ima zelo dober, vrhunski vokal, mogoče v prvi polovici pesmi malce nesiguren in neizkoriščen /.../, proti koncu pa v stilu svetovne pop **pevčice** Beyonce (splet); /.../ ki jo je njegova mati ribala kot marljiva **mornarčica** (Etnologija spalnice); Mogoče trojček: **raziskovalčica** – vpliven minister – filozof, je vseeno boljši od Atlantskega pakta: LDS-SD-Zares. (splet).*

5 SKLEP

Najrodnejše ženskospolsko obrazilo besedotvorne kategorije samostalniških manjšalnic je v *SSKJ* (44 tvorjenk) in korpusu *Gigafida* (133 tvorjenk) priponsko obrazilo *-ica*.

Vir	Priponsko obrazilo <i>-ica</i>	Priponsko obrazilo <i>-ka</i>
SSKJ	25 tvorjenk (57 %)	19 tvorjenk (43 %)
GIGAFIDA	102 tvorjenki (77 %)	31 tvorjenk (23 %)

Analizirane manjšalnice so večinoma iz nepremenjene (*gasilkica*; *stevarde-ska*) ali palatalizacijsko premenjene podstave na *-c* (*golobičica*; *golobička*) in *-k* (*zajčica*, *begunčica*). V nekaj primerih obrazilo *-ka* zamenja feminativno priponsko obrazilo *-inja* ob premenjeni podstavi na *-k* (*divjačka*, *siromačka*, *vnučka*, *pravnučka*, *prapravnučka*), obrazilo *-ica* pa zamenjuje feminativna priponska obrazila *-evka* (*hudičica*), *-inja* (*veseljačica*, *vnučica*) in *-ulja* (*volčica*). V skupno devetih primerih pa se lahko podstavi ob enakem pomenu

dodata različni obrazili, *-ica* in *-ka*. Korpusna analiza v teh primerih kaže, da je pogostejša varianta s pripono *-ka* (skupno sedem primerov), kar je zanimivo, glede na to, da se sicer kot najrodnejše pri tovrstni tvorbi kaže obrazilo *-ica*.

Manjšalnice feminativov smo po klasifikaciji Majde Merše (2008: 31–44) razporedili v več skupin: poimenovanja, ki označujejo položaj v družbeni strukturi (*kraljičica*), poimenovanja živali (*borzojčica*), nosilcev lastnosti ali stanja (*sužnjica*), sorodstvenih in drugih razmerij (*botrica*) ter poimenovanja vršilcev dejavnosti (*pastiričica*). Manj je izsamostalniških tvorjenk, ki označujejo pripadnice različnih skupnosti (*cigančica*), poklicnih poimenovanj (*policačica*) in vzporednih izpeljank moškemu poimenovanju v cerkveni hierarhiji (*svetničica*), saj nastopajo le v korpusnem gradivu.

Ob upoštevanju *Standardne klasifikacije poklicev* smo iz korpusnega gradiva izločili 16 manjšalnic k poklicnim feminativom, v glavnem tvorjenih z obrazilom *-ica*. Analizirane manjšalnice ne označujejo majhnosti v primerjavi z izhodiščnim feminativom, ampak so predvsem čustvenostne oznake, pri čemer se v večini zanemarja, z opredeljevanjem po zunanjem videzu trivializira in omalovažuje ženske, nenaklonjenost pa se še dodatno poudarja z izpostavljanjem manjvrednosti, nepomembnosti, nesposobnosti, neprepoznavnosti, neizobraženosti, nedoraslosti, celo posmeha. Hkrati se v označevanju ženske v odvisnosti od moškega povečuje moškost. V manjšini so primeri, ki izražajo naklonjenost – pri tem poudarjajo svetovno slavo, marljivost in politično angažiranost; morda pa nam bo sčasoma le uspelo preurediti družbeni vrednostni sistem.

LITERATURA

Korpus *Gigafida*: <<http://www.gigafida.net>>. Dostop: januar–maj 2015.

Tjaša MARKEŽIČ, 2013: Raba priimkovnih feminativov nekoč in danes. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 84/4, 131–155.

Majda MERŠE, 2008: Ženski pari moških poimenovanj v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. *Slavia Centralis* 1/ 2, 30–52.

Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija* 58/1, 45–63.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1994/95: Specializiranost obrazil za izpeljanke s pomenom vršilca dejanja, nosilca lastnosti ali stanja in opravkarja. *Jezik in slovstvo* 40/8, 285–291.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2008: Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in SSKJ. *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Filozofska fakulteta. 56–68.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Ada VIDOVIČ MUHA, 1997: Prvine družbene prepoznavnosti ženske prek poimenovalne tipologije njenih dejavnosti, lastnosti. *Zbornik predavanj/XXXIII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Ur. Aleksandra Derganc. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 69–79.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2003: Čas stiske jezikoslovnega nazora ali odgovor avtorju na vprašanja zasnove Slovarja Slovenskega pravopisa. *Slavistična revija* 51/2, 177–181.

SUMMARY

The Diminutives of Feminatives in the SSKJ and in the *Gigafida* Corpus

This article discusses the word-formation category of noun diminutives in the Slovenian language dictionary *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (SSKJ) and in the *Gigafida* corpus. It focuses on the diminutives of feminatives, i. e. feminine counterparts of masculine nouns. Firstly we will search such expressions by using the search term “manjšalnica od” in the second edition of the SSKJ. We will then write them out and organise them in groups according to the typology of meaning by Majda Merše (2008). We will check with which suffixes these expressions are formed. In the case of competitive suffixes (e. g. *golobičica* – *golobička*, *pastiričica* – *pastirička*) we will check the *Gigafida* corpus which of the two versions is more commonly used. We will also examine whether individual diminutives are labelled with an expressive qualifier in the dictionary; and what does the corresponding literature say about these expressions. Due to a low number of examples from the SSKJ we will include the material from *Gigafida* into the analysis. The diminutives of professional feminatives will be in the foreground due to their low number in the SSKJ. Thus we will check the feminine suffixes that are productive for the formation of feminine diminutives in the SSKJ. The material written out will be organised according to the meaning and analysed according to its word-formation. We will also think about in which types of texts do they occur, what their function is and what kind of connotation they express.

We expect the following: a) the feminine diminutives are mostly formed with the suffix *-ica*; b) they appear in texts as emotionally denoted.

TOMAŽ ONIČ, URŠA MARINŠEK

*Univerza v Mariboru, Filozofska fakulteta, Slovenija, Maribor,
tomaz.onic@um.si, ursamarinsek@hotmail.com*

Manjšalnice v slovenskih prevodih angleških dram

Angleščina se z vidika tvorjenja manjšalnic od slovenščine razlikuje predvsem po tem, da so njene manjšalnice večinoma opisne, le redko se tvorijo s specifičnimi deminutivnimi obrazili kot v slovenščini, kjer obstaja nabor obrazil, primarno namenjenih tvorbi manjšalnic. Na splošno se angleške manjšalnice tvorijo preprosto z uporabo pridevnikov, ki izražajo majhnost, npr. *little, small, tiny, miniature, wee, mini, pocket-sized* itd. Predvsem v umetnostnih besedilih manjšalnice nimajo vedno zgolj semantične funkcije, ampak lahko doprinesejo tudi dodaten pomenski potencial; izražajo lahko ljubkovalnost, norčevanje, ironijo, zaničevanje, ponazarjajo lahko otroški govor itd. Kot take predstavljajo poseben izziv za prevajanje. Prevajalec mora v takih primerih pri predhodni prevajalski analizi razbrati njihov pomenski potencial in ga v procesu prevajanja v ciljnem jeziku ohraniti. Pričujoči prispevek analizira rabo in funkcijo manjšalnic v izbranih angleških dramskih besedilih ter to primerja s prevodnimi rešitvami v obstoječih slovenskih prevodih.

The formation of diminutives differs considerably between English and Slovene. In the former, these are mainly descriptive and only rarely formed with specific diminutive suffixes, as is the case in Slovene, where a range of suffixes exists that are primarily aimed at the formation of diminutives. For the most part, diminutives in English are expressed simply by using adjectives that reflect smallness or modest size, for example, *little, small, tiny, miniature, wee, mini, pocket-sized*, etc. Diminutives are not always purely semantic, particularly in literary texts, but can also create additional meaning potential; they can express affection, mockery, irony, or contempt; they may imitate children's speech, etc. As such, they represent a special challenge for the translator, who in the preliminary translation analysis must determine their meaning potential, and preserve it in the target language. This paper analyzes the use and function of the diminutives in selected English Language plays, and compares the findings with translation solutions in the existing Slovene translations.

Ključne besede: manjšalnica, drama, stilistika, kontrastivna analiza, književno prevajanje

Key words: diminutive, drama, stylistics, contrastive analysis, literary translation

1 Uvod

V nasprotju z večino indoevropskih jezikov se manjšalnice v angleščini večinoma tvorijo analitično, in sicer s pridevniki, ki odražajo skromno velikost oz. majhnost; na primer, *little, small, tiny, miniature, wee, mini, pocket-sized* in z drugimi. Tudi Eva Sicherl (2012: 53) ugotavlja, da so manjšalnice v angleščini večinoma povezane s skladejskimi jezikovnimi vidiki. Obstaja le ozek nabor obrazil za tvorbo angleških manjšalnic, pa še ta so uporabna zgolj za izbrane samostalnice, npr. *-ette* pri *kitchenette* ali *cigarette*, *-let* pri *piglet* ali *booklet*, *-ling* pri *duckling* ali *gosling*, etc. Po drugi strani pa je slovenščina sintetični jezik, kar pomeni, da so manjšalnice – in večinoma tudi druge tvorjenke – enobesedne. Kot poroča Sicherlova (2013: 146), slovenski jezikoslovci opredeljujejo različno število obrazil, od enajst do devetnajst, ki večinoma tvorijo manjšalnice (z njihovo produktivnostjo in pogostnostjo se ukvarjata Bajec (1950: 125–126) in Stramljič Breznik (2007, 2010)); v članku Eve Sicherl in Andreje Žele pa lahko preberemo, da moramo v angleščini in slovenščini »poleg besedotvornega in skladejskega vidika pri manjšalnicah upoštevati tudi semantični vidik« (2011: 135). To se nanaša na denotativnost in konotativnost pri manjšalnicah, kar predstavlja enega od ključnih izhodišč tega prispevka. V središču pozornosti te raziskave je namreč slogovna vloga manjšalnic v dramskem besedilu.

Ker dramatika kot absolutna literarna vrsta (po Szondiju 2000: 30) prikazuje to, kar posnema po resničnih situacijah – po tem se tudi loči od ostalih literarnih vrst –, je pri analizi dramskega dialoga mogoče uporabiti podobne in pogosto celo enake analitične pristope kot pri preučevanju naravnega govornega diskurza. Hkrati lahko pričakujemo, da bo gostota slogovnih elementov v dramskem dialogu še večja; ta je namreč tvorjen v skladu s posplošeno literarno predstavo o tem, kaj naravni govor je, poleg tega pa je navadno bolj zgoščen. Gostota in vrsta slogovnih elementov v drami sta seveda močno odvisni tudi od tipa dramskega besedila, kar pogosto do neke mere sovпада z literarnim obdobjem nastanka drame. Zaradi širšega diahronnega pogleda na rabo manjšalnic v drami ta raziskava vključuje dramski besedili *As You Like It* (*Kakor vam drago*) in *Hamlet* renesančnega dramatika Williama Shakespeara ter dramo *The Caretaker* (*Hišnik*) sodobnega dramatika Harolda Pinterja. Razprava v tem prispevku se ukvarja s slogovno funkcijo manjšalnic pri enem in drugem dramatikumu, z razlikami med njima, vzporedno pa ponuja tudi vpogled v slovenske prevode analiziranih besedil.

2 METODOLOGIJA

Prvi korak besedilne analize je iskanje manjšalnic v izvornikih obravnavanih dram, kar je v angleščini v glavnem izvedljivo s korpusnim programskim orodjem, v našem primeru je to *Catma* (*Computer Aided Textual Markup & Analysis*). Zaradi analitične tvorbe angleških manjšalnic, o čemer je govora v uvodu, s *Catmo* brez težav najdemo večino manjšalnic, saj se sistemsko poiščejo pojavitve besed *small*, *little*, *tiny* itd. Med njimi so seveda tudi takšne, ki niso v manjšalniški funkciji, a ti primeri se v fazi označevanja dokumenta izločijo po pregledu s *Catminim* konkordančnikom, ki omogoča vpogled v posamezne pojavitve besed v zelenem obsegu sobesedila (Slika 1).

KWIC for Hamlet at chunk 55 (3 occurrences)					
Document/Collection	Left Context	Keyword	Right Context	Start Point	End Point
Hamlet	excellent voice, in this	little	organ; yet cannot you	99.895	99.901
Hamlet	love is great, the	littlest	doubts are fear; Where	91.219	91.227
Hamlet	doubts are fear; Where	little	fears grow great, great	91.252	91.258

Slika 1: *Catma*, prikaz iskane besede *little* v *Hamletu*

Pri kontrastivni analizi nato najdena mesta primerjamo z ustreznimi mesti v prevodu in neredko ugotovimo, da se manjšalnica ni ohranila. V nadaljnjem iskanju se pokažejo prve metodološke omejitve dela s korpusnim orodjem; le-to namreč težje zazna sintetično tvorjene manjšalnice v obeh jezikih, saj nabor obrazil, ki so pogosta pri njihovi tvorbi, ni omejen zgolj na manjšalnice; med pogostejšimi manjšalniškimi obrazili v slovenščini je *-ka*, pri čemer je *hiška* manjšalnica, *banka* pa ni. Pri sintetičnih manjšalnicah v angleškem besedilu je situacija podobna, le da je teh manj. Pri tem si lahko pomagamo s *Catmo*, ki v funkciji *wordlist* (slov. *seznam besed*) zbere vse besede zelenega dokumenta, v našem primeru posamezne drame, jih opremi z nekaterimi podatki, npr. o frekvenci in poziciji, in jih poljubno razvrsti. Pri iskanju sintetičnih manjšalnic je smiselno uporabiti odzadno razvrščanje oz. razvrščanje po posameznih besednih končajih, kar je uporabno tako pri iskanju angleških sintetičnih manjšalnic kot tudi vseh tistih slovenskih, ki v prevodu predstavljajo dodatek, torej jih je prevajalec vnesel na mestih, kjer jih v izvorniku ni. V nadaljevanju so med ponazoritvenimi zgledi zastopane vse omenjene situacije: ohranitev, dodatek in izpust izvorne manjšalnice.

3 ANALIZA IN DISKUSIJA

Ta razdelek analizira slogovno vlogo manjšalnic v izbranih Shakespearovih in Pinterjevih dramah ter njihovih slovenskih prevodih. Pri tem se naslanja na nekatere izsledke Schneiderjeve študije (2003), ki je ena temeljitejših sodobnih obravnav manjšalnic v angleščini, osnovne funkcije manjšalnic, ki so pri analiziranih dramah najpogostejše, pa so prosto oblikovane po nekoliko širši kategorizaciji, ki jo predlagata E. Sicherl in A. Žele (2001). Raziskava je torej pokazala, da se glede na funkcije manjšalnic v dramskem diskurzu najpogosteje pojavljajo naslednje štiri kategorije:

- (1) denotativni pomen
- (2) zapolnitev semantične praznine
- (3) okrepitev govorčeve (pre)moči (kar je posebej pogosto pri Pinterju)
- (4) emocionalna zaznamovanost

Izbrana dramatika se med sabo precej razlikujeta po slogovnih posebnostih dialoga; prvi je močno stiliziran in poetičen, drugi pa – tudi po lastnih izjavah (Pinter 1987: 14) – bližji naravnemu govorjenemu diskurzu. To med drugim pomeni, da jezik Pinterjevih oseb ni umetno »očiščen« zatikanj, premorov, ponavljanj, slovničnih spodrseljajev, neujemanj itd.

Pri Pinterju tako najdemo primere manjšalnic iz vseh štirih kategorij, pri čemer je najmočnejše zastopana tretja (funkcija jezikovne manipulacije), medtem ko so pri Shakespearu vse opaznejše pojavitve manjšalnic v četrti skupini, torej imajo v dramskem dialogu najpogosteje različne čustveno zaznamovane vloge. V nadaljevanju se bomo vsaki od opredeljenih štirih kategorij posvetili v posebnem razdelku.

3.1 Manjšalnice v denotativnem pomenu *majhen ali mlad*

V Pinterjevem *Hišniku* najdemo tako v didaskalijah kot tudi v replikah dramskih oseb manjšalnice, ki pomenijo opis stanja. Čeprav so te lahko tudi čustveno zaznamovane (Sicherl in Žele 2011: 139), so v naših primerih praviloma nevtralne. To je še posebej pri didaskalijah pričakovano, saj odrski napotki, ki pomenijo avtorjeve sugestije režiserju oz. bralcu, navadno ne vsebujejo čustvenih podtonov. Scenski odrski napotek ob dvigu zavese v začetku prvega dejanja *Hišnika* navaja tudi tale opis:

Above it a *small cupboard*, paint buckets, boxes containing nuts, screws, etc.¹ (Pinter 1977: 15)

Nad njo *omarica*, vedrice za barve, škatle z maticam, vijaki in tako naprej. (Pinter 1990: 1)

Tu gre torej za preprost denotativni pomen manjšalnice. Podoben primer rabe manjšalnice, le da tokrat znotraj replike, je del Mickovega opisa, kako bi lahko preuredil stanovanje. Pri tem izpostavi dve stenski omari, ki se med seboj razlikujeta po velikosti, torej gre za pomensko oz. denotativno razlikovanje:

MICK. *.../ We'd have a small wall cupboard, a large wall cupboard, a corner wall cupboard with revolving shelves. You wouldn't be short of cupboards.* (Pinter 1977: 69)

MICK. *.../ Imel bi majhno stensko omaro, veliko stensko omaro, kotno stensko omaro s premičnimi policami. Ne bi primanjkovalo kredenc.* (Pinter 1990: 47)

Prevajalec je manjšalnico v obeh primerih ohranil, zanimiva pa je razlika med rabo sintetične tvorjenke v prvem primeru in analitične v drugem. Taka prevajalska odločitev je smiselna, saj manjšalnica v prvem primeru nastopi izolirano, v drugem pa vidimo, da je poleg denotativnega pomena manjšalnica tudi del repetitivne slogovne sheme: »majhno stensko omaro, veliko stensko omaro, kotno stensko omaro«, pri kateri je v prevodu nujno ohraniti tudi nekaj strukturnih oz. slogovnih lastnosti, in sicer trojni paralelizem z epiforo, predvsem pa antitezo v prvih dveh elementih, ki bi bila pri rabi sintetične manjšalnice precej manj opazna (npr. *stensko omarico, veliko stensko omaro*). S problemom izgube ponovitev in ponovnih pojavitev v prevodih književnih besedil se sicer ukvarja več predhodnih študij (prim. Zlatnar Moe 2010, Zupan 2006, Onič 2005).

3.2 Manjšalnice, ki zapolnjujejo semantično praznino

V to kategorijo uvrščamo manjšalnice, pri katerih se je semantična vez z nevtralno obliko, torej nepomanjšanim izrazom izgubila (Sicherl 2012: 57, 2013: 152). Tako npr. *marelica* pomeni sadež, ne majhne marele, *metuljček* lahko pomeni majhnega metulja ali tip kravate, pri čemer za slednjega nimamo drugega poimenovanja. Tudi takšne primere rabe manjšalnic zasledimo v *Hišniku*:

MICK. Yes. Then the bedroom. What's a bedroom? It's a *retreat*. It's a place to go for rest and peace. (Pinter 1977: 69)

---

¹ V tem in v vseh nadaljnjih odlomkih iz dram je poševni tisk dodan.

MICK. Ja. Potem pa spalnica. Kaj je spalnica? Miren *kotiček*. Prostor, kamor se umakneš k počitku in miru. (Pinter 1990: 47)

Za prevod izraza *retreat* je v slovenščini v pomenu, ki ga v isti repliki razloži celo sam govorec, mogoče uporabiti le sintetično manjšalnico *kotiček*, torej ga ne moremo prevesti niti s *kot* niti z *majhen kot*. Prevodna rešitev je tako primerna. E. Sicherl (2012: 58) v tej kategoriji omenja tudi manjšalnice, ki so pridobile pomen tehničnih terminov, npr. *bobnič* kot človeški organ, del ušesa. Med nekaj takimi primeri v *Hišniku* imamo izraz *jig saw* (Pinter 1977: 33), ki je v slovenskem prevodu v treh od petih pojavitev ustrezno preveden kot *rezbarska žagica* (Pinter 1990: 16).

3.3 Manjšalnice, ki okrepijo jezikovno manipulacijo

V preko štirideset let stari študiji Austina Quigleya (1975: 142), ki se ukvarja z jezikovnimi manipulacijami v govornem diskurzu, najdemo tezo, da vsak udeleženec pogovora teži k jezikovni nadvladi svojega sogovornika. Praviloma je govorec tisti, ki je v nadrejenem položaju, zato se vedno trudi, najpogosteje nezavedno, lahko pa tudi zavestno, da bi ta status ohranil. To se da doseči z več jezikovnimi in slogovnimi sredstvi, npr. z gostobesednostjo, saj tako sogovornik ne more do besede, s stalnim presenečanjem sogovornika, ki se zato ne more zbrati, nadalje z različnimi diskreditacijami, ki mu prav tako preprečujejo, da bi dobil besedo. Seveda ne smemo imeti napačne predstave, da gre pri tem med sogovorcema za odnos z elementi odkritega (fizičnega) nasilja; to velja za vsakodnevne, na videz nevtralne, lahko tudi prijateljske pogovore.

V luči te teorije, ki jo tu povzemamo le delno in zelo poenostavljeno, Quigley analizira Pinterjeve značaje v več zgodnjih dramah, tudi v *Hišniku*. V pričujoči raziskavi se je izkazalo, da Quigleyevo tezo podpirajo tudi manjšalnice oz. da so slednje med tistimi jezikovnimi sredstvi, ki jih govorec često uporabi za ohranitev superiornega položaja. V naslednjem odlomku je manjšalnica *sonny* uporabljena ironično, v prvi vrsti že zato, ker je Davies (naslovljenec) precej starejši od Micka (govorec), pa tudi zaradi dramske ironije, saj gledalec dobro ve, da se Mick nad starim potepuhom izživlja.

MICK. Watch your step, *sonny*! You're knocking at the door when no one's at home. Don't push it too hard. You come busting into a private house, laying your hands on anything you can lay your hands on. Don't overstep the mark, *son*. (Pinter 1977: 47)

MICK. Pazi, kam stopiš, *ljubček*! Trkaš na vrata, kjer ni nikogar doma. Nikar ne ženi predaleč. Vdreš v zasebno hišo in steguješ prste, do koder ti sežejo. Ne prestopi meje, *sinko*. (Pinter 1990: 28)

Vidimo, da je v izvirniku manjšalnica samo v prvi povedi, na koncu replike pa je ni. Prevajalec je uporabil manjšalnico na obeh mestih, pri čemer je za razlikovanje med njima pri prvi izbral drug besedni koren. To pomeni odmik od ponovne pojavitve (poliptotona oz. anominacije) v izvirniku, zato ta prevajalska odločitev ni povsem utemeljena. Prevod tudi ne vsebuje elementa presenečenja, ki ga povzroči vrnitev od manjšalnice k nemanjšalnici. Razmisliti bi veljalo o prevodni dvojici *sinko* in *sine*, ki pa v omenjenih pogledih ohrani potencial izvirnika. Enak problem imamo v še eni podobni repliki:

MICK. Listen, *son*. Listen, *sonny*. You stink. (Pinter 1977: 44)

MICK. Poslušaj, *sinko*. Poslušaj *srček*. Smrdiš. (Pinter 1990: 25)

3.4 Emocionalno zaznamovane manjšalnice

Čustveno konotacijo manjšalnic v osnovi razdelimo na pozitivno in negativno, a lahko zaradi uporabe manjšalnic z različno obarvanostjo v različnih kontekstih, te dodatno kategoriziramo. Po SSKJ lahko razločimo osem kategorij zaznamovanosti vsebine: ekspresivno, evfemično, ironično, ljubkovalno, slabšalno, šaljivo, vulgarno, raba narašča, raba peša, starinsko in zastarelo (Sicherl in Žele 2011: 136).

Manjšalnic, ki bi jih uvrstili v to kategorijo, je pri Pinterju razmeroma malo, zato je iz *Hišnika* podan le en primer manjšalniške rabe. V njem želi potepuh Davies brezplačno kosilo prikazati kot zelo skromno, pravzaprav neznatno, zato o njem govori omalovaževalno. Pretirava, da je bil obrok tako majhen, da bi ga ptiček pojedel v zelo kratkem času (v manj kot 2 minutah; sinekdoha). To je poleg nekaterih drugih slogovnih prvin (ponovne pojavitve, paralelizem, klimaks, hiperbola itd.) doseženo s kopičenjem manjšalnic. Kljub temu, da slovenski prevod vsebuje grobo mutacijo, so mnogi slogovni elementi, predvsem klimaks, ohranjeni:

DAVIES. I went round to this kitchen, see? Meal they give me! *A bird, I tell you, a little bird, a little tiny bird*, he could have ate it in under two minutes. (Pinter 1977: 23–24)

DAVIES. Pa res stopim za vogal, a veš. In mi res dajo jest! *Piščanca, ti rečem, mejčkeno piščanca, mejhen mejhen porcjonček piščanca*, pospraviš ga v dveh minutah. (Pinter 1990: 8)

V izvirnikih Shakespearovih dram *Kakor vam drago* in *Hamlet* na splošno ni veliko manjšalnic. Te so pogosteje dodane v slovenskih prevodih, kjer – kadar so utemeljene –, bralec pogosto zazna njihove različne vloge. V nasprotju s

Pinterjem manjšalnice pri Shakespearu niso uporabljene za jezikovno manipulacijo, prav tako redkeje v denotativnem pomenu, pač pa je njihova uporaba pogosto čustveno obarvana.

3.4.1 Izražanje ljubkovalnosti

Izražanje ljubkovalnosti z rabo manjšalnic je pri Shakespearu pogosto in se v dramskih delih največkrat uporablja pri medsebojnem naslavljanju oseb:

ROSALIND. *O coz, coz, coz, my pretty little coz,*
that thou didst know how many fathom deep I am in love! (Shakespeare 2007: 633)

ROZALINDA. *O sestrična, sestrična, sestrična, moja*
lepa sestričnica, o bi ti vedela, koliko sežnjev (Shakespeare 1954: 80)

V izvirniku je manjšalnica tvorjena analitično s pridevnikom *little* in ni rabljena denotativno, torej v pomenu *majhen/-a*. Gre za sestrično, ki je govorcju ljuba. V slovenskem prevodu je prevajalec z namenom ohranitve ljubkovalnosti izpeljal manjšalnico *sestričnica*, ki ni v pogosti rabi; ni je v SSKJ, od večjih jezikovnih slovarjev jo najdemo le v Pleteršnikovem. Če bi prevajalec ohranil analitično manjšalnico *majhna sestrična*, bi prevod izgubil čustveno konotacijo. Z uporabo manjšalnice *sestričnica* se ustvari pozitivno čustveno stopnjevanje, pa tudi zvočni učinek. V drugem primeru v izvirniku ni manjšalnice, vendar je ljubkovalnost kljub temu izražena, in sicer s pomočjo pridevnika *fair*. V prevodu je funkcijo ljubkovalnosti prevzela manjšalnica *princeska*, ki kljub temu ne izgubi pridevnika *lepa*:

LE BEAU. *Fair princess*, you have lost much good sport. (Shakespeare 2007: 614)

LE BEAU. *Lepa princeska*, odšla vam je krasna zabava. (Shakespeare 1954: 16)

3.4.2 Izražanje slabšalnosti

Druga pogosta funkcija manjšalnic je slabšalna. Tudi ta je največkrat dodana v slovenskih prevodih. Stalna besedna zveza *green girl* v spodnjem primeru pomeni nedolžno in neizkušeno dekle, v slovenščini pa je namesto tega uporabljena manjšalniška skovanka *otročela* s slabšalno konotacijo. V osnovi je *otročè* majhen otrok, a v tem primeru gre za neizkušeno osebo ženskega spola (Ofelijo):

LORD POLONIUS: Affection! pooh! you speak like a *green girl*,
(Shakespeare 2007: 676)

POLONIJ: Naklonjen? Govoriš kot *otročela*, (Shakespeare 1997: 40)

Naslednji primer ponazarja ironično oz. sarkastično rabo manjšalnice v slovenskem prevodu. Manjšalnice pogosto nastopajo skupaj s slogovnimi figurami, ki okrepijo čustveno konotacijo. Uporaba besede *gospodek* v spodnjem primeru je slabšalna in pomeni nekavalirja:

DUKE FREDERICK. Send to his brother; fetch that *gallant* hither; (Shakespeare 2007: 618)

FRIDERIK. Pošljite k bratu po tega *gospodka*, (Shakespeare 1954: 31)

Manjšalnica ironijo oz. sarkazem dobro povzame, lahko bi rekli, da je celo nekoliko močnejša od izvirnega izraza *gallant*, ki je ironičen predvsem v kontekstu. Medtem pa prevodna rešitev zaradi manjšalniške oblike že sama doseže želen učinek.

3.4.3 Izražanje šaljivosti

Manjšalnice, uporabljene v šaljivem kontekstu, se pogosto prepletajo s slogovnimi figurami npr. s sarkazmom, pretiravanjem, z ironijo in drugimi. Spodnja poved iz *Hamleta* je izrečena v resni situaciji – med kopanjem groba za Ofelijo –, a vnašanje humorja v tragedijo in s tem odmikanje od Aristotelovih načel je značilno za Shakespeara. To se z manjšalnico v tem primeru dobro ohrani. Manjšalnica *striček Jamokop* se nanaša na grobarja, raba manjšalnice resni situaciji doda humornost:

SECOND CLOWN: Nay, but hear you, *goodman delver*, (Shakespeare 2007: 705)

POMOČNIK: Ne, poslušaj, *striček Jamokop* ... (Shakespeare 1997: 200)

Drug primer, kjer manjšalnice ni v izvirniku, a je zaradi šaljive konotacije v slovenskem prevodu dodana: manjšalnica *ubožčki* je sarkastična, saj se nanaša na mlade jelene, ki bodo kmalu lovska trofeja. Tudi tukaj je skozi sarkazem dodan humor.

DUKE SENIOR. Come, shall we go and kill us venison?
And yet it irks me the poor dappled *fools* (Shakespeare 2007: 617)

VOJVODA. No, ali gremo na divjačino?
Vendar mi je žal pegastih *ubožčkov* (Shakespeare 1954: 28)

V naslednjem primeru je v izvirniku uporabljena manjšalnica, tvorjena s pomočjo pridevnika *mlad* (*young*), in označuje mlado damo. V prevodu je nekaj

manjšalnic dodanih (*ljubica, mamka, petka*) in vse imajo šaljivo konotacijo, povezano z ironijo. Z nagovorom *my young lady* Hamlet v resnici nagovarja moškega igralca preoblečenega v žensko. Z repliko, da je »njegova gospodičnost bliže nebu za višino *petke*«, se mu posmehne, ker je v resnici moški, hkrati pa je višina petke res majhna.

HAMLET: You are welcome, masters; welcome, all. I am glad to see thee well. Welcome, good friends. O, my old friend! thy face is valenced since I saw thee last: thou to beard me in Denmark? What, *my young lady and mistress!* By'r lady, your ladyship is nearer to heaven than when I saw you last, by the altitude of a *chopine*. (Shakespeare 2007: 685–686)

HAMLET: Dobrodošli mojstri. Dobrodošli vsi. Vesel sem, da te vidim pri močeh. Pozdravljeni, prijatelji. O, stari moj – ho, navesil si si obraz, kar te nisem videl. Si prišel na Dansko brado vzdigovat? – Lej no, *naša mlada dama* – *ljubica!* Pri mamki božji – od nazadnjič je vaša gospodičnost še bližje nebu, za višino *petke!* (Shakespeare 1997: 94)

3.4.4 Ohranjanje metruma

Nekoliko nepričakovana, a zanimiva vloga manjšalnic v prevodih Shakespeara je ohranitev jamskega pentametra. Zaradi dodatnega zloga v sintetični manjšalnici se namreč verz lahko podaljša za zlog ali dva. V spodnjem primeru *vial* pomeni stekleničko (navadno za zdravilo ali strup), vendar v verzu, kot ga vidimo, manjšalnica *steklenička* po številu zlogov ne zadošča metrumu. Z dvojno manjšalnico *stekleničica* pa je prevajalec izpolnil tudi ta pogoj.

GHOST: With juice of cur-sed hebe-non in a *vial*,
And in the por-ches of my ears did pour (Shakespeare 2007: 678)

DUH: v brez-bri-žen dre-mež po-to-pljen, tvoj stric
se je pri-kra-del s *ste-kle-ni-či-co* (Shakespeare 1997: 51)
|U – |U – |U – |U – |U – |

Župančič je uporabil prevod »z zobnikovim pogubnim sokom v *sklenki*« (Shakespeare 1984: 252), s čimer je verz sicer podaljšal v enajsterec, a dodan nepoudarjen zlog spremeni le katalektičnost verza, ne pa tudi števila stopic. Beseda *sklenka* je drug izraz za *steklenko*, v narečju pa pomeni ledeno svečo; tu gre za stekleničko, po obliki podobno ledeni sveči. Tudi v naslednjem primeru je manjšalnica v prevodu dodana, saj je v izvorniku ni, hkrati pa dodaten

zlog ohrani jambski pentameter. Manjšalnica nosi emocionalno konotacijo, ljubkovalnost, ki se nanaša na metaforični ključ do Ofelijinega srca.

OPHELIA: 'Tis in my memory lock'd,
And you yourself shall keep *the key* of it. (Shakespeare 2007: 676)

OFELIJA: Zaklenjeno v spomin,
in ti imaš do njega *ključek* sam. (Shakespeare 1997: 39)

V starejšem prevodu manjšalnice ni, prevajalec pa je metrum ohranil drugače: »In sam imej do njega shranjen *ključ*.« (Shakespeare 1984: 245).

5 ZAKLJUČEK

Pričujoča raziskava manjšalnic v izvornikih in prevodih izbranih dramah je pokazala, da so manjšalnice nezanemarljiva kategorija tako v slogovnem kot prevodoslovnem pogledu. Številne vloge, ki jih imajo manjšalnice v vsakodnevnom govorjenem diskurzu, se pojavijo tudi v dramskih besedilih – poleg denotativnega ali novega pomena imajo tudi manipulativne in emocionalne funkcije, tako pozitivne kot negativne –, vendar sorazmerno s tem, koliko je jezik konkretne drame oz. slog določenega obdobja ali zvrsti blizu realnemu pogovoru. Tako je bilo v našem primeru več tovrstne podobnosti pričakovati pri Pinterju, ki se dogaja v sodobnem času in prostoru in je blizu naravnemu govoru, kot pri Shakespearu, kjer je dogajanje oddaljeno od sedanjosti, dramske osebe pa govorijo v poetičnem jeziku in v verzih.

Kontrastivna analiza rabe in vloge manjšalnic je pokazala na pogoste prevodne premike v slovenskih dramskih prevodih: tako dodajanje, izpuščanje in pomenske ali slogovne spremembe. Predvsem pogosto je dodajanje manjšalnic, torej njihova raba na mestih v prevodu, kjer jih v izvorniku ni. To ima včasih negativne posledice, saj neustrezno spreminja pomenski potencial ciljnega besedila, pogosto pa gre le za spremembo jakosti iste ali podobne funkcije manjšalnice, kar je manj problematično. Nenazadnje je v prevodih opaziti tudi metodo kompenzacije oz. dinamične ekvivalence, kjer uvedba manjšalnice nadomesti nek drug neohranjen jezikovni ali slogovni vidik prevoda. Ko gre za premišljen korak, je to vsekakor pozitivno. Namen te študije je poudariti pomen prevajanja manjšalnic in opozoriti dramskega prevajalca na to slogovno kategorijo odrskega jezika, h kateri mora prevajalec pristopiti zavestno in jo vključiti v oblikovanje prevajalskih norm.

LITERATURA

- Anton BAJEC, 1950: *Besedotvorje slovenskega jezika I: Izpeljava samostalnikov*. Ljubljana: SAZU.
- Korpusno programsko orodje CATMA: <<http://www.catma.de/>>.
- Tomaž ONIČ, 2005: Translating recurrences in Pinter's plays. *ELOPE* 2/1–2, 293–299.
- Harold PINTER, 1976: *Complete Works: One*. New York: Grove Press.
- Harold PINTER, 1977: *Complete Works: Two*. New York: Grove Press.
- Harold PINTER, 1990: *Hišnik*. (delovni prev. Janko Moder, v tipkopisu). PG Kranj.
- Austin E. QUIGLEY, 1975: Linguistic Relationships. *Harold Pinter: The Birthday Party, The Caretaker & The Homecoming*. Ur. Michael Scott. London: MacMillan, 1989. 140–146.
- William SHAKESPEARE, 1997: *Hamlet* (prev. Milan Jesih). Ljubljana: Mladinska knjiga.
- William SHAKESPEARE, 1954: *Kakor vam drago* (prev. Oton Župančič). Ljubljana: Slovenska matica.
- William SHAKESPEARE, 1984: *Romeo in Julija, Julij Cezar, Hamlet* (prev. Oton Župančič). Ljubljana: Mladinska knjiga.
- William SHAKESPEARE, 2007: *The Complete Works of William Shakespeare*. Ware: Wordsworth Editions Limited.
- Eva SICHERL, Andreja ŽELE, 2011: Nominal diminutives in Slovene and English. *Linguistica* 51, 135–142.
- Eva SICHERL, 2012: Slovene nominal diminutives and their English equivalents: a comparison. *ELOPE* 9, 53–63.
- Eva SICHERL, 2013: Diminutive nouns and verbs in Slovene compared to their English equivalents. *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies* 9, 145–162.
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2007: *Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in v SSKJ*. Maribor: Filozofska fakulteta UM. (Zora, 57).
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).
- Peter SZONDI, 2000: *Teorija sodobne drame*. Ljubljana: Mestno gledališče ljubljansko.
- Marija ZLATNAR MOE, 2010: Repetition in English vs. non-repetition in Slovene: how different norms of good writing change the style of translated texts. *Slovene studies* 32/1–2, 3–17.
- Simon ZUPAN, 2006: Repetition and translation shifts. *ELOPE. Literary criticism as metacommunity: a festschrift for Meta Grosman* 3/1–2, 257–268.

SUMMARY

Deminutives in Slovene Translations of Selected English Language Plays

The formation of diminutives differs considerably between English and Slovene. In the former, these are mainly descriptive and only rarely formed with specific diminutive suffixes, as is the case in Slovene and many other European languages, where a range of suffixes exists that are primarily aimed at the formation of diminutives. Nevertheless, English does use certain suffixes for formation of diminutives; however, these are mainly borrowed from other languages, for example, *-ette*: kitchenette, *-let*: piglet, booklet, *-ling*: duckling, gosling, etc.), but they are mostly useful for a limited set of nouns. For the most part, diminutives in English are expressed simply by using adjectives that reflect smallness or modest size, for example, little, small, tiny, miniature, wee, mini, pocket-sized, etc., while for certain groups of nouns specific terms are used as diminutives, for example, animal names: cat – kitten, dog – puppy, goat – kid, etc. The other possibilities of diminutives formation are less frequent.

Diminutives are not always purely semantic, particularly in literary texts, but can also create additional meaning potential; they can express affection, mockery, irony, or contempt; they may imitate children's speech, etc. As such, they represent a special challenge for the translator, who in the preliminary translation analysis must determine their meaning potential, and preserve it in the target language. This paper analyzes the use and function of the diminutives in selected English Language plays, and compares the findings with translation solutions in the existing Slovene translations.

TEODOR PETRIČ

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
teodor.petric@um.si*

Zur Nähesprachlichkeit von Texten mit substantivischen Diminutiven

Im Beitrag wird die Annahme geprüft, ob Diminutivsuffixe als prototypische Vertreter der Diminutive unter nähesprachlichen Kommunikationsbedingungen häufiger vorkommen als unter distanzsprachlichen und daher ähnlich wie Deiktika als Indikator für verschiedene Grundtextsorten dienen können. Zu diesem Zweck wurden verschiedene Textklassen im Slowenischen und Deutschen auf substantivische Diminutivbildungen mit Suffix untersucht: monologische Zeitungs- und Zeitschriftentexte, verschiedene Arten von Internet-Chats, private Telefongespräche, Untertitel zu Filmdialogen für Hörgeschädigte, öffentliche Diskussionen, kindersprachliche und kindgerichtete Beiträge in Alltagsgesprächen.

The assumption of our contribution is that diminutive suffixes (ie. as the prototype of diminutive formation), occur more frequently under communication circumstances of proximity and that they permit us to use them – in a similar fashion to deictic expressions – as indicator of different basic text classes. To put the assumption to the test, different text classes in Slovene and German were queried for nouns containing a diminutive suffix: monological daily news and journal texts, different kinds of internet chats, privat phone conversations, subtitles of movie dialogues for hearing impaired persons, public discussions, child speech and child directed speech in smalltalk.

Schlüsselwörter: Substantiv, Diminutiv, Internet, Untertiteln, Nähesprachlichkeit

Keywords: noun, diminutive, Internet, subtitling, communication conditions of proximity

1 EINLEITUNG

Diminution wird oft verstanden als semantisch-pragmatische Modifizierung eines Wortes durch Bezug auf das Größe-Konzept. In den Sprachen der Welt ist sie weit verbreitet, wird aber in Abhängigkeit vom Sprachtyp auf verschiedene Weise enkodiert. Daher behandelt der erste Teil unseres Beitrags den Diminutionsbegriff und typische Diminutionsmittel im Slowenischen und Deutschen. Im zweiten Teil wird nach der Beschreibung nahe- und distanzsprachlicher

Kommunikationsbedingungen die Annahme geprüft, ob Diminutivsuffixe als prototypische Vertreter der Diminutivbildungen unter nächsprachlichen Kommunikationsbedingungen häufiger vorkommen als unter distanzsprachlichen und daher ähnlich wie Deiktika verschiedene Grundtextsorten indizieren. Zu diesem Zweck wurden verschiedene Textklassen im Slowenischen und Deutschen auf substantivische Diminutivbildungen mit Suffix untersucht.

2 WAS SIND DIMINUTION UND DIMINUTIVE

Typologisch gesehen sind Bedeutungen wie »Kind« und »klein« in vielen untersuchten Sprachen der Welt die zugrunde liegenden Diminutivbedeutungen, zwei eng miteinander verknüpfte Bedeutungen mit Bezug auf physikalische Größe (Booij 2005: 223). Der Bedeutungskern »klein« kann auch mit evaluativen Bedeutungskomponenten assoziiert sein (z. B. Geringschätzung wie in dt. *Schundromänchen* mit *-chen* als Diminutivsuffix). Der Bedeutungskern »Kind« wird gewöhnlich mit evaluativen Bedeutungskomponenten der Zuneigung verknüpft (z. B. slow. *rokica* mit *-ica* als Diminutivsuffix, dt. *Händchen*). Nach Jurafsky (1996: 542) lassen sich die verschiedenen Diminutivbedeutungen im Rahmen einer radialen Kategorie erfassen, wonach aus einer oder mehreren Kernbedeutungen andere Bedeutungskomponenten durch semantische oder pragmatische Extension (Metonomysierung, Metaphorisierung) abgeleitet werden können.

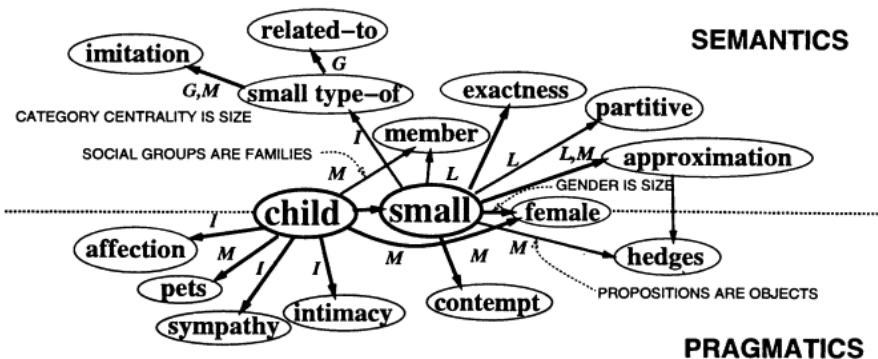

Bild 1: Diminutivbedeutung als radiale Kategorie (Jurafsky 1996: 542)

Dressler, Barbaresi (1994) heben hervor, dass Diminutivsuffixe vorrangig pragmatisch motiviert sind und Bezugsobjekte nicht einfach nach ihrer Größe

einordnen. Die evaluative Bedeutung der Diminutive ist nach ihrem Standpunkt das pragmatische Merkmal »nicht-ernsthaft«. Typisch ist sie für kindgerichtete Sprache (Dressler, Barbaresi 1994: 106).

Prototypische Diminutive sind Substantive mit einem Diminutivsuffix. Der Diminutivmarker ändert weder Wortklasse noch semantischen Kern der substantivischen Basis, modifiziert sie jedoch durch Hinzufügung der semantischen Komponente »klein« und deren möglichen pragmatischen Erweiterungen (z. B. Geringschätzung: kleiner als nach Norm zu erwarten). Diese prototypischen Diminutivmarker sind in diversen indoeuropäischen Sprachen vertreten. Allerdings werden diminutive Bedeutungen in vielen Sprachen durch nicht-morphologische Mittel ausgedrückt werden. Štekauer et al. (2012: 264–274) identifiziert anhand einer Stichprobe mit fünfzig Sprachen vier verschiedene Diminutivbildungsprozesse: Suffigierung, Präfigierung, Reduplikation und Komposition. Schneider (2003: 7–10; 2013: 138–139) fügt außerdem Verkürzung, Flexion und periphrastische Konstruktionen als weitere Bildungsprozesse hinzu und schlägt die folgende Prozesshierarchie vor (linksstehende Prozesse sind häufiger als jeweils rechtsstehende): 1) synthetische Bildungsweise > analytische Bildungsweise, 2) Wortbildung > Flexion, 3) Additive Bildung > subtraktive Bildung, 4) Morphemkombination > Morphemwiederholung, 5) Affigierung > Komposition, 6) Suffigierung > Präfigierung.

Im Bereich der substantivischen Diminutivbildung ist in der slowenischen Sprache, einer stark flektierenden Sprache, die Suffigierung der dominante Bildungsprozess (z. B. mit den Suffixen *-(i)ca*, *-ka*, *-(č)ič*, *-(č)ek*, *-c*, *-ce*, *-če*). Die deutsche Standardsprache, eine schwach flektierende Sprache, verfügt zwar über einige Diminutivsuffixe (z. B. *-chen*, *-i*, *-lein*, nebst Dialektformen), neigt aber in den meisten Textsorten eher zu anderen Bildungsweisen, nämlich zu Komposition, periphrastischen Konstruktionen mit Adjektivattributen und Partikeln zur Intensivierung und Evaluierung: z. B. slow. *advokatek* vs. dt. *Winkeladvokat*, slow. *člančič* vs. dt. *schlechter Artikel*, slow. *ciganče* vs. dt. *Zigeunerjunge*, slow. *kozlič* vs. *Ziegenböckchen* (Beispiele aus Čuden 2012: 140–141), dt. *Baby-Ziege* (statt *Zieglein*).

Semantisch-pragmatisch kann man Diminution als Intensivierung einordnen. Für die semantisch-pragmatische Beschreibung eines Intensivierungsmittels sind zumindest zwei Arten von Messskalen notwendig: (a) Skalen, mit denen physikalisch erfassbare Zustände, Eigenschaften, Einheiten und Vorgänge abgebildet werden, und (b) Bewertungsskalen, die auf die Entität(en) unter (a) Bezug nehmen. Die ein- oder mehrdimensionalen Messskalen unter (a) bezeichnen wir als Q-Skala, die unter (b) als B-Skala. Es folgen zwei Beispiele.

Tabelle 1: Charakteristische diminutive Intensivierungsmittel im Slowenischen und Deutschen (Fettdruck kennzeichnet Präferenzen in der jeweiligen Sprache)¹²

			Slowenisch	Deutsch	
Diminutiv	Synthetisch	Suffix	M	<i>-č(e), -(č)ek, -ec, -i, -(č)ič, -(i)c, -ko</i>	<i>-i</i>
			F	<i>-(i)ca, -ka, -i</i>	<i>-i</i>
			N	<i>-ce, -ca, -č(e), -e</i>	<i>-chen, -lein, -i</i> (+Dialektformen)
		Präfix	<i>pod-</i>	<i>Unter-, Neben-</i>	
		Repetition	<i>-ič-ič</i>	<i>(Po-po)</i>	
		Kombination	<i>ič-ek, ič-ica;</i> Adj + <i>-ič</i>	Adj + <i>-chen</i>	
	Komposition ¹	<i>mini-, pol-, ...</i>	<i>Klein(st)-, Mini-, Zwerg-, Kurz-, Halb-, Kinder-, -stück, -knabe, ...</i>		
	Analytisch	Adj + N	<i>majhen, drob(c)en, ...</i>	<i>klein, winzig, ...</i>	
Partikel + NP/Satz ²		<i>samo, komaj, ful</i> + Bezugsgröße (negativ evaluiert)	<i>Nur, voll, echt total, ...</i> + Bezugsgröße (negativ evaluiert)		

An den Stamm *član-* des slowenischen Substantivs *članek* (dt. Artikel, Aufsatz) kann das Diminutivsuffix *-ič* angehängt werden. Das Diminutiv *člančič* hat gewöhnlich eine abwertende Bedeutung (»ein unwichtiger oder schlechter Artikel«). Ein Begriff mit neutraler oder positiver Bewertung (z. B. *članek*) wird durch das Diminutivsuffix herabgestuft und im Diagramm durch den abwärts gerichteten Pfeil dargestellt. Begriffe mit negativer Bewertung (z. B. dt. *Dicker*, slow. *debeluh*) werden dagegen durch das Diminutivsuffix aufgewertet und im Diagramm durch den aufwärts gerichteten Pfeil dargestellt. Die beiden Diminutive *Dickerchen* bzw. *debelušček* können vom Adressaten als weniger beleidigend oder sogar als Zeichen der Zuneigung aufgefasst werden, da die gewöhnlich eher negativ bewertete Eigenschaft entschärft oder gemildert wird. Diminutive Kodierungsmittel modifizieren demnach einen Begriff, indem

¹ Die Komposition ist wie die Derivation eine Wortbildungsart, die die Komplexität eines Wortes erhöht (d. h. das Morphem-pro-Wort-Verhältnis) und wird hier daher als synthetisches Kodierungsmittel eingeordnet.

² Einige Partikeln knüpfen entweder an den von Jurafsky (1996) vermuteten diminutivischen Bedeutungskern »klein« an und/oder an die von Dressler, Barbaresi (1994) angenommene evaluative Primärfunktion »nicht ernsthaft« und deren mögliche Erweiterungen (z. B. *ich bin nur der Kameramann*). Die Grenze zu anderen möglichen Intensivierungssubklassen ist fließend.

sie ihn mit Hilfe des Größe-Konzepts zum negativen oder positiven Bewertungspol verschieben. Dadurch sind ähnlich wie bei Adjektiven verschiedene Intensivierungsstufen möglich. Die Verschiebung zu einem der Bewertungspole beeinflusst auch andere Bewertungsmaßstäbe, z. B. wie leicht es ist, die Entität zu kontrollieren (z. B. kleine Objekte sind leichter kontrollierbar und daher nicht so ernst zu nehmen, was in Bezug auf Erwachsene bei sozialer Distanz mit Geringschätzung einhergeht).

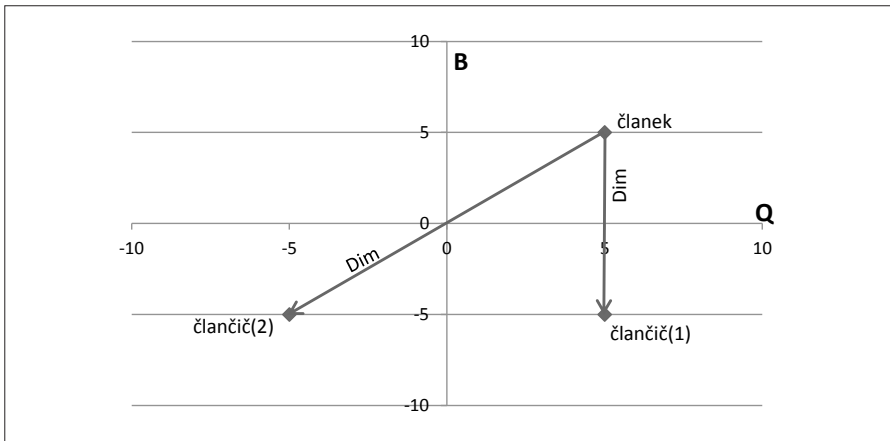

Bild 2: Semantisch-pragmatische Modifizierung von Substantiven durch Diminutivsuffix I

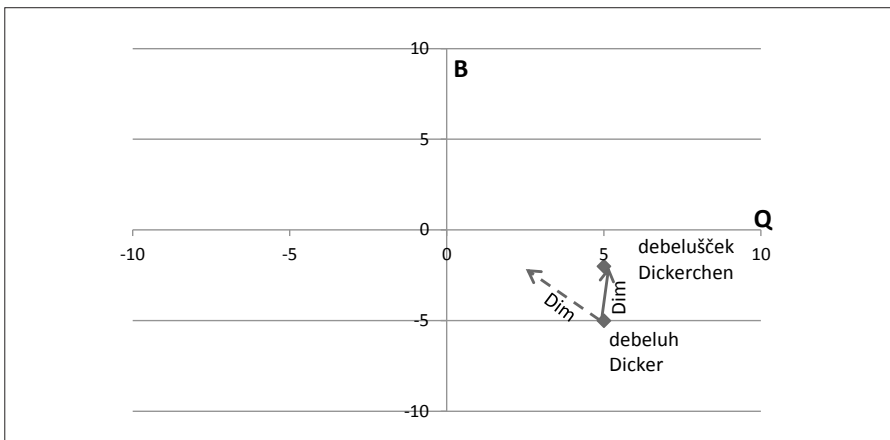

Bild 3: Semantisch-pragmatische Modifizierung von Substantiven durch Diminutivsuffix II

3 NÄHE- UND DISTANZSPRACHLICHKEIT

Die Textsortendistribution der Diminutive kann auf dem Hintergrund der *Nähe- und Distanzsprachlichkeit* (Koch, Österreicher 1985: 17) angemessen erfasst werden. Grundlegend sind die Begriffspaare mündlich vs. schriftlich und Konzept vs. Medium. Sie ermöglichen vier Kombinationen: mündliches Konzept mit phonischem Medium, schriftliches Konzept mit graphischem Medium, mündliches Konzept mit graphischem Medium, schriftliches Konzept mit mündlichem Medium. Die beiden zuerst genannten Kombinationen sind die natürlicheren Kombinationsmöglichkeiten. Während die medialen Möglichkeiten dichotom sind, stellen die Konzeptionsmöglichkeiten ein Kontinuum mit zahlreichen Abstufungen dar.

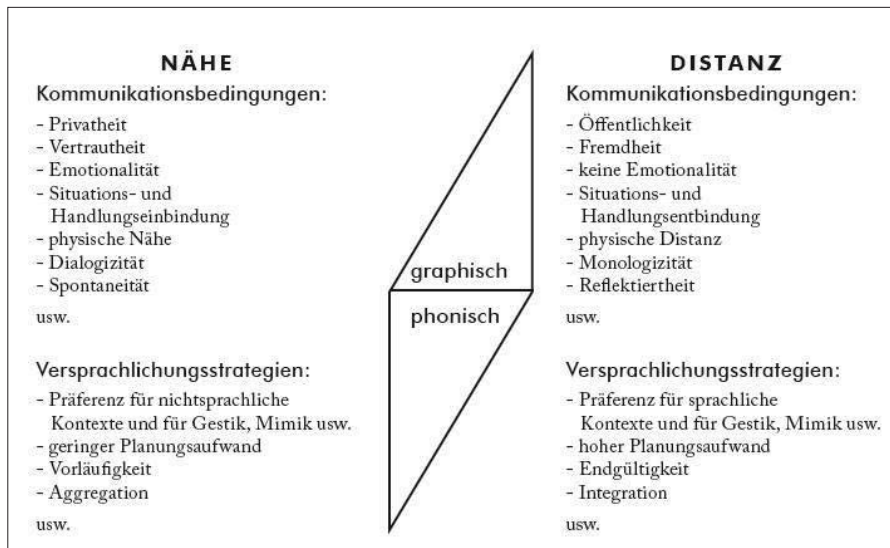

Bild 4: Nähe- und Distanzsprachlichkeit nach Koch, Österreicher (1985)

Diminutive scheinen aufgrund der emotionalen Anteilnahme des Sprachteilnehmers charakteristisch für nähersprachliche Kommunikationsbedingungen zu sein. Demnach sind in mündlichen Nahdialogen (z. B. in Gesprächen mit Kindern oder anderen vertrauten Personen) eher Diminutivbildungen zu erwarten als unter distanzsprachlicheren Bedingungen (z. B. in Verwaltungsvorschriften, Zeitungsberichten, wissenschaftlichen Arbeiten). Gespräche im Internet (z. B. Chats, Diskussionsforen) als auch Untertitel von Filmdialogen (d. h. schriftlich konzipierte Texte, die aber natürliche mündliche Gespräche

simulieren) nehmen Zwischenpositionen in diesem Kontinuum ein: einerseits unter distanzsprachlichen Kommunikationsbedingungen geschaffen (öffentlich, weniger vertraut mit den Kommunikationspartnern, physische Distanz), andererseits aber auch unter nächsprachlichen (in Chats und Diskussionsforen z. B. Spontaneität, Dialogizität, Emotionalität). Beim Untertiteln kommen z. B. räumliche und zeitliche Beschränkungen vor, charakteristische distanzsprachliche Bedingungen.

Diminutive vermitteln pragmatische Bedeutungsanteile, die unmittelbar an menschliche Erfahrungen und Emotionen anknüpfen. Sprachliche Äußerungen ohne Sprechereinstellungen oder emotionale Anteilnahme sind aufgrund der Arbeitsweise unseres Gehirns kaum bildbar und werden daher von uns als weniger natürlich bewertet (der links stehende Wert ist natürlicher als der rechts stehende):

(I) >nat(+emotiv, –emotiv) / Äußerung.

Der Textproduzent neigt im Allgemeinen zur Ausdrucksökonomie, der Textrezipient kann dagegen die Botschaft leichter entschlüsseln, wenn ihm mehr sprachlicher Input zur Verfügung steht. Die Unterdrückung eines Diminutivmarkers wäre demnach sprecherfreundlicher (d. h. ausdrucksökonomischer), die Verwirklichung eines Diminutivmarkers dagegen hörerfreundlicher (d. h. verdeutlichend). Einstellungen oder Emotionen auszudrücken oder nachzuvollziehen ist unter nächsprachlichen Kommunikationsbedingungen einfacher als unter distanzsprachlichen, da zusätzliche Informationskanäle (Prosodie, Mimik, Gestik, Einbindung in die Handlung ...) zur Verfügung stehen. Nächstsprachlichkeit wird daher als natürlicher eingestuft:

(II) >nat(Nähe, Distanz) / Kommunikationsbedingungen.

Gemäß der Prozesshierarchie in Schneider (2003) ordnen wir Diminutivsuffixe als die natürlichsten Diminutivmarker. Synthetische Diminutivmarker (z. B. Suffixe und Kompositionsglieder) sind natürlicher als analytische (z. B. Periphrasen mit Adjektiv und Substantiv):

(III) >nat(synthetisch, analytisch) / Diminutivmarker

(IV) >nat(Suffix, andere) / Diminutivmarker.

Wenn ein Diminutivmarker in einem emotional geladenen Kontext nicht realisiert wird, kann man von einem Schwächungs- oder Entdeutlichungsprozess ausgehen. Unter distanzsprachlichen Kommunikationsbedingungen sind Schwächungsprozesse auf zwischenmenschlicher Beziehungsebene charakte-

ristisch. Gemäß der parallelen Zuordnung³ der Natürlichkeitsskalen (I) und (II) ist zu erwarten, dass emotional geladene Äußerungen (z. B. »Zuneigung«) vom Textproduzenten unter distanzsprachlichen Bedingungen seltener mit einem Diminutiv markiert werden als unter nächstsprachlichen. Gemäß den Natürlichkeitsskalen (III) und (IV) nehmen wir an, dass synthetische Diminutivmarker von Schwächungsprozessen seltener betroffen sind als analytische (III) und Diminutivsuffixe seltener als andere Diminutivmarker (IV).

4 SUFFIGIERTE DIMINUTIVE IN AUSGEWÄHLTEN SLOWENISCHEN UND DEUTSCHEN TEXTEN

Die ausgewählten deutschen und slowenischen Textbeispiele wurden nach Substantiven mit Diminutivsuffix ausgezählt, die mit einem Basissubstantiv in semantischer Opposition stehen können. Unterschieden wurden die folgenden Textsortenklassen:

Tabelle 2: Textuelle Merkmale in den ausgewählten Textklassen

Textsortenmerkmale	Slowenisch	Deutsch
[-d, -f, -m, -p]	Texte aus der Computer-Zeitschrift <i>Monitor</i>	Texte aus Tagged-T (Cosmas II des IdS Mannheim)
[+d, -f, -m, -p, +ano/-ano]	Plauder-Chat (Maribor)	Plauder-Chats, Beratungs-Chats, Politik-Chats, Seminar-Chats (<i>BalaCK2a</i>)
sim [+d, +f, -m, +p]	Untertitel für Hörgeschädigte (Filmdialog <i>Gremo mi po svoje</i>)	Untertitel für Hörgeschädigte (Filmdialog <i>Hangover, Der Schuh des Manitu</i>)
[+d, -f, +m, +p, -ano]		Telefongespräche (Brons-Albert 1984)
[+d, +f, +m, -p, -ano]		Diskussionen aus dem Freiburger Gesprächskorpus
[+d, +f, +m, +p, -ano]	Kindersprachliche Beiträge in Gesprächen (CS)	
[+d, +f, +m, +p, ano]	kindgerichtete Äußerungen in Gesprächen (CDS)	

Legende: [+d] dialogisch, [-d] monologisch, [+f] Sichtkontakt (face-to-face), [-f] fehlender Sichtkontakt, [+m] mündliches Medium, [-m] graphisches Medium, [+p] privat, [-p] (halb) öffentlich, [+ano] anonym

³ Orešnik (2011: 9) unterscheidet zwischen paralleler und chiasmatischer Zuordnung von Natürlichkeitsskalen. Die parallele Zuordnung ist die grundlegende Verknüpfungsweise von Natürlichkeitsskalen.

Gemäß den Natürlichkeitsskalen (I) – (II) erwarten wir in den nächstsprachlicheren Textklassen [+d, +f, +m] einen höheren Anteil von Diminutivsuffixen als in den distanzsprachlicheren dialogischen Textklassen [+d, -f, +m] oder [+d, -f, -m] oder [+d, +f, -m], am wenigsten Diminutivsuffixe dagegen in den distanzsprachlichsten Textklassen [-d, -f, -m].

4.1 Slowenische Texte

Diminutive sind bekanntlich besonders charakteristisch für Kindersprache (engl. *child speech*, CS) und kindgerichtete Sprache (engl. *child directed speech*, CDS). Diese Präferenz ist nicht selbstverständlich: slowenische oder deutsche Diminutive sind länger als ihre substantivische Basis, phonologisch komplexer als die entsprechenden Simplizia und sie verlangen die Anwendung von Ableitungsregeln. Der frühe Diminutiverwerb wird damit begründet, dass Diminutive den Erwerb anderer grammatischer Kategorien fördern. Die folgenden Erwerbsdaten (aus mehr als 4 Stunden Gesprächszeit) beschränken sich auf Substantive mit Diminutivsuffixen (Petrič 2004, 2007). Hypokoristika sind in der Kindersprache häufig zu beobachten und gelten als Wegbereiter der Diminutivbildungen, letztere werden von Dressler, Barbaresi (1994) sogar als Sonderfall der zuerst genannten aufgefasst.

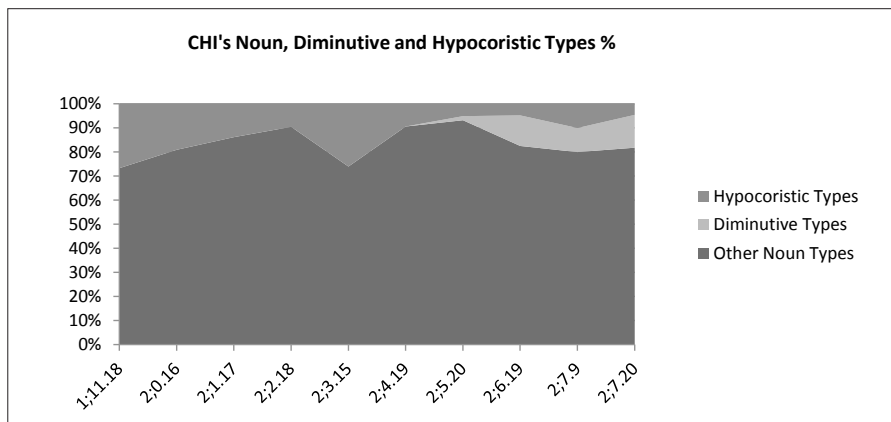

Bild 5: Anteil der Diminutive, Hypokoristika und anderer Substantive in den Gesprächsbeiträgen eines slowenischen Mädchens im Alter von 23 bis 31 Monaten (Petrič 2004, 2007)

Der Anteil der Substantive mit Diminutivsuffix (*Dim%*) und der Anteil der Hypokoristika (*Hypo%*) in den kindersprachlichen und kindgerichteten Ge-

sprächsbeiträgen ist verhältnismäßig größer als in den anderen ausgewählten Texten. Diminutivsuffixe werden in den slowenischen Gesprächstexten oft zur Bildung von Kose- oder Spitznamen verwendet.

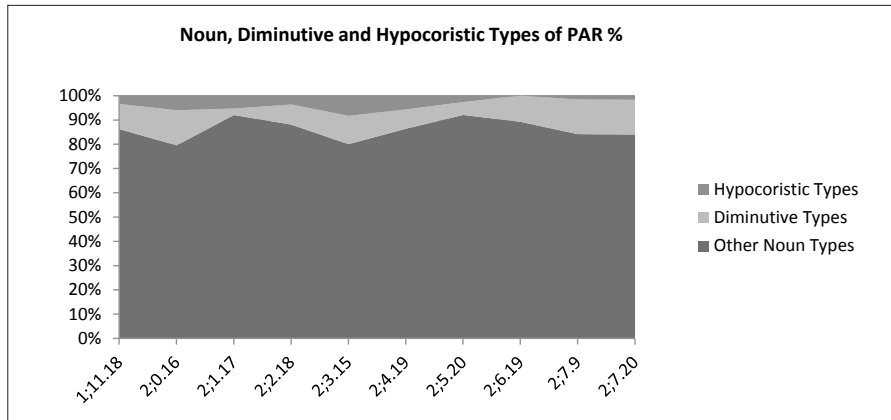

Bild 6: Anteil der Diminutive, Hypocoristika und anderer Substantive in den Gesprächsbeiträgen der slowenischen Eltern eines 23–31 Monate alten slowenischen Mädchens (Petrič 2004, 2007).

Tabelle 3: Substantive mit Diminutivsuffix (*Dim%*) und Hypocoristika (*Hypo%*) in verschiedenen slowenischen Textklassen

	Dim%	Hypo%	Alle Wortformen (100%)
Computer-Zeitschrift <i>Monitor</i>	0,004%	0,000%	5453739
Slowenische Kindersprache (CS)	0,782%	8,189%	4091
Slowenische kindgerichtete Sprache (CDS)	2,178%	1,563%	7484
Plauder-Chat (Maribor)	0,235%	0,726%	55223
Untertitel (<i>Gremo mi po svoje</i>)	0,455%	0,103%	6816

In der Computerzeitschrift *Monitor* mit der Beilage *Sistemi* (2001–2006, Februar) erscheinen Diminutive zur Beschreibung der physikalischen Größe oder auch mit pragmatischen Bedeutungskomponenten (z. B. emotionale Nähe des Verfassers zu technischen Geräten), aber ihr Anteil aller Textwörter ist verschwindend gering. Die Gebrauchsfrequenz von Spitznamen (engl. *nicknames*) mit Diminutivsuffix ist in Chats, insbesondere in Plauder-Chats, höher als die Gebrauchsfrequenz der übrigen Substantive mit Diminutivsuffix. Das hängt damit zusammen, dass die Adressierung des jeweiligen Gesprächspartners in einem Gespräch, an dem sich viele Personen gleichzeitig beteiligen können, notwendig ist.

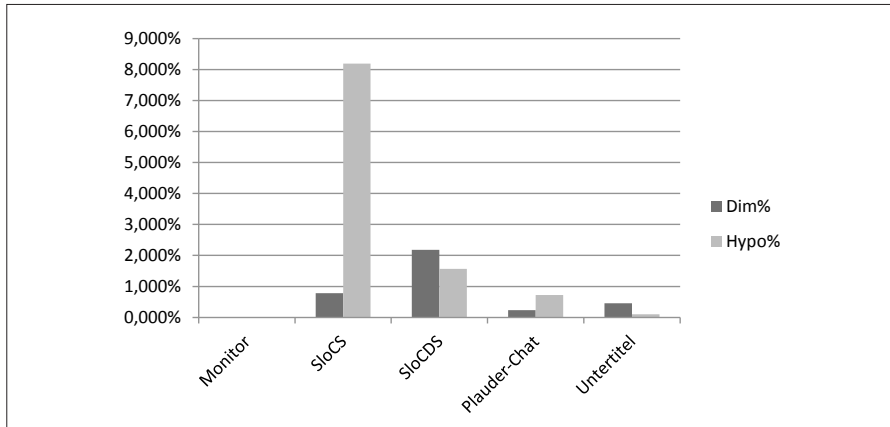

Bild 7: Substantive mit Diminutivsuffix (*Dim%*) und Hypokoristika (*Hypo%*) in verschiedenen slowenischen Textklassen

In den Untertiteln zum Film *Gremo mi po svoje* ist der Anteil der Substantive mit Diminutivsuffix geringer als in den kindersprachlichen und kindgerichteten Beiträgen, aber das Verhältnis zwischen Hypokoristika und Diminutiven ist ähnlich wie in den kindgerichteten Äußerungen. Substantive mit Diminutivsuffix, die im mündlichen Filmdialog vorkamen, wurden auch in den (distanzsprachlicheren) Untertiteln für Hörgeschädigte beibehalten. Der mündliche Filmdialog stellt eine Zusammenstellung von simulierten Gesprächen dar. Im Vergleich zu den kindgerichteten Gesprächsbeiträgen ist er distanzsprachlicher und enthält einen geringeren Anteil von Diminutiven und Hypokoristika.

4.2 Deutsche Texte

Unter den ausgewählten Texte sind die monologischen Texte des *Tagged-T-Korpus* (*Cosmas II*) distanzsprachlicher als die übrigen Texte. Es handelt sich vorwiegend um Zeitungstexte. Der Anteil von Substantiven mit dem Diminutivsuffix *-chen* ist weitaus geringer als in den nächsprachlicheren Texten.

In den mündlichen Diskussionen aus dem Freiburger Gesprächskorpus (Heutiges Deutsch 1971) und den Telefongesprächen (Brons-Albert 1984) ist die relative Gebrauchsfrequenz geringer als in den (schriftlichen) Plauder-Chats und den ausgewählten Untertiteln für Hörgeschädigte. Das mag mit distanzsprachlicheren Kommunikationsbedingungen zusammenhängen, also dem Öffentlichkeitscharakter der Diskussionen bzw. mit dem fehlenden Sichtkon-

takt in den Telefongesprächen. Plauder-Chats haben mit Telefongesprächen fehlenden Sichtkontakt gemeinsam, darüber hinaus wird das distanzsprachlichere schriftliche Medium verwendet. Die relativ hohe Gebrauchsfrequenz von Substantiven mit Diminutivsuffix *-chen* in den Plauder-Chats (0,267%) gegenüber den vorwiegend privaten Telefongesprächen (0,051%) scheint auf den massiven Gebrauch von Hypokoristika zurückführbar zu sein, die mit dem Diminutivsuffix *-chen* gebildet werden. Diese sind in Gesprächen mit mehreren gleichzeitigen Gesprächspartnern bei fehlendem Sichtkontakt zur Partneradressierung notwendig, in einem Telefongespräch mit zwei Gesprächspartnern gewöhnlich nur während der Begrüßungsphase.

Tabelle 4: Anteil deutscher Diminutivbildungen mit dem Suffix *-chen* in verschiedenen Textklassen

Dim (-chen)	Gebrauchsfrequenz %	Alle Wortformen (100%)
Tagged-T	0,001%	10000000 (Zufallsauswahl)
Plauder-Chats	0,267%	45000
Beratungs-Chats	0,004%	45000
Politik-Chats	0,020%	45000
Seminar-Chats	0,024%	45000
Diskussionen	0,057%	28230
Telefongespräche	0,051%	40868
Untertitel zum Film <i>Hangover</i>	0,129%	12390
Untertitel zum Film <i>Der Schuh des Manitu</i>	0,112%	6252

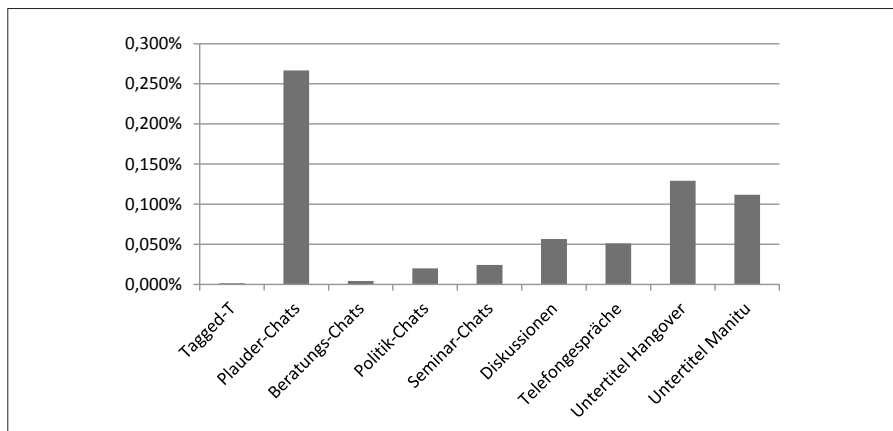
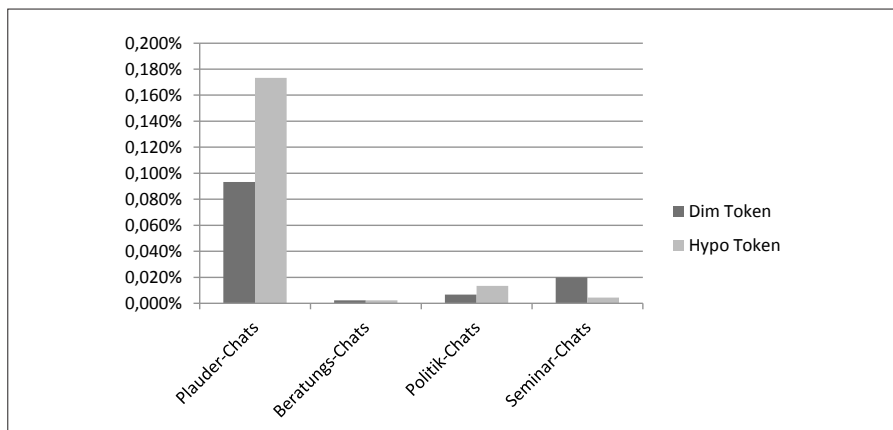

Bild 8: Anteil deutscher Diminutivbildungen mit dem Suffix *-chen* in verschiedenen Textklassen (100% = alle Wortformen in den jeweiligen Texten)

Im Vergleich zu den Plauder-Chats (mit meist anonymen Gesprächspartnern) wirken die Beratungs-, Politik- und Seminar-Chats distanzsprachlicher, was auch an dem relativ geringen Diminutivanteil sichtbar wird. Die deutschen Untertitel für Hörgeschädigte zu den Komödien *The Hangover* und *Der Schuh des Manitu* enthalten so viele Diminutive mit dem Suffix *-chen* wie die mündlichen Filmdialoge, weggelassen wurden nur wenige analytische Intensivierungen.

Tabelle 5: Substantive mit Diminutivsuffix *-chen* im Dortmunder Chatkorpus *BalaCK2a*

Dim (-chen)	Diminutive Gebrauchsfrequenz	Dim%	Hypokoristika Gebrauchsfrequenz	Hypo%	Alle Wortformen
Plauder-Chats	42	0,093%	78	0,173%	45000
Beratungs-Chats	1	0,002%	1	0,002%	45000
Politik-Chats	3	0,007%	6	0,013%	45000
Seminar-Chats	9	0,020%	2	0,004%	45000

Bild 9: Substantive mit Diminutivsuffix *-chen* (Dim) und Nicknames (Hypokoristika) in den Internet-Chats des Dortmunder Chatkorpus *BalaCK2a*

5 SCHLUSS

Im Beitrag wurde die Auffassung vertreten, Diminutive als Subklasse der Intensivierungen einzuordnen und mit Hilfe von zwei Arten von Messskalen zu beschreiben (Q-Skalen zur Zustandsbeschreibung und B-Skalen zu ihrer Bewertung angesichts geltender Normen und Erwartungen). Auf der Grundlage von Natürlichkeitsbewertungen (nähesprachliche Kommunikationsbedingungen sind natürlicher als distanzsprachliche, synthetische Diminutivmarker sind

natürlicher als analytische) wurde die Annahme geprüft, ob substantivische Diminutivsuffixe als prototypische Vertreter der (synthetischen) Diminutivbildungen unter nähesprachlichen Kommunikationsbedingungen häufiger vorkommen als unter distanzsprachlichen und daher ähnlich wie Deiktika als Indikator für verschiedene Grundtextsorten dienen können. In verschiedenen Textklassen im Slowenischen und Deutschen bestätigte sich, dass nähesprachliche Kommunikationsbedingungen die Distribution von Diminutiven maßgeblich fördern und dass synthetische Diminutivmarker selbst unter distanzsprachlicheren Bedingungen (Internet-Chats, Untertitel) bei Dialogizität weitgehend erhalten bleiben. Trotz der Raum- und Zeitbeschränkungen wird dem Leser von Untertiteln oder Chat-Beiträgen die Erschließung evaluativer Bedeutungskomponenten meist nicht einfach überlassen.

LITERATUR

Geert BOOIJ, 2005: *The Grammar of Words. An Introduction to Linguistic Morphology*. Oxford: University Press.

Ruth BRONS-ALBERT, 1984. *Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialoge*. Studien zur deutschen Grammatik 18. Tübingen: Narr.

Chat-Korpus (Maribor): <<http://irc.lc/ircnet/maribor/irctc@@@>>. Zugriff: 26.4.2004.

Cosmas II: <<http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>>. Zugriff: 15.6.2015.

Darko ČUDEN, 2012: Diminution als (potentieller) Ausdruck des Emotionellen im Slowenischen und Deutschen. *Emotionen in Sprache und Kultur*. Hrsg. Janja Polajnar. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Der Schuh des Manitu: DVD, 2001. Herbx Medienproduktion.

Dortmunder Chat-Korpus: <http://www.chatkorpus.tu-dortmund.de/korpora.html> (Zugriff: 15.6.2015).

Wolfgang U. DRESSLER, Livia Merlini BARBARESI, 1994: *Morphopragmatics: Diminutives and Intensifiers in Italian, German and Other Languages*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Gremo mi po svoje: DVD, 2010. Vertigo/Emotionfilm.

Heutiges Deutsch, 1971. Texte gesprochener deutscher Standardsprache II/1. Reihe II: Texte. IDS Mannheim Forschungsstelle Freiburg i. Br. München, Düsseldorf: Hueber, Schwann.

Daniel JURAFSKY, 1996: Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive. *Language* 72/3, 533–578.

Peter KOCH, Wulf OESTERREICHER, 1985: Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte. *Romanistisches Jahrbuch* 36. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 15–43.

Janez OREŠNIK, 2011: *Uvod v naravno skladnjo*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Teodor PETRIČ, 2007. Diminutives and hypocoristics in Slovenian child language: a longitudinal investigation. *8° Congresso Internacional da ISAPL, PUCRS, Porto Alegre – Brasil, 19–23 nov. 2007*. Resumos = Abstracts. Ed. Leonor Sciar-Cabral. Porto Alegre: PUCRS, 2007, 75.

Teodor PETRIČ, 2004. Erstspracherwerb am Beispiel eines slowenischen Kindes – Parallelen im Erwerb des Slowenischen und Deutschen. *Sprache und die modernen Medien. Akten des 37. Linguistischen Kolloquiums in Jena 2002*. Hrsg. Rolf Herwig. Frankfurt: Lang. 537–549.

Klaus P. SCHNEIDER, 2013: The truth about diminutives, and how we can find it: Some theoretical and methodological considerations. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 10/1, 137–151.

Klaus P. SCHNEIDER, 2003: *Diminutives in English*. Tübingen: Niemeyer.

Pavol ŠTEKAUER, Salvador VALERA, Livia KÖRTVÉLYESSY, 2012: *Word-formation in the world's languages: a typological survey*. Cambridge: University Press.

The Hangover: DVD, 2009. Warner Bros.

SUMMARY

On the Proximity – Distance Continuum in Texts Containing Diminutive Nouns

In the first part of our contribution different types of diminutive formation in Slovene and German are described. In Slovene, a strongly inflecting language, a rich inventory of different diminutive suffixes is used for expressing smallness of the referent as well as pragmatic meanings of familiarity, affection and endearment. Slovene children acquire diminutive nouns earlier than other word-formation processes. Standard German is classified as a weakly inflecting language with a rather small inventory of diminutive noun suffixes. Instead of rendering the above mentioned semantic and pragmatic meanings with diminutive suffixes, often times other synthetic encoding types (ie. composition) or analytic constructions (ie. noun phrases with adjective modifier, particle intensifiers ...) are engaged. Diminutives seem to be subsumable as a special kind of intensifiers evaluating a phrase as non-serious, often in combination with the concept of smallness. In the second part of our contribution the assumption is introduced that diminutive suffixes (ie. as the prototype of diminutive formation), occur more frequently under communication circumstances of proximity and that they permit us to use them – in similar fashion to deictic expressions – as indicator of different basic text classes. To put the assumption to the test, different text classes in Slovene and German were queried for nouns containing a diminutive suffix: monological daily news and journal texts, different kinds of internet chats, private phone conversations, subtitles of movie dialogues for hearing impaired persons, public discussions, child speech and child directed speech in smalltalk. In most of the selected text classes the assumption was confirmed.

KATJA PLEMENITAŠ

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru,
Slovenija, Maribor, katja.plemenitas@um.si*

The Affective Aspect of the Formation of Diminutives in Slovene and English

The article treats the affective meaning of diminutives from the perspective of the systemic functional theory of appraisal and cognitive linguistics. It examines the expression of affective meaning in Slovene diminutives and compares it with equivalent and comparable English expressions. The comparison of English and Slovene diminutive formation is evaluated in the context of a universal definition of diminutives. Slovene diminutives with affective meaning and their English equivalents are compared according to the different components of affective meaning.

Članek obravnava afektivni pomen manjšalnic v okviru sistemske-funkcijske jezikoslovne teorije vrednostnega jezika in kognitivnega jezikoslovja. Pri tem se osredotoča na pregled izražanja afektivnega pomena z manjšalnicami v slovenskem jeziku in ga primerja z ustreznici v angleškem jeziku. Primerjava tvorbe manjšalnic v angleščini in slovenščini je postavljena v kontekst univerzalne definicije manjšalnic. Slovenske manjšalnice z afektivnim pomenom in njihove angleške ustreznice so osvetljene z vidika posameznih kategorij afektivnega pomena.

Key words: definition of diminutives, affective diminutives, appraisal, cognitive approach, the Slovene language, the English language

Ključne besede: definicija manjšalnic, afektivne manjšalnice, teorija vrednostnega jezika, kognitivna teorija, slovenski jezik, angleški jezik.

1 INTRODUCTION

The topic of diminutives can be approached at many levels of linguistic description and from different perspectives, e. g. semantic, lexicographic, distributional, word-formational, pragmatic, discourse-analytic, etc. All these different perspectives contribute to the understanding of the form and function of diminutives at different levels of discourse. Diminutives present certain problems for analysis because their main function basically resides at the semantic and pragmatic level and is thus difficult to define objectively.

As noted by other linguists (e.g. Bauer and Huddleston 2002), the problem with the notion of diminutive is that the function and form of diminutives are not easy to define clearly. One problem is the semantic aspect of diminutives, their meaning components, the other is the formal means employed to express the diminutive meaning. Slovene linguists have already provided insightful studies into the nature of diminutives, both in a contrastive context (e.g. Klinar 1996, Sicherl 2012) and within the word-formational typology of Slovene (e.g. Stramljič Breznik 2007). This article addresses the evaluative aspects of the meaning and expression of diminutives. For this purpose it explores the definition of diminutives with regard to their evaluative features and gives an outline of the description and categorization of certain semantic aspects of diminutives in the cognitive linguistic framework.

A contrastive view comparing different languages has the potential of giving greater insight into different components of the function of complex linguistic phenomena such as that of diminutives. A look at diminutives at the level of meaning in typologically very different languages can reveal some of the common basic components of their function and possible culture-specific semantic differences. In this article, the description and attempted categorization of diminutives is placed in the contrastive context of the Slovene language and the English language, which differ considerably in their overall typology.

Diminutives used in English and Slovene differ considerably in the way they are formed, thereby keeping in line with the basic typological characteristics of both languages, that is English as a predominantly analytic language and Slovene as a predominantly synthetic language (e.g. Sicherl 2012). The Slovene language as a Slavic language belongs to the group of languages that use the morphological model of diminutives, which is the prototypical form of diminutives (e.g. Toporišič 2000). The prototypical diminutives in Slovene are thus nouns derived from other nouns by suffixation, which are also labeled as *SYNTHETIC DIMINUTIVES* (Bauer and Huddleston 2002). However, synthetic diminutives as prototypical diminutives are not restricted to Slavic languages. Other than Slavic languages, the languages which are prototypically associated with diminutives as synthetic forms are Latin, southern Romance languages such (e.g. Spanish and Italian), and also some Germanic languages (e.g. Dutch and German). The English language, on the other hand, belongs to languages which are not associated with prototypical diminutives and mainly uses *ANALYTIC DIMINUTIVES*. It should be noted, however, that English also has the potential of using suffixation for the formation of diminutives. In English, suffixation is only one of several different word-formational processes for the formation of diminutives and not the predominant process as in Slovene, but rather restricted in its application.

2 THE FORMATION OF DIMINUTIVES IN ENGLISH AND SLOVENE

As already mentioned above, Slovene diminutives are prototypically formed through synthetic formation, whereas English diminutives are prototypically formed through analytic formation. Slovene diminutives are much more varied in terms of word categories, as they also include diminutive adjectives and verbs as diminutives (Toporišič 2000), whereas the formation of diminutives in English is almost exclusively restricted to nouns (e. g. Plag 2003). The only real example outside of the category of nouns would be the adjectives *comfy*, which combines truncation from comfortable and suffixation with *-y*, and *dinky*, which is a conversion from the noun *dinkey* (a small locomotive) (Klinar 1996: 189).

Although English predominantly uses analytic diminutives, it also has different synthetic processes in its word-formation repertory. A very common derivational process in forming English diminutives is abbreviation with affixation, resulting in derivatives that are highly informal tone and a mode of referring that indicates familiarity and closeness (Quirk et al. 1989). Typically, such formation includes personal names with the suffixes *-y* or *-ie*, sometimes also *-ee*, commonly in combination with clipping or truncation (*Elizabeth – Lizzie; Albert – Bertie, Charles – Charlie, Patricia – Patty, Amanda – Mindy*) (Plag 2003).

Another word-formation process of producing diminutives indicating familiarity and closeness is reduplication (*goody goody, John John, Brinnie Winnie, bow-wow, teeny-weeny*), which is very common in the sphere of baby-parent talk.

As noted in Klinar (1996: 197), English diminutives are also formed through the following word-formational processes:

- prefixation with *micro, mini* (*mini-skirt, micro-chip*);
- compounding with *baby* and *dwarf* (*baby spinach, dwarf tree*);
- suffixation with the following suffixes: *-let* (*book – booklet, king – kinglet*); *-ette* (*kitchen – kitchenette, statue – statuette*); *-ing* (*duck – duckling, goose – gosling*); *-kin*: (*lamb – lambkin, cat – catkin*), *-et* (*baron – baronet*).

With regard to the affixation used in forming English diminutives it has to be noted, however, that none of these processes in English are particularly productive. In Slovene, on the other hand, suffixation in forming diminutives employs a range of feminine and masculine nominal suffixes – with different shades of meaning resulting in different categories of diminutives, for example different nominal masculine, feminine and neuter suffixes (masculine *-c, -ec, -ic, -ič, -ek, -če*; feminine *-ca, -ica, -ka*; neuter *-e, -ce, -ece, iče, -ca, -eca, etc.*)

(Toporišič 2000: 186–187). In English, the most productive word-formation process in what can be considered synthetic diminutive formation combines truncation and adding the suffix *-y* or *-ie* in personal names (Plag 2003: 120). Name truncations are limited in terms of meaning, as they usually add the meaning dimension of familiarity and positive attitude, but not necessarily the feature of literal smallness. In addition to that, many of these diminutives created through suffixation can be considered as technical terms, with very specialized meanings, e.g. *kitchenette* is not just a small kitchen, but a special type of kitchen, *dwarf tree* is a special kind of tree, not just a small tree, *gosling* is the young of a goose, etc.

Does English, then, lack REAL DIMINUTIVES if we compare it to languages of the synthetic group such as Slovene? From the perspective of word-formation, it has to be emphasized that English does have suffixation and that suffixation is also productive, at least in the case of truncated personal names. Although the productivity of suffixed diminutives in English should also include other types, such as diminutives with the suffix *-kin* (Schneider 2003). This is more productive than usually considered, which proves that the formation of suffixed truncated personal names is far from being the only productive process in diminutive suffixation in English.

These differences in the formation of diminutives cross-linguistically suggest that a universal definition of diminutives cannot rely solely on formal aspects, but it has to include their meaning and function. From the perspective of meaning, the answer to the question whether English has real diminutives concerns the definition of what is a diminutive. The following chapter looks at the semantic-cognitive aspects of synthetic and analytic diminutives in both languages and reasserts the thesis that by definition, diminutives express some form of combination of evaluative meaning with smallness.

3 THE COGNITIVE-SEMANTIC ASPECTS OF DIMINUTIVES

Slovene literature mentions several categories of diminutives based on their meaning. Toporišič (2000: 185–186), for example, distinguishes the nominal categories of diminutives expressing smallness (*piskrc*, *možic*, *klopca*, *živalca*), affective diminutives (*bratec*, *deklič*, *sinko*, *sestričica*, *jabolčko*) and pejorative (ironic) diminutives (*člančič*, *profesorček*, *revče*). Klinar (19996: 196) also singles out the technical terms which imply smallness in both languages ((*otroški*) *vrtec* = *majhen vrt*, *kitchenette* = *a small kitchen*) but in a rather idiosyncratic manner.

It can be argued that regardless of their synthetic or analytic formation, real diminutives universally contain an element of evaluative meaning in addition to smallness. Affective diminutives thus primarily evoke the interpersonal meaning of positive emotional attitude, whereas pejorative diminutives primarily evoke the interpersonal meaning of negative judgement and/or negative emotional attitude.

Diminutives as technical terms synchronically thus cannot be considered as real diminutives, but rather as lexicalized versions of real diminutives (cf. Sicherl 2012).

The idea that the definition of diminutives should include evaluative meaning and the meaning of smallness is not new and has long dominated the discussion. Schneider (2003), for example, notes three basic positions about the determining features of the meaning of diminutives which can be distinguished in literature:

- diminutives express SMALLNESS (EXCLUSIVELY),
- diminutives express EVALUATION (EXCLUSIVELY) and
- diminutives express both, SMALLNESS AND EVALUATION.

Taking into account all three positions in terms of diminutive formation in English, we can see that English has the potential of creating diminutives no matter which definition is applied. If the defining feature is smallness, we see that English has the means of creating such diminutives in different ways, with suffixation or analytically (*book* – *booklet*, *house* – *small house*), although English suffixation in this category is less productive. Slovene can also use both suffixation and modifying lexical items for smallness (*kozarček*, *majhna hiša*).

From the perspective of the second position, in which the defining feature of diminutives is evaluation, English has a very productive way of forming diminutives, as we have seen in the case truncated personal names which only add the meaning dimension of familiarity and positive attitude, but not necessarily physical smallness (*John* – *Johnny*). Here Slovene typically uses different kinds of suffixation (*Joža* – *Jožica*).

If we take the most widely accepted third position, in which the defining feature of diminutives is a combination of smallness and evaluation, we see that English here has fewer word-formational options. It compensates for the lack of these options with the use of analytic diminutives, whereby the diminutive component is expressed through an independent lexical morpheme (for example *little*, *wee*, *tiny*, *sweet*, *darling*, *tiny*, *little*). There are many adjectives and nouns which express smallness and/or evaluation in English which can be

used for the formation of diminutives, for example *bantam*, *diminutive*, *small*, *dwarfish*, *Lilliputian*, *little*, *pint-size* (or *pint-sized*), *pocket*, *pocket-size*, *puny*, *pygmy*, *shrimpy*, *slight*, *smallish*, *tiny*, *toylike*, *wee*. These can be combined with adjectives such as *sweet* or *darling* (*darling sweet*, *wee tiny*) for positive affect and adjectives such as *piddling*, *piffling*, *trifling*, *petty* – for negative judgement (*tiddling little*) (cf. Klinar 1996: 201). Slovene typically uses suffixation for the combination of smallness and evaluation (*roka – ročica*), sometimes even combining separate lexical items expressing smallness with suffixation for an intensifying effect (*majhna hišica*). It can be argued that analytical formations in this group are best regarded as fixed phrases or compounds (*little house*), as modifying lexical items are not purely descriptive but also contain evaluation and thus change the meaning of the headword.

According to the third position, which is the most wide-spread (Schneider 2003), real diminutives are those words which by definition combine smallness with evaluation. This automatically excludes technical terms with idiosyncratic meaning. The question remains why the positions of (1) exclusive evaluation or (2) exclusive smallness should give way to a more inclusive definition.

With reference to (1), the name diminutive suggests smallness, so words only expressing positive or negative evaluation without some element of implied smallness cannot be really defined as diminutives. This poses the question of whether formations such as truncations of personal names combined with suffixes *-y* or *-ie* can be regarded as real diminutives, since they express evaluation in terms of familiarity and affect, but not necessarily smallness. It could be claimed, however, that these formations express attitudinal meaning encoding a difference in position according to age and are thus based on the metaphorical extension of smallness. From this perspective, such formations belong to real diminutives. Therefore it can be argued that the definition of diminutives also includes the concept of smallness through metaphorical extension (for example, *to feel small* = to feel unimportant, inferior). This allows the definition of diminutives to include expressions which do not necessarily indicate physical smallness or young age.

With reference to (2), words which express smallness in a neutral way, whether they are formed analytically or synthetically, are not real diminutives as they do not follow regular patterns of diminutive formation. Analytic formations from this group in both languages constitute free formations and cannot be regarded as compounds (*small house*, *majhna hiša*). On the other hand, synthetic formations in this group are rare, as suffixation typically also expresses evaluation. Words expressing smallness with non-evaluative suffixation in both languages typically develop more idiosyncratic meaning and thus seem to be more akin to technical terms (*baron – baronet*, *kozarec – kozarček*).

The definition of diminutives relying on the combination of smallness and evaluation also means that the notion of what a real diminutive is no longer based on the criterion of synthetic vs. analytic formation. This means that analytical diminutives are also real diminutives as long as they combine the meaning of smallness and evaluation. From this perspective English possesses real diminutives the same as any other languages of the synthetic group.

The most prototypical analytic expression of diminutives in English is with the adjective *little*, which typically combines smallness and evaluation. Differences in typical collocations between the adjectives *little* and *small* indicate that the adjective *little* suggests positive feelings of sympathy, whereas *small* is neutral in this respect and does not have positive attitudinal meaning of affect. For example: *He's only a **little** boy. He doesn't know the difference between right and wrong vs. He may be a **small** child but that doesn't excuse his behaviour* (www.bbc.co.uk/worldservice).

For this reason, the adjective *little* can easily form collocations with other adjectives such as *nice, sweet, pretty, poor*. For example: *She's a sweet/pretty little thing.*

The adjective *small*, however, can also have evaluative meaning. According to the dictionary definition (FreeDictionary), the adjective *small* can also include the evaluative meaning of negative judgement, for example, *to feel small/počutiti se majhnega* (humiliated and unimportant) or *a small matter* (unimportant and trivial). These meanings are based on the metaphorical extension of smallness, therefore they can be regarded as real diminutives according to the definition proposed in this article. The definition also applies to formations in which smallness is implied through irony (*Little John*).

It has to be noted that evaluative meaning, which is an important aspect of diminutives, is multifaceted. The following chapter gives a brief outline of the nature of the evaluative aspect of diminutives, using the systemic-functional framework of appraisal.

4 DIMINUTIVES IN THE APPRAISAL FRAMEWORK

In their work on evaluation in language, Martin and White (2005) propose a systematic account of interpersonal components of linguistic meaning with a detailed categorization of evaluative meanings from different perspectives. Their model can thus also be applied in the description of the evaluative component of diminutives. Diminutives with evaluative component based on metaphorical smallness (e. g. pejoratives or familiarity diminutives) present an

alternate framing of the same profile (Croft and Cruse 2004: 18–19). In other words, they have the same conceptual meaning/reference as their non-diminutive variants, but are associated with different evaluative frames.

According to the typology proposed by Martin and White (2005), linguistic evaluative meaning can be broadly divided into the following three categories: affect (emotional attitude), judgment (social esteem or sanction) and appreciation (aesthetic judgments). Each of these categories can be positive or negative. In diminutives, these three categories can be expressed either synthetically or analytically.

If this basic model is applied to the analysis of the evaluative component of diminutives in Slovene and English, we can see that both analytic and synthetic diminutives have the potential of expressing all three basic types of evaluation.

Diminutives thus typically express positive affect, in other words feelings of love and sympathy, which can be further intensified through separate attitudinal lexis, for example *a sweet little kitten/sladka mačica*, *a darling wee baby/ljubki otročiček*. It can be speculated that the positive affect of such diminutives has universal roots in positive parental feelings towards small babies. For the expression of positive affect in diminutives, English mainly uses separate attitudinal lexis, whereas Slovene uses general diminutive suffixation, possibly combined with positive attitudinal lexis.

In the case of diminutives with pejorative meaning, the evaluative component typically expresses judgment in terms of importance, competence or ethics, for example *tiddling little writer/pisarček*, *piffing little lecturers and research assistants/lektorčki in asistentki*, *professorling/profesorček*. In such examples, judgment is based on the metaphorical extension of physical smallness. It should also be noted that judgment can veer into negative affect. For the expression of negative judgment, English uses specialized attitudinal lexis, and also some specialized suffixation (e.g. *-ling*), which, however, is not particularly productive. Slovene again uses general diminutive suffixation, possibly combined with pejorative attitudinal lexis (*neumni Slovenček*).

Diminutives also typically express positive or negative appreciation (in other words positive or negative judgment of esthetic/sensory qualities) for example *a sweet little photo/ljubka sličica*, *a nice little soup/fina juhica*, *trifling novel/romanček*. The formal means for expressing positive and negative appreciation in English and Slovene are similar to those used for positive affect and negative judgment, respectively.

5 CONCLUSION

The comparison of diminutives in languages as different as English and Slovene can give greater insight into the multifaceted nature of meaning and the complexities of forms that contribute to expressing diminutive meanings in different languages. Cross-linguistic observations of diminutives indicate that their definition should be based on function rather than form. Bearing this in mind, we can create more adequate definitions of the defining features of diminutives. A more detailed study of the affective and evaluative component of diminutives from the cognitive-semantic perspective can further increase the understanding of the nature of diminutive form and function cross-linguistically.

BIBLIOGRAPHY

- Lauri BAUER and Rodney HUDDLESTON, 2002: Lexical word-formation. *The Cambridge Grammar of the English language*. Eds. Rodney Huddleston and Geoffrey K. Pullum. Cambridge: Cambridge University Press. 1621–721.
- BBC World Service: <<http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/grammar/learnit/learnitv339.shtml>>. Last accessed July 27, 2015.
- William Cruse CROFT and D. Alan CRUSE, 2004: *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stanko KLINAR, 1996: Prevajanje slovenskih manjšalnic. *Prispevki k tehniki prevajanja iz slovenščine v angleščino: teorija in praksa slovensko-angleške kontrastive analize*. Ed. Stanko Klinar. Ljubljana: Didakta. 194–213.
- James R. MARTIN and Peter R. R. WHITE, 2005: *The language of evaluation: appraisal in English*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Ingo PLAG, 2003: *Word-Formation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eva SICHERL, 2012: Slovene Nominal Diminutives and their English Equivalents: A Comparison. *ELOPE* 9, 53–63.
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2007: *Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in v SSKJ*. Maribor: Filozofska fakulteta UM. (Zora, 57).
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
- Randolph QUIRK, Sidney GREENBAUM, Geoffrey LEECH and Jan SVARTVIK, 1989: *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London and New York: Longman.
- The Free Dictionary*: <<http://www.thefreedictionary.com>>. Last accessed July 28 2015.

POVZETEK

Manjšalnice v angleščini in slovenščini z vidika afektivnosti

Članek obravnava afektivni pomen manjšalnic v okviru sistemsko-funkcijske jezikoslovne teorije vrednostnega jezika in kognitivnega jezikoslovja. Pri tem ovrednoti različna stališča do med-jezikovne definicije manjšalnic glede na njihove semantične komponente. Primerjava tvorbe manjšalnic v angleščini in slovenščini je postavljena v kontekst univerzalne definicije manjšalnic. Članek se pri tem osredotoča na pregled izražanja afektivnega pomena z manjšalnicami v slovenskem jeziku in ga primerja z ustreznici v angleškem jeziku. Slovenske manjšalnice z afektivnim pomenom in njihove angleške manjšalniške ustreznice so osvetljene z vidika posameznih kategorij afektivnega pomena, kot so pozitivna čustvena komponenta, negativna ocenjevalna komponenta in pozitivna in negativna estetsko-ocenjevalna komponenta. Izpeljana je trditev, da najbolj ustrezna definicija manjšalnic vsebuje element majhnosti in afektivnega pomena.

SIMONA PULKO, MELITA ZEMLJAK JONTES

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
simona.pulko@um.si, melita.zemljak@um.si*

O Nežiki, Gumici, pesmici – ljubkovalno, slabšalno ali kako drugače?

Prispevek osvetljuje rabo samostalniških manjšalnic v izbranih mladinskih delih beril za višje razrede osnovne šole in jezikoslovno analizo ter pomensko izraženost manjšalnosti. Ob tem so opazovane različne funkcije manjšalnic v analiziranih besedilih (mladič, nedoraslo, manjšalnost, ljubkovalnost, slabšalnost). Rezultati analize predstavljajo izhodišče za obravnavo manjšalnic v šolski praksi, upoštevaje umeščenost manjšalnic v učne načrte in obravnavo manjšalnic v učbeniških gradivih, na drugi strani pa pomensko primerjavo s slovarskimi priročniki slovenskega jezika in pogostnost njihove rabe s pomočjo korpusa *Gigafida*. Primerjava kaže, da raba manjšalnic presega cilje, vezane na obravnavo manjšalnic v osnovni šoli.

The paper highlights the use of nominal diminutives in selected youth literary texts in the readings for the higher grades of Slovenian primary school and linguistic analysis and semantic expressions of the diminutive use. The analyzed texts show different functions of diminutives (a cub, an immature creature, the properties of diminutiveness, caress, being pejorative). The results of the analysis are a starting point for addressing diminutives in school practice, taking into account the placement of diminutives in curricula and dealing with diminutives in textbooks, and on the other hand also lexical comparison of diminutives with manuals of Slovenian language and the frequency of their use with the help of the *Gigafida* corpus. The analysis presents the fact that the use of diminutives exceeds the goals related to the treatment of diminutives in primary school.

Ključne besede: samostalniške manjšalnice, slovenski jezik, osnovna šola, mladinska literarna besedila, morfemska in pomenska izraženost manjšalnosti

Key words: nominal diminutives, Slovenian language, primary school, youth literary texts, morphemic and semantic expression of the diminutive use

1 UVOD

Prispevek osvetljuje rabo samostalniških manjšalnic v izbranih mladinskih delih beril za višje razrede osnovne šole in jezikoslovno analizo ter pomensko izraženost manjšalnosti. Ob tem so opazovane različne funkcije manjšalnic v

analiziranih besedilih, in sicer kot mladič, nedoraslo, kot manjšalnost, ljubkovalnost in slabšalnost. Rezultati analize predstavljajo izhodišče za obravnavo manjšalnic v šolski praksi, pri čemer je v prispevku upoštevana umeščenost manjšalnic v učne načrte in obravnava manjšalnic v učbeniških gradivih, na drugi strani pa tudi pomenska primerjava s slovarskimi priročniki slovenskega jezika in pogostnost njihove rabe s pomočjo korpusa *Gigafida*. Prispevek prikazuje, ali raba manjšalnic zgolj uresničuje ali tudi presega cilje, vezane na obravnavo manjšalnic v osnovni šoli.

Prispevek predstavlja teoretično opredelitev manjšalnic kot termina (manjšalnica oz. pomanjševalnica), prikaz manjšalniških obrazil, kot so zavedena v *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000), primere manjšalnic iz izbranih besedil (berila tretjega triletja osnovne šole, in sicer v besedilih s priporočilnega seznama učnega načrta (2011) za slovenščino), tj. sinhrono (obrazilno) ter pomensko kategorizirano. Prispevek prikazuje pomene in pomensko primerjavo manjšalnic v različnih slovarskih priročnikih slovenskega jezika (*SSKJ*, *SP*), in sicer s pomočjo spletišča *Fran*, pogostnost njihove rabe pa je izkazana s pregledom pojavitev v korpusu *Gigafida*.

2 TERMINOLOGIJA MANJŠALNOSTI V NORMATIVNIH PRIROČNIKIH SLOVENSKEGA JEZIKA¹

Manjšalnica je v slovenskem jezikoslovju definirana različno, za pričujoči prispevek bodo predstavljene definicije zgolj v normativnih priročnikih slovenskega jezika: *Slovenska slovnica* (Toporišič 2000), *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (*SSKJ* 2000), *Slovenski pravopis* (2001 (2010)) ter *Enciklopedija slovenskega jezika* (1992).

V temeljnem normativnem priročniku, tj. *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000), je v stvarnem kazalu moč najti naslednje termine, ki se nanašajo na manjšalnice: *manjšalni glagol*, *manjšalno*, *manjšalnodovršno glagolsko dejanje*, *manjšalno-ljubkovalni glagol*, *pridevnik*, *manjšalno-slabšalni glagol* ter *manjšalnostni pridevnik* (Toporišič 2000: 876–877). Vsi termini, razen *manjšalnodovršno glagolsko dejanje*, ki manjšalnost predstavlja z oblikoslovnega vidika, se nanašajo na tvorbo besed in so vključeni v poglavje Besedotvorje. V *Slovenski slovnici* termina *pomanjševalnica* in iz njega tvorjenih oblik besede ni zaslediti.

---

¹ Gl. še poglavje 2.2 v Zemljak Jontes, Haramija (2015: 629–631).

V *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000: 185–186) so po spolu (moški, ženski srednji spol) zavedena obrazila za pomenske skupine manjšalnic:

- mladič, nedoraslo: *-(án)ec, ič, -ek, -ček, -è* (m. sp.); *-ical/-ica* (ž. sp.); *-è/(-e)* (s. sp.);
- manjšalno: *-c, -ec, -íc, -ič/-ič, -ek/-èk, -ček* (m. sp.); *-ca, -ica, -ka* (ž. sp.); *-ce, -ece, -iče, -ca, -eca* (s. sp.);
- ljubkovalnomanjšalno: *-c, -ec, -ič/-ič, -(č)e, -í, -ek, -ček, -(i)ek, -ín, -ko* (m. sp.); *-ca, -ical/-ica, -(i)ica, -ka, -i* (ž. sp.); *-è, -ce, -ece, -če, -ko, -ica* (s. sp.);
- slabšalnomanjšalno: *-ič, -ek, -ček* (m. sp.); *-ica* (ž. sp.); *-(č)e* (s. sp.).

V *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (2000) je zapisan termin *manjšálnica* in opredeljen kot »lingv. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti manjšalnice/rad govori v manjšalnicah«, najti pa je moč tudi termin *pomanjševalnica*, opredeljen kot »lingv. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti pomanjševalnice/rad uporablja pomanjševalnice«.

V *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*² (*SSKJ*²) sta zapisana oba termina, torej *manjšálnica* kot »jezikosl. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti manjšalnice/rad govori v manjšalnicah« ter *pomanjševalnica* kot »jezikosl. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti pomanjševalnice/rad uporablja pomanjševalnice«.

Tudi *Slovenski pravopis* (2001 (2010)) navaja oba termina, tj. *manjšálnica* kot »tvoriti ~e; ~ avtomobilček« in *pomanjševalnica*, slednjega le označi s kvalifikatorjem jezikosl.

V *Enciklopediji slovenskega jezika* so zapisani termini *manjšalka* (ki se pojmovno nanaša na termin manjšálnica), *manjšalna priponska obrazila* in *manjšálnica*. Slednja je opredeljena kot (Toporišič 1992: 100) »/t/vorjenka, zlasti samostalniška, ki s priponskim obrazilom izraža manjšo mero značilnosti podstave, npr. *hiška* 'majhna hiša', *stopicati* 'drobno stopati', *drobcen* 'prav droben' nasproti *hiša, stopati, droben*. – Sopom. deminutív.«

Razlika v pogostnosti rabe terminov *manjšálnica* in *pomanjševalnica* v korpusu *Gigafida* je več kot očitna in pravzaprav nepričakovana. Korpus *Gigafida* s 314 konkordancami oz. pojavitvami izkazuje pogostejšo rabo izraza *pomanjševalnica*, uradni v *Slovenski slovnici* (2000: 185, 204, 225, 353, 876, 877) normativiziran termin *manjšálnica* (in njegove besednodružinske tvorjenke *manjšalno, manjšálnost, manjšanje*) pa je rabljen redkeje, le s 101 konkordanco. Tudi pregled virov ter čas rabe kažeta na pogostejšo rabo termina *pomanjševalnica*; različnih virov za termin *manjšálnica* je le 9, za izraz *pomanjševalnica* pa kar 20, od tega je 9 primerov, v katerih se pojavlja prvi termin, sicer skupnih, vendar je *pomanjševalnica* rabljena daleč pogostejše. Časovna

porazdelitev po letih od 1993 do 2011 kaže, da raba termina *manjšalnica* pada, raba izraza *pomanjševalnica* pa narašča v letih 2006 in 2007, sicer pa je moč zaznati relativno ustaljenost.

3 OBRAVNAVA MANJŠALNIC V UČBENIŠKIH GRADIVIH

V analizo so bila zajeta berila tretjega triletja osnovne šole, in sicer so bila upoštevana besedila, ki so na priporočilnem seznamu učnega načrta (UN 2011) za slovenščino (za vsak razred so z učnim načrtom namreč določena tri kanonska besedila, sicer pa so besedila le predlagana, tj. po izboru avtorjev).

Skupno je bilo analiziranih 163 besedil, v katerih najdemo 377 manjšalnic, razmerje po posameznih razredih pa je naslednje:

- v 7. razredu je bilo v analiziranih 61 besedil; v teh se pojavlja 158 manjšalnic;
- v 8. razredu je bilo v analiziranih 54 besedil, v teh se pojavlja 117 manjšalnic;
- v 9. razredu je bilo analiziranih 48 besedil, v teh najdemo 102 manjšalnici.

Besedil, v katerih ni zaslediti manjšalnic, je v 7. razredu 14, v 8. razredu 15 in v 9. razredu 20. Manjšalnice se pojavljajo v samih literarnih besedilih, zastopnost v didaktičnem instrumentariju je redka.

Analiza zajema vse manjšalnice, ki se pojavljajo v berilu za 7. razred, zaradi obsežnosti gradiva pa je bil pri analizi manjšalnic, ki se pojavljajo v besedilih za 8. in 9. razred, narejen izbor, prikazana je zgolj analiza posebnosti.

4 UMEŠČENOST MANJŠALNIC V UČNI NAČRT ZA SLOVENŠČINO

Ob analizi učnega načrta je bilo ugotovljeno, da je ciljev, ki bi eksplicitno narekovali obravnavo manjšalnic, zelo malo. Najdemo namreč enega samega, in sicer med cilji za jezikovni pouk v prvem triletju v okviru razvijanja jezikovne in slogovne zmožnosti ter zmožnosti nebesednega sporazumevanja (za izboljšanje sporazumevalne zmožnosti):

Ob zgledu tvorijo manjšalnice/ljubkovalnice (UN 2011: 10).

5 FUNKCIJE MANJŠALNIC V UČBENIŠKIH GRADIVIH ZA POUK KNJIŽEVNOSTI

Manjšalnice v analiziranih besedilih so pregledane glede na funkcije, ki so teoretično predstavljene v *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000: 185–186), in sicer: 1. mladič, nedoraslo; 2. manjšalnost; 3. ljubkovalna manjšalnost; 4. slabšalna manjšalnost; dodane so posebnosti.

5.1 Mladič, nedoraslo²

Za izražanje pomena, kot ga prinaša mladič oz. nedoraslo, je bilo v gradivu moč najti dve obrazili moškega (*-ek, -ko*), dve obrazili ženskega (*-ica, -ka*) in eno obrazilo srednjega (*-ce*) spola.

5.1.1 Primeri manjšalnic iz analiziranih besedil glede na spol in obrazilo

Preglednica 1: Manjšalnice s pomensko razlago mladič, nedoraslo.

Obrazilo	Spol	Manjšalnice
<i>-ek</i>	m	<i>zajček</i>
<i>-ko</i>		<i>Jernejko</i>
<i>-ica</i>	ž	<i>deklica</i>
<i>-ka</i>		<i>Katka, mucka, punčka</i>
<i>-ce</i>	s	<i>drevesce</i>

² V preglednicah so po abecednem redu glede na posamezni spol v prvem stolpcu zapisana obrazila, v drugem stolpcu je zapisan spol po ustaljenem slovarkem zaporedju (m 'moški spol', ž 'ženski spol', s 'srednji spol'), v tretjem stolpcu pa so zapisane manjšalnice, izpisane iz beril, zajetih v analizo. Manjšalnice so razvrščene po abecednem vrstnem redu, zapisane so v imenovalniški obliki. Ne glede na to, ali je bilo v izbranem gradivu zaznati več ponovitev iste manjšalnice z isto funkcijo (oz. z istim pomenom), je v preglednici tovrstna manjšalnica zapisana le enkrat.

5.1.2 Zastopanost manjšalnic iz analiziranih besedil v SSKJ, SP in *Gigafidi*³

Moški spol

Zájček -čka m (â); *manjšalnica od zajec (SSKJ)*. Zájček -čka m živ. (â) manjš. (SP). 8215 (*Gigafida*).

Jernejko / (SSKJ). / (SP). 64 (*Gigafida*).

Ženski spol

Déklica -e ž (é); *oseba ženskega spola do pubertete (SSKJ)*. Déklica -e ž, člov. (é), (SP). 80143 (*Gigafida*).

Katka / (SSKJ). / (SP). / (*Gigafida*).

Múcek -cka m živ. (û) manjš.; ljubk.; múcka -e ž (û) ljubk. *mačka (SSKJ)*. Múcka -e ž (û) manjš.; ljubk. |mačka|, (SP). 2405 (*Gigafida*).

Púnčka -e ž (û); *deklica, zlasti predšolska (SSKJ)*. Púnčka -e ž, člov. (û), (SP). 13751 (*Gigafida*).

Srednji spol

Drevésce -a s (ê) *manjšalnica od drevo (SSKJ)*. Drevésce -a s (ê) manjš. (SP). 3392 (*Gigafida*).

Pogosto rabljene manjšalnice, kot jih izkazuje korpus *Gigafida*, so *zajček*, *mucka*, *punčka*, tudi *drevesce*, prvi dve tudi v slovarjih izkazani s kvalifikatorjem, *punčka* pa s pomensko razlago, ki nakazuje manjšalnost. *Jernejko* je manjšalnica, nakazana le z redko rabo v *Gigafidi*, medtem ko manjšalnica (ali krajšava daljše različice ženskega imena) *Katka* ni zapisana niti v slovarjih niti v korpusu *Gigafida* (niti med 200 najpogostejšimi imeni v Sloveniji (STAT. si)). Za srednji spol je bilo v gradivu najti en sam primer, kar kaže na majhno rabo manjšalnic srednjega spola.

5.2 Manjšalno

Za izražanje pomena, kot ga prinaša gola manjšalnost, je bilo v gradivu moč najti pet obrazil moškega (-c, -ec, -ek, -ič, -ko), tri obrazila ženskega (-ca, -ica, -ika/-ka) in eno obrazilo srednjega (-ce) spola.

---

³ Manjšalnice so zaradi večje preglednosti zapisane po abecednem vrstnem redu znotraj istega obrazila, kot so zapisane tudi v preglednicah (in ne v celoti po abecednem redu).

5.2.1 Primeri manjšalnic iz analiziranih besedil glede na spol in obrazilo

Preglednica 2: Manjšalnice s pomensko razlago manjšalno.

Obrazilo	Spol	Primeri
-c		<i>vetrc</i>
-ec		<i>kipec, vrtec</i>
-ek	m	<i>bobnarček, klobuček, kolaček, listek, zajček⁴</i>
-ič		<i>konjič, oslič, pobič, vršič</i>
-ko		<i>dečko, Jernejko⁵</i>
-ca		<i>klopca</i>
-ica	ž	<i>besedica, kamrica, kapljica, kobilica, lipica, mamica, pesmica, ptičica, rebulica, Rečica, ročica, rožica, sabljica, senčica, suknjica, škatlica, torbica, tratica, ubožica, všeničica/pšeničica</i>
-ika/-ka		<i>punčka⁶</i>
-ce	s	<i>vince</i>

5.2.2 Zastopanost manjšalnic iz analiziranih besedil v SSKJ, SP in Gigafidi

Moški spol

Vétrc -a m (ê) *manjšalnica od veter (SSKJ)*. Vétrc -a m z -em poj. (ë) manjš. (SP). 740 (*Gigafida*).

Kípec -pca m (í) *manjšalnica od kip (SSKJ)*. Kípec -pca m s -em (î) manjš. (SP). 8455 (*Gigafida*).

Vrtec -tca m (ř) *ekspr. manjšalnica od vrt (SSKJ)*. Vrtec -tca m z -em (ř) manjš. (SP). 105823 (*Gigafida*).

Bobnarček / (SSKJ). / (SP). 14 (*Gigafida*).

Klobúček -čka m (ū) *manjšalnica od klobuk (SSKJ)*. Klobúček -čka m (ú) manjš. (SP). 1914 (*Gigafida*).

⁴ Primer manjšalnice *zajček* je zapisan že pri pomenu mladič, nedoraslo, lahko pa izraža tudi le manjšalnost, zato je zapisan v obeh pomenskih skupinah manjšalnic.

⁵ Primer manjšalnice *Jernejko* je zapisan že pri pomenu mladič, nedoraslo, lahko pa izraža tudi le manjšalnost, zato je zapisan v obeh pomenskih skupinah manjšalnic.

⁶ Kot primera ženskospolskih obrazil *-ica* in *-ika* se v gradivu pojavita tudi *Gumica* in *Nežika*, ki sva ju avtorici prispevka zaradi aktualnosti v besedilih (slengovsko oz. narečno poimenovanje oseb) uporabili v samem naslovu prispevka, v osrednjem delu pa ju zaradi obsežnosti gradiva analiza ne vključuje, saj ne gre za primera, ki bi ju našli v berilih za 7. razred osnovne šole.

Koláček -čka m (á) *manjšalnica od kolač (SSKJ)*. Koláček -čka m (á) manjš. (SP). 1699 (*Gigafida*).

Lístek -tka m (î) *manjšalnica od list (SSKJ)*. Lístek -tka m (î) manjš. (SP). 12400 (*Gigafida*).

Konjič -íča m (î i) nav. ekspr. *manjšalnica od konj (SSKJ)*. Konjič -íča m s -em živ. (î i) manjš. (SP). 1589 (*Gigafida*).

Oslíč -íča m (î i) star. *osel, osliček (SSKJ)*. Oslíč -íča m z -em živ. (î i) star. *osel, osliček (SP)*. 1012 (*Gigafida*).

Póbič -a m (ô) pog. *fantek, fantič (SSKJ)*. Póbič -a m s -em člov. (ô) manjš.; knj. pog. *fantek, fantič (SP)*. 570 (*Gigafida*).

Vršič -íča m (î i) *vršiček (SSKJ)*. Vršič -íča m z -em (î i) redk. drevesni ~ *vršiček (SP)*. 163 'Vršič' (*Gigafida*).

Déčko -a m (ê) ekspr. *deček (SSKJ)*. Déčko -a, °-ta m, člov. (ê) poud. (SP). 2247 (*Gigafida*).

Ženski spol

Klópca in klópica -e ž (ô; ô) *manjšalnica od klop (SSKJ)*. Klópca -e ž, rod. mn. tudi klópica (ô) manjš. (SP). Klopca 3368 (*Gigafida*).

Besédica -e ž (ê) nav. ekspr. *manjšalnica od beseda (SSKJ)*. Besédica -e ž (ê) manjš.; poud. |beseda| (SP). 5926 (*Gigafida*).

Kámrica -e ž (â) nav. ekspr. *manjšalnica od kamra (SSKJ)*. Kámrica -e ž (â) manjš. (SP). 623 (*Gigafida*).

Kápljica -e ž (á) *manjšalnica od kaplja (SSKJ)*. Kápljica -e ž (á) manjš. (SP). 26611 (*Gigafida*).

Kobílica -e ž (î) nav. ekspr. *manjšalnica od kobila (SSKJ)*. Kobílica -e ž (î) manjš. ljubk. (SP). 5318 (*Gigafida*).

Lípica -e ž (î) nav. ekspr. *manjšalnica od lipa (SSKJ)*. Lípica -e ž (î) manjš. (SP). 13546 (*Gigafida*).

Mámica -e ž (ã) ljubk. *mama, mati (SSKJ)*. Mámica -e ž, člov. (á; â) manjš.; ljubk. (SP). 31711 (*Gigafida*).

Pésmica -e ž (ê) nav. ekspr. *manjšalnica od pesem (SSKJ)*. Pésmica -e ž (ê) manjš. (SP). 8481 (*Gigafida*). 8481 (*Gigafida*).

Ptíček -čka m živ. (î) manjš., ptíčka -e ž (î) manjš., ptíčica -e ž (î; î) manjš. (SSKJ). Ptíčica -e ž (î) *manjšalnica od ptica (SP)*. 622 (*Gigafida*).

Rebulica / (SSKJ). / (SP). 3 (*Gigafida*).

Réčica tudi rečica -e ž (é; î) *manjšalnica od reka (SSKJ)*. Réčica -e tudi rečica -e ž (é; î) manjš. (SP). 11052 (*Gigafida*).

Ročica -e ž (i) *manjšalnica od roka* (SSKJ). Ročica -e ž (i) manjš. (SP). 16681 (*Gigafida*).

Róžica -e ž (ô) *manjšalnica od roža* (SSKJ). Róžica -e ž (ô) manjš. (SP). 10505 (*Gigafida*).

Sábljica -e ž (â) nav. ekspr. *manjšalnica od sablja* (SSKJ). Sábljica -e ž (â) manjš.; ljubk. |sablja| (SP). 148 (*Gigafida*).

Sénčica -e ž (ê) ekspr. *manjšalnica od senca* (SSKJ). Sénčica -e ž (ê) manjš. (SP). 210 (*Gigafida*).

Súk njica -e ž (û) star. *suknjič* (SSKJ). Súk njica -e ž (û) manjš.; star. *suknjič* (SP). 60 (*Gigafida*).

Škátlica -e ž (â) *manjšalnica od škatla* (SSKJ). Škátlica -e ž (â) manjš. (SP). 8953 (*Gigafida*).

Tórbica -e ž (ô) *manjšalnica od torba* (SSKJ). Tórbica -e ž (ô) manjš. (SP). 28315 (*Gigafida*).

Trática -e ž (â) *manjšalnica od trata, trava* (SSKJ). Trática -e ž (â) manjš. (SP). 60 (*Gigafida*).

Ubóžec -žca m z -em člov. (ô) poud., ubóžica -e ž, člov. (ô) (SSKJ). Ubóžica -e ž (ô) ekspr. *usmiljenja, pomilovanja vredna ženska* (SP). 370 (*Gigafida*).

Všeničica / (SSKJ). / (SP). / (*Gigafida*).⁷ in Pšeničica -e ž (i) ekspr. *manjšalnica od pšenica* (SSKJ). Pšeničica -e ž, snov. (i) manjš. (SP). 5 (*Gigafida*).

Srednji spol

Vince -a s (î) ekspr. *manjšalnica od vino* (SSKJ). Vince -a s, snov. (î; î) manjš. (SP). 1122 (*Gigafida*).

Največ različnega izrazja je v zbranem gradivu povezanega s samo manjšalnostjo. Med najpogostejšimi manjšalnicami moškega spola sta *vrtec* in *listek*, prvi predvsem po zaslugi dvopomenskosti besede, a le z enim pomenom manjšalnosti ('majhen vrt', 'ustanova za varstvo in vzgojo predšolskih otrok'). Med ženskospolskimi manjšalnicami so po rezultatih korpusa *Gigafida* najpogosteje rabljene *torbica*, *kapljica*, *ročica*, *lipica*, *ročica*, v slovarskem gradivu so vse tudi označene kot manjšalnice. Izpostaviti je treba le, da pogosto rabo *ročice* zvišuje dvopomenskost ('manjšalnica od roka', 'prestava v avtomobilu'), *lipice* pa tudi lastnoimenska raba turističnega kraja (*Lipica*). Za srednji spol je bilo v gradivu najti en sam primer, kar ponovno kaže na majhno rabo manjšalnic srednjega spola.

---

⁷ O narečnem v manjšalnicah gl. M. Koletnik (2015: 450–464), M. Jesenšek (2015: 439–449), o manjšalnicah v starejših normativnih besedilih, tj. slovarjih, pa I. Stramljič Breznik (2008: 56–68).

5.3 Ljubkovalnomanjšalno

Za izražanje pomena, kot ga prinaša ljubkovalna manjšalnost, je bilo v gradivu moč najti eno obrazilo moškega (-*ek*), dve obrazili ženskega (-*ca/-ica*, -*ka*) in eno obrazilo srednjega (-*ce*) spola.

5.3.1 Primeri manjšalnic iz analiziranih besedil glede na spol in obrazilo

Preglednica 3: Manjšalnice s pomensko razlago ljubkovalnomanjšalno.

Obrazilo	Spol	Primeri
- <i>ek</i>	m	<i>fantek, golobek, Kosobrinček, košček, kužek, sivček, srček</i>
- <i>ca/-ica</i>	ž	<i>glavca/glavica; kobilica, mamica</i> ⁸
- <i>ka</i>		<i>Katka</i> , ⁹ <i>mucka</i>
- <i>ce</i>	s	<i>srčece</i>

5.3.2 Zastopanost manjšalnic iz analiziranih besedil v *SSKJ*, *SP* in *Gigafidi*

Moški spol

Fántek -tka m (â) deček, zlasti predšolski (*SSKJ*), ekspr. droben, majhen fant (*SSKJ*).
Fántek -tka m, člov. (â) manjš.; ljubk.; šalj. (*SP*). 8421 (*Gigafida*).

Golobek / (*SSKJ*). / (*SP*). 7 (*Gigafida*).

⁸ Zastopanost manjšalnic *kapica, kobilica, mamica* je s slovarskim gradivom in s pojavnostjo v *Gigafidi* prikazana že v poglavju s funkcijo manjšalnosti, razlika se kaže le v tem, da v izkazanih besedilih lahko izražajo tudi ljubkovalno manjšalnost.

V gradivu za 8. in 9. razred je bilo najti tudi primere manjšalnic pravljličnih oseb (npr. *Sneguljčica, Trnuljčica, Peteršiljčica* pa tudi sicer oseb ženskega spola, kot sta *Alenčica, Franica*). Nobena izmed pravljličnih oseb ni zapisana v *SSKJ*, v *SP* so zapisane le kot pravljlične osebe, manjšalnosti ni razbrati, ne glede na to, da jo izkazujejo manjšalna obrazila, iz česar je moč sklepati, da sama pravljličnost prekrije (morda prvotno izražen) pomen manjšalnosti ali pa ga v celoti nadomešča. V *Gigafidi* se pravljlična poimenovanja (razen *Peteršiljčica*) pojavljajo pomensko vezana na pravljličnost. Zaradi neumeščenosti lastnih imen v *SSKJ* besed *Alenčica* in *Franica* v slovarju ni najti, sta pa zapisani v *SP*, vendar opredeljeni le s kvalifikatorjem *oseb. i*. V korpusu *Gigafida* se sicer pojavljata, a redko, besedi pa morda nakazujeta narečno in/ali tudi manjšalno rabo.

⁹ Zastopanost manjšalnice *Katka* je s slovarskim gradivom in s pojavnostjo v *Gigafidi* prikazana že v poglavju s funkcijo mladič, nedoraslo, razlika se kaže le v tem, da v izkazanih besedilih lahko izražajo tudi ljubkovalno manjšalnost.

Kosobrinček / (SSKJ). / (SP). 9 (*Gigafida*).

Kóšček -čka m (ó) manjšalnica od kos(ec), (SSKJ). Kóšček -čka m (ó) manjš. (SP). 34524 (*Gigafida*).

Kúžek -žka m (û) manjšalnica od kuža (SSKJ). Kúžek -žka m živ. (û) manjš.; ljubk. (SP). 6977 (*Gigafida*).

Sívček -čka m (î) ekspr. siva žival, navadno osel (SSKJ). Sívček -čka m živ. (î) manjš.; ljubk. |siv osel (SP). 403 (*Gigafida*).

Sřček -čka m (ř) manjšalnica od srce (SSKJ). Sřček -čka m (ř) manjš., ljubk. (SP). 5763 (*Gigafida*).

Ženski spol

Glávica -e ž (á) nav. ekspr. manjšalnica od glava (SSKJ). Glávical -e ž (á) manjš. (SP). 6076 (*Gigafida*).

Múcka -e ž (û) manjš.; ljubk.; člov., ljubk. (SSKJ). Múcka -e ž (û) 1. ljubk. mačka (SP). 7288 (*Gigafida*).

Srednji spol

Sřcece -a [čəc] s (ř) nav. ekspr. manjšalnica od srce (SSKJ). Sřcece -a [čə] s (ř) manjš. (SP). 266 (*Gigafida*).

Med pogosto rabljenimi manjšalnici moškega spola so *košček*, *fantek*, *kužek* in *srček*, prvi daleč najpogosteje. Med ženskospolskimi manjšalnici sta po rezultatih korpusa *Gigafida* pogosto rabljeni obe zapisani manjšalnici. Ponovno je treba izpostaviti, da je bilo v gradivu kot primer za srednji spol najti eno samo manjšalnico z ljubkovalnim podpomenom, ki pa sicer kvalifikatorsko ni označena (le manjšalnost). V slovarskem gradivu je večina izpisanih besed izražena le s kvalifikatorjem za manjšalnost, ljubkovalnost je posebej zapisana le pri *fantek*, *kužek*, *srček*, *mucka*.

5.4 Slabšalnomanjšalno (ironično, posmehljivo, parodično)

Za izražanje pomena, kot ga prinaša slabšalna manjšalnost, je bilo v gradivu moč najti dve obrazili moškega (*-ec*, *-ek*) in eno obrazilo srednjega (*-ce*) spola.¹⁰

---

¹⁰ Gradivo, zbrano tudi za 8. in 9. razred osnovne šole, izkazuje več primerov rabe obrazila moškega spola (*-ek*: *mesek* (i), *srček* (i), *keksek*, *fantek*) in še eno obrazilo moškega spola (*-ček*: *malinovček*, *sinček* (i/po), *tipček*, *kraterček*) ter dve obrazili ženskega spola (*-ica*: *mrhica*, *-ič*: *deklič* (i/po)).

5.4.1 Primeri manjšalnic iz analiziranih besedil glede na spol in obrazilo

Preglednica 4: Manjšalnice s pomensko razlago slabšalnomanjšalno.

Obrazilo	Spol	Primeri
-ec	m	<i>prahec</i> (po)
-ek		<i>zajček</i> (pa) ¹¹
-ce	s	<i>drevesce</i> (po) ¹²

5.4.2 Zastopanost manjšalnic iz analiziranih besedil v *SSKJ*, *SP* in *Gigafidi*

Moški spol

Práhec / (*SSKJ*). *Práhec* -hca m s -em snov. (ã) manjš. (*SP*). 66 (*Gigafidi*).

V *Slovenski slovnici* slabšalna manjšalnost ne prinaša dodatnih podpomenov, kot jih je bilo v nekaterih primerih moč razbrati iz gradiva (tudi za 8. in 9. razred osnovne šole), predvsem posmehljivo (*deklič*, *drevesce*, *prahec*, *sinček*), pa tudi ironično (*deklič*, *mesek*, *sinček*, *srček*) in redkeje parodično (*zajček*, *mrhica*), podpomenskosti se lahko tudi prekrivajo. V preglednici so zavedeni le primeri iz beril za 7. razred.

5.5 Posebnosti

Prispevek prinaša tudi nekaj posebnosti, ki se jih težko uvrsti v katero izmed pomenskih kategorij.

¹¹ Zastopanost manjšalnice *zajček* je s slovarskim gradivom in s pojavnostjo v *Gigafidi* prikazana že v poglavju s funkcijo mladič, nedoraslo, razlika se kaže le v tem, da v izkazanih besedilih lahko izraža tudi slabšalno manjšalnost, sploh v tožilniški rabi.

¹² Zastopanost manjšalnice *drevesce* je s slovarskim gradivom in s pojavnostjo v *Gigafidi* prikazana že v poglavju s funkcijo mladič, nedoraslo, razlika se kaže le v tem, da v izkazanih besedilih lahko izraža tudi slabšalno manjšalnost s podtonom posmeha.

Preglednica 5: Posebnosti rabe manjšalnic.

Obrazilo	Spol	Primeri
vrstni prid. + -ček	m	(mali) prijateljček
-ček		slovarček
-ič + -ek		otročiček
-ka		očka
-ica	ž	pesmica
-ka		dolgorepka ¹³
-šče	s	revišče

5.5.1 Zastopnost manjšalnic iz analiziranih besedil v SSKJ, SP in Gigafidi

Moški spol

Prijateljček -čka m (â) manjšalnica od prijatelj (SSKJ). Prijateljček -čka m, člov. (â) manjš.; ljubk. |prijatelj| (SP). 1058 (Gigafida).

Slovarček -čka m (á) manjšalnica od slovar (SSKJ). Slovarček -čka m (á) manjš. (SP). 1809 (Gigafida).

Otročiček -čka m (î) manjšalnica od otrok (SSKJ). Otročiček -čka m, člov. (î) manjš.; ljubk. |droben otrok| (SP). 2814 (Gigafida).

očka -a m (ô) ljubk. ata, oče (SSKJ). očka -e ž (ô) ekspr. manjšalnica od oko (SSKJ). očka -e ž (ô) manjš.; poud. |očeh| (SP). očka -a m, člov. (ô) poud. |očel| (SP). 23230 (Gigafida).

Ženski spol

Pesmica -e ž (ê) nav. ekspr. manjšalnica od pesem (SSKJ). Pesmica -e ž (ê) manjš. (SP). 8481 (Gigafida).

Dolgorepka -e [u g] ž (ê) zool. majhna ptica pevka z dolgim repom, Aegithalos caudatus (SSKJ). Dolgorepka -e [u g] ž (ê) |ptič| (SP). 48 (Gigafida).

Srednji spol

Revišče -a s (ê) star. revše (SSKJ). / (SP). 1 (Gigafida).

¹³ Zanimive so še novotvorjenke *belorepka*, *lirorepka*, *tolstorepka*, *vrtoepka*, tvorjene po zgledu *dolgorepka*, a jih ravno zaradi novotvorjenosti v slovarskem in korpusnem gradivu ni zaslediti.

Zanimivo je, da se v nekaterih primerih poleg besede, ki z obrazilom nakazuje manjšalnost, pojavlja tudi raba (običajno vrstnega) pridevnika, ki prav tako nakazuje manjšalnost (*(mali) prijateljček*), kar odpira vprašanje o potrebnosti dvojne manjšalnosti, ki je (knjižno) pomensko sicer odveč, a se v rabi vendarle pojavlja.

Kot posebnost je izpostavljen primer rabe dvojih obrazil, ki izražata manjšalnost (*-ič* in *-ček* v besedi *otročiček*), kar bi lahko majhnost, nedoraslost še stopnjevalo oz. izpostavilo, kljub temu da to iz slovarskih opredelitev ni razvidno.

V preglednici sta navedeni še dve manjšalnici (*pesmica* in *slovarček*), ki sami po sebi nista posebnosti, posebna je le njuna raba v konkretnih primerih, saj sta bili manjšalnici rabljeni le v primerih navodil učencem pri poustvarjanju literarnih besedil, učenci naj torej ustvarijo kratko pesem, tj. *pesmico*, in manj obsežen slovar, tj. *slovarček*.¹⁴

Beseda *očka* je kot manjšalnica zavedena le v pomenu 'oko', v pomenu 'oče' pa le ljubkovalno.

6 SKLEP

Prispevek prinaša pregled samostalniških manjšalnic za pomene mladič, nedoraslo; manjšalno; ljubkovalnomanjšalno; slabšalnomanjšalno (ironično, posmehljivo, parodično), dodanih je nekaj posebnosti, ki jih ni bilo moč uvrstiti v katero izmed pomenskih kategorij ali jih ni zapisanih v slovarskem gradivu oz. izpričanih v korpusu *Gigafida*. V učbeniških gradivih (berilih za 7., 8. in 9. razred osnovne šole) se pojavljajo vsi obravnavani pomeni, največ je manjšalnic za izražanje manjšalnosti in ljubkovalne manjšalnosti, najmanj za izražanje slabšalnosti. Analiza učnega načrta je pokazala, da je prisoten le en cilj za obravnavo manjšalnic, za jezikovni pouk le v prvem triletju osnovne šole v okviru razvijanja jezikovne in slogovne zmožnosti ter zmožnosti nebesednega sporazumevanja.

---

¹⁴ Obe manjšalnici lahko označimo kot strokovna izraza. O manjšalnicah v slovenskem strokovnem izrazju pišeta A. Valh Lopert (2015: 598–611), N. Ulčnik (2015: 587–597).

VIRI IN LITERATURA

Milena BLAŽIČ, Blanka BOŠNJAK, Jakob J. KENDA, Peter SVETINA, Marica ŽVEGLIČ, 2007: *Svet iz besed 7. Berilo za 7. razred OŠ*. Ljubljana: Rokus Klett.

Milena BLAŽIČ, Jakob J. KENDA, Peter SVETINA, Marica ŽVEGLIČ, 2010: *Svet iz besed 8. Berilo za 8. razred OŠ*. Ljubljana: Rokus Klett.

Milena BLAŽIČ, Jakob J. KENDA, Peter SVETINA, Marica ŽVEGLIČ, 2011: *Svet iz besed 9. Berilo za 9. razred OŠ*. Ljubljana: Rokus Klett.

Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (Slovar slovenskega knjižnega jezika (2000), Slovenski pravopis (2001/2010)). Različica 2.0. 14. 1. 2015. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU. www.fran.si. Pridobljeno od 1. 6. 2015 do 30. 6. 2015.

Marko JESENŠEK, 2015: Manjšalnice v prekmurski publicistiki 19. in 20. stoletja. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 439–449.

Mihaela KOLETNIK, 2015: Samostalniške manjšalnice v prekmurskih narečnih slovarjih. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 450–464.

Korpus Gigafida: <<http://www.gigafida.net>>. Pridobljeno od 1. 6. 2015 do 30. 6. 2015.

Program osnovna šola. Slovenščina. Učni načrt. <http://www.mizs.gov.si/fileadmin/mizs.gov.si/pageuploads/podrocje/os/prenovljeni_UN/UN_slovenscina_OS.pdf>. Pridobljeno: 23. 6. 2015.

STAT.si.: <<https://www.stat.si/ImenaRojstva/sl>>. Pridobljeno 30. 6. 2015.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2008: Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in SSKJ. *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti. (Zora, 56). 56–68.

Natalija ULČNIK, 2015: Od prodajalnice do prodajalne. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 587–597.

Alenka VALH LOPERT, 2015: Manjšalnice v terminološkem gnezdu *Slovarja slovenskega knjižnega jezika*². *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 598–611.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 100.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja, 185–186, 204, 225, 353, 876–877.

Melita ZEMLJAK JONTES, Dragica HARAMIJA, 2015: Samostalniške manjšalnice v izbranih slovenskih mladinskih literarnih delih. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 624–638.

SUMMARY

About Nežika, Gumica, pesmica – in a Caress, Pejorative or any Other Manner?

The paper highlights the use of nominal diminutives in selected youth literary texts in the readings for the higher grades of Slovenian primary school and linguistic analysis and semantic expression of the diminutive use. In the analyzed texts different functions of diminutives are observed (a cub, an immature creature, the properties of diminutiveness, caress, being pejorative) in dictionaries (*SSKJ*, *SP*) and in the *Gigafida* corpus. The analysed material emphasises the most common use of diminutives for expressing diminutiveness and caress and the least common use of being pejorative. Unfortunately, the curriculum follows only one goal considering diminutives, and only in the first triad of Slovenian primary school.

MARKO SNOJ

*Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU,
Slovenija, Ljubljana, Marko.Snoj@zrc-sazu.si*

Slovenske ljubkovalnice s pripono *-i*

Članek prikaže distribucijo pripone *-i*, ki v slovenščini tvori ljubkovalnice predvsem iz osebnih rojstnih in živalskih lastnih imen, poimenovanj nekaterih sorodstvenih oznak in poimenovanj živali, s katerimi imajo otroci več stika. Izvor tega besedotvornega modela išče po eni strani v enakem nemškem, ki prav tako vključuje pripono *-i*, po drugem pa v domačem, koroškem tipu manjšalnic s pripono *-ej*, ki se je v narečjih fonetično razvila v *-i*. Ugotavlja, da so te ljubkovalnice tvorjene iz manjšalnic po zamenjavi manjšalniške pripone z ljubkovalniško, kar je dokazljivo s tem, da se v motivirani besedi ohranjajo morfološke, prozodične in semantične lastnosti, ki so značilne za vsakokratno manjšalnico, ne pa nujno tudi za osnovno besedo.

The paper examines the distribution of the suffix *-i*, which forms Slovene hypocoristic primarily from personal and animal proper names, some relationship terms and designations of those animals, which are often used in the child language. The origin of this word-formation model is sought, on the one hand, in the same German model, which also includes the suffix *-i*, and on the other, in the Slovenian type of diminutives and hypocoristics with the suffix *-ej*, which phonetically developed into *-i* in the Carinthian dialects. The Slovene hypocoristics with the suffix *-i* are formed from diminutives by omitting one of the diminutive suffixes, whereby the morphological, accentual and semantic features of diminutive forms remain.

Ključne besede: besedotvorje, ljubkovalnice, manjšalnice

Key words: word formation, hypocoristics, deminutives

Ljubkovalnica je beseda ali besedna zveza, izražajoča nežno, toplo, dobrohotno, naklonjeno razmerje do upovedanega¹ in do udeleženca v pogovoru. Poleg denotativnega ima torej tudi konotativni pomen, ki je lahko dvojni. (1) Iz lastnih imen tvorjene ljubkovalnice izražajo ljubezen ali naklonjenost do poimenovanega, npr. *Marjetica*, *Ivanček*, kar velja tudi za sorodstvene oznake *mamica*, *atek*, *bratec*, *sestrica*. (2) Za vse ljubkovalnice velja, da z njimi izražamo ljubezen ali naklonjenost do udeleženca v pogovoru. Ljubkovalnice

---

¹ Toporišič 1992: 95.

mamica, *kužek*, *zajček*, *žogica* pa tudi *sonček*, *vinček* bomo uporabili samo v pogovoru z nekom, do katerega gojimo ljubezenska ali tem podobna čustva, v pogovoru z otroki pa za njihovo uporabo zadošča že naklonjenost. Značilne so tudi za otroški govor. V slovenščini so ljubkovalnice besedotvorno praviloma enake manjšalnicam – primeri so navedeni zgoraj –, le redko se tvorijo s samostojnimi besedotvornimi sredstvi.² Tak redek primer so ljubkovalnice s pripono *-i*,³ ki se tvorijo ob naslednjih kategorijah besed.

- (1) Najpogosteje jih opažamo ob rojstnih imenih, in sicer tako ob ženskih, npr. *Mari* ob *Mara*, *Marija*; *Lenči* ob *Lenka*, *Alenka*; *Toni* iz *Tona*, *Antonija*, kakor ob moških, npr. *Jani* ob *Janez*; *Gregi* ob *Grega*, *Gregor*; *Toni* iz *Tone*, *Anton*.⁴ Množica iz rojstnih imen tvorjenih ljubkovalnic je odprta in se polni tudi s primeri iz imen, od katerih pred uveljavitvijo te besedotvorne možnosti ni bilo mogoče narediti niti manjšalnice niti ljubkovalnice, npr. *Karmi* ob *Karmen*. Pogosta so tudi v pasjih imenih, zlasti samcev, npr. *Muri*, *Lumpi*,⁵ ali ob njih, npr. *Piki* ob *Piko*, *Lami* ob *Lam*, *Lamas*, v najnovjšem času tudi ob imenih samic, npr. *Piki* ob *Pika*.
- (2) Pojavljajo se ob nekaterih poimenovanjih ljudi, ki so zlasti otrokom posebno blizu. SSKJ navaja *mami* ob *mama*, *ati* ob *ata*, *oči* ob *oče*, *tati* ob *tata*, *pači* ob *papaček*, *striči* ob *stric* in *punči* ob *punca*, SSKJ² dodaja še v novejšem času uveljavljeni *babi* ob *babica* in *dedi* ob *dedek*.
- (3) Taka ljubkovalnica je potrjena še v poimenovanju *bajsi* ob *bajs* (SNB in SSKJ²).
- (4) Pojavlja se tudi ob ožjem izboru poimenovanj tistih živali, ki so zlasti otroku zelo blizu, pa čeprav samo iz slikanic in risank. SSKJ navaja *muci*, *kuži* in *čurimuri*, v zadnjih desetletjih je slišati tudi *konjči*, *slonči*, *(p)tiči* ipd.
- (5) Preostali samostalniki na *-i*, ki bi utegnili zbudjati vtis ljubkovalnice, so prevzeti, kot npr. *bači* iz madž. *bácsi* »stric« in *mandi* iz avstr. nem. *Mandi*⁶

² Toporišič 2004: 124 s., navaja samostalniške ljubkovalnice, ki so izvorno manjšalnice, poleg teh pa še primera *medo* in *hovhov*, ki bi ju z diahronega vidika uvrstili med hipokoristične ali celo tabuistične skrajšave oz. konvertite.

³ Te ljubkovalnice so lahko ženskega ali moškega spola. Tiste ženskega spola, se pregibajo po tretji ženski sklanjatvi, torej z neglasovnimi končnicami, tiste moškega pa po prvi moški.

⁴ Ljubkovalnice na *-i* ob moških in ženskih rojstnih imenih so znane tudi v hrvaščini, zlasti moških, npr. *Tonči* (žensko rojstno ime *Meri* je, sodeč po korenskem samoglasniku, prevzeto iz angleščine).

⁵ Mirtič 2010: 63. V mraševskem govoru se navedeni dve pasji imeni sklanjata tako, da v stranskih sklonih podaljšujeta osnovo s *-t-*, kar zasledimo tudi v drugih govorih in sploh v pogovornem jeziku.

⁶ Iz avstr. nem. *Mandl* »možiček, samec« skladno s pričakovano besedotvorno prilagoditvijo dobimo *mandelj*.

»zajček«, kar oboje navaja že SSKJ. Druga izdaja dodaja neljubkovalne *profi* iz nem. *Profi* (okrajšano iz *Professional*), *smajli* iz angl. *smiley* (iz *smile*) in *vegi* iz angl. *veggy* (okrajšano iz *vegetarian*).

Obravnavane ljubkovalnice so mlajšega datuma. Pleteršnikov slovar navaja samo *šuri* »muren« s pristavkom *šuri-muri*, *pojdi ven!* – tako kličejo otroci murne iz luknjic. *Šurimuri* in *čurimuri* sta prvotno domnevno otroški ritmični tvorjenki,⁷ v drugačnem pomenu znani tudi iz sosednjih jezikov, ki imata svojo etimološko problematiko in sta utegnili le nebistveno vplivati na nastanek obravnavanih ljubkovalnic,⁸ ki so, razen navedenega primera, zapisane šele v 20. stoletju.⁹

Izvor slovenskih ljubkovalnic na *-i* je mogoče najti vsaj v dveh smereh. Na njihov nastanek so gotovo vplivale nemške ljubkovalnice s pripono *-i*,¹⁰ ki se tvorijo domala iz enakih besednih kategorij kot slovenske. Pogoste so ob osebnih imenih, npr. *Rosi* ob *Rosa*, *Rosalia*, *Hansi* ob *Hans*, *Pepi* ob *Josephina*, *Mandi* ob *Magdalena*, dalje *Hansi*, *Kurti*, *Pepi*, *Wolfi*, ob nekaterih sorodstvenih in podobnih oznakah, npr. *Vati* »oči«, *Mutti* »mami«, *Buali* »fantek«, živalskih poimenovanjih, npr. *Hundi* »kuži«, *Katzi* »muci«, *Mandi* »zajček«, *Bäali* »medvedek«, (*Pipi-*)*Hendi* »piščanček«, *Pfeaddi* »konjci«, in ob poimenovanjih stvari, ki so otrokom blizu, npr. *Balli* »žogica«, *Oali* »ušesek«, *Zandi* »zobek«.¹¹

Prevzem besedotvornega morfema je mogoč v okoliščinah, ko jezik prejemnik ob predhodnem prevzemu motivirajočih besed prevzame kritično maso motiviranih in med njimi vzpostavi besedotvorno zvezo. Lastna imena tipa *Roza*, ki so bila že v starejšem času prevzeta prek nemških, v danem primeru *Rosa*, so do ljubkovalnice *Rози*, ki je prevzeta iz nemške *Rosi*, vzpostavile enak odnos kot v jeziku dajalcu, torej je *-i* tudi v slovenščini začel fungirati kot priponski

⁷ Prvina *muri* verjetno kakor v pasjem imenu *Muri* izvira iz določne oblike pridevnika *mur* »črn«, prim. tudi ime črnkasti kravi *Mura* (Mirtič 2010: 61).

⁸ Podrobneje o tem Snoj pri Bezlaju 2005: 133.

⁹ Erjavec 1875: 223 ss., navaja več lastnih imen domačih živali (žal ne tudi psov in mačk), med katerimi je zlasti pri ovčjih imenih tudi nekaj ljubkovalnic, npr. *Bičica*, *Bučka*, *Mala*, a med njimi ni nobenega s pripono *-i*.

¹⁰ Ljubkovalnice s pripono *-i* so znane tudi v nizozemščini (npr. *Hendri* ob *Hendrik*, *Willy* ob *Wilhelmina*) in angleščini (npr. *Andy* ob *Andrew*, *dady* »oči« ob *dad*, *mommy* »mami« ob *mom*).

¹¹ Nemške ljubkovalnice na *-i*, razen *Mutti* in *Vati*, so v rabi le v pogovornem jeziku. Uporabljajo se predvsem v pogovoru z otroki in med zaljubljenici, saj z njimi povemo, da imamo soudeleženca pogovora radi. Za posredovanje navedenih nemških ljubkovalnic se zahvaljujem Georgu Holzerju.

morfem za tvorbo ljubkovalnic. Dodatni indic v podporo domnevi o prevzemu tega besedotvornega modela iz nemščine je dejstvo, da se v novejšem času tudi v slovenščini tvorijo pol- ali sploh neljubkovalna poimenovanja oseb in stvari s krajšanjem motivirajoče besede in dodajanjem pripone *-i*. V nemščini je po tem modelu iz besede *Professional* nastal *Profi*. Prva je v slovenščino prevzeta in prilagojena kot *profesionalec*, druga je zgolj prevzeta kot *profi*.¹² Po tem modelu je iz prvotnega *buzarant* tvorjen *buzi*, iz prvotnega *mobitel* pa *mobi*.

Vendar to domnevno ni edini izvor. K vzpostavitvi slovenskih ljubkovalnic na *-i* so zelo verjetno pripomogle prvotno le koroške ljubkovalnice iz osebnih imen s pripono *-ej* tipa *Ožbej* in sorodstvene ter podobne oznake z isto pripono tipa *atej*, *mamej*, *dedej*, *babej*, *sirotej*, v katerih je v več koroških govorih izglasni *-ej* prešel v *-i* in se razširil tudi v stranskosklonske oblike.¹³ Tako so na Koroškem nastale ljubkovalnice *Ožbi*, *ati*, *mami*, *dedi* in *babi* ter se razširile najprej na Štajersko in Gorenjsko, kasneje tudi južneje. Izvor teh ljubkovalnic je verjetno v zvalniku na *-e*, ki je začel fungirati kot novi imenovalnik, ta pa je – tako kot v južnoslovenskem *ate-ja* – v stranskosklonskih oblikah pridobil prehodni, zev zapolnjujoči *-j-*, ki se je na severu razširil tudi v imenovalnik. Domnevo o izvoru v zvalniku podpira dejstvo, da so ljubkovalnice na *-ej* (> *-i*), sodeč po gradivu SLA, znatno bolj razširjene pri besedah s pomenoma »oče« (32 zapisov)¹⁴ in »stari oče« (40 zapisov)¹⁵ kakor »mati« (2 zapisa)¹⁶ in »stara mati« (3 zapisi),¹⁷ tj. od besed, pri katerih pričakujemo zvalnik s končnico *-e*. Ta besedotvorni tip se v slovenščini širi od severa proti jugu,¹⁸ torej s področja z največ nemškimi vplivi in hkrati s tvorbo ljubkovalnic z domačo pripomo *-ej* > *-i*.

Morda so na vzpostavitev tega besedotvornega modela vplivali tudi redki primeri, ki imajo izvor v določni obliki pridevnika, npr. *Muri-ja*, pogovorno

¹² V slovenščini je znanih več izposojenk iz nemščine, ki so nastale po tem besedotvornem modelu, npr. *kombi* iz nem. *Kombi* iz *Kombi(nationskraft)wagen* in *kuli* iz nem. *Kuli* iz *Kugelschreiber*.

¹³ Prim. obirsko *hà:ti-ja* (Karničar 1990: 118), *srò:ti-ja* (Karničar 1990: 232).

¹⁴ Jakop, SLA I/1, 234 s., SLA I/2, 243 s.

¹⁵ Šekli in Petek, SLA I/1, 246 s., SLA I/2, 253 ss.

¹⁶ Jakop, SLA I/1, 236 s., SLA I/2, 245.

¹⁷ Šekli in Petek, SLA I/1, 248 s., SLA I/2, 256 s.

¹⁸ V 60. letih 20. stoletja so bile ljubkovalnice *oči*, *ati* in *mami* v osrednji Sloveniji že povsem običajne, a jih SLA navaja le za severnejše točke. V istem času je bila ljubkovalnica *mami* v mestnem okolju Novega mesta že v rabi, v bližnjih vaseh pa šele v naslednji generaciji. V osrednji Sloveniji sta se besedi *dedi* in *babi* uveljavili v 80. letih 20. stoletja, na dolenskem podeželju pa šele na prelomu tisočletja (za zadnja dva podatka se zahvaljujem Tanji Mirtič).

-ta, ki se samo po samostalniški sklanjatvi pregiba verjetno zato, ker *mur* kot pridevnik, ki ga Pleteršnik še navaja v pomenu »črn«, ni več v rabi. Samo po samostalniški sklanjatvi se pregiba tudi vzdevek *Mali -ja*, pogovorno *-ta*, iz *mali -ega* »majhen deček« (SSKJ) k pridevniku *mali*.¹⁹ Primer *ljubi*, pri katerem je še občuten izvor v določni obliki pridevnika *ljub*, se v knjižnem jeziku še pregiba po pridevniški sklanjatvi (SSKJ), v pogovornem jeziku pa že prehaja v samostalniško, *ljubi -ta*, redkeje *-ja*.²⁰

Osrednje vprašanje, na katero želi odgovoriti pričujoči prispevek, je, iz katerih motivirajočih besed so tvorjene slovenske ljubkovalnice s pripono *-i*. Odgovor je: iz manjšalnic, vendar tako, da se pri njihovi tvorbi manjšalniška pripona v celoti ali deloma opusti. To trditev podpirajo štirje dokazi.

- (1) Prvi morfonološki: ob besedi *muca* imamo ljubkovalnico *muci*, ob *punca* pa *punči*. Če bi bili motivirajoči besedi nemanjšalniški *muca* in *punca*, bi v obeh primerih pričakovali enako spremenjeno oz. nespremenjeno korensko izglasje. Ker pa sta ljubkovalnici tvorjeni iz manjšalnic *mucka* oz. *punčka*, je različno korensko izglasje razumljivo.
- (2) Dodatni morfonološki dokaz so primeri iz manjšalnic s sestavljeno pripono *-ček*, v katerih pri tvorbi ljubkovalnice odpade samo njen drugi del: *konjči* iz *konjček*, *Janči* iz *Janček*, *Manči* iz *Manček*, *Marjanček*. Iz teh primerov se osamosvaja pripona *-či*, s katero tvorimo ljubkovalnice iz takih rojstnih imen, pri katerih bi bila uporaba pripone *-i* manj sprejemljiva, tj. zlasti takih z zvočnikom v korenskem izglasju, npr. *Tanjči* iz *Tanja*, *Špelči* iz *Špela*, *Perči* iz *Pero*, *Peter*, *Borči* iz *Boris* in *Borut*.
- (3) Suprasegmentni: primeri *oči*, *âti*, *tâti*, *mâmi* imajo cirkumflektirani tonem, ki ga izkazujejo tudi manjšalnicam enake ljubkovalnice *očka*, *âtek*, *tâtek*, *mâmica*, ne pa tudi osnovne *óče*, *áta*, *táta* in *máma* ki izkazujejo akutirane.
- (4) Semantični: ljubkovalnica *babi* ima isti denotativni pomen kot *babica* »stara mati« in torej drugačnega kot osnovna beseda *baba* »stara ženska«.

Noben znani primer ne nasprotuje temu izvajanju. Podobno besedotvorno obnašanje zasledimo tudi v pogovorni avstrijski nemščini. Ljubkovalnice k besedam, katerih korenski morfem se končuje na *-n-*, imajo pred *i*-jem parazitski *-d-*, npr. *Zandi* »zobek«, *Hendi* »piščanček«, *Mandi* »zajček«, ki ga domnevno

¹⁹ Vprašanje, ali je *mali* posamostaljeno iz vrstnega pridevnika *mali* ali iz določne oblike nekdanjega kakovostnega *mal* »majhen«, za potrebe tega sestavka ni pomembno.

²⁰ Iz določne oblike pridevnika je tudi manj razširjena in samo pogovorna ljubkovalnica *suhi -ta* in *-ja*.

dolgujejo manjšalnicam *Zandl, Händl* oz. *Mandl*, kjer je interkaliran po rednem fonetičnem pravilu *-nl* > *-ndl*. Ljubkovalnice k besedam na drugačno korensko izglasje tega *-d* nimajo, npr. *Balli* »žogica«. Na izvor v manjšalnicah kaže tudi dejstvo, da so vse nemške ljubkovalnice na *-i* srednjega spola, tako kot manjšalnice na *-lein*, *-erl* in *-chen*. Izjeme so samo ljubkovalnice iz rojstnih imen in primera *Mutti* »mami« ter *Vati* »oči«, kjer je prevladal naravni spol.

Besedotvorni postopki, ki vključujejo zamenjavo pripon (*bab-ica* > *babi*, *ded-ek* > *ded-i*) ali celo zamenjavo zadnjega dela korenkega morfema (*Karmen* > *Karm-i*, *Boris* > *Bor-či*) so značilni za besede z jezikovnega obrobja, zlasti pogovorne zvrsti, kamor spadajo ljubkovalnice, ki jih uporabljamo pretežno v družinskem okolju in predvsem v pogovoru z majhnimi otroki.

VIRI IN LITERATURA

France BEZLAJ, 2005: *Etimološki slovar slovenskega jezika IV*. Ljubljana: ZRC SAZU.

Fran ERJAVEC, 1875: Iz potne torbe. *Letopis Matice slovenske za leto 1875*. Ljubljana: Matica slovenska. 218–228.

Ludwig KARNIČAR, 1990: *Der Obir-Dialekt in Kärnten*. Graz: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Tanja MIRTič, 2010: *Lastno imenje vasi Dolnje in Gorenje Mraševo*. Diplomsko delo. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Maks PLETERŠNIK, 1894–95: *Slovensko-nemški slovar*. Ljubljana: Knezoškofijstvo. Elektronska izdaja na portalu <www.fran.si>, 2014.

SLA: *Slovenski lingvistični atlas*, 2011–. Ljubljana: ZRC SAZU. Elektronska izdaja na portalu <www.fran.si>, 2014.

SNB: *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*, 2013. Ljubljana: ZRC SAZU. Elektronska izdaja na portalu <www.fran.si>, 2014.

SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, 1970–1991. Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU. Elektronska izdaja na portalu <www.fran.si>, 2014.

SSKJ²: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, 2014. Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU. Elektronska izdaja na portalu <www.fran.si>, 2014.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica*. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja.

SUMMARY

Slovene Hypocoristics with the Suffix *-i*

The paper examines the distribution of the suffix *-i*, which forms Slovene hypocoristics primarily from personal (e. g., *Mari, Toni, Gregi*) and animal proper names (*Piki, Lumpi*), some relationship terms (e. g., *mami* “mommy”, *oči, ati* “daddy”, *babi* “granny”, *dedi* “grandad”) and designations of those animals, which are often used in the child language (e. g., *kuži* “doggy”, *(p)tiči* “birdy”). The origin of this word-formation model is sought, on the one hand, in the same German model, which also includes the suffix *-i* (e. g., *Rosi, Kurti; Mutti, Vati; Katzi, Hundi*) and on the other, in the Slovenian type of diminutives and hypocoristics with the suffix *-ej*, which phonetically developed into *-i* in the Carinthian dialects (e. g., *atej > ati*). The Slovene hypocoristics with the suffix *-i* are formed from diminutives by omitting one of the diminutive suffixes, whereby the morphological, accentual and semantic features of diminutive forms remain. So, hypocoristic *muči* is formed from *mucka* and *punči* from *punčka* by omitting the diminutive suffix *-ka*, and not from non-diminutive *muca* resp. *punca*, which have the same consonant in the root auslaut. The hypocoristic *âti* is formed from *âtek* and not from the non-diminutive *âta*, which bears the acute pitch. And, the word *babi* is formed from *babica*, both meaning “granny”, and not from the non-diminutive *baba*, which only means “old woman”.

NADA ŠABEC, BOJAN KAŠUBA

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
nada.sabec@um.si, kasuba.bojan@gmail.com*

Translating English Diminutive Personal Names into Slovene in Fictional Texts

The article deals with the translation of English diminutive personal names into Slovene in fictional texts written by Charles Dickens, Roald Dahl and J. K. Rowling. These authors belong to different literary periods and their works to different genres. The analysis revealed that English diminutive names, i. e. nicknames and pet names, are constructed through analytic as well as synthetic diminutive formations. Similar to English, Slovene translations of diminutive names mostly use the same diminutive formations. Nevertheless, it was observed that Slovene translators are not consistent in their translation of diminutive names, rendering them as semi-citations or using them in Slovenicized forms.

Namen članka je predstaviti angleška manjšalna osebna imena in njihove slovenske prevode. Primeri, obravnavani v članku, so vzeti iz literarnih del Charlesa Dickensa, Roalda Dahla in J. K. Rowling. Uporaba in prevodi manjšalnic v omenjenih besedilih se med seboj razlikujejo, ker avtorji in njihova dela spadajo v različna literarna obdobja in zvrsti. Analiza angleških manjšalnih osebnih imen je pokazala, da imajo vzdevki in ljubkovalna imena tako sintetično kot analitično manjšalno strukturo. Angleška manjšalna osebna imena in slovenski prevodi imajo večinoma isto manjšalno strukturo. Kljub temu so slovenski prevajalci pri prevajanju manjšalnih osebnih imen nedosledni, saj nekatera manjšalna osebna imena prevajajo kot polcitatna, druga pa poslovenijo.

Key word: nominal diminutives, word-formation, personal names, translation, fictional texts

Ključne besede: samostalniške manjšalnice, besedotvorje, osebna imena, prevajanje, literarna besedila

1 INTRODUCTION

Translators are faced with many challenges when translating fictional texts. They must accurately portray the content of the story as well as capture the nuances of the original work. One of the more demanding tasks is to properly translate the meaning and form of diminutives. This article deals with the translation of diminutive personal names from several English fictional

texts into Slovene. The texts chosen for the contrastive analysis are works by Charles Dickens, Roald Dahl and J. K. Rowling. Each author belongs to a different literary period and his/her works to different genres, ensuring a wide spectre of texts and language use. The article will present various diminutive formations for personal names that were used in English texts and their Slovene equivalents. As English and Slovene differ typologically, with English being an analytic language and Slovene a synthetic one, we expect structural differences in the way English diminutive formations are translated into Slovene.

2 METHODOLOGY

The analysis is based on works by Charles Dickens, Roald Dahl and J. K. Rowling. As these authors were and are very productive, only two to three works were selected for each of them, i. e. *Christmas Carol*, *David Copperfield* and *Oliver Twist* in the case of Dickens, *Charlie and the Chocolate Factory* and *Matilda* in the case of Dahl and *The Casual Vacancy* and *Harry Potter and the Half-Blood Prince* in the case of J. K. Rowling. We searched for diminutive personal names, i. e. nicknames and pet names in English, and compared them to the Slovene translation. *Harry Potter and the Half-Blood Prince* and its Slovene translation were particularly interesting because it was translated into Slovene by two different translators – *Branko Gradišnik* (2006) and *Jakob J. Kenda* (2008). This allowed us to examine the translations in more detail.

3 DIMINUTIVENESS

English is typologically considered an analytic language. It is, therefore, normal that analytic diminutiveness is regarded as the functional equivalent of synthetic diminutiveness in Slovene and other Indo-European languages such as German and Russian (Schneider 2003: 123). Unlike synthetic diminutive formation, where affixation is the predominant process, analytic diminutive formation involves a combination of adjectives and nouns. The most frequent diminutive marker found in the English texts is the adjective *little*. However, our analysis reveals some examples where the diminutive marker is preceded by another adjective, as in the example *poor little Oliver* (Dickens 1996: 74).

There is little consensus as to the number of diminutive suffixes in English. Jespersen (1948: as cited in Schneider 2003: 75) writes that only a few diminutive suffixes exist and are not regularly used, while Turner's position (1973: as

cited in Schneider 2003: 75) is even more extreme. In his assessment, British English is void of all diminutives. Contrary to this, Schneider (2003: 77–78) enumerates as many as 86 different diminutive suffixes, providing (2003: 85–117) a detailed description of the use and meaning of fourteen of them (-ie, -ette, -let, -ling, -kin, -een, -s, -er, -o, -a, -le, -poo, -pop and -peg). Our analysis of diminutive names shows a number of diminutive suffixes used, the predominant one being -ie and its variants -y/-ey/-ee.

Semantically, diminutive words express denotative and connotative aspects. Stramljič Breznik (2010: 54) states that diminutives express the smallness of the base word, e.g. *mizica* (Engl. little table) is objectively just a small table without any additional meaning. However, she continues that diminutives may take additional emotional and affectionate connotative meanings. How diminutives are perceived during discourse largely depends on the speaker–hearer relationship. In a father–son relationship, the diminutive name *Johnny* would take a positive connotation, while in a discourse of two adults, the term could be used ironically and would most likely be perceived as an insult if there is no familiarity between the two. Therefore, the translation of diminutive words must always take into account the connotation as the situation dictates it.

3.1 The structure of diminutives

The analysis of diminutive personal names in the English texts shows that the majority are formed by the addition of the suffix -ie/-y/-ee/-ey. When personal names take a diminutive suffix, e.g. the suffixes -ie, -s or -er, such names become nicknames, pet names or terms of endearment. There are numerous examples, from *Davy* and *Annie* to *Fats* and *Tubster*. However, for personal names to become nicknames or pet names, they must first undergo the process of clipping, and only then affixation¹. The following examples illustrate the diminutive process:

- (1) *Edward* > *Ed* > *Eddie*
David > *Dave* > *Davy*

Another way of expressing diminution is through reduplication, e.g. in J. K. Rowling's *Harry Potter and the Half-Blood Prince*, the diminutive *Lav-Lav* is found.

¹ That is not the case for all diminutive names, e.g. *Annie*, which does not undergo the process of clipping, only suffixation (*Ann-ie*).

- (2) “Friends they might be, but if Ron started calling Lavender ‘*Lav-Lav*’, he would have to put his foot down.” (Rowling 2006a: 465)

The name has undergone two diminutive processes, back clipping and reduplication. In the case of *Lav-Lav*, the name *Lavender* is shortened to form *Lav*. The shortened part is then repeated without any additional changes to form the diminutive *Lav-Lav*, thus the name is an example of repetitive reduplication. Schneider (2003: 8) refers to such words as hypocoristic or endearment terms.

The analytic diminutive formation is not the prevailing process in forming nicknames and pet names. The analysis of works by the British authors in this article shows that only a handful of examples may be found where the diminutive marker *little* or its less formal and perhaps more specific and emotionally coloured counterpart *tiny* are used to form diminutive names. *Tiny Tim* (Dickens 2011: STAVE III. The Second of the Three Spirits) is the only example where *tiny* is used as a diminutive determiner.

Many fictional texts rely heavily on exaggerating meaning, appealing to the feelings and emotional experience of readers. The authors thus often use additional words in conjunction with diminutive markers to convey the notion of diminutiveness. The following examples demonstrate such combinations:

- (3) “...and how much he would give for only one look at *poor little Dick*,...” (Dickens 1996: 111)
- (4) “‘*My dear young Davy*,’ he said, clapping me on the shoulder again, ‘you are a very Daisy...’” (Dickens 1988: 243)

The adjective *poor* in the third example serves to intensify the feeling of sympathy that the reader has for the character, while the nickname *Davy* in the fourth example expresses diminutiveness and the premodifiers on the left signify a feeling of superiority towards the character.

Yet another way of expressing diminution is multiple diminutiveness, i. e. a name is shortened while undergoing the process of suffixation as well as being preceded by the diminutive marker *little*.

- (5) *Little Minnie*
Little Charlie

The base words in the diminutives *little Minnie* and *little Charlie* are shortened while acquiring the diminutive suffix *-ie*. In addition, they obtain the diminutive marker *little* in attributive position. Multiple diminutiveness may be described as both a subtractive and an additive process (Schneider 2003: 9).

4 ENGLISH-SLOVENE CONTRASTIVE ANALYSIS OF DIMINUTIVE PERSONAL NAMES

This section deals with the contrastive analysis of diminutive personal names, i. e. nicknames and pet names. We analyse the English works and their Slovene translations, focusing on the structure of diminutive names and comparing them to their Slovene equivalents. The aim is to find out whether translators and the original authors choose the same diminutive process for a specific diminutive or whether translators use a different diminutive process by only focusing on translating meaning.

4.1 Synthetic diminution

The majority of diminutive names undergo the translation procedures of transference, i. e. using a source language name in the target language, and naturalisation, i. e. transferring the name and adapting it to the morphological rules of the target language (Newmark 2005: 81–82). The following three examples illustrate the translation procedures of transference and naturalisation:

- (6) Engl.: “There was another boy, one *Tommy Traddles*, who I dreaded would make game of it, and pretend to be dreadfully frightened of me.” (Dickens 1988: 75)

Trans.: “Za nekega drugega *Tommyja Traddlesa*, sem se bal, da bo uganjal burke in se delal, kot bi se me strašno bal.” (Dickens 1965: 73)

The English name acquires the inflectional morpheme *-a*, which is used for Slovene masculine names in the singular genitive case. Names, e. g. *Dani* or *Loti*, add the consonant *j* to the end of the base of the word, therefore *Tommyja* (Toporišič 2004: 280–283). Another possible translation of the name *Tommy* would be *Tomi*. In this case the name would undergo the process of naturalisation rather than that of transference.

- (7) Engl.: “I’ll pound it, that *Barney’s* managing properly...” (Dickens 1996: 191)

Trans.: “...Stavim za *Barneya*, da se dobro ravna...” (Dickens 1967: 161)

- (8) Engl.: “...and who was now formally introduced to him as *Charley Bates*.” (Dickens 1996: 63)

Trans.: “...sedaj so mu ga predstavili za *Charleya Batesa*.” (Dickens 1967: 56)

If the English diminutive name ends with the diminutive suffix *-ey*, the transferred name does not receive the consonant *j*; the consonant *y* serves as a replacement for the consonant *j*. After masculine nouns ending in *-á*, *-é*, *-ó*, *-i/-í*, *-u/-ú* or often *r*, the consonant *j* becomes attached to the base (Toporišič

2004: 280), which is why *Charleya* and *Barneya* are not translated as *Charleyja* and *Barneyja*.

The diminutive name *Charley/Charlie* is translated in different ways. The name appears in *David Copperfield*, *Oliver Twist*, *Charlie and the Chocolate Factory* and in *Harry Potter*, and has three different translations. In the translations of *David Copperfield*, *Harry Potter* and *Oliver Twist*, the name is transferred with the addition of the inflectional morpheme for declension, as seen in the previous example. Moreover, the translator of *Oliver Twist* also Slovenicizes the diminutive *Charley* to *Korle*, which has a negative connotation in Slovene:

(9) Engl.: “If it was *Charley*, or the Dodger, or Bet, or –” (Dickens 1996: 368)

Trans.: “Pa da je to *Korle*, ali Lisjak, ali Beta, ali...” (Dickens 1967: 309)

The title of the book *Charlie and the Chocolate Factory* is translated as *Čarli in tovarna čokolade*. The translator chooses a middle-of-the-road approach, translating *Charlie* as *Čarli*. The pronunciation remains the same, while the spelling is changed to conform to Slovene orthographic rules. However, the name is not fully Slovenicized into *Karli* or the more connotative *Korle*.

Similar to *Charley/Charlie*, there are other diminutive names where there are several possible translations. An extreme case is the translation of *Harry Potter and the Half-Blood Prince*, where the two translators choose completely different approaches in the case of *Cissy* and *Dumby*:

(10) Engl.: “I thought perhaps an Auror – *Cissy*, wait!” (Rowling 2006a: 30)

Trans.: “Mislila sem, da je morda auror ... *Narči*, čakaj!” (Rowling 2008: 22)

Trans.: “Pomislila sem, da je mogoče auror – *Cissy*, počakaj!” (Rowling 2006b: 23)

In the case of the diminutive *Cissy*, one translator chooses to translate the name *Cissy* as *Narči*, while the second transfers the name *Cissy*, barring any changes made as a result of complying with Slovene morphological rules. The diminutive *Narči* belongs to the synthetic diminutive formation, which is similar to the original diminutive name in structure, but completely unrelated semantically.

(11) Engl.: “Look at him – what’s happened to you, then, *Dumby*?” (Rowling 2006a: 701)

Trans.: “Lejte ga no – kva se vam je pa zgodl, *Dumbo*?” (Rowling 2008: 456)

Trans.: “Samo poglejte si ga – kaj pa se je zgodilo s tabo, a, *Dumko*?” (Rowling 2006b: 468)

The diminutive *Dumby* has two different translations, both of which are variants of the original diminutive. However, even though both translations are semantically similar to the original, only *Dumko* is a diminutive. Nevertheless, *Dumko* seems to be a better solution as it not only conveys diminutive meaning but is also diminutive in form. *Dumbi* or *Dumbek* are also possible translations of *Dumby*, as both words have diminutive form and express diminutiveness.

One of *Harry Potter*'s nicknames is *Potty*, which is a diminutive of Harry's surname. In Slovene editions of the book, both translations, *Puter* and *Pucar*, lose the diminutive form. However, *Potty* and the Slovene translations *Puter* and *Pucar* are semantically similar, being used as taunts or insults. Furthermore, nicknames tend to be translated differently by individual translators. The character *Lavender* is once referred to as *Lav-Lav* in the book. The translators choose not to change the diminutive formation, i. e. clipping followed by repetitive reduplication. Nevertheless, they translate the nickname as seen in the example:

- (12) Engl.: “Friends they might be, but if Ron started calling Lavender ‘*Lav-Lav*’, he would have to put his foot down.” (Rowling 2006a: 465)

Trans.: “Že res, da sta prijatelja, a če bi Ron začel Lavender klicati ‘*Bav-Bav*’, bi ga moral ustaviti.” (Rowling 2008: 305)

Trans.: “Že res, da sta bila prijatelja, ampak če bo Ron začel zdaj Lavender klicati ‘*La-la*’, potem bo treba začeti ukrepati.” (Rowling 2006a: 317)

We thus see that the same names from the original texts are frequently translated in different ways, which is somewhat unsettling due to the lack of consistency. Variations are possible if the Slovene language allows them and they portray the meaning of the story more accurately. The examples below illustrate this:

- (13) Engl.: “...Left in a ditch, *Nance*; only think!” (Dickens 1996: 193)

Trans.: “...Pustili so ga v jarku, *Nancyca*, Le to premislite!” (Dickens 1967: 163)

- (14) Engl.: “‘Why, *Nance*,’ exclaimed the Jew, starting back as he put down the candle, ‘how pale you are!’” (Dickens 1996: 303)

Trans.: “‘Ej, *Nancy*,’ je vzkliknil Žid in se zdrznil, ko je postavil svečo na mizo, ‘kako si blede!’” (Dickens 1967: 254)

The nickname *Nance* is translated as *Nancyca* and *Nancy*. The translator chooses to use the feminine diminutive suffix *-ca* in *Nancyca* while only

transferring the diminutive *Nancy* and retaining the synthetic diminutive form in both cases. The translator could have chosen to write *Nancyca* as *Nancica*. However, he would have had to translate *Nancy* as *Nanci* in all situations. Another possible solution could be to translate the English name *Nancy* as *Nanica*. Perhaps the translator was in a hurry and combined two things that do not work well together.

On the other hand, there are examples where English diminutive names are Slovenicized, mostly found in translations of children's literature, e. g. works by Roald Dahl. This is done in order to make the reading and comprehension of the work easier for younger children. The following examples demonstrate this:

- (15) *Jenny* > *Milena/Milenca*
Brucie > *Rafči*
Willy > *Vili*
Harry > *Hinko*
Sophy > *Zofka*

As seen, the diminutive name *Jenny* is translated differently, losing diminutiveness in the translation *Milena* while retaining it in *Milenca*. Yet, it is interesting that the translator uses the name *Milena/Milenca* and not *Janica*, the Slovene equivalent of the English name *Jenny*. In the next example, the nickname *Mollywobbles* is translated in two different ways by two different translators.

- (16) Engl.: “‘*Mollywobbles*,’ whispered a mortified Mrs Weasley into the crack at the edge of the door.” (Rowling 2006a: 107)
 Trans.: “‘*Molšterček*,’ je otrplo zašepetala Molly skozi špranjo vrat.” (Rowling 2008: 71)
 Trans.: “‘*Molly s povštrčki naokoli*,’ je mukoma šepnila v špranjo ob robu vrat.” (Rowling 2006b: 77)

One translator follows the stylistic form of the original work and translates *Mollywobbles* as *Molšterček*, the diminutive being a blend of *Molly* and *povštrček* (Eng. little pillow). The second translator opts for a descriptive equivalent, *Molly s povštrčki naokoli* (Eng. Molly with little pillows). Both examples express diminutiveness and appropriate connotative aspects, even though they are stylistically different. *Molšterček* is structurally perhaps a better translation, while *Molly s povštrčki naokoli* expresses a playfulness which seems to be better suited to literary works. Perhaps reduplication could be used as well, e. g. *Molštrček povštrček*.

4.2 Analytic and multiple diminution

When English diminutive names belong to the group of analytic or multiple diminutive formations, translators may render the diminutive names into Slovene analytically, synthetically or apply multiple diminutiveness:

- (17) *Tiny Tim* (analytic diminutive) > *mali Tim* (analytic diminutive)
Little Blossom (analytic diminutive) > *Cvetek* (synthetic diminutive)
poor little Dora (analytic diminutive) > *uboga Dorica* (synthetic diminutive)
my little Minnie (multiple diminutive) > *moja mala Minica* (multiple diminutive)
Little Minnie (multiple diminutive) > *mala Mini* (analytic diminutive)

The diminutive *my little Minnie* retains the same multiple diminutive form when translated into Slovene, adding the Slovene diminutive suffix *-ca* to the nickname *Mini*. *Tiny Tim* retains its analytic diminutive form, while *Little Blossom* and *poor little Dora* become synthetic diminutives in Slovene. *Little Minnie* is a multiple diminutive in English and an analytic one in Slovene. It is interesting that both *tiny* and *little* are translated as *mali* and not as *majcen* (Engl. teeny weeny) or *majhen* (Engl. little). *Majcen* is more expressively marked, while *majhen* is more neutral than *mali*. Additionally, *mali* is a definite adjective, while *majhen* is an indefinite one. It is a constant that is observed during the contrastive analysis. There is only one example found where *little* is rendered as *mlad* (Engl. young):

- (18) Engl.: “*Little Oliver*’s blood ran cold, as he listened to the Jew’s words...” (Dickens 1996: 132)
Trans.: “Mraz je spreletaval *mladega Olivera*, ko je poslušal Židove besede;...” (Dickens 1967: 113)

When fictional characters are named after certain characteristics, they are usually translated, e. g. *Little Blossom* and *Fats*.

- (19) Engl.: “‘No, no,’ said my aunt. ‘But *Little Blossom* is a very tender *little blossom*, and the wind must be gentle with her.’” (Dickens 1988: 522)
Trans.: “‘Ne, ne,’ je dejala teta. ‘Toda naš *Cvetek* je nežna *cvetličica* in veter mora biti z njo mil.’” (Dickens 1965: 570)
- (20) Engl.: “*Fats* was thinking about Ritchie Adams, who had killed a man...” (Rowling 2012b: 253)
Trans.: “*Bajs* je razmišljal o Ritchieju Adamsu, ki je nekoga ubil,...” (Rowling 2012a: 254)

Little Blossom and *little blossom* are translated differently. The name *Little Blossom* and the noun *little blossom* are rendered into Slovene synthetically as *Cvetek* and *cvetličica*, using appropriate capitalization to distinguish between the nickname and the common noun denoting a little flower.

The nickname *Fats* has a negative connotation, which is also true of the Slovene translation. Even though the Slovene translation is not a diminutive, it corresponds to the English nickname semantically. The Slovene term *Bajs* (Engl. a fat person) has a negative connotation, conveying a pejorative meaning. The diminutive form of *Bajs* would be *Bajsi*, meaning a little chubby boy.

A diachronic study of diminutive names shows that the translation methods and techniques of nicknames and pet names have not changed over time. The most commonly used translation techniques found are transference and naturalisation. There are also examples where translators use descriptive equivalents. The translations of *Matilda* and *Charlie and the Chocolate Factory* show that the translators predominantly use Slovenicized forms or cultural equivalents (Newmark 2005: 81–84) in such works, due to the fact that the prevailing readership are children and teenagers and because they want to translate it in the spirit of the Slovene language.

5 CONCLUSION

The analysis of English works by Charles Dickens, Roald Dahl and J. K. Rowling shows that English, in addition to mostly having analytic diminutive formations, also possesses synthetic diminutive formations. Such formations are found in nicknames and pet names. The analysis of diminutive names illustrates that most nicknames and pet names are formed through the addition of the diminutive suffix *-ie* and its variants *-y/-ey/-ee*. Nevertheless, there are examples that are formed with other diminutive suffixes such as *-s* or *-er* and the diminutive markers *little* and *tiny* in the attributive position. Furthermore, it is not uncommon to find examples where multiple diminution is used for creating nicknames. Although typologically different languages, English and Slovene both possess synthetic, analytic and multiple diminution. Translators of the works by Dickens, Dahl and Rowling for the most part preserve the original meaning and do not change the type of diminutives when translating. When they change the form of the diminutive, i. e. analytic or multiple, they tend to use synthetic diminutives, while their main translation techniques are transference and naturalisation. There are also some instances where translators use cultural and descriptive equivalents. *Matilda* and *Charlie and the Chocolate Factory* are two works in which translators choose to use Slovenicized

forms in their translations. We believe that translators should look for creative solutions, but should aim at using them as consistently as possible. There are many factors that translators should take into account when deciding to use original names, semi-citations or Slovenicized names. They should consider the genre that the work belongs to, the intended readership, stylistic factors and should do their best not to stray too far from the original meaning of the story. Translators must never presume that readers are competent in English. Therefore, their goal should be to come as close to the spirit of the Slovene language as possible when translating fictional texts.

SOURCES

Roald DAHL, 2006: *Čarli in tovarna čokolade* (M. Dekleva, Trans.). Ljubljana: Mladinska knjiga.

Roald DAHL, 2007: *Matilda*. London: Puffin Books.

Roald DAHL, 2008: *Matilda* (B. Gradišnik, Trans.). Ljubljana: Mladinska knjiga.

Roald DAHL, 2014: *Charlie and the Chocolate Factory*. [iBooks version]. Retrieved from <<https://itunes.apple.com/us/book/charlie-chocolate-factory/id945527624?mt=11>>.

Charles DICKENS, 1965: *David Copperfield* (O. Župančič, Trans.) Ljubljana: Mladinska knjiga.

Charles DICKENS, 1967: *Oliver Twist* (O. Župančič, Trans.). Ljubljana: Mladinska knjiga.

Charles DICKENS, 1988: *David Copperfield*. Leicester: Galley Press, Ljubljana: Mladinska knjiga.

Charles DICKENS, 1992: *Božična pesem v prozi* (J. Moder, Trans.). Maribor: Založba Obzorja.

Charles DICKENS, 1996: *Oliver Twist*. Harlow, Essex: Longman.

Charles DICKENS, 2011: *A Christmas Carol*. [iBooks version]. Retrieved from <<https://itunes.apple.com/us/book/a-christmas-carol/id483154994?mt=11>>.

J. K. ROWLING, 2006a: *Harry Potter and the Half-Blood Prince*. London: Bloomsbury.

J. K. ROWLING, 2006b: *Harry Potter: Polkrovni Princ* (B. Gradišnik, Trans.). Ljubljana: Epta.

J. K. ROWLING, 2008: *Harry Potter: Princ mešane krvi* (J. J. Kenda, Trans.). Ljubljana: Mladinska knjiga.

J. K. ROWLING, 2012a: *Nadomestne volitve* (J. Blokar and N. Müller, Trans.). Ljubljana: Mladinska knjiga.

J. K. ROWLING, 2012b: *The Casual Vacancy*. London: Little, Brown.

LITERATURE

Stanko KLINAR, Margaret DAVIS, 2012: *English word-formation with exercises*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

Peter NEWMARK, 2005: *A Textbook of Translation*. Harlow: Longman.

Ingo PLAG, 2003: *Word-formation in English*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Klaus P. SCHNEIDER, 2003: *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH.

Slovenski pravopis: <<http://bos.zrc-sazu.si/c/SP/index.html>>.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).

Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica* (4th ed.). Maribor: Obzorja.

POVZETEK

Prevajanje angleških manjšalnih osebnih imen v literarnih besedilih v slovenščino

Kontrastivna analiza del Charlesa Dickensa, Roalda Dahla in J. K. Rowling je pokazala, da se večina angleških manjšalnih osebnih imen tvori s pomočjo manjšalnih pripon *-ie/-y/-ee/-ey*, *-s* in *-er*. Kljub temu, da v angleščini manjšalnost primarno izražamo sintaktično, je le peščica manjšalnih imen tvorjena z levim prilastkom *little* in *tiny* ter osebnim imenom. Manjšalna osebna imena se v slovenščini tvorijo sintetično oz. morfološko. Angleščina in slovenščina sta tipološko različna jezika, vendar sta si pri tvorjenju manjšalnih osebnih imen, tj. vzdevkov in ljubkovalnih imen, podobna. Pri obeh jezikih je opaziti sintetično, analitično in dvojno manjšalnost. Analiza prevodov del britanskih avtorjev je pokazala, da prevajalci večinoma ohranjajo strukturo manjšalnih imen v slovenskih prevodih, kadar so le-ta sintetična. Angleška manjšalna imena kot so *Jimmy*, *Charley* in *Nancy* so v slovenskih delih prevedena kot polcitatna imena. Prensena imena so v slovenskih prevodih prilagojena pravilom slovenske slovnice. Prevajalci uporabljajo tudi poslovenjena imena, tako je npr. v delih Roalda Dahla moč opaziti večino poslovenjenih imen, kjer so imena kot so *Sophy*, *Willy* in *Brucie* prevedena kot *Zofka*, *Vili* in *Rafči*. Manjše število manjšalnih imen je prevedeno s pomočjo opisnih prevodov. Pri prevajanju manjšalnih imen naj bi prevajalci iskali kreativne rešitve, pri tem pa naj bi bili kar se da dosledni. Izbira polcitatnega ali poslovenjenega imena naj bo odvisna od zvrsti izvirnega dela, stilističnih dejavnikov, pomena zgodbe in ciljnega občinstva. Da bi bil prevod kvaliteten, mora prevajalec v največji možni meri literarno delo bralcu približati v duhu prevedenega jezika.

NADA ŠABEC, DEJAN OSTROŠKO

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
nada.sabec@um.si, ddejanno@gmail.com*

Translating Slovene Nominal Diminutives into English in Svetlana Makarovič's Fairytales

The article compares Slovene nominal diminutives with their English equivalents, focusing on the problems related to their translation from Slovene to English. The findings are based on a contrastive analysis of diminutives found in selected fairytales by Svetlana Makarovič and their English translations in the anthology "Svetlana's Fairytales" (2008). Diminutives in the examined texts express smallness as well as attitude. The majority are hypocoristic, but they also express humour, playfulness, irony and contempt. In Slovene, they are commonly formed through the process of derivation, whereas in English, diminutives may also be formed by the addition of the suffixes *-y* and *-let* to nominal bases, although the preferred method of forming diminutives is syntactic (a combination of the adjective *little* + noun).

Prispevek se ukvarja s primerjavo slovenskih samostalniških manjšalnic in njihovih angleških ustrezníc, pri čemer je poudarek na specifičnih problemih prevajanja slovenskih manjšalnic v angleščino. Avtorja analizirata manjšalnice v izbranih pravljicah Svetlane Makarovič in njihove prevode v angleščino v antologiji »Svetlanine pravljice« (2008). Poleg manjšalnosti manjšalnice v izbranih besedilih mnogokrat izražajo tudi čustva. Večino manjšalnic lahko tako označimo kot ljubkovalne, nekatere pa izražajo tudi šaljivost, igrivost, ironičnost in zaničljivost. V slovenščini so manjšalnice po obliki večinoma izpeljanke. V angleščini so manjšalnice le redko izpeljane (samostalniška osnova + priponi *-y* in *-let*), običajno jih tvorimo na skladenjski način (pridevnik *little* + samostalnik).

Key words: diminutives, translation, English, Slovene, contrastive analysis

Ključne besede: manjšalnice, prevajanje, angleščina, slovenščina, protistavna analiza

1 INTRODUCTION

Diminutives express the smallness and/or youth of referents, but they may also express emotions. They are typically used in fairytales, where they play an important role in making the imaginary world of this genre friendlier.

Diminution as a concept is expressed in all languages; however, the linguistic devices used to express it depend on the general structural make-up of a language (Schneider 2003: 1). This may pose difficulties when diminutives are translated from one language to another.

This article looks into the ways Slovene diminutives are translated into English, addressing some of the problems translators face. It focuses on the form and function of nominal diminutives expressing affection, loveliness, humour, playfulness, irony and contempt, etc.

The analysis compares thirteen different contexts taken from nine different fairytales by Svetlana Makarovič, published in the anthology "Svetlana's Fairytales" (2008): *Little Fox in the Moon Forest* (*Lisjaček v Luninem gozdu*), *The Little Fire Imp* (*Ognjiček vražiček*), *Sapramouse* (*Sapramška*), *Carrot Dwarf* (*Korenčkov palček*), *The Rabbit's Year* (*Zajčkovo leto*), *The Moonlight String* (*Mesečinska struna*), *Fluffy-Huffy and the Mba* (*Ščeper in mba*), *The Cocky Little Chief* (*Glavni petelinček*), *Kuzma the Gremlin Wins a Prize* (*Škrat Kuzma dobi nagrado*).

2 STRUCTURAL ASPECTS OF NOMINAL DIMINUTIVES IN SLOVENE AND ENGLISH

Slovene and English are typologically different languages, which is also reflected in the different ways that they form diminutives. This section briefly discusses the structural aspects of nominal diminutives in the two languages.

2.1 Slovene nominal diminutives

The prototypical diminutive in Slovene is a nominal derivative, e. g. *miš-ka* [mouseDIM], although a combination of a noun and a preceding adjective from the word field "small" is also used, e. g. *majhna jasa* [DIM + glade]. The exact number of diminutive suffixes is a matter of debate; Toporišič, for example lists seventeen of them, Bajec eleven, and Vidovič-Muha nineteen (cited in Sicherl 2013: 146).

Slovene diminutives also share some other characteristics: derived diminutives are easily interchangeable with syntactic ones and vice versa, e. g. *majhna miza* [DIM + table] > *miz-ica* [tableDIM]; derived and syntactic forms may be combined, e. g. *majhna miz-ica* [DIM + tableDIM]; and more than one diminutive suffix can be attached to the nominal base, e. g. *fant-ič-ek* [boy > boyDIM >

boyDIMDIM]. As a rule, multiple diminutives¹ are better suited to express attitudes and emotions in addition to the concept of smallness.

2.2 English nominal diminutives

Similar to Slovene, the two processes of forming diminutives in English are derivation and syntactic description, but the latter is considered as more typical of English than the former. Diminutive suffixes currently used in English are: *-a*, *-chik*, *-een*, *-er*, *-et*, *-ette*, *-ie*, *-ing*, *-kin*, *-le*, *-let*, *-ling*, *-o*, *-ock*, *-poo(h)*, *-pops*, *-s* and *-sky* (Schneider 2003: 76–79); however, their number and productivity is a matter of debate.

Syntactic diminutives are combinations of adjectival markers (*small*, *little*, *tiny*, *wee*, *teeny*, *teensy*, *minute* etc.) with nouns. While adjectives have the same denotation, they differ in connotation and style (Schneider 2003: 124–125).

As in Slovene, the combinations of derived and syntactic forms, e.g. *little wifelet*, and of two or more diminutive suffixes is also possible, e.g. *momsie*².

3 FUNCTIONAL ASPECTS OF NOMINAL DIMINUTIVES IN THE FAIRY TALES EXAMINED

Diminutives perform different functions in language and have different connotations depending on the context. In the texts examined, we classified them into hypocoristic, humorous/playful and contemptuous.

3.1 Hypocoristic diminutives

Hypocoristic diminutives express affection towards a referent and at the same time capture their cuteness or loveliness, making the world of fairy tales friendly and kind and reducing the social distance between the narrator and the reader. Positive emotions may be evoked by the small size or youth of the referents.

The most frequent way of translating Slovene hypocoristic diminutives into English is with the diminutive marker *little*, which is stylistically neutral and has a connotative meaning:

---

¹ Multiple diminutives are diminutive forms with more than one diminutive marker.

² Diminutives *little wifelet* (p. 137) and *momsie* (p. 118) are cited in Schneider (2003).

- (1) **Lisjaček** se je zasmel in se pošalil: "Prav, dovoli mi, da te pojem. Zelo sem lačen." (Makarovič: Lisjaček v Luninem gozdu, p. 287)

The **little fox** laughed and joked: "Alright, let me eat you. I'm very hungry." (transl. Cregeen, p. 722)

The Slovene syntactic diminutive *lisjač-ek* [foxDIM] expresses smallness and/or youth and loveliness. Its equivalent *little fox* is structurally different, but expresses the same meaning. The hypocoristic names of animals in English are often derived by the addition of the suffix *-y*; they are used when the "cuteness" of the referent is relevant to the text, while their small size and youth are less important (Schneider 2003: 90). Since the hypocoristic meaning in the Slovene text is not particularly stressed, the syntactic form is perhaps more faithful to the original than the derived one.

Hypocoristic diminutives are a common feature of Slovene, which is also the case in the fairytales examined. The following example includes several different diminutives, some of which represent a special challenge for translators:

- (2) *Veter se ji je zakadil v lase in jo razkuštral, nato pa vrgel onemoglo ognjeno iskrico na polena v njenem naročju. Gospodinja je stekla v hišo, odprla veliko krušno peč in naložila na ogenj nekaj polen. Tako je tudi mala iskrica zašla med plamene. Zažarela je močneje, se razplamtela v droben plamenček, zrasla in se končno spotegnila v majhen, živahen ogenjček, v ognjička-vražička!* (Makarovič: Ognjiček vražiček, p. 328)

The wind rushed at her hair and ruffled it, and then tossed an exhausted **little flame** onto the logs in her arms. The housewife ran to the house, opened the large bread oven and placed some logs on the fire. So the **little flame** found himself again among other flames. He flared up strongly, blazed again, grew and once again became a **small, lively little flame, a little fire imp!** (transl. Cregeen, p. 770)

Iskr-ica [sparkDIM], marked as *usually expressive* in SSKJ (2014), is translated as *little flame*, which is structurally different from the original and has a different semantic base but is equally endearing. The alternative solution would be to translate it as *little/tiny sparklet*³. *Mala iskr-ica* [DIM + spark-DIM], used in the second case, is more expressive than its equivalent *little flame* due to double diminutive markers. *Droben plamenček* [DIM + flameDIM], a double diminutive form, is omitted in the English text, although it could be translated as *tiny/little flamelet* for example⁴. *Majhen (živahen)*

³ The suffix *-let* attached to object nouns is purely descriptive and does not express attitude (Schneider 2003: 97–98).

⁴ The reason for the omission of diminutives in English texts may be their frequent use in Slovene texts, which might be perceived as unnatural to the English reader. In this way the text may be more in line with English cultural norms.

ogenj-ček [DIM + (lively) + fireDIM] more or less matches *small (lively) little flame*, although the semantic base in the English equivalent is only an approximation of the original. The last one, *ognjič-ek vražič-ek* [fireDIM + devilDIM], is especially challenging to translate, as it includes the repetition of the diminutive suffix, rhyme and playfulness and humorous connotations. The translator found a solution in the syntactic form *little fire imp*, which collocates well with the preceding diminutive *small lively little flame*. The playfulness, however, seems to be partly lost but is made up for by other stylistic devices in English, such as repetition (*little*), sound symbolism (sound /f/ in *flare, flame, fire*) and regular rhythm (see also example 9).

In addition, diminutives in the Slovene text are different in form and semantically graded: *iskr-ica* > *plamen-ček* > *ogenj-ček* > *ognjič-ek vražič-ek*, which adds to the stylistic value, diversity and emotional overtone of the text. In English, on the other hand, the repetition of the form *little flame* is used for this purpose, as well as the other stylistic devices which have been mentioned.

In contrast to syntactic forms, derived diminutives in English translations are exceptionally rare. In the following example they are used with the names of animals:

- (3) “*Oproosti,*” je jokala **regica**. In *Sapramiška* jo je še kar ljubeznivo pogledala, požrla slino in odločno rekla: “Nič ne de, **regica** – saj imam še en lešnik. Bom že kako.” **Žabica** se je potolažila. Nekaj časa sta kar tako sedeli in razmišljali. Potem se je **regica** udarila z **nožico** po glavi. “Jo že imam!” je zaklicala (Makarovič: *Sapramiška*, pp. 30–31)

“*I’m soooorry,*” the **froglet** wailed. The **little mouse** gave her quite a kindly look, swallowed and said decisively, “*It doesn’t matter, froggy* – after all, I’ve still got one nut left. I’ll manage somehow.” The **tree-frog** dried her tears and felt better. For a while the two of them just sat there, thinking. Then the **froglet** tapped her head with a **little foot** and cried out, “*Ah, I’ve got it!*” (transl. McConnell-Duff, p. 429)

The Slovene word *reg-ica* is derived from the onomatopoeic word *rega*, marked as *expressive* in SSKJ (2014). Its translations, *froglet* and *froggy*⁵ match the original both structurally and functionally, although they lack the strong onomatopoeic effect expressed in Slovene. While *froggy* is used as a term of address and signals friendliness, *froglet* on the other hand emphasizes

⁵ Diminutives derived with *-y* from animal nouns express smallness and positive attitude, but not necessarily also youth, while diminutives derived with *-let* express youth and corresponding smallness, but not necessarily a positive attitude (Schneider 2003: 90, 99).

the youth of the referent with a touch of emotionality. *Žab-ica*⁶ [frogDIM] sounds endearing, but is translated neutrally as a *tree-frog*, arguably because too many diminutives sound somewhat forced in English, or because the translator considered the diminutive form in this case as irrelevant for the context (see also example (2)). Other Slovene diminutives are translated syntactically. The personal name *Sapramiš-ka* [SapramouseDIM] is derived from the interjection *sapramiš*⁷ and has a humorous connotation. The translated name is not fundamentally different (Sapramouse), except for the diminutive marker that is omitted in English with which the name is somewhat stripped of loveliness. By retaining the name, the translator risks the English reader not recognizing the desired connotation, but on the other hand the text feels more authentic. In the given text, *little mouse* is perhaps a better choice than *Sapramouse* because the emotional value implied in *little mouse* is more pronounced. The last Slovene diminutive, *nož-ica* [footDIM] sounds endearing and is translated as *little foot*, which is structurally different, but matches the original connotation.

Particularly challenging for translation are personal names⁸. When diminutized, they mark character's positive traits. In the following Slovene texts, they are derived from common nouns:

(4) *Regica je zagledala Korenčka in se začudila /.../* (Makarovič: Korenčkov palček, p. 66)

Greenella gazed at Carrot and wondered /.../ (transl. Cregeen, p. 468)

(5) *Nič čudnega, če se je zajček Uhko izgubil v njem.* (Makarovič: Zajčkovo leto, p. 250)

No wonder Floppy the rabbit was lost. (transl. Cregeen, p. 684)

In example (4), *Reg-ica* (see also example 3) is translated as *Greenella*⁹ [Green-DIM]. The Slovene word is based on sound symbolism (the sound made by a frog) while in English the noun reflects the character's physical traits (colour green). However, the most important element in the name, the character's

⁶ In the same story (Sapramouse-Sapramiška) the word *žab-ica* is translated also as *froglet*.

⁷ The Slovene word *sapramiš* is an interjection and is used in spoken discourse as a confirmation of whatever is being said (SSKJ, 2014).

⁸ Ingenious and unique personal names are one of the distinctive features of Svetlana Makarovič's fairytales (Blažič 2011: 77).

⁹ In the story *Little Mouse Goes to a Mill – Miška nese v mlin*, *Greenella* stands for *Zelenela* where the suffix *-ela* in Slovene marks a negative character and is classified as pejorative (Toporišič 2000: 187).

positive traits, are preserved in the translation with the use of the diminutive marker *-ella*.

Another good solution in this case might also be *Froggy*, while the best approximation to the Slovene original with which the onomatopoeic effect would be retained is perhaps *little Ribbit*¹⁰.

Another personal name in the Slovene text is *Koren-ček*, translated as *Carrot*. It is derived from a lexicalized noun *koren-ček*¹¹, denoting a vegetable. In the given example it may or may not carry the emotional component.

In example (5), *Uh-ko* [EarDIM] is derived from the common noun *uho* [ear] which conjures up the image of a rabbit with long ears. The diminutive suffix also expresses cuteness and, as in the case of *Reg-ica*, marks the character's positive traits. The noun *ear*, from which the name is derived in Slovene, is diminutized syntactically in English (*little ear*). As this personal name would not make much sense in English, the translator had to look for acceptable solutions and ingeniously found the onomatopoeic word *Floppy*, featuring the sound of a jumping rabbit or the movement of its ears. Using the diminutive suffix *-y*, the translator preserves the function of the name and using sound symbolism, adapts the vocabulary to children's needs even more effectively. At the same time it reflects and maintains the creativity that is one of the distinctive features of Svetlana Makarovič's stories.

At times, Slovene diminutives are translated as non-diminutive forms, which are sound solutions if they correspond to the emotional value of the original. The following examples include stylistically marked lexemes and onomatopoeic expressions:

- (6) *Pred njim se je vzdigoval cel gozd ogromnih sončnic. Lahno so se zibale v jutranjem vetrcu in vsi njihovi cvetovi so bili obrnjeni v isto smer – proti vzhodu.* (Makarovič: *Korenčkov palček*, p. 55)

In front of him rose a whole forest of huge sunflowers. They rocked lightly in the morning breeze all their flowers were turned in the same direction – towards the east. (transl. Cregeen, p. 456)

- (7) *Obupano je poskušal igrati na preostale tri strune, a iz violine se je zaslišal samo beden cvileč glasek /.../* (Makarovič: *Mesečinska struna*, p. 377)

Desperately, he tried to play on the three remaining strings, but all that came out from the violin was a feeble, whiny squeak /.../ (transl. McConnell-Duff, p. 822)

---

¹⁰ *Ribbit* may be associated with the masculine gender in English culture. Thus for example, one of the animated movies released recently ("*Ribbit*", 2014) features a male frog named "*Ribbit*".

¹¹ The noun *korenček* is not marked as *diminutive* in SSKJ (2014).

In example (6), *vetr-c* [windDIM] seems to have a positive connotation and is translated as *breeze*, a stylistically marked word denoting a light wind. The long vowel /i:/ suggests the idea of slow movement, and the voiced consonant /z/ echoes the sound of the wind.

In example (7), *glas-ek* [voiceDIM] is translated as *squeak* where the sound /i/ conveys the notion of something slender or slight, in this case the feeble sound of a violin. Due to the sound symbolism, it is perhaps an even better solution than the diminutive *little voice* which could have been used.

3.2 Humorous/playful diminutives

Some Slovene diminutives, which express loveliness or endearment towards a referent, have humorous/playful connotations as well. In the following examples, they are translated syntactically¹²:

(8) <i>Živela je prav majhna kača, kačica Jarmila belouška, bila je hrozno nevzgojena pa važna in stremuška! Najraje je strašila miške Sabadam, lahko vas vse uničim! Kako? Mi ne verjamete? Naj katero pičim? /.../ (Makarovič: Korenčkov palček, p. 57)</i>	<i>“Once there lived a little snake Yarmila the little grass snake, and she was awfully uncultured but important and ambitious! She liked best to frighten mice: Sabadam, I can destroy you all! What? You don’t believe me? Which of you should I bite? /...!” (transl. Cregeen, p. 458)</i>

- (9) *Peč je prijetno gorela ves dan in vso noč, proti jutru pa je ogenj v njej ugasnil in se spremenil v kup pepela. Samo majhen ogenjček, ognjiček vražiček, ni pa ni hotel ugasniti.* (Makarovič: Ognjiček vražiček, p. 316)

The oven heated nicely all day and all night and, towards morning, the fire in it went out and became a pile of ashes. Just one little flame, a little fire imp, didn’t want to be extinguished. (transl. Cregeen, p. 757)

In example (8), the syntactic diminutive *majhna kača* [DIM+snake] and derivative *kač-ica* [snakeDIM], marked as *expressive* in SSKJ (2014), are both translated into English syntactically as *little snake*. The derived diminutive

¹² Klinar (1996: 200) observes that this kind of diminutive are translated with various adjectives describing a noun base, e.g. *ramca – eager sholuder*, or are accompanied with jocular cheers i.e., *Oh!, Yes!, Well!* in the sentence. A playful overtone may be carried to other parts of the sentence or text.

miš-ke [miceDIM], which expresses loveliness and has a humorous connotation, is translated neutrally as *mice*¹³.

The humorous effect is created through the contrast between the diminutives used (child talk) on the one hand and the way the speaker wants to be perceived on the other. Some other elements in the text that add to the humour are the words *hrozno* and *sabadam*. The first one reflects the defective articulation (sound /g/ used instead of /h/); however, the intended humorous effect is lost in the English translation *awfully*. *Sabadam* is an imaginary onomatopoeic word where the consonants used mark the word with a harsh and heavy tone. The word is perhaps an incantation or innocent swearing; it is not translated, but remains the same as in the original.

In example (9), *majhen ogenj-ček* [DIM + fireDIM] is translated syntactically as *little flame*. The emotions in the Slovene original are emphasized with double diminutive markers, while in English this is not the case. *Ognjič-ek vražič-ek* [fireDIM + devilDIM] also has two diminutive markers rhyming, which adds a playful connotation to the expression. Its equivalent *little fire imp* and the preceding diminutive include sound symbolism (*/f/* in the words *flame* and *fire*) and the repetition of *little*, which intensifies the emotions expressed (see also example 2).

3.3 Contemptuous diminutives

Some diminutives have a negative connotation. They imply the speaker's superiority, ridicule an addressee and have an ironic connotation.

The following example of Slovene text includes insults and innocent swearing utterances. Animal names with a negative connotation are translated into English diminutively:

- (10) *Z veje jo je opazoval kos. To je bil kos zelo predrznega značaja in tudi dolgega jezika. Zažgolel je: "Lisica, lisica, pasja potica! Kaj pa tale lisica počne? Lisica tatica, solit se naj gre!"* (Makarovič: Ščeper in mba, p. 74)

From a branch above her, a blackbird was watching her. This was a very cheeky blackbird who always had a lot to say. And he called out, at the top of his voice, "Foxy, foxy, you can't fox me! What's the little fox up to now? Little fox, little thief – you'll soon come to grief!" (transl. McConnell-Duff, p. 477)

---

¹³ The sound /i/ in *mice* may be claimed to suggest smallness.

The Slovene word *lisica* [fox] can be read figuratively as a cunning person. Its equivalent *foxy* is used ironically and corresponds to the original in connotation. In contrast to the syntactic form *little fox*, it does not express anger or rage on the part of the speaker but is contemptuous. Especially challenging is *lisica tatica*, a fixed phrase. The translator has ingeniously found a solution in the repetition (*little fox, little thief*), which intensifies the emotions and rhymes with the word *grief* used in the same sentence.

One of the distinctive features of Makarovič's fairy tales is the frequent use of innocent swearing (Blažič 2011: 77). Examples in question are the insult *pasja potica* translated as *you can't fox me* and the swearing *solit se naj gre* translated as *you'll soon come to grief*, which will presumably provoke laughter on the part of the reader, while in English the utterances will probably fail to achieve the same effect.

In the next example, the lexically contemptuous term *smrklja* is translated with the syntactic diminutive form *little snot* where the diminutive marker *little* intensifies the negative attitude. *Zvonček* is a lexical word, a diminutive in form, but does not belong to this category, as it is merely the name of a flower corresponding to the English *snowdrop*.

- (11) "Kdaj si pa ti *smrklja*, že videla sonce?" se je obregnil *zvonček*. (Makarovič: Ognjiček vražiček, p. 321)
 "When did you ever see the sun, *little snot*?" chided the *snowdrop*. (transl. Cregeen, p. 760)

In the following example, one of the diminutives is used to ridicule the addressee:

- (12) *Pod vrbo se je ustavil, se zagledal v potok in se občudoval. "Kikiriki, res sem glavni!" se je veselil na glas. "Hoho, ti pa glavni! Umrla bom od smeha, umrla bom!" se je zaslišalo za njegovim hrbtom. Petelinček se je ozrl. Glej jo vrano! "No, ali boš rekla da nisem lep?" je jezno vprašal. "Lep? Ohoho! Umrla bom! Ti pa lep, s temi smešnimi hlačicami!"* (Makarovič: Glavni petelinček, p. 192)

Beneath a willow he came to a stop, gazed at his reflection in the stream and marvelled at it: "Cockadoodle-doo, I really am the chief!" he burst out in delight. "Ho-ho, you, the chief! I'll die of laughing, I really will!" came a voice from behind his back. The little cockerel looked round. Lo and behold – a crow! "D'you mean to say that I'm not handsome?" he asked angrily. Handsome? Oh-ho-ho! I'll die laughing! You, handsome, with those ridiculous pants?!" (transl. McConell-Duff, pp. 621–622)

Petelinček [cockDIM], marked as *usually expressive* in SSKJ (2014), and its syntactic equivalent in English *little cockerel*, match in meaning but not in

form. The translation of (smešne) *hlač-ice*¹⁴ [pantsDIM] as *ridiculous pants* suggests that in cases where a noun is modified by a negative adjective English is more likely to use a non-diminutive form, while Slovene prefers diminutives.

The following text includes ironic diminutives which are intended to ridicule the addressee:

- (13) “*Ampak to ... to je navadna lopovščina!*” “*Lopovščine so neprijetne,*” *se je oglasil jež, “meni je nekdo, pomisli, z ilovico zazidal vhod v votlino, da nisem mogel noter. Res, jaz sem tudi proti lopovščinam.” Kuzma je bolj in bolj zardeval. Potem pa je v navalu jeze hotel planiti nad veverico pa še nad srako. Pa sta se obe brž skrili za medvedov hrbet. Medved se je zakrohotal, da je kar odmevalo, in zaklical: “Kaj hočeš, Kuzma, smo si pač privoščili **majhno škratovščino!**”* (Makarovič: Škrat Kuzma dobi nagrado, p. 103)

*“Yes but that’s ... that’s just ... ordinary trickery!” “Trickery,” the hedgehog broke in, “is most unpleasant. Just imagine – someone blocked up the entrance to my burrow with clay, so that I couldn’t get in. Really, that sort of trickery just isn’t funny.” Kuzma blushed more and more. Then, in a fit of anger, he tried to jump on the squirrel, and then the magpie, but they both hid behind the bear’s back. The bear burst out laughing, so loudly that it echoed all round, and he boomed out, “What can you do Kuzma? We were just practising a **little – gremlinry!**”* (transl. McConnell-Duff, p. 509)

Majhna škratovščina and its English equivalent *little gremlinry* match in structure and in ironic connotation. The expression refers to trickery by forest animals as vengeance for all the miseries Kuzma the dwarf had caused to others by playing tricks. It is intended to ridicule Kuzma. The dash used in English is used in a playful way and draws attention to the idea expressed.

4 CONCLUSION

Contrary to Slovene, expressing diminutiveness by means of derivation is relatively rare in English, the most frequently used diminutive suffixes for this purpose being *-y* and *-let*. Translators therefore most often resort to syntactic description, particularly with the adjective *little*. Occasionally, they use non-diminutive translations, which may be good solutions in the cases of matching connotations. A useful linguistic device in this respect is onomatopoeia and sound symbolism in general.

Some of the problems the translators face in the texts examined are related to: relatively unproductive diminutive suffixes in English; the extensive use of

¹⁴ SSKJ (2014) marks *hlačice* as *usually* expressive.

diminutives in Slovene, particularly in some parts of the texts; the relatively frequent use of double diminutive forms in Slovene; fixed phrases; personal names; and unique expressions with no real equivalents in English.

The high degree of productivity of diminutive suffixes and the flexibility and ease of forming diminutives with practically any nominal base in Slovene provides opportunities for their frequent use. In English, the extensive use of diminutives would be perceived as unnatural, which is why some are omitted from English translations. Using this strategy, the emotional value of the text may be lost unless compensated with other means.

Slovene and English also differ in the use of double diminutive forms, which are quite often used in Slovene and are, as a rule, translated into English with simple diminutives.

Personal names are particularly challenging for translators. When diminutized, they mark characters' positive traits and the translator must ensure that the name functions as well as possible in the target language, as in the source language.

The findings of this study are somewhat limited as they are based on the analysis of a relatively small sample of diminutives found in a specific genre written by a single author. It is nevertheless hoped that they may be of value to translators, shedding light on the problems which they face translating Slovene diminutives to English, as well encouraging further research involving more data, various authors and various genres.

LITERATURE

Milena Mileva BLAŽIČ, 2011: Izvirnost v mladinskih besedilih Svetlane Makarovič. *Jezik in slovnstvo* 56/1–2, 73–86.

Jan Van COILLIE, Walter P. VERSCHUEREN, 2006: *Children's literature in translation: challenges and strategies*. Manchester: St. Jerome Publishing.

Stanko KLINAR, 1996: Prevajanje slovenskih manjšalnic. *Prispevki k tehniki prevajanja iz slovenščine v angleščino*. Ed. Stanko Klinar. Radovljica: Didakta. 194–212.

Stanko KLINAR, Margaret DAVIS, 2008: *English word-formation with exercises, part one*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani.

Svetlana MAKAROVIČ, 2008: *Svetlanine pravljice – Svetlana's Fairytales*. Dob pri Domžalah: Miš.

Oxford English Dictionary: <<http://www.oed.com>>.

Klaus P. SCHNEIDER, 2003: *Diminutives in English*. Tübingen: Max Niemeyer.

Eva, SICHERL, 2013: Diminutive nouns and verbs in Slovene compared to their English equivalents. *Slovenski jezik – Slovene linguistic studies* 9, 145–162.

Slovar slovenskega knjižnega jezika, 2014. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2011: *Slovensko skladenjsko besedotvorje*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

SUMMARY

Prevajanje slovenskih samostalniških manjšalnic v angleščino v pravljicah Svetlane Makarovič

Avtorja v članku primerjata slovenske manjšalnice z njihovimi ustreznici v angleškem jeziku, pri čemer se osredinjata na samostalniške manjšalnice v leposlovnih besedilih. Primeri so vzeti iz pravljic Svetlane Makarovič, objavljenih v antologiji *Svetlanine pravljice* (2008).

Manjšalnice, še zlasti samostalniške, imajo v otroški literaturi vidno vlogo. So zelo produktivne in pogosto izražajo ljubkovalnost do poimenovanega. V slovenščini jih običajno tvorimo z dodajanjem ustreznih pripon k samostalniški podstavi, možna pa je tudi tvorba na skladenjski ravni, z dodajanjem pridevnikov *majhen*, *droben* itd. pred samostalnik. Sintetične tvorjenke so skoraj vedno zamenljive z analitičnimi, in obratno. V pravljicah, ki so predmet raziskave, najdemo oba načina. V angleščini je tvorba manjšalnic vezana večinoma na skladnjo. Manjšalnost je običajno izražena s kombinacijo samostalnikov in pridevnikov *little* in *small*, v leposlovnih besedilih tudi *tiny*, medtem ko je izpeljava manj pogosta, manjšalniške pripone pa veljajo za nizko-produktivne. Splošen vtis je, da je angleščina manj naklonjena rabi manjšalnic kot slovenščina, to pa lahko daje občutek čustvene mlačnosti jezika.

Zaradi razlik v zgradbi in funkcijah manjšalnic med obema jezikoma predstavlja njihovo prevajanje poseben izziv. Avtorja analizirata, kako se prevajalci lotevajo posameznih problemov, ocenjujeta ustreznost njihovih rešitev in predlagata alternativne, kjer le-te obstajajo. Nakažeta smer nadaljnjih raziskav (samostalniških) manjšalnic s slovensko-angleškega protistavnega vidika.

POLONCA ŠEK MERTÜK

*Pedagoška fakulteta Univerze v Mariboru,
Slovenija, Maribor, polonca.sek@um.si*

Pojav in (ne)zaznamovanost besed s podatkom *manjšalno* v Slovenskem pravopisu (2003, 2014)

Manjšalnice so besedotvorna kategorija, tvorjenke, ki s priponskim obrazilom izražajo manjšo mero značilnosti podstave. V prispevku se osredotočam na besede v slovarskem delu Slovenskega pravopisa (2003, 2014), ob katerih je zapisana krajšava *manjš.* (1651 zadetkov). Slovenski pravopis okrajšavo pojasnjuje kot *manjšalno*. Zato v prispevku uporabljam poimenovanje *besede s podatkom manjšalno* (in ne manjšalnice). Predstavljeno je stanje besed s podatkom *manjšalno* in njihova razporeditev glede na besedne vrste (samostalniške, pridevniške, glagolske in prislovne). Zanimata me tudi morebitna označenost oziroma zaznamovanost obravnavanih besed. Za nekatere od njih je izpričana le nevtralna (nezaznamovana) raba, mnoge med njimi pa so zaznamovane. Zaznamovanost kažejo različne oznake, npr. čustvenostne, socialnozvrstne, časovne ali pogostnostne oznake.

Diminutives present a word-formation category (i. e. derivatives), which, formed with the suffix, denote a lower degree of features expressed in the base. In the lexicographical part of *Slovenski pravopis/Slovenian Orthography* (2003, 2014) diminutives are indicated by the grammatical qualifier *manjš.* (n., a diminutive); the search finds 1651 hits. The *Slovene pravopis/Slovenian Orthography* describes the grammatical qualifier as *manjšalno* (adj., diminutive). Therefore, this article uses the mark *manjšalno* (adj. diminutive), instead of *manjšalnica* (n., a diminutive). The article presents a position of the words marked as *manjšalno* (adj., diminutive) and the word categories of diminutives (derived from noun, adjective, verb and adverb). The article depicts the diminutives' characteristics regarding their mark and denotation. The denotation is indicated by various marks, for instance, marks that signify the emotional aspect, time marks or frequency marks.

Ključne besede: slovenski jezik, Slovenski pravopis, besedotvorje, manjšalnica, manjšalno

Key words: Slovene Language, Slovenian Orthography/Slovenski pravopis, word-formation, diminutives

0 Uvod

Manjšalnica (deminutiv) je »(T)vorjenka, zlasti samostalniška, ki s priponskim obrazilom izraža manjšo mero značilnosti podstave, npr. *hiška* ‘majhna hiša’, *stopicati* ‘drobno stopati’, *drobcen* ‘prav droben’ nasproti *hiša*, *stopati*, *droben*« (Toporišič 1992: 100). V določenih primerih bi namesto izraza manjšalnost bil boljši izraz »majhnost/manjšost« (Toporišič 2006: 5). Manjšalnice »torej načeloma objektivno poimenujejo pojavnost glede na velikost druge take pojavnosti (*mizica*, *sodček*, *žlička*). Vendar se z manjšalnicami ne poimenujejo zgolj objektivno majhne stvari, ampak se manjšalnost uporablja za izražanje stopnjevitosti ali čustvenosti.« (Stramljič Breznik 2009: 199) K manjšalnicam pa prištevamo tudi »pomensko sorodne tvorjenke, ki poimenujejo mladiča ali nedoraslo, ter tvorjenke ali rabe le-teh, pri katerih je z istimi obrazili izražen čustveni (pozitivni ali negativni oz. ljubkovalni ali slabšalni) odnos govorečega do označevane pojavnosti« (Merše 2010: 45).

V Slovenskem pravopisu (2003) so manjšalnice obravnavane pri težjih primerih iz besedotvorja (§ 1001–1005). Prikazana so priponska obrazila za manjšalnice (ljubkovalnice ipd.). Pri predstavitvi krajšav in slovarskih oznak (§ 3), ki jih najdemo v slovarskem delu Slovenskega pravopisa, je krajšava *manjš.* pojasnjena kot *manjšalno*.

V prispevku me zanimata pojav besed s podatkom *manjšalno* in tipologija oznak, ki se pojavljajo ob obravnavanih besedah. V Slovarju slovenskega knjižnega jezika (2014) je zapis *manjšalnica* od le ob samostalniških manjšalnicah. Iz tega sledi, da SSKJ ne omogoča obravnave vseh besednih vrst manjšalnic v slovenskem jeziku. Drugače pa je v slovarskem delu Slovenskega pravopisa, v katerem je podatek *manjšalno* ne le ob samostalnikih, ampak tudi ob nesamostalniških besednih vrstah. Slovarski del Slovenskega pravopisa tako omogoča širši prikaz besed s podatkom *manjšalno* v slovenskem jeziku, in sicer po vseh skupinah besednih vrst.

V elektronski izdaji oz. računalniškem programu ASP32 (2003) je s pomočjo iskalnika (*zahtevno iskanje*) po iskalnem kriteriju z oznako *slovnično* in podskupino *manjšalno*, v elektronski oz. spletni izdaji iz leta 2014 (na Franu) pa s pomočjo iskalnika (*napredno iskanje*) po iskalnem kriteriju *manjš.* v iskalnem polju *Oznaka, krajšava, kvalifikator* najdenih 1651 zadetkov. Natančna analiza izpisa vseh najdenih zadetkov je pokazala, da iskalnika obeh elektronskih zapisov Slovenskega pravopisa (2003 in 2014) po iskalnem ukazu vpisanega kriterija *manjš.* kot zadetke za besede s podatkom *manjšalno* najdeta oziroma izpišeta samo tiste tvorjenke s krajšavo *manjš.*, ki se nahajajo v iztočnici.

1 PROBLEMATIKA DOLOČITVE ŠTEVILA BESED S POMENOM MANJŠALNO V SLOVENSKEM PRAVOPISU

Na podlagi natančnega izpisa vseh 1651 zadetkov, ki jih iskalnik iz Slovenskega pravopisa najde po kriteriju *manjš.*, je bilo ugotovljeno, da število zadetkov ni enako številu besed s podatkom *manjšalno*. Iskalnik po vnesenem kriteriju *manjš.* namreč najde samo besede s krajšavo *manjš.*, ki so v iztočnici. Med zadetke pa ne šteje besed, ki so v podiztočnici in tudi imajo krajšavo *manjš.* (na primer *bučka* ali *črnčka* v podiztočnicah pod iztočnicama *buček* in *črnček*). Tako je število besed s podatkom *manjšalno* (to je s krajšavo *manjš.*) v slovarskem delu Slovenskega pravopisa dejansko večje od števila 1651 (kot jih kot zadetke najde iskalnik).

Ob preučevanju tvorjenk s podatkom *manjšalno* se je problematika uporabe računalniškega iskalnika pokazala tudi pri iskanju obravnavanih besed po posameznih skupinah. Samostalniških tvorjenk s podatkom *manjšalno* je skupno (brez delitve na posamezni spol) 1446. Če pa iščemo samostalniške besede s podatkom *manjšalno* po podskupinah glede na spol, jih iskalnik skupno izvrže kar 1562. Do razlike pride, ker iskalnik pri dodatnem iskalnem kriteriju (po posameznem spolu) pri samostalnikih s krajšavo *manjš.* ženskega spola, na primer, vključi tudi pojmovne izpeljanke ž. spola na *-ost*, ki so v podiztočnici pridevnikov s krajšavo *manjš.*, toda same nimajo podatka *manjšalno* (npr. *razrezljanost* pod iztočnico *razrezljan*). Pri samostalnikih srednjega spola s podatkom *manjšalno* so številke različne zato, ker iskalnik vključi tudi primere samostalnikov moškega spola s podatkom *manjšalno*, ki imajo v zaglavju zapisan primer v orodniku (npr. zglede *capljač* iskalnik navede pri samostalnikih srednjega spola, ker v zaglavju najde *s -em*; hkrati pa isto besedo izvrže tudi pri iskanju besede s podatkom *manjšalno* po kriteriju za moški spol). Iz zapisanega sledi, da iskalnik mnogo istih samostalnikov s podatkom *manjšalno* izvrže večkrat, po različnih iskalnih pogojih. Kot je bilo omenjeno, pa kot zadetke za samostalnike s pomenom *manjšalno* obravnava tudi samostalnike, ki so v podiztočnicah, a nimajo podatka *manjšalno* (zapis *manjš.* ima le beseda v iztočnici). Tudi pri pridevniških tvorjenkah, ki so najdene kot zadetki po kriteriju *manjš.*, prihaja do razlike v številu glede na skupno iskanje in iskanje po dodatnem kriteriju, in sicer zato, ker iskalnik pod dodatnim kriterijem *-a -o* ali *-a -e* izbere tudi primere s pridevniškimi tvorjenkami v podiztočnicah, ki pa nimajo podatka *manjšalno* (npr. *barabičin*, *bogčev*, *capljačev*). V osnovnem (skupnem) iskanju je pridevniških manjšalnic le 22, z dodatnima kriterijema *-a -o* in *-a -e* pa jih iskalnik najde kar 90.

Iz zapisanega sledi, da je iskanje besed s podatkom *manjšalno* v Slovenskem pravopisu najbolj zanesljivo po osnovnem (skupnem) iskalnem pogoju *manjš.*

Po tem pogoju iskalnik najde 1651 zadetkov, iz nabora vseh pa se potem najdeno podrobneje analizira po posameznih besednih vrstah. Število 1651 pa žal ne predstavlja vseh besed s podatkom *manjšalno*, saj iskalnik med besede s podatkom *manjšalno* vključi le besede iz iztočnic, ne pa tudi tistih, ki so v podiztočnicah.

V prispevku me zanimata pojav besed s podatkom *manjšalno* in tipologija oznak ob teh besedah v slovenskem jeziku na podlagi prikaza v slovarskem delu Slovenskega pravopisa. Kljub zavedanju problematike rabe iskalnika in posledično ne točnega števila najdenih besed s podatkom *manjšalno* (iskalnik vključi le besede v iztočnicah, ne pa tudi v podiztočnicah) izhajam iz rezultata iskalnika, to je iz številke 1651. Zato bodo obravnavane samo besede s podatkom *manjšalno*, ki so zapisane v iztočnicah.

2 BESEDE S PODATKOM MANJŠALNO V SLOVENSKEM PRAVOPISU PO BESEDNIH VRSTAH

Pri predstavitvi besed v iztočnicah, ob katerih je zapisan podatek *manjšalno*, izpostavljam posamezne značilnosti obravnavanih besed glede na besedno-vrstnost ter nekatere druge zanimive ugotovitve in značilnosti posamezne skupine.

Besede s podatkom *manjšalno* (ob njih je zapisana krajšava *manjš.*) pripadajo različnim besednim vrstam. S pomočjo iskalnika najdenih 1651 zadetkov uvrščam v štiri skupine glede na besedno vrsto: samostalniške, pridevniške, glagolske in prislovne. Zastopanost po besednih vrstah je takale:

Preglednica 1: Porazdelitev besed s podatkom *manjšalno* glede na besedno vrsto

Samostalniki s podatkom <i>manjšalno</i> glede na besedno vrsto	f	%
Samostalniška	1446	87,6
Pridevniška	22	1,3
Glagolska	181	11,0
Prislovna	2	0,1
Skupaj	1651	100,0

Od vseh 1651 zadetkov jih je velika večina (87,6 %) samostalniških. Precej manj je glagolskih (11 %) in pridevniških (1,3 %). Slovarski del Slovenskega pravopisa s podatkom *manjšalno* navaja tudi dva prislova (0,1 %).

2.1 Samostalniki s podatkom *manjšalno*

Preglednica 2: Porazdelitev samostalniških besed s podatkom *manjšalno* glede na spol

Samostalniki s podatkom <i>manjšalno</i> glede na spol	f	%
Moški Spol	758	52,4
Ženski Spol	571	39,5
Srednji Spol	117	8,1
Skupaj	1446	100,0

Ne preseneča, da od vseh besed s podatkom *manjšalno* prevladujejo samostalniki (preglednica 1).¹ Tudi razmerje glede na spol (preglednica 2) je pričakovano. Več kot polovica (52,4 %) obravnavanih samostalnikov je moškega spola, nekaj manj (39,5 %) jih je ženskega in najmanj srednjega spola (8,1 %).²

Podobno kot pri samostalnikih sploh je tudi večina samostalnikov s podatkom *manjšalno* v iztočnicah zapisana v ednini, takih je 1430 primerov (99 %). Od teh je kar pri 18 kot ponazarjalni primer navedena tudi množinska raba (*bučke, kapljice, klinčki, kolački, kosmiči, krpice, kumarice, lisičke, mrvice, paličice, perutničke, plevice, rebrca, sardelice, smokvice, zvezdice, želodčki* in *žgančki*). Zanimivo je, da imajo razen enega (*kapljice*) vsi ponazarjalni zgledi množinske rabe dodano zvrstno oznako *snovno* in so povezani s hrano.³ Obstajajo pa tudi samostalniške tvorjenke s podatkom *manjšalno*, ki so že v iztočnici zapisane v množinski obliki. Takih je 16 (1 % vseh samostalnikov s podatkom *manjšalno*): *citrice, drvca, garice, goslice, grabljice, hlačice, hlačke, jaslice, jetrca, kleščice, pljučka, prsca, škarjice, usteca, ustka* in *vratca*.

2.2 Pridevniki s podatkom *manjšalno*

V Slovenskem pravopisu je 22 pridevnikov s podatkom *manjšalno*: *belcen, belčkan, bledcen, bolančkan, cartkan, cepetljiv, čedkan, čistkan, fletkan, golobičji, igračkast, lahcen, luštkan, majcen, majcken, majčken, micen, mičken, petelinčkov, razrezljan, zaspančkan* in *zlatkan*. Pridevniške *manjšalnice*, ki so izpeljane iz pridevnikov, izražajo manjšo mero lastnosti pridevnika iz

¹ Stanje je podobno kot v slovenskem jeziku sploh (Jakopin 1995: 344).

² Razmerje med samostalniškimi *manjšalnicami* je podobno tudi v Slovarju slovenskega knjižnega jezika, vendar z nekoliko manjšo razliko v razmerjih, m. sp. 48 %, ž. sp. 44 %, s. sp. 7 % (Stramljič Breznik 2008: 58).

³ Gre za »kulinarne izraze (ki merijo na dobro voljo in dober tek)« (Klinar 1996: 196).

podstave (Toporišič 2000: 204). Zanje so značilna obrazila: *-cen*, *-cken*, *-kan*, *-čkan*, *-čken* in *-can*. Pridevniške tvorjenke s pomenom *manjšalno*, tvorjene iz glagolov, imajo obrazilo *-ljiv*, tvorjenke iz samostalnikov pa poleg obrazila *-ast* po zapisu v Slovenskem pravopisu tudi *-ji* in *-ov*.

2.3 Glagoli s podatkom *manjšalno*

Preglednica 3: Porazdelitev glagolov s podatkom *manjšalno* glede na glagolski vid

Glagoli s podatkom <i>manjšalno</i> glede na glagolski vid	f	%
Dovršni	70	38,7
Nedovršni	111	61,3
Skupaj	181	100,0

S pomočjo iskalnika je bilo v iztočnicah najdenih 181 glagolov s podatkom *manjšalno*: 70 dovršnih, 109 nedovršnih⁴ in 2 dvovidska glagola (*čičkati* in *objemčkati*), ki ju zaradi slovničnega podatka *dvovid.*, *nedov.* prištevam k nedovršnim glagolom. Nekateri glagoli s podatkom *manjšalno* se pojavljajo v obliki s prostim morfemom *se*. Ko obstaja samo oblika s prostim morfemom *se* (za prosti morfem *ga* ni primera), je glagol s prostim morfemom zapisan v iztočnici. Takih glagolov je 16 (9 dovršnih – *nasmehljati se*, *naspančkati se*, *poigrajčkati se*, *posmehljati se*, *prismehljati se*, *prisukljati se*, *učičkati se*, *zasmehljati se* in *zasmejčkati se* ter 7 nedovršnih – *gobčkati se*, *golobčkati se*, *gugljati se*, *igrajčkati se*, *smehljati se*, *smejčkati se* in *smučkati se*). Kadar pa obstaja glagol s podatkom *manjšalno* tudi brez prostega morfema *se* ali *ga*, je oblika brez prostega morfema v iztočnici, oblika s prostim morfemom pa v podiztočnici. Analiza obravnavanih primerov zanimivo pokaže, da je v podiztočnicah pri iztočnicah glagolov s podatkom *manjšalno* kar 15 primerov glagolov s prostim morfemom (13 s prostim morfemom *se* – *popahljati se*, *pritrkljati se*, *raztrkljati se*, *skotalikati se*, *zasukljati se*; *čehljati se*, *čičkati se*, *dremuckati se*, *ljubčkati se*, *pahljati se*, *petelinčiti se*, *sukljati se*, *tresljati se* in 2 s prostim morfemom *ga* – *cukljati ga*, *sekljati ga*), toda le pet od teh glagolov v podiztočnicah ima zapisan podatek *manjšalno* (*raztrkljati se*, *zasukljati se*; *čičkati se*, *petelinčiti se*, *tresljati se*). Tako ima na primer podiztočnica *raztrkljati se* (pod iztočnico *raztrkljati*) podatek *manjšalno*, podiztočnica *pritrkljati se* (pod iztočnico *pritrkljati*) pa ne. Pojasnila oziroma vzroka za različno

⁴ V slovenskem jeziku je sicer več dovršnih kot nedovršnih glagolov (Jakopin 1995: 344).

obravnavo (in posledično različen zapis) obravnavanih glagolov v Slovenskem pravopisu nisem zasledila.

2.4 Prislova s podatkom *manjšalno*

V Slovenskem pravopisu imata podatek *manjšalno* tudi dva prislova, in sicer merna prislova *majceno* in *majčkeno*.

3 (NE)ZAZNAMOVANOST BESED S PODATKOM *MANJŠALNO* V SLOVENSKEM PRAVOPISU

Poleg pojava (stanja) besed s podatkom *manjšalno* v slovarskem delu Slovenskega pravopisa me je zanimala tudi (ne)zaznamovanost teh besed. Tako kot druge besede so tudi manjšalnice (po Slovenskem pravopisu besede s podatkom *manjšalno*) lahko stilno oz. zvrstno nevtralne ali zaznamovane. Zaznamovanost je v slovarju označena s stilnimi ali zvrstnimi oznakami; pri obravnavanih besedah so to na primer čustvenostne, socialnozvrstne, časovne ali pogostnostne oznake.

3.1 (Ne)zaznamovanost samostalnikov s podatkom *manjšalno*

(Ne)zaznamovanost samostalnikov s podatkom *manjšalno* zaradi velikega števila samostalnikov in omejenega obsega prispevka predstavljam le na primeru množinskih samostalnikov. Kot je bilo že omenjeno, je v iztočnicah 16 samostalnikov, ki imajo podatek *manjšalno* in so v množini. Za osem od teh v Slovenskem pravopisu ni izpričana zaznamovana raba (*citrice, garice, grabljice, hlačke, jaslice, kleščice, usteca* in *vratca*). Za osem drugih primerov pa najdemo podatek o zaznamovanosti; izražena je z različnimi oznakami. Čustvenostno oznako *poudarjalno* imajo iztočnice *drvca, prsca* in *ustka*. Socialnozvrstna oznaka *knjižno neobčevalno* je značilna za *hlačice*. *Goslice* pa imajo celo dve oznaki, socialnozvrstno *knjižno neobčevalno* in čustvenostno *poudarjalno*. Posebej zanimivi so samostalniki *jetrca, pljučka* in *škarjice*, za katere iz ponazarjalnega gradiva razberemo nezaznamovanost in zaznamovanost. Za nezaznamovanost so navedeni ponazarjalni zgledi *piščančja jetrca, kokošja pljučka* in *škarjice za nohte*. Zaznamovanost pa je razvidna iz oznak; pri iztočnicah *jetrca* in *pljučka* iz oznake *snovno (pražena jetrca, pljučka v omaki)*, pri iztočnici *škarjice* pa iz oznake *narodopisno (škarjice brusiti – poimenovanje za otroško igro)*.

Kot zanimivost izpostavljam možnost, »ko je manjšalnica nosilec ali ljubkovalnega ali slabšalnega vrednotenja« (Stramljič Breznik 2008: 57). Tako ima na primer iztočnica *belček* čustvenostno oznako *ljubkovalno* v pomenu 'otrok bele rase', *slabšalno* pa v poimenovanju 'belogardist, domobranec'.

3.2 (Ne)zaznamovanost pridevnikov s podatkom *manjšalno*

Od 22 pridevnikov s podatkom *manjšalno* v Slovenskem pravopisu štirje nimajo podatka o zaznamovanosti (*cepetljiv*, *golobičji*, *petelinčkov* in *razrezljan*). Za drugih 18 pridevnikov obravnavane skupine pa je v ponazarjalnem gradivu izpričana zaznamovana raba. Zaznamovanost pridevnikov s podatkom *manjšalno* je nakazana s čustvenostnimi in socialnozvrstnimi oznakami. Od vseh oznak prevladuje čustvenostna oznaka *poudarjalno* (*čedkan*, *čistkan*, *lahcen*, *majcen*, *majken* in *majčken*). Dokaj pogoste so tudi pridevniške oblike s čustvenostno oznako *ljubkovalno* (*belcen*, *belčkan*, *bledcen* in *zlatkan*). Pridevnika s čustvenostno oznako *otroško* sta samo dva (*bolančkan* in *zaspančkan*). Socialnozvrstna oznaka se kaže v *neknjižni pogovorni* (*cartkan*) in *pokrajinski pogovorni gorenjski* (*fletkan*) rabi. Zanimiva je tudi dvojna zaznamovanost, »dve kombinirani pomenski skupini« (Stramljič Breznik 2009: 199). Pridevnik *luštkan* ima socialnozvrstno oznako *neknjižno pogovorno* in čustvenostno oznako *poudarjalno*, pridevnika *micen* in *mičken* pa socialnozvrstno oznako *knjižno pogovorno* in čustvenostno oznako *poudarjalno*. Posamezni pridevnik s podatkom *manjšalno* pa ni vedno bodisi nezaznamovan bodisi zaznamovan. Isti pridevnik je lahko v enem primeru zaznamovan, v drugem pa nezaznamovan – za pridevnik *igračkast* na primer imamo ponazarjalni zgled za nezaznamovanost oz. nevtralnost (*igračkast pladenj*) in za zaznamovanost (*poudarjalno: igračkast otrok* 'ki se rad igra').

3.3 (Ne)zaznamovanost glagolov s podatkom *manjšalno*

S podatkom *manjšalno* je v iztočnicah 181 glagolov. Od teh je 40 dovršnih in 45 nedovršnih glagolov zapisanih kot nevtralnih oziroma nezaznamovanih. Preostalih 96 glagolskih iztočnic s podatkom *manjšalno* ima izpričano (tudi) zaznamovano rabo. Za 4 dovršne glagole (*odskakljati*, *pikniti*, *pokniti* in *zamigljati*) ter za 13 nedovršnih glagolov (*curljati*, *kljunčkat*, *migljati*, *pahljati*, *pihljati*, *pokljati*, *praskljati*, *smehljati se*, *škrabljati*, *tapljati*, *trepljati*, *vohljati* in *zvonkljati*) se iz ponazarjalnega gradiva razbere možnost nezaznamovane ali zaznamovane rabe (npr. *praskljati* nezaznamovano Miši praskljajo, zazna-

movano (*redk.*) Dračje prasklja pod nogami *poka*). Zaznamovano rabo glagolov (pri katerih je izpričana tudi nezaznamovana raba) izražata čustvenostni oznaki *poudarjalno* (*odskakljati, zamigljati; migljati z/s čim, pahljati z/s čim, smehljati se, škrabljati po čem, tapljati, vohljati za kom/čim*) in *šaljivo* (*kljunčkati*), socialnozvrstni oznaki *neobčevalno* (*zvonkljati, zvonkljati z/s čim*) in *pokrajinsko pogovorno* (*pikniti*), pogostnostna oznaka *redko* (*pihljati koga/kaj, praskljati, trepljati z/s čim*) ter oznaka *brezosebno* (*pokniti; curljati, pokljati, škrabljati*). Samo zaznamovana raba je izpričana za 26 dovršenih in za 53 nedovršenih obravnavanih glagolov. Zaznamovanost glagolov s podatkom *manjšalno* je najpogosteje čustvenostna. Od čustvenostnih oznak prevladujeta oznaki *poudarjalno* (37 obravnavanih glagolov) in *otročko* (31 ponazarjalnih primerov), manj pogosti pa sta *slabšalno* (4 primeri: *nakracljati, odcapljati, capljati in kracljati*), *šaljivo* (2 primera: *pokljunčkati in gobčkati se*) in *ljubkovalno* (1 primer: *pokljunčkati*). Iz zapisanega sledi, da so nekateri glagoli lahko različno zaznamovani; npr. *pokljunčkati ljubkovalno* (Golob je pokljunčkal golobico), *šaljivo* (poljubiti) in *poudarjalno* (Kokoši so pokljunčkale solato [poključvale]). *Poudarjalni* in *slabšalni* čustvenostni pomen imata npr. glagola *odcapljati* in *capljati*. Za isti glagol je lahko navedena tudi ista oznaka, toda v različnih rabah (npr. glagol *tapkati poudarjalno* tapkati po hodniku [tiho hoditi] in *poudarjalno* v predložni rabi *tapkati z/s čim po čem* tapkati s prsti po mizi [bobnati]). Druge vrste oznak so pri glagolih s podatkom *manjšalno* bistveno redkejše. Od socialnozvrstnih najdemo oznake *knjižno pogovorno* (*cincljati, cukljati, cuzljati*), *knjižno neobčevalno* (*zatrkljati; cencljati*) ter *neknjižno pogovorno* (*cartljati*). Časovna oznaka *starinsko* zaznamuje glagol *hramljati* (*šepati*).

3.4 (Ne)zaznamovanost prislovov s podatkom *manjšalno*

Slovarski del Slovenskega pravopisa podatek *manjšalno* določa tudi dvema prislovoma: *majceno* in *majčkeno*. Oba imata čustvenostno oznako *poudarjalno* in pomenita 'zelo malo'.

LITERATURA

Primož JAKOPIN, 1995: Nekaj številčk iz Slovarja slovenskega knjižnega jezika. *Slavistična revija* 43/3, 341–375.

Stanko KLINAR, 1996: Prevajanje slovenskih manjšalnic. *Prispevki k tehniki prevajanja iz slovenščine v angleščino*. Ur. Stanko Klinar. Radovljica: Didakta. 194–212.

Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija* 58/1, 45–63.

Slovenski pravopis, 2003. Elektronska izdaja, računalniški program. Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU.

Slovenski pravopis, 2014. Elektronska izdaja, na Franu. Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2008: Besedotvorna kategorija samostalniških manjšalnic v Pleteršnikovem slovarju in SSKJ. *Od Megiserja do elektronske izdaje Pleteršnikovega slovarja*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti. (Zora, 56). 56–68.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2009: Besedotvorna kategorija manjšalnic v slovenščini in makedonščini. *Makedonsko-slovenečki jazični, književni i kulturni vrski = Makedonsko-slovenske jezikoslovne, književne in kulturne zveze*. Ur. Lidija Arizankovska. Skopje: Filološki fakultet Blaže Koneski. 199–210.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Založba Obzorja Maribor.

Jože TOPORIŠIČ, 2006: *Besedjeslovne razprave*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

SUMMARY

The Emergence and Typology of Diminutives in the *Slovenski pravopis/Slovenian Orthography* (2003, 2014)

The lexicographical part of the *Slovenski pravopis/Slovenian Orthography* reveals a position of the words marked as *manjšalno* (adj. diminutive) in the Slovenian language. By using the search term *manjš.* (n. a diminutive) in the lexicographical part of the *Slovenski pravopis/Slovenian Orthography* (2003 and 2014), 1651 expressions were found. The analysis established that not only nouns are indicated by the grammatical qualifier *manjš.* but also other word categories (on the contrary, in the *Dictionary of standard Slovenian language* (2014), merely nominal diminutives have the grammatical qualifier *manjšalnica od*). The statistical analysis presents four types of words indicated by the qualifier as diminutives that appear in *Slovenski pravopis/Slovenian Orthography*: nominal, adjectival, verbal, and adverbial diminutives. The most frequent are nominal diminutives (87.6%), which prevail over less common verbal ones (11%), the least frequent are adjectival diminutives (1.3%) and there are only two adverbial diminutives (0.1%).

Moreover, the article discusses the typology and denotation of words marked as *manjšalno* (adj. diminutive) indicated by the qualifier as diminutives, which can be either denoted or neutral in terms of style and genre. In the dictionary, the denotation is indicated by stylistic or genre marks; for instance, marks that signify the emotional aspect, time marks or frequency marks.

SIMONA ŠTAVBAR

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru,
Slovenija, Maribor, simonastavbar@gmail.com*

Diminuierte Substantive in Fachwörterbüchern mit Slowenisch und Deutsch

Der Beitrag behandelt formale und inhaltliche Aspekte von diminuierten Substantiven in ausgewählten synchronen Fachwörterbüchern mit Slowenisch und Deutsch. Es geht um eine Analyse von fachsprachlichen substantivischen Diminutiva im Slowenischen und ihren deutschen Entsprechungen, die als Äquivalentangaben in Fachwörterbüchern angeboten werden. Als bedeutend für die Analyse von Diminutiva erweist sich auch die Kontextualisierung, die in Fachwörterbüchern durch die Definitionen und Belegbeispielangaben im unterschiedlichen Grade realisiert wird. Die Analyse zeigt, welche sprachlichen Verfahren und die damit verbundenen sprachlichen Mittel zum Ausdruck von Diminution in den kontrastierten Sprachen jeweils eingesetzt und bevorzugt werden, welche Bedeutung für die unterschiedlichen fachsprachlichen Diminutiva gilt und in welcher inhaltlichen Relation einige fachsprachlichen Diminutiva mit den entsprechenden fachsprachlichen Augmentativa der jeweiligen Sprache stehen können.

The article discusses some aspects of form and meaning of nominal diminutives in Slovene-German synchronic specialized dictionaries. The focus is on the analysis of terminological nominal diminutives in Slovenian and their corresponding German equivalents, which are included in specialized dictionaries. An important aspect of the analysis of diminutives is their contextualization, which is in specialized dictionaries rendered to a different degree through definitions and examples of use. The analysis shows which word formation processes and word formation elements are applied to form diminutives in both contrasted languages, which word formation elements prevail in certain language, what is the meaning of different terminological diminutives and what is the meaning-relation of certain terminological diminutives compared to their corresponding augmentatives.

Schlüsselwörter: diminuierte Substantive, Fachsprachen, formale und inhaltliche Aspekte, Deutsch, Slowenisch

Key words: nominal diminutives, terminology, aspects of form and meaning, German, Slovene

1 EINFÜHRUNG

Die Mitglieder einer Sprachgemeinschaft bedienen sich bei der Benennung von konkreten und abstrakten Phänomenen, wo es um Einschätzungen dessen geht, was groß und was klein bzw. was größer oder kleiner ist, ganz unterschiedlicher sprachlicher Strategien. Da Diminution als eine semantische und funktionale Kategorie nicht nur auf eine Sprache begrenzt ist, sondern »den verschiedenen Sprachen gemeinsam« ist (Koecke 1994: 9), kann man sprachvergleichend vorgehen, was in diesem Beitrag durch die Analyse der formalen und inhaltlichen Aspekte von diminuierten fachsprachlichen Substantiven mit Slowenisch und deren Äquivalenten mit Deutsch aus den folgenden synchronen Fachwörterbüchern mit Slowenisch und Deutsch geleistet werden soll, u. z. dem *Slovensko-nemški poslovni slovar* (2001), dem *Planinski terminološki slovar* (2002), dem *Čebelarski terminološki slovar* (2009) und dem *Priročni slovensko-nemški slovar vojaškega gornštva* (2013).¹

Für die Termini einer Fachsprache ist es erwünscht, dass sie innerhalb eines Fachgebiets monosem und bedeutungsneutral sind. Dadurch ist auch eine eindeutige Fachdefinition möglich (vgl. Vintar 2008: 20). Der Schwerpunkt liegt hier somit nicht auf den soziopragmatischen Diminutiven, da die Funktion dieser in Vermittlung der emotionalen Konnotation wie Vertrautheit, Intimität, Sympathie, Verniedlichung, Abwertung usw. basiert. Bei fachsprachlichen Termini wie *mikrovlakna*, *mikrozatič*, *specialček* bzw. *Mikrofaser*, *Mikroklemmgerät*, *Miniaturhaken* u. a. gibt es nämlich keine emotionale Konnotation, weder eine positive noch eine negative. Es handelt sich um die reine Verkleinerung (vgl. Fleischer 2001: 205). Solche Beispiele sind verselbständigte Diminutive, die lexikalisiert sind. Im nächsten Punkt wird zuerst der Begriff der Diminution erläutert, damit auf die syntaktischen, wortbildungsmorphologischen und semantischen Eigenschaften der diminuierten Fachtermini mit Slowenisch und Deutsch eingegangen werden kann und die Gemeinsamkeiten und Unterschiede zwischen den genannten Sprachen bezüglich der Diminution veranschaulicht werden können.

¹ *Slovensko-nemški poslovni slovar* (2001) [*Slowenisch-deutsches Wirtschaftswörterbuch*] und *Priročni slovensko-nemški slovar vojaškega gornštva* (2013) [*Slowenisch-deutsches Handwörterbuch des militärischen Gebirgswesens*] sind zweisprachige slowenisch-deutsche Fachwörterbücher. *Planinski terminološki slovar* (2002) [*Fachwörterbuch des Gebirgswesens*] und *Čebelarski terminološki slovar* (2009) [*Fachwörterbuch der Imkerei*] sind mehrsprachige Fachwörterbücher mit Slowenisch, Deutsch und weiteren Sprachen.

2 ZUM BEGRIFF *DIMINUTION*

Es ist schwierig eine entsprechende Definition der Diminution zu liefern, zumal auch in der Forschungsliteratur mehr oder weniger ausführlich auf die Diminution eingegangen wird. Auch bezüglich der Verwendung des Fachterminus *Diminutiv* bzw. *Deminutiv* in der Fachliteratur lässt sich beobachten, dass sich der Fachterminus *Diminutiv(um)* anstelle des ursprünglichen Fachterminus *Deminutiv(um)* durchgesetzt hat (vgl. z. B. bei Wolf 1997; Fleischer/Barz 2012).

Bußmann definiert Diminutiva folgenderweise:

Mittels gewisser Suffixe wie -chen und -lein (Häuschen/Häuslein) sowie -ette (Stiefelette), engl. -ie/-y (Charlie, kitty), frz. -ette (Maisonette) oder eines Präfixes, z. B. Mini- (Ministaubsauger), abgeleitete Substantive, die die Bedeutung des Stammes in der Regel als »Verkleinerung« modifizieren (Modifikation), aber auch emotionale Einstellungen des Sprechers signalisieren können (Schwesterchen, Problemchen). (2008: 136)

Diminutiva sind somit Verkleinerungsformen, die semantische Modifikationen aufweisen. Durch diese erhalten die motivierenden Lexeme Zusatzbedeutung der Verkleinerung oder der emotionalen Bewertung. Jede Äußerung einer Diminutivbildung beinhaltet somit einen impliziten Vergleich mit der Ausgangseinheit. Hier handelt es sich oft um hierarchische semantische Relationen, wobei ein Diminutiv hyponym zur hyperonymen Ausgangseinheit ist.

Die Diminution weist nicht nur über semantische, sondern auch über formelle Aspekte auf, die im Folgenden besprochen und an Beispielen der Fachtermini mit Slowenisch und Deutsch untersucht und kontrastiert werden.

3 DIMINUTIVFORMEN

Das Slowenische und das Deutsche kennen zwei Diminutivformen, u. z. die synthetische (durch Ableitung) und die analytische Diminutivform (durch Komposition oder durch Attribuierung).

Fleischer und Barz stellen fest, dass das Deutsche über »ein ausgebautes System spezieller Wortbildungsaffixe nur für die Diminution [kennt]« (2012: 231). Die synthetische Diminution wird nicht nur im Deutschen, sondern auch im Slowenischen durch Diminutivsuffixe realisiert. Dabei werden die gemeinsprachlichen Wortbildungselemente auch für fachsprachliche Bildungen verwendet. Die analytische Diminution wird im Slowenischen am häufigsten mit dem Adjektiv *mali/majhen* als Attribut und im Deutschen als Attribut *klein* und

als Kompositionselement realisiert. Zudem gibt es auch die doppelte Verkleinerung, eine Kombination der analytischen und der synthetischen Diminution, die für Fachsprachen nicht charakteristisch ist.

3.1 Synthetische Diminution

3.1.1 Ableitung mithilfe der Diminutivsuffixe²

Verglichen mit den deutschen Diminutivsuffixen *-chen* und *-lein* (abgesehen von anderen Möglichkeiten der Diminution) weist das Slowenische eine recht große Anzahl an Suffixen auf.

Die folgende Tabelle zeigt die Diminution durch Diminutivsuffixe im Slowenischen und ist angeregt durch die Grammatik *Slovenska slovnica* von Jože Toporišič (2004) und die Monographie *Slovensko skladiščno besedotvorje* von Ada Vidovič Muha (2011).³ Die Modifikationsuffixe werden gemäß dem Genus des Fachterminus angeführt.

Tabelle 1: Bedeutung: *klein*

Maskulinum								
-(e)k	-č(e)k	-(e)c	-ič	-ic	-i	-et	-in	-ko
list-ek	zavoj-ček	stolp-ec	panj-ič		fif-i			
koš-ek	jermen-ček	krepelj-c	žleb-ič					
stebr-ič-ek	(strupni) mehur-ček		stolp-ič					
nož-ek	pokrov-ček		dol-ič					
grič-ek	greben-ček		kotl-ič					
dol-ek			sat-ič					
Femininum								
-ica	-ka	-ca	-ice	-ce	-ke	-i		
bomb-ica	plat-ka							
tipalč-ica								
(barvna) plošč-ica								

² Präfixderivation fehlt im Deutschen (vgl. Fleischer/Barz 2012: 262).

³ Die slowenische Wortbildungstheorie kennt neben Diminution, Augmentation, Motion und Kollektiva noch die folgenden Modifikationsarten: 1. Jungtier/-unerwachsen, 2. liebkosend-verkleinernd, 3. abwertend-verkleinernd und 4. abwertend. Da es sich um Fachsprachen handelt, werden hier die Punkte 2., 3. und 4. nicht berücksichtigt; Fachtermini sind bedeutungsneutral. Auch Beispiele von Motion werden nicht berücksichtigt.

Neutrum							
-ce	-ece	-iče	-eca	-ca	-ka	-ko	-če
oken-ce	jajč-ece						
držal-ce							
omel-ce							
stopal-ce							
(klajno) korit-ce							

An Beispielen der angeführten Suffixe lässt sich Folgendes beobachten:

(a) Durch einige Suffixe (z. B. *-ca*) kommt es zur Bildung von Diminutiva, die als veraltet gelten (vgl. Vidovič Muha 2011: 42) oder Suffixe (z. B. *-è*) verbinden sich mit Basen zu Diminutivableitungen, die über eine konnotative Bedeutung aufweisen. Dementsprechend konnten für einige Suffixe keine Belege in Fachwörterbüchern gefunden werden.

(b) Das Suffix *-ec* kann in einigen Fällen selbst zur Wortbildungsbasis gehören, an die ein anderes Diminutivsuffix tritt (*pokrov-ec* : *pokrov-č-ek*). Es handelt sich dann um eine Diminutivbildung der zweiten Stufe (vgl. Vidovič Muha 2011: 41).⁴

(c) Das Suffix *-ka* ist synonym mit dem Suffix *-ica* (*lopatka (cepina)*, *lopatica (cepina)*) und das Suffix *-ec* mit dem Suffix *-ček* (*(voščeni) pokrovec*, *(voščeni) pokrovček*). Bei solchen Diminutivformen handelt es sich oft um terminologische Varianten, was im Wörterbuch durch die Verweisangabe realisiert ist.

(d) Das Suffix *-(e)c* kommt ohne den Halbvokal bei Sonanten *-(l)j*, *-(n)j*, *-l*, *-n* oder *-r* in der letzten Silbe der Ableitungsbasis vor: *krepelj-c* (vgl. Vidovič Muha 2011: 40–41).

(e) Einige Suffixe z. B. *-ek* und *-ič* (*listek*, *(voščeni) listič*), *-ec* und *-ič* (*stolpec*, *stolpič*) können bedeutungsdifferenzierend sein, was man an Definitionen bzw. Äquivalentangaben feststellt.

(f) Das Suffix *-ič* kann oft zur Ableitungsbasis gehören, auf die das Suffix *-(e)k* folgt. Auch hier handelt es sich um Diminutivbildung der zweiten Stufe bzw. um doppelte Verkleinerung, z. B. bei *stebr-ič-ek*. (vgl. Vidovič Muha 2011: 41).

(g) Bei der »ersten Palatalisierung« werden im Slowenischen die Laute /k/, /g/, /h/ und /ts/ zu /tʃ/, /ʒ/ und /ʃ/, wenn diese vor den mit *-i-* beginnenden Suffixen stehen (Toporišič 2004: 151). Dies gilt z. B. im Fall von *tipalka* → *tipalčica*. Im

⁴ Doppelt verkleinert sind im Deutschen Lexeme mit der Kombination der Suffixe *-el* und *-chen*.

Slowenischen kann der Konsonantenwechsel auch zu Bedeutungs differenzierung bei Lexemen führen, u. z. beim Diminutivsuffix *-ica*. Aus *roka* entsteht hier mittels *-ica* die diminutive Form *ročica* (*Hand, Arm*). Die palatalisierte Form *ročica* wird in den Fachsprachen nicht für den menschlichen Körperteil verwendet (hierfür verwendet man die Diminutivform *rokica*⁵), sondern im *technischen Bereich* (*Hebel*) oder als Benennung von Tierkörperteilen (*Wendeglied bei Bienen*).

Für die Bildung der Diminutiva im Deutschen werden im Gegensatz zum Slowenischen am häufigsten die Diminutivsuffixe *-chen* und *-lein* als Ableitungssuffixe verwendet. An Beispielen der deutschen Fachtermini, die als Äquivalente in den angeführten Fachwörterbüchern angeboten werden, lässt sich beobachten, dass für die Bildung von fachsprachlichen Diminutiva eigentlich nur das Suffix *-chen* verwendet wird; *-lein* dagegen kommt nur in Ausnahmefällen vor. Beispiele mit *-chen* sind: *Härchen, Körbchen, Löffelchen, Teilchen, Türmchen, Tälchen*. Für das Suffix *-lein* konnte nur ein Beispiel nachgewiesen werden, wobei es sich hier eigentlich um eine diminutive Zusatzform zum deutschen Lexem *Führer* handelt, um auf dessen physische Größe hinzuweisen: *vodniček – Führer (Büchlein)* (*für ein beschränktes Gebiet*). Aus den Definitionen zu den angeführten Belegen geht hervor, dass die genannten Ableitungssuffixe zur Bildung neutraler Substantive verwendet werden.

Bei der Diminutivbildung mit *-chen* und *-lein* wird der Stammvokal der Basis meistens umgelautet (vgl. Fleischer/Barz 2012: 233), was man an folgenden Beispielen beobachten kann: *Korb – Körbchen, Rahmen – Rähmchen, Felsplatte – Felsplättchen, Turm – Türmchen, Tal – Tälchen, Buch – Büchlein*. Zudem zeigt sich, dass bei der Diminutivbildung mit *-chen* und *-lein* die Endungen *-en* und *-e* im Auslaut meist getilgt und durch die genannten Diminutivsuffixe ersetzt werden (vgl. Fleischer/Barz 2012: 233), u. z. wie bei *Rahmen – Rähmchen* und *Felsplatte – Felsplättchen*. Diesbezüglich handelt es sich hier um Apokope.⁶

Für den morphologischen Bereich ist für die deutschen Diminutiva auf *-chen* und *-lein* im Gegensatz zu den slowenischen Diminutiva charakteristisch, dass sie Neutra sind. Die slowenischen Diminutiva behalten das Genus des Ausgangslexems.

Fleischer und Barz (2012: 235) verweisen auch darauf, dass ein Teil der Diminutiva auf *-chen* und *-lein* demotiviert ist, darunter z. B.: *Weidenkätzchen*

⁵ Bei *rokica* wird eigentlich gegen die Lautveränderung verstoßen.

⁶ Bußmann beschreibt Apokope als »Vorgang und Ergebnis des Wegfalls von einem oder mehreren Sprachlauten am Wortende, z. B. im Dt. der Endsilbenverfall in der nominalen Flexion: dem Freund(e)« (1990: 90).

(*mačica*), *Echtes Schneeglöckchen* (*navadni mali zvonček*), *Märzglöckchen* (*pomladanski veliki zvonček*) (= Pflanzennamen); *Pollenhöschen* (*obnožina*); *Puppenhäuschen* (*srajčka*).

Neben dem diminutiven Ableitungssuffix *-chen* und einem Beispiel der Diminutivbildung mit dem Suffix *-lein* konnte auch ein Beispiel mit dem Suffix *-i* nachgewiesen werden. Dieses wird »in der Umgangssprache meist zum Ausdruck wohlwollender Zuneigung zur bezeichneten Person« eingesetzt (Duden. Die Grammatik 2009: 737). Beim Beispiel aus dem *Planinski terminološki slovar* (2002) handelt es sich um eine neutrale diminutive Benennung eines Gegenstands, der als Variante der längeren zusammengesetzten Form verwendet wird: *Fifihaken* → *Fifi*.

3.2 Analytische Diminution

3.2.1 Komposition

Neben den oben behandelten synthetischen Diminutivformen kennen das Slowenische und das Deutsche auch die analytischen Diminutivformen. Eine davon ist die Komposition. Wenn man den Anteil der Diminutivkomposita im Slowenischen mit dem Anteil der Diminutiveableitungen in den genannten Fachwörterbüchern vergleicht, lässt sich feststellen, dass dieser bei Diminutivkomposita gering ist. Als Erstglied des Substantivkompositums konnten im Slowenischen Belege für Adverbien und entlehnte Adjektive als unmittelbare Konstituenten gefunden werden:

(a) Kompositum mit dem Adverb *pol-* als Erstglied:

polnagrada

(b) Komposita mit entlehntem Adjektiv *mini-* als Erstglied:

Hier handelt es sich um Fälle von »untergeordneten Komposita«, z. B. bei *mini: mini dereza*. Bezüglich der Rechtschreibung wird das angeführte Kompositum getrennt geschrieben.

Als erste Konstituente des Kompositums wird zudem das Lexem *mikro-* verwendet, u. z. *mikroprocesor*, *mikrovlakna*, *mikrozatič*. In solchen Fällen ist die zweite unmittelbare Konstituente entweder entlehnt, z. B. bei *mikroprocesor* oder nicht entlehnt, z. B. bei *mikrovlakna* und *mikrozatič*.

Im Deutschen wird der geringe Anteil an Diminutivsuffixen bei der Diminutiveableitung durch das Wortbildungsverfahren der Komposition kompensiert.

Somit ist der Anteil der Komposita dementsprechend groß und vielfältig. Als Erstglied des Kompositums kommen Adjektive *Mini-* (*Miniatur-*), *Klein-*, *Halb-*, Konfix *Mikro-* oder Substantive *Teil-*, *Zwerg-* vor. Substantive können auch als Zweitglied *-teil* vorkommen:

(a) Adjektive *Mini-* (*Miniatur-*), *Klein-*, *Halb-* als Erstglied:

Minicontainer, Minicomputer, Miniexpedition, Miniaturhaken; Kleinalm, Kleinimkerei; Halbwabe

(b) Konfix *Mikro-* als Erstglied:

Mikroprozessor, Mikrofaser, Mikroklemmgerät

(c) Substantive *Teil-*, *Zwerg-* als Erstglied:

Zwerghonigbiene, Zwerg-Bohnenkraut; Teilzahlung

(d) Substantiv *-teil* als Zweitglied:

Bruchteil, Bauteil, Bindungsteil

Mit den genannten Beispielen wird ausgedrückt, dass etwas klein bzw. in Relation zu einer Größe verhältnismäßig klein ist (*Bruchteil*), schrittweise, nicht als Ganzes erfolgt (*Teilzahlung*), klein ist (*Mikroklemmgerät*), aus feinsten, dünnen Strukturen bestehend (*Mikrofaser*) oder kleineren Umfangs (*Kleinimkerei*) ist. Zum oben angeführten Adjektiv *Mini-* als Erstglied und dem Konfix *Mikro-* gibt es auch augmentative Bildungen, u. z. *Maxi-* (groß, übermäßig groß) (*Maxi-AŽ-Beute*) und *Makro-* (lang, groß). Dadurch können hierarchische Beziehungen entstehen.

Slowenische Entsprechungen zu deutschen Fachtermini sind oft entweder als Wortverbindungen (linksattribuiertes Substantiv) oder als Ableitungen realisiert: *Rill(en)rädchen* → *amerikansko kolesce*, *Farbplättchen* → *barvna ploščica*, *Miniaturhaken* → *specialček*.

3.2.2 Analytische Diminution mit *mali/klein*⁷

Die analytische Diminution kann auch durch Attribuierung mit *klein* erfolgen. Im Slowenischen werden die Attribute *mali* und die Varianten *majhen*

---

⁷ *Klein* wird als Attribut oder als die unmittelbare Konstituente des Kompositums gebraucht (vgl. 3.2.1).

bzw. *manjši*⁸, *krajši*, *pritlikav*, *polovični* u. a. für alle drei Genera verwendet: *mala čebela*, *mala naklada*, *pritlikava čebela*, *pritlikavi šetraj*, *mali Kirarjev panj*, *polovični AŽ-panj*, *polovični LR-satnik*, *polovična naklada*, *polovični sat*, *polovični Dadant-Blattov satnik*, *polovična mediščna naklada*, wobei die Attribuierung im Slowenischen als Äquivalentangabe oder als Bestandteil von Definitionen realisiert ist. Beim Attribut *mali* kommt es zur Bildung von hierarchischen Relationen: *mali Kirarjev panj* → *srednji Kirarjev panj* → *veliki Kirarjev panj*.

Im Deutschen am häufigsten verwendeten analytischen Diminutivformen sind *klein*, *gering*, *niedrig* usw. Die Bedeutung von *klein* ist relativ: »Zum einen ist der Inhalt dieser Adjektive ohne Kenntnis des jeweiligen Bezugsrahmens nicht zu ermitteln, zum anderen bezeichnen [diese] Adjektive die Enden einer Messdimension, wobei es ein markiertes und ein unmarkiertes Ende gibt /.../« (Eichinger 2007: 164). Verglichen mit dem Slowenischen kommt es auch hier zur Bildung von hierarchischen Relationen: *kleine Kirar-Beute* → *mittelgroße Kirar-Beute* → *Großraum Kirar-Beute*.

Im Deutschen überwiegt die Attribuierung mit *klein*; dazu zwei Beispiele mit *kurz*: *kleine Kirar-Beute*, *kleiner Bienenkasten*, *kleines Rähmchen*, *kleine Tragweite*, *kleiner Riemen*, *kleiner Kessel*, *kleine Mulde mit Quelle*, *kleine (Fels)platte*, *kleine Platte*, *kleiner Pfeiler*, *(in) kleinen Posten*, *kurzer Grat*, *kurzer Kamm*.

4 DIMINUTIVE VS. NICHT-DIMINUTIVE FACHTERMINI IM SLOWENISCHEN UND IM DEUTSCHEN

Die Ausgangsform und die Verkleinerungsform sind in beiden Sprachen realisiert, wobei die zwischensprachlichen Relationen unterschiedlich sein können. Es konnten folgende Kombinationen der Ausgangs- bzw. der Verkleinerungsform festgestellt werden:

(a) Diminutiv im Slowenischen und im Deutschen:

mikroprocesor – Mikroprozessor, *minikontejner* – Minicontainer, *dolič* – Tälchen, *mikrozatič* – Mikroklemmgerät, *delček* – Teilchen

⁸ Attribute *majhen* und *manjši* verwendet man hauptsächlich in Definitionen, um auf die physische Größe des Terminus zu verweisen, z. B. *panjič* – *nekdanj majhen panj za rezervne družinice*; *platka* – *manjša plošča v steni, plezališču*. Auch die Kombination *majhen* + *krajši*: *grebenček*: *1. majhen, krajši greben*.

(a1) Synthetische Form des Diminutivs im Slowenischen und analytische Diminutivform im Deutschen:

jermenček – kleiner Riemen, grebenček – kurzer Grat, kurzer Kamm, stebriček – kleiner Pfeiler, kalič – kleine Mulde mit Quelle

(a2) Synthetische Form des Diminutivs im Slowenischen, synthetische und analytische Form des Diminutivs im Deutschen:

platka – Felsplättchen, kleine (Fels)platte, kotliček – Kesselchen, kleiner Kessel

(b) Diminutiv im Slowenischen, kein Diminutiv im Deutschen

bombica – Kartusche, nožek – Haken, Messerklinge, obroček – Ring, žlebič – Karren, Rille, rogljič – Zacken

5 ZUSAMMENFASSUNG

Im Beitrag wurden einige Aspekte der fachsprachlichen Diminutivierung im Slowenischen und im Deutschen erläutert. Anhand des Angeführten lässt sich beobachten, dass das Inventar der slowenischen Diminutivsuffixe weitaus umfangreicher ist als das Verzeichnis der deutschen Diminutivsuffixe. Zudem ist im Slowenischen die Kombinationsmöglichkeit für die Diminutivbildung der zweiten Stufe größer als im Deutschen. Im Deutschen wird der geringe Anteil an Diminutivsuffixen durch Komposition kompensiert, u. z. wird die Verkleinerung durch bestimmte Erst- oder Zweitelemente in Zusammensetzungen realisiert. Somit ist der Anteil der Komposita im Deutschen dementsprechend groß und vielfältig. Slowenische Entsprechungen sind entweder Wortgruppen (linksattribuiertes Substantiv) oder Ableitungen. Diminutiva dienen in Relation zu Augmentativa zur Bildung von hierarchischen Relationen. Die Diminutivierung kann in beiden Sprachen auch analytisch realisiert werden, am häufigsten mit dem Adjektiv *klein/mali*. Die analytische Form mit *majhen/manjši/krajši* wird in Definitionen zu slowenischen Fachtermini realisiert. Die Ausgangsform und die Verkleinerungsform sind in beiden Sprachen zu beobachten, obwohl die zwischensprachlichen Relationen unterschiedlich sein können. Morphologischer Unterschied bezüglich der Diminutive ist bei der grammatischen Kategorie Genus zu finden. Während alle deutschen Diminutiva Neutra sind, behalten slowenische ihr ursprüngliches Genus.

LITERATURVERZEICHNIS

Hadumod BUßMANN, 1990: *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.

Hadumod BUßMANN, 2008: *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.

Čebelarski terminološki slovar, 2009. Ur. Ljudmila Bokal. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Duden – Die Grammatik, 2009. (=Duden Bd. 4). Mannheim /.../: Dudenverlag.

Ludwig EICHINGER, 2007: Adjektiv (und Adkopula). HOFMANN, Ludger (ur.). *Handbuch der deutschen Wortarten*. New York: de Gruyter. (=Sonderdruck). 143–187.

Wolfgang FLEISCHER, Irmhild BARZ, 2012: *Wortbildung der deutschen Gegenwortsprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.

Kleine Enzyklopädie Deutsche Sprache, 2001. Ur. Wolfgang Fleischer, Gerhard Helbig, Gotthard Lerchner. Frankfurt am Main /.../: Lang.

Bernardette KOECKE, 1994: *Diminutive im polnisch-deutschen Übersetzungsvergleich. Eine Studie zu Divergenzen und Konvergenzen im Gebrauch einer variierenden Bildung*. München: Sagner (= Slavistische Beiträge 314).

Albin MLAČ, et al., 2002: *Planinski terminološki slovar. Slovensko-angleško-nemško-francosko-italijanski slovar planinskega, alpinističnega, plezalskega izrazja*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Johann PEČNIK, 2013: *Priročni slovensko-nemški slovar vojaškega gorništv*. Ljubljana: Slovenska vojska, šola za tuje jezike.

Franc Jakob RAC, 2001: *Slovensko-nemški poslovni slovar = Slowenisch-deutsches Wirtschaftswörterbuch*. Ljubljana: DZS.

Jože TOPORIŠIČ, 2004: *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2011: *Slovensko skladišjski besedotvorje*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. (Razprave FF).

Špela VINTAR, 2008: *Terminologija: terminološka veda in računalniško podprta terminografija*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, Oddelek za prevajalstvo. (Zbirka Prevodoslovje in uporabno jezikoslovje).

Norbert Richard WOLF, 1997: Diminutive im Kontext. *Nominationsforschung im Deutschen: Festschrift für Wolfgang Fleischer zum 75. Geburtstag*. Ur. Irmhild Barz, Marianne Schröder. Frankfurt am Main /.../: Peter Lang Verlag. 387–399.

SUMMARY

Diminutive Substantives in Slovene-German LSP Dictionaries

The article discusses some aspects of terminological diminutives in Slovenian and German. It shows that the number of diminutive suffixes in Slovenian exceeds the number of diminutive suffixes in German. The possibility of combination of suffixes at the second level for the formation of diminutives is greater in Slovenian than in German. The limited number of diminutive suffixes in German is counterbalanced by the composition; thus, diminutives are formed with certain first or last immediate constituents of composites. This results in a large number and diversity of composites in German. Slovenian equivalents to German composites are often rendered as a phrase or as a derivative. The relation between diminutives and augmentatives may lead to the establishment of hierarchical structures. Further, the formation of diminutives is in both languages analytical, most often occurring with the adjective *klein/mali*. The analytical form *majhen/manjši/krajši* predominates in terminological definitions. Initial forms and diminutive forms are present in both languages, albeit with different interlinguistic relations. Morphological differences regarding diminutives exist in both languages in the category of grammatical gender. German diminutives are neuter and Slovenian diminutives retain their initial grammatical gender.

NATALIJA ULČNIK

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
natalija.ulcnik@um.si*

Od *prodajalnice* do *prodajalne* – razvoj ženskospolskih samostalniških izpeljank s pomenom prostora¹

Prispevek sledi razvoju ženskospolskih samostalniških izpeljank s širšim besedotvornim pomenom 'prostor' in ožjim pomenom 'prodajni prostor'. Na podlagi različnofunkcijskih knjižnih besedil iz korpusov starejše in sodobne slovenščine ter slovarskih virov osvetljuje njihove poimenovalne začetke v slovenščini (*prodajalnica/prodajavnica, prodajnica, prodalnica, prodajalna*), njihovo medsebojno konkurenčnost, postopno ustalitev in značilnosti rabe. Izpostavlja tudi besedotvorno sorodne primere s pomenom prostora (*gostilnica, kavarnica, zlatarnica ...*), ki jih danes večinoma dojemamo kot manjšalnice s pozitivno konotacijo in ne kot arhaizme, ki so v preteklosti izkazovali ne-manjšalni pomen.

The research focuses on the development of feminine nominal derivatives with the broader word-formational meaning "location" and a narrower meaning "location used for selling". The analysis is based on functionally various older and contemporary Slovene literal texts and dictionaries and highlights the beginning of the use of these terms in Slovene (*prodajalnica/prodajavnica, prodajnica, prodalnica, prodajalna*), their competition, gradual codification and the characteristics of use. The research also outlines other word-formational closely linked examples with the meaning of location (*gostilnica, kavarnica, zlatarnica ...*), which are nowadays used as diminutives with a positive connotation and not as archaisms, while in the past they were not used as diminutives.

Ključne besede: samostalniške izpeljanke, prostor, manjšalnice, besedotvorje, slovenščina

Key words: noun suffixation, space, diminutive, word-formation, Slovene

---

¹ Prispevek je nastal v okviru programske skupine *Slovensko jezikoslovje, književnost in poučevanje slovenščine* (P6-0156).

1 Uvod

Na gospodarske, ekonomske in družbene spremembe, ki so sčasoma privedle do sprememb nakupovalnih navad,² se je začel odzivati tudi jezik, saj se je s pojavom in z razvojem prodajaln začelo oblikovati tudi posebno izrazje s področja trgovine in trženja.³ V slovenščini smo za *trgovino* sprva uporabljali izraz *kupčija*, glagol *kupčevati* je pomenil *trgovati*, *kupec* pa je bil v preteklosti izraz za *trgovca* (prim. Pohlin 1781; Glonar 1936). Že v 16. stoletju je za pomen 'trgovce' obstajal tudi izraz *prodavec* (ob njem so bili evidentirani izrazi *prodajati*, *prodati*, *prodavanje*, *prodaja*; prim. Ahačič idr. 2011); v 18. stoletju je Pohlin navedel tudi žensko obliko *predajovka* -e ž 'Verkäuferinn, Venditrix' (Pohlin 1781). Poimenovanje prodajnega prostora kljub temu do 19. stoletja ni bilo izpeljano iz glagola *prodajati*, temveč je bil v rabi iz italijanščine prevzeti izraz *štacuna*⁴ (prim. Snoj 2009). V 19. stoletju, ko se tvorjenka vendarle pojavi, pa je bil opazen pojav medsebojne konkurenčnosti posameznih besedotvornih različic: *prodajnica*, *prodalnica*, *prodajalnica*. V vsakdanjem sporazumevanju je sčasoma postala izrazita tudi sopomenska (s stroko neusklajena) raba določenih izrazov, npr. *prodajalna* – *trgovina*. Zamenljivost omenjenih izrazov je torej možna zgolj v nestrokovni rabi, medtem ko strokovnjaki izraza pomensko diferencirajo in s tem zavračajo njuno sopomensko razmerje – *prodajalna* pomeni prostor, kjer se prodaja, *trgovina* pa se nanaša na dejavnost, torej prodajo.⁵ Ob navedenih ima prodajni prostor tudi različna druga poimenovanja, vezana na namembnost in velikost prostora, a je tudi raba teh v pogovornem jeziku pomensko nespecifična: *(vele)blagovnica* – *samopostrežna* – *(super/hiper)market* ... Specializirana prodaja je lahko danes nakazana skladiščno, tj. z večbesednimi izrazi, ali morfemsko, tj. z enobesednimi izpeljankami, pogosto tvorjenimi z zloženima priponskima obraziloma: (a) *-arna*⁶ (*prodajalna kruha in pekovskih izdelkov* > *pekarna*; *prodajalna mleka in mlečnih izdelkov* > *mlekarna*; *prodajalna slaščic* > *slaščičarna*; *prodajalna*

² Klasične postrežne prodajalne so se razvile sredi 19. stoletja; leta 1852 se je v Parizu pojavila prva blagovnica, začetek 20. stoletja pa smo prvo večjo prodajalno s specializiranimi oddelki dobili tudi pri nas (Martinek 2007: 43). Z leti je nekajminutni nakup osnovnih življenjskih dobrin v majhnih (uličnih) prodajalnah z zadovoljivo ponudbo izdelkov prerasel v večurno nakupovanje v velikih prodajnih centrih.

³ V SSKJ je 68 terminov s področja trgovine, npr. *garancija*, *gros*, *inventura*, *maloprodaja*, *market*, *marža*. Prim. tudi *Terminološki slovar trženja* (2004).

⁴ Samostalnik *štacúna* je v SSKJ opredeljen kot nižje pogovorni izraz.

⁵ Raba terminologije je razvidna tudi iz ustrezne zakonodaje, npr. *Zakona o trgovini*, kjer je v 3. členu navedeno: »Trgovinska dejavnost se opravlja v prodajnih objektih (v nadaljnjem besedilu: prodajalna) ali zunaj njih, pod pogoji določenimi s tem zakonom in drugimi predpisi.« (*Zakon o trgovini*)

⁶ Prim. priponsko obrazilo *..arna* v SP 2001.

izdelkov iz zlata in drugih plemenitih kovin > zlatarna) ali (b) *-nica*⁷ (*prodajalna papirja* > *papirnica*, *prodajalna rib* > *ribarnica*, *prodajalna čokoladnih izdelkov* > *čokoladnica*). Slednje obrazilo, ki je nastalo iz sestavin *-ən-* + *-ica* (prim. Bajec 1950: 104), je danes tvorno tudi za poimenovanje drugovrstnih prostorov, npr. *dojilnica*, *igralnica*, *kadilnica* (prim. Stramljič Breznik 1999: 98). Besedila in slovarski viri iz 19. stoletja kažejo, da so bili v preteklosti z navedenima priponskima obraziloma pogosto poimenovani prostori, pri katerih je danes uveljavljeno drugačno priponsko obrazilo, npr. *prodajalnica* > *prodajalna*, *gostilnica* > *gostilna*, *slaščičarnica* > *slaščičarna*, *zlatarnica* > *zlatarna*, *pekarnica* > *pekarna*, *pivovarnica* > *pivovarna*, *pisarnica* > *pisarna*, *kavarnica* > *kavarna*, *lekarnica* > *lekarna*, *tiskarnica* > *tiskarna*.⁸ Ta nekdanja manjšalna in nevtralna raba pa je danes razumljena manjšalno, kar kaže na besedotvorno pogojene jezikovne spremembe.⁹

2 PRODAJALNICA/PRODAJALNA V NORMATIVNIH PRIROČNIKIH

Danes splošno rabljena izpeljanka *prodajalna* je bila slovarsko evidentirana šele v 20. stoletju, kar nakazuje njen novejši nastanek. V Pleteršnikovem slovarju s konca 19. stoletja (1894/95) torej še ni omenjena, najdemo pa njeno besedotvorno različico, ki je prav tako izhajala iz glagolskega pridevnika,¹⁰ in sicer *prodajalnica*. Pleteršnik jo je označil s časovnim kvalifikatorjem *nk*. (novoknjižno).¹¹ V tej besedotvorni podobi je bila zabeležena že v Janežičevem *Popolnem ročnem slovarju slovenskega in nemškega jezika* (1850) in v Cigaletozem nemško-slovenskem slovarju (1860). V 19. stoletju je obstajalo tudi več

⁷ Prim. priponsko obrazilo *..nica* v SP 2001.

⁸ Podobne tvorbe z besedotvornim pomenom prostora so se v 19. stoletju pojavljale tudi v prekmurskem knjižnem jeziku, npr. *napravnica* 'tovarna', *pênez szprávlanica* 'hranilnica' (prim. Jesenšek 2013: 290).

⁹ Obenem pa so v slovenščini znani tudi obratni besedotvorni procesi, npr. *učilna* > *učilnica*.

¹⁰ Po Toporišiču (2000: 168; 174) imajo samostalniške izpeljanke ženskega spola (iz glagolskih pridevnikov) s pomenom prostora naslednja priponska obrazila: *-a* (*prodajalna*, *gostilna*), *-ica* (*čajnica*, *spálnica*, *učilnica*, *delávnica*, *blagóvnica*), *-nica* (*bolnišnica*, *noríšnica*). Več o tvorjenkah *bolnica*, *bolnišnica* v Ulčnik 2014.

Samostalniške izpeljanke ženskega spola (iz samostalnika) s pomenom prostora pa lahko imajo npr. naslednja priponska obrazila: *-(n)ica* (*knjižnica*, *blagóvnica*, *kadétnica*), *-(ár)nica* (*drvárnica*, *čevljárnica*, *kolesárnica*, *carinárnica*), *-árna* (*kavárna*, *carinárna*, *čolnárna*, *elektrárna*, *cukrárna*, *čajárna*) (Toporišič 2000: 181).

¹¹ Sopomenski izraz *štacuna* je v Pleteršnikovem slovarju brez tovrstnega označevalnika, manjšalna oblika *štacunica* ni navedena. Izraz *trgovina* se ni uporabljal v pomenu 'prodajalna' (prim. *Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar*).

besedotvornih različic, *prodajnica*, *prodalnica*, *prodavnica*, *prodajavnica*, a je Pleteršnikov slovar v normativnem smislu priporočal *prodajalnico*:

prodajálnica, *f.* das Verkaufslocale, der Kaufladen, *Cig., Jan., nk.*

prodájtnica, *f.* = prodajalnica, *Cig., Jan.*

prodálnica, *f.* = prodajalnica, *C., Vrt., Let., Levst. (Zb. sp.).*

Prodajalnica se je na prehodu v 20. stoletje začela nadomeščati s še danes uporabljano obliko *prodajalna*. Iz Glonarjevega *Slovarja slovenskega jezika* (1936) raba in normiranost dvojnic *prodajalnica/prodajalna* nista razvidni, saj v njem najdemo le glagol *prodajati*. SSKJ pa starejšo obliko *prodajalnica* sicer navaja, vendar jo že opredeljuje kot časovno zaznamovano:

prodajálnica -e ž (â) zastar. *prodajalna*: stopiti v prodajalnico

prodajálna -e ž (â) *prostor, v katerem se prodaja*: stopiti v prodajalno / prodajalna čevljev, s čevlji

Slovenski pravopisi iz obdobja od 1899 do 1962 samostalnikov *prodajalnica*, *prodajalna* ne vključujejo v slovarski del, izjema je le SP 1935, ki ob iztočnici **prodájati** navede tudi *prodajálnico* (*prodajálne* pa ne). SP 2001 ima navedeno iztočnico **prodajálna** in ob njej dva ponazoritvena zgleda: *prodajalna čevljev, s čevlji*. Besedotvorni priponi *-nica* in *-(a)lna* sta v tem pravopisu označeni kot večpomenski, pri čemer ima prva več pomenskih možnosti:

..nica ž. prip. obr. **1.** 'vršilnica' mišnica |past| **2.** 'prostor, mesto' bolnišnica, drvarnica, kováčnica **3.** 'snov' mišnica |strup| **4.** 'stopnjevanost, poudarjenost' bábница

..(á)lna ž. prip. obr. (â) **1.** 'vršilnica' brizgálna **2.** 'prostor, mesto dejanja' prodajálna

Z današnjega zornega kota je tvorjenka *prodajalnica* največkrat dojeta kot manjšalnica,¹² v besedilih starejše slovenščine pa izkazuje drugačno (tj. nemanjšalno) pomensko rabo.

3 PRODAJALNICA/PRODAJALNA V STAREJŠIH BESEDILIH

V konkordančniku korpusa *Jezikovni viri starejše slovenščine IMP*, ki zajema več kot šeststo petdeset besedil iz obdobja do leta 1918, ima samostalniška izpeljanka *prodajalnica* 462 zadetkov. Pojavlja se v korpusno prisotnih publicističnih, strokovnih in leposlovnih besedilih od leta 1851 do leta 1917.¹³

¹² Prepoznavanje in izrabo njene arhaičnosti v analiziranih virih ne zasledimo.

¹³ Od leta 1900 do leta 1917 je 105 zadetkov (22 %), preostale pojavitve so iz besedil 19. stoletja.

Dvojnični izraz *prodajalna* zasledimo redkeje (137 zadetkov),¹⁴ različica *prodajnica* se ne pojavlja, *prodalnica* pa ima le dve pojavitvi v istem viru. Izraza *trgovina* ne moremo v celoti razumeti v pomenu prodajnega prostora, zato podatki o njegovi frekvenci niso merodajni, medtem ko se pojavitev njegove manjšalnice (*trgovinica*) sklada z iskanim pomenom prostora. Precej pogosta je tudi sopomenka *štacuna* (183 pojavitev), njena manjšalna oblika *štacunica* se pojavi 23-krat.

Opazno je torej, da se je v 19. stoletju najpogosteje uporabljala *prodajalnica*, v 20. stoletju pa ji je bila vse bolj konkurenčna besedotvorna dvojnica *prodajalna* (glavnina zadetkov te oblike v konkordančniku je namreč iz obdobja od leta 1902 do 1916).

Tabela 1: Število pojavitev izbranih tvorjenk v korpusu Jezikovni viri starejše slovenščine IMP

	<i>prodajalnica</i>	<i>prodajalna</i>	<i>trgovina</i>	<i>trgovinica</i>	<i>štacuna</i>	<i>štacunica</i>
Št. zadetkov v korpusu IMP	462	137	(550) ¹⁵	1	183	23

Besednozvezna strokovna poimenovanja (z levim ujemalnim prilastkom) različnih vrst prodajaln v korpusu IMP niso pogosta: *parfimerijska prodajalnica*, *špecerijska prodajalnica*, *pekovska prodajalnica* in *zlatarska prodajalnica*, npr.:

Trgovska zadruga pak ni hotela o tem do malega ničesa védeti ter se sklicavala na to, daje že 13 **špecerijskih prodajalnic** v mestu /.../ (Ivan Vrhovec, 1886: *Ljubljanski meščani v minulih stoletjih*; vir: IMP)

Določila na desni strani, ki so natančneje opredeljevala vrste prodajaln, so bila naslednja: *prodajalnica beline in platna*, *prodajalnica za dišave*, *prodajalnica stare železnelz železnino*, *prodajalnica slaščic*, *prodajalnica umetnin*, *prodajalnica papirja*, npr.:

Brez tarifa se prodaje sedaj le tuje vino in po **prodajalnicah za dišave** (»Gewürzgewölber«) prodajane stvari. (Ivan Vrhovec, 1886: *Ljubljanski meščani v minulih stoletjih*, 1886; vir: IMP)

V korpusno dostopnih zgledih rabe se ob *prodajalnici* pojavita tudi dve stično navedeni sopomenki (v *prodajalnici ali štacuni*, *malo prodajalnico ali dučan*):

¹⁴ Pri tem je izločena ženska oblika pridevnika *prodajalen* in dva zadetka oblike *prodajavnica*, ki bi morala biti umeščena k *prodajalnici*.

¹⁵ Večinoma gre za pomensko razliko.

Imela sta poleg hiše tudi malo **prodajalnico ali dučan**. (Ivo Trošt, 1895: *Dve svatbi*; vir: IMP)

Zanimivi sta zvezi *velika prodajalnica* in *mala prodajalnica*, ki nakazujeta nevtralnost samostalniške besedotvorne podobe v smislu velikosti, zaradi česar je bilo treba dodati ustrezen pridevnik:

Poleg ponosnega poslopja inozemčevega je postavil Kitajec skladišče, **veliko prodajalnico**, zabavališče ali tvornico. (Ivan Franke, 1887: *Postillion d'amour*; vir: IMP)

V **mali prodajalnici** papirja v predmestji je bila prodajalničarka že več let. Nič posebnega ni bilo na njej, zato jo ni nihče opazil. Šolski otroci in služkinje so zahajale v **malo prodajalnico**. (Zofka Kveder, 1900: *Misterij žene*; vir: IMP)

Starejša dvojnica *prodajalnica* je bila pogosta tudi v časopisnih oglasih druge polovice 19. stoletja.

Slika: Oglas za prodajalno (*Slovenski narod*, 24. 12. 1869); vir: www.dlib.si

Izraz *prodajalna* se je začel intenzivneje uporabljati na začetku 20. stoletja, prve pojavitve pa so opazne že konec 19. stoletja.

V duhu si je bil že vse preračunal, koliko bo imel dobička, ako si postavi na tej ledini prostorno hišo z gostilno in **prodajalno**, kamor bi zahajali ljudje cele doline kupovat in pit. (Fran Jaklič, 1898: *Iz našega kota*; vir: IMP)

Za nakazovanje majhnosti prodajnega prostora je bil tudi v teh primerih uporabljen ustrezen pridevnik:

Nesrečna si bila, da si se morala gibati med kmeti, streči v kmečki krčmi in v **mali prodajalni**, dočim si se v samostanu navadila drugačnih ljudi. (Miroslav Malovrh, 1908: *Ljubezen Končanove Klare*; vir: IMP)

4 PRODAJALNA/PRODAJALNICA V SODOBNIH BESEDILIH

Iskanje tvorjenke *prodajalna* v korpusu sodobne slovenščine Gigafida prikaže 28.903 zadetke (če izločimo ženskospolsko obliko pridevnika *prodajalen*), oblika *prodajalnica* pa se pojavi le 194-krat. Leksem *trgovina* je precej pogostejši (234.239 zadetkov), vendar pa podatka o njegovi frekvenci zaradi večpomenskosti izraza ne moremo uporabiti za statistično analizo. Pomensko bolj zanesljiva je manjšalnica *trgovinica*, ki se pojavi 4.028-krat. Relativno pogosta je tudi *štacuna* (1.210 pojavitev), izjemno redka pa njena manjšalnica *štacunica*.

Tabela 2: Število pojavitev izbranih tvorjenk v korpusu Gigafida

	<i>prodajalna</i>	<i>prodajalnica</i>	<i>trgovina</i>	<i>trgovinica</i>	<i>štacuna</i>	<i>štacunica</i>
Gigafida	28.903	194	(234.239) ¹⁶	4.028	1.210	12

Analiza je pokazala, da se nekdanje splošno rabljen izraz *prodajalnica* danes uporablja zlasti za manjši prodajni prostor, specializiran za prodajo izbranih (drobnih) izdelkov, npr. spominkov, umetniških ali ročno izdelanih (obrtniških) izdelkov, čokolado, likovni material in podobno.

Tako je mogoče izdelke domače in umetne obrti videti le na turističnih prireditvah pa v trgovinah, kjer jih je v kopici kiča kar težko odkriti (»namesto, da bi imeli urejene lične **prodajalnice** teh izdelkov, slednje največkrat tlačimo v trgovine, ki prodajajo vse mogoče«), ali na sejmih. (Delo, 1998, vir: Gigafida)

Nekajkrat se pojavi t. i. podvojena manjšalnost (zveza *mala/majhna prodajalnica*),¹⁷ ki je v funkciji podkrepitve manjšalnosti (sicer razvidne že iz sobesedila), lahko pa ima tudi posebno stilno funkcijo. Raba manjšalnice ustvarja predstavo majhnega, a posebnega (bogato založenega, ličnega) in navadno zasebnega prodajnega prostora, zlasti primerjalno z velikimi prodajalnami (veleblagovnicami); opazni sta nasprotji majhen – velik, zaseben – javen.

Zanimiva **mala prodajalnica** zelenjave ob cesti z visečimi vrečkami, polnimi paradižnikov na drevesu. (Svet in ljudje, 2005; vir: Gigafida)

¹⁶ Visoka frekventnost je izpričana tudi zaradi rabe izraza v pomenu prodajalna.

¹⁷ Zveza *velika prodajalnica*, izpričana v 19. stoletju, se v Gigafidi ne pojavlja (edinega tovrstnega zgleda »iz petindvajset metrov velike prodajalnice« namreč ne moremo umestiti v ta kontekst).

Marsikje – v **zasebnih prodajalnicah** ali v velikih brezosebnih samopostrežnih veleblagovnicah – so že ugotovili, da se kupec vrača v trgovino, kjer se dobro počuti. (Delo, 2000; vir: Gigafida)

Pozitivno konotacijo ustvarja tudi sobesedilo, v katerem je naklonjenost podkrepljena še z leksikalnimi sredstvi, ki izražajo realije, do katerih ima družba načeloma pozitiven odnos (*prijazni lastnik prodajalnice, tipična kmečka prodajalnica s pravimi domačimi izdelki, prodajalnica z naravno kozmetiko*):

Ko smo v eni takšnih turističnih trgovinic barantali, nam je prijazni lastnik **prodajalnice** povedal, da je bila še pred enim tednom pri njih na obisku slovenska prijateljica /.../ (Nedeljski dnevnik 2009; vir: Gigafida)

Pred kratkim jo je Ivo spremenil v turistično kmetijo in uredil tipično kmečko **prodajalnico**, kjer je mogoče kupiti prave domače izdelke: kis, jabolčni sok, med, več vrst likerjev, pa tudi žganih pijač. (Gorenjski glas 2007; vir: Gigafida)

Priznanje za najboljšo trgovino v tem letu (»Moja trgovina 2003«) je prejela **prodajalnica** z naravno kozmetiko Lush na Ciril-Metodovem trgu /.../ (Delo 2003; vir: Gigafida)

Možna je tudi raba manjšalnice, ki izpostavlja nasprotje navidezen – realen:

Lahko se igramo razredno **prodajalnico** časopisov. Vsak si lahko »kupi« tisto, ki ga zanima. (Stvarno besedilo, 2006; vir: Gigafida)

Raba manjšalnice v pomenu skromnosti, neznatnosti, nepomembnosti, obrobnosti, manjvrednosti ipd. v analiziranih besedilih ni zaznavna, je pa v posameznih primerih, npr. v zvezah *ulična prodajalnica, vogalna prodajalnica*, negativno konotacijo mogoče razpoznavati iz sobesedila:¹⁸

V različnih raziskavah po svetu je skoraj polovica uličnih **prodajalnic** hrane (sendvičev, sladoledov, toplih jedi iz mesa) padla pri zagotavljanju mikrobiološke varnosti hrane, kar pomeni večjo nevarnost za zastrupitev s tako hrano. Zato, preden naročite, preverite videz prodajalca in njegove **prodajalnice** (čistost rok, predpasnika, pultov, pripomočkov), kako je spravljena hrana (meso na sobni temperaturi!) in kako z njo ravna (ali si prodajalec redno umiva roke itd.). (Men's Health 2003; vir: Gigafida)

Medtem ko Bajec (1950: 101) ugotavlja, da se je manjšalni pomen ženskospolskih samostalniških izpeljank s pripono *-ica* v mnogih primerih že izgubil,¹⁹

---

¹⁸ To je razvidno tudi iz kolokacij *zakotna trgovinica, umazana trgovinica*. Prim. tudi prehod s pozitivne (normativne) na negativno stran za manjšalnico *Slovenčki* (Vičar 2015).

¹⁹ Kljub temu analize kažejo, da je obrazilo *-ica* že od 16. stoletja najpogostejše obrazilo ženskospolskih manjšalnic (prim. Merše 2010, Stramljič Breznik 2010).

pa se je v obravnavanih samostalnikih z zloženim priponskim obrazilom *-ln-ic-a*²⁰ manjšalni pomen vzpostavil (*prodajalnica*: nemanjšalna nekonotirana raba v 19. stol. > manjšalnica z večinoma pozitivno konotacijo v današnji rabi).²¹ Ob tem je zanimivo, da se to tvorbo obrazilo 19. stoletja v sodobni slovenščini ohranja tudi za nemanjšalno tvorbo brez konotacije, npr. *dojilnica*, *igralnica*.

5 SKLEP

Prodajni prostor lahko danes v slovenščini poimenujemo z enopomenskim leksemom *prodajalna*, v preteklosti pa smo uporabljali besedotvorno različico *prodajalnica*, ki je bila kot tedanje nadomestilo za prevzet, vendar splošno uporabljan izraz *štacuna* slovarsko evidentirana šele v drugi polovici 19. stoletja. Izraz *prodajalna* se je pojavil proti koncu 19. stoletja in začel nadomeščati prvotno *prodajalnico* ter jo do srede 20. stoletja v knjižnem jeziku že nadomestil.

Pregled različnofunkcijskih besedil starejše slovenščine in starejšega slovarskega gradiva kaže, da se je v nekdanjem tvorbenem zloženem priponskem obrazilu *-ln-ic-a*, pogostem v izpeljankah s pomenom prostora, začel izgubljati morfem *-ic-*, s čimer smo analogno po drugih slovanskih jezikih (prim. Bajec 1950: 41) dobili priponsko obrazilo *-ln-a*: *prodajalnica* > *prodajalna*, *gostilnica* > *gostilna*. Enak proces opazamo tudi v besedotvorno sorodnih primerih, npr. *lekarnica* > *lekarna*, *pisarnica* > *pisarna*, *slaščičarnica* > *slaščičarna*, *zlatarnica* > *zlatarna*, kar nakazuje znotrajjezikovne spremembe na besedotvorni ravni ob ohranitvi leksemskega pomena. Na podlagi analize obravnavanega primera v korpusno dostopnih besedilih sodobne slovenščine je ugotovljeno, da današnja raba izraza *prodajalnica* ne nakazuje arhaičnosti, temveč izkazuje pozitivno konotirano manjšalnost oz. aktualizacijo v pomenu majhnega, a posebnega, lično urejenega specializiranega prodajnega prostora.

VIRI IN LITERATURA

Kozma AHAČIČ idr., 2011: *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

---

²⁰ Bajec (1950) to obrazilo obravnava na straneh 105–106 (na strani 106 je omenjen tudi primer *prodajalnica*).

²¹ Več o konotacijah pri manjšalnicah v Sicherl, Žele 2011: 136.

Anton BAJEC, 1950: *Besedotvorje slovenskega jezika. I Izpeljava samostalnikov*. Ljubljana: SAZU.

Digitalna knjižnica Slovenije: <<http://www.dlib.si/>>.

Fran: Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. <<http://www.fran.si/>>.

Joža GLONAR, 1936: *Slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Umetniška propaganda.

Anton JANEŽIČ, 1850: *Popólni ročni slovár slovénkega in némškega jezika*: <<http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-DR0BZNOX>>.

Marko JESENŠEK, 2013: *Poglavja iz zgodovine prekmurskega knjižnega jezika*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta.

Jezikovni viri starejše slovenščine IMP: <<http://nl.ijs.si/imp/>>.

Korpus *Gigafida*: <<http://www.gigafida.net>>.

Tomaž MARTINEK, 2007: *Zgodovina nakupovalnih centrov*. Diplomsko delo. Ljubljana, FDV.

Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija* 58/1, 45–63.

Marko POHLIN, 1781: *Tu malu besedishe treh jesikov*: <<http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:doc-FU7E7FMB>>.

Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar: <<http://bos.zrc-sazu.si/pletersnik.html>>.

Eva SICHERL, Andreja ŽELE, 2011: Nominal diminutives in Slovene and English. *Linguistica* 51, 135–142.

SSKJ – *Slovar slovenskega knjižnega jezika*: <<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>>.

Slovenski narod (24. 12. 1869): <www.dlib.si>.

SP 1899 – Fran LEVEC, 1899: *Slovenski pravopis*. Dunaj.

SP 1920 – Anton BREZNIK, 1920: *Slovenski pravopis*. Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna.

SP 1935 – *Slovenski pravopis*. Ljubljana: Znanstveno društvo, 1935.

SP 1950 – *Slovenski pravopis*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1950.

SP 1962 – *Slovenski pravopis*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1962.

SP 2001 – *Slovenski pravopis*. Ur. Jože Toporišič. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2001.

Marko SNOJ, 2009: *Slovenski etimološki slovar*. Druga pregledana in dopolnjena izdaja. Ljubljana: Modrijan.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1999: *Prispevki iz slovenskega besedoslovja*. Maribor: Slavistično društvo Maribor.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).

Terminološki slovar trženja. Ljubljana, 2004.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja Maribor.

Natalija ULČNIK, 2014: Dvojnici bolnica – bolnišnica v 19. stoletju in danes. *Slavistična revija* 62/4, 647–663.

Branislava VIČAR, 2015: Pomeni in konteksti rabe manjšalnice *Slovenčki*: ustvarjanje imaginarne neskupnosti. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 612–623.

Zakon o trgovini: <<https://www.uradni-list.si/1/content?id=85383>>.

SUMMARY

From *prodajalnica* to *prodajalna* – the Development of Feminine Nominal Derivatives with the Meaning of Location

In contemporary Slovene we use a lexeme with a single meaning *prodajalna* to refer to the location where something is sold. Yet in the past we used a word-formational derivative *prodajalnica*, which was codified in a dictionary as a substitution for a borrowed, hence popular expression *štacuna*, only in the second half of the XIX century. The expression *prodajalna* occurred only towards the end of the XIX century and started replacing the former *prodajalnica*. It was finally replaced in the literary language by the middle of the XX century.

An overview of functionally various older and contemporary Slovene literary texts and dictionaries demonstrated that in a former word-formational derivative suffix *-ln-ic-a*, common in derivatives referring to location, the morpheme *-ic-* started to vanish. As analogous to other Slavic languages (Bajec 1950: 41) we got a suffixal formative *-ln-a* instead: *prodajalnica* > *prodajalna*, *gostilnica* > *gostilna*. The same process maybe observed in other word-formational closely linked examples, e. g. *lekarnica* > *lekarna*, *pisarnica* > *pisarna*, *slaščičarnica* > *slaščičarna*, *zlatarnica* > *zlatarna*, which signify linguistic changes on the lexical level with a synchronous keeping of a lexical meaning. Based on the analysis of the abovementioned example in available texts in contemporary Slovene we discovered that the contemporary use of the expression *prodajalna* does not imply archaism, but demonstrates a positive connotation of a diminutive or alludes to a little, but special, neatly arranged selling location.

ALENKA VALH LOPERT

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
alenska.valh@um.si*

Manjšalnice v terminološkem gnezdu *Slovarja slovenskega knjižnega jezika*² (SSKJ²)

Prispevek prinaša pregled manjšalnic v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*² (2014), in sicer (le) v terminološkem gnezdu glede na terminološke kvalifikatorje. Manjšalnice namreč ne nastopajo le v pomenih mladič, nedoraslo, ljubkavalno, ironično, slabšalno itd., ampak kot strokovni termini, tj. kot samostojni termin (*čekinček* – zool. ‘dnevni metulj z zlato rdečimi krili’) ali kot del stalne besedne zveze oz. fraze (sklepna *jamica* – anat. ‘vbočeni konec kosti v sklepu’). Analizirano gradivo je izpisano na temelju iskalnih pogojev *manjšalnica od* in izbranih terminoloških kvalifikatorjev, ki označujejo področje *naravoslovja* (anatomija, medicina ...).

The article brings an overview of diminutives in *Slovar slovenskega knjižnega jezika*² (*Dictionary of Standard Slovenian Language*²; 2014), namely (just) in terminological nests according to the terminological qualifiers. However diminutives do not carry only meanings like of cub, immaturity, affectionate, ironic, pejorative, but also of technical terms, as a single term (*čekinček* – zool. (zoological) the daily butterfly with goldenly red wings) or as a part of the phrase (sklepna *jamica* – med. (medical) concave end of the bone in joint). Analysed material was extracted on the basis of the search criteria ‘manjšalnica od (diminutive of) and selected terminological qualifiers, indicating the area of natural sciences (anatomy, medicine...).

Ključne besede: slovenski jezik, SSKJ², manjšalnice, terminološki kvalifikatorji

Key words: Slovenian language, SSKJ², diminutives, terminological qualifiers

1 Uvod

Raziskovalci ugotavljajo, da je zelo težko postaviti ustrezno definicijo manjšalnic, ker je največ pozornosti namenjene tvorbenim lastnostim nastanka manjšalnic, izpuščajo pa njihov pomen. Schneider (2013: 137) s svojimi raziskavami opozarja na »mešanico« (fr. *mélange*) dveh vidikov, in sicer oblike in pomena. Dragičević (2015: 98) izpostavlja problema polisemije manjšalnic (hr. *košulj-ica* ‘srajčica’ – 1. majhna, draga srajca; 2. medicinski termin) in leksikalizacije kot zadnje stopnje nemanjšalnega pomena manjšalnice (hr. stran-ica

‘stran’ – ne označuje male strani, ampak le stran). Manjšalnice pa ne nastopajo le v pomenih mladič, nedoraslo, ljubkovalno, ironično, slabšalno itd., ampak tudi kot strokovni termini.

2 RACIONALNOST STROKOVNEGA JEZIKA

Prispevek v teoretičnem delu podaja kratek uvid v značilnosti strokovnega (znanstvenega) slovenskega jezika ter s tem povezanimi strokovnimi besedami/besednimi zvezami (t. i. terminološka leksika), osvetljuje vprašanje enopomenskosti ali metaforičnosti strokovnega jezika, posebej pa se usmeri na manjšalnice v strokovnem jeziku.

2.1 Enopomenskost strokovnega jezika

O najvišji vrsti strokovnega jezika, tj. znanstvenem jeziku, je Toporišič (2000: 29) zapisal: »Znanstvenik mora predmet svojih raziskav znati podajati natančno in popolnoma enopomensko. /.../ tu tudi ni nikakršnih igrčkanj z besedami, nobenih besednih iger, čim manj tropov (metafor, metonimij) ...« Večinoma gre v znanstvenem jeziku za enobesedna poimenovanja, a avtor sam (prav tam) dodaja: »Jezik je racionalen in skuša poimenovanja izraziti z eno besedo, vendar vedno, kljub zelo razvitemu besedotvornemu sistemu slovenskega jezika, to ni mogoče. Tako so zelo pogosta dvo- ali večbesedna poimenovanja, t. i. stalne besedne zveze oz. frazeologemi.« Tudi Vidovič Muha (2013: 29) opredeljuje zgradbo in pomen večbesednega leksema »tj. stalne besedne zveze, ki je kot slovarska enota lahko priredna ali podredna« in pojasnjuje njihovo sestavo, in sicer da so »strokovni termini« /.../ »v veliki večini res samostalniški, v slovenščini večinoma s pridevniškimi prilastkom«.

Vendar je Stramljič Breznik že leta 2004 (43–47) v analizi metaforičnega v znanstvenih besedilih želela preseči predstavo, da je »/.../ znanstveni jezik kot posebna oblika strokovnega jezika jezik abstrakcije, strokovnega izrazja in enoumnega ubesedovanja, v katerem ni prostora za preneseno, metaforično izražanje«. V različnih teorijah (pregled v Snoj 2010: 269–288) pa se prav metaforična ustvarjalnost kaže v večpomenskosti, prenesen pomen pa mora vzbujati asociativno povezavo med dvema vsebinama (npr. *metuljček*: 1. nav. ekspr. manjšalnica od metulj ‘žuželka z dvema paroma kril’; 2. (modni) ‘dodatek, navadno k moški obleki’). Iz tega izhaja tudi cilj metaforičnega znanstvenega termina, tj. skladnost z obvestilno vlogo znanstvenega besedila (Vidovič Muha 2013: 163).

2.2 Manjšalnice in njihova raba v strokovnem jeziku

V teoriji zasledimo terminološko neenotnost glede poimenovanja *manjšalnica* oziroma *pomanjševalnica*. Pulko in Zemljak Jontes (2015: 518)¹ ugotavljata, da v *Slovenski slovnici* termina *pomanjševalnica* ni, medtem ko se v Korpusu *Gigafida pomanjševalnica* pojavlja pogosteje kot v drugih virih.

Za tvorbo manjšalnic v *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000: 144) so navedeni naslednji besedotvorni postopki: izpeljava, zlaganje, sestavljanje in sklapanje. Zanimajo nas samostalniške manjšalnice, za katere je tipičen postopek izpeljava (185): novo besedo dobimo tako, da podstavi (v analiziranih primerih enodelni, nezloženi, torej iz osnove enega samega prvotno danega samostalnika) dodamo priponsko obrazilo. Pri tvorbi samostalniških manjšalnic se kažejo kot najrodnejše za:

moški spol: **-c** čeveljc, **-ec** oblačec, **-ic** možic, **-ič** grmič, **-ek** griček, **-ček** cedilček;
ženski spol: **-ca** živalca, **-ica** breskvica, **-ka** račka;
srednji spol: **-ce** očesce, **-ece** srčece, **-iče** grozdjiče, **-ca** vratca, **-eca** usteca.

Da je najpogostejši tvorbeni postopek prav izpeljava, potrjuje tudi Stramljič Breznik (2009: 143) na osnovi besedotvorne analize cvetličnih poimenovanj, tako eno- in večbesednih (*kron-ica*, *lampijon-ček*, *meč-ek*, *raket-ica*).

Schneider (2013: 137) izhaja iz predpostavke, da pojma »manjšalnica« ni moč jasno opredeliti na enostaven način zaradi specifičnosti tega pojava. Prvi je semantika, drugi pa vrsta formalnih sredstev, s katerimi manjšalnica izraža pomen, zlasti ker je težko prepoznati, kaj ta sredstva izražajo. Poudarja še, da težava izhaja iz tradicionalne slovnice, kjer niti ni jasno, kaj točno označuje »manjšalnica« na nivoju oblike/forme niti kaj označuje na nivoju »pomena«. V raziskavah zagovarja v medkulturnem in medjezikovnem pristopu zelo uspešen alternativni pristop, ki se osredinja na komunikacijske funkcije manjšalnice. Zanima ga funkcija, ki jo določa vsako besedilo oz. situacija posebej, pragmatični del se torej osredinja na tipe govornih dejanj. Seznaní pomenov manjšalnic mu služijo le kot ilustrativno (nepopolno) gradivo, pomen, ki ga označujejo, pa se skozi čas spreminja (144). Nazorno podaja primer manjšalnice (»*applet*«, tvorbeno gledano gre za samostalnik »*apple*« 'jabolko' in angleško priponsko obrazilo, ki označuje manjšalnost, *-let*): lahko pomeni 'majhno jabolko', v tehnološkem jeziku pa 'računalniški programček' (angl. a small application program).

¹ Avtorici podajata natančen pregled po: *Slovenski slovnici* J. Toporišiča, *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*, *Slovenskem pravopisu*, *Enciklopediji slovenskega jezika* J. Toporišiča ter *Korpusu Gigafida*.

Čeprav so manjšalnice pomensko vezane na besede, iz katere so tvorjene, se nekatere pomensko oddaljijo (Dragičević 2015: 91) in dobijo v drugem kontekstu drug pomen. Manjšalnice v strokovnem jeziku ne nastopajo le kot samostojni termin (*cekínček* – zool. ‘dnevni metulj z zlato rdečimi krili’), ampak kot del stalne besedne zveze oz. fraze (sklepna *jamica* – anat. ‘vbočeni konec kosti v sklepu’). Pri enobesednih gre za izpeljanke iz ene predmetnopoemske besede, podstavi je na desni dodano le priponsko obrazilo: *kladiv-ce* (anat.); pri besednozveznih (so samostalniške besedne zveze z levim vrstnim pridevniškim prilastkom) pa nas zanima le tvorjenost manjšalnice, tj. jedrne sestavine, sklepna *jam-ica* (anat.).

2.2.1 Metaforičnost manjšalnic v strokovnem jeziku

Prenos poimenovanja (s človeka na npr. žival *bogomoljka*) med termini ugotavlja Breznik Stramljič (2007: 541), vendar pa, da se »terminologija izogiba dodeljevanju modifikacijskih pomenov [*koz-ica, sonč-ece*], ki temeljijo na relativni oceni, le izjemoma posega po manjšalnostnem vzorcu«. Za manjšalnice v terminologiji je značilno, da svoj primarni pomen kljub zanje tipičnim priponskim obrazilom izgublajo, na kar je, kot povzema Merše (2010: 2), ».../ na več mestih opozarjal Bajec 1950 /.../«. Avtorica ugotavlja (12), da so bile manjšalnice »poimenovanj konkretne predmetnosti neredko rabljene tudi v prenesenih ali predvsem v prenesenih pomenih, npr. *iskrica tiga greha, ljubezni /.../*«. Vidovič Muha (2013: 163–166) razvija, kot sama piše, »hipotetično trditev«, v kateri zagovarja, da: ».../ imamo na ravni terminologije opraviti predvsem s pomenskosestavinsko (semsko) metaforo, motivirano torej s pomenskimi sestavinami /.../«. Metaforičnost je lahko vezana na jedrni del (lahko tudi pri samo enobesednem poimenovanju), na prilastkov del imenske zveze, redkeje pri jedru in prilastku besedne zveze (prav tam). Tvori se predvsem na podlagi fizičnih lastnosti, kot so oblika, barva, otip, funkcija, namembnost (164). Dragičević (2015: 94–98) poudarja, da prav metaforičnost predstavlja najproduktivnejši način nastajanja manjšalnic in je največkrat vezana na asociacije glede na dejanski izgled, podobnost, položaj, funkcijo, kolektivni izraz, konkretno-abstraktno, obliko, npr. *štapič* ‘paličica’ – anat. vrsta celic, podobnih paličici; *posteljica* ‘posteljica’ – fiziol./anat. organ v materici med nosečnostjo. Že slednja dva primera, enaka v srbsčini in slovenščini, kažeta na smiselnost Schneiderjeve (2013: 137) teorije o medkulturnem in medjezikovnem pristupu tovrstnih raziskavah tudi v okviru izpostavljene tematike.

3 SLOVAR SLOVENSKEGA KNJIŽNEGA JEZIKA²

Empirični del predstavlja terminološko gnezdo v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*² (2. izdaja 2014, dalje SSKJ²), sledi pregled terminoloških kvalifikatorjev v SSKJ² in na osnovi izbranih kvalifikatorjev še zastopanost manjšalnic v terminološkem gnezdu SSKJ².

V analizo je bilo zajeto gradivo iz SSKJ², izbrano na osnovi iskalnih pogojev *manjšalnica od s področja naravoslovja* (UDK 5) in (ožje) *medicine kot uporabne vede* (UDK 61) glede na uvrstitev v univerzalno decimalno klasifikacijo (UDK),² ki hierarhično umešča vse védenje v devet skupin. Za potrebe prispevka sta nas tako zanimali skupini UDK 5, naravoslovne vede: matematika, astronomija, fizika, geologija, paleontologija, kemija, biologija, biokemija, botanika, zoologija, in UDK 61, medicina, anatomija, farmacija, farmakologija, ki jih klasifikacija uvršča med *uporabne vede* (znotraj UDK 6).

3.1 Terminološko gnezdo v Slovarju slovenskega knjižnega jezika²

V Uvodu v SSKJ² pod naslovom Gnezdo (§ 92) je pojasnjeno, da: »Če je potrebno, ima slovarski sestavek tudi tako imenovano gnezdo, to je oddelek, v katerem je zbrano posebno gradivo. Iztočnica oziroma podiztočnica ima lahko samo po eno frazeološko in po eno terminološko gnezdo.« V slednjem (§ 95) je »prikazana terminološka raba besed ali zvez. Razvrstitev se ravna po abecedi kvalifikatorjev posameznih strok, v njihovem okviru pa po sintaktičnih kriterijih in abecedi.«

Cilj analize ni bil prešteti vseh manjšalnic, rabljenih kot strokovni termin, predvsem ker, tako v samem SSKJ²: »/p/osamezne besede, zlasti če pomenijo stroke in poklice ali če je kvalifikator posredno nakazan v razlagi, nimajo kvalifikatorjev, čeprav bi jih po svoji naravi morale imeti /.../« (§ 97) in »ker ni bilo mogoče zmeraj pokazati razmerja med kvalifikatorji, je kvalifikacija včasih nepopolna« (§ 115), ampak prikazati rabo teh v strokovnem jeziku sploh. Poleg tega je pojasnjeno, da »Iztočnice, ki imajo posredno razlago, praviloma nimajo kvalifikatorjev /.../« (§ 111), pri čemer je iskalni element *manjšalnica od* posredna razlaga, ki določa besedotvorno kategorijo (§ 59). Terminološko gnezdo v SSKJ² uvaja znak ♦.

---

² SISTEM UDK. *KATALOG oko*. Dostopno: <http://oko.zrc-sazu.si/UDK.htm> (Pridobljeno 30. 5. 2015.)

3.2 Pregled terminoloških kvalifikatorjev v SSKJ²

SSKJ² (§ 96) uporablja »/z/a opredeljevanje besed, pomenov ali zvez /.../ kvalifikatorje. To so pojasnila, ki povedo, v katero slovnično kategorijo spada beseda, jo opredeljujejo časovno oziroma krajevno, govorijo o njeni stilni uvrstitvi, razširjenosti in vrednosti ter nakazujejo preneseno ali posebno rabo. S tem kažejo na normo knjižnega jezika ali opozarjajo na razmerje do nje.« Nekaterne besede kljub vsemu kvalifikatorja nimajo (§ 97), čeprav SSKJ² dodaja (§ 98), da: »Brez upoštevanja kvalifikatorjev informacija o besedi ni popolna.«

Definicijo terminoloških kvalifikatorjev podaja SSKJ² v Uvodu (§ 127–131): »Terminološki kvalifikator kaže področje, na katerem termin živi (aditiv, mikrosporija) ali s katerega prehaja v splošno rabo /.../.« Seznam teh najdemo v (SSKJ², Uvod, 61–62), naštetih so po abecedi, in sicer (žal) skupaj s seznamom vseh krajšav, uporabljenih v slovarju: anat. – anatomija, astron. – astronomija, biokem. – biokemija, biol. – biologija, – botanika, farm. – farmacija, farmakologija, fiz. – fizika, geol. – geologija, kem. – kemija, mat. – matematika, med. – medicina, pal. – paleontologija, zool. – zoologija.

3.3 Zastopanost manjšalnic v terminološkem gnezdu SSKJ²

Na osnovi iskalnega podatka *manjšalnica od* in že omenjenih izbranih kvalifikatorjev smo preverili zastopanost manjšalnic v terminološkem gnezdu SSKJ², in sicer glede na pojavnost manjšalnice (oblika), spol, obrazila, enobesednost/besednozveznost in vlogo/pomen.

3.3.1 Pojavnost manjšalnice glede na kvalifikator

Iskanje manjšalnic glede na 'naravoslovne/uporabne vede' (po UDK 5 in 61) v SSKJ² je dalo naslednje podatke, za nekatere izbrane stroke zadetkov ni bilo:

manjšalnica od:

astron. – 0; **pal.** – 0; **biokem.** – 0; **kem.** – 0; **geol.** – 1: *léstvica*; **mat.** – 2: *tábrica*, *véjica*; **farm.** – 3: *krógljica*, *pálička*, *zrnce*; **fiz.** – 3: *léstvica*, *ročica*, *stékelce*; **biol.** – 10: *bíček*, *jájčece*, *mrénica*, *pálička*, *plóščica*, *práživálca*, *résica*, *telésece*, *trática*, *zrnce*; **med.**³ – 13: *bóbenček*, *bóbníč*, *búkvica*, *čépek*, *góbica*, *grčica*, *ledvíčka*, *mostíček*,

³ Glede na iskalni pogoj dobimo 43 zadetkov. Izkaže se, da program ne ločuje zapisa okrajšanega kvalifikatorja (s piko) *med.* in predloga *med.*, uporabljenega v geselskem članku samem. Tako je podatek zavajajoč, v resnici gre le za 13 zadetkov.

rožič, rožiček, svéčka, vozlič, žábica; od **anat.** – **27**: bétvica, čášica, čebúlica, čépek, jágodica, jámica, jézerce, jeziček, kámenček, kládivce, kljúkica, končič, koščica, kóžica, mehúrček, mešíček, nakoválce, ôkenca, páličica, pônvica, pôsteljica, réšica, sklédica, streménce, telésce, vreténce, žlička; **zool.** – **51**: bárčica, cekínček, íglica, jámica, jeziček, jéžek, káčica, kápica, kobílca, kokóška, konjíček, kováček, kôzica, kozlíček, kôžica, ládjica, listič, medvédek, mehúrček, menišček, mlínarček, mrénica1, mrénica2, néžica, nítka, nožica, obróček, očésce, oslíček, ovnič, plávček, pogorélček, rébrce, ribica, rilček, rjávček, rožiček, sítce, sokolič, somič, stopálce, svinjka, škrátec, vdóvica, vólkec, vréčica, vréčka, zájček, zôrica, želódček, želódek; **bot.** – **72**: betič, brstič, čebúlica, čéšnjica, črévce, dételjica, dežniček, dímek, dláčica, drobtínica, dúšica1, gomóljček, grmič, grmiček, háljica, jéžek, kápica, klásek, klínček, kljúček, kljúkica, kljúček, kobúlček, kolénce, kolénček, košárica, koščica, kôšek, króžec, ládjica, lásek, lípica, lístek, listič, lopática, lúcca, máčica, méček, méseček, mešíč, mešíček, móžek, mréžica, nítka, obróček, oréšček, párkeljč, petelinček, pláhtica, plodič, pôdkvica, pogáčica, pópček, róžica, rožiček, sklédica, smréčica, sônčece, srájčka, stébelce, ščítek, táčka, telésce, vréčica, vreténce, zájček, zájčica, zóbec, zrcálce, zvédica, zvónček.

3.3.2 Spol manjšalnic v terminološkem gnezdu

Pregled kaže na le nekoliko večjo zastopanost samostalniških manjšalnic ženskega spola (68) glede na moški spol (65), samostalnikov srednjega spola je manj (18).

Samostalniki **moškega** spola (65): betič, biček, bóbenček, bóbníč, brstič, cekínček, čépek, dežniček, dímek, gomóljček, grmič, grmiček, jeziček, jéžek, kámenček, klásek, klínček, kljúček, kljúček, kobúlček, kolénček, končič, konjíček, kôšek, kováček, kozlíček, króžec, lásek, lístek, listič, méček, medvédek, mehúrček, menišček, méseček, mešíč, mešíček, mlínarček, mostíček, móžek, obróček, oréšček, oréšek, oslíček, ovnič, párkeljč, petelinček, plávček, plodič, pogorélček, pópček, rilček, rjávček, rožič, rožiček, sokolič, somič, ščítek, škrátec, vólkec, vozlič, zájček, zóbec, želódček, želódek.

Samostalniki **ženskega** spola (68): bétvica, búkvica, čášica, čebúlica, čéšnjica, dételjica, dláčica, drobtínica, dúšica, góbica, grčica, háljica, íglica, jágodica, jámica, káčica, kápica, kljúkica, kobílca, kokóška, košárica, koščica, kôzica, kôžica, króglica, ládjica, ledvíčka, léstvica, lípica, lopática, lúcca, máčica, mrénica, mréžica, néžica, nítka, nožica, páličica, pálička, pláhtica, plóščica, pôdkvica, pogáčica, pônvica, pôsteljica, práživálca, réšica, ribica, róžica, sklédica, smréčica, srájčka, svéčka, svinjka, táblica, táčka, trática, vdóvica, vějica, votlínica, vréčica, vréčka, zájčica, zôrica, zvédica, zvónček, žábica, žlička.

Samostalniki **srednjega** spola (18): črévce, jájčece, jézerce, kládivce, kolénce, nakoválce, očésce, ôkenca, rébrce, sítce, sônčece, stébelce, stopálce, streménce, telésce, vreténce, zrcálce, zrnice.

3.3.3 Pogostost posameznih obrazil manjšalnic

Manjšalnice so bile pregledane z vidika pogostosti besedotvornih obrazil, ki izražajo slovnično obliko manjšalnice.

Pri samostalnikih moškega spola v tvornosti prevladuje priponsko obrazilo *-ček*, sledita ji *-ek* in *-ič*, manj pogosti pa sta *-iček* in *-c*:

-ček: *kljún-ček, bóben-ček, dežní-ček, cekín-ček, gomólj-ček, jezi-ček, kámen-ček, klín-ček, kobúl-ček, kolén-ček, mehúr-ček, mlínar-ček, petelín-ček, pláv-ček, pogorél-ček, póp-ček, ríl-ček, rjáv-ček, obró-ček, záj-ček, želód-ček; -ek:* *bič-ek, čép-ek, dí-m-ek, jéz-ek, klás-ek, ključ-ek, kôš-ek, kováč-ek, lás-ek, líst-ek, mēč-ek, medvéd-ek, móż-ek, ščit-ek, želód-ek; -ič:* *bet-ič, brst-ič, grm-ič, líst-ič, ovn-ič, plod-ič, sokol-ič, som-ič, kon-čič, most-iček; -ec:* *króž-ec, zób-ec, škrát-ec, vólk-ec; -iček:* *grm-iček, konj-iček; -c:* *párkelj-c.*

Večina manjšalnic ženskega spola je izpeljana s priponskim obrazilom *-ica*, manj s *-ka* in *-ca*:

-ica: *čáš-ica, čebúl-ica, čéšnj-ica, dételj-ica, búkv-ica, drobtín-ica, dúš-ica, hálj-ica, grč-ica, gób-ica, ígl-ica, jágod-ica, jám-ica, káč-ica, káp-ica, kljúk-ica, kobíl-ica, košár-ica, kóz-ica, kóz-ica, krógl-ica, ládj-ica, líp-ica, lopát-ica, mrén-ica, mrěž-ica, néž-ica, pláht-ica, plôš-ica, pôdkv-ica, pôstelj-ica, pogáč-ica, rés-ica, rib-ica, róz-ica, skléd-ica, tábl-icabétv-ica, dláč-ica, košč-ica, léstv-ica máč-ica, nož-ica, pálič-ica, pônv-ica, smréc-ica; -ka:* *kokóš-ka, svéč-ka, svínj-ka, nít-ka, pálič-ka, ledvíč-ka, srájč-ka, táč-ka; -ca:* *práživál-ca, lúč-ca.*

Samostalniki srednjega spola so najpogosteje tvorjeni s priponskim obrazilom *-ce*, v manjšem obsegu z *-čece* in *-elce*, le enkrat z *-ence*:

-ce: *črév-ce, jézer-ce, kolén-ce, naková-ice, kládiv-ce, rêbr-ce, sít-ce, stopál-ce, stre-mén-ce, vretén-ce, zrcál-ce, zrn-ce; -čece:* *jáj-čece, són-čece; -elce:* *stêb-elce, tel-ésce; -ence:* *ók-ence.*

3.3.4 Enobesednost/besednozveznost manjšalnic

Manjšalnice se pojavljajo kot enobesedni termini in kot jedrna sestavina (samostalniška) v besednozveznih terminih. V vseh strokah je besednozveznih terminov več kot enobesednih, presenetljivo je, da je pri medicini nasprotno.

Terminološki kvalifikator	Manjšalnice v:
	<ul style="list-style-type: none"> • enobesednih (EB)/ ▪ besednozveznih terminih BZ)
♦ geol.	<ul style="list-style-type: none"> • ni, ▪ <i>Mercallijeva lestvica</i>;
♦ mat.	<ul style="list-style-type: none"> • ni, ▪ <i>logaritemske tablice, decimalna vejica</i>;
♦ fiz.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>léstvica</i>, ▪ <i>Fahrenheitova lestvica</i>;
♦ farm.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>zrnce</i>, ▪ <i>jodna palička, zdravilna kroglica</i>;
♦ biol.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>biček, praživalca, jajčece, resica, palička (žarg.)</i>, ▪ <i>neoplojeno jajčece, krvna ploščica, letalna mrenica; plavalna mrenica, celična mrenica, migetalna resica, belo krvno telesce, rdeče krvno telesce, bakterijska tratica, kromatinsko zrnce</i>;
♦ med.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>čepek, gobica, grčica, ledvička, mostiček, rožič, rožiček, svečka, vozlič, žabica</i>, ▪ <i>ustne gobice</i>;
♦ anat.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>čepek, jeziček, kamenček, kladivce, nakovalce, paličica, posteljica, resica, streménce, vretence, žlička</i>, ▪ <i>rumeno telesce, dlačna/lasna betvica, ledvične čašice, dlačna, lasna čebulica, prstne jagodice, sklepna jamica, solzno jezerce, ravnotežni kamenčki laktna kljukica, živčni končič, slušne koščice, deviška kožica, pljučni mehurček, dlačni, lasni mešiček, okroglo okence, ledvične ponvice, sklepna ponvica, sklepna skledica, tipalno telesce, križna/ledvena/prsna/vratna vretenca</i>;
♦ zool.	<ul style="list-style-type: none"> • <i>cekinček, iglica, jeziček, kapica, kobilica, kovaček, kozica, kozice, menišek, mlinarček, nežica, obroček, očesce, ovniči, plavček, pogorelček, rebrce, rilček, rjavček, sokolič, stopalce, svinjka, vdovica, volkec, zorica, želodek</i>, ▪ <i>noetova barčica, vohalna jamica, kljunati ježek, železna kačica, vodna kokoška, morski konjiček, jamska kozica, hišni kozliček, veliki hrastov kozliček, plavalna kožica, papirnata ladjica, škržni lističi, medvedek vrečar, prebavni mehurček, letalna mrenica; plavalna mrenica, indijska mrenica, ožigalne nitke, čeljustna nožica, vodni osliček, človeška ribica, navadni rožiček, modro sitce, ameriški somič, rdeči škratec, račja vrečica, semenska vrečka, morski zajček, medni želodček</i>;

- ♦ bot.
- *betič, haljica, ježek, ključek, klasek, kljukica, kobulček, kolence, kolenček, košarice, košek, koščica, ladjica, lipica, listek, listič, lopatica, mačica, meček, meseček, mešiček, možek, obroček, orešek, petelinček, plodič, podkvica, pogačica, skledica, sončece, ščitek, vretence, zajčica, zobec, zvezdica,*
  - *zarodni brstič, dvolistna morska čebulica, rumena pasja čebulica, njivska ali kurja češnjica, triglavski dimek, zlati dimek, apneni dežniček, kurja črevca, zajčja deteljica, materine drobtinice, materina dušica, koreninski gomoljčki, klorofilno telesce, vražji grmič, zlati grmiček, rjavi ježek, rumeni ježek, koreninska kapica, Sternbergov klinček, ptičji kljunček, zali kobulček, koščica močvirska, čebulni krožec, koreninski laski, kalcedonijska lučca, kukavičja lučca, ilirski meček, pelodni mešiček, zarodkov mešiček, semenski mešiček, ozkolistna mrežica, glivna nitka, vodni orešček, kozji parkeljci (kovačnik), medvedji parkeljci (rumena griva), navadna plahtica, velecvetni popčki, listna rožica, rženi rožiček, navadna smrečica, marijine srajčke (podlesna vetrnica), kalčkovo stebelce, medvedove tačke (rumena griva), pelodna vrečica, rjavi zajček, navadno njivsko zrcalce, gozdna/velecvetna zvezdica, alpski zvonček, poletni veliki zvonček.*
-

3.3.5 Pomen manjšalnic v terminološkem gnezdu

Iz gradiva so za prikaz metaforičnosti manjšalnic v enobesednih in besednozveznih terminih (*jedrni del besednozveznega termina*) glede na obliko in videz (iz 3.3.4) pregledani primeri s področja anatomije.⁴ Povsod je ohranjena t. i. posredna razlaga (SSKJ²: § 59) *manjšalnica od* ustreznega samostalnika, ki omogoča razmislek o možnih asociacijah nastanka manjšalnice. Ali so te oznake v slovarjih utemeljene, saj jih v rabi govorniki ne prepoznavajo kot takšne, se sprašuje tudi Dragičević (2015: 99).

Za nadaljnje raziskave tega gradiva bi bila smiselna analiza vseh izpisanih primerov iz SSKJ² glede na to, kateri del besedne zveze je metaforiziran (po vzorcu Vidovič Muha 2013: 164–166: 1. jedrni del besednozveznega termina: fiz. Fahrenheitova *lestvica*; 2. prilastkov del besednozveznega termina: biol. belo krvno telesce 'brezbarvna krvna celica'; 3. jedro in prilastkov del besednozveznega termina: zool. noetova barčica, bot. medvedove tačke).

---

⁴ Zaradi prostorske omejitve so izpisani le primeri s področja anatomije, preostali bodo predmet naslednjih raziskav.

Enobesedni termini:⁵

čêpek, manjšalnica od čep: ♦ nav. mn., anat. »betičasta vidna čutnica, občutljiva zlasti za barve»;

jeziček, manjšalnica od jezik: anat.¹ 'jezičasti podaljšek mehkega neba';

kládívce in **kladívce**, manjšalnica od kladivo: ♦ anat. 'slušna koščica, priraščena na bobnič';

nakováľce, manjšalnica od nakovalo: ♦ anat. 'slušna koščica med kladivcem in stremcem';

páľičica, manjšalnica od palica ♦ nav. mn., anat. 'paličasta vidna čutnica, občutljiva zlasti za svetlobo';

pósteljica, manjšalnica od postelja: anat. 'organ, ki povezuje plod z materjo in mu omogoča razvoj';

résica, manjšalnica od resa: anat. 'prstast ali listast izrastek sluznice, zlasti črevesne: premikanje resic / črevesne resice,

streménce, manjšalnica od streme: ♦ anat. 'slušna koščica, priraščena na okroglo okence';

vreténce, manjšalnica od vreteno: ♦ anat. *križna, ledvena, prsna, vratna vretenca*;

žlíčka, manjšalnica od žlica: anat. 'zgornji del trebuha nad popkom pod prsnico in med rebrnima lokoma'.

Besednozvezni termini:

bétvica, manjšalnica od betva: ♦ anat. *dlačna, lasna betvica* 'del dlake, lasu, ki moli iz kože';

čášica, manjšalnica od čaša: ♦ anat. *ledvične čašice* 'lijakaste votlinice v ledvični sredici';

čebúllica, manjšalnica od čebula: ♦ anat. *dlačna, lasna čebulica* 'debeli del korena dlake, lasu';

jágodica, manjšalnica od jagoda: anat., navadno v zvezi *prstna jagodica* 'spodnji del na koncu prsta';

jámica, manjšalnica od jama: ♦ anat. *sklepna jamica* 'vbočeni konec kosti v sklepu' *zobna jamica* 'jamica v čeljusti, v kateri je zob';

jézerce, manjšalnica od jezero: ♦ anat. *solzno jezerce* 'jamica ob nosnem delu očesa';

kámenček, manjšalnica od kamen: ♦ anat. *ravnotežni kamenčki* 'drobci anorganskih snovi v ravnotežnem organu';

kljúkica, manjšalnica od kljuka: ♦ anat. *laktna kljukica* 'kaveljčast izrastek podlahtnice v komolcu, ki preprečuje njeno pregibanje nazaj';

končič, manjšalnica od konec: ♦ anat. *živčni končič* 'razcepljeni konec živčnega vlakna';

---

⁵ Kvalifikator je podčrtan, kjer oznake ♦ ni bilo.

koščica, manjšalnica od kost: ♦ anat. *slušne koščice* 'koščice v srednjem ušesu, ki prenašajo tresljaje z bobniča v notranje uho';

kóžica, manjšalnica od koža: ♦ anat. *deviška kožica* 'kožna guba ob vhodu v nožnico';

mehúrček, manjšalnica od mehur: ♦ anat. *pljučni mehurček* 'najmanjša votlinica v pljučih';

mešiček, manjšalnica od meh: ♦ anat. *dlačni, lasni* 'mešiček v povrhnjici, v katerem je dlačni, lasni koren; *jajčni mešiček* 'del jajčnika z jajčecem v notranjosti'; *solzni mešiček* 'razširjeni del solznega izvodila ob nosu';

okence, manjšalnica od okno: ♦ anat. *okroglo okence* 'odprtina med srednjim in notranjim ušesom, zaprta z membrano';

pônvica, manjšalnica od ponev: ♦ anat. *ledvične ponvice* 'ledvične čašice'; *sklepna ponvica* 'vbočeni konec kosti v sklepu';

sklédica, manjšalnica od skleda: ♦ anat. *sklepna skledica* 'vbočeni konec kosti v sklepu';

telésece, manjšalnica od telo: ♦ anat. *rumeno telesce* 'skupek celic v jajčniku, ki izloča hormone'; *tipalno telesce* 'skupek celic v koži, občutljiv za dotik'.

4 UGOTOVITVE

V analizo so bile zajete enobesedne in besednozvezne manjšalnice iz terminoloških gnezd v SSKJ², izbrane na osnovi iskalnih pogojev *manjšalnica od s področja naravoslovja in (ožje) medicine kot uporabne vede*. Največ jih je najti s področja botanike, zoologije, anatomije, medicine in biologije, z drugih področij manj. Povsod prevladujejo besednozvezni termini, razen pri medicini. Največ je samostalnikov ženskega spola, kjer glede na rodnost prevladuje priponsko obrazilo *-ica*, sledijo samostalniki moškega spola s priponskim obrazilom *-ček* in, najmanj pogosti, samostalniki srednjega spola s priponskim obrazilom *-ce*. Metaforiziranost se kaže tako v enobesednih terminih kot v jedrnem delu terminološke večbesedne zveze.

5 SKLEP

Analiza podaja pregled manjšalnic iz terminoloških gnezd v SSSJ², na eni strani z vidika tvorjenosti manjšalnic kot besedotvorne oblike, na drugi pa z vidika večpomenskosti. Tako kaže na bogate besedotvorne in izrazne zmožnosti slovenskega jezika. Slednje bi, zlasti ob nenehnem prevzemanju tujega besedja v jezik različnih strok ter slabšalnem odnosu do slovenskega – posebej – strokovnega in znanstvenega jezika (Valh Lopert, Zemljak Jontes 2014:

259–284, moralo okrepiti jezikovno (samo)zavest strokovnjakov z različnih področij, da bi »pogumneje« slovenili tuje strokovne izraze, upoštevajoč predloge jezikoslovcev, prevajalcev in zlasti slovenistov.

VIRI IN LITERATURA

Rajna DRAGIČEVIĆ, 2015: Nedeminutivna značenja deminutiva. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 88–101.

Majda MERŠE, 2010: Raba samostalniških manjšalnic v delih protestantskih piscev 16. stoletja. *Slavistična revija*. Letn. 58, št. 1 (jan.–mar. 2010), [45]–63. <<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-ITC2FOAT>>. Pridobljeno 30. 5. 2015.

Simona PULKO, Melita ZEMLJAK JONTES, 2015: O Nežiki, Gumici, pesmici – ljubkovalno, slabšalno ali kako drugače? *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 517–532.

Klaus P. SCHNEIDER, 2013: The truth about diminutives, and how we can find it: Some theoretical and methodological considerations. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 10: 1, 137–151. <http://www.skase.sk/Volumes/JTL22/pdf_doc/08.pdf>. Pridobljeno 30. 5. 2015.

SISTEM UDK. *KATALOG oko*. <<http://oko.zrc-sazu.si/UDK.htm>>. Pridobljeno 30. 5. 2015.

Slovar slovenskega knjižnega jezika [Elektronski vir], 2014. Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. Ljubljana: Cankarjeva založba. Spletna izdaja na <www.sskj2>. Pridobljeno 21. 1. 2015.

Jerica SNOJ, 2010: Razumevanje metafore v leksikologiji. *Slavistična revija*. Letn. 58, št. 2 (apr.–jun. 2010). [269]–288. <<http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-KBNNJFWS>>. Pridobljeno 30. 5. 2015.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: Preneseno v jeziku stroke. *Slovenski jezik in literatura v evropskih globalizacijskih procesih*. Ur. Marko Jesenšek. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2004. (Zbornik Slavističnega društva Slovenije). 43–55.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2007: Slovensko zoološko izrazje z vidika besedotvornih vzorcev in vrst. *Razvoj slovenskega strokovnega jezika*. Ur. Irena Orel. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik. (Obdobja. Metode in zvrsti, 24). 537–546.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2009: Jezikoslovno-kulturološki pogled na slovenska cvečlična imena. *Terminologija in sodobna terminografija*. Ur. Nina Ledinek, Mojca Žagar Karer, Marjeta Humar. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 141–159.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Alenka VALH LOPERT in Melita ZEMLJAK JONTES, 2014: Jezik kot odraz identitete Slovencev v znanosti: (na primeru naslovov doktorskih disertacij). *Jeziki, literature in kulture v stiku*. Ur. Marko Jesenšek. Maribor: Univerza. 259–284.

Ada VIDOVIČ MUHA, 2013: *Slovensko leksikalno pomenoslovje*. 2., dopolnjena izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. (Razprave FF).

SUMMARY

Diminutives in the Terminological Nest of the *Dictionary of the Standard Slovene Language*² (SSKJ²)

Researchers pay a lot of attention to word-formation processes creating diminutives. However diminutives do not carry only meanings like of cub, immaturity, affectionate, ironic, pejorative, but also of technical terms, namely as a single term (*čekinček* – zool. (zoological) the daily butterfly with goldenly red wings) or as a part of the phrase (sklepna *jamica* – med. (medical) concave end of the bone in joint). The article brings an overview of diminutives in *Slovar slovenskega knjižnega jezika*² (*Dictionary of Standard Slovenian Language*²; 2014), namely (just) in terminological nests according to the terminological qualifiers. The aim of the analysis was not to count all diminutives, used as professional terms, especially since, the SSKJ 2 states (2014: § 97): “individual words, especially if they represent special fields and professions, or if the qualifier is indirectly indicated in the interpretation or have no qualifiers, although by their nature they should have /.../” and “because it was not always possible to show the relationship between qualifiers, the qualifications are sometimes incomplete” (§ 115), but to demonstrate the use of these terms in technical language at all. Analysed material was extracted on the basis of the search criteria ‘manjšalnica od’ (diminutive of) and randomly selected terminological qualifiers, indicating the area of natural sciences (anatomy, medicine...). The examples examined want to give an insight into the multiple meanings of Slovene diminutives on the one hand, and on the other a wealth of word-formation processes and expressive capabilities of the Slovenian language. The latter should, especially when assuming constant foreign language vocabulary in a variety of disciplines and pejorative attitude towards Slovenian academic language, reinforce language (self)consciousness of experts from various fields to ‘courageously’ use Slovenian technical terms, taking into account the suggestions given by linguists, namely translators and Slovene language specialists.

BRANISLAVA VIČAR

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
branislava.vicar@um.si*

Pomeni in konteksti rabe manjšalnice *Slovenčki*: ustvarjanje imaginarne neskupnosti

V prispevku predstavimo semantično in funkcijsko analizo manjšalnice *Slovenčki* in pri tem upoštevamo specifične tipe konteksta, v katerih je manjšalnica rabljena. Identificiramo širok konceptualni prostor medsebojno povezanih pomenov in ugotavljamo, da je seznam manjšalnih pomenov zgodovinsko pogojen in spremenljiv. Ideološka vloga manjšalnice *Slovenčki* se je vzpostavila po letu 1991, ko je Slovenija kot formalno samostojna država sprejela novo kapitalistično prihodnost, in izhaja iz obče sprejetih premis nacionalističnega diskurza.

In this paper we present a semantic and functional analysis of the diminutive *Slovenčki* ('Slovene+DIM') considering the specific types of context in which the diminutive has been used. We identify the wide conceptual space of interconnected meanings, finding that the inventory of diminutive meanings is historically conditioned and variable. The ideological role of the diminutive *Slovenčki* was established after 1991, when Slovenia as a formally independent state accepted a new capitalist future, and derives from the widely accepted premises of nationalistic discourse.

Ključne besede: Slovenčki, manjšalni pomen, manjšalna funkcija, kontekst, nacionalizem

Key words: Slovenčki, diminutive meaning, diminutive function, context, nationalism

1 UVOD

V prispevku želimo predstaviti pomene in funkcije manjšalnice *Slovenčki* v specifičnem tipu konteksta. Manjšalnica *Slovenčki* je izpeljana iz poimenovanja obstoječe socialne in politične entitete in se po semantični tipologiji, predstavljeni v Schneider in Strubel-Burgdorf (2011), umešča v semantično skupino N 'oseba' + -(č)ek > N 'prezira vredna oseba'.¹ Za semantično analizo smo

---

¹ To semantično skupino lahko identificiramo npr. tudi v Cankarjevih pripovednih besedilih: Čeh Steger v prispevku v pričujoči monografiji ugotavlja ironično vlogo osebnih lastnih imen za moški spol z obrazilom *-ek* in *-ček*.

uporabili Schneiderjev semantični model, ki se je izkazal za najprimernejšega za analizo različnih pomenov ene manjšalne oblike, in za analizo manjšalnih funkcij njegov pragmatični pristop k manjšalnicam (Schneider 2013). Schneiderjev pristop smo uporabili v kombinaciji s sodobnimi teorijami nacionalistične ideologije in identitetnih politik (npr. Balibar in Wallerstein 1991) ter teorijo (neoliberalnega) kapitalizma in njegove globalizacije (npr. Chossudovsky 2003, Harvey 2005), saj ugotavljamo, da raba manjšalnice *Slovenčki* v identificiranih pomenih sovпада z vpeljavo neoliberalne ekonomske politike v slovenski prostor in vznikom nacionalizma. Analizirali smo 30 besedil različnih besedilnih zvrsti, in sicer spletnih strani, blogov, spletnih forumov, spletnih portalov, kolumn, komentarjev, intervjujev in poročil, in sicer za časovno obdobje od leta 1991 dalje. Zaradi prostorske omejitve smo v ponazoritvah navedli zgolj izbrane zglede. V poglavju 2 predstavimo kategorijo manjšalnic in poudarimo nujnost analize manjšalnic v kontekstu, v poglavju 3 se posvečamo semantični in funkcijski analizi manjšalnice *Slovenčki* in njenemu družbeno-političnemu kontekstu, sklepe ugotovitve pa strnemo v poglavju 4.

2 MANJŠALNE OBLIKE V KONTEKSTU

Prototipične manjšalnice, tj. manjšalnice, za katere splošno velja, da so 'najboljši' primeri te kategorije, so samostalniki, izpeljani iz samostalnikov z dodajanjem pripone, ki funkcionira kot označevalec manjšalnosti (angl. *diminutivizer*). Pripona v tem primeru ne spreminja besedne vrste podstavne besede, kakor tudi ne njenega pomena. Pomen podstavnega samostalnika je zgolj modificiran z dodajanjem semantične komponente MAJHEN (Schneider 2013: 137–138). Ker prototipične manjšalnice ne nastanejo s postopkom navadne izpeljave, ampak s postopkom modifikacije, ne govorimo o navadnih, ampak o modifikacijskih izpeljankah (npr. Toporišič 2000: 185; Stramljič Breznik 2010: 54), kjer se besedna vrsta ohranja, pomen pa je samo modificiran. Stramljič Breznik (2010: 54) za te prototipe navaja, da ohranjajo tudi spol podstavnega samostalnika; sprememba spola je določena, kot ugotavlja, s pomenom vrednotenja (čustvenim pomenom). Poleg prototipične sufiksacije je v slovenskem jeziku opazen še en tip manjšalne formacije, in sicer perifrastična konstrukcija. Manjšalnice, tvorjene s tem postopkom, imenujemo sintaktične ali analitične manjšalnice (v nasprotju z morfološkimi oz. sintetičnimi manjšalnicami, ki nastajajo z morfološkimi postopki) (Schneider 2003: 7). Take manjšalnice praviloma sestojijo iz dveh sestavin, in sicer iz podstavne besede in neodvisnega manjšalnega označevalca, ki je pridevnik (*majhna hiša*) (Schneider 2013: 138).

Semantična analiza manjšalnic zahteva, kot poudarja Schneider (2013: 144), sistematično razumevanje vrste različnih, včasih tudi kontradiktornih pomenov, ki jih lahko izraža tudi ista manjšalna oblika. Ti pomeni vključujejo nevtralni pomen; ta izraža manjšo mero značilnosti podstave (Toporišič 1992: 100), tj. modificira pomen podstavne besede z dodajanjem sestavine MAJHEN z manjšalnim označevalcem (Schneider 2013: 140); ali vrednotenjski pomen,² ki lahko izraža pozitivno ali negativno vrednotenje, tj. pozitivno ali negativno stališče govorca/pisca do referenta (Schneider in Strubel-Burgdorf 2011, Schneider 2013).³ Schneider (2013: 144–145) vpelje idejo konceptualnega prostora manjšalnih pomenov in predpostavi, da so različni pomeni medsebojno povezani in temeljijo na odklonu od norme. Ta prostor vsebuje pojme ‘majhnosti’ v kvantitativnem, kakor tudi prenesenem pomenu in možna vrednotenja odstopa od norme, ki so lahko pozitivna ali negativna. Za inventar pomenov Schneider trdi, da se lahko diahrono spreminja, vsebuje medjezikovne variacije in se lahko razlikuje tudi glede na manjšalne označevalce. Schneider poudari, da je manjšalni pomen odvisen od konteksta in situacije, v kateri je manjšalnica rabljena, saj s proučevanjem izoliranih manjšalnic zunaj konteksta ni mogoče ugotoviti, kateri pomen v konceptualnem prostoru se aktivira z uporabo manjšalne oblike in je relevanten za njeno interpretacijo. Za vstopno točko v tipološke študije manjšalnic Schneider predlaga funkcijo manjšalnice, zlasti družbeno motivirane funkcije, ki jih manjšalnice izpolnjujejo v specifičnih tipih konteksta (Schneider 2013: 145–148).

3 SLOVENČKI IN ‘IZPRIČEVANJE SLOVENSTVA’

3.1 Analiza manjšalnega pomena

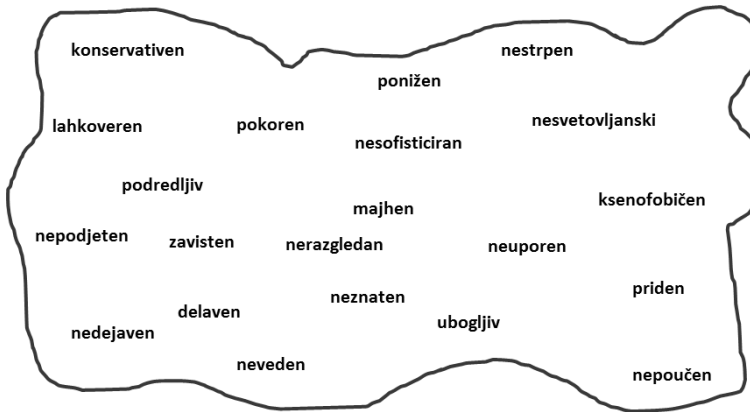
Semantična analiza manjšalnice *Slovenčki* je potrdila Schneiderjevo (2013: 144) opazko, da tudi ista oblika manjšalnice lahko izraža vrsto različnih pomenov. Na osnovi Schneiderjeve ideje konceptualnega prostora (Schneider 2013) smo identificirali konceptualni prostor manjšalnice *Slovenčki*; predlog tega prostora prikazuje Slika 1 (spodaj). Oblika nakazuje, da kategorija ni statična,

---

² Schneider (2013: 143–144) opozori na terminološko heterogenost in med alternativnimi termini navaja ekspresivni, čustveni, afektivni, konotativni, asociativni in kvalitativni pomen. V slovenistični jezikoslovni praksi prevladuje termin ekspresivni pomen (o uporabi kvalifikatorja ekspresivno in njegovih specifičnih podskupinah v slovenistični leksikografski praksi glej Stramljič Breznik 2013). Termin vrednotenjski pomen uporabi denimo Kržišnik (2013).

³ Toporišič (2000: 186) za par pozitivno – negativno vrednotenje ločuje pomenski skupini ljubkovalno-manjšalno in slabšalno-manjšalno (ironično).

ampak spremenljiva. Inventar pomenov, vključen v ta konceptualni prostor, je sestavljen na osnovi 30 analiziranih besedil in ni popoln, a vsebuje vse najpogostejše manjšalne pomene. Seznam pomenov manjšalnice *Slovenčki*, ki smo ga identificirali, se je oblikoval od leta 1991, tj. od formalne samostojnosti Slovenije oz. od neoliberalnega obrata v slovenski politični ekonomiji, torej ugotavljamo, da se seznam manjšalnih pomenov spreminja s spremembo družbeno-ekonomskega sistema. Skoraj celoten konceptualni prostor zavzemajo vrednotenjski pomeni, ti pa izhajajo iz obče sprejetih premis nacionalističnega diskurza. Nacionalistični diskurz, ki usmerja pomene manjšalnice *Slovenčki*, je namreč trdno vpet v kapitalistične države in je – sprva kot etnični nacionalizem, kasneje pa tudi v drugih oblikah – v Sloveniji (kakor tudi v drugih nekdanjih jugoslovanskih republikah) vzniknil po jugoslovanskem ekonomskem kolapsu, ki sta ga s ‘strukturnimi prilagoditvenimi programi’ povzročila Mednarodni denarni sklad in Svetovna banka (Chossudovsky 2003: 257–277). Po letu 1991 lahko spremljamo razmah nacionalizma v številnih oblikah, saj, kot piše Harvey (2005: 85), neoliberalna država za svoj obstoj potrebuje določeno vrsto nacionalizma.

Slika 1: Konceptualni prostor manjšalnice *Slovenčki*

Konceptualni prostor manjšalnice *Slovenčki* vključuje en sam nevtralni pomen, tj. pomen majhnosti, vendar pa se ta pomen manjšalnice pojavlja le izjemoma. Primer (1) je eden redkih, v katerih je zastopan:

- (1) *Slovenija je v mnogočem podobna Slovaški in obratno, vendar naši mali Slovenčki so pokazali, da imajo veliko srce. Njih je res več, ampak mi se ne damo. ... Velika zahvala staršem za podporo s tribun tudi v imenu fantov, ki so se borili na igrišču.* (Spletna stran nogometnega kluba Radomlje)

Manjšalnica *mali Slovenčki*, ki je tvorjena s kombinacijo sintaktične (analitične) in morfološke (sintetične) manjšalnice, se nanaša na otroke, ki predstavljajo otroško nogometno ekipo nogometnega kluba Radomlje na nogometnem turnirju v Bratislavi. Majhnost je komponenta, ki modificira pomen Slovenca – otroci so majhni, če jih primerjamo z velikostjo, ki velja za normalno, povprečno velikost odraslega Slovenca.

Manjšalnica *Slovenčki* ima v vseh drugih identificiranih pomenih vrednotenjski pomen, in sicer izraža negativno vrednotenje referenta, tj. negativno stališče govorečega/pišočega do referenta. Manjšalnica je pomensko zapolnjena z množico negativnih atributov in stereotipov, z vzpostavitvijo te vsebine pa lahko govoreči/pišoči označi vse tiste osebe, ki jih označuje manjšalnica, izpeljana iz besede Slovenec, kot negativne, ki vzbujajo nejevoljo in odpor in so vredne zaničevanja ali prezira, kot kažeta naslednja primera:

- (2) *Arih je prepričan, da grad potrebuje vzpenjačo po enaki logiki, kot poslovne zgradbe potrebujejo dvigalo. Vlavec, ki sicer na grad vozi vsako uro, se mu zdi smešen surogat. Ne gre namreč le za to, da bi obisk gradu omogočili invalidom in ostarelim. Gre za vizijo. »Slovenčki razmišljamo o vlakcu, ker je poceni. Ampak tako se ne pride na Luno in Mars.« (Mladina, 27. 2. 2005)*
- (3) *Tako obnašanje težko prenašajo slovenčki, preobremenjeni z zdravjem sosedove krave, ki so navajeni sesekati vsakega, ki kakorkoli štrli iz povprečja. Ki si upa stopiti iz skupine, kjer so jo dušili, iz kolektiva, ki naj bi bil osnova vsega, iz sistema nekakšne solidarnosti, ki je v boju za stopničke na vrhu sveta seveda ni. (Žiga Turk, zapis na blogu)*

Prvi primer (2) je iz Mladininega članka Dvigalo na grad, v katerem avtorica članka predstavlja argumente za tirno vzpenjačo na Ljubljanski grad, o kateri se je v ljubljanskem mestnem svetu odločalo leta 2005, in argumente proti njej. Manjšalnica *Slovenčki* ima v danem primeru pomen nepoučen (v kapitalistični logiki) in se nanaša na prebivalce in prebivalke Ljubljane, ki so privatizacijskemu projektu javno-zasebnega podjetja nasprotovali. Z vidika oglaševalca, ki je manjšalnico uporabil v svojem argumentu, ta del prebivalstva, ki je dejansko ogrožal zasebne podjetniške koristi, naj ne bi imel (kapitalistične) vizije prihodnosti. Pomanjkanje podjetne logike je pripisano tudi referentu manjšalnice v primeru (3), ki je del besedila z bloga Žige Turka, v katerem avtor zagovarja športno podjetništvo, tj. neoliberalne vrednote individualizma, tekmovalnosti in podjetnosti, ki naj bi jih poosebljali uspešni športniki in športnice, negativno pa vrednoti zagovornike socialističnih vrednot solidarnosti in kolektivizma.

Negativno vrednotenje je lahko poudarjeno s kombinacijo manjšalnice in vulgarizmov, denimo z zanikanjem frazema *imeti jajca*:

- (4) *Slovenčki so apatično ljudstvo, ki nimajo jajc nas zamenjati!* (Don Marko M, zapis na blogu)

Funkcijo poudarjanja negativnega vrednotenja ima tudi uporaba pridevnika pred manjšalnico, ki izraža pomen, ki ga ima v določenem kontekstu že sama manjšalnica *Slovenčki*: *špecarski Slovenčki, ubogi Slovenčki, ksenofobični Slovenčki* (špecarski, ubogi, ksenofobični Slovenci so namreč v določenem kontekstu *Slovenčki*).

Na tem mestu velja opozoriti na različne kontekste rabe pomena ksenofobičen, kakor prikazujeta naslednja primera:

- (5) *Spoznanje, da so policaji (po večini) butci, debili, šupki, pičke hinavske ali celo kurci od ljudi, boli, ker se dotika njega. Ne boli pa, ko se prav naši varuhi grobo lotevajo vseh ostalih: ponižujejo ženske, homoseksualce, črne, rumene, najraje pa seveda cigane in čefurje. Izkaže se, da je želja povprečnega slovenskega policista kot tudi kakšnega drugega predstavnika slovenskega naroda, Slovenčka, dobesedno vpeta v sam naslov romana: Čefurji raus!* (Spletni portal Maršev komentar)
- (6) *Ksenofobični Slovenčki* (Družina)

Prvi primer (5) je del besedila, objavljenega na spletnem portalu Maršev komentar, v katerem avtorica kritično ost usmeri na nacionalistične odzive na Vojnovičev roman *Čefurji raus!*, drugi primer (6) je naslov prispevka v Družinini rubriki *Naš komentar*, v katerem avtor zanikuje ksenofobično retorično izhodišče skrajne desnice in ksenofobijo pripiše prav kritikom desničarske populistične in klerofašistične retorike, konkretno kritikom Bajukovega in Rodetovega retoričnega diskurza in njegovega ideološkega konteksta. V primeru (5) se torej manjšalnica *Slovenčki* nanaša na Slovence, ki imajo izključevalen odnos do priseljencev iz nekdanjih jugoslovanskih republik, v primeru (6) na Slovence, ki izražajo kritiko ksenofobične agende slovenske desnice. Govorimo lahko o prenosu izraza iz levičarskega diskurza v diskurz desnice in s tem o postopku rekontekstualizacije, saj se pomen družbenega izključevanja zamenja s pomenom njegove dekonstrukcije.

3.2 Analiza manjšalne funkcije

Funkcijska analiza manjšalnice *Slovenčki* je pokazala, da so konteksti rabe, ki smo jih identificirali, medsebojno dopolnjujoči se in so del istega ideološkega diskurza. Manjšalnica *Slovenčki* je zmeraj (razen v redko izraženem nevtralnem pomenu) uporabljena v nacionalističnem diskurzu, v katerem pišoči/

govoreči graja, zaničuje ali prezira določene lastnosti, ki naj bi bile domnevno slovenske in naj bi ogrožale 'uspešno' prihodnost Slovenije. Raba manjšalnice *Slovenčki* torej nujno izdaja ideološki predznak pišočin/govorečih; ti izhajajo iz nacionalistične premise, iz točke, ki ni nevtralna, kakor se prikazuje, ampak je politično nevrtaična.

Začnimo z razlago ideoloških mehanizmov nacionalne identifikacije. Nacionalno identiteto razumemo kot obseg, v katerem se ljudje prepoznajo kot člani določenega naroda ali jih kot take prepoznajo drugi (Spencer in Wollman 2002: 57). Vendar pa določitve nacionalne identitete ni možno reducirati zgolj na najpreprostejšo formulo Slovenec = Slovenec, ampak potrebujemo matrico, ki vsebuje množico kvalitativnih atributov (Praprotnik 1999: 155). Kot trdi Gillis (1994: 5), je identiteta politični in družbeni konstrukt, »ni nekaj, o čemer bi razmišljali, ampak tisto, s čimer razmišljamo«, in kot taka »ne obstaja onkraj naših politik, naših družbenih odnosov in naših zgodovin«. V smislu razumevanja identitete kot procesa, kot načina razmišljanja o svetu se zdi bolj smiselno kot o identiteti, kot navaja Hall (1996), govoriti o procesih identifikacije. Žižek (1982: 31–33) razlaga nacionalno identifikacijo Slovencev z dejanjem ideološke interpelacije: slovenski narod nastopa kot subjekt izjavljanja interpelacije; posamezniki se vzpostavijo kot ideološki subjekti s tem, da se prepoznajo kot naslovniki interpelacije, da se torej prepoznajo za Slovence. Ideološki proces spremlja sprevid performativne razsežnosti. Če je klasična opredelitev performativa po Austinu izražena s formulo reči = storiti, potem lahko za performativno razsežnost dejanja ideološke interpelacije ponudimo obrazec: prepoznati se za (Slovenca) = postati to (Slovenec), za kar si se prepoznal (glej tudi Praprotnik 1999: 156). Vendar pa interpelacija ni nikoli nevtralna, ampak je vedno obarvana s spletom partikularnih potez, ki jih Slovenec »prevzame nase«, ko se prepozna v 'slovenstvu'. Prav ta konkretna obarvanost pa je predmet boja za to, kateri bo tisti »posebni eter potez, s katerimi se bomo identificirali ob odgovoru na vprašanje, 'kaj pomeni biti Slovenec'« (Žižek 1982: 34–35).

V nadaljevanju nas zanimajo procesi, ki jih sproža raba manjšalnice *Slovenčki*, kakor tudi ideološki mehanizmi, ki delujejo v ozadju teh procesov. Z vpeljavo manjšalnice se Slovence degradira na nekaj, kar je vredno grajanja, posmehovanja ali je boleča sramota, v istem zamahu pa se govorečemu/pišočemu pripenja nota superiornosti. Govoreči/pišoči kot nekaj posebnega se tako s pomočjo manjšalnice povzdigne nad množico 'negativnih' atributov in stereotipov, ki določajo Slovence. V tem procesu se torej realizira strukturna ločitev, nekakšno »rezanje gnilega od zdravega«, če uporabim Praprotnikovo sintagmo (Praprotnik 1999: 158), pri tem pa *Slovenčki* kot podrejeno nasprotje govorečega/pišočega niso zgolj nekaj negativnega, ampak je njihov drugotni

položaj pogoj za možnost vzpostavitve nadpozicije pišočega/govorečega. Za primer si oglejmo naslednji izjavi, ki se opirata na isti topos:⁴

(7) *Bravo Slovenčki! Podpirajte tujce, ker na koncu tudi za v Hofer Spar ali Eurospin ne boste imeli!* (Komentar na spletni strani Logatec.net)⁵

(8) *Res smo hecni slovenčki. Še vedno tako cankarjansko pohlevni, ko nas poboža tujec. Ne bomo srečni, dokler nas spet ne bo pobasal nekdo od zunaj.*(Matej Špear, zapis na blogu)⁶

V obeh primerih gre za tip argumentacije, ki se opira na topos politične kulture: 'ker slovensko politično kulturo označujeta podložnost in pokornost, se Slovenija sooča z grožnjo popolne izgube socialne in ekonomske varnosti'. S tem toposom pišoči vpelje predstavo o inherentni politiki pokornosti, ki naj bi določala dejanja navideznih pripadnikov skupine *Slovenčkov*. Ti naj bi s pokornostjo 'izpričevali slovenstvo', prav prek njih pa se pišoči identificira z nepokorljivostjo in s tem se diskurzivno postavlja ne le zunaj slovenske politične kulture, temveč nad njo. Pri tem ne gre za popoln izstop iz političnega kulturnega okvira, ampak za ostajanje na njegovem notranjem robu (v drugem primeru je to tudi morfološko izraženo s 1. os. mn.):⁷ pišoči slovenske politične kulture ne pojmuje kot tvorno jedro lastne identitete, saj naj bi njegova dejanja odražala avtonomno refleksijo.

Pišoči (in potencialni posamezniki, ki delujejo znotraj njegovega normativnega referenčnega okvira) tako s pomočjo manjšalnice osmišlja(jo) svoje bivanje kot 'zdravo, tvorno tkivo slovenske nacionalne države'. Ideološka vloga manjšalnice *Slovenčki* se je namreč vzpostavila, ko je Slovenija kot formalno samostojna država sprejela novo kapitalistično prihodnost in postala del »kapitalistične diverzitetne evropske periferije« (Bohle in Greskovits 2012). *Slovenčkom* se pripisuje funkcija neizpolnjevanja 'pozitivne' akcije, ta pa je pojmovana v širšem politično-ekonomskem kontekstu neokorporativne kapitalistične realnosti. Kaj šteje za 'pozitivno', je določeno z normativnim referenčnim okvirom in perspektivo pišočega/govorečega; raznolike perspektive (konservativna,

---

⁴ V teoriji argumentacije so *topoi* definirani kot 'pravila sklepanja', ki povezujejo argument oz. argumente z osrednjo trditvijo. Kot taka opravičujejo prehod od argumenta oz. argumentov k sklepu (Kienpointner v Reisigl in Wodak 2001).

⁵ Spletni komentar je bil objavljen pod novico o odprtju trgovine Hofer v Logatcu.

⁶ Zapis je nastal kot komentar k navdušenemu odzivu slovenskih medijev in spletnih uporabnikov na Googlovo storitev Pogled ulic (Street View). Rabo male začetnice lahko razumemo kot grafično poudarjanje degradacije.

⁷ 1. os. mn. je tudi sicer prevladujoča (»mi navadni Slovenčki«, »Slovenčki razmišljamo o vlakcu« ...).

liberalna, moralistična ...) se združijo na točki esencialističnega prepričanja o nacionalni identiteti.

Raba manjšalnice *Slovenčki* je torej utemeljena na predpostavki, da se problemov, s katerimi se soočamo v novonastali nacionalni državi, ne bomo znebili, dokler bomo ostajali zaklenjeni v tem, kar naj bi veljalo za slovensko identiteto. V skladu z rabo manjšalnice *Slovenčki* so nosilci netvornih in zaviralnih procesov vselej drugi, tj. tisti, na katere se manjšalnica nanaša, medtem ko naj bi bil uporabnik tega pojma sposoben kritične presoje, ki je drugi ne zmorejo. Vendar pa lahko vidimo, kako se je pri tem mogoče hitro ujeti v past. Če se povrnemo k primeru Marševega komentarja v (5), vidimo, da se avtorica sklicuje na nacionalistični diskurz, a ga sama vzpostavlja prav s tem, ko nacionalizem vzpostavi kot atribut nacije. Avtorica sicer izpostavlja problematiko družbenega izključevanja in diskriminacije, vendar jo zvaža na nacionalne karakteristike, s tem pa odmika pogled od sistemskih vzrokov problema, tj. od sistema ustvarjanja razlik in legaliziranega izkoriščanja. Zdrs v identitetno politiko je opazen tudi v primeru (9), kjer avtor slovenske migracije poveže z atributom neloyalnosti, nikakor pa ne z družbeno-ekonomskim sistemom, tj. s korporativno politiko kapitalizma, uničevanjem lokalnega gospodarstva in hierarhičnim segmentiranjem delovne sile:

(9) »*Slovenčki so očitno hitri, da zapustijo državo ko začnejo stvari iti narobe. v preteklosti sn poslušal na TVju kak slovinci ljubijo svojo državo, kako bi naredili vse za svojo državo, kak je slovenija najlepša država na svetu ... etc zdaj pa takoj bežijo ko se je stanje malo slabšalo. Kje je ta tako opevana narodna pripadnost, domoljublje, ponos do države in ljudi ...?*« (Komentar na spletnem forumu slotech)

Reinterpretacijo delovanja finančnega kapitala izkazujeta tudi zgleda (7) in (8), kjer avtorja prevlado globalnih ekonomskih interesov nad nacionalno ekonomijo pojmujeta kot del izolirane identitetne politike, ki naj bi bila zvedljiva na domnevno inherentno politiko pokornosti, ne upoštevata pa »nevidne roke« transnacionalnih korporacij, ki določa pravila trgovanja v skladu z logiko neoliberalizma kot obliko totalitarnega neomerkanilizma, po kateri vsi trgi, produkcijska sredstva, investicijske priložnosti, pravice in moč pripadajo zgolj in edino korporacijam (Werlhof 2008).

4 SKLEP

Na podlagi zapisanega lahko sklenemo, da raba manjšalnice *Slovenčki* v ideoloških pomenih, kot smo jih identificirali v besedilih po letu 1991, ko je s formalno samostojnostjo Slovenije prišlo do vpeljave neoliberalizma kot globalne

ekonomske politike in vznika nacionalizma, ne le krepi zavajajočo predstavo o nacionalni identiteti kot naravni in nespremenljivi kategoriji, ampak je tudi tesno povezana z diskurzivnimi procesi transformiranja družbenih praks, saj identificirane rabe usmerjajo zamenjavo sistemske kritike s kritiko domnevno nacionalnih karakteristik. Zamenjava (substitucija) kot eden od postopkov rekontekstualizacije (van Leeuwen & Wodak 1999) zamegljuje kapitalistične korenine problemov, s katerimi se soočamo, in posledično omejuje možnosti razumevanja narave procesov, ki vplivajo na preoblikovanje naših življenj. Problemi in situacije, ki jih izpostavljajo pišoči/-e, niso pojmovani kot del strukturiranja in ustroja kapitalistične družbe, ampak naj bi reflektirali 'slovenstvo'. S tem ko se določeni učinki izkoriščevalskega družbeno-ekonomskega sistema in nepravilnosti, ki jih le-ta ideološko proizvaja, vzpostavijo kot atributi nacije, se zapira prostor za analizo povezave med politiko neoliberalizma, njenim zgodovinskim ozadjem in njenim učinkom na družbeno-politično realnost Slovenije (kakor tudi Evrope in drugih delov sveta).

VIRI

ČAS-OPIS: Ustvarjalnost, podjetnost, samozavest: <<http://blog.zturk.com/>>.

Družina: <<http://www.druzina.si/ICD/spletnastran.nsf/tehdnik/tehdnik>>.

Logatec.net: <http://logatec.net/0-nova_5.5/>.

Don Marko M: <<http://markom.watoc.org/>>.

Maršev komentar: <<https://marsevkomentar.wordpress.com/>>.

Urša MATOS, 2005: Dvigalo na grad. *Mladina* 8. <<http://www.mladina.si/94578/dvigalo-na-grad/>>.

Nogometni klub Radomlje: <<http://www.nk-radomlje.si/>>.

slotech: <<https://slo-tech.com/>>.

Matej Špehar: <<http://www.matejspehar.si/>>.

LITERATURA

Etienne BALIBAR, Immanuel WALLERSTEIN, 1991: *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities*. London in New York: Verso.

Dorothee BOHLE, Béla GRESKOVITS, 2012: *Capitalist Diversity on Europe's Periphery*. New York: Cornell University Press.

Michel CHOSSUDOVSKY, 2003: *The Globalization of Poverty and the New World Order*. Quebec: Global Research.

Jožica ČEH STEGER, 2015: Manjšalnice kot prvina Cankarjevega jezikovnega stila. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 429–438.

John GILLIS (ur.), 1994: *Commemorations. The Politics of National Identity*. Princeton: Princeton University Press.

John HALL, 1996: How Homogenous Need We Be? Reflections on Nationalism and Liberty. *Sociology* 30/1, 163–171.

David HARVEY, 2005: *A Short History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.

Erika KRŽIŠNIK, 2013: Negativna vrednotenjska zazanamovanost leksemov v slovenščini. *Etika v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Ur. Aleksander Bjelčevič. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 11–20.

Tadej PRAPROTNIK, 1999: Nacionalna identiteta ni zapisana v genih, ampak v diskurzu. *Časopis za kritiko znanosti* 27/197, 151–174.

Martin REISIGL, Ruth WODAK, 2001: *Discourse and Discrimination*. London: Routledge.

Klaus P. SCHNEIDER, 2003: *Diminutives in English*. Tübingen: Niemeyer.

Klaus P. SCHNEIDER, 2013: The truth about diminutives, and how we can find it: Some theoretical and methodological considerations. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 10/1, 137–151.

Klaus P. SCHNEIDER & Susanne STRUBEL-BURGDORG, 2011: Diminutive -let in English. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 9/1, 15–32.

Philip SPENCER, Howard WOLLMAN, 2002: *Nationalism: A Critical Introduction*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2010: *Tvorjenke slovenskega jezika med slovarjem in besedilom*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 71).

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2013: Samostalniška leksika z ekspresivnimi kvalifikatorji v Slovarju novejšega besedja. *Družbena funkcijskost jezika: (vidiki, merila, opredelitve)*. Ur. Andreja Žele. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. 409–416.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: CZ.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.

Theo VAN LEEUWEN, Ruth WODAK, 1999: Legitimizing immigration control: A Discourse-Historical Analysis. *Discourse Studies* 1/1, 83–118.

Claudia VON WERLHOF, 2008: The Consequences of Globalization and Neoliberal Policies. What are the Alternatives? *Global Research*. <<http://www.globalresearch.ca/the-consequences-of-globalization-and-neoliberal-policies-what-are-the-alternatives/7973>>.

Slavoj ŽIŽEK, 1982: *Zgodovina in nezavedno*. Ljubljana: Cankarjeva založba.

SUMMARY

Meanings and Contexts of Use of the Diminutive *Slovenčki*: Creating the Imagined Non-community

In this paper I analyse the meanings expressed by the diminutive *Slovenčki* ('Slovene+-DIM'), i. e. the diminutive derived from the name of the existing social and political entity. According to the semantic groups identified by Schneider & Strubel-Burgdorf (2011), *Slovenčki* fit the pattern N 'person' + -let > N 'despicable person'. I identify the wide conceptual space of interconnected meanings which are constituted as opposition to the "positive" characteristics which appeal to the speaker/writer. As the analysis of the socially motivated functions, which the diminutive *Slovenčki* fulfills in the specific types of context, reveals, the characteristics can pass from the positive (normative) to the negative side of the dividing line, the normative framework of the speaker/writer being the identifier of the qualitative meaning. Despite the various, also seemingly opposing contexts of use revealed by the pragmatic analysis, the use of the diminutive *Slovenčki* also always implies the ideological position of the writer/speaker, since all diminutive functions derive from the widely accepted premises of nationalistic discourse. Indeed, the the diminutive *Slovenčki* does not only express a negative attitude towards the referent, it instead discursively constitutes national identity through the conceptual space of diminutive meaning which supposedly "bears witness" to "Slovenianness". Based on ideological logic, the diminutive *Slovenčki* in specific contexts becomes a means of recontextualisation, since it directs the substitution of systemic critique with a critique of the presumably national characteristics.

MELITA ZEMLJAK JONTES

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
melita.zemljak@um.si*

DRAGICA HARAMIJA

*Pedagoška in Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru,
Slovenija, Maribor, dragica.haramija@um.si*

Samostalniške manjšalnice v izbranih slovenskih mladinskih literarnih delih

Prispevek osvetljuje rabo samostalniških manjšalnic v izbranih izvornih slovenskih leposlovnih mladinskih delih in jezikoslovno analizo ter pomensko izražano manjšalnosti. Termin mladinska književnost vključuje besedila iz otroškega (do 9. leta) in mladinskega (do 16. leta) leposlovja. Analizirana besedila so bila izbrana po kriterijih izvirnosti (izvirna slovenska besedila), kakovosti (literarni kanon ali vrhunsko sodobno delo) in količinskem kriteriju glede na rabo manjšalnic (pogostejše v otroški književnosti). V mladinski književnosti imajo manjšalnice več funkcij, ki so odvisne predvsem od glavnega literarnega lika. Kadar je ali tudi ni glavni literarni lik otrok, lahko izražajo: a) negativno videnje oz. lastnost, b) pozitivno vedenje ali lastnost, ljubkovalnost, c) lahko pa le opis stanja majhnosti. Manjšalnice iz izbranih besedil so analizirane sinhrono obrazilno ter pomensko glede na slovarske priročnike slovenskega jezika (*SSKJ, SP*), pogostnost njihove rabe pa s pomočjo korpusa *Gigafida*.

The paper highlights the use of nominal diminutives in selected original Slovenian literary youth texts and linguistic analysis with semantic expression of the diminutive use. The term youth literature denotes the texts of the children (up to 9 years) and youth (up to 16 years) literature. The texts analysed were selected according to the criteria of originality (originally Slovenian texts), quality (literary canon or contemporary texts of the highest quality) and quantity with regard to the use of diminutives (more frequent in children literature). Diminutives in youth literature express various functions depending mostly on the main literary character. When the main character is or is not a child they can express: a) negative behaviour or feature, b) positive behaviour or feature, caress, c) merely describing the smallness. The diminutives of selected literary texts are analyzed synchronously, ie. morphemically and semantically compared to the lexical manuals of Slovenian language (*SSKJ, SP*) and the frequency of their use with the help of the *Gigafida* corpus.

Ključne besede: otroška književnost, mladinska književnost, manjšalnice, pomen manjšalnic

Key words: children literature, youth literature, diminutives, lexical diminutive meaning

1 Uvod

Prispevek osvetljuje rabo samostalniških manjšalnic v izbranih izvirnih slovenskih leposlovnih mladinskih delih skozi jezikoslovno analizo in pomensko izražanostjo manjšalnosti. Manjšalnice iz izbranih besedil so analizirane sinhrono, tj. obrazilno, ter pomensko kategorizirane in primerjane s slovarskimi priročniki slovenskega jezika (*Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ)*) in *Slovenski pravopis (SP)*), pogostnost njihove rabe pa je analizirana tudi s pomočjo korpusa *Gigafida*.

2 ANALIZA IZBRANIH BESEDIL

2.1 Vsebinska analiza

Termin mladinska književnost, uporabljen v naslovu prispevka, je nadpomenska in vključuje besedila iz otroškega (do 9. leta) in mladinskega (do približno 16. leta) leposlovja, pri čemer je upoštevan otrokov kognitivni razvoj, posledično pa tudi bralni razvoj otrok in mladostnikov.

Besedila so bila izbrana po naslednjih kriterijih:

- Kriterij izvirnosti: izbirali sva med izvirnimi slovenskimi besedili, prevodna dela niso upoštevana.
- Kriterij kakovosti: ob upoštevanju literarnozgodovinskih obdobj je sva izbrali mladinska besedila, ki tvorijo slovenski literarni kanon, in vrhunska sodobna literarna dela, ki so se v približno zadnjih dvajsetih letih uvrstila med nominirana ali nagrajena dela na Slovenskem. Pri kriteriju izbire glede na kakovost besedil sva se naslanjali na literarnozgodovinske preglede mladinske književnosti Alenke Glazer, Marjane Kobe, Milene Mileve Blažič, Igorja Saksida in Dragice Haramija.¹

---

¹ Alenka Glazer (1979: 5–20) izpostavlja v svojem pregledu periodizacije kot pomembne avtorje Frana Levstika, Otona Župančiča, Frana Milčinskega, Josipa Ribičiča, Toneta Seliškarja, Franceta Bevka, Antona Ingoliča, Prežihovega Voranca, Elo Peroci, Branko Jurca, Vido Brest, Pavleta Zidarja, Leopolda Suhodolčana, Franceta Forstneriča, Svetlano Makarovič, Polonco Kovač in Slavka Pregla. Ti avtorji tvorijo danes kanon slovenske mladinske književnosti. Tudi Marjana Kobe je v monografiji *Pogledi na mladinsko književnost* (1987) navajala iste avtorje do vključno prve polovice osemdesetih let 20. stoletja. Milena Mileva Blažič je v monografiji *Branja mladinske književnosti* (2011) izpostavila Anjo Štefan in Ido Mlakar ter še nekatere že omenjene prozaiste. Igor Saksida v članku *Sodobna slovenska mladinska poezija* (2006: 267–279) ob starejših avtorjih (npr. Gruden, Bor, Pavček, Kovič) predstavlja še Daneta Zajca, Jožeta

- Količinski kriterij: glede na pogostost rabe manjšalnic, saj se je ob zbiranju gradiva pokazalo, da je manjšalnic več v otroški književnosti kakor v književnosti za mladostnike.

V mladinski književnosti imajo manjšalnice več funkcij, ki so odvisne predvsem od glavnega literarnega lika (človek/otrok, žival, rastlina, predmet, nebesno telo ipd.), delno pa so te funkcije povezane tudi s književnimi vrstami ter posledično s starostjo mladega bralca, ki mu je delo namenjeno. Največ pomanjševalnic je v otroški poeziji in v pravljicah, najmanj v mladinskem romanopisju.

2.1.1 Otrok kot glavni literarni lik

Kadar je glavni literarni lik otrok, lahko manjšalnice izražajo njegovo negativno vedenje oz. lastnost, pozitivno vedenje ali lastnost ali ljubkovalnost, lahko pa le opis stanja, da je torej nekaj majhno.

2.1.1.1 Izražanje negativnega vedenje oz. lastnosti

Pojavlja se npr. v pesmi Toneta Pavčka: Dva Andreja, ki je zanimiva zaradi izražanja manjšalnosti z uporabo več (jezikoslovnih) sredstev, vse namenjeno zasmehovanju oz. izražanju jokavosti, preobčutljivosti, zasmehovanja: *Drejšček-Nejšček, mali možek*.

Tone Pavček: Dva Andreja (2007: 113)

Drejšček-Nejšček, mali možek / velik komaj tri pedi: / če se cmeri, se primeri, / da v solzah se izgubi. // Kadar pa Andrej se smeje, / zraste velik do neba. / Sonce jaše, v duše naše / trosi čistega zlata.

Snoja, Miroslava Košuto, Nika Grafenauerja, Milana Deklevo, Borisa A. Novaka, Bino Štampe Žmavc, Vinka Möderndorferja, Barbaro Gregorič Gorenc in Andreja Rozmana Rozo. Dragica Haramija v monografiji *Nagrajene pisave* (2012) obravnava Mateta Dolenc, Dušana Dima, Neli Kodrič Filipič, Majdo Koren, Polonco Kovač, Ferija Lainščka, Svetlano Makarovič, Marjano Moškrič, Deso Muck, Mojco Osojnik, Andrejo Peklar, Matjaža Pikala, Lilo Prap, Primoža Suhodolčana, Petra Svetino, Bino Štampe Žmavc, Janjo Vidmar, Dima Zupana ter nekatere že navedene avtorje.

2.1.1.2 Izražanje pozitivnega vedenja ali lastnosti, tudi ljubkovalnosti

Pojavlja se npr. v pesmi Jožeta Snoja Ptičica pa-pa: *mamica, ptičica, ročica, stezica*, pri čemer se manjšalnica pojavlja že v naslovu, vse manjšalnice pa nakazujejo skrbnost, prijaznost, domačnost in ljubeče okolje.

Jože Snój: Ptičica pa-pa (1996: 355–356)

Kadar mamica je v službi, / Vid je z malim Joštom v družbi. / Družba taka je beseda, / kadar Jošt za mamó gleda / skozi okno po stezici / in pa-pa drži v ročici. // Kaj pa je spet to: / pa-pa? / Ničesar ni videti, / nič ne tehta. / To je taka ptičica, / ki vidi jo le mamica. // Joštu je z dlani zletela, / mamico je obletela. / Okrog glave ji žgoli / in je v službo ne pusti.

Raba manjšalnic v naslovu literarnega dela se je pokazala kot pogosta v mladinski književnosti, še posebej v prozi, npr. *Kdo je napravil Vidku srajčico* Frana Levstika. V pravljici je Videk izrazito dober in pozitiven, zato si prisluži novo srajčico, pomanjševalnica *srajčica* pa opisuje stanje (kot je predstavljano v naslednjem podpoglavju).

2.1.1.3 Opis stanja majhnosti

Pojavlja se npr. v pesmih Nika Grafenauerja o dečku Pedenjpedu, kjer je že v naslovu zbirke vidna tvorjenka s prvim tvorjenim delom *pedenj*, ki je oznaka za majhno (*srajčko, hlače, čevlje*) ali pripadajoče (tvorjeno iz samostalnika: *mama, očka*; tvorjeno iz glagola: *pomoč*), ali oboje hkrati (*carstvo, slike, br-zovlak, postelja*). Vse to ne pomeni zgolj lastnine, ampak tudi funkcijo, npr. *pedenslika* ni le majhna slika, temveč hkrati pomeni sliko, ki jo je naslikal Pedenjped.

Zelo podobno funkcijo imajo tudi manjšalnice v pesmi Saše Vegri: *Malčki-palčki* (1996: 367–368):

Tovarišice v vrtcu / niso Sneguljčice, / čeprav so malčki / veliki kot palčki. / Ti malčki / ne kopljejo rude, / ti palčki / še vlečejo dude. / Ti malčkipalčki / sedijo pri majhni mizici, / na majhnem stolčku / in z žlico ropočejo / vsak po svojem lončku. / Zato se včasih zasliši, / kot bi palčki kopali / rudo v tej hiši. / In kdo ve, / če tovarišica morda / ni kdaj pojedla / rdeče zelenega jabolka / in če njen glavnik / nima strupenih zob in robov, / ker jo pred vrtcem čaka princ / in jo kot Sneguljčico / odpelje domov.

Punčka in velikan Neli Kodrič Filipić je zgodba o družinskem nasilju. Čeprav se imajo starši in otroci radi, se krog družinskega nasilja odvija in kar naprej ponavlja že od nekdaj. Glavna lika zgodbe sta neimenovana punčka in njen oče velikan, torej odrasli. Ta bi rad počival, deklica pa se igra in ga s tem moti,

zato postane jezen, vanjo zaluča kamen, ki sicer razpade na tisoče koščkov, a eden od njih se zarije deklici v srce. Ko deklica odraste, postane velikanka, ima sinčka, ki se razposajeno igra, ona pa bi rada v miru počivala. V strašni jezi zagleda njegove prestrašene oči, v katerih se zrcali nasilje davnih rodov. Velikanka začne jokati, sinček jo tolaži, morda jima bo uspelo prekiniti družinsko nasilje.

2.1.2 Drugi glavni literarni liki

Kot velja za dela, v katerih je glavni lik otrok, velja tudi za besedila, v katerih glavni literarni lik ni otrok, temveč so to živali, predmeti, nebesna telesa, rastline.

2.1.2.1 Izražanje negativnega vedenje oz. lastnosti

Med proznimi deli velja opozoriti na *Sovico Oka* Svetlane Makarovič, v katerem avtorica poudarja otrokovo neposlušnost, pa tudi neizkušenost, zaradi katere Oka, kot tipična nočna ptica, podnevi naleti na težave. Po istem principu je Makarovičeva opredelila z izbiro manjšalnice v lastnem imenu ali v naslovu pravljične karakterne lastnosti še nekaterih drugih likov, npr. *Razvajeni vrabček* (ničesar ne postori sam, čeprav bi lahko), *Mucek se umije* (mali razvajeni črni muc, ki sovraži umivanje, se vedno na vse pretege pritožuje, ko ga njegova mačja mamica umiva, muc svoje mame ne posluša in je ne uboga, zato ga ta ignorira, takrat pa se muc prvič umije sam in ugotovi, da je umivanje zelo prijetno, saj ob tem ves čas prede).

2.1.2.2 Izražanje pozitivnega ravnanja ali tudi lastnosti oz. ljubkovalnosti

Pojavlja se v pesmi Srečka Kosovele: *Bela mačica* (2004: 9):

Sonček boža tačice / naše bele mačice. / O, da je lenuška, / to pa ni resnica – / ona je predica. / Kadar naigra se, / za kolovrat sede, / zamiži in prede.

Sapramiška v delu Svetlane Makarovič prisluži vedenje o grmu čudežnih lešnikov, zato na koncu izvesi napis *Sapra*, najsrečnejša miš na svetu. Globoko humanost je čutiti v avtoričini pravljični *Veveriček posebne sorte*, kajti Čopkov telesni primanjkljaj pospeši razvoj njegovih intelektualnih sposobnosti. V pravljični *Prašičkov koncert* se Makarovičeva poigrava s karakterizacijo skozi

poimenovanja *pujsek*, *prašički*, *prašiči*, *prasci* in *svinjsko se vesti* (slednja pa ni več lastnost živali, temveč ljudi).

2.1.2.3 Opis stanja majhnosti

Pojavlja se npr. pri Srečku Kosovo: *medvedek*; *so res majhni kakor mucke, so li sladkosnedki*.

Srečko Kosovel: *Medvedi in medvedki* (2004: 12)

Kakšni so medvedki, očka, / so res sladkosnedi? / No, povejte, dragi očka, / kakšni so medvedki? // In povejte, dragi očka, / kakšni so medvedki? / So res majhni kakor mucke, / so li sladkosnedki? // Če ste videli zares jih, / bi jih s sabo pripeljali, / in z medvedki majhnimi / mi bi se igrali.

Peter Svetina je doslej izdal dve zgodbi o mrožku: *O mrožku, ki si ni hotel striči nohtov* in *Mrožek dobi očala*. V obeh delih je mrožek oznaka za majhno. Enako je tudi v pravljicah Anje Štefan, npr. v zbirkah *Štiri črne mravljice*, *Kotiček na koncu sveta*, *Melje, melje mlinček*.

2.2 Jezikoslovna analiza

Prispevek predstavlja teoretično opredelitev manjšalnic kot termina (manjšalnica oz. pomanjševalnica), prikaz manjšalniških obrazil, kot so zavedena v *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000), primere manjšalnic iz izbranih izvirnih slovenskih leposlovnih mladinskih del, tj. sinhrono (obrazilno) ter pomensko kategorizirano. Prispevek prikazuje pomene in pomensko primerjavo manjšalnic v različnih slovarskih priročnikih slovenskega jezika (*SSKJ*, *SP*), in sicer s pomočjo spletišča *Fran*, pogostnost njihove rabe pa je izkazana s pregledom pojavitev v korpusu *Gigafida*.

2.2.1 Terminologija manjšalnosti v normativnih priročnikih slovenskega jezika²

Manjšalnica je v slovenskem jezikoslovju definirana različno, za pričujoči prispevek bodo predstavljene definicije zgolj v normativnih priročnikih slovenskega jezika: *Slovenska slovnica* (Toporišič 2000), *Slovar slovenskega*

---

² Gl. še poglavje 2 Terminologija manjšalnosti v normativnih priročnikih slovenskega jezika v Pulko, Zemljak Jontes (2015: 518–520).

knjižnega jezika (SSKJ 2000), *Slovenski pravopis* (2001 (2010)) ter *Enciklopedija slovenskega jezika* (1992).

V temeljnem normativnem priročniku, tj. *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000), je v stvarnem kazalu moč najti naslednje termine, ki se nanašajo na manjšalnice: *manjšalni glagol*, *manjšalno*, *manjšalnodovršno glagolsko dejanje*, *manjšalno-ljubkovalni glagol*, *pridevnik*, *manjšalno-slabšalni glagol* ter *manjšalnostni pridevnik* (Toporišič 2000: 876–877). Vsi termini, razen *manjšalnodovršno glagolsko dejanje*, ki manjšalnost predstavlja z oblikoslovnega vidika, se nanašajo na tvorbo besed in so vključeni v poglavje Besedotvorje. V *Slovenski slovnici* termina *pomanjševalnica* in iz njega tvorjenih oblik besede ni zaslediti.

V *Slovenski slovnici* (Toporišič 2000: 185–186) so po spolu (moški, ženski srednji spol) zavedena obrazila za pomenske skupine manjšalnic:

- mladič, nedoraslo: *-(án)ec*, *ič*, *-ek*, *-ček*, *-è* (m. sp.); *-íca/-ica* (ž. sp.); *-è/(-e)* (s. sp.);
- manjšalno: *-c*, *-ec*, *-íc*, *-ič/-ič*, *-ek/-èk*, *-ček* (m. sp.); *-ca*, *-ica*, *-ka* (ž. sp.); *-ce*, *-ece*, *-iče*, *-ca*, *-eca* (s. sp.);
- ljubkovalnomanjšalno: *-c*, *-ec*, *-ič/-ič*, *-(č)e*, *-í*, *-ek*, *-ček*, *-(i)č*, *-ín*, *-ko* (m. sp.); *-ca*, *-ica/-íca*, *-(i)č*, *-ka*, *-i* (ž. sp.); *-è*, *-ce*, *-ece*, *-če*, *-ko*, *-ica* (s. sp.);
- slabšalnomanjšalno: *-ič*, *-ek*, *-ček* (m. sp.); *-ica* (ž. sp.); *-(č)e* (s. sp.).

V *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (2000) je zapisan termin *manjšálnica* in opredeljen kot »lingv. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti manjšalnice/rad govori v manjšalnicah«, najti pa je moč tudi termin *pomanjšévalnica*, opredeljen kot »lingv. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti pomanjšévalnice/rad uporablja pomanjšévalnice«.

V *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*² (SSKJ²) sta zapisana oba termina, torej *manjšálnica* kot »jezikosl. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti manjšalnice/rad govori v manjšalnicah« ter *pomanjšévalnica* kot »jezikosl. beseda, ki izraža pomanjšanje: tvoriti pomanjšévalnice/rad uporablja pomanjšévalnice«.

Tudi *Slovenski pravopis* (2001 (2010)) navaja oba termina, tj. *manjšálnica* kot »tvoriti ~e; ~ avtomobilček« in *pomanjšévalnica*, slednjega le označi s kvalifikatorjem jezikosl.

V *Enciklopediji slovenskega jezika* so zapisani termini *manjšalka* (ki se pojmovno nanaša na termin manjšalnica), *manjšalna priponska obrazila* in *manjšálnica*. Slednja je opredeljena kot (Toporišič 1992: 100) »t/vorjenka, zlasti samostalniška, ki s priponskim obrazilom izraža manjšo mero značilnosti

podstave, npr. *hiška* 'majhna hiša', *stopicati* 'drobno stopati', *drobcen* 'prav droben' nasproti *hiša*, *stopati*, *droben*. – Sopot. deminutiv.«

Razlika v pogostnosti rabe terminov *manjšalnica* in *pomanjševalnica* v korpusu *Gigafida* je več kot očitna in pravzaprav nepričakovana. Korpus *Gigafida* s 314 konkordancami oz. pojavitvami izkazuje pogostejšo rabo izraza *pomanjševalnica*, uradni v *Slovenski slovnici* (2000: 185, 204, 225, 353, 876, 877) normativiziran termin *manjšalnica* (in njegove besednodružinske tvorjenke *manjšalno*, *manjšalnost*, *manjšanje*) pa je rabljen redkeje, le s 101 konkordanco. Tudi pregled virov ter čas rabe kažeta na pogostejšo rabo termina *pomanjševalnica*; različnih virov za termin *manjšalnica* je le 9, za izraz *pomanjševalnica* pa kar 20, od tega je 9 primerov, v katerih se pojavlja prvi termin, sicer skupnih, vendar je *pomanjševalnica* rabljena daleč pogostejše. Časovna porazdelitev po letih od 1993 do 2011 kaže, da raba termina *manjšalnica* pada, raba izraza *pomanjševalnica* pa narašča v letih 2006 in 2007, sicer pa je moč zaznati relativno ustaljenost.

2.2.2 Funkcije manjšalnic

Manjšalnice v analiziranih besedilih so pregledane glede na funkcije, ki jih opravljajo bodisi z otrokom kot glavnim literarnim likom bodisi z drugimi glavnimi literarnimi liki: 1. izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti; 2. izražanje pozitivnega vedenja ali lastnosti, tudi ljubkovalnosti; 3. izražanje stanja majhnosti.

2.2.2.1 Izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti

Za izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti otroka kot glavnega literarnega lika je bilo v gradivu moč najti dve obrazili moškega spola (*-ček*, *-ek*).

Preglednica 1a: Izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti otroka kot glavnega literarnega lika

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
<i>-ček</i>	m	<i>Drejček-Nejček</i>	/	/	681/48
<i>-ek</i>		<i>(mali) možek</i>	ekspr. <i>manjšalnica</i> <i>od mož</i> (1/1)	člov. (6) manjš. ljubk. (1/1)	428

Obrazilo *-ček* se pojavlja za izražanje manjšalnosti dveh moških imen, *Drejc*, *Nejc*, ki sta sami zase že tvorjenki (*Andrej*). Nobene izmed manjšalnic ni moč

najti v slovarskem gradivu, se pa prva pojavlja pogosteje od druge v korpusu Gigafida.

Beseda *možek* v *SSKJ* ne izkazuje manjšalnosti, v *SP* pa je označena s kvalifikatorjem manjš. ljubk., kar kaže na možnost različnih interpretacij manjšalnosti v literaturi, saj je v literarnem delu rabljena izrazito negativno. Izpostaviti je treba še nakazovanje manjšalnosti tudi z rabo (običajno vrstnega) pridevnika, ((*mali*) *možek*), kar odpira vprašanje o potrebnosti dvojne manjšalnosti, ki je pomensko sicer odveč, a raba vendarle izkazuje.

Za izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti drugih glavnih literarnih likov je bilo v gradivu moč najti eno obrazilo moškega (-ček, -ek) in eno ženskega (-ica) spola.

Preglednica 1b: Izražanje negativnega vedenja oz. lastnosti drugih glavnih literarnih likov

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
-ček	m	<i>mucek</i>	ljubk. maček (1/2)	manjš.; ljubk. maček ; člov., ljubk. prikupen moški, otrok (1/1)	2.228
		<i>vrabček</i>	vrabčji mladič (1/2)	manjš. ~ je padel iz gnezda; poud. šče- bet ~ov na dvorišču vrabcev ; člov., ljubk. skrbeti za svojega ~a otroka	795
-ica	ž	<i>sovica</i>	/	/	327

Zanimivo je, da primer manjšalnice z ženskim obrazilom *-ica* ni zastopan v nobenem izmed primerjanih slovarjev, je pa v korpusu *Gigafida* večina pojavitev povezana prav z literarnim likom oz. delom.

2.2.2.2 Izražanje pozitivnega vedenja oz. lastnosti, tudi ljubkovalnosti

Za izražanje pozitivnega vedenja oz. lastnosti otroka kot glavnega literarnega lika je bilo v gradivu moč najti eno obrazilo moškega (-ek) in eno ženskega (-ica) spola, drugo zastopano z več primeri.

Manjšalnice *Videk* zagotovo ni bilo pričakovati v *SSKJ*, je pa bila pričakovana v *SP*, a ne izpričana; pojavitve v korpusu *Gigafida* se nanašajo na z literarni liko oz. delo.

Preglednica 2a: Izražanje pozitivnega vedenja oz. lastnosti, tudi ljubkovalnosti, otroka kot glavnega literarnega lika

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
-ek	m	Videk	/	/	190
-ica	ž	mamica	ljubk. <i>mama, mati</i> (1/1)	člov. manjš.; ljubk. <i>mama, mati</i> (1/1)	31.711
		ptičica	manjšalnica od <i>ptica</i> (1/1)	manjš. (1/1)	622
		ročica	manjšalnica od <i>roka</i> (1/4)	manjš. (1/2)	16.681
		stezica	manjšalnica od <i>steza</i> (1/1)	manjš. (1/1)	2.819

Pričakovano najpogosteje rabljena manjšalnica je *mamica*, pri manjšalnici *ročica* gre skoraj polovico pojavnosti pripisati drugemu izmed dveh pomenov ('prestava v avtomobilu'), kar pa že nakazuje manjšalnost v rabi strokovnega izrazja.³

Za izražanje pozitivnega vedenja oz. lastnosti drugih glavnih literarnih likov je bilo v gradivu moč najti dve obrazili moškega (-ček, -ek) in eno ženskega (-ica) spola.

Preglednica 2b: Izražanje pozitivnega vedenja oz. lastnosti, tudi ljubkovalnosti, drugih glavnih literarnih likov

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
-ček	m	prašiček	prašičji mladič (1/4)	manjš. povreči ~e (1/3)	3.641
		sonček	ekspr. manjšalnica od <i>sonce</i> (1/1)	manjš.; ljubk. <i>sonce</i> (1/1)	7.173
		Veveriček	/	/	148
-ek		Čopek	manjšalnica od <i>čop</i> (1/1)	manjš. (1/1)	663
		pujsek	prašičji mladič (1/2) ljubk. prašič (2/2)	manjš. prašičji mladič ; (1/3) ljubk. prašiča (2/3); člov., ljubk. umazan otrok (3/3)	4.793
-ica	ž	mačica	manjšalnica od <i>mačka</i> /ekspr. <i>mačko</i> (1/4)	manjš.; ljubk. <i>mačka</i> (1/3)	804
		tačica	manjšalnica od <i>taca</i> (1/1)	manjš. (1/1)	54

³ O manjšalnicah v slovenskem strokovnem izrazju pišeta A. Valh Lopert (2015: 598–611), N. Ulčnik (2015: 587–597).

SP vse analizirane besede označuje s kvalifikatorjem manjšalno, medtem ko sta besedi *prašiček* in *pujsek* v *SSKJ* kot mlado označeni le pomensko ('prašičji mladič'). Nekatere manjšalnice imajo vendarle tudi oznako pozitivnega, večinoma ekspr. in ljubk. (*sonček*, *pujsek*, *mačica*). Najpogosteje rabljene so manjšalnice *sonček*, *pujsek* in *prašiček*, slednji tudi zaradi več- oz. dvopomenskosti.

2.2.2.3 Izražanje stanja majhnosti

Za izražanje stanja majhnosti otroka kot glavnega literarnega lika je bilo v gradivu moč najti eno obrazilo moškega (*-ček*) in dve obrazili ženskega (*-ica*, *-ka*) spola, obrazilo moškega spola pa izkazuje več primerov.

Preglednica 3a: Izražanje stanja majhnosti otroka kot glavnega literarnega lika

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
<i>-ček</i>	m	<i>lonček</i>	<i>manjšalnica od lonec</i> (1/3)	manjš.	14.293
		<i>Malčekpalček</i>	/	/	/
		<i>malček</i>	ekspr. (<i>majhen</i>) <i>sin</i> (1+1/2)	člov. neobč. (<i>predšolski</i>) <i>otrok</i> (1/2)	22.037
		<i>palček</i>	v pravljičah <i>zelo</i> <i>majhnemu moškemu</i> <i>podobno bradato</i> <i>bitje</i> (1/3); nav. ekspr. <i>manjšalnica od palec</i> (1/1)	člov. 'palček' (1/1); manjš.; ljubk. palec (1/1)	9.828
		<i>sinček</i>	nav. ekspr. <i>manjšalnica</i> <i>od sin</i> (1/1)	manjš.; ljubk. sin (1/1)	4.104
		<i>stolček</i>	<i>manjšalnica od stol</i> (1/2)	manjš.	15.428
<i>-ica</i>	ž	(<i>majhna</i>) <i>mizica</i>	<i>manjšalnica od miza</i> (1/1)	manjš. (1/1)	7.066
		<i>srajčica</i>	<i>manjšalnica od srajca</i> (1/1)	manjš. (1/1)	383
<i>-ka</i>		<i>punčka</i>	<i>deklica, zlasti</i> <i>predšolska</i> (1/1)	člov. (1/1)	13.751

Vse manjšalniceso slovarsko izkazane s kvalifikatorjem za manjšalnost, izjema je le beseda *punčka*, ki je pomensko izražena kot 'deklica, zlasti predšolska'.

V gradivu se ponovno pojavi dvojno izražanje manjšalnosti, tokrat z lastnostnim pridevnikom ((*majhna mizica*), kar podkrepljuje rabo (kot pri (*mali možek*), ki pa sicer pomensko ni potrebna.

Daleč najpogosteje rabljena manjšalnica po korpusu *Gigafida* je *malček*, sledijo pa mu *stolček*, *lonček*, *punčka*, vse tudi sicer pogoste v rabi pri komunikaciji z otrokom.

Izpostaviti je treba še eno redkih predponskih obrazil za izražanje manjšalnosti, tj. *pedenj-*, ki je v *SSKJ* opredeljen le pomensko kot 'zelo majhna količina' (brez kvalifikatorja manjš.), v *SP* pa kvalifikatorske oznake ni zapisane. V povezavi s samim literarnim delom oz. likom *Pedenjped* se manjšalnica v 618 primerih pojavi tudi v korpusu *Gigafida*, od drugih '*pedenjtvorjenk*' pa je zaslediti le eno pojavitve besede *brzoslika*.

Za izražanje stanja majhnosti drugih glavnih literarnih likov je bilo v gradivu moč najti tri obrazila moškega (*-ček*, *-ek*, *-ka*) in eno ženskega (*-ka*) spola. Moškospolska obrazila izkazujejo največ različnih primerov rabe.

Preglednica 3b: Izražanje stanja majhnosti drugih glavnih literarnih likov

Obrazilo	Spol	Manjšalnica	SSKJ	SP	Gigafida
<i>-ček</i>	m	<i>kotiček</i>	nav. ekspr. manjšalnica od kot(ič) (1/4)	manjš.; publ. (2)	42.235
		<i>mliček</i>	ekspr. manjšalnica od mlin (1/4)	manjš. (1/2)	2.382
<i>-ek</i>		<i>medvedek</i>	manjšalnica od medved (1/3)	manjš.; čl. mlajši član taborniške organizacije (2)	8.575
		<i>sladkosnedek</i>	/	/	92
		<i>mrožek</i>	/	/	175
<i>-ka</i>		<i>očka</i>	ljubk. ata, oče (1/2)	manjš.; poud. očeh (1/2)	23.230
<i>-ka</i>	ž	<i>mucka</i>	ljubk. mačka (1/5)	manjš.; ljubk. mačka (1/4)	2.405

V zbiru manjšalnic izražanja stanja majhnosti drugih literarnih likov je opaziti največ manjšalnic, ki izražajo več pomenov, kar se posledično odraža na večji pojavnosti v korpusu *Gigafida*. Vse besede so označene s kvalifikatorjem manjš., izjema sta le *očka* in *mucka*, ki sta označeni le kot ljubkovalni, kljub

temu da bi težko trdili, da v analiziranih besedilih označujeta kaj več kot le izražanje stanja majhnosti.

3 SKLEP

Prispevek osvetljuje rabo samostalniških manjšalnic v izbranih izvirnih slovenskih leposlovnih mladinskih delih in jezikoslovno analizo ter pomensko izražanost manjšalnosti. Analiza izbranega gradiva je potrdila, da manjšalnice izražajo negativno vedenje oz. lastnost, pozitivno vedenje ali lastnost, ljubkovalnost, lahko pa le opis stanja majhnosti. Za izražanje manjšalnosti so najpogosteje uporabljena priponska obrazila za moški (-ček, -ek, -ka) in ženski (-ica, -ka) spol, predponsko obrazilo je bilo prepoznati le v enem tipu tvorjenk (*pedenj-*), obrazil za izražanje manjšalnosti za srednji spol pa gradivo ni izkazalo. Manjšalnost je v slovarjih večinoma izpričana s kvalifikatorjem manjš., redkeje je le opisana ali označena z drugim kvalifikatorjem za pozitivno/negativno.

Morda eden najlepših primerov rabe manjšalnic v slovenski mladinski književnosti je pesem Toneta Pavčka: Kaj je majhno in kaj veliko (1996: 299):

Majhno živi v mali šoli: / majhni razredi, / majhni vsevedi, / majhne petice, / majhne tovarišice / in naokoli / majhne stezice, / še manjši mravljinici / in majhne nožice / še manjši mezinci. / Majhno živi v mali šoli. // A male glave / rastejo vneto, / prerastejo z letom / male rokave, / male težave, / male besede, / male stezice, / male razrede, tovarišice / in mala šola ko lonec / počí. / Tedaj je majhnega konec. / In napoči / veliko.

VIRI

Srečko KOSOVEL, 2004: *Medvedki sladkosnedki*. Ljubljana: Mladinska knjiga (darilna izdaja Društva Bralna značka Slovenije – ZPMS).

Tone PAVČEK, 1996: Kaj je majhno in kaj veliko. *Sončnica na rami: pesmi za otroke od Frana Levstika do danes*. Ur. Niko Grafenauer. Ljubljana: Mladinska knjiga. 299–300.

Tone PAVČEK, 2007: *Pavček.doc: za domišljijško potovanje in domače branje*. Ljubljana: Rokus Klett (darilna izdaja Društva Bralna značka Slovenije – ZPMS). 113.

Jože SNOJ, 1996: Ptčica pa-pa. *Sončnica na rami: pesmi za otroke od Frana Levstika do danes*. Ur. Niko Grafenauer. Ljubljana: Mladinska knjiga. 355–356.

Saša VEGRI, 1996: Malčkipalčki. *Sončnica na rami: pesmi za otroke od Frana Levstika do danes*. Ur. Niko Grafenauer. Ljubljana: Mladinska knjiga. 367–368.

Dane ZAJC, 1996: Bela mačica. *Sončnica na rami: pesmi za otroke od Frana Levstika do danes*. Ur. Niko Grafenauer. Ljubljana: Mladinska knjiga. 303.

LITERATURA

Milena Mileva BLAŽIČ, 2011: *Branja mladinske književnosti: izbor člankov in razprav*. Ljubljana: Pedagoška fakulteta.

Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (Slovar slovenskega knjižnega jezika (2000), Slovenski pravopis (2001/2010)). Različica 2.0. 14. 1. 2015. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU. <www.fran.si>. Pridobljeno od 1. 6. 2015 do 30. 6. 2015.

Dragica HARAMIJA, 2012: *Nagrajene pisave: opusi po letu 1991 nagrajenih slovenskih mladinskih pripovednikov*. Murska Sobota: Franc-Franc.

Dragica HARAMIJA in Igor SAKSIDA, 2013: Metodologija interpretacije mladinske književnosti na Slovenskem. *Slavistična revija* 1/2013, 181–194.

Marjana KOBÉ, 1987: *Pogledi na mladinsko književnost*. Ljubljana: Mladinska knjiga (Otrok in knjiga).

Korpus Gigafida: <<http://www.gigafida.net>>. Pridobljeno od 1. 6. 2015 do 30. 6. 2015.

Simona PULKO, Melita ZEMLJAK JONTES, 2015: O Nežiki, Gumici, pesmici – ljubkovalno, slabšalno ali kako drugače? *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 517–532.

Igor SAKSIDA, 2006: Sodobna slovenska mladinska poezija. *Preseganje meje: zbornik Slavističnega društva Slovenije 17*. Ur. Miran Hladnik. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije. 267–279.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1993/94: Umetnostno besedilo kot izhodišče za obravnavo besedotvorja v osnovni šoli. *Jezik in slovstvo* 39/7–8, 341–345.

Natalija ULČNIK, 2015: Od prodajalnice do prodajalne. *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 587–597.

Alenka VALH LOPERT, 2015: Manjšalnice v terminološkem gnezdu *Slovarja slovenskega knjižnega jezika*². *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / Деминутивы в славянских языках: форма и роль / Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Ur. Irena Stramljič Breznik. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 113). 598–611.

Jože TOPORIŠIČ, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba. 100.

Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja. 185–186, 204, 225, 353, 876–877.

SUMMARY

Nominative Diminutives in Selected Slovenian Youth Literary Texts

The paper highlights the use of nominal diminutives in selected original Slovenian literary youth texts and linguistic analysis with semantic expression of the diminutive use. The analysis proves that diminutives express: negative behaviour or feature, positive behaviour or feature, caress and merely the situation of something being small. The most commonly used affixes for expressing diminutiveness are masculine (-ček, -ek, -ka) and feminine (-ica, -ka) suffixes, only one prefix (*pedenj-*) can be found and no neutral affixes. The most commonly used qualifier to express diminutiveness is *manjš.*, rarely also merely described or qualified with a positive/negative qualifier.

ZINKA ZORKO

SAZU, Slovenija, Ljubljana, zinka.zorko@um.si

MELITA ZEMLJAK JONTES

*Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, Slovenija, Maribor,
melita.zemljak@um.si*

Samostalniške manjšalnice v delu Vilka Novaka *Slovar stare knjižne prekmurščine*

Razprava obsega 148 po abecednem vrstnem redu izpisanih samostalniških manjšalnic iz slovarja Vilka Novaka *Slovar stare knjižne prekmurščine* (izšel v Ljubljani leta 2006 in zajema izbor virov iz obdobja od 1715 do 1886 z izpisanimi 25 jezikovno, avtorsko in vsebinsko najznačilnejšimi deli) za pomen: človek, žival, rastlina, predmet in pojem. Prispevek prinaša rezultate raziskave pomenov analiziranih manjšalnic in pregled tipičnih samostalniških končajevev.

The discussion comprises 148 alphabetically extracted diminutive noun forms written in Vilko Novak's *Dictionary of Old Literary Prekmurje Language* (published in Ljubljana in 2006, including the selection of sources from the period from 1715 to 1886 with 25 most typical language, authoring and content works) for meanings: human, animal, plant, object and concept presenting the diminutive semantics and typology of the diminutive noun endings.

Ključne besede: samostalniške manjšalnice moškega spola, samostalniške manjšalnice ženskega spola, samostalniške manjšalnice srednjega spola, končaji pri manjšalnicah

Key words: diminutive masculine noun forms, diminutive feminine noun forms, diminutive neutral noun forms, diminutive endings

0 O SLOVARJU STARE KNJIŽNE PREKMURŠČINE

Vilko Novak je ob sodelovanju Komisije za historične slovarje Inštituta za slovenski jezik pri Slovenski akademiji znanosti in umetnosti prevzel delo za *Slovar stare knjižne prekmurščine*, ki je izšel v Ljubljani leta 2006. Po izboru virov iz obdobja od leta 1715 do 1866 je izpisal besedje iz 25 jezikovno,

avtorsko in vsebinsko najznačilnejših del. Največ je verskih besedil (11), sledijo učbeniki in vzgojne knjige (8), zgodovino obravnavata dve besedili, ljudske običaje pa eno delo. Popolno so bila izpisana štiri dela: Ferenc Temlina *Mali katechismus* iz leta 1715 in *Abececlarium szlowenszko* iz leta 1725, *Réd zve-licsánstva* Mihala Severja iz leta 1747 in Števana Küzmiča *Vöre krsztánszke krátki návuk* iz leta 1754. Kartoteka za *Slovar* ima okrog 160.000 izpisov. Slovar obsega 14.880 iztočnic in 2.407 podiztočnic in je tip zgodovinsko-narečnega slovarja. Zapisana so tudi osebna, zemljepisna in stvarna lastna imena. Slovar obsega 947 strani.

1 V razpravi so po abecednem vrstnem redu izpisane samostalniške manjšalnice za pomene: človek ali deli človeškega telesa, živali, rastline, predmeti in pojmi. Vseh samostalniških manjšalnic v *Slovarju* je 148.

1.1 Manjšalne besede za človeka ali dele človeškega telesa

V *Slovarju* je zapisanih 41 manjšalnih samostalnikov: *angjelček* 'angelček', *babica* 'stara mati', *Bogorodica* 'Kristusova mati', *bogec* 'malik', *bogica* 'boginja', *bratec* 'tovariš, prijatelj', *čobica* 'majhna ustnica', *čontica* 'koščica', *dečica* 'otročički', *dedek* 'ded', *dekličina* 'deklica', *dejtece* 'otrok', *devojka* 'deklica', *domoljubec* 'domoljub', *dovica* 'vdova', *družinica* 'služabniki', *gospodič* 'gospod', *hlapica* 'dekla', *kimpeterica* 'otročnica', *koužica* 'koža', *kralič* 'kraljevič', *krvčica* 'kri', *lampice* 'ustece', *pastaričica* 'pastirica', *pojbiček* 'fantek', *prijateljkinja* 'prijateljica', *prorokica* 'prerokinja', *punica* 'tašča', *rokica/ročica* 'rokica', *sinko/sinek* 'sinček', *sirotič* 'revež', *spanjačica* 'priležnica', *starica* 'starka', *stričič* 'bratranec', *tetica* 'teta', *tivarišica* 'zakonska družica', *vertek* 'gospodar', *zimice* 'obrv', *ženička* 'ženica'.

1.2 Manjšalne besede za živali

V *Slovarju* je zapisanih 31 manjšalnih samostalnikov: *agnečec* 'jagnje', *bižica* 'kamela', *božika* 'pikapolonica', *braviček* 'prašiček', *črvič* 'črvek', *fčelica* 'čebela', *fliček* 'ptiček', *fličica* 'ptičica', *golobek* 'golobček', *ivanščica* 'kresnica', *konjič* 'konjiček', *kozlič* 'kozliček', *kukujca* 'kukavica', *lastvica* 'lastovka', *le-tanca* 'ptičje krilo', *metulec* 'metulj', *minica* 'hrošč', *mišica* 'mušica', *oselnica* 'oslica', *ovčica* 'ovčka', *pesič* 'psiček', *repiščica* 'sinica', *ribica* 'riba', *skriček* 'hrček', *slaviček* 'slavček', *stvaričica* 'majhna žival', *šaška* 'žuželka', *telčič* 'teliček', *vranič* 'vrani mladič', *žibek* 'gosji mladič', *živinče* 'večja žival'.

1.3 Manjšalne besede za rastline

V *Slovarju* je zapisanih 18 manjšalnih samostalnikov: *bajžolek* 'bazilika', *borojca* 'brinje', *cvejtice* 'cvetje', *detelca* 'vdetelja', *grozlek* 'grozd', *jalič* 'smreka', *kličica* 'bilka', *klinček* 'nagelj', *korenička* 'korenina', *marjetica* 'cvetlica', *modrica* 'plavica', *mŕkevca* 'korenje', *retkvica* 'redkev', *rožica* 'roža', *tikevca* 'buča', *travica* 'trava', *tulipaneč* 'tulipan', *violica* 'vijolica'.

1.4 Manjšalne besede za predmete

V *Slovarju* je zapisanih 43 manjšalnih samostalnikov: *bečka* 'kad', *bilica* 'jajce', *blanjica* 'deščica', *blazinica* 'pernica', *borovička* 'brinjevec', *brežič* 'hribček', *grmič* 'grm', *deskič* 'škodla', *drobtinica* 'drobtina', *dverca* 'vrata', *falačiček* 'košček', *flaška* 'steklenička', *gumilica* 'griček', *garice* 'voziček', *glažek* 'kozarček', *hütica* 'koča', *kefica* 'šop las', *kleščice* 'klešče', *klünčec* 'kljunček', *kolačec* 'hlebček', *kopanjica* 'koritce', *kranščak* 'klobuk', *krtnica* 'krtina', *lampica* 'svetilka', *logič* 'gozdič', *motvozec* 'vrvica', *nastelca* 'stelja', *navünica* 'uhan', *pušlič* 'šopek', *rebernica* 'lojtrnica', *rejpnica* 'zasipnica', *rinkec* 'obroček', *rožec* 'mavrica', *sklečica* 'skleda', *spičica* 'bodica', *srakica* 'srajca', *stanica* 'soba', *stolica* 'klop', *šibica* 'majhna šiba', *valek* 'valjar', *vodica* 'voda', *vrtnica* 'ozara', *žebka* 'žep'.

1.5 Manjšalne besede za pojme

V *Slovarju* je zapisanih 15 manjšalnih samostalnikov: *risalščak* 'maj', *jürješček* 'april', *ivajnšček* 'junij', *jakobšček* 'julij', *andrenšček*, *vsesvetček* 'november'; *dokonček* 'končnica', *dvajščica* 'dvajsetica', *mŕzlanca* 'mraz', *mlačica* 'mlakica', *molitvica* 'molitev', *süknjice* 'koze – bolezen', *vesnica* 'vas', *zgübiček* 'izguba', *zorjenice* 'svitnice'.

2 KONČAJI MANJŠALNIC

Samostalniške manjšalnice izražajo svoj pomen z različnimi končaji: pomen človeka ali delov človeškega telesa s sedmimi različnimi končaji, pomena živali in rastlin s šestimi, pomen predmetov s petimi različnimi končaji in pomen pojmov z le dvema različnima končajema.

2.1 Končaji manjšalnic za pomen človeka ali delov človeškega telesa

Zbrano slovarsko gradivo izkazuje rabo sedmih različnih končajev:

- končaj *-ek*: *angjelček, dedek, Ivek, pavlek, peklenšček, pojbiček, sinek, vertek*;
- končaj *-ec*: *bogec, bratec, domoljubec, škratec*;
- končaj *-ič*: *gospodič, kralič, stričič*;
- končaj *-ko*: *dečko, sinko*;
- končaj *-ka*: *deklička, devojka, ženička*;
- končaj *-ica*: *bogica, čobica, čontica, dovica, družinica, Katica, koužica, nožičica, pastaričica, rokica, starica, tetica*;
- končaj *-ce*: *dejtece*.

Za moški spol so v rabi končaji *-ec, -ek, -ič* in *-ko*, za ženski spol sta uporabljena končaja *-ka* in *-ica*, za srednji spol pa je v *Slovarju* zapisan le končaj *-ce*.

2.2 Končaji manjšalnic za živali

Zbrano slovarsko gradivo izkazuje rabo šestih različnih končajev:

- končaj *-ec*: *agnec, agnečec, metülec*;
- končaj *-ek*: *braviček, golobek, praščiček, psiček, žibek*;
- končaj *-ič*: *črvič, kozlič, pesič, telčič, vranič*;
- končaj *-ka*: *božika, miška*;
- končaj *-ica*: *fčelica, kukujca, lastvica, minica, mišica, ovčica*;
- končaj *-če*: *živinče*.

Za moški spol so v slovarski rabi zapisani končaji *-ec, -ek* in *-ič*, za ženski spol sta uporabljena končaja *-ka* in *-ica*, za srednji spol pa je v *Slovarju* zapisan le končaj *-če*.

2.3 Končaji manjšalnic za rastline

Zbrano slovarsko gradivo izkazuje rabo šestih različnih končajev:

- končaj *-ek*: *bajžolek, grozlek, grmiček, mleček, tulipaneč*;

- končaj *-ec*: *klinčec*;
- končaj *-ič*: *cvetič, jalič, grmič*;
- končaj *-ica*: *kličica, marjetica, modrica, retkvica, rožica*;
- končaj *-ca*: *borojca, detelca, mrkevca, tikevca*;
- končaj *-ička*: *korenička*.

Za moški spol so v slovarski rabi izkazani končaji *-ec*, *-ek* in *-ič*, za ženski spol so zapisani končaji *-ica*, *-ca* in *-ička*, za srednji spol pa v *Slovarju* ni zapisanih končajev.

2.4 Končaji manjšalnic za predmete

Zbrano slovarsko gradivo izkazuje rabo petih različnih končajev:

- končaj *-ka*: *bečka, borovička, flaška, drevenka, remenka*;
- končaj *-ica*: *bilica, blanjica, blazinica, drobtinica, hižica, gumilica, garica, kefica, kitica, kolica, kŕtnica, lampica, lesfica, lüknjica, merica, stolica, šibica*;
- končaj *-ec*: *breščec, kolačec, robčec, rinkec, zvonec*;
- končaj *-ič*: *deskič, kamrič, logič, pušlič*;
- končaj *-ek*: *deždžek, glažek*.

Za moški spol so v slovarski rabi izkazani končaji *-ec*, *-ek* in *-ič*, za ženski spol sta uporabljena končaja *-ka* in *-ica*, za srednji spol pa v *Slovarju* ni zapisanih končajev.

2.5 Končaji manjšalnic za pojme (imena mesecev)

Zbrano slovarsko gradivo izkazuje rabo zgolj dveh različnih končajev:

- končaj *-šček*: *andrenšček, jürješček, ivanšček, jakobšček*;
- končaj *-ica*: *mlačica, molitvica*.

Za moški spol je v slovarski rabi izkazan končaj *-šček*, za ženski spol *-ica*, za srednji spol pa v *Slovarju* ni zapisanih končajev.

3 BESEDOTVORJE SAMOSTALNIKA

Akademik prof. dr. Jože Toporišič v svoji znanstveni monografiji *Besedjeslovne razprave* (2006) prikazuje slovensko tradicionalno besedotvorje samostalnika tako, da izhaja iz pripon (priponskih obrazil) s karakterističnim glasom in ob različnih podstavah ugotavlja pomenske kategorije tvorjenk z obrazili. Natančno so obdelane izpeljanke iz pregibnih besednih vrst in pomeni z modifikacijo podstave. Posebej so obdelani pomeni modifikacij podstave, med njimi tudi manjšalnost, manjšalnost-ljubkovalnost, manjšalnost-podcenjevalnost. V obravnavanem delu *Slovar stare knjižne prekmurščine* je zapisanih veliko manjšalnic, ki izražajo ljubkovalnost, le redko slabšalnost in podcenjevalnost.

VIRI IN LITERATURA

Vilko NOVAK, 2006: *Slovar stare knjižne prekmurščine*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU.

Francek MUKIČ, 2005: *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely: Zveza Slovencev na Madžarskem.

Marko SNOJ, 1997: *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga.

Jože TOPORIŠIČ, 2006: *Besedjeslovne razprave*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Zinka ZORKO, 2009: *Narečjeslovne razprave o koroških, štajerskih in panonskih govorih*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 64).

SUMMARY

Diminutive Nouns in Vilko Novak's *Dictionary of Old Literary Prekmurje Language*

Vilko Novak, in cooperation with the Commission for historical dictionaries of the Institute of the Slovenian language at the Slovenian Academy of Sciences and Arts, drew together the *Dictionary of Old Literary Prekmurje Language* (published in Ljubljana in 2006). According to the selection of sources from the period from 1715 to 1886 he found 25 most typical language, authoring and content works. Most of them are religious texts (11), followed by textbooks and educational books (8), history is covered in 2 texts and folk traditions in one work. Four works have been fully covered. The base for the dictionary has about 160,000 hits. The dictionary comprises 14,880 headwords and 2,407 sub-entries. It is a historical-dialectal dictionary and includes personal and geographical names and proper nouns. Dictionary comprises 947 pages.

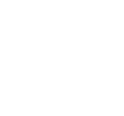
The discussion comprises alphabetically extracted diminutive noun forms for meanings: human, animal, plant, object and concept. There are 148 diminutive noun forms in the *Dictionary*.

Material: *angelček, bogec, bogica, čobica, čontica, dovica, gospodič, hlapica* 'dekla', *nožičica, sinko, tetica, ženička; ogneček, božika* 'pikapolonica', *ftičica, praščiček, telčič; cvetič, detelca, grozlek, klinček, tikevca, beličnica* 'jajčece', *falačiček* 'košček', *glažek, kolaček, ogradček, špičica, srakica, jakobšek* 'julij', *süknjice* 'bolezen-koze'; *Ivek, Margeca, Marika, Pavlek, Rozika*.

Mostly it comprises diminutive nouns with endings: *-ec, -ek, -ič, -ko, -ka, -ca, -ica*.

IZID MONOGRAFIJE SO OMOGOČILI

Univerza v Mariboru

Filozofska fakulteta

CICERO, Begunje

Krka

Mariborski vodovod

Moja naložba

Nova KBM

Občina Cerkevjak

Staninvest d.o.o.

Oddelek za slovanske jezike in književnosti

Oddelek za prevodoslovje

Slavistično društvo Maribor

Red. prof. dr. Irena Stramljič Breznik
(Programska skupina P6-0156)

TAJA, Tanja Kocjan, s. p.

